

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

(Callan)

32I7

*QC

152

*20A

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ

**СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,**

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Биратыяского. Барона Брамбеуса. О. В. Бул-
гарина. А. О. Воейкова. О. Н. Глинка. Н. И. Греча. В. И. Григоро-
вича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковского. М. Н.
Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовского. Н. В. Кирѣевскаго.
Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника.
М. Е. Лобавова. М. А. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлин-
скаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С.
Норова. Кн. В. О. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А.
Плестева. М. П. Погодина. А. Погорѣльскаго. Н. А. Полеваго. А. С.
Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина.
О. И. Сеяковскаго. И. Н. Скобедева. И. М. Сигирева. Н. Г. Устря-
лова. В. А. Ушакова. Б. М. Оедорова. Гр. Д. И. Хвостова. Кн. А. А.
Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова.
В. Н. Шастваго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева.
И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

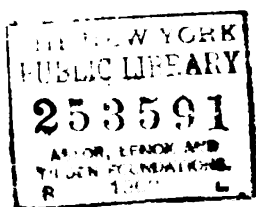

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

и

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Мая 31 дня.

Ценсоръ *Никитенко*.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петръ Великій подъ Фридрихштатомъ. Драматическое стихотвореніе въ двухъ явленіяхъ. <i>Н. И. Кукольникъ</i>	1.
Улинь и его дочь. <i>В. А. Жуковского</i>	31.
Къ Эмме, изъ Шиллера. <i>Н. И. Козлова</i>	109.
Дубъ въ Петергофѣ. Водопадъ. <i>А. Якубовича</i>	109.
Хлопоты. <i>А. Булгакова</i>	111.
Сонеты — Пиръ Природы. Голосъ безсмертія. Прометій. Пандора. Отголосокъ соловья. <i>Н. И. Бутырскаго</i>	112.
Воклюзскій источникъ, Сонетъ. <i>М. Деларю</i>	115.
Все обманъ! Разсказъ въ пяти Сонетахъ. <i>Н. И. Бутырскаго</i>	116.
Завѣщаніе. <i>П. Суслова</i>	119.
Всадникъ. <i>А. Комирова</i>	122.
Умирающій Гейдукъ, Илирійская Баллада. <i>Н. И. Козлова</i>	123.

ПРОЗА.

Ядь. Черты изъ частной жизни. <i>Ө. В. Булгарина</i>	33.
Старые анекдоты Русскаго Инвалида. <i>Н. Н. Скобелева</i>	55.
Мореходъ Никитинъ. Быль. <i>А. Марлинскаго</i>	65.
Сельцо Дятлово, Уездныя сцены <i>В. А. Ушакова</i>	125.
Можетъ ли это быть. Повѣсть. <i>Шибалева</i>	181.
Поездка въ Кокенгаузенъ. <i>Манасеина</i>	203.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О ходѣ Словесности въ Англіи съ начала XIX столѣтія, и ея вліяніи на другія Словесности. Изъ <i>Dublin University Magazine</i>	1.
Сто тысячъ первая и послѣдняя Повесть. Статья Жюль-Жанена. Изъ <i>Revue de Paris</i>	55.
Любимыя Собаки. А. Ситниковой	67.
О состояніи Французской Драмы. Изъ <i>Quarterly Review</i>	73.
Tutti frutti. Новое сочиненіе Князя Пюклеръ-мускау.....	89.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Описаніе Россійской Арменіи. Статья Г. Клапрота. Изъ <i>Nouvelles Annales des Voyages</i>	1.
Ганза, ея законы и факторіи. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	21.
† Вступленіе на Престолъ Царя Михаила Теодоровича Н. А. Полеваго.....	45.
Гиббонъ, Шатобріанъ и Боркъ. Изъ <i>Quarterly Review Fran, caise Magazine Revue Britannique</i>	71.
Плаваніе около мыса Доброй Надежды. Изъ <i>Записокъ Базилъ Галля</i>	105.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Практическія замѣчанія объ укатываніи пахотныхъ полей, и о каткахъ для этого употребляемыхъ....	1.
Составъ искусственнаго навоза.....	3.
Цементъ для выстилки токовъ въ гумнахъ, помостахъ, теплицахъ, избахъ, и проч.....	4.
Питательныя катышки для охотничьихъ лошадей.....	5.
Вѣрное средство истреблять папоротникъ и другія растенія.....	6.
Выгодный способъ прожаривать Турецкіе бобы....	6.
О наградахъ за крашеніе бумажныхъ матерій крапомъ и мареною.....	7.
Новый приборъ для точенія бритвъ.....	12.
Самый простой способъ красить шерсть и сукна въ синюю краску.....	14.

О приготовленіи сыровъ, Швейцарскаго и Пармезана. <i>Н. П. Филиппова</i>	15.
Вѣрный способъ сохранять дрожжи на долгое время....	29.
Легкій способъ варить лучшее бѣлое пиво на манеръ Англійскаго.....	30.
Средство для истребленія моли.....	31.
Средство укрощать быковъ (съ рисункомъ).....	32.

V.

КРИТИКА.

Основанія Словесности Г. Глаголева.....	1.
Өмы Кемпійскаго, О подражаніи Христу.....	7
Черная женщина, Романъ, <i>Н. И. Греча</i>	17.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги. <i>Май</i> , 1834.....	1.
— <i>Іюнь</i> , 1834.....	21.
Разныя извѣстія. <i>Май</i> 1834.....	15.
— <i>Іюнь</i> 1834.....	34.
Русскій театръ въ С-Петербургѣ. <i>Май</i> 1834. Заемныя жены. — Женихъ лунатикъ.....	18.
— <i>Іюнь</i> 1834. Морской разбойникъ, Цампа. — Оцѣпленіе. — Другъ и любовникъ.....	36.

VII.

СМѢСЬ.

Луна, Земля и люди.....	1.
Наблюденія въ желудкѣ одного Американца.....	5.
Смертныя дома.....	11.
Секта накатчиковъ.....	13.
Островъ Куба.....	20.
Языкъ птицъ.....	22.
Хилійскій кротъ.....	24.
Барсовая охота.....	25.
Кошка естественныя испытательница.....	30.
Сравненіе птичьяго глаза съ человѣческимъ.....	31.
Карлъ Брюкловъ въ Парижѣ.....	32.
Императорская Академія Наукъ. Демидовскія преміи.	57.
Парижская Академія Наукъ. Ботаническія и зоологическія наблюденія Г. д'Орбиньи. Планиметръ.....	58.

Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новыя изслѣдованія о физиологій мозга.....	61.
Гг. Даль, Зейдлицъ, и Омеопатія.....	62.
Змѣи въ человѣческомъ желудкѣ.....	65.
Новый огромный телескопъ.....	67.
Уничтоженіе безвредныхъ испареній на мѣдныхъ заводахъ.	68.
Превращеніе желѣза въ мѣдь.....	68.
Большіе колокола.....	70.
Подводныя рудоконни.....	71.
Смерть Ландера.....	72.
Мадекасское средство открывать истину.....	73.
Народное воспитаніе въ Пруссіи.....	74.
Книжная торговля въ Англіи.....	76.
Потребленіе кофе и чаю въ Европѣ.....	77.
Китайскій плутовской уставъ.....	79.
Воспитаніе Персидскихъ Принцевъ.....	85.
День Шахской жизни.....	84.
Исправляющій должность Наполеона.....	86.
Первая любовь Г. Гизо.....	88.
Герцогиня Абрантесъ и Леди Блессингтонъ.....	92.
Новая Комедія Дидро.....	96.
Датскій театръ.....	105.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
— <i>Май 1834.</i> Сальвуази, новая Комедія Г. Скриба Мальконтенты. Господинъ Дюпонъ, Водевиль Поль- де-Кока, и проч.....	55.
— <i>Іюнь, 1834.</i> Екатерина Говардъ, новая Драма Г. Александра Дюма. Приключеніе при Карлѣ IX, новая Драма Гг. Сулье и Бадона, и проч.....	105.
Словесность во Франціи:	
— <i>Май 1834.</i> Шатобрианъ. Новый Романъ Жоржъ- Занда. Новыя записки Наполеона, и проч.....	46.
— <i>Іюнь 1834.</i> Новый Романъ Мишель Ремона. Про- цессъ Г. Жюль-Жанена, и проч.....	116.
Словесность въ Англіи:	
— <i>Май 1834.</i> Г-жа Сомервилль Г. Гоггъ, и проч.....	49.
— <i>Іюнь 1834.</i> Новый Романъ Г. Моріера. Ученые обеды, и проч.....	117.
Новыя книги, Французскія, Англіискія, Нѣмецкія:	
— <i>Май 1834</i>	50.
— <i>Іюнь, 1834</i>	118.
Моды. <i>Май</i>	55.
— <i>Іюнь</i>	121.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Э З І Я.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОДЪ ФРИДРИХШТАТОМЪ.

**ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
ВЪ ДВУХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ.**

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая горница въ квартирѣ Петра Великаго въ Гузумѣ.
Направо двери въ спальню, прямо — выходныя.

ВЫХОДЪ 1.

Два деищика (собирають со стульевъ платья и пещи;
на полу лежать чемоданы).

ПЕРВЫЙ ДЕИЩИКЪ.

Охъ скверная дорога! Все въ грязи.
А вѣхали, какъ на волахъ. Ты здѣсь былъ
При Меншиковѣ.

Т. IV. — Отд. I.

ВТОРОЙ.

Да!

ПЕРВЫЙ.

Что-жь? дѣло ладно?

Штейнбока вы побили?

ВТОРОЙ.

Да куда!

Безъ Государя все идетъ не ладно!

Полякъ кричить, а Датчанинъ молчить,

Да ничего не дѣлають — и только!

ПЕРВЫЙ.

А Князь?

ВТОРОЙ.

Ну, Князь и радъ-бы, да не въ силахъ;
Одинъ онъ не поидеть.

ПЕРВЫЙ.

Какъ не поидеть?

Да развѣ Русскому нужна подмога?

Вѣдь подъ Полтавой намъ не помогали?

ВТОРОЙ.

То, видишь, дома.....

ПЕРВЫЙ.

Петръ и гость, да страшенъ!

Увидишь, онъ одинъ возьметъ Штейнбока.

ВТОРОЙ.

Какъ бы не такъ!

ПЕРВЫЙ.

Увидишь!

ВТОРОЙ.

Объ закладъ!

ПЕРВЫЙ.

Другъ! споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся!

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ ЖЕ И ПОВАРЬ.

ПОВАРЬ.

Что будетъ Государь сегодня кушать?

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ.

Да развѣ въ первый разъ обѣдъ готовить?

Извѣстно, что варить! Шти, каша, студень,

Холодный поросенокъ со сметаной,
Да жареное съ огурцами... Сыръ,
Да ветчина на завтракъ...

ПОВАРЪ.

Есть-ли водка?

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ.

Анисовки у Нѣмцевъ не достанешь;
Да, кажется, своя не выцѣла; справься!
А если нѣтъ, такъ Данцигской купи,
Хвалить ее изволилъ Государь. —
Вина возьми, за недостаткомъ квасу; —
Да помни: эрмитажъ! — А не найдешь,
Венгерскаго возьми или медоку,
Другаго Государь не пьетъ...

ПОВАРЪ.

А сколько

Персонъ сегодня кушаетъ?

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ.

Не знаю!

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и третій денщикъ.

ТРЕТІЙ ДЕНЩИКЪ.

Князь Меншиковъ!

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ.

Поди и доложи!

Мы вещи приберемъ и чемоданы. (Всѣ расходятся.)

ВЫХОДЪ 4.

Князь Меншиковъ и Петръ Великій (выходя изъ спальни).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Здорово, мой Данилычъ! — Слава Богу!

Я на лицѣ читаю: ты здоровъ! (Обнимаетъ Меншикова.)

Ну, что-жъ Штейнбокъ? Побили, взяли въ плѣнъ!

Горманили Саксонцы и Датчане;

А онъ все живъ! Въ присутствіи моемъ,

Онъ смѣлъ сожечь прекрасную Альтону

И надо мной смѣяться смѣлъ! Данилычъ,

Что-жъ ты дремалъ? Ты развѣ самъ не могъ
Его разбить, взять въ плѣнъ и наказать?

МЕНШИКОВЪ.

Ваше Величество! Въ моей командѣ
Одно лишь вспомогательное войско.
Здѣсь самъ Король. Какъ смѣлъ я, безъ него,
Ударить на Штейнбока?...

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Всёконечно

Ударить и разбить!. — Мнѣ очень горько
Смотрѣть на цѣлый городъ въ горахъ пепла,
Который господинъ Штейнбокъ за деньги
Изволилъ сжечь...

МЕНШИКОВЪ.

За деньги?!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Да! за деньги

Отъ Гамбурга! Промышленость Альтоны
Для Гамбурга убыточной была;
За тѣмъ они Штейнбока подкупили
Альтону — сжечь! — И онъ войну ведетъ,
Какъ будто честный офицеръ! — Данилычъ,
Намъ должно показать коварство Шведовъ!
Я не прощу и другу лихоимства,
Тѣмъ болѣе врагу! Ты это знаешь!

МЕНШИКОВЪ.

Ваше Величество! Намъ Богъ поможетъ
Штейнбока побѣдить.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Да, Богъ поможетъ!

Я твердо вѣрую, что силы Шведовъ
Ужъ болѣе не будутъ насъ тревожить
На матерой землѣ. На полуостровѣ
Изъ Помераніи гоню я Шведовъ,
А изъ Финляндіи Апраксинъ гонитъ; —
И, если Господу угодно будетъ, —
Я безъ Датчанъ пойду въ Стокгольмъ десантомъ,

И страшнымъ гостемъ подпишу трактать.....

Что, есть ли письма?

МЕНШИКОВЪ.

Ни какихъ !

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (прохаживаясь по комнатѣ).

Охъ, Кесарь!

Его Величество старѣетъ больно !

Медителенъ, а мой народъ *жельзный*

Въ Правителѣ *стальномъ* имѣетъ нужду,

Но я заставляю Русь войти въ Европу...

(Остановясь предъ Меншиковымъ.)

Къ чему способенъ Русскій?

МЕНШИКОВЪ.

Ко всему!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Ты угадалъ, Данилычъ! Ко всему!

Я не хочу пустыхъ завоеваній;

Я не хочу пустаго просвѣщенія;

Я не хочу законовъ не по мѣркѣ!

Все пустяки безъ времени и мѣста;

Во время и на мѣстѣ — все полезно!

Что для другихъ готовить ядъ и порчу,

Иному то здоровья придаетъ.

Русь не больна, но можетъ захворать,

А Государство пользоваться — не шутка !

И не съ больной управиться намъ въ пору;

А захвораи мое святое царство...

И мы врачи плохіе !

МЕНШИКОВЪ.

Государь!

Мнѣ кажется, вы приняли корону,

Когда на ложѣ смерти было Царство.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Богъ въдаетъ, Данилычъ! (помолчавъ) Слышалъ ты,

Какой подарокъ сдѣлалъ мнѣ Правитель

И опекунъ Гольстинскій?

МЕНШИКОВЪ

Нѣтъ, не слыхалъ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Огромный глобусъ. На верху — земля
 Расписана въ подробностяхъ; внутри —
 Небесныя свѣтила, какъ по небу,
 Разбросаны художникомъ искусно.
 Онъ отворяется. Войдешь, — двѣнадцать
 Покойныхъ стульевъ вкругъ стола стоятъ;
 Сядишься, трогаешь пружинку, — глобусъ
 Весь обращается вкругъ тебя;
 А ты сидишь спокойно, неподвижно,
 И смотришь на небесныя свѣтила,
 Какъ будто ночью, на балконѣ! — Тотчасъ
 Я отослалъ его въ Россію!..... Боже!
 И небо не ушло отъ просвѣщенья,
 А мы — еще училищъ не имѣемъ!
 Но будутъ! Я ручаюсь! — Всеконечно
 Петру быть должно камнемъ просвѣщенья!
 Я говорилъ ужъ съ Лейбницемъ, и онъ
 Почти во всемъ со мной согласенъ..... Только
 Теперь не лѣзя. Кто знаетъ, чѣмъ я кончу
 Войну со Швеціей. Минъ надо денегъ!
 До сей поры нѣтъ ни копѣйки долгу;
 Надѣюсь, и не будетъ..... Если такъ,
 То Академію Наукъ открою!.....

МѢШИКОВЪ.

Господь всегда благословлялъ Петра!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

А люди противу Петра! Но, дѣти,
 На нихъ сердиться невозможно! Трудно
 Имъ втолковать, что вредно, что полезно!
 Вотъ, напримѣръ, уже въ который разъ,
 Я запрещалъ рубить удобный лѣсъ
 Для кораблей? Не слушаютъ, и рубятъ!
 Имъ кажется, что весь Балтійскій флотъ
 Забава Царская, и только!..... Боже!
 Дай случай доказать любезнымъ дѣтямъ,
 Что весь мой флотъ — не Царская забава,

А грозный страж предморовъ и торговли!
 И докажу, когда Господь продлитъ
 Мнѣ жизнь. Давно ли доказалъ я Русскимъ,
 Что старое ихъ войско не годится,
 А прежде, помнишь, также за игрушку
 Полтавскихъ побѣдителей считали!!.....
 Не правда-ли, Данилычъ!

МЕНИШКОВЪ.

Государь!

Они тебя еще не понимаютъ,
 И не-за-что еще ихъ ненавидѣть!

ВЫХОДЪ 5.

Тѣ же и ДЕНИШКЪ.

ДЕНИШКЪ.

Король!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Пойдемъ на встрѣчу къ Королю!

ВЫХОДЪ 6.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, КОРОЛЬ ДАТСКІЙ, МЕНИШКОВЪ,
 РУССКІЕ, ДАТСКІЕ, САКСОНСКІЕ И ПОЛЬСКІЕ ГЕ-
 НЕРАЛЫ И ШТАВЪ-ОФИЦЕРЫ.

КОРОЛЬ.

Имѣю честь поздравить васъ съ прїездомъ!
 Я съ нетерпѣніемъ желалъ васъ видѣть!
 И доказать на мѣстѣ невозможность
 Атаковать Штейнбока въ Фридрихштатъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Братъ Фридерикъ! Не нужно доказательствъ;
 Я вѣрю вамъ, но болѣе себѣ.

И я и вы, мы можемъ ошибаться!

Разсмотримъ положеніе Штейнбока,

Разсудимъ хорошенько, — и потомъ

За дѣло! Глѣбовъ, понщи ландкарту! (Маіоръ Глѣбовъ прино-
 ситъ ландкарту. Петръ Великій, развернувъ ее, садится.)

Подай сюда! — Король, присядемъ.

(Смотря въ карту, какъ будто разговаривая съ собой.)

Вотъ

Гузумъ. Вотъ Фридрихштатъ съ его плотиною!

Здѣсь Графъ Штейнбокъ со Шведами укрывся
 Отъ правосудія земли, по Небо
 Сожженія Альтоны не даруетъ!.....
 Дѣйствительно, онъ крѣпко защищенъ!
 Къ нему ведутъ двѣ узкія плотины.....
 Вокругъ непроходимыя болота.....
 А на плотинахъ рвы и баттарей.....
 Солдаты по три въ рядъ пойдутъ..... не больше.....
 И то съ трудомъ..... Для конницы нѣтъ мѣста.....
 А пушекъ и не думай двинуть..... трудно
 Ихъ будетъ вытащить назадъ (положивъ карту) такъ вязко
 Теперь вездѣ, что вхаты неприятно! —
 Онъ можетъ здѣсь смѣяться надъ Петромъ
 И продолжать войну, когда угодно
 И какъ ему захочется..... (послѣ минутнаго размышленія) Король!
 Я полагаю, завтра же поутру
 Атаковать соединенной силой
 И взять Штейнбока или выгнать въ море!

КОРОЛЬ (схвативъ карту).

Но это невозможно! Вотъ кругомъ
 Вы видите болота, тѣ болота
 Отъ шлюзъ наводнены; все наше войско
 Отъ перваго смѣшается удара
 И можетъ тамъ остаться навсегда!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Останется со мной и Русской славой,
 Или и я и слава въ Фридрихштатъ!

МЕНШИКОВЪ.

Такъ, Государь! Но только на пути
 Поставлены убійственныя пушки
 И прежде, нежели дойдемъ до пушекъ,
 Мы рвы должны засыпать, а Штейнбокъ
 Засыплетъ насъ картечью...

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (улыбаясь).

Всёконечно!

И ты картечи Шведской испугался? (принявъ важный видъ)
 Безъ выстрѣловъ, ты хочешь воевать!

Безъ ранъ, носить санъ свѣтлый полководца?
 Князь Меншиковъ! Отъ денщика — до Князя
 Не шелъ ли ты по ядрамъ и картечамъ!
 Не въ морѣ ли крестился ты героемъ?
 Не храбрость ли твой самый лучший орденъ,
 Которымъ Богъ тебя украсилъ? — Князь!
 Не дай мнѣ усомниться въ Русскомъ сердцѣ!

САКСОНСКІЙ ГЕНЕРАЛЪ (къ генераламъ, громко).

Все это такъ! Пусть Русскіе идутъ
 И Фридрихштатъ берутъ, когда охота...
 А намъ своя дорожка голова,
 Чѣмъ безразсудный, хоть и славный подвигъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (встаетъ, говорить съ горячностью; всѣ встаютъ).

Я понимаю васъ, но не сержусь!
 Не въ первый разъ я слышу эти рѣчи;
 Но въ первый разъ я долженъ объявить
 Вамъ Царское мое презрѣнье! Гордость
 Должна быть слѣдствіемъ заслугъ, а гдѣ же
 Заслуги ваши? Гнусныя интриги
 О производствѣ и наградахъ, козни,
 Переговоры съ Шведами, упрямство...
 Но я считать пороковъ не умѣю;
 Я только вамъ припоминаю то,
 Чего забыть не можетъ это сердце!
 О какъ давно я кончилъ бы войну,
 Когда бъ союзники другіе были!
 Не я ли васъ отъ ига грозныхъ Шведовъ
 Освободилъ? Не я ль народъ мятежный,
 Источникъ смутъ отвѣчныхъ для Россіи,
 Освободилъ, оправилъ успокоилъ?
 Не я ли Петербургъ и Русь оставилъ,
 Чтобъ помогать союзникамъ? — И что же?
 Что шагъ, то непріятность; я замышляю
 Одно; союзники наизворотъ
 Совсѣмъ другое дѣлаютъ; я знаю,
 Что здѣсь могу разбить; они напротивъ
 Ведутъ туда, гдѣ и самимъ опасно!

Когда-бъ не вы, — Штейнбоку Фридрихштата
 До смерти не видать! Кто пропустилъ
 Удобную минуту? — Ужъ не я!
 Я съ вами не былъ; — и не мой Фельдмаршалъ;
 Онъ, безъ меня, безгласенъ между вами!
 Вы бь скоро закричали и меня,
 Когда бь я вамъ позволилъ....

КОРЪЛЬ.

Вы напрасно

Изволите союзниковъ своихъ
 Такъ строго обвинять!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

О не напрасно!

Но Богъ простить — и я прощаю вамъ
 И говорю вамъ эти рѣчи — только
 Для убѣжденія, — что Промыслъ Божій
 Сильнѣе воли челоуѣка! — Я
 Не усташусь интриги и коварства!
 Всѣ измѣните — я не измѣню!
 Вамъ кажется, что вашихъ тайнъ не вижу?
 Вамъ хочется, чтобъ Русь, попятнымъ шагомъ,
 Во тму невѣжества пошла! — Напрасно!
 Вамъ хочется, чтобы Петрова сила,
 Медлительно, въ ничтожныхъ, мелкихъ стычкахъ,
 Какъ хрупкій камень, пылью разсыпалась!
 Вамъ хочется, чтобъ зерна просвѣщенія,
 Въ землѣ моей, безъ отпрысковъ остались, —
 И чтобы я прошелъ въ потомствѣ тѣню
 И былъ сынамъ примѣромъ неудачи!!.
 Напрасенъ трудъ, союзники Петра!
 Я сострадаю къ зависти и злобѣ!
 Прямымъ путемъ удары тайныхъ силъ
 Ловлю иль отражаю! Богъ вамъ! Знайте,
 Что тотъ еще не слишкомъ дальновиденъ,
 Кто можетъ различить въ потемкахъ зайца,
 А льва не видитъ (скорыми шагами ходить по горницахъ, потирая
 голову).

ГЛАЗОВЪ (тихо Меншикову).

Какъ ужасенъ Царь!

Чѣмъ кончится союзникамъ погонка?

МЕНШИКОВЪ.

Молчи, Маіоръ! Опасно говорить....

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (продолжая ходить).

Да и къ чему гоняться мнѣ за Шведомъ?
 Въ Россіи у меня есть много Шведовъ,
 Я ихъ добылъ, съ оружіемъ въ рукахъ,
 Освобождая край родной... а здѣсь
 По шахматной доскѣ упрямыхъ Датчанъ
 И Поляковъ безмозглыхъ — Петръ Полтавскій,
 Петръ Русскій, какъ дитя, покорно ходитъ!
 Глодаетъ грубости, изъ состраданья
 Къ безсилью оскорбителей! (остановясь) За что?
 За то, что помогаю выгнать Шведовъ
 Изъ Даніи! Что цвѣтъ моихъ полковъ
 Я жертвую для пользы гордыхъ Датчанъ!
 Что, я вамъ въ тягость, что ли? много денегъ
 Истратили на содержанье Русскихъ?
 Я ваши города, мѣстечки, села
 Обогатилъ не вашимъ серебромъ!
 Все для союзниковъ у васъ дороже!
 Мнѣ самому на столъ припасъ бездѣльный,
 Что и рубля не стоитъ въ Петербургъ,
 Обходится почти въ червонецъ! Все,
 Что только выдумать возможно, все
 Для непріятностей какъ разъ готово!
 Тверда Петрова рѣчь, но справедлива!
 И если бъ я такимъ былъ человѣкомъ,
 Какъ братъ мой Карлъ, или какъ братъ мой Августъ,
 Я бъ долженъ всехъ союзниковъ моихъ
 Разбить оружіемъ или интригой!
 Я не таковъ, по милости Творца.
 Я Русскій Царь, я православный Царь!
 Я заблужденья миловать привыкъ
 И свято сохранять Царево слово!

Учу народъ величію и славъ!
 Учу народъ военному искусству,
 Не для того, чтобъ расширять предѣлы,
 Но для того, чтобъ дерзкій иноземецъ,
 Завистливо на Божье Царство глядя,
 Не оскорбилъ святыни Государства!
 Вамъ толковать, вы не поймете! Русь
 Для васъ еще Китай, но будетъ время,
 Когда Русь станетъ Европейскимъ Римомъ,
 А, можетъ быть, всесвѣтнымъ!.. Откровенно
 Я говорю, что думаю! Не страшень
 Мнѣ заговоръ союзниковъ моихъ,
 И всѣхъ Властителей Европы! — Бога,
 Единого и Трисвятаго Бога
 Привыкъ бояться Петръ. — Ну, господа,
 Что, поняли? Скажу вамъ въ заключенье,
 Что завтра же иду я на Штейнбока!
 Я самъ иду съ моимъ Россійскимъ войскомъ,
 А вамъ, когда угодно, предлагаю
 Сопутствовать Петру... Согласны? —

КОРОЛЬ.

НѢТЬ!

Я ни за что моимъ послѣднимъ войскомъ
 Пожертвовать не соглашусь...

САКСОНСКІЙ ГЕНЕРАЛЪ.

Мы также, —

Безъ Августа и Рѣчи Посполитой, —
 На очевидную гибель — войска
 Не поведемъ...

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Такъ оставайтесь здѣсь!

Не нуженъ мнѣ союзникъ безъ отваги!
 Не знаю, гдѣ вамъ будетъ безопаснѣй,
 Подъ Русскимъ-ли щитомъ — или подъ кровомъ
 Предусмотрительнаго страха... Такъ!
 Прощаюсь съ вами, (улыбаясь) можетъ быть, ядро
 Разрушитъ нашъ союзъ

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, ради Бога!

Не жертвуйте собой; опасенъ постъ,
Куда такъ пламенно стремитесь...

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Братъ мой,

Благодарю! Мнѣ жалко видѣть васъ
Въ опасности отъ страха. Оставляю
Вамъ три полка для охраненія! Впрочемъ
Не думайте и не печальтесь! Петръ
Вамъ славы вѣсть подастъ изъ Фридрихштата.
Который постъ труднѣе, тѣмъ славнѣе!
Вотъ правило мое! Прощайте! Глѣбовъ,
Поди ко мнѣ. (уходитъ въ спальню; Глѣбовъ за нимъ.)

ВЫХОДЪ 7.

КОРОЛЬ, МЕНШИКОВЪ, ГЕНЕРАЛЫ и ШТАБЪ-
ОФИЦЕРЫ.

КОРОЛЬ.

Ужасный человекъ!

А спорить съ нимъ недостаетъ умѣнья.

МЕНШИКОВЪ.

Доказываетъ очень ясно; трудно
Оспаривать, что слишкомъ справедливо....

КОРОЛЬ.

Не сами-ль вы, Фельдмаршалъ полагали,
Что невозможно нападать на Шведовъ
Подъ Фридрихштатомъ.

МЕНШИКОВЪ.

Такъ! Я полагалъ;

Но съ нами не было Петра, теперь же
Готовъ идти хоть по волнамъ морскимъ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (изъ спальни).

Доплыть!....

МЕНШИКОВЪ.

Съ нимъ опасность не опасна.

КОРОЛЬ.

Фельдмаршалъ! Васъ зовутъ.

МЕНШИКОВЪ.

Иду, но кончу....

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (отворивъ дверь).

Данилычъ!

МЕНШИКОВЪ (Королю).

Завтра кончу въ Фридрихштатъ!....

ВЫХОДЪ 8.

КОРОЛЬ, ГЕНЕРАЛЫ И ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ.

КОРОЛЬ (про себя).

Народъ такъ твердъ, какъ Царь; Царь, какъ народъ!

Они въ союзъ крѣпкомъ! Карлъ безумный,

Какъ саранча, исчезъ съ огромнымъ войскомъ!

А у меня какой нибудь Штейнбокъ

Безтрепетно по Королевству ходить!

Народъ молчить, и радъ ли онъ, не радъ;

Король его того узнать не можетъ!

ВЫХОДЪ 9.

ТѢ ЖЕ, ГЛАЗОВЪ (съ бумагой выходить изъ спальни, изъ другихъ дверей выходить) ДВА ДЕНЩИКА.

КОРОЛЬ.

Маіоръ! Куда спѣшите вы?

ГЛАЗОВЪ.

Въ полки

Несу приказъ готовиться къ атакѣ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ (ставя по срединѣ столъ).

На двѣ персоны?

ВТОРОЙ.

Да!

КОРОЛЬ (уходя).

Пусть атакуетъ!!....

ВЫХОДЪ 10.

ДВА ДЕНЩИКА (продолжая накрывать къ столу)

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ.

Не въ духѣ что-то господинъ Король!

ВТОРОЙ.

Объ чемъ они тутъ спорили?

ПЕРВЫЙ

Не знаю.

Да вѣрно, Государь его тузилъ!
 Ты знаешь, Нѣмцамъ вѣтъ учить охота,
 А Государь все учить самоучкой,
 Не любить этихъ париковъ.

ВТОРОЙ.

А самъ

Велѣлъ носить Нѣмецкіе кафтаны,
 Да парики....

ПЕРВЫЙ.

То, братецъ, намъ, а самъ
 Всегда безъ парика.... Давай-ка блюда!
 Ужъ первый часъ въ исходѣ.... сбѣгай въ кухню.

ВЫХОДЪ 11.

Тѣ же, ТРЕТІЙ ДЕНЩИКЪ И НОВАРЪ (вносятъ блюда,
 устанавливаютъ и ухаживаютъ).

ПЕРВЫЙ ДЕНЩИКЪ (отворя двери въ спальню).

Готово кушать!

ВЫХОДЪ 12.

ПЕТРЪ ВѢЛИКІЙ, МЕНШИКОВЪ И ДЕНЩИКЪ.

ПЕТРЪ ВѢЛИКІЙ.

Хорошо! Ступай,
 Да прикажи мнѣ лошадь осѣдлать
 Къ концу обѣда!....

ДЕНЩИКЪ.

Слушаю-сь!

ПЕТРЪ ВѢЛИКІЙ.

Да! Къ Князю

Зайди! Вели принести сюда всѣ планы
 И также лошадь осѣдлать. Эй Карпычъ!
 Тамъ, въ чемоданѣ есть Голландскій кофе,
 Для Князя я привезъ гостинца. (Князю) Славный,
 Хваленый кофе; я не пью, ты знаешь,
 А для тебя два фунта взялъ Данилычъ.

(Меншиковъ цѣлуетъ у Государя руку).

Да! Для Апраксина купилъ я щетку
 Для платья! Хочешь посмотрѣть?
 У насъ еще такъ дѣлать не умѣютъ.
 И хорошо и дешево. (Денщикъ приноситъ щетку и кофе).

МЕНШИКОВЪ (разсматривая щетку).

Прекрасно!

Простая вещь, а чистая работа!

Какъ ровень волосъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

То-то и бѣда

Съ моимъ народомъ! Трудно ли присвѣсть

И ту же вещь, да хорошенько сдѣлать!

Спрячь щетку, кофе къ Князю отнеси

И возвращайся!

АНИСКИНЪ.

Слушаю-съ!

ВЫХОДЪ 13.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и МЕНШИКОВЪ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Min Her!

Прошу садиться! (садятся за столъ).

Ну, Данилычъ!

Анисовки прикажешь? (пьютъ по рюмкѣ водки)

Закуси

Ветчинкой! Хороша! У Нѣмцевъ только

Копченое и хорошо, а впрочемъ

Нѣмецкій столъ ужъ слишкомъ деликатень.

Ты у себя, Данилычъ; заведи

Французскій столъ! Не здѣсь, а въ Петербургъ!

Да! я забылъ спросить, твоя хозяйка

Здорова ли?

МЕНШИКОВЪ.

Здорова, слава Богу!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Что это за вино? А! эрмитажъ....

Ну, что жъ тебѣ изъ Петербурга пишутъ?

МЕНШИКОВЪ.

Все то же, что и прежде. Петербургъ

Безъ Вашего Величества пустыня....

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

У нихъ теперь глубокая зима,
Снѣга лежать, работы нѣтъ, уныло!
Мужья, да братья на войнѣ.... А Кесарь,
Неподкупимый дѣдушка, суровъ,
Развеселить народа не умѣетъ....
Да онъ и врагъ увеселеній нашихъ,
Онъ никогда къ тебѣ на балъ не ѣздилъ,
И никогда не видѣлъ ассамблеи....
(прислально смотря на Меншикова)
Онъ, кажется, меня не понимаетъ?

МЕНШИКОВЪ.

Мнѣ кажется, что Кесарь устарѣлъ
А вмѣстѣ съ нимъ состарѣлся и разумъ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Не говори! Мой Кесарь — человекъ
Всеобщаго достойный уваженья!
Упрямъ.... Но что въ другомъ простая глупость,
То въ Кесарѣ почтенно, благородно!
Онъ справедливъ, какъ Яковъ Долгорукій,
Какъ Шереметевъ, твердъ и неподкупенъ,
А Государя любить такъ, какъ ты!
Я каждый день благодарю Творца,
Что онъ мнѣ далъ его на помощь; Яковъ
Заносчивъ; ты — не безъ страстей, Данилычъ;
А Шереметевъ — только полководецъ,
Хотя и умный человекъ; а Кесарь
Соединяетъ все безъ недостатковъ!
Одно бѣда, что бороду свою,
Какъ Мусульманинъ чтить; но въ томъ не вижу
Бѣды великой! Лишь бы Государство
Счастливымъ было.... Но... который часъ?

МЕНШИКОВЪ.

Второй въ началѣ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (вставъ).

О! пора намъ ѣхать

И осмотрѣть фортецію Штейнбока....

Эй Карпычъ!

Т. IV. — Ода. I.

ВЫХОДЪ 14.

Тѣ же и деищикъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Ну, Данилычъ, собирайся!

Я за тобой заѣду....

ДЕИЩИКЪ.

Лошадь здѣсь

Его Сіятельства!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Тѣмъ лучше! — Карпычъ!

Когда прійдутъ спрашивать, куда

Поѣхали. — Ты отвѣчай: гулять

За городъ!

ДЕИЩИКЪ.

Слушаюсь.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Поѣдемъ!

(всѣ уходятъ).

=

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Открытое мѣсто подъ Фридрихштатомъ. Вдали море; напередѣ огромный редутъ, защищающій Фридрихштатскія ворота; отъ редута вдаль идетъ узкая плотина, которая въ отдаленности расходится на двѣ стороны; при раздѣленіи плотины и далѣе возвышаются окопы съ орудіями и войскомъ; по сторонамъ плотины топи и наводненные луга.

ВЫХОДЪ 1.

Нѣсколько Офицеровъ Шведскаго войска на валу редута; у пушекъ толпа солдатъ въ различныхъ положеніяхъ.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ.

Дождь ливнемъ льетъ! Вотъ славная война

Съ дождемъ, со снѣгомъ, вѣтромъ и морозомъ...

Ты дрогнешь?

ВТОРОЙ.

Да!

ТРЕТІЙ.

И не тепло!

ПЕРВЫЙ.

За то

Отъ непріятеля не жарко.

ВТОРОЙ.

Громъ

И молнія! Какой пибудь Саксонецъ
Иль Датчанинъ пугаетъ храбрыхъ Шведовъ!
А нашъ Король — теперь Паша Турецкій,
Султану кланяться изволить! Плохо!
И до чего война насъ доведетъ?
Пускай себѣ возьмутъ всѣ наши земли,
Отрежутъ отъ Европы, грозный Стральзундъ,
Все, все пускай возьмутъ... но Шведской чести,
Ей Богу, жаль! Скажи: за что деремся?
И не деремся, только мокнемъ, мерзнемъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Что, господа? Прохладно? — Не вельтъ-ли
Подать рейнвейну?

ВТОРОЙ.

Если есть.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А какъ же?

Что за походъ безъ водки и рейнвейну
Безъ доброй пѣсни и безъ красной.....

ВТОРОЙ.

Полно

Ребачиться! Давай, когда имѣешь;
А если нѣтъ, такъ не дразни...

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Дразнить?

Эй, Фрицъ! Подай рейнвейну! Да! Скажи мнѣ,
Сражался ты когда нибудь съ Петромъ?

ВТОРОЙ.

Сражался.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Гдѣ?

ВТОРОЙ.

Подъ Гадебушемъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну!

ВТОРОЙ.

Что, ну?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хорошъ?

ВТОРОЙ.

Узнаешь, братъ, и самъ ;

Прійдетъ пора !

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Я жду нетерпѣливо,
 Чтобъ случай свелъ насъ съ этимъ страннымъ сбродомъ
 Саксонскихъ, Польскихъ, Датскихъ, Русскихъ войскъ !
 Какой союзъ !.. Паукъ, комаръ и волкъ...
 Ну, могутъ-ли быть въ искреннемъ союзѣ ?
 Воюетъ волкъ, комаръ жужжитъ побѣду,
 А злой паукъ, — въ спокойной паутинѣ
 Качается и смотреть на добычу,
 О подвигахъ не думая... а что ?
 Не такъ-ли ? Что досадно, господа,
 Что эти всѣ союзники Петра,
 Его руками Шведовъ обижаютъ,
 Уйди онъ — и союзъ ихъ паутина !
 Мы бъ не сидѣли здѣсь въ ретраншаментахъ !
 Ни сѣсть, ни лечь болото не даетъ ; —
 И воздухъ не здоровъ и скучно ; — только
 Еще и добраго, что безопасно.

ПЕРВЫЙ.

Да ! Къ намъ теперь добраться не легко !
 Не припадетъ охота лѣзть на пушки,
 По узенькой плотинѣ къ намъ ползти...

ВТОРОЙ.

Нельзя ручаться и за это, Горгель !

ПЕРВЫЙ.

Вотъ пустяки ! Дороги только двѣ ;
 Одна чрезъ Коломбитель, а другая
 Черезъ Швабстедъ ; непроходимы обѣ
 Отъ баттарей и перекоповъ ; войско
 Не можетъ проходить широкимъ рядомъ
 И вовсе проходить не можетъ ; если жъ
 Они пойдутъ, тѣмъ лучше ; мы, безъ боя,

Одними пушками окончимъ дѣло
И будемъ въ силахъ выйти въ поле....

ТРЕТІЙ.

Графъ

Штейнбокъ!

ПЕРВЫЙ.

Фельдмаршалъ! По мѣстамъ!

(Офицеры и солдаты расходятся по мѣстамъ.)

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же, Графъ Штейнбокъ и Генералъ Штапель-
бергъ со штабомъ, на лошадяхъ.

ШТАПЕЛЬБЕРГЪ.

Напрасно

Графъ беспокоится.

ШТЕЙНБОКЪ.

Мои извѣстья

Такъ вѣрны! Мой лазутчикъ знаетъ все.

Онъ мнѣ донесъ, что Петръ сегодня утромъ

Атаковать меня намѣренъ.

ШТАПЕЛЬБЕРГЪ.

Трудно

Лазутчику повѣрить. Можетъ-быть,

Его нарочно подкупили — слухи

Такіе распускать; чтобъ, если силой

Нельзя намъ безпокойства причинить,

Такъ хотъ пугать несбыточною сказкой.

ШТЕЙНБОКЪ.

Несбыточной? Я вѣрю въ чудеса, —

Когда нашъ Карлъ, изъ хладнаго Стокгольма,

Забрелъ къ Султану въ гости.

ШТАПЕЛЬБЕРГЪ.

Это случай!

ШТЕЙНБОКЪ.

А прежде если бъ вамъ о томъ сказали,

Вы-бъ не повѣрили никакъ.

ШТАПЕЛЬБЕРГЪ.

Однако жъ

Вы согласитесь сами, лѣзть на пушки,

На вѣрную погибель — было-бъ глупо;

А о Петръ идетъ молва другая :
Онъ славится расчетливымъ умомъ.

ШТЕЙНБОКЪ.

Кто знаетъ, какъ онъ расчиталъ свой путь?
А вѣрно есть причины къ этимъ слухамъ. —
Подайте, Горгель, зрительную трубку;
Вдали чернѣетъ что-то; за Швабстедомъ
Я вижу, тучки движутся... (смотреть въ трубку) Туманъ!
Я различить не въ силахъ ничего!

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Позвольте мнѣ!.. (смотреть въ трубку)
Да это лѣсъ, Фельдмаршалъ!

ШТЕЙНБОКЪ.

Кустарники, скажите лучше!

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Да!

Кустарники!

ШТЕЙНБОКЪ.

Дай Богъ, чтобъ ваше око
Смотрѣло вдаль вѣрнѣе моего!

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Ручаюсь, Графъ, что ваши опасенія
Безъ основаній....

ШТЕЙНБОКЪ.

Генералъ напрасно
Вамъ хочется меня переувѣрить!
Я больше жилъ, я болѣе сражался
И умереть мнѣ легче, Штакельбергъ,
Чѣмъ всѣмъ вамъ, молодымъ, цвѣтущимъ Шведамъ!
Но плѣнь, постыдный плѣнь! Вотъ это страшно!
Я старъ. Мнѣ трудно, на сторожѣ вѣчной,
Ни ѣсть, ни пить, ни спать, ни отдохнуть!
Когда нибудь найдетъ насъ Петръ незапно,
И горькій плѣнь мою отравить старость!

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Позвольте, Графъ, опять поспорить. Правда,
Не долго намъ по Даніи шататься;

За то избавимся постовъ опасныхъ
И въ Швецію....

ШТЕЙНБОКЪ.

Намъ Петръ не дастъ уйти!

И что у насъ за войско?

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Съ этимъ войскомъ

И съ вапшей славой можно защищаться
Въ окопахъ этихъ до скойчанья свѣта....

Но не дойдетъ до этого, ручаюсь, —

И даже Петръ идти къ намъ не дерзнетъ...

(Слышны пушечные выстрѣлы.)

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ.

А это что?

ШТЕЙНБОКЪ.

А это Петръ дерзаетъ!

Кустарники напали на Швабстедъ!

Маіоръ, возьмите триста человѣкъ

И поспѣшайте къ нимъ на помощь..... Горгель,

Возьмите остальныхъ и приготовьтесь

Дать помощь въ Коломбителъ! (Слышны пушечные выстрѣлы со
стороны Коломбителя.) Отправляйтесь!

ВЫХОДЪ 3.

ШТЕЙНБОКЪ и ШТАКЕЛЬБЕРГЪ со штабомъ.

ШТЕЙНБОКЪ.

Что жъ ваши разсужденья, Штакельбергъ?

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Я ошмѣлъ! Такая дерзость! Впрочемъ

На стыдъ Петру! Онъ не сломаетъ пушекъ!

ШТЕЙНБОКЪ.

И я надѣюсь, только не совсѣмъ.

А сколько, Генераль, у васъ солдатъ?

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Четыреста!

ШТЕЙНБОКЪ.

Велите гарнизону

Изъ города идти на укрѣпленье,

Чтобъ дать отпоръ Петру; онъ будетъ здѣсь;
 Мнѣ какъ-то сердце говорить!..... Скорѣе!

ВЫХОДЪ 4.

Г Р А ФЪ Ш Т Е Й Н Б О КЪ со штабомъ.

Ш Т Е Й Н Б О КЪ (смотря непрерывно въ трубку, про себя).

За дымомъ ничего не видно; жарко
 Должно быть Русскимъ! — Дай Богъ, чтобъ гроза
 Окончилась Петровой неудачей!
 Боюсь поѣхать къ нимъ и встрѣтить бѣгство!
 И здѣсь мое присутствіе важнѣе.
 Я долженъ городъ защищать; окопы
 Довольно крѣпки; я и Штакельбергъ
 Съ Петромъ не разъ ужъ видѣлись въ сраженьяхъ!
 И передъ нимъ Штейнбокъ не побѣдпѣлъ.....
 Но пусть прійдетъ, быть-можетъ, мѣткій выстрѣлъ
 Освободить отъ страшнаго врага!
 Быть-можетъ, смерть — вѣнцемъ Петровымъ будетъ.
 Нѣтъ! Богъ хранитъ ужаснаго Петра
 На гибель Швеціи — и сколько разъ
 Онъ чрезъ огонь и воду невредимо
 Ко славы шелъ — и даже въ неудачахъ
 Онъ столько былъ великъ, какъ и въ побѣдахъ!
 И Богъ привелъ сражаться съ исполиномъ!
 Къ чему моя и храбрость, и умѣнье
 И слава дѣлъ, столь скоро помраченныхъ?.....
 Таковъ законъ: кто счастливъ, тотъ великъ!
 Но, можетъ-быть, конецъ его побѣдамъ
 Готовитъ Фридрихштатъ; Густавъ Адольфъ
 И Карлъ вели войну счастливо; слава
 Оставила ихъ на послѣдней точкѣ!
 Быть-можетъ, и съ Петромъ судьба играетъ.....

(громко)

Что это? пушки наши онѣмѣли!
 Одинъ не поддается Коломбитель!
 Тамъ громъ еще гремитъ.

ВЫХОДЪ 5.

Тѣ же и ШТАКЕЛЬБЕРГЪ съ гарнизономъ.

ШТЕЙНБОКЪ (оставивъ лошадь, всходитъ на валъ).

О Штакельбергъ!

Скорѣй, скорѣй займите укрѣпленіе!

Всѣ пушки наведите на плотину!

Погибнемъ, если Петръ восторжествуетъ!

ВЫХОДЪ 6.

Тѣ же и толпа ШВЕДСКИХЪ БѢГЛЕЦОВЪ

показывается на плотинѣ.

СОЛДАТЫ ГАРНИЗОНА.

Бѣгутъ, бѣгутъ!

ШТЕЙНБОКЪ.

Друзья мои, имъ стыдъ!

Отъ бѣглецовъ я отрекаюсь; пушки

На нихъ направьте!

СОЛДАТЫ ГАРНИЗОНА.

На своихъ?

ШТЕЙНБОКЪ.

Нѣтъ, Шведы!

На подлецовъ, измѣнниковъ! — (къ бѣгущимъ Шведамъ) Назадъ!

Или велю стрѣлять! Гоните Русскихъ!

Загладьте стыдъ свой, Шведы! На Петра!

Впередъ, впередъ! Вы, Штакельбергъ, пойдите,

Ведите ихъ на грознаго Петра!

Вы съ нимъ уже знакомы! (Штакельбергъ сходить къ бѣгущимъ;

они, остановясь, около него строятся.)

ШТЕЙНБОКЪ.

Браво, Шведы!

ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

Честь и Король! Впередъ!

СОЛДАТЫ.

Честь и Король!

ВЫХОДЪ 7.

Тѣ же и РУССКІЕ ГРЕНАДЕРЫ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЛАВОВА,

вслѣдъ за ними ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ съ баталіономъ ГРЕНАДЕРЪ.

ГРЕНАДЕРЫ (стремительно нападая на Шведовъ).

Ура! Сдавайся Шведъ!

ШВЕДЫ.

Честъ и Король!

ШТЕЙНБОКЪ (схвативъ у бомбардира фитиль).

Вотъ Петръ! Постою, мой бомбардиръ! дай пушку!

Авось моя рука вѣрнѣе будетъ. (Выстрѣлъ.)

Творецъ! благослови послѣдній выстрѣлъ!

(Дымъ разсѣвается; Петръ Великій, съ знаменемъ въ рукахъ, всходитъ первый на редутъ.)

РУССКІЕ СОЛДАТЫ.

Ура! Ура!

ШТЕЙНБОКЪ.

За мной бѣгите, Шведы!

ВЫХОДЪ 8.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (водрузивъ знамя, садится на валу) ГЛАЗОВЪ
и ГРЕНАДЕРЫ (по всему видимому пространству разсыпаются,
гонять, берутъ въ полонъ, убиваютъ Шведовъ; часть гренадеръ за-
нимаетъ редутъ, другіе окружаютъ Государя).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Ну, дѣтушки! Конецъ святому дѣлу!

Отомщена несчастная Альтона!

Великій стыдъ глотаетъ Графъ Штейнбокъ!.....

Служить молебень! Гдѣ отецъ Никифоръ?

ГЛАЗОВЪ.

При Князь.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

А, при Князь? Обождать!

ГЛАЗОВЪ.

На Фридрихштатъ итти ли, Государь?

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Не нужно! Мы ужъ взяли Фридрихштатъ!

До вечера еще онъ сдастся Русскимъ!

А люди перемучились. Безбожнѣ!

Безъ милосердія гонять на приступъ;

Да и врагу отчаянье поможетъ;

Тутъ только страхъ, а тамъ уже опасность.

Богъ съ нимъ! Теперь уже Штейнбокъ не страшенъ!

Онъ самъ уйдетъ, тѣмъ болѣе стыда!

А войскомъ жертвовать я не рѣшусь...

Не Фридерикъ я, и не Августъ, правда,
 Да и не Карлъ. Веди во всемъ расчетъ,
 Не ошибешься никогда... Служивый!
 Что пригорюнился и прислонился?
 Усталъ?

ГРЕНАДЕРЪ (оправляясь).

Не наше дѣло уставать!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

А у кого есть водка?

СЕРЖАНТЪ.

У меня!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Подай, сержантъ! Служивый, подойди!
 Хлѣбни глотокъ! Полегче будетъ; стужа,
 А ты вспотѣлъ...

ГРЕНАДЕРЪ.

Шведъ уморилъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Я видѣлъ

И не забуду. Я таковъ, ребята,
 Что всякій добрый подвигъ помню твердо,
 И наградить не упущу.

ГРЕНАДЕРЪ.

Ура!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Ребята!

Что, Меншикова не видать?

ПЕРВЫЙ ГРЕНАДЕРЪ.

Не видно.

Большой туманъ!

ВТОРОЙ.

Онъ на коняхъ.

ТРЕТІЙ.

Охъ вязко!

У гренадеръ у многихъ сапоги
 Въ грязи остались.

ВТОРОЙ.

Хуже на коняхъ.

ПЕРВЫЙ.

Что дѣлать, да ужъ дали Шведу знать!

Ого! И Князь упрямыхъ Шведовъ гонить.

ГРЕНАДЕРЫ.

Ура!

ВЫХОДЪ 9.

Тъ же и Князь Меншиковъ съ конницей, гоня передъ собою толпы Шведовъ.

СОЛДАТЫ ОТРЯДА МЕНШИКОВА.

Ура!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

На встрѣчу имъ, ребята!

ШВЕДЫ (бросаясь съ плотины).

Прощенья, Русскій!

ГРЕНАДЕРЫ.

Нѣтъ прощенья Шведу!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Остановитесь, дѣти! Я прощаю.

(Всѣ солдаты удерживаются; Шведы сдаются.)

Данилычъ, обними меня! (обнявъ Князя.) Аминь!

Сберите и сочтите плѣнныхъ! Пушки

Собрать! Ужъ пошлемъ изъ Фридрихштата

За ними лошадей. Ну, что, Данилычъ?

Не правду ли я говорилъ? Датчане,

Я думаю, насъ отпѣвають. Трусы!

Имъ только выгодъ хочется, а славы

Не понимаютъ эти люди. — Слава

Безъ пользы быть не можетъ, и напротивъ..

ГЛАВОВЪ.

Ваше Величество! Имѣю счастье

Всеподданнѣйше донести, что въ дѣлѣ

Въ полонъ взято пять Шведскихъ офицеровъ,

Да триста унтеръ-офицеровъ; впрочемъ

Всѣхъ рядовыхъ не перечесть! Сбираютъ

Ихъ по лугамъ, что по бокамъ плотины!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Какъ соберутъ, назначьте имъ конвой

И всѣхъ въ Гузумъ до времени отправьте...

А сколько нашихъ раненыхъ, убитыхъ?

ГЛАВОВЪ.

Семь человекъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Не можетъ быть?!

ГЛАВОВЪ.

Такъ точно!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Великъ Господь, Данилычъ! Въ страшномъ дѣлѣ,
Гдѣ Датчане пророчили намъ гибель,
Семь человекъ купили нашу славу!
Семь человекъ! Невѣроятно! Крѣпость!
Естественная крѣпость, посмотри!
Здѣсь можно защищаться противъ міра!
Семь человекъ! Потомство не повѣритъ!

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

Тѣ же, Бургомистръ и граждане Фридрихштата съ хоругвями и ключами выходить изъ города, и торжественно приближаются къ Петру Великому.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Вотъ видите, ребята: Фридрихштатъ
Повинную несесть. Молитесь Богу! (про себя):
Семь человекъ! Потомство не повѣритъ!
Похоронить ихъ должно триумфально!
Герои Царства моего! Вашъ Царь
Самодержавною рукой подыметъ
И понесетъ вашъ гробъ въ могилу чести!
И вамъ отдастъ послѣднее лобзанье
Какъ брату своему... Семь человекъ!!

БУРГОМИСТРЪ.

Великій Государь и побѣдитель!
Какъ солнце ты алмазными лучами
Огромный міръ своей наполнилъ славой!
Какъ Юлій Кесарь изъ страны далекой
Несешь хоругвь победы громозвучной!
Какъ Августъ разумомъ своимъ сіяешь —
И какъ Траянъ чтить свято добродѣтель!
Къ ногамъ твоимъ мы падаемъ во прахъ,
Привѣтствуя побѣдой знаменитой!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Благодарю!

БУРГОМИСТРЪ.

Вотъ предъ тобой ключи
И знамя Фридрихштата! Ты ихъ отнялъ
Изъ ненавистныхъ рукъ коварныхъ Шведовъ!
Ты разогналъ злодѣевъ Скандинавскихъ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Семь человѣкъ.

БУРГОМИСТРЪ.

И спасъ насъ отъ безчестья,
Насильствъ и притѣсненій! Благодарность,
Чистѣйшую всѣхъ вѣрныхъ благодарность
Прими Великій Императоръ Петръ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ (про себя).

Быть можетъ, онъ пророкъ въ моемъ титулѣ!
(громко)

Благодарю! Но гдѣ же Графъ Штейнбокъ?

БУРГОМИСТРЪ.

Штейнбокъ и Штакельбергъ пошли на Тонингъ,
Но ты и тамъ найдешь ихъ, мужъ судьбы,
И стѣны крѣпости на нихъ обрушишь!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Я постараюсь, если Богъ позволитъ!
Отецъ Никифоръ! Принесемъ Творцу
Торжественно благодаренье наше
На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Господь
Украсилъ насъ своею благодатью
И даровалъ вѣкторію! — Данилычъ!
Скомандуй: на молитву!

МЕНШИКОВЪ.

На молитву!!

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

УЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

=

Былъ сильный вихоръ, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко берегу Руно горный вождь
Примчался съ дочерью Улина.

— Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Улинъ съ дружиной недалёкъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони. —

«Ты видишь ли, какъ зла вода?
«Ты слышишь ли, какъ волны громки?
«Пускаться плыть теперь бѣда:
«Мой челнъ не крѣпокъ, весла ломки.»

Рыбакъ, рыбакъ, подай свой челнъ;
Спаси насъ; сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ,
Ея не будетъ отъ Улина! —

Гроза сильнѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погони:
Имъ слышенъ тяжкій храпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

«Садитесь, въ добрый часъ; плывемъ.»
И Руно съѣлъ, съ нимъ двѣ сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла. |

И смерть отвсюду имъ: открытъ
 Предъ ними зѣвъ пучины жадный,
 За ними съ берега грозить
 Улинь, какъ буря беспощадный.

Улинь ко берегу прискакалъ;
 Онъ видитъ: дочь уносить волны;
 И гнѣвъ въ груди отца припалъ,
 И онъ воскликнулъ, страха полный:

«Мое дитя, назадъ! назадъ!
 «Прощенье! возвратись, Мальвина!»
 Но волны лишь отвѣтъ шумять
 На зовъ отчаянный Улиина.

Реветь гроза, черна какъ ночь;
 Летасть челнъ между волнами;
 Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
 Съ простертыми къ нему руками.

«О возвратись! о возвратись!»
 Но грозно раздалась пучина,
 И волны, челнъ пожравъ, слились
 При крикѣ жалобномъ Улиина.

В. ЖУКОВСКИЙ.

Верне
 1833 10/11 Генваря.

П Р О З А.

=

Я Д Ъ.

=

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

=

Много вѣковъ уплыветъ въ вѣчность, пока промышленность, торговля и образованность воздвигнутъ на плодородныхъ равнинахъ обширной Россіи такое множество городовъ какъ въ Западной Европѣ, — городовъ, въ которыхъ бы сосредоточивались всѣ выгоды и всѣ наслажденія просвѣщенія и всѣ утонченности общежитія. Тепѣрь, исключая столицъ и нѣсколькихъ приморскихъ и губернскихъ городовъ, точки, называемыя городами на географическихъ картахъ, не заслуживаютъ имени ни города, ни деревни. Будемъ терпѣливы: города строятся и населяются не по мѣрѣ воли, но по мѣрѣ потребностей народа. Предоставимъ праправнукамъ нашимъ веселиться въ чистыхъ, населенныхъ промышленныхъ городахъ, лежащихъ одинъ отъ другаго на разстояніи почтовой гоньбы, и переселимся теперь, воображеніемъ, въ одинъ изъ отдаленныхъ нашихъ городишковъ, на ярмарку, гдѣ случилось рассказываемое мною происшествіе.

Этотъ городишка лучше многихъ другихъ. Въ немъ находятся двѣ каменные церкви и аптека, съ запасомъ заморскихъ матеріаловъ третьяго разбора. Въ городѣ живетъ съдой лекаръ, Карлъ Карловичъ, до сихъ поръ некончившій экзамена на званіе доктора

медицины, и слывшій «чудеснымъ», потому что онъ единственный врачъ на разстояніи пяти сотъ верстъ. Тутъ имѣеть свое мѣстопробываніе повивальная бабка, Каролина Карловна, родомъ Шведка изъ Выборга, бывшая кухаркой въ теченіе пятнадцати лѣтъ у знаменитой повивальной бабки въ Петербургѣ. Прибавьте къ этому четыре лавки съ Русскими, и одну лавку съ колоніальными товарами, присутственныя мѣста, почтовую контору, надлежащее число питейныхъ домовъ для пользы и удовольствія жителей низшаго класса, а для наслажденій высшаго погребокъ съ иноземными виноградными винами, крещеными въ Москвѣ и Петербургѣ; Нѣмецкій трактиръ, содержимый обанкрутившимся въ Москвѣ Нѣмецкимъ сапожникомъ, и «Продажа» игральныхъ картъ, — и вы должны согласиться, что въ этомъ городишкѣ можно жить спокойно и пріятно, можно быть сытымъ, жирнымъ, толстымъ, можно прожить, промотать и проабедничать имѣніе, и умереть по правиламъ медицины, при помощи почтеннаго Карла Карловича и пріятеля его, аптекаря. Не думайте однако жъ, чтобъ въ этомъ пріятномъ городишкѣ не было вовсе умственныхъ наслажденій. Напротивъ. Почтенный Московскій книгопродавецъ, Логиновъ, присылаетъ туда, дважды въ годъ, по нѣскольку лубочныхъ коробокъ съ книгами и раскрашенными картинками, съ Французскими надписями Московской фабрики, а бурмистръ, занимающійся казенными подрядами, не превышающими суммы десяти тысячъ рублей, выписываетъ Московскія Вѣдомости, которыя, побывавъ въ теченіе недѣли у всей грамотной братии, возвращаются къ нему въ видѣ блиновъ.

Въ это время была ярмарка. Въ балаганахъ разложены были кустарныя произведенія Московской промышленности, ножи, которые ломаются на черствомъ хлѣбѣ, замки съ желѣзными пружинами, бронза ли-

няющая отъ прикосновенія руки, бумажныя ткани и платки, красящіе гораздо лучше, чѣмъ выкрашенные, шероховатая и кривая стеклянная и фаянсовая посуда, и множество всякаго товара изъ заднихъ угловъ Московскаго толкучаго рынка. Въ домахъ продавались бракованныя и проточенныя молью сукна, вышедшія изъ моды шелковыя ткани и ситцы, крашенные мѣха, и, къ великой радости прекраснаго пола, женскіе наряды, — шляпки, и чепцы, пелеринки и косынки, ленты и вуали, готовыя и кроеныя платья, которыя, безъ благодѣтельнаго учрежденія ярмарокъ, должны были бы залежаться и истлѣть въ магазинахъ на Кузнецкомъ Мосту. Въ лавкахъ можно было запастись на цѣлый годъ подмоченнымъ и высушеннымъ сахаромъ, чаемъ, пересышаемымъ изъ цибиговъ въ пестрые ящики съ китайскими уродами, прѣлымъ кофе, заплеснѣвшими винными ягодами и изюмомъ, вывѣтрѣвшимъ перцомъ и лавровымъ листомъ, и изсохшимъ миндалемъ. На площади было множество хромыхъ и кривыхъ лошадей, съ поддѣльными зубами. Правда, что во множествѣ всякой всячины были кое-гдѣ и хорошіе товары, для знатоковъ, не восхищающихся дешевизною; но какъ исключеніе изъ правилъ не входитъ въ общій расчетъ, то мы умалчиваемъ о рѣдкостяхъ.

Почти всѣ окружныя помѣщики съѣхались въ городъ. Женатыя пріѣхали съ семействами, холостые съ своими комнатными собаками, и нѣкоторые съ своими молодыми домоправительницами. Утро посвящено было дѣламъ, то есть, прогулкѣ по лавкамъ и между балаганами. Улицы загромождены были тяжелыми экипажами, и на площади, гдѣ толпился народъ, крики кучеровъ и визгъ форейтеровъ заглушали шумъ и вопли торговцевъ и любопытныхъ. Пыль вилась густымъ облакомъ надъ городомъ, смѣнивъ непроходимую грязь на немощеныхъ улицахъ. Щеголи перебѣгали пѣш-

комъ отъ подъѣзда къ подъѣзду, чтобъ выгружать экипажи, набитые биткомъ дамами и дѣвицами, и мѣняться Французскими фразами. Посреди площади, на курганѣ, составившемся изъ сложенного въ кучу сора, стоялъ старикъ, городничій, въ новомъ мундирѣ и высокой шляпѣ, и бросалъ кругомъ юпитеровы взгляды, которые приводили въ трепетъ мошенниковъ и заставляли пьяныхъ соблюдать равновѣсіе. У подножія кургана стояли два присяжные, въ сѣрыхъ шинеляхъ и въ фуражкахъ, съ палкой въ рукѣ.

День кончился благополучно. Въ избѣ, гдѣ запирали на ночь, до утренней раздѣлки, пьяныхъ и буяновъ, остались два порожнія мѣста на нарахъ. Чудесный докторъ, Карлъ Карловичъ, приглашенъ былъ только четыре раза въ полицію, для освидѣтельствованія ушибовъ и побоевъ, а о нарушеніи правъ собственности подано было только восемь жалобъ. Шумъ на улицахъ утихъ; питейные дома затворились, и почтенный городничій надѣлъ халатъ. Въ домахъ, гдѣ жили помѣщики съ ихъ семействами, свѣчи уже догорѣли до половины, освѣщая карточные столы, за которыми сосѣди, уставъ отъ разговоровъ о хозяйствѣ, псовой охотѣ, тяжбахъ, а сосѣдки, уставъ отъ сплетней и пересудовъ, играли въ вистъ и бостонъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ дѣвицы уже дремали, а въ другихъ бесѣдовали между собою и съ молодыми сосѣдами о чувствительныхъ предметахъ.

Но въ Нѣмецкомъ трактирѣ было шумно и весело. Этотъ трактиръ помѣщался въ обширномъ деревянномъ домѣ, на площади. Онъ построенъ былъ лѣтъ за сорокъ передъ симъ, уѣзднымъ дворянскимъ предводителемъ, который имѣлъ свою домашнюю музыку, давалъ балы и объѣды, и наконецъ разорился. Имѣнье его продано съ публичнаго торга, а домъ сдѣлался принадлежностью города, и обращенъ былъ въ военный госпиталь, во время квартированія войскъ. Ко-

гда войска выступили въ походъ, домъ оставался необитаемъ около десяти лѣтъ, и безъ всякой починки пришелъ въ ветхость. Въ это время одинъ молодой помѣщикъ, жившій въ Москвѣ въ одномъ домѣ съ обанкротившимся сапожникомъ, пригласилъ его поселиться въ ихъ уѣздномъ городѣ и завести трактиръ, общая помощь отъ своихъ земляковъ при такомъ полезномъ для блага общаго начинаніи. Сапожный мастеръ нерѣшался, но жена его, молодая, красивая и проворная Нѣмочка, уговорила мужа, и они, пріѣхавъ въ этотъ городокъ, наняли подѣ трактиръ бывшій госпиталь, съ обязанностью починить одну половину дома, и содержать другую въ благоприличномъ видѣ. Молодые помѣщики снабдили Амалію Карловну строительными матеріалами и рабочими людьми, и одна половина дома приведена была въ состояніе довольно исправное. Покрайней мѣрѣ дождь, хотя иногда и капалъ сквозь крышу и потолокъ, не лился ручьями на полъ, и вѣтеръ, хотя продувалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже не гасилъ свѣчъ въ гостиныхъ комнатахъ. Три уютные покоя, для помѣщенія хозяйки и хозяина, были отдѣланы весьма чисто. Такъ, одна половина дома кое-какъ держалась, а другая безпрестанно осѣдала, и отъ-этого, на половинѣ досчатой крыши, былъ переломъ, и домъ похожъ былъ на двугорбаго вѣдлюда. Въ необитаемой половинѣ окна забиты были досками и завѣшены рогожами. Эта половина служила Амаліи Карловнѣ для хозяйственныхъ надобностей. Въ бывшемъ кабинетѣ уѣзднаго предводителя содержались гуси и индѣйки; въ дѣтской вскармливались телята; въ будуарѣ покойной предводительши помѣщались дойныя коровы; въ танцевальной залѣ сохранялись дрова, а въ гардеробной огородные овощи: философы справедливо говорятъ, что не мѣсто даетъ важность человѣку, а человѣкъ мѣсту. Амалія Карловна своею любезностью, ловкостью и умѣньемъ

жить въ свѣтъ, качествами приправленными хорошимъ бифтексомъ и крѣпкими винами, прославила свой трактиръ въ трехъ смежныхъ губерніяхъ, приобрѣла множество друзей между помѣщиками и множество непріятельницъ между ихъ женами, и уже составила себѣ порядочный капиталецъ, съ которымъ намѣревалась возвратиться въ Москву или переѣхать на житье въ Петербургъ. Ее удерживало только одно важное обстоятельство, а именно, расчетъ съ помѣщиками, вписанными въ ея долговую книгу, которые въ три поры года обѣщевали выплатить ей долгъ по собраніи хлѣба, а въ четвертую пору года жаловались на неурожай, на низкія цѣны, и не платили.

Въ обширныхъ комнатахъ табачный дымъ разлегся облакомъ подъ потолкомъ, а нижній слой атмосферы наполненъ былъ пуншевыми испареніями. Въ биліардной не было прохода. Два знаменитые игрока играли во сто рублей партію, а пріятели ихъ бились между собою объ закладъ. Въ боковыхъ комнатахъ, на малыхъ столикахъ ужинали и пили пуншъ. Въ задней комнатѣ пріѣзжая изъ Москвы компанія игроковъ метала банкъ, на длинномъ столѣ, окруженномъ безмолвными понтерами. Хотя азардныя игры и въ то время были запрещены, но онѣ были терпимы подъ-рукою и, какъ всѣмъ извѣстно, составляли главный доходъ городничихъ, полицеймейстеровъ и капитанъ-исправниковъ. Невзирая на то, что Амалія Карловна всегда брала для прислуги съ дюжину лакеевъ у ближнихъ помѣщиковъ на время ярмарки: ей самой много было хлопотъ наблюдать за кухней, погребомъ и буфетомъ, и записывать въ долговую книгу, потому что мужъ ея, для убѣжденія посѣтителей въ добротѣ своихъ товаровъ, всегда прежде всѣхъ напивался допьяна, и оставлялъ женѣ всѣ заботы по хозяйству. Но за то онъ не вѣтшивался и въ ея дѣла, довольствуясь благороднымъ титуломъ мужа и не отъ-

емлемымъ правомъ его званія, — наѣдаться, напиваться досыта, и курить табакъ во все время бодрствования. Въ табачномъ дыму, въ шумъ и крикъ, между стакановъ и бутылокъ, среди усатыхъ молодцовъ, Амаля Карловна появлялась какъ солнце въ хаосъ, и присутствіемъ своимъ усмиряла бушующія стихіи. Она была разряжена какъ куколка, въ бѣломъ чепчикѣ съ розовыми лентами, въ розовомъ платицѣ съ зеленымъ шелковымъ передникомъ, и звонкимъ голосомъ своимъ заглушала хлопанье шампанскихъ пробокъ, поспѣвая въ тѣ углы дома, гдѣ начинался споръ и слышались взаимныя угрозы. Ни одинъ уставъ благочинія не исполнялся съ такою точностью, какъ ея дружескіе совѣты, а какъ самыя буйныя головы были съ ней въ самой тѣсной дружбѣ, то вліяніемъ ея содержалось все въ должномъ порядкѣ и благопристойности.

Въ столовой комнатѣ сидѣли подъ окномъ смиренно два помѣщика, одинъ пожилой, другой молодой человекъ, въ чекменѣ и съ усами, въ память того, что его двоюродный братъ служилъ въ гусарахъ. Молодой человекъ курилъ сигару, а пожилой ожидалъ своей очереди поужинать, потому что всѣ столики были заняты.

— Знаете ли, Иванъ Павловичъ, что у меня завелся новый сосѣдъ? сказалъ молодой человекъ. Въ село Закатаево пріѣхалъ на житье изъ Петербурга самъ хозяинъ.....

— Какъ! сынъ покойнаго Александра Ивановича Шелкова, Михайла Александровичъ переехалъ въ деревню?..... возразилъ пожилой человекъ съ удивленіемъ и съ примѣтною радостью.

— Онъ самый! примолвилъ молодой усачъ: впрочемъ пустячный человекъ, и, кажется, задорный. Мои крестьяне искони ловили рыбу въ его озерѣ, а онъ теперь запретилъ. Еще покойный мой отецъ охо-

тился въ его дачахъ, — а теперь онъ не позволяетъ ! Важная фигура !..... До сихъ поръ не былъ ни у кого съ визитомъ : говорить, что ему стыдно показаться въ люди. Слышно, что изъ всего отцовскаго имѣнья у него только и осталось что это селъцо Закатаево съ двумя стами душами..... Пріятель мотнулъ порядкомъ ! Сказываютъ, что жена у него красавица, — а если бѣ не то, я бы надобѣлъ ему порядкомъ, по сосѣдству. Я бы принудилъ его отдать мнѣ руками всѣхъ своихъ зайцевъ и лисицъ.....

— Оставьте его въ покоѣ, Платонъ Семеновичъ ! сказалъ пожилой человѣкъ : сосѣдъ вашъ и безъ того несчастенъ. Правда, что онъ лишился большей части отцовскаго имѣнья и, что еще хуже, лишился по собственной винѣ ; но все-таки онъ человѣкъ благородный, съ добрымъ сердцемъ и съ хорошею головою. Приключенія его стоило бы напечатать, для предостереженія молодыхъ людей, вступающихъ въ свѣтъ сиротами, съ деньгами и съ запасомъ суетности. Сосѣдъ вашъ, Михайла Александровичъ Шелковъ, воспитывался въ одномъ модномъ Французскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми людей, которые были выше его состоянія. Въ этомъ пансіонѣ не было раднія о внушеніи юношамъ нравственности, не было заботы о образованіи сердца : такъ не мудрено, что изъ него вышло въ свѣтъ много негодяевъ.

Михайла Александровичъ имѣлъ страсть водиться съ зпатыми. Выбирая товарищей, онъ не искалъ въ нихъ ни ума, ни сердца, а искалъ однихъ титуловъ. Тщеславіе заглушало въ немъ всѣ похвалныя качества, и увлекло въ бездну. Пріятели объѣдали его, обирали, и наконецъ продали игрокамъ, возбудивъ въ немъ страсть къ карточной игрѣ. Счастье, что онъ успѣлъ еще опомниться, хотя уже нѣсколько позднеенько. Любовь спасла его отъ совер-

пеннаго разоренія. Онъ влюбился въ бѣдную дѣвицу, женился на ней, бросилъ всѣ свои связи, и, избѣгая искушеній, вознамѣрился удалиться въ свою деревушку. Слава Богу, что онъ исполнилъ это! Надобно вамъ сказать мимоходомъ, что племянникъ мой, Константинъ, былъ влюбленъ также въ эту дѣвицу, то есть, въ нынѣшнюю жену Михаила Александровича.....

— Какъ! Константинъ Петровичъ?..... гусаръ?..... воскликнулъ молодой усачъ, вскочивъ со стула.

— Да! онъ самый, продолжалъ пожилой человѣкъ. Племянникъ былъ пріятелемъ Михайлу Александровичу и вмѣстѣ его соперникомъ. Но они кончили это дѣло весьма благоразумно, а именно, вмѣсто того, чтобы, по сумасбродному обычаю, стрѣляться на дуэли за руку красавицы, предоставили ей рѣшить ихъ участь. Она выбрала Михайлу Александровича, и племянникъ мой, хотя съ горестью въ сердцѣ, но безъ ропота покорился своей судьбѣ. Пріятели перестали видѣться, но разстались безъ ненависти. Впрочемъ, мнѣ кажется, что племянникъ мой не справился еще со своей любовью. Въ письмахъ его къ отцу видна такая меланхолія, что мнѣ, право, страшно за него. Ему все опротивѣло..... свѣтъ, служба, столица! Мы ожидаемъ его на дняхъ здѣсь. Онъ ѣдетъ за ремонтомъ.....

— Какіе пустяки! гусаръ и влюбленъ! сказалъ насмѣшливо молодой человѣкъ, покручивая усы. Нѣтъ, такою «аказію» не случится съ моимъ двоюроднымъ братомъ, гусаромъ! Онъ свелъ съ ума всѣхъ Полекъ и всѣхъ Нѣмокъ, въ Вильнѣ и въ Ригѣ, а самъ..... и въ усъ себѣ не дуетъ. Вотъ это называется по-гусарски!..... Амалія Карловна, велика подать шампанскаго. Прошу выкупать со мною, Иванъ Павловичъ..... хоть за здоровье нашихъ гусаръ и красавицы-невидимки, моей сосѣдки. А какъ пріѣдетъ вашъ племян-

никъ, то я ужъ его повеселю. У меня завелись два гнѣзда лисицъ въ томъ бору, что влѣво отъ дороги..... Знаете, когда перетѣжаешь чрезъ поле. А вотъ и вино! Не угодно ли?

— Благодарю покорно! Я пью только за столомъ, сказалъ пожилой человѣкъ.

— Ну, такъ я присяду къ вамъ съ моею бутылкой..... Вотъ и ваши котлеты.

Пожилой человѣкъ сѣлъ ужинать, а молодой усачъ сѣлъ возлѣ стола, и сталъ попивать шампанское.

Вдругъ раздался звукъ шпоръ и бряцаніе сабли: вошелъ статный гусарскій офицеръ. Пожилой человѣкъ вскочилъ изъ-за стола и бросился къ нему на шею.

— Добро пожаловать, племянникъ!

— Здравствуйте, дядюшка! А гдѣ батюшка?

— Онъ въ губернскомъ городѣ. Мы его ждемъ на дняхъ..... Да когда же ты пріѣхалъ?

— Съ полчася. Пришелъ перекусить чего-нибудь.....

— Амалія Карловна! закричалъ пожилой человѣкъ: пожалуйста, велите дать чего-нибудь, для милаго гостя, да поскорѣе.....

— Шампанскаго! завопилъ молодой усачъ, и бросился также обнимать гусара, который, какъ казалось, не слишкомъ пламенно отвѣтствовалъ на нѣжности своего знакомца, и, освободясь изъ его объятій, сказалъ хладнокровно: — А, это ты, Платоша!..... Усталъ ты, братецъ! Не исправился ли? Не мѣшай же мнѣ ужинать..... Я проголодался.

Между-тѣмъ въ игорной комнатѣ продолжалась трудная работа. Пріѣзжая компанія игроковъ очищала преспокойно карманы доверчивыхъ провинціаловъ, прельщенныхъ блескомъ золота и пуками ассиг-

націй, которыя разложены были весьма искусно для приманки глазъ. Художникъ банкометъ металлъ подрѣзными картами «на баламута,» и преспокойно передергивалъ, удостовѣрясь, что имѣетъ дѣло съ профанами. Трое круперовъ, гигантскаго роста, съ раздутыми рожами, хладнокровно собирали деньги съ проигранныхъ картъ своими медвѣжьими лапами, и дерзко смотрѣли въ глаза понтерамъ, выходявшимъ изъ терпѣнія. Четвертый изъ почтенныхъ членовъ компаніи сидѣлъ плотно подлѣ банкомета, и, получая отъ товарищей уложенныя на баламута колоды картъ, передавалъ ихъ весьма искусно банкомету, который, будто сморкаясь въ огромный платокъ, перемѣнялъ кодоу послѣ съемки. Пятый членъ водилъ проигравшихся въ комнату, гдѣ сидѣлъ нотаріусъ съ книгою, для записки векселей, потому что почтенная компанія придерживалась строго основныхъ правилъ игры, — не била темныхъ (закрытыхъ) картъ и не вѣрила ни кому, «ниже родному отцу,» на мѣлокъ. Извѣстнымъ людямъ позволялось выставить вексель, положить его за руки, и послѣ того понтировать. Это дѣлала компанія единственно изъ дружбы и изъ уваженія къ лицамъ: весьма немногіе пользовались этою дружбою и этимъ уваженіемъ. Банкометъ былъ весьма замѣчательное лицо: прежде крѣпостной человекъ одного игрока, послѣ того откупился наволю, получилъ, неизвѣстно какимъ образомъ, чинъ 14 класса, обыгралъ «на вѣрную» прежняго своего барина, женился на его дочери, которая умерла съ горя скоро послѣ замужства, и, четыре раза бывъ подлѣ уголовнымъ судомъ, избѣгнувъ наказанія, и только оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Будучи крѣпостнымъ, онъ дважды служилъ натурщикомъ одному знаменитому живописцу-любителю, который писалъ съ него Каина и Іуду. Съ тѣхъ поръ лице его украсилось почетными рубцами отъ разбитыхъ на лбу его бутылокъ и стакановъ

и разбившихъ лобъ подсвѣчниковъ, въ дѣйствительныхъ трактирныхъ сраженіяхъ за карточнымъ столомъ. Рубцы эти однако жъ не были означены въ его портретѣ, писанномъ по его приказанію, на которомъ онъ изображенъ въ гражданскомъ мундирѣ, при шпагѣ, за столомъ покрытымъ бумагами, и съ Московскимъ Журналомъ въ рукѣ. Этотъ банкометъ, по мѣрѣ умноженія его капитала, пріобрѣлъ высшее значеніе въ кругу любителей карточной игры, хорошихъ винъ и вкуснаго стола. Сперва онъ слылъ добрымъ малымъ, потомъ назывался порядочнымъ человѣкомъ, а наконецъ поступилъ въ почтеннѣйшіе. Въ Москвѣ собиралось къ нему множество чиновнаго народа, купцовъ изъ чѣсла разгульныхъ, и даже нѣсколько подмастерьевъ авторскаго цеха. У него было весело, безцеремонно, на холостую ногу, всего вдоволь..... Почтенный человѣкъ!

Между-тѣмъ какъ новопріѣзжій гусарь ужиналъ, разговаривалъ съ дядею, и отвѣчалъ на вопросы знакомыхъ, подходившихъ къ нему здороваться, пробила полночь. Гусарь всталъ и хотѣлъ итти домой, какъ вдругъ вошелъ въ столовую старый его совоспитанникъ и сослуживецъ. Поздоровавшись съ нимъ, гусарь замѣтилъ необыкновенное смущеніе на его лицѣ. — Что съ тобою, товарищъ? Ты кажется невеселъ! сказалъ гусарь, взявъ пріятеля за руку.

— Проигрался, братецъ! отвѣчалъ пріятель.

— Тебѣ не привыкать стать! возразилъ гусарь.

— Ай-да Москвичи! примолвилъ первый: очистили насъ порядкомъ! Бѣднаго Шелкова пустили по міру....

— Шелкова!..... Михайлу?..... подхватилъ гусарь. Онъ здѣсь?

— Былъ здѣсь, а теперь Богъ-вѣсть куда дѣнется!..... Онъ выбѣжалъ изъ трактира, какъ встrepанный. Зна-

еще ли что: онъ проигралъ векселями болѣе ста тысячъ!

— Неужели! Да это почти все его состояніе! сказалъ гусарь, сплеснувъ руками. Несчастная Вѣра! примолвилъ онъ про себя.

— Вѣрно былъ порядочно навеселъ? сказалъ молодой усачъ, который прежде разговаривалъ съ дядею гусара.

— Ни въ одномъ глазѣ! отвѣчалъ проигравшійся помѣщикъ. Удивительный игрокъ! Холоденъ и терпимъ какъ камень. Ужъ какіе куши были ему..... Даже не поморщился!

— Должно спасти его! сказалъ гусарь, обратясь къ дядѣ.

— Я готовъ..... если только есть средство.

— Оно у меня при боку, сказалъ гусарь. Господа! примолвилъ онъ, обращаясь къ пріятелямъ: кто другъ мнѣ, тотъ долженъ подождать здѣсь полчаса. Я сейчасъ возвращусь.....

Гусарь надѣлъ фуражку, и бросился опрометью за двери. Черезъ полчаса возвратился онъ въ трактиръ съ унтеръ-офицеромъ и съ двумя гусарами. Кивнувъ дядѣ и пріятелямъ, чтобы они его подождали, онъ велѣлъ лакею проводить себя въ игорную комнату.

Лишь только гусарскій офицеръ появился въ дверяхъ, банкометъ поблѣднѣлъ, руки его затряслись и лице ужасно скривилось. По счастью для него, онъ кончилъ талію. Бросивъ карты на столъ, онъ сказалъ: — Баста! — и, опрокинувшись на стулъ, вперилъ взоръ въ гусара, какъ-бы предчувствуя бѣду.

— Баста, и вотъ я явился къ расчету! сказалъ гусарь грозно. Что, пріятель, опять попался въ мои руки! примолвилъ онъ, обращаясь къ банкомету. Не увернешься! Пожалуй-ка со мной въ другую комнату.

Банкометь не трогался съ мѣста и поглядывалъ жалостно на товарищей своихъ, которые перешептывались между собою. Понтеры, не понимая, что все это значить, смотрѣли то на гусара, то на банкомета.

— Ступай со мной, или я велю моимъ гусарамъ вытаскать тебя за волосы!

— Разбой! грабежъ! завопилъ банкометь. Понтеры вскочили съ мѣстъ своихъ и съ любопытствомъ ожидали окончанія этой сцены.

Банкометь нарочно возилъ съ собою дюжихъ и звѣрообразныхъ товарищей, чтобъ имѣть защиту и содержать понтеровъ въ страхъ. Онъ обратился къ своимъ тѣлохранителямъ и сказалъ задыхаясь: — Защитите!..... Онъ убьетъ меня!..... Онъ уже два раза чуть оставилъ душу въ моемъ тѣлѣ.....

Тѣлохранители банкомета двинулись впередъ. Одинъ изъ нихъ, ставъ противу гусара, сказалъ: — Какъ вы смѣете нарушать порядокъ и благочиніе? Драться хотите, что ли? — Сабли вонъ! закричалъ офицеръ, обращаясь къ своимъ гусарамъ. Если ты осмѣлишься пошевелиться, то велю изрубить всѣхъ васъ на битое мясо. Господа! сказалъ онъ понтерамъ: возьмите деньги свои назадъ: вы обыграны на вѣрную..... Я знаю этого мошенника, и сей часъ конфисковалъ поддѣльныя карты въ его квартирѣ.

Понтеры, не ожидая расчета, спрятали свои деньги, а одинъ изъ товарищей банкомета схватилъ деньги изъ банка, сколько могъ ихъ загрести въ объ горсти, выбилъ ногой раму въ окнѣ и бросился въ огородъ. Тотъ изъ игроковъ, который подошелъ къ офицеру съ угрозами, сталъ отступать тыломъ въ другую комнату. Банкометь, дрожа отъ страха, сидѣлъ какъ окаменѣлый.

Другой тѣлохранитель сказалъ офицеру: — Помните, что значить это самоуправство! Какъ вы можете обнажать сабли.... Развѣ вы не боитесь отвѣта?...

— Я ничего не боюсь, и изрублю васъ какъ разбойниковъ въ лѣсу, если осмѣлитесь противиться. Я поставилъ часовыхъ къ вашей квартирѣ, опечатавъ поддѣльныя карты, которыя вы привезли съ собою и представляю ихъ правительству. Оно оправдаетъ меня.

— Но что мы вамъ сдѣлали? за что изволите гнѣваться? примолвилъ прежній игрокъ. Благоволите объяснить. Можно сойтись...

Офицеръ перешелъ въ другую комнату. Игрокъ потащилъ туда же почти безчувственного банкмета.

Офицеръ сказалъ: — Если хотите кончить дѣло миролюбиво, вотъ вамъ мои условія: отдайте мнѣ векселя Шелкова и всѣ проигранныя имъ наличныя деньги, и чтобъ завтра же не было васъ въ этомъ городѣ. Въ противномъ случаѣ, клянусь честью, что велю моей командѣ перевязать васъ и самъ доставлю васъ въ губернскій городъ, съ вашими картами.

Нельзя ли помириться,... хоть на половину? возразилъ товарищъ банкмета.

Не уступлю ни гроша!

Банкометь, не говоря ни слова, вынулъ бумажникъ, отсчиталъ четыре тысячи, и отдалъ ихъ офицеру вмѣстѣ съ векселями Шелкова.

Офицеръ, кончивъ свое дѣло, вышелъ спокойно въ столовую и сказалъ дядѣ: — До свиданія. Шелковъ спасенъ!

Узнавъ отъ Амаліи Карловны, гдѣ живетъ Шелковъ, офицеръ отправился прямо къ нему.

Квартира Шелкова была не заперта. Старый дворецкій, со слезами въ глазахъ, укладывалъ вещи. На дворѣ стояла запряженная повозка.

— Гдѣ баринъ? спросилъ офицеръ.

— Ахъ, батюшка, Константинъ Петровичъ! Вотъ

опять Богъ привелъ свидѣться? сказалъ дворецкій, цѣлуя руку стараго пріятеля своего барина. Михайла Александровичъ только что уѣхалъ въ деревню. А что съ нимъ такое, ужъ я не умѣю вамъ сказать, только знаю, что вѣрно что-то не доброе. Сердце замираетъ, какъ вспомню...

Онъ обтеръ слезы кулакомъ и продолжалъ :

— Съ часъ времени, какъ онъ воротился домой, блѣдный, съ красными глазами. Я думалъ, что онъ боленъ, и хотѣлъ было согрѣть чайникъ, но онъ не приказалъ, — сталъ расхаживать по комнатамъ, потомъ вдругъ зарыдалъ и бросился на постель... «Охъ, батюшки, какъ тяжело мнѣ на сердцѣ!» Потомъ родимый выбѣжалъ со двора и принесъ съ собой какой-то бѣлый порошокъ, велѣлъ подать воды, размѣщалъ и выпилъ.... Какъ только выкушалъ, сѣлъ тотчасъ писать и велѣлъ, чтобъ Филька осѣдлалъ лошадь, и быть готовъ скакать къ барынѣ. Потомъ раздумалъ; изорвалъ письмо, велѣлъ заложить коляску, обнялъ меня, сказалъ — «Прости на-вѣки, Семенъ!» — и зарыдалъ, сердечный!... Господь, знаетъ что это значить. Вотъ и я собираюсь за нимъ же.

— Подожди меня, Семенъ! сказалъ офицеръ, и побѣжалъ въ аптеку.

Онъ насилу достучался. Провизоръ, протирая глаза, встрѣтилъ его въ дверяхъ.

— Былъ ли здѣсь Шелковъ, Михайла Александровичъ? спросилъ офицеръ.

— Я не знаю его вовсе, а за часъ передъ этимъ былъ здѣсь какой-то господинъ.

— Чего онъ спрашивалъ?

— Яду! отвѣчалъ хладнокровно провизоръ.

— И вы дали ему?

— Хотя онъ просилъ яду для крысъ, но онъ мнѣ

показался въ такомъ положеніи, что я самъ не осмѣлился дать, и послалъ его къ хозяину....

— Ведите меня къ нему!

— Онъ спитъ. Нельзя ли подождать до утра?

— Ни минуты!

Провизоръ провелъ офицера въ другую комнату, и разбудилъ хозяина. Переговоривъ съ нимъ горячо, офицеръ пустился бѣжать въ квартиру Шелкова, велѣлъ сбросить вещи съ повозки, сѣлъ въ нее, и поскакалъ въ деревню къ Шелкову. Семенъ не осмѣливался противорѣчить, и остался съ вещами въ городѣ.

Читатель уже отчасти знаетъ исторію Шелкова. Онъ былъ человѣкъ «нашего вѣка»: слѣдовательно, въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего отличительнаго, потому что въ наше время оригинальность ума и характера почитается смѣшною. Шелковъ по-ложь былъ на девяносто девять человѣкъ изъ ста молодыхъ людей всѣхъ странъ и народовъ. Онъ имѣлъ доброе сердце и умъ просвѣщенный науками, но ему не доставало нравственнаго и религіознаго воспитанія, и оттого всѣ похвальныя его качества приносили мало пользы и ему самому, и другимъ. Умъ и сердце, безъ разсудка и безъ твердыхъ правилъ, можно сравнить съ снастями корабля безъ руля и безъ кормчаго. Первое направленіе, принятое Шелковымъ при вступленіи въ свѣтъ, привело его безостановочно на край гибели, и первое сильное чувствовапіе возвратило его на истинный путь. Это чувствовапіе было — любовь. Въ домъ одного высшаго чиновника онъ увидѣлъ бѣдную сироту, и полюбилъ ее такою любовью, о которой не имѣлъ прежде ни какого понятія. Любовь заставила его оглянуться на прошлую жизнь, — и онъ ужаснулся. Вѣра до шестнадцатилѣтняго возраста, была воспитана умною и добродѣтельною матерью, вдовою бѣднаго и честнаго чиновника. Она содержа-

ла себя небольшимъ пенсіономъ и трудами рукъ своихъ. Бѣдность и всегдашній примѣръ добродѣтели образовали характеръ Вѣры. Она имѣла всѣ тѣ качества, которыя моралисты стараются внушить женскому полу, и сверхъ-того одарена была отъ природы умомъ и красотою. Бывшій начальникъ ея отца взялъ ее въ домъ по смерти матери, и обходился съ ней какъ съ родной дочерью. Чрезъ два года предстали женихи, — Шелковъ и гусарскій офицеръ. Шелковъ былъ нрава тихаго, скромнаго, нѣжнаго, почтительнаго, начитанаго, любилъ Литературу, Искусства. Гусаръ былъ вспыльчивъ, опрометчивъ, мечталъ объ одной войнѣ и сраженіяхъ. Вѣра избрала Шелкова, который женившись вздумалъ поселиться въ деревнѣ, чтобъ избѣгнуть вліянія прежнихъ друзей, помогшихъ ему промотать огромное имѣніе. Шелкову въ это время было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ отъ рожденія. Онъ еще могъ загладить прежнія свои шалости. При рожденіи сына онъ поклялся не играть въ карты, и два года держалъ слово, не имѣя случая измѣнить ему. Отправившись на ярмарку для закупки необходимыхъ для хозяйства вещей, и увидѣвъ игру, онъ съѣлъ играть по-маленькой, и заигрался. Слово *заигрался* понятно тѣмъ, которые имѣютъ несчастную страсть къ игрѣ, которые связаны были судьбою съ людьми, преданными этой пагубной страсти или торговымъ спекуляціямъ. На человека находитъ кака-то одурь, и надежда на успѣхъ заглушаетъ вопль разсудка. Въ это время рискуютъ честью, имѣніемъ и жизнью. Не даромъ между игроками есть пословица: «играй, но не отыгрывайся». Шелковъ, проигравъ наличныя деньги, захотѣлъ отыграться, вздумалъ укрѣпиться нѣсколькими рюмками шампанскаго, и проигралъ, на векселя, все свое имѣніе. Тогда только вспомнилъ онъ о женѣ и о младенцѣ. За ошибкой идетъ раскаяніе и сожалѣніе, а за добровольнымъ проступкомъ почти все-

гда слѣдуетъ отчаяніе. Въ первомъ приступѣ отчаянія Шелковъ побѣжалъ въ аптеку, купилъ на послѣднія сто рублей яду, и проглотилъ его. Но лишь только онъ принялъ ядъ, жизнь предстала ему со всѣми надеждами, со всѣми ожидаемыми въ ней радостями. Любовь къ женѣ и сыну сильно завопила въ душѣ. По количеству принятой отравы онъ не надѣялся спасти жизнь, рѣшился, по крайней мѣрѣ, взглянуть на жену и на дѣтище, и умереть въ ихъ объятіяхъ. Онъ поскакалъ въ деревню; лежавшую только въ пятнадцать верстахъ отъ города.

Всѣ въ домѣ спали. Шелковъ разбудилъ людей, велѣлъ подать огня, вошелъ со свѣчей въ спальню жены, и разбудилъ ее. Взглянувъ на него, она ужаснулась. Лице его было блѣдно, глаза налиты кровью, волосы и платье въ беспорядкѣ. Въ чертахъ лица было что-то необыкновенное, судорожное.

— Боже мой, что съ тобою сдѣлалось? воскликнула Вѣра. Ты боленъ, другъ мой!...

Шелковъ сѣлъ на кровать, взялъ руку жены, прижалъ ее къ устамъ и къ сердцу, и сказалъ отчаяннымъ прерывающимся голосомъ: — Ангелъ мой, другъ, милая Вѣра! ты любила недостойнаго тебя, изверга...

Вѣра чуть не упала въ обморокъ. Въ глазахъ у нея потемнѣло. Она подумала, что мужъ ея совершилъ какое-нибудь злодѣяніе, убилъ человѣка...

— Выслушай терпѣливо, другъ мой! продолжалъ Шелковъ. Богъ надѣлилъ тебя твердостью души, укрѣпилъ сердце святою вѣрою. Собери всѣ силы твоего ума и души, выслушай и прости меня... Можетъ-быть, чрезъ минуту мы разстанемся навѣки.....

Голосъ его ослабъ, въ груди раздавались заглушенные рыданія; но онъ не могъ уже плакать. Вѣра дрожала всѣмъ тѣломъ, и не имѣла силъ говорить.

— Я проигралъ все мое имѣніе, пустилъ по міру тебя и нашего младенца !...

Вѣра ожила.

— Только-то! Успокойся, другъ мой! сказала она, бросаясь на шею мужу. Мы будемъ трудиться; ты не станешь болѣе играть... и мы будемъ по прежнему счастливы, можетъ-быть, будемъ счастливѣе, чувствуя цѣну трудовъ нашихъ...

— Нѣтъ!... Все кончилось!... Я принялъ ядъ !...

— О Боже !...

Вѣра упала безъ чувствъ на подушки. Шелковъ бросился къ дверямъ, позвалъ служанокъ, велѣлъ помогать женѣ, а самъ какъ бѣшеный выхватилъ младенца изъ колыбели: не взирая на его крикъ, онъ сталъ прижимать его къ устамъ, произнося что-то невнятное. Всхлипыванія заглушали его голосъ. По-счастью, Природа сжалилась надъ нимъ, и дала ему слезы.

Вѣра пришла въ себя, и, едва держась на ногахъ, вскочила съ постели, накинула на себя капоть, и побѣжала на крикъ младенца. Повиснувъ на шею мужа, она зарыдала.

— Неужели нѣтъ спасенія?...

— Ни какого! Ужъ я чувствую дѣйствіе яда во внутренности...

— Молись, другъ мой, молись!... Проси прощенія у Бога!...

Они оба бросились на колѣни передъ образомъ. Младенецъ затихъ на рукахъ матери.

Вдругъ послышался колокольчикъ. Углубленные въ молитву, несчастные супруги не обращали вниманія на внѣшніе предметы.

Въ другой комнатѣ зазвучали шпоры. Вѣра оглянулась. Дверь съ шумомъ отворилась, и вошелъ гусарскій офицеръ. Вѣра воскликнула, и прижалась лицомъ къ младенцу. Шелковъ всталъ, взглянулъ на

офицера, и отступилъ, закрывъ лице руками. Внезапное появленіе бывшаго соперника въ эту минуту, когда онъ ввергъ въ бездну погибели несчастную Вѣру, казалось ему небесною карою. Совѣсть вопіяла въ немъ и терзала сердце; но онъ преодолѣлъ себя, сдѣлалъ шагъ впередъ, и сказалъ :

— Будь ея покровителемъ!...

Стыдъ и чувство собственнаго униженія разстроили его совершенно. Вся кровь бросилась ему въ лице. Онъ не могъ продолжать.

— Благодарю за позволеніе! отвѣчалъ офицеръ, поклонясь Вѣрѣ. И вотъ первая моя служба...

При этихъ словахъ онъ вынулъ бумажникъ, и, подавая его Шелкову, сказалъ :

— Возьми, Михайла Александровичъ! Это твоя собственность, которую я отнялъ у грабителей.

Шелковъ развернулъ бумажникъ, взглянулъ, и, бросивъ на полъ, всплеснулъ руками и вскричалъ : — Боже мой, это весь мой проигрышъ!.... Что это значить? .

— Это значитъ, что тебя обыграли навѣрную, или ограбили, а я отнялъ у разбойниковъ твои деньги, и возвращаю тебѣ по принадлежности.

Офицеръ улыбнулся.

Шелковъ бросился на шею офицеру, и, прижимая его къ сердцу, повторялъ : « Другъ мой! благодѣтель! » Наконецъ, обратясь къ женѣ, онъ сказалъ :

— Ты не будешь одинокою въ мірѣ, и сынъ мой не останется сиротою... Вотъ твой покровитель! Теперь я умру спокойно.... Прощай навѣки, истинный другъ мой! примолвилъ онъ, и снова прижалъ къ сердцу офицера.

— Проститься я долженъ съ тобою, Михайла Александровичъ, потому что я сейчасъ обязанъ возвратиться въ городъ, къ моей командѣ, но прощаюсь съ тобою не навѣки... Я все знаю, и вижу, что ты крѣпко

напугалъ Вѣру Николаевну. Успокойтесь, сударыня! Мужъ вашъ думаетъ, что онъ принялъ ядъ, а онъ принялъ.... магnezію.

Вѣра смотрѣла пристально на офицера, и, колеблясь между страхомъ и надеждою, не могла промолвить слова. Сердце ея сильно билось.

— Что ты говоришь?... сказалъ Шелковъ дрожащимъ голосомъ.

— Сущую правду, отвѣчалъ офицеръ, улыбаясь. Честный аптекаръ, видя тебя въ разстроенномъ положеніи, почти въ безпамятствѣ, догадался о твоёмъ умыслѣ, и, опасаясь, чтобъ въ случаѣ его отказа надѣлать тебя ядомъ, ты не лишилъ себя жизни другимъ образомъ, далъ тебѣ пріемъ магnezіи, котораго по цвѣту ты не могъ отличить отъ сулемы. Этотъ пріемъ весьма тебѣ полезенъ, любезный другъ. Онъ успокоитъ твои нервы... Но пусть этотъ случай будетъ тебѣ памятенъ на всю жизнь. Помни, что ты не можешь располагать своимъ существованіемъ, и что оно принадлежитъ Богу и семьѣ твоей.... Прощайте!

Офицеръ подошелъ къ рукъ Вѣры, и она крѣпко пожала ему руку, сказавъ громко: — Вы истинно честный и благородный человекъ! Этотъ день будемъ мы всегда праздновать въ семьѣ, въ честь вашу....

Слезы навернулись на ея глазахъ. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди благороднаго воина.

Тщетно Шелковъ старался удержать его. Онъ возвратился въ городъ немедленно. Любовь къ Вѣрѣ таплась въ его сердцѣ, и онъ не могъ перенести ея присутствія.

Шелковъ пересталъ играть въ карты, и нѣжностью, угодливостью, любовью загладилъ свой проступокъ передъ женою. Никогда пріемъ магnezіи не имѣлъ такого спасительнаго дѣйствія!

О. ВУЛГАРИНЪ.

СТАРЫЕ АНЕКДОТЫ

РУССКАГО ИНВАЛИДА.

=

Въ военное время, вслѣдъ за исправнымъ продовольствіемъ арміи, военное краснорѣчіе изъ вѣка въ вѣкъ составляло важнѣйшую принадлежность поля брани. Отъ Сципіона до Наполеона, примѣры неисчислимы, какъ жалкіе остатки впухъ разбитыхъ войскъ, одушеваясь словомъ вождя, до основанія истребляли своихъ побѣдителей, и служатъ поводомъ, что о военномъ краснорѣчій говорятъ и пишутъ весьма много, но, къ сожалѣнію, менѣе всего на пользу Русскихъ солдатъ.

По опытамъ извѣстно уже, что ободренные солдаты, съ духомъ, славно дерутся, даже и голодные. Лучшее краснорѣчіе есть то, которое вполне понимаютъ виновники побѣдъ и славы, тѣ именно, къ лицу которыхъ оно обращается. Геній располагаетъ дѣломъ, штыкъ совершаетъ подвигъ: для кого же нужно краснорѣчіе? Конечно не для генія.

Съ небольшимъ исключеніемъ, мы не можемъ еще хвалиться всемогущимъ мастерствомъ въ критическія минуты, — съ помощію Русскаго, роднаго слова, воспламенять сердца и руководить духомъ солдатъ; но должны, не грѣша, сказать, что у насъ есть и были люди, близкіе къ совершенству въ дѣлѣ сего рода и достойные подражанія: къ числу ихъ, безъ спора и апелляціи, надлежитъ причислить славнаго Кульнева.

По стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, я имѣлъ честь находиться нѣкоторое время подъ лестною командою храбраго Кульнева, и, съ двумя ротами егерей, въ авангардѣ героя, содержать передовые посты. Въ четырнадцать дней отъ поступленія моего въ

авангардъ до полученной раны, разлучившей меня съ нимъ, четырнадцать разъ дрались мы съ отступающимъ аріергардомъ храбрыхъ Шведовъ, не зная отдыха, — причемъ имѣли случай взаимно ознакомиться болѣе, нежели возможно въ четырнадцать лѣтъ мирнаго времени на скользкомъ паркѣтѣ.

Прослуживши чуть не полвѣка, я зналъ и знаю людей изъ сослуживцевъ, по отчаянной храбрости которыхъ, можно бы подумать, что безъ свисталуль, безъ рвзанины, они отказались бы жить на бѣломъ-свѣтѣ. Несмотря на то, у нихъ доброе сердце! Таковъ былъ и Кульневъ; и, хоть въ семьѣ не безъ уroda, я первый..... вовсе не изъ храбрыхъ, — но въ авангардѣ и трусь по сердцу не найдетъ приюта. Думай, что хочешь, а мурмыкай вмѣстѣ съ дивными чудаками побѣдную пѣснь: «Наши въ полѣ не робѣютъ.» Поэтому, у всѣхъ авангардныхъ витязей, сердечныя чувства вѣчно на-лице: гдѣ щетка, трещетка и пуговица, тамъ найдешь завѣтъ, секретъ и сокровеннѣйшую тайну.

Кто хочетъ видѣть искреннюю дружбу, ступай въ авангардъ: тамъ одною ложкою кушаютъ трое, говорятъ другъ другу правду, даютъ денегъ займы безъ процентовъ и даже безъ расписокъ; тамъ смерть и слава, вѣра и надежда соединили сердца узами родства, заставили ихъ трепетать одно для другаго; и всѣ эти ощущенія тѣмъ разительнѣе, тѣмъ сильнѣе, что во стѣ саженьяхъ стоитъ чужая пушка, а въ рукахъ врага горитъ фитиль, готовый подписать мрачный паспортъ за предѣлы сего міра. Нѣсколько ближе, увидишь то же, — но встрѣтишь и другое: сюда нерѣдко втираются обозные рыцари, по-заморски сказать, фификусы, которые во всѣхъ славныхъ дѣлахъ, во всѣхъ тяжкихъ трудахъ, и даже въ крови храбрыхъ, безъ зазрѣнія совѣсти имѣютъ свой пай, — а часто и лучшую долю. Они не жалуютъ пуль и ядеръ;

дѣла и людей судять на-изнанку, но за то служащимъ въ авангардѣ, пріятели закадычные! Заверни къ финикусу, Москву увидишь: прехрабрѣйшее угощеніе! преотчаянный поваръ у варвара!

Въ войну со Шведами, Кульневъ приобрѣлъ безсмертную славу, и обратился въ кумиръ всей дѣйствующей арміи. Онъ въ особенности умѣлъ окружать себя людьми, извѣстными подъ вывѣскою — «Смерть — копѣйка, голова наживное дѣло!» — и каждая изъ подобныхъ головъ готова была слетѣть съ плечъ по мновенію обожаемаго Начальника.

«Всемогущему Богу слава! Бѣлому Царю ура! штыку молодцу хвала, а вамъ друзья за мастерскую продѣлку «полновѣсное спасибо!» — загремѣлъ Кульневъ послѣ первой счастливой стычки нашей подъ его начальствомъ. Шведы дерутся славно! Но тѣмъ славнѣе для насъ побѣждать ихъ. Они молодцы, но и въ нашихъ жилахъ течетъ кровь памятныхъ Шведамъ Полтавскихъ чудо-богатырей! Пройдутъ вѣки, иссохнутъ рѣки, и моря сдѣлаются болотами, но Полтава съ Петромъ Великимъ и съ созданною имъ, побѣдоносною Русскою арміею, не забудутся ни въ Россіи, ни въ заморскихъ земляхъ. Кому же изъ потомковъ знаменитыхъ праотцевъ войдетъ въ голову, постыдною трусостью запятнать честь Русскаго оружія и помрачить славу храбрыхъ? Кто рѣшится объявить себя врагомъ святой Вѣры? Чья грудь откажется быть щитомъ храма Пресвятыя Богородицы, трона родныхъ Царей и спокойствія милаго отечества? Вздоръ! не вѣрю! не то говоритъ Русское сердце! Еще разъ «спасибо ребята..... До свиданья!» Съ симъ вмѣстѣ, давъ коню шпоры, онъ умчался вихремъ.

Товарищей моихъ обдало жаромъ; въ продолженіе рѣчи они росли выше, выше; кости у нихъ хрустѣли, глаза горѣли, грудь колебалась, члены тряслись, оружіе щебетало. — «Вотъ образцовый привѣтъ образ-

цоваго молодца!» — гаркнули въ одинъ темпъ двадцать голосовъ.

Вечеромъ получилъ я отъ Кульнева записку слѣдующаго содержанія: «Для пули нуженъ вѣрный «глазъ, штыкъ требуетъ силъ, а желудокъ каши. «Прикажите, любезный товарищъ, сварить оную къ «тремъ часамъ утра; распорядитесь, и не забудьте «часовыхъ; а въ доказательство, что каша была, и «что всѣ сыты, велите каждому солдату, въ часъ прибытія моего, имѣть каши по щепоти на носу.» Я прочелъ записку вслухъ: солдаты поняли шутку, вымывающую отеческія заботы начальника о благѣ подчиненныхъ, и съ сей минуты Кульневъ, для солдатъ моихъ, былъ свѣтлымъ праздникомъ, причиною къ душевнымъ и сердечнымъ ихъ радостямъ.

Предназначенный судьбою къ трудамъ и суровой жизни, Русскій солдатъ бываетъ мгновенно восхищенъ даже и при малѣйшемъ о немъ понеченіи, а увидя веселое лицо командира, пріобрѣтшаго полную его довѣренность, онъ не вникаетъ въ причины: онъ веселъ, поетъ и пляшетъ. По-этому, каша на носу замѣнила на сей разъ блистательнѣйшую статью, хотя бы изъ юмористики *Θ. В. Булгарина*, а для предстоявшаго дѣла, это вовсе не бездѣлица!

Все хорошо въ своемъ мѣстѣ: славный вѣкъ благословеннаго *Александра* явилъ всему свѣту, что Русскій солдатъ даже и умственными способностями стоитъ если не выше, то и не ниже людей равнаго званія всѣхъ извѣстныхъ Державъ. Это болѣе или менее зависитъ отъ мастерскаго вліянія начальства. Но отъ чего Французскій солдатъ пойдетъ танцовать, Русскій усомъ не поведетъ, не пошевелится. Рѣчь *Наполеона* въ Египтъ не произвела бы въ нашихъ войскахъ счастливаго дѣйствія. Душу Русскаго солдата, по милости Божіей, бодритъ и грѣетъ Вѣра, тронъ и отечество; но смотрятъ ли на него съ Египетскихъ

пирамидъ прошедшіе вѣки, или отворотились, — ему все равно.

Храбрый Карпенко умѣлъ двигать солдатъ на смерть и выигрывать добрую ихъ волю, молча. Раздавъ приказанія штабъ и оберъ-офицерамъ, оградивъ готовый въ дѣло полкъ крестнымъ знаменіемъ, онъ спѣшилъ дать собою примѣръ, и поставлялъ собственную грудь на встрѣчу первой непріятельской пули, — и это Христіанское дѣйствіе, это благородное самоотверженіе, производившія въ подчиненныхъ умиленіе, уваженіе и любовь къ неустрашимому начальнику, въ Шведскую и достопамятную отечественную войны, поставили его въ рядъ извѣстныхъ и сердцу соотечественниковъ драгоцѣнныхъ героевъ.

Извѣстный красавецъ словомъ, — не лицомъ однако жъ: льстить не хочу, — разудалой наѣздникъ нашъ Д*** однажды, вовсе безъ намѣренія, привилъ къ душѣ моей большое горе. Я былъ уже готовъ двинуться въ атаку; полубаталіонъ мой стоялъ въ строю, не доставало только сигнала. — «Поздравляю, братъ Иванъ, съ пушками!» провизжалъ теноромъ прискакавшій Д***: — «у тебя не люди, но орлы быстрокрылые! Для нихъ шутка и слона за ноги и чорта за рога!» — Съ симъ вмѣстѣ выхватя саблю: — «Клянись,» примолвилъ онъ, «булатомъ покойнаго отца, которымъ при матушкѣ Екатеринѣ въ жилахъ Турокъ сушилъ онъ кровь: пусть ухо мое не слышитъ военнаго грома, глазъ не видитъ подвига храбрыхъ.... ужасно!.... Но.... пусть наконецъ лишусь я способности различать дымъ табаку съ порохомъ, если эти молодцы штыками не приколятъ къ груди твоей Георгіевскаго креста!»

Въ сію минуту получено приказаніе. Восхищенные солдаты, желая оправдать пророческія надежды славнаго гусара, тотчасъ врѣзались въ середину непріятельскаго аріергарда, явили рѣдкій примѣръ отчаян-

ной храбрости, отбили пять зарядныхъ ящиковъ, и дѣйствительно прикололи мнѣ крестъ съ бантомъ. Но онъ дорого мнѣ стоилъ : съ того времени я никогда не допускалъ краснобая набѣдника къ моей командѣ, чего и впредь строго держаться обещаюсь, если судьба угодно будетъ вызвать насъ, какъ солдаты говорятъ, на яланку.

Въ послѣднюю Польскую войну, я имѣлъ случай слышать и затвердить наизусть рѣчь одного Генерала, говоренную имъ предъ сраженіемъ ; вотъ она :

«Солдаты ! Святой храмъ Русскаго Бога, законные права Отца нашего Царя, неблагодарными подданными оскорбленные, и обширныя границы драгоцѣннаго намъ отечества, всегда имѣли стальной, непобѣдимой щитъ въ груди вѣрныхъ сыновъ своихъ. Слава наша всегда во всѣхъ концахъ земли гремѣла подъ луною, и Русской въ полѣ штыкомъ писалъ врагу законы. Теперь слѣдуетъ вопросъ : будемъ ли мы въ Христіанскихъ обязанностяхъ слабѣе предковъ ! измѣнилась ли въ насъ важность присяги ? простыма ли любовь къ родинѣ, и менѣ ли дорога намъ честь матери нашей, Россіи ?..... Слышу — скорѣе въ землю обратимся, но не осраимся ! Воркустъ молодецкое сердце побѣдоносныхъ товарищей ! вижу огненную готовность неустрашимыхъ сразиться, побѣдить или умереть ! Вѣрю, искреннимъ чувствамъ и пламенному желанію ! Восхищаюсь, но не удивляюсь. Къ чему не способны и чего не сдѣлаютъ Богомъ возлюбленные дѣти страшнаго врагамъ Сѣвера, братья родныхъ Русскихъ, вихрей выюгъ и бурановъ ? Но..... чьей души не грѣютъ молитвы, въ храмъ живаго Бога за насъ возсылаемая, кто не питаетъ твердой надежды на Господа Вседержителя покровителя правыхъ, кто въ бою на ногу тяжелъ, чья пуля не вѣрна и чей штыкъ не лизнетъ бусурманской крови, тотъ не герой и не товарищъ мой.

«Храбрый понялъ меня и вѣрить слову, а трусу я покажу на дѣлѣ, какъ жить и умереть со славою. Праотцы наши не знали середины, и завѣтъ сей, булатными мечами вписали въ кровавое, въ святое знамя Россіи, въ Куликово поле! *

«Какъ старшій изъ васъ солдатъ, я первый вамъ примѣръ и первая причина къ доказательству, что за святое дѣло умереть весело, славно! Не думайте однако же ребята, чтобъ мнѣ не о комъ было пожалѣть, чтобъ мнѣ стошнило жить на бѣломъ свѣтѣ. Напротивъ: я не круглый сирота, и поспѣшилъ къ вамъ, оставя дѣтей и жену, — да еще какую! — кровь съ молокомъ! Изъ одной моей жены, безъ нужды, можно бы выкромить по крайности тройку славныхъ солдатскихъ женъ.»

Съ послѣднимъ словомъ солдаты гаркнули ура, и чтобъ прекратить шумный восторгъ ихъ, потребовалось наконецъ волшебное слово: «Смирно!»

Заключаю бредни мои искреннимъ желаніемъ всѣмъ юнымъ, благороднымъ отраслямъ, посвящающимъ жизнь свою полю славы, слѣдственно будущимъ героямъ, фельмаршаламъ, полководцамъ, счастливыхъ успѣховъ въ наукѣ — даромъ Русскаго слова пролагать путь къ сердцу Русскихъ солдатъ. Строгость, справедливость и безкорыстіе къ наукѣ этой тоже, что прикладъ къ ружью, лафетъ къ пушкѣ: далѣе слѣдуетъ умѣнье, въ важную и цѣлымъ иногда вѣкомъ упроченную минуту, заставить солдата предпочесть славную смерть поносной жизни, возбудить любовь къ отечеству, вдохнуть, втиснуть въ грудь его вѣрную надежду на Бога, — и дѣло сдѣлано!

* Плохой Капитанъ, съ позволенія сказать, кто не заботится ознакомить ввѣренную ему роту съ происшествіями, послужившими къ спасенію отечества. Три эпохи: не дѣловая исторія, но онѣ важны и необходимы къ свѣдѣнію человека, въ которомъ желательно произрастаетъ чувство честолюбія.

Въ трсхдневное сраженіе при Требіи въ 1799 году, * непріятель, имѣя всѣ выгоды, дарованныя ему мѣстоположеніемъ и гордясь превосходствомъ силъ, посреди самаго дѣла опрокинувъ одинъ полкъ нашъ, двинулся впередъ сильною колонною, и, подобно лавѣ, текущей изъ огнедыщащей Этны, опровергаль всѣ препятствія. Уже наши отступали, и непріятель торжественно прошелъ первую линію. Суворовъ, бдительнымъ окомъ обозрѣвавшій поле битвы, приказалъ поспѣшить къ сему пункту баталіону гренадеръ съ нѣсколькими казаками, мгновенно самъ явился посреди войскъ, отступающихъ въ безпорядкѣ, и, протяжая бѣгущихъ, кричалъ: — «Заманивайте, заманивайте ихъ, ребята! И наша денежка не щербата: скоро пробьетъ и нашъ часъ!» — Потомъ вдругъ скомадовалъ: — «Стой! впередъ! ура! наша взяла!» — Вмигъ торжествующій непріятель опрокинуть, гренадеры съ казаками подоспѣли, и удвоенное пораженіе умножило совершенную гибель Французовъ.

Вотъ, какъ зналъ Суворовъ свойство Русскихъ солдатъ, и какъ умѣлъ онъ вдохнуть въ нихъ слѣпую, сердечную къ себѣ довѣренность, на которой именно основывалось неподражаемое ихъ мужество! Подъ командою безсмертнаго Суворова никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, и никто не зналъ, что значитъ быть побѣжденнымъ. Наука важная, но для созданнаго быть полководцемъ, вовсе не хитрая. Вѣрный шагъ къ этой наукѣ, — послѣ врожденныхъ способностей и образованія, разумѣется, — совершенное знаніе свойствъ народныхъ, языка солдатъ и постоянныя заботы объ ихъ здоровьѣ. Суворовъ, вполне одаренный первымъ свыше, съ успѣхомъ употреблялъ послѣднее, —

* Въ числѣ собственноручныхъ записокъ А. В. Суворова, полученныхъ мною отъ Генераль-Адъютанта Н. Н. Муравьева, къ совершенному удовольствію, нашелъ я нѣкоторые свидѣнія и о семъ дѣлѣ, написанныя вчернѣ, вѣроятно очевидцемъ.

что между прочимъ доказываетъ и слѣдующій Приказъ.

П Р И К А З Ъ № 750.

«Здоровье: драгоценность блюденія онаго въ естественныхъ правилахъ. Питье: квасъ; для него двойная посуда; чтобъ не было молодаго и перекислаго; коли жъ вода, то свѣжая или нѣчто приправленная. Ъда: котлы вылуженные, припасы здоровые хлѣбъ выпеченый, пища доварная, не переварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая; и для того, кто къ кашѣ не поспѣлъ, лишенъ ея на тотъ разъ. Воздухъ: въ теплое время отдыхать подъ тѣнью, ночью въ палаткахъ укрываться, въ холодное жъ отнюдь бы въ нихъ сквозной вѣтеръ не былъ. Чрезъ ротныхъ фершеловъ довольный запасъ въ артеляхъ ботаническихъ средствъ: сіе подробнѣе и для лазаретовъ описано въ примѣчаніяхъ искуснаго штабъ-лекаря Бѣлопольскаго.» Подлинный подписалъ: *А. Суворовъ*. Свѣрять: *Секундъ-Маіоръ Буйносовъ*.

Теперь спросите, что солдаты говорятъ между собою, выслушавъ подобный Приказъ, хотя бѣ въ приличномъ случаѣ написалъ его не болѣе какъ баталіонный командиръ! Объявляя себя, безъ стыда, борть о борть двѣнадцати-лѣтнимъ товарищемъ и сороколѣтнимъ неразлучнымъ спутникомъ Русскихъ солдатъ, отвѣчаю утвердительно, что всѣ они воскликнуть въ одно слово: «Намъ, братцы, кладъ Богъ далъ въ такомъ начальникъ! Съ нимъ иди смѣло въ огонь и въ воду! Если дорого ему наше здоровье, такъ голова даромъ не ляжетъ! На него какъ на каменную стѣну, какъ на отца роднаго, надѣяться можно, лишь бы Царица небесная сохранила молодца, и не разлучила насъ съ этимъ сокровищемъ!»

Но жизнь, и даже честь мою, прозакладую, что начальникъ съ пушкомъ на рыльцѣ, — какъ умно сказа-

но въ Баснѣ Крылова, — никогда не пріобрѣтеть солдатской довѣренности. Трусъ все-таки на что-нибудь годится; но преступный корыстолюбецъ, въ войнѣ и въ мирѣ рѣшительно вредная, тяжкая службѣ фигура. Слава Богу, что этого рода проказники перевелись въ нашихъ храбрыхъ рядахъ, и благодаря неусыпному попеченію начальства о нравственности военнаго сословія, нынче извѣстны они только по преданію.

Русскій солдатъ молчить, но знаетъ цѣну сущему дѣлу, любить строгаго, справедливаго и безкорыстнаго начальника, благодаренъ безпредѣльно, и ни за что не уступить ему перваго мѣста къ смерти. Сколько разъ видалъ я, какъ убѣдительно, съ полными слезъ глазами, въ пылу боя солдаты упрашивали своихъ офицеровъ поберечь жизнь для ихъ счастья и славы, и какъ заслоняли они собственною грудью грудь обожаемаго ими отца и командира, чистыми правилами и похвальнымъ поведеніемъ выигравшаго и утвердившаго солдатъ въ вѣрной на себя надеждѣ.

Надежда, сладкое, святое чувство, драгоценнѣйшій даръ неба, благотѣльная спутница странника въ семь міръ! обольщенный призракомъ твоимъ, покрытымъ непроницаемою завѣсою, солдатъ и генералъ, если чистой совѣстью гребѣтъ, смѣло къ цѣли плыветъ; на стремя ли попадаетъ, — ура и Богу слава! на дно ли упадаетъ, — итогъ подведенъ, и счеты кончены: маршъ! шлемъ на чердакъ, а мечъ на спичку! Но нѣтъ надежды, нѣтъ и дороги, нѣтъ и жизни!

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

МОРЕХОДЪ НИКИТИНЪ.

==
В Ы Л Ъ.
==

A sail, a sail — a promised prize to hope!
Her nation, flag? what speaks the telescope?
She walks the waters like a thing of life
And seems to dare the elements to strife
Who would not brave the battle fire, the wreck,
To move the monarch of her peopled deck? *

ВѢСН.

Въ 1811 году, въ Юль мѣсяцъ, изъ устья Сѣверной Двины выходилъ въ море небольшой карбасъ. Надо вамъ сказать, что, въ 1811 году въ Юль мѣсяцъ, точно такъ же какъ въ настоящемъ 1834 году, до котораго мы дожили по милости Божіей и по увѣренію Календаря Академіи, старушка Сѣверная Двина выливали огромный столбъ водъ своихъ прямо въ Сѣверный Океанъ, споря дважды въ день съ приливомъ, который самымъ безсовѣстнымъ образомъ вторглся въ ея заветные омуты, и превращалъ ея сладкія, благородныя струйки въ простонародный рассоль, годный развъ для трески. Обязанъ я вамъ и объяснить по долгу литературной совѣсти, что карбасомъ, въ тѣ поры, какъ доселѣ, — называлось судно шаговъ восемнадцать длиннику, на шесть ширины, съ двумя мачтами однодревками, полусшитое корнями, полусбитое гвоздями, изъ которыхъ едва-ль пятая часть были желѣзные. Палубы на карбасъ обыкновенно не пола-

* «Корабль, корабль! — надежда на призъ! Какой онъ націи, подь какимъ флагомъ? Что говорить зрительная труба? онъ идетъ по волнамъ какъ одушевленный; онъ, кажется, вызываетъ на бой стихій. Кто побойтсѣ огня, воды, чтобъ только пройтисѣ властеляномъ по этому многолюдному деку!»

Т. IV. — Отд. I.

8

галось, а на кормъ и на носу небольшіе навѣсы обра-
зовали конурки, гдѣ, на кучахъ кладѣ, только Русская
спина, и только одна спина, могла уютиться, скру-
тѣсь въ три погибели. Въ слѣдствіе чего, какъ вы са-
ми усмотрѣть благоизволите, въ середину судна бѣ-
лый свѣтъ и безцвѣтная вода, сверху и снизу, справа
и слѣва, могли забѣгать и проживать, безданны, без-
пошлинно. Посудина эта, или выражаясь учтивѣе,
этотъ корабль, — а слово «корабль», замѣтите, произ-
вожу я отъ «короба», а коробъ отъ «коробить», а ко-
робить отъ «горбить», а горбъ отъ «горы»: надѣюсь,
что это ясно; какіе-то подкидыши этимологи произ-
водятъ «корабль» отъ какого-то греческаго слова, ко-
торого я не знаю, да и знать не хочу, но это напра-
слина, это ложь, это клевета, выдуманная какимъ-
нибудь продавцемъ грецкихъ орѣховъ: я, какъ вы
изволите видѣть, коренной Русской, происхожу отъ
Русскаго корня и выросъ на Русскихъ кореньяхъ, за
исключеніемъ биквадратныхъ, которые мнѣ при-
шлись не по зубамъ; а потому, за секретъ вамъ скажу,
терпѣть не могу ничего заморскаго и ничему ино-
странному не вѣрю, — и такъ этотъ корабль, то есть,
этотъ карбасъ, весьма походилъ на лодію, или ладью,
или лодку, древнихъ Норманновъ, а можетъ-статься
и Аргонавтовъ, и доказывалъ похвальное постоянство
Русскихъ въ корабельной архитектурѣ; но съ тѣмъ
вмѣстѣ доказывалъ онъ и ту истину, что мы съ не-
уклюжими карбасами наслѣдовали отъ предковъ сво-
ихъ Славено — Руссовъ отвагу, которая бы сдѣлала
честь любому hot pressed, силой завербованному, мо-
ряку, танцующему подъ свистокъ на лощеной палу-
бѣ Англійскаго man of war, линѣйнаго корабля или,
спѣсивому Янки, бѣгущему крѣпить штынь-болтъ по
реѣ Американскаго шунера*. Да-съ! Когда вздумаешь,

* Въ насмѣшку Англичане называютъ Северо-Американцевъ — Yankees.

что Русской мужичокъ — промышленникъ, мореходъ, на какой-нибудь щепкѣ, на шитикѣ, на карбасѣ, въ кожаной байдарѣ, безъ компаса, безъ картъ, съ ломтемъ хлѣба въ карманѣ, плаваль, хаживаль на Грунвантъ, — такъ зовутъ они Новую Землю, — въ Камчатку изъ Охотска, въ Америку изъ Камчатки, такъ сердце смѣется, а по кожѣ мурашки бѣгаютъ. Около свѣта опоясать? Конѣйка! Послушайте, какъ онъ говоритъ про свои странствія, про которыя бы Французы и Англичане и въ пѣсняхъ не напѣлись, и въ колокола не назвонились, и вы убѣдитесь, что труды и опасности для него игрушка. «Забрались мы къ Гебрицкимъ, да оттуда на перевалъ въ Бразилію, въ золотое Царство махнули. Изъ Бразиліи перетолкнулись въ Камчатку, а оттоль вѣдь на Ситку — то рукой подать!» Вотъ этакихъ удалцовъ подавай мнѣ, — и съ ними хоть за живой водой посылай! Окіанъ встрѣлся? — окіанъ шапками вычерпаемъ; Пещаное море? — какъ тавлинку вынюхаемъ! Ледяныя горы? — вмѣсто леденца сгрыземъ! Гдѣ жъ эта сударыня Невозможность запропастилась? Выходи, — авось на подметки намъ пригодится! Подъ кѣмъ добрый конь авосьмасти, тому лѣсъ не лѣсъ, рѣка не рѣка: куда ни поскачетъ дорога; гдѣ ни обернется, просторъ. На кита? — такъ на кита, — экая невидаля! зубочисткой заостримъ! На бѣлаго медвѣдя? — щелкомъ убьемъ; а въ красный часъ, и лукавой подъ руку не подвертывайся. Намъ ужъ не впервые на зубахъ у него гвозди ковать, въ носъ колечко вдѣвать. Правду сказать, Русакъ тяжелъ на подъемъ; раскатать его трудно: за то ужъ какъ пойдетъ, такъ въ самоходахъ не догонишь. Кудѣ лѣниво говорить онъ первое — «Ась?» Но когда послѣ многихъ — «Да на что мнѣ это! Да къ чему мнѣ это! Живетъ и такъ; какъ-нибудь промаячимъ!» — доберется онъ до — «Нешто, попытаемъ!» да «Авось сдѣлаемъ,» — такъ раздайтесь, разступитесь: стопчетъ,

и поминай какъ звали! Онъ вамъ перехитритъ всякаго Нѣмца на каедрѣ, разобьетъ Француза въ полѣ, и умудрится на заводѣ лучше любаго Англичанина. Не вѣрите? — окунитесь только въ нашу Словесность, рѣшитесь прочесть съ начала до конца пламенная статья о безсмертныхъ часахъ съ кукушкою, о вліяніи родимыхъ макаронъ на нравственность и о воспитаніи Виргинскаго табаку, — статьи столь пламенные, что ихъ невозможно читать безъ пожарнаго камзола изъ асбеста, — и вы убѣдитесь, что литературные гении — самотесы на Руси такъ же обыкновенны какъ сушеные грибы въ Великій Постъ; что мы ученые Ученыхъ, — ибо довѣдались, что Науки вздоръ; что пишемъ мы благонравіе всей Европы, ибо въ сочиненіяхъ нашихъ никого не убиваютъ кромѣ здраваго смысла.

Но къ дѣлу. Въ 1811 еще ни одинъ пароходъ не пугалъ своими шумными колесами рыбной народъ въ рѣкахъ Русскихъ; и потому Двинскія рыбки безбоязненно высовывали головки свои, чтобы полюбоваться на вороной какъ смоль карбасъ и тѣхъ, которые имъ правили. Вотъ фізіологическія подробности, полученныя мною отъ одной изъ очевидицъ, шукъ: несмотря на Архангелогородскую соль и непривычное ей путешествіе въ розвальняхъ, слогъ этой шуки такъ цвѣтистъ, какъ-будто бы она кушала сочинителей всѣхъ темныхъ, пестрыхъ и голубыхъ сказокъ; должно думать, что предметы, отражаясь въ тысячѣ граней рыбьихъ глазъ, производятъ необыкновенное разнообразіе впечатлѣній въ ихъ мозгъ; обращикъ прилагается въ подлинникъ.

Рѣка, — рыбы всегда начинаютъ рѣчь съ своего отечества, съ своей стихіи: благоразумныя рыбы! въ этомъ онѣ ни сколько не слѣдуютъ сосцепитательнымъ сочинителямъ, которые всего болѣе любятъ говорить

о томъ, что они знаютъ наименѣе, -- рѣка чуть струилась; корабль катился быстро, напутствуемый теченьемъ и вѣтромъ; пологіе берега незамѣтно текли мимо его, и если бъ кой-гдѣ стоящія на якоряхъ суда не оказывали бѣга судна какъ поверстныя столбы, то шовцы въ карбасъ могли бы подумать, что они неподвижны: столь однообразно-пусты, такъ безмолвно-мертвы были окрестныя тундры. Тогда еще не видно было на берегахъ Двины сахарныхъ и канатныхъ заводовъ, и ни одна верфь не готовила бросить въ воду юныхъ скелетовъ корабельныхъ, еще не одѣтыхъ дубовою плотью. На всемъ пространствѣ отъ Соломбола до устья, не встрѣтилось имъ ни одной живой души, хотя разноцвѣтный мохъ подернуть былъ оранжевою ягодой морошки....

«Отличное противоскорбутное средство! замѣчаетъ мой пріятель, медикъ. «Природа помѣщаетъ всегда противудіе вблизи яду: какъ мнѣ извѣстно, морошка составляетъ теперь отрасль торговли Придвинскаго края: ее для Англійскаго флота вывозятъ тысячами сороковыхъ бочекъ.»

....Морошки, раскинутой причудливыми узорами, подобно фатѣ сѣверной красавицы....

«Лучше бы сказать, подобно Русскому ситцу,» говорить одинъ женатый помѣщикъ: «потому что Русскіе ситцы-самодѣлки точь-въ-точь морошка по болоту.»

Рыба сморкаетъ носъ, и продолжаетъ:

Только одинокій журавль, царь пустыни, бродилъ тамъ, какъ Ученый по части Зоологіи....

Онъ, — то есть, журавль, а не ученый, — втыкалъ носъ въ мутную воду, въ жидкій илъ, и, вытащивъ оттуда какого-нибудь червячка или пискаря, гордо подымалъ голову. Оглянувшись на карбасъ, онъ

расчиталъ глазомѣрно разстояніе, и, увѣрившись, что находится внѣ выстрѣла, погнался за рѣзвою лягушкою, безопасно кивая хвостикомъ. Онъ нашелъ лягушку гораздо занимательнѣе людей.

И справедливо: Баронъ Брамбеусъ хоть вовсе не похожъ на журавля, а чуть ли не того же мнѣнія. — Лягушекъ не лягушекъ, скажетъ онъ, а что устриць я всегда предпочту людямъ! во-первыхъ, древность происхожденія устриць глубже всякой Лѣтописи и несомнѣннѣе Несторовой, такъ, что самъ Баронъ Кювье не отыскалъ пятна въ ихъ предпотопной генеалогіи; во-вторыхъ, онъ постояннѣе Китайцевъ въ своихъ мнѣніяхъ: родятся себѣ и умираютъ у скалы, къ которой приросли, и съ доброй воли не дѣлаютъ фантастическихъ путешествій; и въ третьихъ, не заводятъ въ старомъ морѣ юной Литературы.

Судя по хладнокровію или, лучше сказать, по безопасности, съ какою четверо мореходцевъ, составлявшихъ экипажъ карбаса, спускались въ шумный бурунъ, образованный борьбою рѣчной воды съ напоромъ возникающаго прилива, ихъ можно было бы зачислить въ Варяжскую дружину, не подводя подъ рекрутскую мѣру. На руль сидѣлъ здоровый молодецъ лѣтъ двадцати семи: волосы въ кружокъ, усы въ скобку, и борода чуть-чуть закудрявилась; на щекахъ румянецъ, обшавшій не сминать до шестидесяти лѣтъ, съ улыбкой, которая не упорхнула бы ни отъ девятаго вала, ни отъ самъ-девятъ сатаны; однимъ словомъ, лице вмѣстѣ смѣтливое и простодушное, беззаботное и рѣшительное; — фizioномія настоящая съверная, Русская.

По одеждѣ, онъ принадлежалъ къ переходнымъ породамъ. На головѣ Англійская пуховая шляпа, на тѣлѣ суконный жилетъ съ серебряными пуговицами: за то красная рубашка спускалась по-Русски на ки-

тайчатые шаравары, а сапоги, по модѣ, сохранившейся у насъ со временъ Куликовской битвы, загибали свои острые носки къверху. По самодовольнымъ взглядамъ которые бросалъ нашъ рулевой на изобрѣтенный имъ топсель, вздернутый сверхъ рейковаго паруса, онъ принадлежалъ къ школѣ нововводителей. У средней мачты, въ парусинной курткѣ и въ такихъ же брюкахъ, просмоленныхъ до непроницаемости, сидѣлъ старикъ лѣтъ за пятьдесятъ, у котораго благословенная борода была въ явномъ разладѣ съ кургузымъ матрозскимъ платьемъ: явленіе странное всегда, и нерѣдкое до сихъ поръ. Издавна ходилъ онъ по морямъ на корабляхъ купца Бранда и компаніи, но напрасно уговаривали его хозяева обрить бороду. Ураганы могли теребить ее, море вцѣплять въ нее свои ракушки, вкroppлять соляные кристаллы, случай заѣдать въ блокъ или въ захлестъ каната; но владѣтель ея былъ непоколебимъ ни насмѣшками юнговъ, ни ударами судьбы. Онъ не возлагалъ даже на нее постризала, и она, въ природной красѣ, во весь ростъ разстилалась по груди и по плечамъ упряма. Дядя-Яковъ — такъ звали этого чудака, — сидѣлъ на боченкѣ Русскаго элемента, квасу, и сплѣскивалъ, то есть, страшивалъ веревку. У ногъ его почти лежалъ молодой парень лѣтъ двадцати, упершись ногою въ бортъ и придерживая руками шкотъ, угловую веревку паруса. По его свѣжему лицу, по округлымъ, еще неизломаннымъ опытностію чертамъ, по любопытству, съ какимъ поводилъ онъ вкругъ глазамъ, даже по неловкости его, больше чѣмъ по покрою кафтана, можно было удостовѣриться, что онъ не просоленной морякъ, новобранецъ, только что изъ села.

На носовомъ помостѣ лежалъ ничкомъ, свѣся голову за бортъ, коренастый мореходъ съ фizioноміей, какія отлиываетъ Природа тысячами для всенеднежнаго расхода. Не на что было повѣсить на ней ни какого чув-

ства, а мысль, будь она кована хоть на всѣ четыре ноги, не удержалась бы на гладкомъ его лбу. Онъ поплевывалъ въ воду, и любовался, какъ струя уносила изображеніе его жизни, и потомъ запѣвалъ, — «Охъ, не одна! эхъ, не одна!» — и опять поплевывалъ. Онъ принадлежалъ къ безконечному ряду практическихъ философовъ, которые разрѣшаютъ жизнь самымъ безмятежнымъ образомъ, — «работать когда нужно, спать когда можно.»

Молодой человѣкъ, сидѣвшій на руль, былъ полный и законный хозяинъ карбаса вмѣстѣ съ грузомъ, и временной командиръ, капитанъ, или воевода ляди Якова, Алексѣя, племянника по его сердцу, и неизбѣжнаго Ивана по сердцу всему свѣту. Оставшись сиротою на двѣнадцатомъ году возраста, онъ, какъ большая часть удалыхъ ребятъ Архангельской губерніи, нанялся юнгою на Англійскій купеческій корабль, и мыкался бурями и волнами до двадцати двухъ лѣтъ, имѣя удовольствіе получать щелчки отъ шкиперовъ всѣхъ націй и побранки на всѣхъ языкахъ. Наскучивъ безпріютною жизнію матрозскою, онъ присталъ къ истинно почтенному классу биржевыхъ артельщиковъ, людей испытанной честности, трезвыхъ, дѣятельныхъ, смысленныхъ, и потомъ взять съ хорошимъ жалованьемъ въ контору одного изъ богатѣйшихъ иностранныхъ купцевъ Архангельска. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ уже въ состояніи покинуть чужое гнѣздо. Его томила охота отвѣдать своего счастья, поторговать на свое имя, — и вотъ онъ купилъ и снарядилъ карбасъ, — и вотъ онъ теперь уже въ пятый разъ, въ другое лѣто, пускается въ море.

Впрочемъ никогда еще Савелій Никитичъ, — это было его имя, — не пускался въ море съ такимъ запасомъ веселости, какъ этотъ разъ. Причину тому я знаю, — да и чего я не знаю? не хочу таить ее за ду-

шой. Онъ, — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, — задумалъ жениться. Дочь его сосѣда, также Архангельскаго мѣщанина какъ онъ самъ, Катерина Петровна, прелестная, какъ всѣ Катерины вмѣстѣ, и миловидная, какъ ни одна изъ Катеринъ, до сердца приглянулась нашему плавателю. Его воображеніе, изощренное морскимъ воздухомъ, и во снѣ ни чего не грѣзило свѣжѣе, умнѣе и достойнѣе этой русококой красавицы. Ему всего болѣе понравилось, что она порядкомъ отбояривала отъ себя молодыхъ флотскихъ офицеровъ, которые, сверхъ обязанностей по службѣ, берутъ на себя образованіе милыхъ дѣвушекъ во всѣхъ портахъ пяти частей Свѣта. Однимъ словомъ и наконецъ, онъ, раскинувъ умомъ разумомъ, подвелъ итоги своихъ кармановъ, пригладилъ голову кваскомъ, и, благословясь, пошелъ сватать свою зазнобу къ отцу ея. Съ самой Катериной Петровной онъ, должно быть, давно стакнулся; и хотъ я не былъ свидѣтелемъ, да ужъ на свой страхъ говорю вамъ, что молодежь моя промѣняла между собой не одну клятву любви и вѣрности съ приложеніемъ взаимныхъ поцѣлуевъ. Какъ быть, милостивые государи! въ торговлѣ всегда есть контрабанда, въ сватовствѣ потаенныя сдѣлки.

Савелій разчувствовался; упалъ на колѣни передъ отцемъ Катеньки, просить благословенія.

Старикъ отецъ погладилъ его по головѣ, и поднималъ; погладилъ себя по бородѣ, и сказалъ:

— Послушай, Савелій Никитичъ! ты добрый человекъ, ты смѣшленный и честный парень: спасибо, что пришелъ ко мнѣ прямо безъ свахъ, и тебѣ я скажу прямо безъ обиняковъ, — ты мнѣ по душѣ, я не прочь породниться съ тобою; однако....

Охъ, ужъ мнѣ это «однако» вотъ тутъ сидитъ, съ тѣхъ еще поръ, какъ учитель хотѣлъ было, по его ска-

замъ, простить меня за шалость, однако высъкъ для примѣра; съ тѣхъ поръ какъ мой искренній другъ и моя вѣрнѣйшая любовница клялись мнѣ въ привязанности, и за словомъ, однако, надули меня.... Однако жъ оставимъ это «однако».

Савелій, не смѣядохнуть, стоялъ передъ старикомъ, высасывалъ глазами догадки изъ его лица, но слово «однако», произнесенное съ такою разстановкою, что между каждымъ слогомъ уложиться могло по двадцати сомнѣній, распилило его сердце пополамъ, и опилки брызнули во всѣ стороны.

— Од-на-ко (послѣ ко двѣ черточки), — произнесъ старикъ, и почесалъ въ затылкѣ, потому что затылокъ есть чердакъ человѣческаго разума, въ который сваливаютъ весь хламъ предрасудковъ, всю ветощь нравовъ, колодки давно стоптанныхъ мнѣній и вѣрованій, битыя фляжки изъ-подъ воображенія; или, лучше сказать, онъ гостинодворская, темная, задняя лавка, въ которую обыкновенно заводятъ пріятеля-покупателя, чтобы сжить съ рукъ полинялый, староманерный товаръ. — Однако, Савелій Никитичъ! вѣдь не мнѣ жить съ тобой, а дочери; а за ней приданое не рогато. Я и самъ съ копейки на копейку перепрыгиваю. Радъ бы душой, да кусъ не большой: у меня же сыновья подростки. Опять, и дочери своей мнѣ не хочется видѣть въ нуждѣ, лучше заживо въ землю закопаться. Впрочемъ вокругъ Катеньки, самъ ты извѣстенъ, женихи словно хмѣль увиваются.

— Пропала моя головушка! подумалъ Савелій.

— Не въ укоръ тебѣ будь помянуто: покойникъ батюшка твой сидѣлъ въ лавочкѣ, да выѣхалъ изъ ней на палочкѣ: благодаря мичманамъ, проторговался; заплатился добромъ за свою простоту, и пустилъ тебя круглымъ сиротою кататься словно мѣдный грошъ по

блгу-свѣту. Не осуди, братъ Савелій! имя твое знаю я, отчество знаю, а животовъ не знаю. Скажи мнѣ какъ на духу: есть ли на что у тебя хозяйствомъ обзавестись, да себѣ на прожитокъ и дѣтямъ на зубокъ придобить?

Савелій вытащилъ бумажникъ, показалъ ему свои аттестаты, выложилъ тысячу рублей чистагану, да еще тысячи на полторы квитанцій купленнымъ товарамъ: это для мѣщанина не бездѣлица.

— Притомъ я имѣю суднишко и кредитъ, сказалъ онъ, ношу голову на плечахъ и, благодаря Создателя, не пустоголовъ, не сухорукъ. Прошлой годъ, я выгодно продалъ въ Соловкахъ свои товары, былъ тамъ и по веснѣ: да если съ тобой поладимъ, такъ съ жениной легкой руки въ Спасово заговѣнье опять пушусь. Что жъ, Миронычъ: аль другіе-то лучше меня? Позволь!

— Ну Савелій, руку! Только свадьбу жить послѣ Спаса. Ты напередъ съѣздишь въ Соловки, да собьешь копынку на обзаводство; а то съ молодой женой растаивать конца не будетъ. Не поперечь мнѣ, Савелій: у меня слово съ заклепомъ.

— Это очень хорошо! сказалъ Савелій. — Это очень плохо! подумалъ Савелій.

Но дѣлать было нечего: довелось согласиться на отсрочку. Благословили образомъ, обручили; а между-тѣмъ, покуда подружки-голубушки шили Катѣ приданое, да пѣли, — между-тѣмъ, какъ отецъ и мать ея плакали, карбасъ Никитина снарядился и нагрузился. Минута разлуки была уже за плечами, ужъ на плечъ, ужъ расправляла крылья, чтобъ улетѣть, а наши милые, или, какъ выражаются Архангелогородцы, «бажонные» обрученники о томъ и думать не думали. Дядя Яковъ принужденъ былъ вы-

тащить жениха отъ невѣсты волокомъ. Попутный вѣтеръ казался ему самою противною погодой; но вѣтеръ пересилилъ любовь. Савелій выпилъ послѣднюю каплю наливки, сорвалъ послѣдній поцѣлуй съ губокъ невѣсты. Сладка ему была капля, поцѣлуй еще слаще: вѣкъ не разстаться бы съ ними, однако онъ разстался. Ему надо было спѣшить уѣхать, чтобы поспѣшнѣе пріѣхать. Онъ прыгнулъ въ карбасъ, цѣпь съ громомъ скользнула со сваи, карбасъ отчалилъ.

Долго стояла Катя на набережной, провожая глазами суженаго, махая бѣлою рукой; сердце ея вѣщсвало не на доброе: она залилась слезами и пошла домой, вытирая ихъ миткалевымъ рукавомъ своей сорочки. Съ Савельемъ было не лучше: покуда видна была Катя, онъ оглядывался, дотога, что чуть шеи не вывихнулъ, а потомъ взгляды его ныряли въ воду, — словно, онъ обронилъ туда свое сердце, — словно, онъ съ досады хотѣлъ ими зажечь струю разлучницу. И наконецъ переполненный горечью сосудъ пролился: слезы брызнули изъ глазъ бѣдняги въ три ручья, — именно въ три, потому что двѣ струйки сливались у него на носу и катились внизъ рѣкою, точь-въ-точь какъ Югъ и Сухона образуютъ Сѣверную Двину. Это однако жъ облегчило Савелья; онъ отдохнулъ; доброе солнышко такъ весело взглянуло ему въ очи, что онъ улыбнулся; вѣтеръ спашнулъ и высушилъ даже слѣды слезъ: вотъ, и надежда-летунья начала зангрывать съ его душою. И чего, въ самомъ дѣлѣ, доброму молодцу было печалиться? Впереди его — золото, назади — любовь!.... Правда, между этими оконечностями лежали двѣ бездны моря, усаженные опасностями отъ бурь и каперовъ, — тогда съ Англичанами была война, — да вѣдь Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья: не въ первый разъ ему было съ моремъ пересѣдываться. Пять часовъ пути и шестьдесятъ верстъ разстоянія прокрались мимо,

какъ бѣглецы, и вотъ почему нашъ Савелій такъ беззаботно, такъ весело пускался въ бурунь, разграничивающій соленую воду отъ прѣсной.

И шибко, со всего разбѣга, ухнуль острогрудый карбась въ бой шумящаго, плещущаго бара, — такъ шибко, что брызги засверкали, и разсыпчатая пѣна обдала пловцевъ съ головы до ногъ. Карбась черпнулъ. Испуганный, облитый, Алексѣй выпустилъ шкотъ изъ рукъ своихъ; парусъ заполоскался, карбась возникъ, взбѣжалъ на хребетъ вала, и мигомъ, стремглавъ, промкнулъ сквозь водяную гряду. Чрезъ пять минутъ онъ гоголемъ плывъ уже по морю, которое съ ропотомъ наступало на берега.

— Что, Алексѣй, спросилъ новобранца Савелій, усмѣхаясь: аль тебѣ не любы крестины морскою водою?»

— Хороши, отвѣчалъ Алексѣй, вытирая лице: только безъ каши и крестины не въ крестины.

— погоди, братъ Алёша, мы тебя въ соленой купѣли выкупаемъ. Тогда ужъ съ весломъ и за кашу посадимъ тебя, — помѣси, да и въ ротъ понеси, — кушай, да похваливай. Захочешь ли браги, — брага у насъ шишучка; зелено вино съ пѣнкой не купленья, не мѣренья, — пей; сколько въ душу войдетъ.

— Спасибо на ласкѣ! Подноси сперва старшимъ, дядюшка, лукаво отвѣчалъ Алексѣй.

— Ты въ моръ гость, мы хозяева, сказалъ Савелій: а гостей подчуютъ не по лѣтамъ.

— Однако, молвилъ дядя Яковъ, оглядывая въ дозоръ небосклонъ: не придержать ли намъ на вечеръ-то вдоль берега? Что-то очень парить; словно пыль пылить надъ тундрою. Подыметъ, не ровень часъ, разыграй-царевичъ, — такъ и намъ въ открытомъ морѣ безъ бѣды бѣда придетъ.

— Волка бояться, въ лѣсъ не ходить, дядя Яковъ! возразилъ Савелій. Вѣтеръ словно кладъ, — не во всякую пору дается: упустимъ его, такъ трудно будетъ на него карабкаться послѣ. А когда теперь на Нордъ-Нордъ-Вѣсть заберемся, такъ ужъ повѣтеръ-то какъ по маслу скатимъ въ Соловки, когда вздумается. Небо чисто.

— Нешто! сказалъ дядя Яковъ, и принялся доплетать узелъ веревки.

— Вѣстимо такъ! сказалъ Алексѣй, какъ-будто что-нибудь понялъ, и принялся звать въ обоихъ значеніяхъ этого слова. Иванъ не рассуждалъ, и не говорилъ: онъ поплескивалъ въ море. Савелій, по привилегіи, данной всѣмъ людямъ, у которыхъ звенить что-нибудь въ головѣ или въ кармацѣ, строилъ воздушные замки. Карбась, пятое дѣйствіе нашей драмы, покачиваясь съ боку на бокъ, изволилъ плыть да плыть въ необъятное море.

День шелъ въ гости къ вечеру. Прибережье никло; островокъ Мудюгъ, стоящій на часахъ у входа въ Двину, окунывался и опять выглядывалъ, и опять окунывался въ воду. Скоро земля слилась въ темную полосу, въ черту едва видную; валъ заплеснулъ и эту черту, — прощай моя родина! Бездонное небо, безбрежное море обнимаетъ теперь утлое судно. Только вольный вѣтеръ, да рыскающія волны напѣваютъ ему въ ладъ свою вѣчную, непонятную пѣсню, возбуждая думы неясныя о томъ, что было и что будетъ, о томъ, чего никогда не было и никогда не будетъ.

Не знаю, случалось ли вамъ испытать чувство разлуки съ роднымъ берегомъ на вѣру зыбкой стихіи. Но я испыталъ его самъ; я слѣдилъ его на людяхъ съ высоко-настроенною организаціею, и на людяхъ самыхъ необразованныхъ, намозоленныхъ привычкою. Когда почувствуешь, что якорь отдѣлился отъ земли, минт-

ся, что развязывается узелъ, крѣпившій сердце съ землею, что лопаесть струна этого сердца. Грудь становится больно и легко невообразимо!.... Корабль бросается въ бѣгъ; надъ головой выются морскія птицы, въ головѣ роятся воспоминанія, онѣ, одні гонцы неутомимые, несутъ вести кораблю о землѣ, имъ покинутой, душѣ о быломъ невозвратномъ. Но тонетъ и послѣдняя альяція въ пучинѣ дали, послѣдняя поминка въ душѣ. Новый міръ начинаетъ поглощать ее. Тогда-то овладѣваетъ человѣкомъ грусть неизъяснимая, грусть уже неземная, не земляная, но еще и не вовсе небесная, словно откликъ двухъ міровъ, двухъ существованій; развитіе безконечнаго изъ почекъ ограниченнаго; чувство не сжимающее, а расширяющее сердце; чувство разъединенія съ человѣчествомъ, и сліянія съ Природою. Я увѣренъ, оно есть задатокъ перехода нашего изъ времени въ вѣчность, діазъ изъ октавы кончины.

И неслышимо Природа своей бальзамическою рукою стираетъ съ сердца глубокіе, ноющіе рубцы огорченій, вынимаетъ занозы раскаянія, отвѣваетъ прочь думы-смутницы. Оно яснѣетъ, хрустальѣетъ, — какъ-будто лучи солнца, отразясь о поверхность океана, и пронзая чувства во всѣхъ направленіяхъ, передаютъ сердцу свою прозрачность и блескъ, обращаютъ его въ звезду утреннюю. Вы начинаете тогда разгадывать вѣроятность мнѣнія, что вещество есть свѣтъ, поглощенный тяжестью, а мысль, нравственное солнце, духовное око человѣка, сосредоточивая въ себѣ міръ, есть вещество, стремящееся обратиться опять въ свѣтъ, посредствомъ слова. Тогда душа пьетъ волю полною чашею неба, купается въ раздольѣ океана, и человѣкъ превращается весь въ чистое, безмятежное, святое чувство самозабвенія и міроневѣдѣнія, какъ младенецъ, сейчасъ вынутый изъ купели и дремлющій на зыби материнской груди, согрѣтый ея дыханіемъ,

улемянный ея пѣснѣю. О, если бъ я могъ вымолить у судьбы, или обновить до жизни памятью нѣсколько подобныхъ часовъ! — я бы....

«Я бы тогда вовсе не сталъ читать вашихъ разсказовъ,» говоритъ мнѣ съ досадою одинъ изъ тѣхъ читателей, которые непременно хотятъ, чтобъ герой повѣсти безпрестанно и безсмысленно плясалъ передъ ними на канатъ. Случись ему хоть на мигъ вывернуться, они и давай заглядывать за кулисы, забѣгать черезъ главу: — Да гдѣ жъ онъ? Да что съ нимъ стало? да не убитъ ли онъ, не убитъ ли онъ, не пропалъ ли безвѣсти? — Или что того хуже: — Неужто онъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ? Неужто съ нимъ ничего не случилось?

«Я бы вовсе не сталъ тогда читать вашихъ разсказовъ, Г. Марлинскій, потому что, — извините мою откровенность, — я уже не разъ и не въ тихомолку зѣвая при вашихъ частыхъ, сугубыхъ и многократныхъ отступленіяхъ. Хотя бы вы за наше терпѣніе перекувыркнули вверхъ дномъ этотъ проклятый карбасъ, который ползетъ по водѣ какъ черепаха по камнямъ. Такъ нѣтъ, сударь: всплылъ, какъ всплылъ. Думаемъ, вотъ сцапаетъ онъ Савелья за вихорь, минуя брантъ-вахту, и откроетъ въ немъ какого-нибудь Наполеоновскаго пролаза или морскаго разбойника. Нитутъ-то было! Въмѣсто происшествій, у васъ химическое разложеніе морской воды; вмѣсто людей, мыльные пузыри, — и, что всего досаднѣе, вмѣсто обѣщанныхъ приключеній, ваши собственныя мечтанія.»

Я ничего вамъ не обѣщалъ, милостивый государь, говорю я съ возможнымъ хладнокровіемъ для авторскаго самолюбія, проколотаго на-вылетъ, — самолюбія, изъ котораго еще каплетъ кровь по лезвею на-смѣшки. Ваша воля: читать или не читать меня; моя, писать какъ вздумается.

«Но, милостивый государь, я купилъ рассказъ вашъ.»

Я не приглашалъ васъ; не бралъ васъ съ учтивостию за воротъ, какъ это дѣлается въ свѣтъ при раздачѣ лотерейныхъ билетовъ или билетовъ на концертъ для бѣдныхъ. Вы купили рассказъ мой, и можете сжечь его на раскурку, изорвать на завивку усовъ, употребить на обертку ваксы. Вы купили съ этимъ право бранить или хвалить меня; но меня самого вы не купили и не купите, — я васъ предупреждаю. Перо мое смычекъ самовольный, помело вѣдьмы, конь наѣздника. Да! верхомъ на перѣ я вольный казакъ, я могу рыскать по бумагѣ, безъ заповѣди, куда глаза глядятъ. Я такъ и дѣлаю: бросаю поводъ и не оглядываюсь назадъ, не рассчитываю что впереди. Знать не хочу, заметаешь ли вѣтеръ слѣдъ мой, прямъ или узоренъ слѣдъ мой. Перепрынулъ черезъ ограду, переплылъ за рѣку, — хорошо; не удалось, — тоже хорошо. Я доволенъ уже тѣмъ, что наскочаю по простору, цѣликомъ, до усталости. Надоѣли мнѣ битые уха-ты вашихъ литературныхъ теорій, chaussées, ваши вѣковѣчныя дороги изъ сосновыхъ отрубковъ, ваши чугунные ленты и повѣшенные мосты, ваше катанье на деревянной лошади или на разбитомъ конѣ; ваши мартингалы, шлихъ-цигели и шпанишь-рейтеры; бѣшенаго, брыкливаго коня сюда! Степи мнѣ, бури! Легко я мечтами, — лечу въ поднебесье; тяжко ли думами, — ныряю въ глубь моря....

«И приносите со дна какую-нибудь ракушку.»

Хоть бы горсть грязи, милостивый государь. Она все-таки будетъ свидѣтельницей, что я былъ на самомъ днѣ. Для купца дорогъ жемчугъ; естествоиспытатель отдаетъ свой перстень за иную подводную травку. Что прибавить жемчужина къ итогу счастья человѣческаго? А эта травка, можетъ быть, превратится

въ свѣтлую идею, составить звено полезнаго знанія. Желаю знать: купецъ вы или испытатель?

Читатель мой дворянинъ, не только личный, но, можетъ — стать двучинный, наслѣдственный: онъ никакъ не хочетъ назваться купцемъ. Опять онъ терпѣть не можетъ и естественныхъ испытателей всѣхъ родовъ, которые пластають, потрошатъ Природу, разсѣкають мозгъ, и сердце, и карманы человѣческіе вживъ, будь они хоть пятого класса, и ловятъ тамъ насѣкомыя мысли, пресмыкающіяся чувства. Да мало того, что они наспиливаютъ все это на остроуміе и выставляютъ на блаторазсмотрѣніе почтеннѣйшей публики: они подслушиваютъ у дверей кабинетовъ, заползають подъ изголовья супружескія, втираются въ сѣни палатъ, подкапываются подъ гробы, проникають всюду какъ золото, ввиваются въ души какъ лѣсть, и потомъ, — милости прошу! — всѣ ваши тайны вынесены ужъ на толкуцій.

«Нѣтъ, я не купецъ, не испытатель,» говоритъ онъ: «я просто читатель.»

Я кладу свои замѣчанія въ умъ вашъ, какъ свои деньги въ Ломбардъ: на имя неизвѣстнаго!

Вотъ, это по крайней мѣрѣ ясно и неоспоримо. Не надѣйтесь же получить болѣе четырехъ, законныхъ процентовъ, — и этого вамъ за глаза. Правда, я веду слово про Архангельскаго мѣщанина Савелія Никитина, и ручаюсь, что для Русскаго анекдотъ этотъ будетъ занимателенъ, потому ужъ одному, что онъ не выдумка. Но кто вамъ сказалъ, что самъ я менѣе занимателенъ, чѣмъ Савелій Никитинъ? Знаете ли, сколько сграстей перемололъ я своимъ сердцемъ? какіе чудные узоры начеканилъ мѣръ на моемъ воображеніи? и если бъ я вздумалъ перевести съ души на ходячій языкъ свои опыты, мечты и мысли, вы, вы сами, сударь, нашли бы эти записки занимательными

не менѣ записокъ «Трелонея» или «Послѣдней нескромности Современницы.»

«Ради Смирдина, сдѣлайте это поскорѣе, любезнѣйшій! И тисните въ большую осьмушку съ готическимъ заглавіемъ и съ виньеткою Жоанно. Я страхъ люблю виньетки и Мемуары, особенно въ родъ Видока. Даете вы слово? Скажите жъ—да! Полно-те упряничать: снимите долой лѣнь свою!....»

У насъ печатная сторона человѣка всегда будетъ походить на подкладку изъ однихъ афишъ комедіанта Цапато, въ Жилблазъ; и вотъ почему, милостивый государь, если вы хотите узнать меня кусочками, угадывайте меня въ стружкахъ, въ насѣчкѣ, въ сплавкѣ. Не ищайте жъ мнѣ разводить собою рассказы о другихъ: право, не останетесь въ накладѣ.

Я поднимаю спущенную петлю повѣсти.

Савелій сидѣлъ задумавшись на рулѣ. Сердце его то вздувалось какъ парусъ, то опадало какъ волна. Чувство безпредѣльности завладѣло имъ, и тогда, на вопросъ — о чемъ ты думаешь? — онъ могъ бы отвѣчать — ни о чемъ! — на всей правдѣ; потому что всѣ мысли, всѣ ощущенія въ такіе часы подобны каплямъ, вдругъ улеченнымъ въ безвидные пары: онъ разливы, смѣшаны, безграничны. Товарищи Савелья больше или менѣ погружены были въ такое же безотчетное, нѣмое созерцаніе и вниманіе Природы въ себя, и себя въ Природу; въ чувство сознанія, неразлучнаго событію, доступное, какъ я думаю, всѣмъ животнымъ.

Наконецъ племянникъ дяди Якова, который, по всей вѣроятности, не охотно разстался съ избой своей, и косою своей, и косою своей любушки, съ горьлкой, и съ горьлками, первый сломалъ общее молчаніе.

— Эка притча, подумаешь ты! Ухитрился же человекъ въ корытѣ по морю плавать, Бога искушать!

Аль земля-то клиномъ сошлась? Аль на землѣ уго-
дьевь ему не стало?

— Молчалъ бы ты, молчалъ, возразилъ съ досадою
дядя Яковъ. Коли въ мореходы пошелъ, такъ по зем-
лѣ нечего тужить! Земля! Эка невидаль! Видишь что
выдумалъ!

— Право, дядя Яковъ, не я ее выдумалъ.

— Тебѣ ль ее выдумать, когда ты объ ней и подумать-
то путемъ не умѣешь! Земли-то у насъ много, да въ
землѣ мало: за-неволю пришлось рулемъ море пахать.
Не бось, любишь ты и крупчатикъ съѣсть, и синій
кафтанъ натянуть, и почаевать порой: а развѣ тонкое
сукно да сахаръ у насъ на березахъ растутъ? Ась?
Вотъ, и плывутъ удалыя головы за море, по красный
товаръ. Въ лѣсъ не съѣдишь, такъ и на полатахъ за-
мерзнешь.

У глупцовъ голова ни-дать-ни-взять Азіятской ка-
раванъ-сарай: голыя стѣны безъ хозяина. Мысли
приходятъ въ нее, неизвѣстно откуда; уходятъ, не-
знаемо куда. Слово «море» пролетѣло сквозь уши
Ивана, и спустило пружину пѣсни. Въ головѣ его ни-
чего не было кромѣ пѣсень: онъ затянулъ:

За моремъ синичка не пышно жила;

Не пышно жила, пиво варивала.

Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла.

Въ свою очередь слово «пиво» чуднымъ сцѣпленіемъ
идей пробудило въ Алексѣй пивное воспоминаніе, и
онъ, вытирая мечтательную пѣну съ губъ своихъ,
сказалъ:

— Знаешь ли что, дядя Яковъ! въ иную пору мнѣ
бы и въ умъ не впало тужить по родинѣ, а теперь у
насъ въ деревнѣ праздникъ на дворѣ: такъ если бѣ
удалось престолу свѣчку поставить, — повиднѣе бы
въ море пускаться.

— Молодъ, братъ, ты, Олёша, да воровать! Несвѣчка, а печка у тебя на умъ. Не молиться, а столовать тебя охота разбираетъ. Старики не даромъ сложили пословицу — «кто на моръ не бывалъ, досыта Богу не наливался». Да ужъ коли здѣсь мало простору, такъ въ Соловкахъ молись — не хочу. Добрые люди съ краю земли пѣшкомъ туда ходятъ на богомолье, а тебѣ къ случаю, безъ труда, выпала такая благодать, — Чудотворцамъ Зосимъ и Савватию поклониться, къ мощамъ приложиться, чудесамъ ихъ подивиться! Ахнешь, братъ, какъ повидишь, изъ какихъ громадъ сложены стѣны монастырскія! Вышины, — взглянь, такъ шапка долой; толщины, — десять колесницъ рядомъ проскачутъ; и каждой камень больше избы. Въдъ Святимъ Угодникамъ Ангелы помогали: человеку ни вздумать, ни сгадать, не то чтобы руками поднять такое беремя.

— Аль Соловецкій-то Островъ утесъ, дядя Яковъ?

— Въ томъ то и диво, что не утесъ. Берегъ какъ Двинской: песокъ, гдѣ-гдѣ съ подводными валунами. А птицы-то птицы что тамъ! На зорь инда стонъ стоять! Гусей, лебедей словно пѣны: подъ Божьею тѣнью рай для нихъ. Никто ихъ не бьетъ, не пугаетъ, сердечныхъ. У самыхъ воротъ журавли на одной ножкѣ стоятъ, дикіе утята полощутся, и усатые киты играютъ, со стѣнъ подачи дожидаются.

— А что, дядя Яковъ, китъ-рыба, примѣромъ сказать, ростомъ дородствомъ будетъ съ царской корабль?

— Китъ киту розъ, преважно отвѣчалъ дядя Яковъ. Есть саженъ въ десять, есть саженъ въ двадцать: да это на нашемъ вѣку такъ они измельчились. Встарину то ли было! лѣтъ два сорока тому назадъ, въ страшную бурю, прошелъ мимо Соловецкаго китъ, — конца не видать; разыгрался онъ хвостомъ, — хвостъ-

то вихремъ и вздуло какъ парусъ: не можетъ кить хлеснуть имъ объ воду. А хлеснулъ бы онъ, затошилъ бы низменный островъ, залилъ бы монастырь съ колокольнями. Отецъ Архимандрить со всѣми старцами цѣлую ночь на-пролеть слезно молились: «пронеси, Господь, мимо кита-рыбу! Не дай ей ударить ошибомъ по морю?» И отмолили бѣду неминуемую: къ утру, кить провалилъ мимо, гроза утишилась. Даже въ Архангельскѣ слышно было, когда пріударили на Соловахъ съ радости въ огромные глиняные колокола. Ну, слава Богу! сказали: жива Обитель Преподобныхъ Савватія и Зосимы!

— А что, эти глиняные колокола-то обожженные, али изъ сырца? съ недовѣрчивостію спросилъ Алексѣй?

— Не сподобилъ Богъ видѣть самому: только понамарь мнѣ сказывалъ, что они до сихъ поръ въ тайникъ висятъ, а какъ благовѣстить въ нихъ стануть — заслушанье: что твои райскія птицы поють! Да ты самъ обо всемъ распросить можешь: къ восходу солнышка мы станемъ въ Соловки.

— Если станемъ! молвилъ Алексѣй.

— А съ чего бы нѣтъ? Сто двадцать верстъ спустя, рукава перемашемъ.

— Не хвались, дядя Яковъ, сказалъ Савелій: а лучше насвистимъ-ко погодуку; видишь, вътерокъ-то стихъ, перепалъ.

Покорный общему суеверію моряковъ, дядя Яковъ принялся свистать, какъ свищутъ конямъ на водопой. И въ самомъ дѣлѣ вътеръ порхнулъ, — будто дожидался приглашенія; засвѣжылъ, скрѣпчалъ скоро. Зыбь раскатывалась грядами, гряды сшибались въ крутые валы, и наконецъ море дало гулъ, подобный

гулу, предшествующему вскипѣнію воды въ огромномъ котлѣ. Солнце садилось въ огненныхъ тучахъ, весь западъ кипѣлъ будто кровью, — вѣрная примѣта непогоды; когда жъ горизонтальные лучи переломлялись въ прозрачной синевѣ, въ переливной зелени вала, онъ сквозилъ какъ стекло, онъ вспыхивалъ, какъ туча молніею и гасъ, и темнѣлъ, и обрушивался, подавленный другими.

Савелій, принужденный придержать къ вѣтру, чтобъ не зарыскнуть далеко въ океанъ, въ-упоръ налегалъ на румпель. Дядя Яковъ съ Иваномъ держали на рукахъ шкоты зарифленнаго (уменьшеннаго) грота. Алексѣй, блѣдный какъ саванъ, сидѣлъ уцѣпившись за бортъ, и съ ужасомъ смотрѣлъ на хлещущіе въ бокъ судна валы. Ему казались они чудовищами, которыя заглядываютъ въ карбасъ, чтобъ схватить и сожрать его.

— Глянь-ко, глянь, дядя Яковъ! сказалъ онъ: валы-то за нами въ перебой гонятся. Страсть, да и только!

— Ахъ тебѣ дивно, что валы старички расплясались? Да, братъ, они скоро сами съдѣютъ, скоро и нашего брата съдымъ дѣлаютъ. Ты не смотри на ихъ пляску, а то какъ разъ голова закружится.

— И впрямъ такъ! примолвилъ Савелій. Чѣмъ глязѣть на валы, возьми-ка, Алёша, лейку, да отчерпывай воду: вишь, то и знай, поддаетъ. Ну, дядя Яковъ! напрасно я тебя не послушалъ: придержать бы къ берегу, а то меня и въ хорошую погоду знакомые отпѣвали, чуть я сберусь въ море на карбасъ, а въ такую свалку, если бъ зналъ да гадалъ, я бы и самъ трезвый не пустился. Посмотри на облака: слово слово не добрые люди бродятъ вокругъ да около, и прошежь собой перемолвливаютъ, куда бы на разбой стрекнуть.

— Чего добраго? сказалъ дядя Яковъ. Пожалуй, и до насъ доберутся: а у насъ ворота настежь. Долга намъ будетъ эта ночь!!

И ночь задвинула небо тяжкими тучами, и тучи всплескались какъ волны, и море забушевало какъ небо. Вихорь спираль, возметалъ, разбрызгивалъ пары и волны. То черныя облака разъвали огненную пасть свою, зіяющую жаломъ молній; то бѣлогривые валы, рыча глотали утлое судно, и снова извергали его изъ хляби. Въ карбасъ едва успѣвали отливать. Паруса уже были убраны, но шквалы хлестали его такъ сильно, что нагія мачты трещали: онъ летѣлъ, какъ бѣшеный конь, и каждую минуту пловцы наши ждали — вотъ вотъ зароется въ воду! И вдругъ разразился надъ ними ударъ грома: огонь ливнемъ рухнулъ во всѣ трещины лопнувшего свода небесъ, и въ тотъ же мигъ вздутый порывомъ валъ ударилъ въ корму. Карбасъ пилъ смерть; мигъ былъ ужасный. Пловцамъ показалось — ихъ окатилъ огненный водопадъ сверху и снизу: они закрыли ослѣпленные глаза, чтобы не открывать ихъ навѣки. Савелій съ крикомъ — «Господи, прими мою душу!» — выпустилъ румпель. Алексѣй уронилъ лейку.....

— Теперь молись! сказалъ ему дядя Яковъ.

Одинъ только Иванъ не бросилъ работы: сквозь ревъ бури и валовъ, слышалась звонкая пѣсня его —

Изъ-за Волги кума въ рѣшетъ приплыла,
Веретенами гребла, юбкой парусила.

Савелій не хотѣлъ умереть, потому что собирался пожить; Алексѣй, потому что не успѣлъ пожить; дядя Яковъ, потому что не готовъ былъ умереть. Но что значила смерть, что прошлое и будущее для Ивана? Онъ не имѣлъ, на чемъ свѣситъ этихъ загадочныхъ мыслей. Онъ покинулъ бы свѣтъ точно такъ же,

какъ и вошелъ въ него, — безъ малѣйшаго произвола или сожалѣнiя. Счастливецъ Иванъ! не отбилъ бы я у тебя твоей жизни, но твоей смерти позавидовалъ бы. Кто, отваливая въ гробу отъ жизни въ вѣчность, не оглянется назадъ со вздохомъ, не взглянетъ впередъ съ сомнѣнiемъ, если не съ ужасомъ?... А онъ тонулъ, и пль!

И повѣрите ли? когда стихъ гулъ громоваго удара въ душахъ пловцевъ, они расхохотались пѣснѣ Ивана, и смѣялись долго, смѣялись наперерывъ, будто въ припадкѣ. Разгадайте теперь сердце человѣческое! Оно скорѣй всего даетъ смѣхъ въ минуты самой жестокой скорби и ужаса! Я это видѣлъ, и испыталъ.

Буря издохла съ послѣднимъ ударомъ своей ярости. Вѣтеръ упалъ вдругъ. Природа какъ человѣкъ, или, лучше сказать, человѣкъ какъ Природа въ свое лѣто, вспльчивъ и буренъ — намигъ. Облака будто растопились молнiею въ дождь, и мѣсяцъ, выкупавшись въ тучъ, весело блеснулъ въ темъ неба; лишь на краю горизонта толпились бѣглецы облака. Они улетали, ропща, огрызаясь, и порой вспыхивали ихъ выстрѣлы зарницею; валы смывали отсталыхъ; валы еще ходили и сшибались грозно между собою, какъ ратники иныхъ народовъ послѣ войны со врагами заводятъ междоусобiя въ отчизнѣ, чтобы утолить свою кровавую жажду хоть изъ жилъ братiй, и дотратить на нихъ боевой огонь, раздутый привычкою. Но скоро волны разлились въ широкую зыбъ, и по ней замѣнились бѣлыя полосы пѣны, недавно вѣнчавшей гребни валовъ. Онѣ тянулись подобно строкамъ на мрачной, безконечной страницѣ моря, подобно слѣдамъ поколѣнiй на океанѣ жизни. Исчезла самая пѣна, и синева бездѣйствiя подернула лице моря. Оно дышало уже тяжело и прерывисто, подобно умирающему, и наконецъ къ утру душа его изметѣла туманомъ,

какъ будто проображая тѣмъ, что все великое на землѣ дышитъ только бурями, и что кончина всего великаго повита въ саванъ тумана, непроницаемый равно для дѣтеля, какъ для зрителя.

Свѣтало.

Аргонавты наши изъ несомнѣнной смерти попали въ смертельное сомнѣніе, и хотя при этой вѣрной оказіи убѣдились они, что выраженіе любовниковъ и подсудимыхъ, будто сомнѣніе хуже смерти, не совсѣмъ справедливо, однако жъ положеніе ихъ было вовсе незавидное. Карты нѣтъ, компаса не бывало. Да и на кой чортъ передъ ними раскладывать карту, когда нѣтъ умѣнья разбирать ее? Одинъ Русской шкиперъ мореплаватель, на вопросъ: — Развѣ у васъ нѣтъ картъ? — съ простодушіемъ отвѣчалъ: «Были, батюшка, и золотообрызныя, да ребята расхлестали, въ носки играючи!» Компасъ — иное дѣло; Савелій зналъ, какъ съ нимъ посоветоваться: да та бѣда, что въ свадебныхъ попыхахъ забылъ его дома! Какъ быть? Вѣтеръ вчерась гонялъ ихъ то вправо, то влѣво, вертѣлся какъ бѣсъ передъ заутреней, и перетасовалъ всѣ румбы и умы нашихъ пловцевъ въ такой баламутъ, что самъ Бюффонъ со своею теоріею вѣтровъ проигралъ бы свое краснорѣчіе. Не могъ придумать Савелій, на носъ или на затылокъ должно надѣть сѣверъ. И солнце, по его мнѣнію, то входило въ лѣвое ухо, а закатывалось изъ праваго, то въ правое, и садилось въ лѣвомъ. Куда же поворотить? гдѣ искать Соловецкаго? Утро раскрывалось какъ цвѣтокъ: за то ужъ туманъ клубился, — хоть на хлѣбъ намазывай! Вотъ, потянулъ вѣтерочекъ слѣва; но онъ былъ не вѣренъ какъ свѣтская женщина, колебался туда и сюда какъ нынѣшняя Литература, и чуть бороздилъ воду будто на цыпочкахъ бѣгая вокругъ судна, чтобъ не разбудить мореходцевъ.

Савелій держалъ совѣтъ съ дядей Яковомъ.

— Соловки близко впереди, говорилъ Алексѣй. Вихорь гналъ насъ въ тылъ, и мы бѣжали какъ заяцъ отъ беркута.

— Соловки у насъ далеко въ правой рукѣ, утверждалъ дядя Яковъ. Шквалъ зашелъ справа и занесъ карбасъ какъ сокола на западъ.

— А можетъ-статься и правда! молвилъ Савелій. Откудова жъ теперь подулъ вѣтеръ? — Вѣстимо съ сѣвера! Днемъ жарко, днемъ дуетъ вѣтеръ съ берега; ночью свѣжо, ночью онъ ворочается домой.

— Да теперь ужъ день, и, на зло тебѣ, прошлую ночь вѣтеръ бѣжалъ съ берега, словно изъ острога съ цѣпи сорвался.

— Буря особъ статья, Савелій Никитичъ! На землю цѣлую недѣлю пекло, да жарило такъ, что и ночь не въ ночь была: вотъ тепло безъ очереди и валилось въ море, а теперь земля искупалася, попростыла; теперь непременно потянетъ холодокъ на берегъ, отъ того, что холодокъ сильнѣе тепла сталъ.

Дядя Яковъ говорилъ правду. Онъ не читалъ, отъ чего происходятъ вѣтры въ атмосферѣ, не имѣлъ понятія о разряженіи воздуха электричествомъ бурь или по разновѣсію газовъ; но онъ имѣлъ здравый умъ и опытность. Савелій убѣдился. Рѣшили, какъ изъясняются наши доморощенные мореходы, *побрасовать*, то есть, поворотить паруса, и держать на востокъ. Вьюнъ зашипѣлъ за рулемъ; карбасъ поплылъ въ полвѣтра. Однозвучное плесканье волнъ и утомленіе минувшей ночи клонили ко сну мореплавателей. Одинъ Савелій не смѣлъ предаться утреннему сладкому сну: онъ былъ хозяинъ судна, онъ былъ король этого государства, сбитаго деревянными гвоздями. Для блага своего и охраны

другихъ, онъ не спалъ : за то грѣзилъ на яву. Наткани паруса и ткани тумана проходили , плясали , мелькали яркіе образы, будто по мѣсяцу волшебнаго фонаря. Ему видѣлось, какъ русая коса Катерины Петровны раздѣляется на двѣ половины и дважды обвиваетъ чело ея, и скрывается подъ гарнитуровый платочекъ съ золотой каймою. Видѣлись ему и раздернутые ситцовыя занавѣсы брачной кровати и смятая пуховая подушка подъ розовою щечкою невѣсты; видѣлись ему друзья и пріятели, — пируютъ ужъ у него на крестинахъ. Вотъ забота, какъ назвать перваго сына, кого позвать въ кумовья первой внучкѣ. Однимъ словомъ, около него рѣзвилась ужъ цѣлая толпа его нисходящихъ потомковъ, и онъ глядѣлъ на нихъ нѣжно и любовно, какъ иной сочинитель на свое литературное потомство, — малъ мала меньше, запеленанное въ телячью кожу съ золотымъ обрѣзомъ, которое, мечтаетъ, онъ грядущіе вѣки будутъ нянчить на подхватъ. Онъ грѣзилъ ужъ о внучатахъ, говорю я, забывъ, что подъ нимъ голодная пучина, забывъ, что корабль не болѣе какъ дерево, матрозы не болѣе какъ люди, и что «есть земныя крысы и водяныя крысы,» по словамъ Шекспирова жида Шайлока; а крысы съѣли Польскаго Короля Попела: такъ спустятъ ли онъ разночинцу?

Сонъ и мечтанія гражданъ карбаса прерваны были страшно и внезапно. Саженьяхъ въ пятидесяти отъ нихъ, на вѣтрѣ, вспыхнула молнія сквозь туманъ, и, за громомъ выстрѣла, ядро свистя перелетѣло черезъ ихъ головы. Всѣ вскочили съ мѣстъ: Иванъ съ знакомъ удивленія, въ скобкахъ зѣвка; Алексѣй съ облизнемъ отъ недопитой во снѣ браги; дядя Яковъ съ растрепанною бородою; капитанъ Савелій съ предчувствіемъ конечнаго разоренія. У всѣхъ уши выросли на вершокъ, у всѣхъ ужасъ вылился единоголоснымъ крикомъ. «Что это?»

— Не громъ ли? сказалъ крестясь Савелій.

— Не звонъ ли глиняныхъ Соловецкихъ колоколовъ? молвилъ лукаво Алексѣй.

— Я те задамъ такого благовѣсту съ перезвономъ, что у тебя до Касьянова дни въ ушахъ будетъ звенѣть! крикнулъ дядя Яковъ. Никитичъ! Лѣво на бортъ! Звать нечего! Это Англичане.

Цѣлая стая годдемовъ зажужжала по дорожкѣ прованной въ туманъ ядромъ и убѣдила нашихъ въ несомнѣнности словъ Якова. Но желанье уйти отъ невидимаго капера, пользуясь мглою, оперило ихъ надеждою. Карбась кинулся по вѣтру, какъ утка, испуганная ружьемъ охотника. Но чрезъ минуту всякая вѣроятность избавленія исчезла. Туманъ испаряясь, становясь прозрачнымъ, оказалъ погошу за кормою. Англійскій куттеръ, взрывая волны и пары, катился въ слѣдъ бѣгущихъ. Огромный гикъ, отброшенный на вѣтеръ, выходя изъ тумановъ, казалось хваталъ ихъ; тѣнь треугольнаго паруса будто вонзалась въ корму: она обдала холодомъ сердца Русскихъ. Жестяная труба загремѣла: — Boat-ahoo! Strike your colour! «Ботъ! сдайся».

Руки отнялись у бѣдняжекъ. Уползти не было возможности. Оружія у нихъ — одинъ дробовикъ, да два топора. Между тѣмъ куттеръ напиралъ все ближе и ближе, заслоня собою вѣтеръ.

— Down witte your rags! «долой ваши тряпки!» клинула снова труба. Put the helm up, dammi! «руль на бортъ, чортъ возми!» Strike, or I'll run over and sink you! «Сдайся, или я переѣду и потоплю тебя!» Съ этимъ словомъ куттеръ началъ приводить къ вѣтру, чтобы дать дѣйствовать артиллеріи. Савелій очень хорошо зналъ, въ чемъ дѣло. Онъ ясно видѣлъ, что Англичанинъ могъ пустить его ко дну ядрами или ударомъ водорѣза; но онъ былъ оглушенъ мыслію нево-

ли и разоренья, и когда же? — въ самомъ разгарѣ надеждъ, въ самомъ цвѣту счастья! Онъ пришелъ въ ярость, вообразивъ, что все его достояніе, все его потомство въ фунтикахъ, въ узелкахъ, въ тюкахъ, въ рогожкахъ, погребется въ брюхъ разбойничьяго судна; что вмѣсто объятій Катерины Петровны, ожидаютъ его линьки боцмана, вмѣсто матушки-Руси, какой нибудь блокшифъ *, исправляющій должность тюрьмы! Ретивое вспыхнуло: онъ схватилъ заржавѣлый дробовикъ, и, бацъ, прямо въ бортъ куттера!

— Fire! «пали!» раздалось на немъ.

Пламя каронады брызнуло по головамъ Русскихъ, и цѣпное ядро срезало обьмачты. Павшіе паруса накрыли карбась, и, прежде чѣмъ наши выбились изъ подъ этой сѣти, шестеро вооруженныхъ матросовъ вскочили въ судно, и перевязали ихъ. Сопротивленіе было бы безумствомъ. Судьба свершилась. Савелій со всей своею командою — военноплѣнный; его карбась вмѣстѣ съ грузомъ — добыча Англійскаго капера, признаннаго въ этомъ достопочтенномъ званіи правительствомъ, и снабженнаго отъ него письменнымъ видомъ, *lettre de marque*, и чугунными ядрами, для законнаго грабежа враговъ Великобританіи.

Давно уже, и много, и красно писали Гг. публицисты противу корсарства, приватирства, пиратства, каперства, или, просто напросто, морскаго разбоя, прикрытаго флагомъ; но какъ такую пѣсню запѣвали всегда тѣ, которые не могли сами грабить, а не тѣ, которые смѣли грабить, то всѣ совѣщанія Ученыхъ и обиженныхъ кончались обыкновенно, какъ совѣтъ мышей, — не находили молодца, который бы привязалъ колокольчикъ на шею кошкѣ, Англіи. Забавнѣе всего, что Наполеонъ, который не признавалъ никакихъ

* Старый корабль, безъ оружія, въ портъ стоящій.

правъ, кромѣ тѣхъ, что мотаются какъ темлякъ на шпагѣ, — Наполеонъ, который, гдѣ только могъ, изъяснялся діалектикою двадцати-четырёхъ-фунтового калибра, унизился до смиренной прозы, толкуя о каперахъ. Онъ очень серьёзно и остроумно доказывалъ, что морское народное право — вовсе не право; что не сходно ни съ Европейскими правами, ни съ понятіями вѣка, грабить и помонить беззащитныхъ купцевъ враждебной націи на морѣ точно такъ же, какъ частную собственность мирныхъ гражданъ, на берегу; что, платя за съѣстные припасы поселянину и сохраняя жизнь, свободу и имущество даже въ городѣ, взятомъ въ бою, не безчеловѣчно ли, не унижительно ли отнимать и то, и другое, и третье, какъ скоро она на кораблѣ? Неужели соленая вода до того измѣняетъ краску понятій, что презрительное и незаконное на сушѣ становится на морѣ похвальнымъ и законнымъ? Приговаривался онъ, что каперы и крейсера должны ограничиваться лишь осмотромъ купеческихъ судовъ, и конфискаціею однихъ военныхъ снарядовъ. Англичане говорили, что это весьма справедливо, и не переставали забирать, ловить, грабить всѣ Французскія и союзныя Франціи суда.

Послѣ Тильзитскаго мира очередь упала и на насъ, грѣшныхъ. Мы принялись сосать свеклу, увѣряя себя, что это сахаръ и за тридорого одѣваться въ дрянное сукно, сотканное на континентальной системѣ. За то мы точили тогда свои непокупные и неподкупные штыки, и, вмѣсто кофе, пили надежду близкой мести. Она разразилась 1812 годомъ. Но такъ или сякъ, а Савелій Никитичъ плѣнникъ. Англичане, какъ всѣмъ извѣстно, народъ ласковый, привѣтливый, до того, что на бокахъ его и его товарищей напечатался не одинъ параграфъ морскаго права, покуда оно переселилось на палубу Его Великобританскаго Величества,

эту пловучую почву *Naheas corpus*, ступивъ на которую, каждый чужеземецъ пользуется неограниченною свободою носить свой носъ по буднямъ и праздникамъ невозбранно. Мы видели, какъ поступили они съ Наполеономъ, который имѣлъ простоту отдаться добровольно ихъ гостепріимству и великодушію: можете судить, каково приняли они Русскихъ мѣщанъ, дерзнувшихъ убѣгать отъ ихъ правоты и даже ранить дробью въ носъ дубовый кутеръ подъ флагомъ Георга III. *Le cas était pendable*, — «это висѣльный случай,» какъ говорятъ Французы, и Савелію навѣрно бы досталось проплясать джигъ подъ концомъ рѣя, если бѣ онъ попался Англійской дисциплинѣ послѣ объѣда; но, къ счастью, плѣнѣніе карбаса произошло въ первую бутылку дня, * и потому капитанъ капера удовольствовалъ гнѣвъ свой, отпустивъ имъ на брата по дюжинѣ образцовыхъ браней, *standart jurements*, — «*God damn your eyes!*» — съ придачею не въ зачетъ нѣсколькихъ — *You scoundrels ruffians!* и *barbed dogs!* мошенники, бездѣльники, бородатые собаки». Савелій и дядя Яковъ, которымъ Англійскія привѣтствія пріѣлись какъ насущные сухари, находили это въ порядкѣ вещей. Но Алексѣй нѣсколько разъ пыталъ высвободить свою десницу изъ веревокъ, чтобы обратиться съ отвѣтомъ *прямо къ лицу* капитанскому; Иванъ поплевывалъ вдвое чаще.

Но въ сущности Англичане не злой народъ, и если вычестъ изъ нихъ подозрительность, грубость, нестерпимую гордость и гордую нетерпимость всего иноземнаго, вы найдете, что они самые любезные люди въ

* Въ морскихъ, заморскихъ романахъ, я чай, не разъ случалось вамъ читать, — четвертая склянка, осьмая склянка. Это мистификація; это попросту значить, что моряки хватили три бутылки, что они пьютъ уже восьмую. Часомѣрие это, самодвижное и самозвонное, весьма удобно и здорово: въ полдень опрокидываютъ они всѣ бутылки разомъ, и это называется: поверка хронометровъ. *Ученое замѣчаніе.*

свѣтъ. Сердце Англичанина кокосовый орѣхъ: надо तोпоромъ прорубиться до ядра, но зато внутри не свищъ какъ у Француза, а сокъ освѣжительный. По внѣшности, онъ дѣйствуетъ сообразно со своими угнета-тельными, корыстными, колоніальными законами; дома, по душевному уставу. Таковъ былъ и красноще-кій, толстопузый капитанъ Турнипъ, командиръ кут-тера, — грубъ съ лица, радушенъ съ подбою. Раздра-женный сопротивленіемъ ничтожной Русской рако-винки, онъ грубо принялъ гостей своихъ; но когда дѣло кончилось удачно, когда всѣ тюки и бочки пере-прыгнули черезъ бортъ въ трюмъ его, когда и сама верхняя часть карбаса изрублена была на дрова, а дни-ще отправилось ко дну, когда онъ взглянулъ на бума-ги Савелья, ограбивши прежде все дочиста, — это посудейски, люблю молодца за обычай, — и объявилъ, что карбасъ былъ законный призъ, улыбка разутю-жила сафьянное лице его; нахмуренныя брови раз-дались, разступились, и онъ ласково ударивъ Савелья по плечу, бросилъ ему самое засмоленное изъ привѣт-ствій, разцвѣтающихъ на палубѣ: *Heave a head, boy, and never fear!* — «подыми голову, и ничего не бойся!» *

Савелій, по народному выраженію, лихо насобачил-ся говорить по-Англійски. Савелій былъ сердить, а потому безъ раздумья просунулъ отвѣтъ сквозь зубы на это ободреніе, Англійской работы: «Богъ тебя прокляни, морская собака, и пусть будетъ чортъ твоимъ флагманомъ! не бойся? Да чего мнѣ теперь бояться, когда ты ограбилъ меня до души!

Never mind! «Забудь это»! возразилъ съ улыбкою Турнипъ.

Мысль о добычѣ отбила прочь досаду за брань.

* *Heave a head*, въ морскомъ значеніи, почши то же, что у насъ, — по мѣстамъ! смирно! — то есть, будьте внимательны, слушайте.

Т. IV. — Отд. I.

7

— Скорѣ чортъ забудетъ взять твою душу, чѣмъ я забуду счастье, которое ты у меня отнялъ!

— Ахъ, ты неблагодарное двуногое! Развѣ не подарилъ я вамъ жизни и боченка съ квасомъ, съ этимъ некрещенымъ напиткомъ, безъ котораго ни одинъ Русской не можетъ существовать? Развѣ я этого не сдѣлалъ? What, boy, did I not?

— Ты мнѣ жизнь и квасъ сдѣлалъ хуже уксусу. Не подчуй меня такою обглоданною жизнью. Я не собака, чтобы прыгать на цѣпи и лизать плеть твою. Утопилъ ты мой карбасъ, утопи же и меня.

— Если утопить тебя въ морѣ, оно сдѣлаетъ изъ тебя солоницу рыбакамъ: тебя жаль! Если жъ утопить тебя въ водкѣ, она превратится въ настойку глупости: водки жаль! Ты, пріятель, лихой морякъ, когда пускаешься по морю въ табакерку: я не могу запретить себѣ уважать такую отвагу. Ну, скажи, за что ты сердишься? Будь ты сильнѣе меня, ты сдѣлалъ бы то же со мною, что я съ тобой! Не лучше ли будетъ прохладить твою горячку, выливши на тебя ведро холодной воды, и утопить твою горе, вливши въ тебя стакана два рому?

Хмель чудесная смазка для удовольствія и горя: онъ также плотно лѣпитъ къ сердцу расписанный изразецъ перваго, какъ зубристый булыжникъ втораго. Савелій долго отпѣкивался пить, отталкивалъ привѣтно подлетающій къ губамъ его стаканъ съ жидкимъ забвеніемъ; наконецъ глонулъ морщась; еще, и еще разикъ, и вотъ, съ каждымъ глоткомъ, горе его таяло какъ сахаръ въ пуншѣ, и наконецъ онъ подумалъ: «Покуда самъ живъ, счастье не умерло!» И онъ весело взглянулъ на Божій свѣтъ, будто выбирая, съ котораго края почать его. Онъ отломилъ каждому изъ своихъ товарищей по кусочку собственной бодрости, и протянулъ къ капитану руку.

— Такъ бы давно! сказалъ тотъ. Будьте смиренны, да работайте, такъ на насъ жаловаться не станете. Дастъ Богъ, Русскіе подымутся съ нами заодно противъ этого разбойника, Бонапарта, и тогда вы опять увидите свою родину. Она хоть и ледяная, а все до тѣхъ поръ не растаетъ!...

— «А Катерина Петровна?» подумалъ Савелій со вздохомъ. «Женщины тають скорѣе снѣгу.»

Капитанъ окунулъ свои руки въ карманы, и пустился ходить по палубѣ. Можетъ-быть, и онъ думалъ о своей Фанни.

Капитанъ этотъ служилъ сперва на Остъ-Индскихъ корабляхъ, — на Индѣйцахъ, *Indiamen*, какъ называются Англичане. Потомъ состоялъ онъ на полу-жалованьи; потомъ ему отказали и въ этомъ за долгую неувку. Онъ, изволите видѣть, разсудилъ, что лучше ѣсть пряности и сладости, чѣмъ перевозить ихъ съ береговъ Ганга, и женился. Тутъ онъ узналъ, однако жъ, что вся сладость супружескаго чина состоитъ въ картофелѣ и въ кускѣ говядины. Это такъ его тронуло, что онъ съ горя потолстѣлъ, а для разсѣянiя и барышей, пустился въ торговлю. Коварная стихія, — то есть, море, а не жена его — однако жъ, не сманила бы его самого съ берега, если бъ несчастнымъ случаемъ часть его имущества въ товарахъ не попала въ руки Французскому каперу. Съ этой минуты онъ отъ собственнаго лица объявилъ войну Наполеону, и, движимъ любовью къ отечеству и къ своему карману, рѣшился вознаградить убытокъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ пришелъ къ нему. Оснастилъ онъ небольшое одномачтовое судно, наплъ экипажъ, купилъ себѣ четыре пушчѣнки, — вѣдь въ Англіи онъ продаются на толкучемъ рынкѣ, и подъ часъ вы можете купить цѣлую батарею у носячаго; испросилъ у правительства билетъ на представленіе войны въ миньятюрѣ, и пу-

стился пѣнить море. Ему удалось въ Каналѣ захватить какой-то ботъ съ контрабандою, да нѣсколько несчастныхъ рыбацкихъ лодокъ. Это его произвело въ собственномъ мнѣніи въ геронъ краснаго флага, и онъ, заслышавъ, что снаряжается небольшая эскадра въ Ледовитое Море для поисковъ надъ Шведами и Русскими, рѣшился идти вслѣдъ за нею, какъ чакалка за тигромъ. Онъ расчелъ, что Шведскіе китоловы и Русскіе мѣщане, ему по силамъ болѣе, чѣмъ Французскіе корсары, и что, въ расплохъ нападая, скорѣй можно поживиться добычей. Онъ снялся съ якоря, и обогнулъ Норвегію вмѣстѣ съ Королевскою флотиліею.

Разрывъ Россіи съ Англіею въ угоду Наполеону хотя и не былъ искреннимъ съ обѣихъ сторонъ, однако жъ всѣ моря, которыя считаютъ Англичае своими столбовыми и проселочными дорогами, *highways and by-ways*, были замкнуты для насъ живою цѣпью кораблей. Крейсера ихъ шныхарили въ Балтійскомъ Морѣ, и въ 1811 году показались въ Бѣломъ Морѣ, съ набожнымъ намѣреніемъ разграбить Соловецкій Монастырь. Свѣдавъ однако, что тамъ усилены гарнизонъ и артиллерія, они не посмѣли на приступъ, и возвратились. Одинъ только бриггъ проникъ до самой Колы; однакожъ спѣшилъ улизнуть оттуда съ небольшою добычею за добра ума, когда былъ застигнутъ бурею, разлученъ со своимъ флагманомъ, и наткнулся на карбасъ Савелья. Теперь онъ правилъ бѣгъ свой во-своиса, и уже три дни протекло со дня плавленія карбаса. Въ эти три дни капитанъ Турнипъ обжился съ новобранцами своими. Капитанамъ Турнипъ былъ не плохой морякъ по знанію моря, но очень плохой по своей лѣности. Женатая жизнь избаловала его: неохотно разставался онъ съ застольемъ и постелею. Крутой пуддингъ и мягкая подушка были для него, разумѣется съ примѣсью мадеры и грога, первымъ блаженствомъ міра: онъ не могъ вообразить идо-

ловъ иначе, какъ въ видѣ соусника, бутылки или пуховика. « Въ слѣдствіе сего », онъ гораздо болѣе любилъ проводить время въ уютной каютѣ своей, чѣмъ на палубѣ. Что жъ дѣлать, милостивые государи! онъ привыкъ къ домовитой, къ порядочной жизни: онъ былъ человѣкъ женатый.

Впрочемъ, нашъ холостой XIX вѣкъ также прихотливъ, будто женатый вельможа. Comfort — надпись его щита. Правда, онъ выдумалъ для непріятелей паровыя пушки, для пріятелей дрожки безъ одолженія: за то выдумалъ и сидѣнье сзади коляски для слугъ, тротуары для пѣшеходовъ, ошейники съ ресорами для собакъ, резинныя корсеты для красавицъ, непромокаемые плащи для воиновъ, супъ изъ костей для бѣдныхъ, для богатыхъ нетлѣнный супъ, который выдержать потопъ, не потерявши вкуса, выдумалъ жаровню, которая жарить бифтексъ въ карманѣ, и ватерклозеты для спаленъ. Выдумалъ онъ.... Да чего онъ не выдумалъ! Все, — отъ машины растирать камни въ пузырь, до Французской бритвы, гильотины, которая вамъ снимаетъ голову такъ легко и скоро, что вы не успѣете чихнуть, и до многихъ другихъ этого рода усовершеній. Скажите, можно ли быть заботливѣе, предупредительнѣе нашего вѣка? Не хотите ли вы мнѣ говорить про солнце старинное, про нестарѣющую Природу, про наслажденіе бивуаковъ, про здоровье гнилыхъ сухарей и пріятности грязнаго бѣлья?.... Вздоръ, сударь! я люблю Искусства и промышленность. Я хочу жить и умереть при свѣтѣ газовыхъ лампъ, на тюфякѣ набитомъ благовоннымъ воздухомъ, въ перчаткахъ съ пружинами, съ резиною спиною, съ сердцемъ непромокающимъ даже отъ слезъ. Я Русской своего вѣка, милостивый государь! Я люблю газеты и омнибусы.... Я люблю comfort. Вашъ покорнѣйшій.

Капитанъ Турнипъ, какъ Англичанинъ, который

скорѣе бы согласился обнищить половину своихъ согражданъ и зачумить другую, скорѣе, чѣмъ оставить пустыми свои благоустроенныя тюрьмы и больницы, любилъ комфортъ не менѣе моего, и, по обыкновенію своему, въ третій вечеръ отправился на боковую, оставя рулевого за себя бодрствовать, а Русскихъ плѣнниковъ спать на голыхъ доскахъ, подъ парусомъ вѣсто одѣяла. Ночь была прелестна безъ метафоры. Въ самомъ дѣлѣ, ночи Сѣвера очаровательны: это день при лунномъ свѣтѣ, это переливъ зари вечерней въ зорю утреннюю. Опаловыя небеса чуть блещутъ звѣздочками, и когда они роняютъ лучи свои въ синія волны, рѣзвухи волны ловятъ ихъ, отнимаютъ другъ у друга, дѣлятъ, дробятъ ихъ искры, хотятъ затантъ въ своемъ зыбкомъ хрусталѣ, и потомъ прыщутся ими игриво. Взоръ вашъ далеко пронзаетъ чистое небо, какъ-будто усиливаясь прочесть высокую, божественную мысль, по немъ разлитую; глубоко погружается въ бездну моря, разгадывая дивную тайну, въ немъ погребенную. Вы скажете, что эти улетающія отъ взора небеса со своими алмазными цвѣтами, со своей радугою вкругъ мѣсяца, съ причудливыми образами облаковъ, есть воображеніе, а море съ ропотною пучиною своею, съ обломками кораблекрущій, съ каменистыми растеніями, съ трупами, съ чудовищами на днѣ, съ фосфорическимъ блескомъ сверху — память человеческая?

Савелій не разгадывалъ ни мысли, ни тайнъ творенія, но онъ совершалъ въ немъ безъ его вѣдома. Тоска по отчизнѣ грызла его сердце, — тоска, которую пресзойдетъ развѣ часъ разлуки съ жизнію. Выньте рыбу изъ воды, посадите птичку подъ воздушный насосъ, и скажите имъ: Живи! Оторвите человѣка отъ отечества, и потомъ дивитесь, что онъ чахнетъ, скучается. Не спалось Савелью на новосельѣ. Онъ тихо поднялъ голову.....

Вѣтеръ былъ свѣжъ, но ровень. Закрѣпленные паруса были вздуты; куттеръ, склонясь на бокъ, шибко рѣзалъ волны, и онѣ разсыпались о грудь его серебряными колосьями. Всплески звучали мѣрнымъ ладомъ, и струя, скользя вдоль боковъ, сливалась за рулемъ въ завитки, и нащептывала, напѣвала сонъ на все живое. Покорный этому призванію, рулевой дремалъ подъ румпелемъ, и только повременно, по привычкѣ ворчалъ — *Steady! steady!* «проворнѣе». Трое вахтенныхъ матросовъ храпѣли уже, прикорнувъ къ сѣткамъ; остальные всѣ спали въ койкахъ, въ своей каютѣ внизу.

И вдругъ огневая мысль выстрѣлила въ голову Савелія; и проструилась по всему его составу. Ему показалось кто-то крикнулъ наухо — «Овладей куттеромъ!» онъ толкнулъ дядю Якова; тотъ проснулся.

— Видишь ты? сказалъ онъ шопотомъ, показывая на спящихъ Англичанъ.

— Вижу, отвѣчалъ Яковъ, оглядѣвшись.

— Хочешь ли ты свободы? спросилъ Савелій.

— Хочешь ли ты смерти? спросилъ въ свою очередь Яковъ.

— Смерть тѣ же воля. Лучше умереть въ шубѣ, чѣмъ голому жить. Лучше отдать свои кости Божьему морю, нежели таскать ихъ по чужой землѣ. Со мной, что ли, дядя Яковъ? Не то я одинъ надѣлаю проказъ, а въ кандалы не дамся.

— Слушай, удалая голова: я не меньше тебя люблю матушку Русь, я тебя не выдамъ. Только подумай — гдѣ мы, и сколько насъ?

Савелій указалъ ему на два люка, отверзтія ведущія подъ палубу, потомъ на ряды абордажныхъ орудій, висящихъ по сѣткамъ, и что-то пошепталъ ему на ухо тихо, тихо.

— Съ Богомъ! произнесъ дядя Яковъ.

Съ двумя остальными Русаками нечего было совѣтоваться: имъ стоило только велѣть, и они готовы въ пыль и въ омутъ. Савелій подобрался къ борту, отцѣпилъ топоръ, и прямо пошелъ къ рулевому. Тотъ въ полглаза взглянулъ на него, подернулъ штур-трость * и пробормоталъ свое — steady ! steady ! Оно было послѣднимъ. Савелій разнесъ ему черепъ до плечъ: несчастный упалъ черезъ румпель безмолвенъ, и кровь рѣкой полилась по палубѣ. Трое Русскихъ схватили одного спящаго Англичанина и перебросили его черезъ бортъ въ море. Но двое остальныхъ Англичанъ проснулись отъ шуму, схватились бороться, и только раненые уступили силѣ. Голодная пучина съ шумомъ приняла ихъ въ свое лоно, но не вдругъ поглотила ихъ. Жалобный, пронзительный крикъ то возникалъ, то смолкалъ надъ волнами, и наконецъ все слилось въ молчаніе могилы, въ тихій говоръ моря. Между-тѣмъ, смертный кликъ борьбы всполошилъ осьмерыхъ матросовъ, спящихъ внизу; но Русскіе успѣли уже надвинуть на отверзтія рѣшетчатыя крышки, и закрѣпить ихъ сверху болтами. Едва Англичане осмѣливались попытаться поднять кровлю своей западни, три заряженныхъ мушкетона отпугивали ихъ прочь. Люкъ въ каюту капитана былъ также заколоченъ прежде, чѣмъ онъ отрясъ съ рѣсницъ своихъ сонъ, утроенный мадерою.

— *Бой!* закричалъ онъ грозно, услышавъ необычайную суматоху на палубѣ. — *Бой!* повторялъ онъ съ приложеніемъ сотни брацей, но *Бой* не являлся, хотя заклинанія капитанскія могли бы вызвать всѣхъ чертей изъ ада. Бѣдняга, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, вѣстовой капитана, былъ лишенъ на этотъ разъ неизбѣжнаго пинка, служившаго знакомъ восклицанія зва-тельному падежу — *Бой!* онъ давалъ ему невѣроятную

* Веревка управляющая рулемъ.

быстроту движеній. — Бой, принеси бутылку! Бой, кликни боцмана! — и пинокъ въ задъ, — и онъ взлеталъ по лѣстницѣ соколомъ. Да! пинокъ есть первая буква Англійской дисциплины, которой послѣдняя петля на концѣ реи.

Видя, что Бой нейдетъ за полученіемъ своей порціи, капитанъ въ гнѣвъ вскочилъ съ постели и кинулся къ дверямъ: онъ были заперты.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ, потрясая задвижками.

— Это значитъ, что ты мой плѣнникъ, отвѣчалъ Савелій, сквозь люкъ. Половина твоихъ людей въ морѣ; другая забита въ палубѣ. Сдайся!

— Что бы я, лейтенантъ Королевской службы, сдался бородачу? Никогда! ни за что! я пробѣужу дно и потоплю тебя! кричалъ Турнипъ.

— Я зажгу судно и взорву тебя на воздухъ, возразилъ Савелій.

Но судно не было потоплено, ни сожжено. Оно было только обращено назадъ, и тѣмъ же полувѣтромъ бѣжало къ Руси. Савелій правилъ рулемъ, и надзиралъ надъ капитанскимъ люкомъ. Двое другихъ стояли на часахъ при люкѣ матрозской каюты, одному позволялось спать. Всѣ они были обвѣшаны оружіемъ. Тяжко бы имъ было управляться съ парусами, если бы вѣтеръ перемѣнился или скрѣпчалъ; но онъ дулъ ровно и постоянно, и Алексѣй, весело поглядывая впередъ, охорашивался и говорилъ: «Знай нашихъ!» Тишина прерывалась только порой бранью запертыхъ въ кѣткѣ Англичанъ, да заклинаніями капитана. Наконецъ и онъ умолкъ. Какъ истинный философъ, онъ, принявъ тройной зарядъ рому, заснулъ, поверженный, но не побѣжденный.

На другой день Русскіе сдѣлали печальное открытіе, что у нихъ нѣтъ ни крошки сухаря: все съѣст-

ное хранилось внизу. Побѣдители могли умереть съ голоду прежде, чѣмъ добѣжать до берега. Англичане не сдавались и не давали ничего. Къ счастію случай уравнилъ бѣдствіе обѣихъ воинствующихъ націй. Англичане не задолго выкатили на палубу остальные бочки съ водою, для помѣщенія подъ кровлю пѣжной добычи. Начались переговоры:

— Дайте намъ хлѣба! говорили Русскіе.

— Дайте намъ воды! говорили Англичане.

— Не дадимъ, отвѣчали Англичане, покуда вы насъ не выпустите.

— Не дадимъ, отвѣчали Русскіе: сдайтесь!

И парламентары расходились отъ люка.

Но голодъ и жажда уладили перемиріе. Народное честолюбіе замолкло передъ воплемъ желудка: мѣна учредилась. За каждый кусокъ сухаря и солонины, данный въ обрѣзъ, отмѣривались кружки воды на полжажды.

— Я бы желалъ, чтобъ ты подавился этимъ кускомъ! говорилъ капитанъ, просовывая оленій языкъ сквозь отверстіе люка.

— Я бы желалъ, чтобъ ты вѣкъ пилъ одну воду! говорилъ Савелій, подавая ему мѣрку не винной влаги. Авось бы ты съ этого поста поумнѣлъ!

— Ты разбойникъ! ворчалъ капитанъ.

— Я твой ученикъ, возражалъ Савелій. Утѣшься! я сдѣлалъ съ тобой то же самое, что сдѣлалъ бы ты со мной, если бъ былъ сильнѣе. Развѣ это не твои слова?

Капитанъ говорилъ, что ничего въ свѣтъ нѣтъ глупѣе такихъ утѣшеній.

Куттеръ плылъ да плылъ къ Русн.

Куттеръ этотъ былъ забавное и небывалое явленіе въ Политикѣ. Это не было уже *status in statu*, но *status super statum*, государство верхомъ на государствѣ, — побѣдители безъ побѣжденныхъ, и побѣжденные непризнающіе побѣдителей; это было два лруса

Вавилонскаго Столба, спущенные на воду. Внизу ревели — Да здравствуетъ Георгъ III навѣчно! Вверху кричали — Ура батюшкѣ-Царю, Александръ Павловичу! Англійскіе годдемы и Русскія непечатныя побранки встрѣчались на лету. Это однако жъ не мешало куттеру бѣжать по десяти узловъ въ часъ, и вотъ завидѣли наши низменный берегъ родины, и вотъ съ полнымъ приливомъ, съ полнымъ вѣтромъ, вбѣжалъ онъ въ устье Двины, не отвѣчая на спросы брандвахты, несмотря на бой бара. Савелій не хотѣлъ медлить ни минуты, и зная, что ему простятъ всѣ упущенія формъ, катилъ безъ всякаго флага вверхъ по рѣкѣ. Таможенные и брандвахтенскіе катера, задержанные баромъ, выбились изъ силъ, преслѣдуя его. Таможня и брандвахта сошли съ ума: ну что, если этотъ сумасбродъ, Англичанинъ? ну что, если онъ вздумаетъ бомбардировать Соломболу, сжечь корабли, спалить городъ? Конные объѣзчики поскакали стремглавъ въ Архангельскъ, и тревога распространилась по всему берегу прежде, чѣмъ призовый куттеръ показался.

Вооруженная шлюбка однако жъ встрѣтила его на дорогѣ, опросила, поздравила, и суматоха опасенія превратилась въ суматоху радости. Прежде чѣмъ снѣжный комъ докатился до Архангельска, онъ выросъ съ гору. Всѣ кумушки, накинувъ на плечи епанечки, бѣжали отъ воротъ къ воротамъ, — время ли на дворъ заглядывать! — и рассказывали, что ихъ роденька (тутъ всѣ стали ему роднею), Савелій Никитичъ, напалъ на стопушечный Англійскій корабль, разсыпался во всѣ стороны, окружилъ его своимъ карбасомъ, вырвалъ руль собственными руками, и давай тузить Англичанъ направо и налево: принуждены были сдаться, супостаты! Теперь онъ ведетъ его сюда на показъ! Всѣ ахали, всѣ спрашивали, всѣ рассказывали чепуху; никто не зналъ правды.

Громкое ура съ набережной встрѣтило приближаю-

щійся куттеръ; шапки летѣли въ воздухъ, чоботы въ воду; въ порывѣ народной гордости, народъ толкалъ другъ друга локтями и колѣнями. Всякой продирался впередъ, всѣ хотѣли первые поглядѣть на удалаго земляка. Савелій чуть не ряхнулся: онъ бѣгалъ по палубѣ, обнималъ своихъ сподвижниковъ, стучался въ двери Турнипа.

— Сдайся! кричалъ онъ. Мы ужъ въ Архангельскъ!

— Не сдамся бородачу! отвѣчалъ тотъ.

Когда причалили и бросили сходень, губернаторъ первый встрѣтилъ Савеля, прижалъ къ груди, называлъ молодцемъ. Сердце закатилось у Савеля съ радости, слезы брызнули изъ глазъ его.

— Ваше превосходительство! отвѣчалъ онъ.... Ваше превосходительство!.... я Русской!

Капитанъ Турнипъпреважно сошелъ на берегъ, вручилъ губернатору свой кортикъ, и отправился подъ прикрытіемъ въ городъ, напѣвая —

Rule Britania the waves!

«Влады Британіи морями!»

Всѣ смѣялись.

Нужно ли досказывать? Савелій не поѣхалъ въ Соловки: онъ пошелъ въ церковь со своею милою Катериною Петровной. Государь Императоръ, узнавъ о подвигѣ Никитина, напоминавшемъ подвигъ Долго-рукаго при Петрѣ, прислалъ Архангельскому герою знакъ военнаго ордена, и приказалъ продать въ пользу его съ товарищами грузъ призоваго капера.

Это не выдумка. Савелій Никитинъ живъ до сихъ поръ, уважаемъ до сихъ поръ; и если вы встрѣтите въ Архангельскѣ бодрого человѣка лѣтъ пятидесяти, въ Русскомъ кафтанѣ съ Георгіевскимъ крестомъ на груди, — поклонитесь ему: это Савелій Никитинъ.

1834.

Дагестанъ.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

=

КЪ ЭММѢ.

Изъ Шаллера.

=

Туманъ далёкій затмѣваетъ
 Былую радость навсегда;
 И только взоръ еще пьиваетъ
 Одна прекрасная звѣзда.
 Но звѣзды прелестью своей —
 Лишь блескъ одинъ во тмѣ ночей.

Когда бъ ты въ гробъ охладѣла,
 Уснула непробуднымъ сномъ,
 Тобой тоска бъ моя владѣла,
 Жила бы въ сердцѣ ты моемъ.
 Но ахъ! собою свѣтъ пѣвня,
 Ты въ нёмъ живешь не для меня!

Иль сладость нежности сердечной,
 О Эмма! можно позабыть?
 Тому, что гибнетъ, что не вѣчно,
 О Эмма! какъ любовью быть?
 Ужель огонь ея святой
 Исчезнетъ, будто жаръ земной!

Н. КОЗЛОВЪ.

=

ДУБЪ.

(Во Петергофѣ.)

=

Зеленые кудри намѣтомъ раскинулъ
 Тайнственный древній заветныхъ дубровъ.
 О, дубъ! Расскажи мнѣ: который вѣкъ минулъ,
 Когда ты родился, мой старецъ лѣсовъ?

Запомнишь ли время, когда предъ тобою
 Дымилися жертвы, молилися жрецы?
 И сколько сражений имѣлъ ты съ грозою?
 Какіе тобою вѣнчались пѣвцы?

«Въ глуши недоступной на тундрѣ рожденный,
 Не зрѣлъ предъ собой я ни жертвъ, ни жрецовъ,
 И битвъ не считалъ я съ грозой разъяренной,
 Досель не вѣнчалъ я безсмертныхъ пѣвцовъ:

На дѣвственной вѣтви орелъ жилъ когда-то,
 И шелестомъ крыльевъ мой сонъ нарушалъ,
 А долу, подъ снѣгою, гдѣ высохло блато —
 По тяжелой работѣ Царь Петръ отдыхалъ.

ВОДОПАДЪ.

Вонъ тамъ, гдѣ вѣчно по уступамъ
 Гремитъ и блещетъ водопадъ
 И гдѣ подобно мерзлымъ трупамъ]
 Граниты синіе стоятъ:
 Оцѣпивъ окрестность дремлетъ,
 Лишь звѣрь, припавши на скалъ,
 Паденью водъ нагорныхъ внемлетъ,
 Глядясь въ нихъ зыбкомъ хрусталѣ.

Какъ водопадъ, кипитъ и рвется
 Могучій мыслію Поэтъ:
 Толпа на звукъ не отвѣтается,
 На чувства чувствъ у черни нѣтъ;
 Лишь другъ Природы просвѣщенный,
 Среди лѣсовъ своихъ, въ глуши,
 Вполнѣ оцѣнить трудъ священный,
 Огонь божественный души.

Л. ЛЕУЗОВИЧЪ.

ХЛОПОТЫ.

=

хлопотъ различныхъ очень много,
 Мы все хлопочемъ цѣлый вѣкъ,
 И счастливы только, въ смыслѣ строгомъ,
 Одинъ безпечный человекъ:
 Купецъ хлопочетъ о товарѣ,
 Отецъ — о картахъ и чинахъ,
 Двицы — о четвертой парѣ,
 А матушки — о женихахъ;
 Зона — о темномъ выраженъ,
 Морякъ — о флагѣ коньяку,
 Чиновники — о награжденъ,
 Студентъ — о трубкѣ табаку!

.....

Истецъ — у стряпчего въ передней,
 Женихъ — отужинать скорый!
 Должникъ, чтобъ платежѣмъ отсрочить,
 Голодный на обѣдъ напасть;
 А Титулярные хлопочатъ
 Скорый въ Ассесоры попасть!
 Солдатъ хлопочетъ предъ парадомъ,
 Предъ экзаменомъ — кадетъ,
 Вдова — предъ каждымъ маскарадомъ,
 А все — о томъ, что денегъ нѣтъ!...
 Тотъ отъ хлопотъ въ отставку хочетъ,
 Другой — не знаетъ, что начать!...
 — А хлопотунъ о томъ хлопочетъ,
 Что не о чемъ похлопотать!!!

А. ВУЛГАНОВЪ.

---

*

СОНЕТЫ.

=

I.

МІРЪ ПРИРОДЫ.

Солнце скрылось въ лонѣ водъ;
Звѣздъ лампы загорѣли;
Перпелъ вскрикнетъ да заснетъ;
Соловей пускаетъ трели.

Тихо; листъ не шевельнетъ.
Тутъ собравшись подъ качели
Поселянки въ хороводъ;
Томно и протяжно пѣли:

Мѣсяцъ тамъ двурогій всталъ.
«Меркнуть отъ дремоты очи,»
Сибарить, зѣвнувъ, сказалъ :

«Поспѣшить на балъ; нѣтъ мочи
Мнѣ отъ скуки.» Что вашъ балъ
Передъ циркомъ этой ночи?

=

II.

ГОЛОСЪ ВѢСМЕРТІЯ.

Валится, будто хлопья, снѣгъ.
Средь бора тишина могилы.
Не мертвыхъ ли долины брегъ?
Иль порвались Природы жилы,

И міръ остановилъ свой бѣгъ?
Деревья, словно трупы, гнили
И мнѣ послѣдному изъ всѣхъ
Уничтоженіемъ грозили.

Послышался нечаянный звук —
 Я вздрогнул — отъ столбтней нвы
 Засохшій оторвался сукъ,

И боръ отгрянулъ молчаливый.
 Безсмертенъ я! то сердца стукъ
 Выщаетъ мнѣ краснорѣчивый.

=

III-

ПРОМЕТЕЙ *

Что ты вѣщаешь намъ, сказанье,
 Остатокъ древности съдой?
 За богохульство наказанье
 Иль съ рокомъ челоуѣка бой?

Какъ смертный, бренное созданье,
 Прикованный къ землѣ скалой,
 Олимпъ приводить въ содроганье!
 Нѣтъ, не безбожникъ то, — герой.

То символъ непреклонной воли.
 Кому жъ побѣда въ сей борьбѣ?
 Невинной жертвѣ злой неволи

Иль сокрушительной судьбѣ?
 Несущій крестъ жестокой доли!
 Вѣнецъ изъ тернія — тебѣ.

=

* Эсхилова трагедія того же названія послужила поводомъ къ этому совету. Гора, правда, родила мышь. Но и литературный вѣкъ — то нашъ мышинный. Греческій трагикъ — исполнская мысль, отчасти проявляющаяся въ Мазепѣ Байрона — изъ бездѣйствія героя, прикованнаго къ Кавказу и терзаемаго враномъ, извлекаетъ богатое и занимательное дѣйствіе. Прометей знаетъ тайну, открытіе которой подвергаетъ опасности новое царство боговъ. Зевесъ посылаетъ Гермеса вывѣдать сію тайну, употребляетъ страшныя угрозы, но безъ успѣха. Являются Океаннды и сожалеютъ о несчастномъ; выходитъ самъ Океанъ и совѣтуетъ покориться, но тщетно. Все въ движеніи отъ недвижимаго Титана.

IV.

ПАНДОРЪ.

Зевсъ Пандору надѣнилъ
Златомъ, прелестью, здоровьемъ;
Ларчикъ далъ, но положилъ
Не вскрывать его условьемъ.

Грѣхъ кого не испыталъ?
И мнѣ кажется злословьемъ,
Что онъ дамамъ пуще мнѣ.
Въ ночь ларецъ подъ изголовьемъ,

Днемъ у сердца, нежить взглядъ,
Руки жечь... ужъ вскрыть... о горе!
Хлынулъ изъ ларца весь адъ,

Бѣдствій разлилося море.
Лишь надежду удержать
Удалось въ ларецъ Пандоръ.

=

V

ПОДСЛУШАНИЙ У СОЛОВЬЯ ОТГЛОСОКЪ.

Изъ Петрарковой канцоны: *Chiare, fresche, e dolci aque.*

Студеный, серебряный ручей
И голосистая дуброва,
Приютъ владычицы моей!
Къ вамъ грустный прихожу я снова.

Вотъ здѣсь, у этихъ тополей,
Гдѣ стелется трава шелкова,
Въ сѣнѣхъ будто бы лучей,
Она сидѣла безъ покрова!

Были снѣга съ дровъ цвѣты
 На кудри къ ней, на грудь слетали
 И погруженную въ мечты

Къ вѣнцу, казалось, убирали.
 Но гдѣ жъ она? Гдѣ, Лора, ты?—
 Дубрава и ручей молчали.

Н. ВУТЫРСКИЙ.

ВОКЛЮЗСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

СОНЕТЪ.

=

На берегу, Воклюзою кропимомъ,
 Отъ бурь мірскихъ Петрарка отдыхалъ;
 Забывши Римъ и самъ забытый Римомъ,
 Онъ здѣсь одной любовію дышалъ.

Здѣсь въ тайномъ снѣ Лауры идеалъ
 Мелькнулъ предъ нимъ безплотнымъ херувимомъ,
 И съ устъ пѣвца, въ размѣръ имъ любимомъ,
 Роскошный стихъ полился, зажурчалъ.

И сладость думъ и звуковъ сочетанье
 Воклюзскій токъ далече повторилъ,
 И навсегда съ своимъ журчаньемъ слилъ:

Пришелецъ, внявъ Воклюзы лепетанье,
 Досель еще, задумчивъ и унылъ,
 Въ немъ слышитъ грусть, любовь и упованье.

М. ДЕЛАРЮ.

ВСЕ ОБМАНЪ!

РАЗСКАЗЪ ВЪ ПЯТИ СОНЕТАХЪ.

I.

ПУСТЫННЫЙ ПАРЬ.

Рыцарь ѣдетъ по пустынь,
Чтобъ невѣрной отомстить,
Поклялся онъ въ Палестинѣ
Всѣхъ невѣрныхъ перебить.

Солнце неба на срединѣ,
Жажда мучить, зной палить.
Вдругъ онъ видитъ, по равнинѣ
Словно океанъ разлитъ.

Прыгъ съ коня! — и латъ не скинулъ —
Ужась торопился въ путь, —
Лишь забрало отодвинулъ

И къ землѣ припалъ на грудь.
Но разливъ какъ-будто сгинулъ,
Бѣдняку не давъ хлебнуть.

=

II.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАПКИ.

Рыцарь, нашъ, тоской объятый,
Ѣдетъ далѣ, — одинокъ —
Ни куста нигдѣ, ни хаты;
Все песокъ да и песокъ.

Утомился конь вожатый,
Приумаялся вздохъ.
Вотъ съ зарей блестятъ палаты!
Онъ поднесъ къ устамъ рожокъ.

«Не найду, такъ завоюю
Здѣсь пріютъ!» герой вскричалъ,
И ударилъ вызывную.

Замокъ будто не бывалъ.
Ахъ! надежду золотую
Вѣтръ повзвѣсившій умчалъ.

=

III.

АРАВСКАЯ НАДНЕСЬ.

Укротился пылъ стремленья
На враговъ грозой летѣть:
Конь и всадникъ — безъ движенья.
«Тутъ бы имъ въ глуши истлѣть,

И не быть въ пиру сраженья!»
Но судебъ — иной завѣтъ.
Не вдали, у возвышенья,
Плещетъ свѣтлый водометъ,

Смоква пурпуромъ блистаетъ.
Ожилъ рыцарь, — и у ногъ
Изъ Корана стихъ читаетъ:

«Богъ для всѣхъ единый Богъ,
«Всѣмъ десницу простираетъ,
«Муравьиный слышитъ вздохъ.»

=

IV.

ТИФОНЪ.

Рыцарь въ думу погрузился.
Вдругъ онъ сдѣлался не тотъ:
Лѣтомъ къ пристани пустился,
Сылъ въ корабль, домой плывётъ.

Долго по зыбамъ носился.
 У Алкидовыхъ воротъ,
 Мнилось, великанъ явился,
 Вставши изъ пучины водъ.

Туча съ океаномъ въ споръ,
 Поднимая стѣну волнъ,
 Стѣну волнъ бросала въ море.

Рыцарь нашъ отваги полнъ,
 Грянулъ въ рогъ, — и на просторъ
 Покатился легкій чолнъ.

=

V.

РОДИНА.

Длинной лентой, Албіона
 Забывалъ волнистый берегъ.
 Тамъ, на краѣ небосклона,
 Горъ отчизны блещетъ снѣгъ.

Рыцарь не желалъ бы трона
 Взять съ потерей сихъ утѣхъ.
 Что жъ виной тоски и стона? —
 Кто была дороже всѣхъ,

Измѣнила! Нѣтъ, казалась
 Равнодушной къ молодцу:
 Заманить она пыталась

Слѣзью жениха къ вѣнцу.
 Быть худому бы концу:
 Чуть, чуть въ дѣвкахъ не осталась.

Н. ВУТЫРСКИЙ.

З А В Ъ Щ А Н І Е.

=

Близокъ, близокъ часъ желанный!
 Скоро, милые друзья,
 Факель грустный, погребальный,
 Загорится для меня.
 Съ вѣтвью масляной въ десницѣ
 Я увижу смерть свою
 И, подобно голубицѣ,
 Въ край отчизны воспарю.
 Въ край отчизны — гдѣ незнаемъ
 Пылъ страстей, печалей, бѣдъ,
 Гдѣ ни чѣмъ непомрачаемъ
 Блещетъ правды вѣчный свѣтъ!
 Въ край отчизны — гдѣ сливаясь
 Тонуть въ безднѣ — тмы вѣковъ,
 Гдѣ цвѣтутъ, не измѣняясь,
 Счастье, дружба и любовь,
 Гдѣ все дивно, благодатно;
 Гдѣ веселью нѣтъ конца;
 Гдѣ судьбою коловратной
 Не стѣсняются сердца!

Не печальтесь о разлукѣ,
 Други милые мои!
 Въ грозной опыта наукъ
 Протекли мои всѣ дни.
 За минутну радость міра
 Я платилъ годами бѣдъ,
 И — какъ гость уходитъ съ пира —
 Ухожу я отъ суетъ.
 Подъ грозою, въ бурномъ морѣ
 Плылъ мой жизненный челнокъ,
 Якорь брошенъ — и ужъ болѣ
 Не страшусь тебя, мой рокъ!

Не боюсь твоихъ клеветовъ,
 Мнѣ вредившихъ на землѣ:
 Въ горній міръ — души полетовъ
 Не достигнуть ихъ стрѣлъ!

Други милые! я съ вами
 И за гробомъ буду жить.
 Что напрасными слезами
 Прахъ безжизненный кропить!
 Дайте мѣсто утѣшенію:
 Мы увидимся опять,
 «Смерть есть близкій другъ рожденію!»
 Мудрецы намъ говорить.

О! не ставьте надо мною
 Урны съ надписью своей!
 Пусть играетъ вѣтръ травною
 Надъ могилою моею;
 Пусть блистательнымъ привѣтомъ
 Солнце холмъ мой веселить
 И луна перловымъ свѣтомъ
 Въ тишинѣ его дарить:
 Но до сладкаго свиданья
 Въ лучшей, милой сторонѣ,
 Сохраните воспоминанье
 Въ вашемъ сердцѣ обо мнѣ!
 Сохраните мысль святую,
 Что я дружбѣ вѣренъ былъ
 И, оставя міръ, тоскую
 Все о тѣхъ, кого любилъ! —
 Съ обновленіемъ Природы,
 Солнца вѣшняго въ лучахъ
 Проведите часъ свободы
 На кладбищѣ, гдѣ мой прахъ; —
 Прочитайте изъ Свирли *
 Стихъ сердечный, но простой,

* Подъ симъ названіемъ будутъ изданы сочиненія Автора.

Спойте пѣсню, что мы пѣли
 Въ цвѣтѣ юности златой!
 Тѣнь моя плѣнится ею,
 И невидимый очамъ
 Я вамъ ласкою повѣю
 Утѣшительной сердцахъ....
 Ощущая близость друга
 И въ груди скрывая вздохъ,
 Вы цвѣтовъ роднаго луга
 На могильный бросьте мохъ!
 Этотъ даръ любви и мира
 Будетъ сладокъ для меня,
 И — какъ гость, жилецъ ээира —
 Жертвой сей утышусь я.

А когда настанетъ время
 Вамъ чрезъ много, много лѣтъ,
 Сбросить грустной жизни бремя.
 Чтобъ увидѣть лучшій свѣтъ, —
 Я и тамъ васъ первый встрѣчу,
 Какъ ожидаемыхъ гостей,
 И съ улыбкою привѣчу
 Лаской искреннихъ рвчей;
 Провожу васъ по лазури
 Къ той обители небесъ,
 Гдѣ безвѣстны міра бури,
 Гдѣ безвѣстны токи слезъ;
 Гдѣ въ тиши, страстей не зная,
 Улетѣвшія съ земли
 Души пьютъ въ истокахъ рая
 Жизни вѣчныя струи.
 И, паря въ вругахъ ээирныхъ
 Въ средоточіи святомъ,
 Въ хорахъ геніевъ счастливыхъ
 Забываютъ о земномъ.

II. СЛОВО.

ВСАДНИКЪ.

=

Вдоль по улицъ широкой,
 На гнедомъ конѣ, стрѣмой,
 Чернобровый, черноокой,
 Мчится всадникъ удалой.
 Борзый конь храпить и пышитъ,
 И крутятся подъ сѣдокомъ,
 Подъ собой земли не слышать,
 По крутымъ бедрамъ хвостомъ
 Бьется — и пыль клубить столбомъ!
 Съ крикомъ рѣзвые мальчишки,
 Бросивъ игры, бросивъ книжки,
 Къ воротамъ бѣгутъ стремглавъ;
 А красавицы дѣвицы
 Растеряли иглы, спицы,
 Къ окнамъ съ мѣста поскакавъ....
 Но красавецъ мимо, мимо....
 Ихъ поклономъ не дарить —
 Словно вѣтеръ онъ летитъ
 На конѣ неукротимомъ —
 Только слышенъ стукъ копытъ,
 Только пыль вослѣдъ валитъ. —
 Гордый юноша, куда ты
 Вихремъ мчишься? — Ужъ не въ тѣ ли
 Блочнокаменны палаты,
 Что виднѣются отсель?
 Въ тѣхъ палатахъ одиноко
 Теремъ пышный и высокой
 Въ рощу окнами стоитъ: —
 Тамъ до полночи глубокой
 Огонекъ всегда горитъ,
 И на занавѣсъ темной
 Какъ померкнетъ ясный день,

Отражается нескромно
 Съ твнью дѣвы чья-то тѣнь.
 То не дѣвы тѣнь : такъ сладко,
 Въ полуночной тишинѣ
 Не цѣлуются украдкой
 Дѣвы юныя однѣ!
 Нѣтъ, то стройный, то высокой
 Дѣвственникъ! — и мнится мнѣ :
 Онъ то улицей широкой
 Чернобровый, черноокой
 Вихремъ мчится на конѣ!....

А. КОМАРОВЪ.

УМИРАЮЩІЙ ГЕЙДУКЪ.

ИЛЛИРІЙСКАЯ БАЛЛАДА.

=

«Орѣлъ ты мой бѣлый! спустился на долъ,
 Смети съ поднебесья, мой бѣлый орѣлъ!
 Взгляни, — я Заремба въ крови предъ тобой,
 Бывало, ты помнишь, въ бояхъ удалой,
 Тѣлами Пандуровъ тебя я кормилъ,
 Прошу, чтобы службу ты мнѣ сослужилъ,
 Потомъ пусть добычей орлятамъ твоимъ,
 Съ кровавымъ, съ отважнымъ я сердцемъ моимъ.

Пустую лядунку мою ты схвати,
 И къ брату Рамзѣкъ скорѣ лети;
 Дѣвнадцать зарядовъ съ собой я носилъ,
 Дѣвнадцать Пандуровъ я ими убилъ;

Но съ ними таился Бенаки злодей,
Бездушный, боялся онъ сабли моей,
Булатъ неизмѣнный лишь выхватилъ я,
Онъ сзади кинжаломъ ударилъ меня.

Лети, и родимый за брата отмстить,
И вотъ еще перстень, въ нёмъ яхонтъ горитъ, —
И шитый узорно платокъ мой цвѣтной,
Отдай ихъ вѣрнѣ Миленѣ молодой,
И станетъ мой перстень она цѣловать,
А слезы узорнымъ платкомъ отирать:»
И мчитъ орелъ бѣлый въ безмолвѣ nocturno,
Ладунку и перстень съ узорнымъ платкомъ.

И къ брату Рамвикъ орелъ прилетѣлъ,
Рамвикъ съ друзьями въ похмѣльѣ сидѣлъ,
О братѣ убитомъ едва потушилъ,
Пустую ладунку откинулъ и пилъ;
Къ прелестной Миленѣ помчался орелъ,
И дѣву младую онъ въ церкви нашелъ,
И къ ней онъ явился съ заветнымъ кольцомъ,
Милена съ Бенаки стоитъ подъ вѣнцомъ.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

СЕЛЬЦО ДЯТЛОВО.

УѢЗДНЫЯ СЦЕНЫ.

Много есть зданій великолѣпныхъ, пышныхъ загородныхъ дворцовъ и садовъ, изумляющихъ своею красотою. Но едва ли Царское Село и Павловскъ, въ Россіи; Виндзоръ, въ Англіи; Версаль и Сентъ-Клу, во Франціи; Портичи, близъ Неаполя; Аранжуэзъ и Санъ-Ильдефонсо, въ Испаніи, и даже неизмѣнно великолѣпная Алгамбра, пользовались такою заслуженною славою и благоговѣйнымъ удивленіемъ, какія воздавались, Новгородской губерніи, Устюжно — Желѣзопольскаго уѣзда, селцу Дятлову, помѣщицы Охониной.

Много было описаній, гравированныхъ видовъ, чертежей и даже моделей знаменитѣйшихъ зданій; но не было еще до сихъ поръ описано несравненное селцо Дятлово, краса всего Устюжскаго уѣзда. Да и къ чему, да и кому было описывать! Жители благочестиваго града Устюжны-Желѣзопольской, города стариннаго, знали, что нѣтъ ничего красивѣе селца Дятлова. Каждый изъ жителей Устюжны и ея уѣзда могъ сказать любопытному, что деревянный, одноэтажный господскій домъ въ селцѣ Дятловѣ выстроенъ на шестнадцати саженьяхъ въ длину, безъ каменнаго фундамента, на высокомъ бревенчатомъ срубѣ, такъ, что между поломъ въ комнатахъ и землею остается пространство двухъ аршинъ съ четвертью, и что въ этой подполицѣ стоитъ катокъ, и водится множество крысъ и горностаевъ; каждая Устюжская барыня знала, что съ деревянной кровли знаменитаго дома высывались

жестяные драконы, съ разверзтыми зубастыми пастьями, откуда, во время проливнаго дождя, истекали обильныя струи прямо на голову мимобѣгущихъ дѣвокъ и слугъ. Нечего говорить о клеенчатыхъ полахъ въ парадныхъ покояхъ, о шитыхъ обояхъ, о люстрахъ изъ разноцвѣтнаго хрусталя, и наконецъ о рѣдкости, привѣшенной къ окну въ кабинетъ, — о деревянной будочкѣ, расписанной разными узорами, изъ которой, на подвижномъ деревянномъ кружкѣ, выскакиваютъ то мальчикъ, то дѣвочка, судя по тому, ведро или ненастье. Чудеса! Стоитъ того, чтобъ посмотреть.

Но не однѣ боярскія палаты представляли такія диковинки. Надобно было, изъ гостиной, выйти на длинный деревянный балконъ съ лѣсенками внизъ, который по-Устюжски назывался «гулянкою.» Съ этой гулянки, надлежало взглянуть на богатый цвѣтникъ, пестрѣющійся не только желтыми шапочками и бархатцами, которыхъ и не перечесть, четырьмя кустами розановъ, бѣлыхъ и красныхъ. А въ срединѣ этого великолѣпнаго царства Флоры, на красноватомъ пескѣ, выложено изъ дерна число 1788 года такъ чисто, что грамотнѣйшія барышни сейчасъ могли разобрать. А далѣе, поскату къ запруженной рѣчкѣ, садъ. И что за садъ! Стриженныя аллеи, расположенныя въ видѣ хѣровъ; по аллеямъ гуляютъ журавли, а въ куртинахъ растутъ и крыжовникъ и малина, и смородина и клубника. Даже есть оранжерея и теплица!

А на барскомъ-то дворѣ, что за строеніе! Длинная ткацкая, сарай, конюшня, житницы, сушильня для льну, въ которой, въ окнахъ, вставлены зеленые дощечки, прикрѣпленныя къ желѣзной полосѣ: подерни эту полосу, — дощечки поднимутся кверху, либо опустятся книзу, либо станутъ прямо, такъ, что можно руку между ними просунуть. А надъ сушильной

башня, и на ней часы съ курантами: какъ любо слушать, когда маленькіе колокола забьютъ четверти — тикъ, тамъ, томъ, тумъ! — а за ними большой колоколъ, часы — бумъ! бумъ! Ночью версты за четыре слышно.

Это знаменитое сельцо, со всѣми изыществами и со сто пятнадцатю ревижскими душами, по смерти Харитона Ипатовича досталось родной сестрѣ его, прапорщицѣ Аграфенѣ Ипатовнѣ Охоиной, которая, въ 1798 году, и поселилась въ сельцѣ Дятловѣ, какъ законная владѣтельница несравненнаго помѣстья.

=

Родъ Охоиныхъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ цѣломъ уѣздѣ. Со времени составленія табели о рангахъ, въ этой знаменитой фамиліи не было ни одного члена чиномъ выше поручика; но тѣмъ не менѣе Охоины по справедливости гордились своимъ происхожденіемъ: какъ изъ записей, такъ и изъ самаго прозванія ихъ, видно было, что родъ ихъ получилъ свое начало въ Охонской волости, извѣстной если не цѣлому міру, то по крайней мѣрѣ цѣлому Устюжскому уѣзду. Эта знаменитая волость нѣкогда принадлежала Охоинымъ. По какому случаю она отъ нихъ отпала, неизвѣстно. Вѣдомо только то, что теперь Охона — разнопомѣстное владѣніе. По увѣренію путешественниковъ, посѣщавшихъ Охону пѣшкомъ и въ телегахъ изъ Устюжны и изъ Сомины, въ Охонѣ считается однихъ помѣщиковъ, какъ въ Москвѣ церквей — сорокъ сороковъ, а за богатѣйшимъ изъ нихъ числится душъ мужеска и женска пола три съ половиною. Но дѣло не въ Охонѣ: обратимся къ сельцу Дятлову.

Аграфена Ипатовна, кромѣ доставшагося ей послѣ брата, имѣла собственнаго и мужнина имѣнія болѣе

*

двухъ сотъ душъ, а съ присовокупленіемъ сельца Дятлова, сдѣлалась богатѣйшею помѣщицею въ цѣлой округѣ. Она жила подлинно по-барски. Чай и кофе варились у нея четыре раза въ день. Круглый годъ были у нея гости, и, по кончинѣ ея, найдены въ Дятловѣ сорокъ пять перинъ, исключительно опредѣленныхъ для пріѣзжающихъ. Аграфена Ипатовна никогда не продавала овса: весь собираемый съ ея полей овесъ шелъ на кормъ лошадямъ посѣтителей. Нерѣдко случалось, что небогатый Устюжскій помѣщикъ, желая откормить свою тройку для дальней поѣздки, пріѣзжалъ на пять дней въ сельцо Дятлово, и выѣзжалъ отсюда уже на дородныхъ коняхъ, — да и самъ видимо потолстѣвши. Всѣ дивились богатству Аграфены Ипатовны. Посадскія дѣвушки, на посидѣлкахъ, говорили, что къ «Охоничихъ» пятаки возятся возами, и безъ счету ссыпаются въ лари. Устюжскія мѣщанки, какъ самовидицы, рассказывали, что въ каждую поѣздку Охоничихи въ Тихвинъ и Моденскій Монастырь, она давала тамъ на церковь по сту рублей. Словомъ, что въ Англіи Лордъ Бедфордъ, что въ Австріи Князь Эстергази, что въ Польшѣ Князь Радзивиллъ, а въ Россіи Графъ Шереметевъ, то самое въ Устюжскомъ уѣздѣ значила Аграфена Ипатовна Охонина, — а Охоничиха еще болѣе.

Какъ бы ни было, только домъ Аграфены Ипатовны, на всѣхъ языкахъ и по понятіямъ всѣхъ народовъ, древнихъ и настоящихъ, могъ назваться домомъ гостепріимства и благотворительности: когда добрая помѣщица въ 1811 году скончалась на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія, болѣе нежели сто постороннихъ особъ сопровождали ее въ могилу съ плачемъ и рыданіемъ.

Наслѣдникомъ гостепріимной старушки былъ единственный сынъ ея, Илья Аѳанасьевичъ, котораго

Аграфена Ипатовна нѣжно любила, и для котораго все то сдѣлала, что могла. Это доказывается слѣдующимъ: въ концѣ прошлаго столѣтія прапорщица, вдова Аграфена Охонина, умѣла выпросить пожалованіе семилѣтняго ея сына въ пажи, для чего въ Петербургѣ прожила семь мѣсяцевъ; въ началѣ XIX вѣка, съ пролитіемъ обильныхъ слезъ, разсталась съ своимъ чадомъ, и отдала его бывшій пажескій пансіонъ, къ Биттерлингу; съ того времени, каждый годъ на мѣсяцъ или на два, пріѣзжала въ Петербургъ, нанимала квартиру въ Ямской или у Шести-Лавочекъ, закармливала сынка вареньемъ и смородинными лепешками на меду, нанимала для него ложу въ театрѣ, и, прощаясь, дарила ему двадцать пять рублей. Въ 1808 году, когда Илья Аонасьевичъ увѣдомилъ ее, что онъ получилъ на «экзаментъ» семь сотъ пятнадцать баловъ, и представленъ въ подпоручики въ ***скій полкъ, она съ радости приказала отслужить молебенъ во всѣхъ церквахъ города Устюжны-Желѣзопольской, а нищей братьѣ, въ числѣ ста человекъ, роздала по холсту, по два пестрыхъ платка, по сайкѣ да по гривнѣ на брата; потомъ сыну послала три тысячи рублей. Болѣе этого для нравственности своего наследника, ни какая мать сдѣлать не въ состояніи.

По кончинѣ доброй матери, Илья Аонасьевичъ пріѣхалъ въ отпускъ, и первымъ ознаменованіемъ его владычества было призваніе стараго прикащика, Василька, который при жизни покойницы записывалъ ея приходъ и расходъ, и заводилъ часы, какъ въ домѣ, такъ и на башнѣ.

— Отъ чего, старая собака, такъ мало получала доходовъ покойница матушка?

Этимъ грознымъ вопросомъ поручикъ Охонинъ хотѣлъ задать страху всѣмъ своимъ подданнымъ и ихъ старостамъ, въ особѣ своего прикащика. Передъ

отъездомъ изъ Петербурга, онъ пилъ пуншъ у одного посѣдлаго отставнаго капитана, промышлявшаго картежною игрою, и тотъ сказаѣъ новому помѣщику. «Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ: какъ скоро пріѣдешь въ свою вотчину — не говоря ни слова, задай порядочную острастку старостамъ и прикащикамъ. Увидишь, какъ исправно пойдутъ всѣ твои дѣла!» Надобно же было, хотя вполовину, воспользоваться такимъ мудрымъ совѣтомъ.

Чистый совѣстью Василекъ, выслушавши милостивое привѣтствіе, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣни, положилъ на сердце правую руку, возвелъ глаза къ небу, и сказаѣъ:

— Ваше благородіе, отецъ нашъ, Илья Аѳанасьевичъ! двадцать девять лѣтъ вѣрою и правдою служилъ я вашему покойному дядюшкѣ, и въ Божѣ почившей матушкѣ вашей. Отсохни моя рука, если она господскою копѣйкою попользовалась; да прильпнетъ языкъ мой къ гор....

— Не объ этомъ рѣчь, съдая крыса! крикнулъ поручикъ Охонинъ. Отъ чего мало доходовъ получалось?— вотъ о чемъ я спрашиваю.

— Отецъ милосердый! покойница барыня, — царство ей небесное! — сама изволила всѣмъ завѣдывать. Я только записывалъ приходъ и расходъ. Вотъ, наше превосходительство, извольте разсмотрѣть всѣ счета, и если я въ чемъ погрѣшилъ, то... власть ваша. Накажите меня какъ угодно. Наше дѣло рабское.

Грозный превосходительство — поручикъ нѣсколько смягчился, и велѣлъ встать Васильку. Онъ началъ разсматривать счетную книгу, и допрашивать прикащика. Оказалось, что всѣ вотчины давали дохода не болѣе пяти тысячъ деньгами, а половина его, въ продуктахъ, потреблялась на домъ, на угощеніе поѣзди-

телей, на милостыни и на раздачу хлѣба, крупы, холста и прочаго бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, которыя почти тѣмъ и жили. Всѣ эти излишніе расходы были прекращены новымъ помѣщикомъ.

— Я самъ здѣсь не живу, сказалъ онъ: овесъ можно продавать, за исключеніемъ того, что нужно для дома и для отсылки ко мнѣ, въ Петербургъ. А всѣ эти милостыни и раздачи хлѣба какимъ-нибудь оборванцамъ вовсе не нужны. Могутъ прожить и сами. Въ Дятлово не пускать никого. Что за объѣдалы? Когда покойница матушка ѣзжала въ Петербургъ, и безъ нея здѣсь была настоящая гостинница. Десять тысячъ въ годъ, непременно! — вотъ что я долженъ получать. Слышишь ли?

— Слушаю, отецъ нашъ! отвѣчалъ Василекъ.

Двѣ перерѣзья дворянки, болѣе десяти лѣтъ жившія для компаніи у Аграфены Ипатовны, были высланы изъ Дятлова, съ награжденіемъ по триста рублей, какъ значилось въ духовной покойницы. Отъ себя, благочестивый сынокъ не далъ ничего. Всѣ запасы хлѣба и холста были распроданы; сверхъ-того обшарены всѣ комоды и ларцы, и въ нихъ найдено, кромѣ старинныхъ золотыхъ вещей, сто имперіаловъ, которые, со времени замужства Аграфены Ипатовны, лежали неприкосновенными. Поручикъ Охонинъ, по истеченіи двадцати-осмидневного отпуска, возвратился въ Петербургъ, и привезъ съ собою болѣе десяти тысячъ наличными.

Вотъ тутъ то были поминки о Аграфенѣ Ипатовнѣ! тутъ то узнали, какой благодѣтельница лишились! Нѣкоторыя старушки умерли отъ горести. Гостепріимное сельцо Дятлово опустѣло. И когда Устюжскій помѣщикъ ѣхалъ мимо, и лошади издали узнавали щедрыя конюшни, гдѣ ихъ такъ кормили, и, ускоряя бѣгъ, сами поворачивали къ Дятлову, помѣщикъ

кричалъ кучеру: «Куда ты, безумный! Прямо! «Онъ отиралъ слезы; лошади плакали тоже.

=

Въ Сентябрѣ, 1814 года, усердный слуга Василекъ прѣхалъ въ городъ Устюжну-Жельзопольскую, для закупки многаго множества такихъ предметовъ, которые уже три года не были въ употребленіи въ сельцѣ Дятловѣ, да и прежде, большею частію выписывались изъ Москвы и Петербурга. Добрый Василекъ, не слишкомъ надѣясь на свое умѣнье и на честность купцовъ, заблагоразсудилъ посовѣтоваться съ дворянами и чиновниками, живущими въ самомъ городѣ. Помня старинное правило, что съдина — мудрость, Василекъ, предпочтительно прѣбгнувъ, въ затрудненіи своемъ, къ стариннымъ и дѣйствительно съдымъ знакомцамъ покойной барыни, и просилъ ихъ милостиваго вспомошествованія въ дешевой покупке добротнаго товара. Изумились Устюжскіе старожилы, увидѣвъ на запискѣ Василька — сахаръ, чай, кофе, восковыя свѣчи, уксусъ, лучшій ямайскій ромъ и т. п. Но радость заступила мѣсто изумленія, когда Василекъ объявилъ, что Илья Афанасьевичъ Охонинъ подалъ въ отставку, и, по первому зимнему пути, прѣдетъ въ Дятлово, гдѣ намѣренъ совсѣмъ поселиться. Дятлово, какъ запустѣлый Іерусалимъ, во время плѣненія Вавилонскаго, было предметомъ всеобщей скорби, въ теченіе трехъ лѣтъ. Самое вторженіе непріятеля, и ополченіе, и новыя побѣды, увѣковѣчившія славу оружія Россійскаго, не могли изгладить воспоминанія о цвѣтушихъ годахъ Дятлова. Опять мы будемъ ѣздить въ Дятлово! Дятлово оживетъ!... И эта мысль оживила весь городъ. Такъ, — *si parva licet comprovere magnis*, — такъ точно Московскіе старожилы, внезапно разгнанные тогда грозою войны, соби-

рались на священные развалины древней столицы, со слезами умиленія глядѣли на благословенныя главы Богомъ спасаемаго Кремля, и съ сердечною радостью говорили: «Мы опять въ Москвѣ! мы опять будемъ ѣздить въ Англійскій клубъ!»

— Боюсь я одного, говорилъ Семенъ Авдеевичъ: послѣ смерти матери, онъ уже оказалъ свою скупость и жадность къ деньгамъ. Какъ засидеть у себя въ деревнѣ, да примется за хозяйство и начнетъ мучить крестьянъ, а съ сосѣдями и знаться не захочетъ.....

— И! нѣтъ! возразилъ Владиміръ Прохоровичъ, у военнаго, послѣдняя копѣйка ребромъ. Я самъ служилъ во флотъ. Бывало, воротись изъ похода, вдругъ получишь все жалованье, и пошла потѣха. Охонинъ хочетъ повеселиться на свободѣ. Посмотри-те-ка, сколько привезли въ Дятлово вина изъ Петербурга! Здѣсь столько не выпито съ тѣхъ поръ, какъ Устюжна существуетъ.

Наконецъ пріѣхалъ Илья Аѳанасьевичъ. Онъ получилъ отставку съ чиномъ маіора, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, потому, что былъ два раза слегка раненъ. Имѣя раны и десять тысячъ дохода, какая нужда служить! Нѣтъ, долой эполеты, прощай, служба царская: пора на покой, особенно когда уже скоро минетъ двадцать пять отъ роду.

Вся Устюжна ахнула отъ ужаса, когда Илья Аѳанасьевичъ, скоро по пріѣздѣ, сталъ брать свидетельство и писать къ своему пріятелю вѣрующее письмо, на залогъ всего имѣнія въ Петербургскій Опекунскій Совѣтъ. Если такой богачъ закладываетъ свое имѣніе, то видно приходятъ трудные годы! Что же дѣлать бѣднымъ людямъ? Прійдется умирать съ голоду!... Не бойтесь, честные и скромные бѣдняки: ваши скудные участки охраняются самимъ Провидѣніемъ. Безъ собственной вашей вины, черныхъ годовъ не

будетъ, а если богатъ Охонинъ занимаетъ деньги, то причиною тому, что онъ черезъ чуръ несчастливо игралъ въ банкѣ, на возвратномъ пути изъ Франціи. Въдь что же дѣлать, во время похода, когда уже нѣтъ драки съ непріятелемъ?

Это признаніе самого Ильи Аѳанасьевича крѣпко поколебало надежду на старинное Дятловское гостепріимство. На комъ есть долгъ денежный, на томъ есть и другой, — жить съ расчетомъ, такъ судили всѣ Устюжскіе жители, не бывавшіе въ Парижѣ, и мало жившіе въ столицахъ. Иначе судить этотъ молодець, маіоръ Охонинъ, разоде́тый въ щегольской фракъ, шитый въ Парижѣ, и съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, который достался ему послѣ Владиміра съ бантомъ, двухъ шпагъ и трехъ благоволеній. Оно такъ, — ничего-съ! мы несчастливо служили! да еще и въ Парижѣ были ровно три недѣли! Когда фортуна благопріятствуетъ, то какъ не повеселиться, какъ не пожить? Только не по-Устюжски, а по своему, сообразно съ духомъ времени и съ потребностями просвѣщеннаго поколѣнія.

— Старики мнѣ не компанія, гордо сказалъ богатый Дятловскій помѣщикъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ: «не пускать на дворъ старыхъ барынь и барышень, да старыхъ шарамыжниковъ, которые привыкли ѣздить въ Дятлово, сами отъѣдаться, да откармливать лошадей.»

Но съ кѣмъ же будетъ знаться Дятловскій помѣщикъ? равныхъ ему нѣтъ въ цѣломъ уѣздѣ. Неужели онъ будетъ выписывать себѣ компанію, какъ вина, изъ Петербурга или изъ Франціи? А на что же умъ и образованность, какъ не на то, чтобъ умѣть всякой бѣдѣ помочь! Илья Аѳанасьевичъ составилъ себѣ свой штатъ. Въ этотъ штатъ попали всѣ тѣ, которые умѣли пить, были веселаго характера и рады бы мотать,

да не изъ чего. Приближенные его разделялись на три класса. Первый пилъ шампанское, вмѣстѣ съ Дятловскимъ владѣтелемъ; второму давали пуншъ и мадеру, а третій классъ, за ерофеичъ или за пѣнникъ, игралъ роль шутовъ, на которыхъ иногда, въ веселыя минуты, Дятловскій владѣтель развѣзжалъ верхомъ по своимъ чертогамъ. Всѣ эти лица носили особенныя названія, по Наполеоновскому придворному календарю, который Илья Аѳанасьевичъ привезъ съ собою изъ Парижа. Одинъ былъ Ремюза; другой, чрезвычайно глупый, назывался маршалъ Ланнъ; третій — Фуше; четвертый бѣсился за то, что его прозвали Камбасересомъ; пятый, почти всегда прїѣзжавшій верхомъ, былъ мамелюкъ Рустанъ, и наконецъ Василекъ именовался Раппомъ, потому что, въ письмахъ и докладахъ къ своему господину, по незнанію орфографіи, всегда подписывался — *вашъ нижайшій рапъ*. Прекрасный полъ не былъ изгнанъ изъ веселаго общества. Разумѣется, что ни одна порядочная дама, а того менѣе двѣица, не присутствовала на Дятловскихъ пиршествахъ.

— Дятлово, это рай земной! говорили участвующие въ его пирахъ.

— Бѣсовское гнѣздо! говорили, крестясь и отплевываясь старики и старушки, когда только слышали названіе Дятлова. Я чай, косточки покойницы ноютъ отъ такого неслыханнаго безпутства.

Тѣмъ не менѣе весь городъ съ подобострастіемъ смотрѣлъ на Илью Аѳанасьевича, потому, что онъ сорилъ деньгами, и развѣзжалъ въ такомъ экипажѣ, который былъ оцѣненъ ровно въ пол-устюжны! Исправникъ и городничій усердно молили Бога объ удаленіи отъ нихъ всякой расправы съ Дятловскимъ помѣщикомъ.

— Лучше жить въ ладу съ такимъ буяномъ, гово-

рили они. И богатъ, и задоренъ, и прибралъ на свою сторону всѣхъ бойкихъ!

Это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить.

— Вотъ, говорить, нынѣ все люди умнѣе, да умнѣе! толковали старички и старушки. Ужъ кажется, Харитонъ Ипатовичъ былъ человѣкъ ученый и чиновный; зналъ свое дѣло, и сама Государыня-матушка его жаловала. Вотъ, выстроилъ онъ домъ, ужъ, подлинно сказать, на диковину. Досталось безпутному сыну такое богатство, такъ все не нравится. Клеенку съ половъ велѣлъ снять, шитые обои оборвалъ, портреты велѣлъ вынести въ кладовую; даже цвѣты перемѣнилъ въ саду, и велѣлъ содрать съ крыши жестяныхъ змѣй! Вишь ты, все дрянъ! Не бось, лучше самъ придумаешь. Нѣтъ, пропадетъ Дятлово! Не сдобровать Дятлову!

Маіоръ Охонинъ смѣялся надъ этими жалобами. Онъ украсилъ свои покои Петербургскою мебелью, обоями и бронзою, привезенною изъ Парижа; а вмѣсто закоптыхъ портретовъ фельдмаршаловъ и канцлеровъ, въ нѣкоторыхъ комнатахъ развѣшалъ онъ порядочную коллекцію Парижскихъ каррикатуръ. Дятлово сдѣлалось и помоложе и повеселѣе. Повеснѣ, помѣщикъ велѣлъ подвести подъ домъ каменный фундаментъ, а кровлю покрыть желѣзомъ.

— Благочестіе и благотворительность прежнихъ владѣльцевъ, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Семенъ Авдеевичъ, поддерживали Дятловскій домъ лучше всякаго фундамента. Мотовство и буйство столкнуть его не только съ каменнаго, даже и съ чугуннаго основанія. Помяните мое слово!

=

Прекрасно было первое Мая 1815 года. Слухъ о возвращеніи Наполеона во Францію не произвелъ

ни каких потрясеній въ Устюжскомъ уѣздѣ. Напротивъ! Это событіе было такъ занимательно, что въ цѣлой Россіи не со страхомъ, а съ любопытствомъ, ожидали окончанія такой дерзкой попытки. По крайней мѣрѣ, такъ судилъ отставной маіоръ Охонинъ, который, на этотъ разъ, сожалѣлъ о своей отставкѣ. Опять бы во Францію! Еще бы погулять по цвѣтущему вертограду Германіи! Еще бы попить шампанскаго въ самомъ Эперне!

Перваго Мая, весь штатъ собрался въ Дятловъ. Время подходило уже къ обѣденному. Пять сортовъ настойки давно стояли въ гостиной, окруженные различною закускою.

— Кого мы дожидаемся! спросилъ Камбасересъ, который уже уплелъ нѣсколько десятковъ ломтиковъ сыру, ветчины и колбасы, для возбужденія аппетита.

— Вѣдь ты видишь, что не всѣ на-лице. Маршалъ Ланнъ и Графъ Сегюръ заняты въ городѣ, и къ обѣду будутъ непременно.

— Я, братъ, голоденъ....

— Лучше будешь ѣсть за столомъ, старый боровъ! Эка туша! пятьдесятъ лѣтъ жреть и не наѣстся.

Таково было обхожденіе Дятловскаго помѣщика, съ своими собесѣдниками: изъ нихъ не было почти ни одного, который бы не годился ему въ отцы. Но, *gez sacra miser!* «бѣдность святое дѣло!» — гласитъ святая пословица, а одинъ Французъ перевелъ ее: *c'est une sacrée chose que la misère!* Увы! этотъ переводъ чуть-ли не справедливѣе. По крайней мѣрѣ, сами бѣдняки то подтверждаютъ. Но грѣшно сказать, чтобы бѣдность ни къ чему не годилась: хоть, напримѣръ, на забаву Дятловскаго помѣщика.

— Что вы такъ поздно пріѣхали, негодяи? Вѣдь мы замучились надъ настойкой, ожидая васъ. Отъ нетерпѣнія, рюмочку за рюмочкой.....

— Да, вотъ видишь ерцогъ великій, Наполіонъ....

— Э, скотина! Вотъ ужъ подлинно не Ланнъ, а просто, *анъ*. Не можеть выучиться произносить такое имя, которое теперъ у всѣхъ и на сердцахъ и на языкѣ.

— На что мнѣ! не дѣтей съ нимъ крестить. А хотѣлъ я тебѣ сказать, что жалости достойно..... Ей, ей! съ горя выпью травнику.

— Объ чемъ такъ разжалобился?

— Да! тебѣ хорошо! Все есть! Денегъ понадобилось, такъ слово сказалъ енаралу Рапу..... А тутъ, какъ посмотришь, сироты безпріютныя....

— Отъ этого дурака толку не добьешься! Говори ты, Сегюръ, въ чемъ дѣло?

— При матушкѣ-Екатеринѣ, я былъ вахмистромъ конной гвардіи, и былъ во дворцѣ, и тамъ не видалъ такой красавицы, какова эта сиротка, которую приводили къ городничему.

— Эге! дѣло идетъ объ красоткахъ! Рассказывай, рассказывай.

— Въ прошедшемъ году, еще до твоего пріѣзда, скончался Отецъ Петръ, и оставилъ вдову и двоихъ дѣтей. У матушки, Анны Сидоровны, и была надежда, что въ нынѣшнемъ году выдастъ дочь замужъ, а сына примутъ въ Петербургъ, въ Александроневскую Академію. Тѣмъ временемъ священника въ ихъ приходъ назначили женатаго. Ну, да она объ этомъ не тужила! Послѣ Отца Петра остались кое-какія денежки. Да вотъ, Великимъ Постомъ захворала, и въ седьмой день, — Господу Богу твоему! — померла. Остались, мальчикъ тринадцати лѣтъ, собой какъ херувимчикъ, да дѣвочка пятнадцати лѣтъ..... Ну, признаюсь, картина!

— Зачѣмъ же ее приводили къ городничему?

— Просила какого-нибудь призвѣнія. Послѣ матери остались кое-какія деньги. Брата ея, крестный отецъ писалъ изъ Петербурга, возьметъ къ себѣ, по первому зимнему пути; сама, Богъ дастъ, найдетъ жениха, — а до того времени нельзя жить безъ присмотра. Бѣднѣйка, такъ и обливалась слезами! камень тронулся бы, когда она просила....

Сегюръ утеръ слезы.

— Что же городничій?

— Разумѣется, обѣщалъ все, что въ силахъ.

— Не хочетъ ли взять къ себѣ, такъ сказать, на воспитаніе?

— Неужели же въ немъ души нѣтъ или онъ дьяволъ какой, чтобы соблазнить сироту!

— Хорошо! Завтра же поутру ѣду въ городъ, и самъ посмотрю эту красавицу.

— На что?

— Если понравится, возьму къ себѣ.

— Что ты, окаянный! сказали вдругъ и Ремюза, и Сегюръ, и Рустанъ, и даже Камбасересъ.

— Что вы, дураки! возразилъ Дятловскій помѣщикъ. Можно ли оказать большее благодѣяніе сироткѣ?

=

Охонинъ остолбенѣлъ отъ изумленія. Столица, блестящее общество..... Куда! Самый Парижъ, гдѣ было такое стеченіе и уродовъ и красавицъ..... Мало! Идеальныя красоты Парижской и Дрезденской картинныхъ галерей ничего не представляли подобнаго этому ангелу, этой милой Парашѣ. Вотъ, въ полномъ смыслѣ, красота съверная, къ сожалѣнію такъ рѣдко и такъ не надолго являющаяся въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ этихъ пламенныхъ Италіянскихъ глазъ,

которые сверкаютъ необузданнымъ сластолюбіемъ; нѣтъ, въ чертахъ лица, этой Французской игривости, которая такъ выразительно говорить: «Я хочу нравиться и готова любить!» Нѣтъ той Польской, — какъ бы сказать? — того, что на лицахъ Полекъ, съ такою увѣренностью спрашиваетъ у cadaго мужчины: «Не правда ли, что я красавица?» — и въ отвѣтъ всегда получаетъ: «да, во-истину красавица!»

Въ Парашѣ ничего такого не найдешь. Это Русская красота. Волосы свѣтлорусые, златовидные, какъ колосья нашихъ полей! Глаза свѣтлоглубые, какъ свѣрное небо въ ясный день. Плоть какъ глубокой снѣгъ, отражающій блѣдножелтые лучи зимняго солнца. Румянецъ какъ пурпуръ непрерывной зари лѣтнихъ полуночныхъ ночей. А выразительность физиономіи, душа на ней начертанная: о, то же, какъ и у матери Русской Природы! Такою меня Богъ создалъ, простою, не игривою, мало заманчивою, но всѣхъ любить готовою. Параша кокетничала столько же, сколько прелестный младенецъ, который смотритъ на всѣхъ съ ангельскимъ равнодушіемъ, и никакъ не догадывается, что всѣ, глядящіе на него, любятъ его милымъ, восхитительнымъ личикомъ.

Братъ, едва ли не милѣе сестры. Что за прекрасный мальчикъ!

— Какъ тебя зовутъ?

Сначала мальчикъ потупилъ, глаза; потомъ поднявши ихъ, какъ-будто два солнца выказалъ изъ облаковъ.

— Александромъ! произнесъ онъ нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ.

— Чортъ возьми! эта милая дѣвушка, — это образецъ мадонны, который свелъ бы съ ума самого Рафаеля. Этотъ юноша, или отрокъ, прелестный какъ

недоростокъ — Фебъ, будущій Аполлонъ Бельведёрскій.... Эти прекрасныя существа состарѣются, по-дурнѣютъ. И какъ состарѣются! Лѣтъ въ десятокъ, не болѣе. Мальчикъ сдѣлается, либо сухопарымъ, либо тюленеватымъ мужчиною. Черты лица его по-грубѣютъ. Нѣжная кожа отъ морозовъ превратится въ юфть. Отъ нихъ же, свѣтлые глаза сдѣлаются слезливыми, подернутся какою-то густою влагою; бѣлки ихъ будутъ почти желтые, а красивый зрачекъ съжмется, во избѣжаніе сильнаго ударенія алмазныхъ искръ и лучей нашихъ Русскихъ снѣговъ. А сестрица красавица? О, и того хуже! Растолстѣетъ на печи лежа, огрубѣетъ въ полъ ходючи, почернѣетъ отъ зноя, загрязнится отъ зимняго дыма, отъ лѣтней пыли. Тошно и подумать! Вотъ, сѣверная красота, какъ сѣверное лѣто: лови, лови, пользуйся! Такъ скоро пройдетъ, что и не замѣтишь. — Нѣтъ, чортъ возьми! увидѣлъ, мимоѣздомъ, цвѣточекъ въ степи; сорви его; вези съ собой, любуйся имъ, доколѣ не завянетъ.

— Если бы сиротство и бѣдность, сказалъ Охонинъ городничему, не говорили такъ краснорѣчиво въ пользу этихъ милыхъ дѣтей, то достаточно было бы одной ихъ красоты, чтобъ заставить принимать въ нихъ участіе. Этого молодца я не оставляю, продолжалъ онъ, положивши руки на голову мальчика. Крестный отецъ объщаетъ выписать его въ Петербургъ. До того времени, я буду заботиться о содержаніи и о воспитаніи его.

Мальчикъ, со слезами благодарности, поцѣловалъ ему руку. Охонинъ облобызалъ его, съ видомъ живѣйшаго участія.

— Что касается до этой малютки, то за нею нуженъ присмотръ женскій, а у меня въ домъ его нѣтъ. Надо было пріискать порядочную женщину, у которой она

могла бы жить, вмѣстѣ съ братомъ. Я обязуюсь давать ей содержаніе до самаго замужства.

— И за это Богъ васъ наградить! сказалъ растроганный городничій.

Параша, устремля на Охонина глаза, наполненные слезами, не говорила ни слова. Благодарность была начертана на ея лицѣ. А какъ сильно было это чувство въ ея душѣ! Она видѣла въ Дятловскомъ помѣщикѣ не человѣка, а посланника небеснаго, ангела-хранителя сиротъ и безпомощныхъ.

— Видно самъ Богъ его вразумилъ, говорили добрые жители города Устюжны-Желѣзопольской. Царица небесная наградить его за доброе дѣло! Только то не слишкомъ хорошо, что онъ дѣвченокъ-то помѣстилъ у мѣдничихи Ермолавы, которую, назадъ тому лѣтъ пятнадцать, исправникъ сѣкъ плетми за негодныя дѣла. Правда и то, что дѣвочка еще ребенокъ: да вѣдь скоро подрастетъ. Намѣкнулъ бы ему кто объ этомъ!

=

Пошло житье привольное молодому Алексашѣ. Отцемъ своимъ былъ онъ порядочно обученъ Русской и Латинской грамотѣ. Теперь, онъ бралъ каждый день уроки у протоіерея соборной церкви. Учебныхъ книгъ было выписано множество. Мальчикъ прилежалъ, и Отецъ протопопъ не могъ надивиться его успѣхамъ въ Латыни. За это, разумѣется, были похвалы и награжденія, а чѣмъ и счастливо дитя, какъ не ободреніемъ и заслуженными подарками! Въ праздничные дни, за нимъ посылалась щегольская коляска или карета Ильи Аѳанасьевича, и Алексаша, разсѣвшись въ ней какъ баринъ, съ бьющимся отъ радости сердцемъ, летѣлъ въ Дятлово, къ своему благодѣтелю. Чего стоитъ одна честь бывать въ Дятловѣ!

Не замѣтно было, чтобы Дятловскій герцогъ слишкомъ ласкалъ Парашу. Правда, онъ навѣщалъ ее довольно часто, всегда одинъ, и въ такое время, когда маленькій любимецъ бываетъ на ученьѣ; но мѣдничиха Ериолавна утверждаетъ, что хотя онъ довольно милостивъ съ дѣвушкою, а все-таки больше любить мальчика. Кому же это лучше знать какъ не мѣдничихъ Ериолавнѣ! А извѣстный проскътъ, объявленный всему Дятловскому обществу?... Все это была только шутка, желаніе одурачить этихъ олуховъ: такъ сказано было всей честной компаніи.

Однажды Алексаха, съ видимымъ замѣшательствомъ, вглядывался въ Дятловскаго помѣщика, и, наконецъ заплакавши, схватилъ его руку, поцѣловалъ и умоляющимъ голосомъ сталъ говорить:

— Миленькій! голубчикъ! красное солнышко! Илья Аѳанасьевичъ! будьте намъ вполнѣ благодѣтель. Не дѣляйте впередъ.... этого.

— Чего этого? спросилъ изумленный Охонинъ.

Мальчикъ покраснѣлъ, потупилъ глаза, и подергивалъ губами, какъ-будто сисясь ихъ растворить. На довольно грозное: — «Ну, чтоже?» — онъ въ полголоса выговорилъ:

— Перестаньте цѣловать мою сестру!

— Что? Что такое??

— Ахъ, батюшка, отецъ родной, Илья Аѳанасьевичъ! я вчера самъ видѣлъ.... изъ за двери.... какъ вы се цѣловали, и прижимали къ себѣ; и она васъ такъ цѣловала.

— Такъ что жъ за бѣда?

— Да вѣдь она моя сестра!

— Смотри, пожалуй! Я и тебя цѣлую: что же тутъ худаго?

— Покойникъ татенька и маменька тоже говори-

ли, что дѣвушка ни какого мужчины, кромѣ жениха, не должна цѣловать.

— Стало быть ни отца, ни брата?... А? э? голубчикъ, скоренько ты сдѣлался такъ смѣшленъ! Мнѣ самому не приходило въ голову, а этотъ мальчишка.... Ого, вѣдь тутъ не латынь! Можно пріостановить дальнѣйшіе успѣхи.... Ахъ, негодяй! чѣмъ бы радоваться тому, что я, точно какъ родной отецъ ласкаю его и сестру, онъ задумалъ дѣлать мнѣ нравоученіе. Смотри, пожалуй!

— Виноватъ, Илья Аѳанасьевичъ! Какъ передъ Богомъ, скажу вамъ, у меня какъ-то, противъ воли, сердце защемило, когда я это увидѣлъ. И я никому же не сказалъ, какъ только вамъ самимъ.

— Ну то-то! И не смѣй никому говорить. Злыхъ людей не перечтешь.... А впередъ, и мнѣ не смѣй говорить. Да и не смѣй придумывать ничего дурного. Не чужой цѣлуетъ твою сестру, а я, который заступилъ мѣсто вашего отца. Понимаешь ли?

Алексаша тяжело вздохнулъ, и поцѣловалъ руку названнаго отца.

— Ого, бѣсенокъ: уменъ не по лѣтамъ. Прочь этого свидѣтеля....

Скоро послѣ именинъ Ильи Аѳанасьевича, Алексаша былъ отправленъ въ Петербургъ, съ рекомендательными письмами и съ порядочною суммою денегъ, тѣхъ-де ради причинъ, чтобы онъ не терялъ времени и поскорѣ могъ быть опредѣленъ въ учебное заведеніе. Такъ было написано къ крестному его отцу, который подивился благотворительности Дятловскаго помѣщика.

По удаленіи всѣхъ препятствій, можно приступить къ разыгранію предположенной роли.

Когда все это происходило въ благословенномъ и

достопримѣчательномъ градѣ Устюжнѣ-Желѣзопольской, въ Германіи одна дѣвица впала въ естественный магнетизмъ. Домашніе, изумленные этимъ непостижимымъ явленіемъ, начали испытывать ясно-видящую, и, между прочими вопросами, задавали ей нѣсколько о такихъ предметахъ, о которыхъ благо-воспитанная дѣвица и не должна, и не можетъ, имѣть понятія. Ясновидящая покраснѣла и съ недовольнымъ видомъ отвѣчала, что вопрошающіе обязаны имѣть уваженіе къ святому чувству стыдливости, врожденному въ каждой дѣвушкѣ. Анекдотъ справедливый, и приводится здѣсь въ опроверженіе толковъ тѣхъ философовъ, которые силятся доказать, что въ человѣкѣ нѣтъ ничего врожденного, а все благопріобрѣтенное. Нѣтъ! есть чувства врожденные, и невинная Параша это доказала.

На сей разъ, бѣдную сиротку надобно оправдать передъ добрыми людьми: надобно рассказать имъ, какъ хитрая Ермолавна безпрестанно уговаривала ее полюбить барина, не объясняя ей, что это значить; какъ неопытная Параша, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ полюбила своего благодѣтеля, и не могла имѣть никакихъ подозрѣній, потому, что не имѣла ни о чемъ понятія; какъ, несмотря на все это, въ первыя минуты дерзости Дятловскаго помѣщика, она испугалась, будто встрѣтись съ разъяреннымъ медвѣдемъ; какъ она плакала, и въ полголоса умоляла пощадить ее, все-таки не зная, что ей предстоитъ; какъ наконецъ, оплакивая свое забвеніе, все-еще не имѣла полного понятія о важности преступленія.

— Не плачь, дуручка; а лучше люби меня хорошенько. За это я на тебѣ женюсь, со-временемъ.

Мѣдничиха Ермолавна подоспѣла съ утѣшеніями. Но бѣдная Параша не переставала платить дань врожденному чувству стыдливости, и проплакала цѣлый

сутки. Дятловскій помѣщикъ прѣзжалъ на третій и на пятый день, и къ концу седмицы, изъ покорной и благородной сироты, Параша сдѣлалась страстною любовницею своего обольстителя. Она предалась ему всею душою, всѣми помышленіями, всѣмъ существованіемъ своимъ.

Въ Октябрѣ, какъ-то зачесалась спина мѣдничихи Ермолавы отъ пятнадцати - лѣтняго воспоминанія. Она весьма рѣшительно доложила благодѣтелю Ильѣ Аванасьевичу, что не намѣрена вторично подвергаться исправническимъ исправленіямъ, и просить взять отъ нея поскорѣ Парашу, которой сомнительное состояніе.....

— Скоренько! сказалъ Дятловскій помѣщикъ.

И въ ту же ночь, блаженствующая дурочка была увезена въ Устюжскую Алгамбру. На другое утро, смѣтливая Ермолаевна, съ негодованіемъ и проклятіями, сама начала всѣмъ рассказывать о злодѣйствѣ беззаконнаго Охонина, который сманилъ отъ нея бѣдную сиротку и тайно увезъ ее, неизвѣстно куда.

— Какъ, неизвѣстно? отвѣчалъ всякой: ужъ вѣрно не въ другое мѣсто, какъ въ свое поганое гнѣздо, въ нечестивое Дятлово! Чтобъ ему сквозь землю провалиться!

Городъ Устюжна - Желѣзопольская, не будучи ни Гоморромъ, ни Вавилономъ, не болѣе другихъ знаменитыхъ городовъ вселенной, имѣетъ права хвастать чистотою своихъ нравовъ, — потому что она городъ. Бываютъ въ Лондонѣ, въ Пекинѣ, бываютъ и въ Устюжнѣ снисходительны къ слабостямъ человѣческимъ. Но Дятловское дѣло не воспользовалось врожденною горожанамъ кротостію. — «Кто Богу не грѣшенъ! говорили въ городъ: только надобно и мѣру знать! Дѣвочку, сироту, взять подъ свое покровительство, за тѣмъ, чтобы послѣ лишить чести!..... Мерзко и бого-

противно!» И восклицая такимъ образомъ, жители города Устюжны восклицали такъ глубокомысленно, какъ только можетъ восклицать философъ Шеллингъ, хотя Философіи съ роду не учились.

— Голубчикъ ты мой! говорила Параша, нѣжно-лаская своего друга.

— Любишь ты меня, Параша?

— Я не знаю какъ и сказать. У меня на свѣтъ только и есть что вы, да еще братья..... И больше мнѣ не надобно!

— Хорошо тебѣ у меня?

— Я и въ рай не хочу!

— Слышите ли вы, дураки, мои собесѣдники! Такъ ли бы она говорила, если бѣ держалась вашихъ правилъ? И это прелестное личико увядало бы въ ожиданіи жениха, какого-нибудь пьянаго кутейника!.... Вздоръ! Въ Дятловѣ недоставало драгоценнѣйшаго украшенія, и вотъ я его привезъ. Живите всѣ такъ, какъ я. Хорошее состояніе, миленькая красotka, доброе вино и друзья, глупые какъ ослы, — да столько же и послушные. Что можетъ быть лучше?

Развратъ, какъ разумъ человѣческій: при постоянныхъ успѣхахъ, его смѣлость превращается въ величайшую дерзость, и даже въ наглость. Дятловскому двору, мало-по-малу начало, надѣдать слишкомъ вольное обхожденіе Охоина, его грубые эпитеты и язвительныя насмѣшки. И Фуше, и Сегюръ, и даже смиренный маршалъ Ланнъ, начали изъявлять неудовольствіе. Дятловскій сибаритъ, цѣлуя свою красавицу, смѣялся надъ ихъ жалобами, и объявилъ однажды на-всѣгда, что онъ не будетъ сердиться, если друзья его станутъ говорить ему дружескія дерзости. Этою свободою они воспользовались. Насмѣшки Охоина, жившаго въ столицѣ, были нерѣдко остроумны. Насмѣшки его необразованныхъ собесѣдниковъ были, просто, наглы

и отвратительны. Служители стыдились, прислушиваясь къ Дятловскимъ господскимъ разговорамъ. Одинъ изъ сослуживцевъ Охонина, проѣзжая черезъ Устюжну, навѣстилъ стараго товарища, и, по возвращеніи въ Петербургъ, описалъ его совершенно, перемѣнившимся, одичавшимъ, огрубѣвшимъ, опустившимся, какъ-будто погибшимъ. «Нельзя не пожалѣть, говорилъ онъ, о прелестной дѣвочкѣ, которая попалась въ такую отвратительную бесѣду. Да жаль и самого Охонина. Что это съ нимъ сдѣлалось, въ одинъ годъ послѣ отставки!» Сослуживецъ вѣхалъ съ попутчикомъ, Устюжскимъ жителемъ, который, возвратясь изъ Петербурга, привезъ въ уѣздъ извѣстіе о столь неблагопріятныхъ толкахъ. «Вотъ какъ объ немъ судятъ въ Петербургъ! говорили съ торжествомъ недовольные. Стало быть, не мы одни его осуждаемъ. Всѣ видятъ его безпутство; только онъ не видитъ!» — «Этимъ-то и знаменуется гнѣвъ Божій! сказалъ одинъ неученый, но умный чело­вѣкъ. Погрязшему въ порокъ, Господь не только не дозволяетъ видѣть всю мерзость его положенія, но даже допускаетъ его находить въ немъ удовольствіе и ускорять свою гибель!»

На сей разъ добрый чело­вѣкъ ошибся: Провидѣніе дозволило Дятловскому помѣщику увидѣть мерзость его положенія.

Всѣ эти толки дошли до его свѣдѣнія. Онъ сначала разсердился на бывшаго товарища, который такъ весело провелъ у него время, и, за дружеское гостепріимство, такъ дурно ему заплатилъ. Потомъ онъ одумался, и сознался въ душѣ, что товарищъ правъ, потому что въ Петербургѣ и въ полку не такъ живутъ, какъ въ Устюжнѣ на мызѣ; что дѣйствительно Дятлово наполнено шушерею. Это Охонинъ зналъ и прежде: но что же дѣлать въ деревнѣ? гдѣ найти

лучшую бесѣду въ такомъ бѣдномъ уздѣ? неужели сидѣть одному какъ отшельнику, или оставаться было въ столицѣ, послѣ отставки? Нельзя! хоть два года надобно пожить въ своихъ помѣстьяхъ, и устроить имѣніе. Охъ, имѣніе! Какъ-то не оно, а долги начинаютъ устроиваться.... Нѣтъ, полно, въ самомъ дѣлѣ! Пора перестать, глупый штатъ распустить, расходы ограничить, а послѣ.... жениться. Да! Не иначе!.... Если будетъ выгодный случай.

Въ Маѣ 1816 года Параша уже была матерью мальчика. Это обстоятельство придамо нѣсколько грусти Дятловскому помѣщику. Въ тотъ день у него не было никого. Романисты и поэты заставляютъ прелестныхъ женщинъ разрѣшаться отъ бремени прелестными младенцами; но на дѣлѣ выходитъ, что всѣ новорожденные отъ прекрасныхъ и отъ дурныхъ обыкновенно бываютъ довольно безобразны, и хорошбуютъ, спустя нѣкоторое время. Въ этомъ убѣдился и Охонинъ. Когда Параша съ улыбкою на него взглянула, онъ вспомнилъ Рубенсову картину Люксембургской галереи; вспомнилъ мастерское изображеніе болѣзненной радости Маріи Медичи, родившей сына, и нѣжно улыбающейся Генриху IV; вспомнилъ, и взглянулъ на свое рожденіе. «Экого уродца Богъ далъ! подумалъ онъ. И можно ли ему радоваться? Въдь это незаконнорожденный, котораго не буду знать, куда дѣвать!»

Отецъ протоіерей навѣстилъ несчастную дочь своего друга, и совершилъ священнодѣйствіе крещенія младенца Константина. Подздравляя Охонина, достойный пастырь сказалъ: «Желаю вамъ отъ души примиренія съ совѣстью. Вразуми васъ Господь! Дайте поскорѣе законнаго отца вашему рожденію и супруга его несчастной матери.» Дятловскій помѣщикъ задрожалъ отъ ужаса: въ малочинномъ родѣ Охониныхъ никто не обезславилъ себя неравнымъ бракомъ, а

ему, маіору и кавалеру, жениться на поповнѣ... Страшно и подумать, хотя совѣсть подтверждаетъ слова протоіерея!

Черезъ мѣсяцъ, губернаторъ вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ пріѣхали осматривать уѣздъ. Послѣдній довольно выразительно привѣтствовалъ представляющагося Охонина, сказавъ: «Что вы не женитесь, Илья Аванасьевичъ? Пора бы вамъ завестись домкомъ, если служить не хотите!» Хотя Охонинъ и отвѣчалъ, что еще не было случая, что-де дастъ Богъ впередъ, однако запросъ предводителя сильно огорчилъ Дятловскаго помѣщика; тутъ былъ упрекъ, а не простое привѣтствіе. Когда, по отъѣздѣ начальниковъ губерніи, кто-то изъ усердія, разсказалъ Охонину, какъ предводитель отзывался о немъ губернатору, какъ онъ говорилъ: — «Жаль очень, что этотъ молодой человѣкъ, съ хорошимъ воспитаніемъ и достаткомъ, безъ нужды оставилъ службу, и не только ничего не дѣлаетъ кромѣ долговъ, но уже успѣлъ обезславить себя въ цѣломъ уѣздѣ оболъщениемъ бѣдной сироты» — когда это дошло до свѣдѣнія Дятловскаго барина, онъ призадумался не на шутку.

— Нѣтъ, чортъ возьми! женюсь! И въ самомъ дѣлѣ, что за безпутная жизнь! И дорога искучна! Сверхъ того, Парашка надѣла мнѣ своими нѣжностями.

По зимнему пути, Охонинъ отправился въ Москву.

=

Славный городъ Москва! Не даромъ многіе предпочитаютъ ее Петербургу. И то правду сказать, у древней столицы есть свое, особенное, чего въ Питерѣ не найдешь. Изъ многаго множества разницъ вотъ одна: молодой, деревенскій житель, изъ помѣстья своего отправляется въ которую-нибудь изъ двухъ сто-

лицъ: по дѣламъ, онъ говорить, а по какимъ,—не скажется. Тутъ обыкновенная догадка: разумѣется, заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ. А если имѣніе заложено или молодецъ не таковской, то какія же его дѣла? О, тутъ судя по тому, куда ѣдетъ: если въ Петербургъ, то искать мѣста; въ Москву, искать невесты. Право такъ!

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невестамъ перевода —

И по этой причинѣ, женихи ѣздятъ въ древнюю столицу за невестами, какъ купцы ѣздятъ на ярмарку за товаромъ. У Охонина, сверхъ-того, была въ Москвѣ бабушка, родная тетка его матери. Бабушка была вдова, не молода, сама дочерей не имѣла, а сына давнымъ давно женила, и постоянно жила въ Москвѣ. У бабушки знакомыхъ много, и въ первый день пріѣзда внучка, Ильюши, она ему насчитала пятнадцать невестъ разныхъ достоинствъ и кондицій. Дятловскій помѣщикъ рѣшился подождать, да посмотрѣть, да съ толкомъ выбрать. Его кондиціи были, — приданое, хоть небольшое, лишь бы родители что-нибудь значили. Расчетъ вѣрный. Вотъ, скажутъ, каковъ Илья Охонинъ: знатные принимаютъ его въ родню!

Дятловскій баринъ выѣхалъ изъ Москвы женихомъ сенаторской дочери, дѣвицы, съ небольшимъ денежнымъ приданымъ, очень хорошо воспитанной и не слишкомъ красивой собою. Правда, лицомъ не дурна, но такъ блѣдна! такъ худа!.... Даже не имѣетъ лучшаго украшенія женской фигуры! Это будетъ контрастъ съ Устюжскими красавицами. Но тѣмъ лучше: можно ихъ увѣрить, что въ Москвѣ мода на плоскія груди, и что теперь вездѣ такія носятъ.

Параша закричала отъ радости, когда возвратился ея возлюбленный. Она поднесла своего Костиныку, и съ восторгомъ сказала:

— Посмотрите, какой хорошенькій!

И точно онъ былъ хорошенькій; да батюшка косо на него посматрѣлъ.

Разнесся слухъ о помолвкѣ Охонина. «Дай ему Богъ! говорили всѣ. Женится, оставитъ прежнія беззаконія!» Параша съ ужасомъ узнала объ этомъ. Самъ онъ ей не говорилъ ни слова. Дрожа всѣми членами, она рѣшилась вымолвить словечко.

— Вздоръ! Еще долга пѣсня.

Болѣе ни слова. Это ни успокоиваетъ, ни отчаяваетъ. Однако замѣтно, что обращеніе его сдѣлалось очень и очень холодно: Параша плакала украдкой, и не смѣла думать о своей будущности.

Послѣ Святой недѣли, нанять былъ въ Устюжнѣ домъ, отправлено туда порядочное количество запасу и корова, пріискана работница, и объявлено Парашѣ, что новоселье готово. Тромко закричала несчастная, и упала на полъ, не отъ обморока, а просто, сраженная отчаяніемъ. Она кричала, била себя въ грудь и не могла плакать.

— Что за пустяки! грозно крикнулъ баринъ. Этимъ ничего не возьмешь!

Параша рыдала цѣлый день, и, по обыкновенію простолудиновъ, облегчала скорбь свою, распѣвая сердечныя жалобы. Ее вѣрно было отвести въ дальніе покои. Женщины, которыя за нею ухаживали, забыли, что она была только любовницею ихъ господина, и отъ чистаго сердца раздѣляли ея скорбь. Охонинъ цѣлый день бродилъ по полямъ.

На другой день, поутру, лошади уже были готовы. Доложено барину, что Параша уснула, вставши помолилась Богу, и увязала небольшой узелокъ. Слава Богу! она согласна ѣхать... Дверь комнаты отворилась, и Параша вошла, держа на рукахъ сына.

— Ну, что тебѣ надобно?

— Мнѣ, сударь, приказано выѣхать отсюда. Пришла къ вамъ проститься.

— Прощай, душенька! Вѣдь не надолго. Я сегодня же къ тебѣ пріѣду.

— Покорно благодарю, сударь! только вы меня не найдете, потому, что я не поѣду на квартиру.

— Какъ не поѣдешь? Опять глупости!

— Мое мѣсто, сударь, здѣсь, у васъ, въ Дятловѣ. Такъ вы меня къ себѣ взяли. Сюда пріѣхала я поруганная, доброе имя потерявшая. Здѣсь родила я этого бѣднаго. Если отсюда меня гонять, то я должна искать себѣ другаго пріюта, а милостыни вашей не принимаю.

— Ну дѣлай, что хочешь! Здѣсь тебѣ нельзя оставаться. Я женюсь....

— Развѣ я не жена ваша?

— Что ты завралась?

— Да, конечно, подъ вѣнцомъ не была. А помните, какъ вы цѣловали мои руки, помните...

— Все помню, что тебѣ угодно; только мнѣ угодно, чтобъ ты скорѣе ѣхала. Что прошло, того не воротишь. Ну, былъ грѣхъ общій. Дѣлать нечего!

— Вотъ вы сами говорите, Илья Аѳанасьевичъ, что былъ грѣхъ. Да я ли напрашивалась на грѣхъ? Я ли старалась провинить васъ предъ Богомъ и передъ добрыми людьми? Конечно, грѣшна и я. Знаю сама какъ грѣшна! Я чай, матушкѣ родной не спится сладкимъ сномъ въ могилѣ отъ моего грѣха. Я думаю, родимый-то на томъ свѣтѣ самъ у батюшки Царя Небеснаго прѣсился въ адъ, вытерпѣть за меня муку страшную, снять на себя мое наказаніе тяжкое. Легко, небось, объ этомъ думать, Илья Аѳанасьевичъ! Однакоже, я думала сама, думали и говорили мнѣ добрые люди; и все-таки я васъ любила. Душу свою

вамъ отдала для того, чтобы съ васъ снять грѣхъ, мнѣ одной за него отвѣчать. Вы начали, я кончила. Теперь, что вы начинаете? что вы хотите изъ меня сдѣлать? куда мнѣ дѣваться? кому на глаза показаться? Развѣ броситься въ Мологу, утопить мой позоръ отъ честныхъ людей, да съ новымъ грѣхомъ на судъ страшный явиться?

Охонинъ встревожился. Ни угрозами, ни насмѣшками нельзя было опровергнуть жалобъ несчастной Парашы.

— Что ты говоришь, душенька? образумься! Вспомни, что всякой грѣхъ очищается покаяніемъ. Для этого-то я и женюсь. А ты потерпи: я прииму тебя мужа, и ты будешь съ нимъ жить честно, во страхъ Божию...

— Благодарна за милость. А этого (поднимая ребенка) куда мнѣ дѣвать? Взять, небось, да ударить объ полъ; чтобы онъ тутъ погибъ, передъ отцомъ беззаконнымъ!

Ни въ сраженіи, ни на смотре не чувствовалъ Охонинъ токаго страха, какъ въ эту минуту. Чего добраго: сумасшедшая навяжетъ на шею уголовное дѣло! Онъ бросился къ Парашѣ, и, удерживая ее, говорилъ:

— Другъ мой! образумься, ради самого Бога! Ну, если хочешь, пожалуй, оставайся здѣсь!

— Оставаться здѣсь? Нѣтъ! Мнѣ жить все равно, что въ Дятловѣ, что въ другомъ мѣстѣ. Объ этомъ я не хлопочу. Вы меня выгнали изъ вашего сердца. Вотъ что для меня важно! Оставайтесь въ покоѣ; я найду себѣ мѣсто; на бѣломъ свѣтѣ его довольно; и хлѣбъ себѣ найду. Богъ не попуститъ меня умереть съ голоду. Буду сиротою, во сто разъ хуже, нежели была прежде. Тогда, я Бога не гнѣвила; тогда былъ

у меня братъ-голубчикъ, который теперь и знать меня не захочетъ; тогда жалѣли обо мнѣ люди добрые, которые теперь и глядѣть на меня не станутъ; а болѣе всего, тогда я еще не любила васъ, не носила мученія адскаго въ тердечушкѣ, не чувствовала боли лютой въ моей душенькѣ. Но теперь пусть я страдаю. Буду радоваться горести моей и веселиться о скорбяхъ моихъ. Авось либо выстрадаю себѣ милосердіе Божіе, когда уже нельзя его вымолить!

При этихъ словахъ Параша пролила слезы, помолилась иконамъ, поклонилась Охонину, и сказала со вздохомъ:

— Прощайте!

Охонинъ самъ мучился въ это время. Онъ взялъ за руку Парашу, и, едва переводя духъ, спросилъ:

— Куда же ты поѣдешь!

— Покамѣстъ въ городъ; а тамъ... подалѣе.

— Почему же ты не хочешь остаться на квартирѣ?

— Не хочу, Илья Афанасьевичъ! И никто меня къ этому не принудить. Прощайте! Будьте здоровы и счастливы, а обо мнѣ позабудьте.

У Парашы были сбережены деньги, оставшіяся послѣ матери. Все, подаренное ей Дятловскимъ помѣщикомъ, она оставила у него. По пріѣздѣ въ городъ, она остановилась у просвирни, и на другой же день наняла подводу до Тихвина. Оттуда, какъ говорили послѣ, она уѣхала въ Петербургъ съ какою-то генеральшею, которая взяла ее къ себѣ. Послѣ не было объ ней слуха.

Охонинъ, узнавши объ отъѣздѣ Парашы въ Тихвинъ, очень обрадовался. Онъ догадался, что она или не возвратится, или, проживши тамъ нѣкоторое время, отвыкнетъ отъ него. Въ кругу своихъ приближенныхъ,

онъ разсказывалъ о Парашѣ съ веселымъ видомъ. Поступокъ съ нею выдавалъ за самый благоразумный, и даже геройскій. Не всѣ были съ нимъ согласны, но никто не противорѣчилъ. Однажды началъ онъ насмѣхаться надъ простотою своей дурочки: такъ называлъ онъ Парашу. Между прочими анекдотами, онъ разсказалъ, что разъ она разнѣжилась до такой степени, что, не зная какъ выразить свое чувство, сказала, обнимая его: «Князь ты мой Шереметевъ! Графъ Суворовъ и разныхъ ты орденовъ кавалеръ!» Всѣ громко захохотали, а кто-то изъ придворныхъ, Ремюза или Фусе, съ серьезнымъ видомъ сказалъ:

— Насмѣхайся! шути! только не смѣйся громко: совѣсть разбудишь!

=

Въ Августѣ, Дятловскій помѣщикъ возвратился изъ Москвы, и привезъ съ собою помѣщицу, сенаторскую дочь, слѣдовательно самую знатнѣйшую особу, какая только могла быть въ той округѣ. Вотъ, тутъ все пошло иначе въ селѣ Дятловѣ. Уже не пьяный дворъ посѣщалъ мызу, а барыни, помѣщицы, благородныя, которыхъ Дятловская госпожа не только ласково принимала и щедро угощала, но даже дарила на-память платками, матеріями, чепцами и тому подобнымъ. — «Всего навезла съ собою изъ Москвы! Премилая женщина! Жаль только, что чрезъ мѣсяцъ съ супругомъ своимъ уѣхала въ Москву, на цѣлую зиму. Какъ быть! Подождать до Мая. Обѣщала пріѣхать въ Дятлово.»

Вотъ бѣда! Въ Маѣ, Дятловская помѣщица родила. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, еще два мѣсяца пробудетъ въ Москвѣ. По истеченіи нѣкотораго времени, получены еще непріятнѣйшія извѣстія. Слабый мла-

денежъ умеръ, и мать такъ больна, что долго и долго не оправится. — «Бѣдняжка! говорили Устюжскія барыни. То-то она была такая худенькая!» Прошелъ годъ, — никто не ѣдетъ въ Дятлово: помѣщики отпразднелись на воды. И еще годъ. И еще. Короче сказать, въ теченіе семи лѣтъ, въ Дятлово пріѣзжалъ только самъ Охонинъ, раза три, всегда на короткое время, и только для того, чтобы собрать побольше доходовъ, и рассказать знакомымъ, что жена его все больна, — рожала четыре раза, да дѣти скоро умирали; что ея леченіе и жизнь въ Москвѣ сопряжены съ ужасными издержками; что долги съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ обратной пропорціи со скоростью падающаго тѣла; словомъ, что ему, Охонину, не житье, а наказаніе.

— Наказаніе за старые грѣхи! сказалъ ему кто-то.

— Правда, правда и правда! отвѣчалъ Охонинъ.

Ровно чрезъ девять лѣтъ послѣ изгнанія Параши, Илья Аванасьевичъ пріѣхалъ въ Дятлово на житье. Супруга его скончалась; дѣтей ни одного не осталось; долговъ накопилось тѣмъ болѣе, что два года былъ неурожай, и помѣстья Охонина не только не давали дохода, но и требовали издержекъ на поддержаніе крестьянъ.

— Вотъ прекрасная жизнь! говорилъ Дятловскій помѣщикъ. Женился, для того, чтобы промучиться съ женою и разориться. Что я сдѣлалъ въ эти восемь лѣтъ? Долги! Да, правда, состарѣлся девятью годами, и сдѣлался ни къ чему неспособнымъ; сталъ глупѣе прежняго.... Здорово, мое Дятлово! Ты у меня держишься на ниточкѣ; но я все радъ тебя навѣстить. Авось-либo удержу за собою, хотя съ пожертвованіемъ другихъ помѣстій! Ты мнѣ дорого, Дятлово! Въ тебѣ я жилъ весело, съ грѣхомъ пополамъ; безъ тебя, и въ законномъ, благопрістойномъ житьѣ,

машель только скуку, досаду, горе и тяжкія потери. Быють еще старинные башенные часы. Не испортились, не состарѣлись прежде времени, подобно мнѣ. Все идетъ правильно, акуратно. Играйте, куранты дѣдовскіе! Гуди заунывно, часовой колоколъ! Когда пробьетъ часъ моей смерти, тогда заржавѣйте и замолчите. Умрите, вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ Охониныхъ, оплакавшимъ смерть четверыхъ дѣтей.... Ахти, былъ у меня еще одинъ! Гдѣ-то онъ, сердечный? Я чай, давно уже истлѣлъ прахъ и сына и матери. Поджидаютъ меня на томъ свѣтѣ, для того, чтобъ потащить на судъ.... страшный и страшный!

— Не грусти, братъ Илья! Будь философъ и веселись вмѣстѣ съ нами.

Кто утѣшалъ такъ бѣднаго Охонина? О, быстрыми шагами подвинулась къ просвѣщенію Устюжна-Желѣзопольская! Уже не прежніе Камбасересъ и Рустанъ Дятловскаго двора, составляли веселое общество этого городка. Статное ли дѣло! Завелись другіе. Всѣ народъ образованный, — и такъ образовали старуху Устюжну, что въ ней появились купцы, торгующіе «разными иностранными винами», въ томъ числѣ и шампанскимъ. Мудрено ли, что нашлись утѣшители, которые приглашали быть философъ и веселиться вмѣстѣ съ ними! Въ настоящее время, философія всеупотребительна какъ курительный табакъ, а призваніе къ веселости возглашается людьми, и денежными, — потому, что съ деньгами можно веселиться, и безденежными, — потому, что безъ денегъ должно веселиться. Иначе было бы скучно и денежнымъ и безденежнымъ.

— Не грусти, братъ Илья! Будь философъ и веселись вмѣстѣ съ нами.

Можно ли обвинять огорченнаго, когда онъ ищетъ минутнаго забвенія своего несчастья? Кто пригла-

наетъ его развлечься, развеселиться, тотъ бываетъ его другомъ и благодѣтелемъ.

=

— Опять ты грустенъ, Илья!

— По неволѣ будешь грустенъ, когда дѣла плохо идутъ. Вотъ, напримѣръ, съ Опекунскимъ Совѣтомъ: перевелъ я залогъ моего имѣнія изъ Петербургскаго въ Московскій. Самъ жилъ тогда въ Москвѣ, — легче было расплачиваться. Бился, бился; перезаложилъ на двадцать четыре года. Казалось бы, платить не такъ трудно. А, вотъ теперь два года не вносилъ ни копѣйки. Право, не изъ чего! Съ партикулярными долгами какъ раздѣлаться, не знаю! Едва плачу проценты.

— Заплатишь! Все пройдетъ.

— Да! Все пройдетъ! Мнѣ кажется, я самъ скорѣе всего пройду.

— Опять меланхолія! погрусти кстати о своей поповнѣ.

— Должно брать грустить! Это у меня на совѣсти лежитъ.

— Отыщи ее и возьми опять къ себѣ.

— Гдѣ ее отыскать? тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я въ это время даже не хотѣлъ освѣдомиться объ ней. Боялся, что мнѣ скажутъ — умерла съ горя! Если я точно ея убица, то по крайней мѣрѣ не знаю объ этомъ. Наказываетъ меня Богъ!

— Небось, Опекунскимъ Совѣтомъ?

— Всѣмъ! И Опекунскій Совѣтъ тутъ же.

— Что ты не попросишь помощи у тестя?

— А ему откуда взять? Да и что ему за дѣло до меня? Теперь я ему совершенно посторонній.

— Полно, братецъ, объ этомъ толковать! Выпьемъ съ горя водки.

— Охъ! только это и осталось въ утѣшеніе.

Всѣ соболѣзновали о запутанныхъ обстоятельствахъ Охонина; но помощи никто не могъ подать. Устюжна городъ небогатый, а у кого и были кое-какіе капиталы, тѣ давнымъ давно прибралъ къ себѣ Дятловскій помѣщикъ. Съ трепетомъ проглядывалъ Охонинъ Московскія Вѣдомости, и холодный потъ выступалъ на немъ, когда онъ читалъ слова: «Будутъ продавать ся заложенные и просроченныя имѣнія.» Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданія увидѣлъ онъ:

«1. Маіора и кавалера Ильи Аванасьевича Охонина, Новгородской губерніи, Устюжно-Желѣзопольскаго уѣзда, въ Сельцѣ Дятловѣ 118, въ деревнѣ «Старомъ Кабачкѣ 49, въ деревнѣ..... А всего: 342 «души мужеска пола.»

— Свершилось! Прощай, мое Дятлово! Однако, скоро ли!... Перваго, пятнадцатаго и двадцать перваго чиселъ Мая, будущаго 1830 года. Такъ! День рожденія и именинъ моего Костиньки. Явно, наказаніе Божье!

Скоро получено повелѣніе взять въ опеку все имѣніе. Охонинъ нанялъ уже домъ въ Устюжнѣ. Равнодушно узнали крестьяне о бѣдѣ своего барина: имъ памятна была его прежняя строгость въ собираніи доходовъ, обремененіе работою, требованіе оброка прежде времени. Впослѣдствіи, помѣщикъ былъ не такъ взыскателенъ; но старое не забыто. Одинъ добрый Василекъ оплакалъ несчастіе своего барина. Онъ потихоньку отдалъ ему двѣ тысячи рублей, которыя успѣлъ собрать до прибытія опекуна, и въ приходной книгѣ выставилъ задними числами.

— Да сколько ты долженъ внести? Мы постарались бы собрать кое-какъ!....

— Около двѣнадцати тысячъ.

— Ай, чортъ возьми! Много! А сколько до того времени сбереть опекунъ?

— Тысячи двѣ. Да процентовъ наростеть столько же.

— Бѣда! Тестъ не можетъ ли тебѣ помочь?

— Гдѣ ему взять? Да и не захочетъ.

— Не можешь ли ты продать половину съ вольной руки? Изъ задатка расплатишься съ Совѣтомъ, а послѣ купчую совершишь.

— На мнѣ запрещеній слишкомъ на двадцать тысячъ.

— Стало быть, нѣтъ спасенія?

— Ни какого! Тутъ воля Божья. Какъ ни хитри, не перехитришь!

Кредиторы Охонина, уstraшенные извѣстiемъ объ опекѣ, начали осыпать его упреками письменно и словесно. «Не грѣшно ли вамъ! Я долженъ потерять мою собственность! Я человекъ не богатый! Я нажилъ своими трудами! Есть ли въ васъ совѣсть!» Это было терзанiе Прометеево.

Охонинъ успокоилъ этихъ плаксъ, предоставивъ имъ право взять все, что ему останется послѣ продажи.

— Я долженъ благодарить Бога, говорилъ онъ, за то, что не созданъ умникомъ. Если бы еще я отсталъ отъ Религiи, то, проживши хуже скота, окончилъ бы жизнь мою гораздо хуже, потому что ни одно животное не лишаетъ себя жизни.

— Э, вздоръ какой! Стыдись и упоминать объ этомъ! Пока человекъ живъ, еще ничто не пропало. Лишишься имѣнiя? Какъ быть! У тебя есть пансионъ. Сверхъ-того можно получить какое-нибудь мѣсто. Просись въ городничiе, въ Польскiя или Малорос-

сійскія губерніи, въ которыхъ есть свобода винокуренія. Тамъ жить дешево, а покорный жидъ будетъ даромъ доставлять славнѣйшій пѣнникъ. Умѣй всѣмъ довольствоваться. Вотъ, въ чемъ истинная философія, любезный другъ!

Пришло письмо отъ превосходительнаго тестя, который съ выговорами, приправленными «душевнымъ прискорбіемъ», уведомлялъ о продажѣ имѣнія, по триста десяти рублей за душу. Изъ вырученной суммы столько-то удержано Опекунскимъ Совѣтомъ, столько-то поступило на удовлетвореніе Московскихъ кредиторовъ, а остальные деньги, числомъ столько-то, отправлены въ Устюжскій Уѣздный Судъ, по требованію заимодавцевъ.

О, какъ обрадовался Охонинъ! Всѣ получаютъ капитальныя суммы и проценты. И даже ему останется, по расчету Уѣзднаго Суда, двѣ тысячи сто тридцать восемь рублей.

— Ну слава Богу! А кто купилъ имѣніе?

— Какой-то Надворный Совѣтникъ и кавалеръ Ставросскій. Должна быть фамилія Польская.

— Не польская, а развѣ, поповская. *Ставрѣсъ*, по-Гречески, крестъ. Да что онъ за челоувѣкъ?

— Ничего не пишутъ.

— А впрочемъ, мнѣ все равно. Я отдохну!

— Отдыхай, да не заспись. Хлопочи о мѣстѣ.

=

— Ну, братъ Илья, что дашь за добрую новость? Правда, тебѣ давать нечего. Такъ и быть, возьму бокаль мадеры. А извѣстіе радостное!

— Что за радости? угрюмо спросилъ Охонинъ.

— Веселись, смѣйся, скачи, пляши, и давай мадеры. Иначе не скажу.

Подали мадеры.

— Не нужно тебѣ искать мѣста. Дятлово можетъ быть твое, и это такъ вѣрно, какъ то, что я пью мадеру.

— Не съ ума ли ты сошелъ?

— Слушай. Купилъ не Ставрогскій, а купила на имя его сестра, купчиха, вдова пребогатая. Она ѣдетъ сюда и намѣрена сыскать жениха, дворянина.

— Такъ что же мнѣ за дѣло?

— Теперь я спрашиваю: не съ ума ли ты сошелъ? Развѣ не слышишь? Ищеть жениха, дворянина! Предложи себя, вотъ и все. Да у насъ въ цѣломъ уѣздѣ не найдетъ такого выгоднаго! И маіоръ и кавалеръ, и бывшій Дятловскій помѣщикъ. Чего ей лучше!

— Слуга покорный. Я и впрямь думалъ, какая нибудь хорошая вѣсть!.... Нѣтъ, братъ; у меня отъ женитьбы шея болить. Мнѣ нѣтъ счастья на супружество.

— Помилуй, братецъ! Баба ловкая, молодая, богатая купчиха, Пелагѣя Петровна Крупчатникова.

— Убирайся ты съ нею къ чорту. Вотъ, выдумалъ! Пелагѣя, да еще Крупчатникова. Прелестное прозваніе!

— Настоящее купеческое! Все, кончающееся на *атниковъ*, *итниковъ*, *ошниковъ*, *енниковъ*, — все это изъ рода торговаго, промышленнаго, богатаго, честнаго, добраго.....

— И прочая, и прочая! Ищи другихъ жениховъ своей Крупчатничихъ, а меня оставь въ покоѣ.

— Глухъ же ты, братъ Илья! —

— Оглупѣешь по-неволѣ! со вздохомъ отвѣчалъ Илья. Бѣдность, заслуженная бѣдность! вотъ какія предложенія долженъ я выслушивать, по милости твоей!

— Какъ хочешь! Чуръ, послѣ не пенять! Совѣтую одуматься.

Весь городъ изумился неумѣстной гордости бывшаго Дятловскаго помѣщика. «Какъ? Такія выгодныя предложенія! Такой счастливый случай! Онъ съ ума сошелъ!» И многіе небогатые дворяне вознамѣрились поискать счастія у купчихи Крупчатниковой.

Пріѣхала Дятловская помѣщица; остановилась въ домѣ такого-то, переодѣлась; и сейчасъ въ соборъ; она слушала молебенъ; они собрались-было посмотреть, да ничего не разглядѣли: большая шляпка и «увадь»! Потомъ она была у Отца протоіерея, и долго сидѣла, чай пила и все разговаривала. Вечеромъ никого къ себѣ не принимала.

На другой день, въ одиннадцатомъ часу, когда Охонинъ осушалъ графинчикъ съ настойкою, неизвестный слуга пришелъ къ нему съ докладомъ, что Александръ Петровичъ Ставросскій и сестрица его покорнѣйше просятъ пожаловать къ нимъ откупать.

— Меня? Я, братъ, съ нимъ не знакомъ. Благодарю за честь, которой я не принимаю.

Слуга ушелъ, и возвратился чрезъ десять минутъ.

— Приказано покорнѣйше просить. Очень-де много одолжите!

— Что имъ надобно? Что за одолженіе? Благодарю еще разъ, и скажи, что не буду!

Слуга ушелъ, и черезъ нѣсколько минутъ, отворилась дверь изъ передней: въ комнату вошелъ молодой, статный мужчина, съ крестикомъ въ петлицѣ,

щегольски одѣтый, раздушенный, съ женоподобною фizioномією, съ жеманною улыбкою.

— Извините, Илья Аѳанасьевичъ! сказалъ онъ сла-
денькимъ голоскомъ.

— Что за ликерная конфетка! подумалъ Охонинъ,
и спросилъ, съ кѣмъ имѣеть честь говорить?

— Я Надворный Совѣтникъ Ставрооскій. Вамъ не
удобно было принять нашей просьбы: я самъ при-
шелъ вамъ ее повторить.

— Извините, сударь! Я не имѣю чести васъ знать,
и не вижу ни какой надобности знакомиться съ
вами.

Охонинъ выпилъ рюмку настойки.

«Развѣ я чѣмъ нибудь заслужилъ такой неласко-
вый, и даже грубый пріемъ?»

— Нѣтъ-съ! Да.... наши отношенія таковы, что....
вы сами понимаете!.... Мнѣ не можетъ быть пріятно
ваше знакомство!... А сверхъ того... извините!... Я
лишнее выпилъ, и потому такъ грубъ!...

— Воля ваша, Илья Аѳанасьевичъ! Мы отъ чистаго
сердца приглашали васъ къ себѣ откусать.

— Вы можетъ быть думаете, что мнѣ ѣсть нечего?
Ошибаетесь!

У Ставрооскаго показались слезы на глазахъ.

Помилуйте, Илья Аѳанасьевичъ! Осмѣлюсь ли я
когда нибудь.... Какъ худо вы меня понимаете!

И утеръ слезы, которыя струями полились по ру-
мянымъ щекамъ. Охонинъ глядѣлъ на него съ изум-
леніемъ.

— Кой чортъ! думалъ онъ. Этотъ сахарный стоитъ
передъ мною, какъ просрочившій должникъ передъ
кредиторомъ. Да что же вамъ угодно?

— Ничего болѣе, какъ только осчастливьте меня и
сестру вашимъ посѣщеніемъ.

— Послушайте, государь мой! Вы мнѣ кажетесь честнымъ господиномъ, и я долженъ васъ предупредить.... Здѣсь посятся слухи, что сестрица ваша, госпожа купчиха Крупчатникова, хочетъ сдѣлаться дворянкою, и ищетъ себѣ жениха. То вѣрьте мнѣ....

— О, на этотъ счетъ, съ живостью прервалъ Ставрооскій, будьте спокойны! У сестры моей есть женихъ, дворянинъ, котораго она любитъ и ни на кого на свѣтѣ не промѣняетъ. Нѣтъ, нѣтъ!

— Такъ что же вы ко мнѣ пристали? Можетъ быть, полагая меня въ крайней бѣдности, хотите, Христа ради, дать вспоможеніе, котораго я не прошу?

— Мы не смѣемъ и думать объ этомъ, Илья Аѳанасьевичъ! Повѣрьте, что кромѣ истиннаго почтенія вы ничего отъ насъ не увидите.

— Очень же щедры вы на почтенія, когда дарите имъ человека совершенно незнакомаго и вовсе непочтеннаго! Но.... если уже непременно я долженъ у васъ обѣдать, то позвольте мнѣ одѣться.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить, Илья Аѳанасьевичъ.

Охонинъ ушелъ, а Ставрооскій расхаживалъ по комнатѣ, часто утирая слезы. «Какъ онъ постарѣлъ! какъ посѣдѣлъ! не мудрено! горе сокрушаетъ скорѣе времени!»

— Ну, вотъ и я къ вашимъ услугамъ. Пойдемте!

Въ первой комнатѣ встрѣтилъ ихъ Отецъ протоіерей, и вслѣдъ за нимъ, женщина еще молодая, довольно толстая, румяная.

— Узнаете ли вы меня, Илья Аѳанасьевичъ? сказала она, улыбувшись и тѣмъ показавши, что у нея не достаетъ одного зуба сѣреди.

— Боже мой! Глазамъ не вѣрится!... не съ ума ли я сошелъ?

— Узнайте же по крайней мѣрѣ этого, Костиньку?

— Вошелъ въ комнату красивый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, прекрасно одѣтый.

Бывшій Дятловскій помѣщикъ заревѣлъ. Насилу отпояли его дрей-матерой.

=

Ну, пошли романтическія глупости! Чудныя встрѣчи, чудное возвышеніе бѣдныхъ людей и униженіе богатаго, печальное вдовство съ той и съ другой стороны, какъ будто условленное! гдѣ тутъ правдоподобіе!

Благоволите прочитать еще нѣсколько страницъ, и вы увидите, что дѣло происходило самымъ простымъ и естественнымъ образомъ.

Когда Алексаша былъ отправленъ въ Петербургъ, онъ писалъ оттуда и къ сестрѣ, и къ Охошину. Когда онъ и его крестный отецъ узнали о позорѣ Парашы, Алексаша хотя былъ неопытенъ, и несовсѣмъ понималъ въ чемъ дѣло, но въ негодованіи далъ слово прекратить всѣ сношенія съ преступною сестрою, а крестный отецъ еще болѣе утвердилъ его въ намѣреніи, пояснивши, сколько дозвоительно было, всю важность такого безчестія. Алексашу хотѣли отдать въ Александроневскую Академію. Случилось, что крестнаго отца навѣстилъ одинъ значительный чиновникъ, богатый и довольно молодой. Сначала обратила на себя его вниманіе прекрасная наружность Алексаши; потомъ, разсказъ объ его сиротствѣ возбудилъ участіе; наконецъ чиновникъ плѣнился природнымъ умомъ и манерами, но основательными, познаніями этого мальчика. Онъ упросилъ крестнаго отца отдать ему Алексашу, полюбилъ его, началъ заботиться объ немъ какъ о меньшомъ братѣ, и, когда минуло ему семнадцать лѣтъ, отправилъ его въ университетъ, куда самъ марочно заѣзжалъ каждый годъ, для наблюденія

за успѣхами своего любимца. Алексаша имѣлъ рѣдкія способности и былъ прилеженъ. Благодѣтель, видя, что его попеченія не пропадаютъ, велѣлъ юному Александру оставаться въ университетъ, до полученія докторскаго званія; потомъ опредѣлилъ его къ должности по тому же министерству, гдѣ самъ служилъ, и такимъ образомъ вывелъ въ люди молодаго Ставрогоскаго, названнаго имъ такъ, въ воспоминаніе его происхожденія изъ духовнаго званія.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Подобныя примѣры мы видимъ очень часто, и, дай Богъ, видѣть еще чаще.

Что касается до Параша, то ея исторія не была такъ весела. Съ растерзанною душою, пробиралась она въ Тихвинъ, въ надеждѣ получить облегченіе отъ чудотворной Иконы. Бѣдная дѣвушка, въ продолженіе пути, не могла ни ѣсть, ни спать. Если бы Охонинъ умеръ, печаль ея была бы въ тысячу разъ сноснѣе. Но мысль, что онъ ее покинулъ, что онъ, такъ страстно ею любимый, будетъ принадлежать другой, эта мысль производила въ ней тоску невыразимую. Одно воспоминаніе объ Охонинѣ такъ стѣсняло ея сердце, что она, не въ состояніи будучи скрыть своего горя, мгновенно заливалась слезами, и вскрикивала даже при постороннихъ: — «Ой батюшки, тошно! голубчики, грустно!» Устюжскія уроженки не такъ краснорѣчиво выражаютъ свою скорбь, какъ Шекспировы героини; тѣмъ не менѣе всѣ, слышавшіе эти болѣзненные возгласы, старались ее утѣшить, не зная даже о чемъ она груститъ. Онѣ, плакали, и совѣтовали ей прибѣгнуть къ обыкновенному Русскому лекарству отъ сердечныхъ недуговъ, — молиться Богу. Бѣдная Параша можетъ-быть покусилась бы на жизнь, если бы надежда на молитву и любовь къ сыну не давали ей мужества.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи добралась она

до Тихвина, на пятый день своего путешествія. Бѣдняжка совершенно измучилась, и, боясь занемочь, въ тотъ же вечеръ пошла въ монастырь къ чудотворной Иконѣ. Къ счастью ея, одна Петербургская жительница, вдова Тайная Совѣтница, ежегодно посѣщавшая Тихвинъ, пріѣхала въ тотъ самый день. Церковь была отперта и молебень служился: Параша застала его окончаніе, и начала просить Отца іеромонаха объ отслуженіи другаго. Утомленный священнослужитель готовъ былъ отказать до завтрашней обѣдни; но Параша плакала. Ея молодость и горестъ тронули отшельника, и обратили на себя вниманіе пріѣзжей дамы. — Когда зашли, — *«Предстательство Христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное: не презри грѣшныхъ моленій гласъ»* — Параша зарыдала такъ сильно, что слезы ея струею полились по рытвинамъ чугуннаго помоста. При чтеніи Евангелія, ея превосходительство, изъ любопытства, оставшаяся въ церкви, велѣла своему слугѣ поддерживать дрожащую богомолку, да и сама изволила къ ней подойти съ видимымъ участіемъ. «О, бѣдняжка!... Успокойся! утѣшь тебя, Царица Небесная! Видно, много ты горя потерпѣла въ такіа лѣта!» Петербургская дама непременно захотѣла узнать, кто такова эта прекрасная молодая особа, съ младенцемъ, и въ такой тяжелой скорби, и не мудрено было узнать. Въ тотъ же вечеръ городничій приказалъ юной страннице явиться къ себѣ, и отвелъ ее къ Петербургской дамѣ. Бѣдная Параша вынуждена была рассказать свою исторію. Ея превосходительство была тронута до слезъ.

— «Правда, милая! сказала она: ты погрѣшила передъ Богомъ по неопытности, и это конечно тебѣ проститъ Творецъ милосердый. За твою вину долженъ отвѣчать другой. Но не хорошо то, что ты такъ страстно прильпилась къ своему развратителю. Ты должна стараться его позабыть, и обратиться къ Богу.» — «Ахъ,

мать моя родная! отвѣчала Параша. Сударыня ты моя! полжизни отдала бы я тому, кто вылечилъ бы мое сердечушко!» — «Молись Богу, душа моя, а Онъ тебя вылечить. А между-тѣмъ, что ты намѣрена дѣлать?» — «Хочу, матушка, остаться здѣсь, въ Введенскомъ монастырѣ.»

Дама покачала головою.

— Ну нѣтъ, душенька! Это не возможно. Въ монастырѣ тебя не примутъ: да и къ чему, въ твои лѣта, вступать въ святую обитель? Черезъ годъ, черезъ два ты позабудешь свое горе, и не захочешь жить въ монастырѣ. А между-тѣмъ, куда ты дѣнешь своего ребенка? Вѣдь не бросить же на дорогѣ, — прости Господи! — или не подкинуть кому-нибудь.

— Сохрани меня, Мати Пресвятая Богородица отъ такого грѣха! сказала Параша, обливаясь слезами.

— Ну, вотъ видишь! Такъ я тебѣ лучше предложу. Ты умѣешь читать и писать. Поди ко мнѣ въ услуженіе. Должность твоя будетъ записывать мой расходъ, и по вечерамъ, когда я лягу въ постель, читать мнѣ книгу. Теперь я ѣду въ Ладожскую деревню, гдѣ обыкновенно живу до Покрова. А послѣ, переезжаю въ Петербургъ на всю зиму. Согласна ли ты?

Какъ не согласиться бѣдной Парашѣ! Не по міру же ходить, а о монастырѣ странно подумать! Объ немъ проговорила только съ отчаянія...

— Смотри же, милая: веди себя честно, бойся грѣха паче всего, не гнѣви Бога въ другой разъ.

На самомъ берегу величественнаго Волхова, близъ древней Ладоги, въ прекрасной усадьбѣ своей благодѣтельница, провела Параша все лѣто, въ обществѣ трехъ или четырехъ престарѣлыхъ дѣвицъ, составлявшихъ домашнюю компанію ея превосходительства. Бѣдная Дятловская изгнанница была всѣмъ обласкана. Малютка ея подросталъ и видимо хорошѣлъ. Имъ всѣ любовались. Отправляясь въ Петер-

бургъ, его оставили въ деревнѣ, подъ надзоромъ няни, а на слѣдующій годъ, онъ поступилъ въ званіе любимца ея превосходительства, спалъ въ ея комнатѣ, и кушалъ за ея столомъ. Параша была счастлива. Она вела себя очень строго, и никто изъ столичныхъ ея воздыхателей не удостоился ласкового слова. Это благочестіе приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ въ такую досаду, что они отъ души посылали къ чорту недоступный предметъ своей любви, и не только ругали Парашу, но и угрожали ей мщеніемъ. Ничто не могло ее поколебать. Не столько боязнь грѣха, сколько воспоминаніе о Дятловскомъ рабѣ, вселяли въ нее отвращеніе отъ новой склонности. Такъ жила Параша три года. Наконецъ новый ударъ былъ ей нанесенъ судьбою. Благодѣтельница ея умерла. Конечно, Параша могла себѣ сыскать мѣсто въ Петербургѣ; она выучилась ходить за знатною дамою, и вела себя очень хорошо: но кто возьметъ, вмѣстѣ съ нею, четырехлѣтняго мальчика? Третье сиротство бѣдной двушки, и едва ли не самое тягостное!

Въ Петербургѣ не безъ чувствительныхъ сердецъ. Тамъ есть люди, до такой степени сострадательные къ бѣдности, что даже дѣлаютъ ее, — разумѣется, чужую бѣдность, — предметомъ самыхъ утонченныхъ спекуляцій, и даже выгодной торговли. Какая-то матушка-мадамъ, среднихъ лѣтъ, познакомилась съ бѣдною Парашею, поторевала объ ея горѣ, начала ее частенько навѣщать и къ себѣ просить, и въ горѣ утѣшать, и добрые совѣты преподавать. «Вотъ Христіанская душа!» думала Параша. Въ непродолжительномъ времени оказалось, что одинъ купецъ, живущій въ Петербургѣ и имѣющій милліонъ въ оборотѣ, — купецъ, вдовецъ и двухъ взрослыхъ сыновей отецъ, — никакъ не могъ сладить съ молоденькою танцовщицею, которая просила сорокъ тысячъ ежегодно. Сорокъ тысячъ!... Много! Предлагалъ купецъ двадцать;

но, по увѣренію Леклерка, Русскіе почитаютъ святымъ число сорокъ, а танцовщица была Русская, — и такъ дѣло не состоялось. Услужливая матушка-мадамъ, которая добывала питомицу Терпсихоры, вознамѣрилась услужить купцу Парашею, во сто разъ прелестнѣйшею, нежели въ танцовщицѣ балетной труппы.

Вы, можетъ-быть, скажете, что и это не правдоподобно? Воля ваша; а по моему все это очень понятно и естественно.

И какъ дѣло идетъ объ естественности, то въ моей естественной исторіи скоро случилось нѣчто еще естественнѣйшее. Купецъ, познакомившись съ Парашею, влюбился безъ памяти. Замѣьте, что я говорю — влюбился, а не — выбрилъ себѣ бороду: послѣднее было бы совершенно противно Природѣ; первое еще кое-какъ съ нею клеится..

Параша естественно отринула развратныя предложенія купца, и прогнала матушку-мадамъ.

Купецъ естественно въ попыхахъ женился на Парашѣ.

Сыновья купца естественно возопіали на батюшку.

Батюшка естественно управился съ ними по-Русски.

Такимъ-то образомъ, переходя изъ одной естественности въ другую, бѣдная, обманутая поповна сдѣлалась богатою купчихою, и, къ чести не только ея, но и всего естественнаго въ мірѣ, должно сказать, умѣла прибрать къ рукамъ муженька. Онъ любилъ выпить лишнее, какъ мужчина. Прасковья Петровна, какъ женщина, хотѣла было это воспретить: но онъ выразительными жестами заставилъ ее отложить всѣ этого рода попытки. Прасковья Петровна, изъ супружеской вѣжливости, сама начала подносить мужу. Мужъ изъ благодарности къ нѣжной и заботливой женѣ, пе-

реписалъ на ея имя нѣсколько ломбардныхъ билетовъ, суммою тысячъ на двѣсти и болѣе. Испуганный наводненіемъ 7 Ноября, старый купецъ почувствовалъ себя очень нездоровымъ. Онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе, которымъ обоимъ сыновей лишилъ наслѣдства за неуваженіе къ нему и къ мачихѣ, и свою торговлю, два дома на Фонтанкѣ, да третій у Владимірской, гдѣ самъ жилъ, со всѣмъ движимымъ имуществомъ передалъ «дражайшей и благоразумной сожительницѣ» Прасковьи Петровнѣ Кручатниковой въ полное ея распоряженіе.» Такъ сказано было въ духовной.

Лишь только скончался супругъ Прасковьи Петровны, она послала къ своимъ пасынкамъ, извѣстить ихъ о смерти отца, о его завѣщаніи и о твердомъ ея намѣреніи возратить имъ родительское достояніе. Пасынки упали къ ногамъ благотворительной мачихи. И какъ скоро, положивши покойника на Волковомъ полѣ, Прасковья Петровна порядкомъ угостила всѣхъ бывшихъ на погребеніи, изготовленные по волѣ ея акты, были ею подписаны. Ими передала она сыновьямъ своего мужа и торговлю, и дома, и даже половину движимаго имущества; себѣ оставила только малоцѣнный домъ у Владимірской и ломбардные билеты. Этотъ великодушный поступокъ пріобрѣлъ ей уваженіе всего купечества. Вдова Прасковья Петровна начала жить мастерски: она скромность, бережливость и уединеніе умѣла соединить со щегольствомъ, щедростью и общежитіемъ. Вскорѣ появились женихи, но она объ нихъ и слышать не хотѣла. Цѣтъ! Прасковья Петровна, не зная, подтверждала сказанное въ прелестной балладѣ Монкрифа, и, стараясь забыть своего обольстителя, безпрестанно объ немъ вспоминала. Нерѣдко, сидя одна въ комнатѣ, она напѣвала въ полголоса родимыя пѣсни, и проливала слезы, мечтая о милой сердцу ея Устюжкѣ. Сына своего воспитывала она наилучшимъ образомъ:

малютка говорилъ по-Французски и по-Нѣмецки такъ же чисто, какъ по-Русски.

Скоро послѣ ея вдовства, Александръ Петровичъ возвратился въ столицу. Онъ самъ отыскалъ свою сестру, которая увѣдомляла его о своемъ замужствѣ; но тогда Александръ Петровичъ отвѣчалъ ей довольно сухо. А теперь она была молодая, прекрасная, богатая вдова, имѣла довольно обширный кругъ знакомства, жила въ собственномъ, щегольски убранномъ домѣ, разъѣзжала въ каретѣ, одѣвалась по модѣ, разъ въ недѣлю давала обѣдъ: все это обязываетъ забыть старыя прегрѣшенія. И братецъ, и сестрица остались довольны другъ другомъ.

Когда трауръ Прасковьи Петровны подходилъ къ окончанію, она вторично освѣдомилась объ Охонинѣ. Вторично, — потому что при жизни мужа развѣдала, что онъ живетъ въ Москвѣ съ больною женою. На этотъ разъ ей сказали, что онъ овдовѣлъ, и оставшіеся бездѣтенъ, скучаетъ въ своемъ Дятловѣ. Сильно забилось сердце Прасковьи Петровны. Чего бы лучше? Она еще въ полномъ блескѣ красоты и богата.... Но нѣтъ; не бросится же ему на шею! Пусть совѣсть его научить, что онъ долженъ дѣлать.

Однажды Александръ Петровичъ, пріѣхавши изъ канцеляріи къ обѣду, привезъ съ собою Московскія Вѣдомости. Прочитай-ка!» сказалъ онъ сестрѣ. Это была публикація Опекунскаго Совѣта. Прасковья Петровна не слишкомъ поняла, въ чемъ дѣло, и когда братъ ей растолковалъ, она, заплакавши, объявила о намѣреніи выкупить это имѣніе.

— Нѣтъ, не такъ! сказалъ Александръ Петровичъ. Дай мнѣ лучше сотни полторы тысячъ взаймы. Я возьму отпускъ, поѣду въ Москву, куплю это имѣніе, и, когда ты выйдешь за-мужъ за Илью Аѳанасьевича, передамъ тебѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. И сдѣлано, попреж-

нему, самымъ естественнымъ образомъ. Впрочемъ, если происшествіе выходитъ нѣсколько изъ круга обыкновенныхъ, то въ томъ-то и штука: иначе оно не стоило труда быть описаннымъ.

Нужно ли сказывать, что Охонинъ, для заключенія всего дѣла чѣмъ-нибудь крайне естественнымъ, женился на своей Парашѣ? Онъ сдѣлалъ это, между-прочимъ, для успокоенія своей совѣсти, и клялся всеми Святыми, что если бы нашелъ мать своего Костиньки и въ бѣдномъ положеніи, все-таки непременно сочетался бы съ нею законнымъ бракомъ. Полуустарѣвшую чету благословлялъ тотъ же Отецъ протоіерей, и поздравляя новобрачныхъ, сказалъ Охонину: «Я вамъ тогда это совѣтовалъ, какъ пастырь духовный! Не вняли вы моему совѣту, какъ мірянинъ, ослѣпленный суетою и предразсудками; но внялъ меня Господь, и, по неизрѣченной благодати своей, сподобилъ васъ очистить тяжкое прегрѣшеніе.»

Устюжскія барыни говорили объ этой свадьбѣ иначе: «Вотъ какъ Богъ его попуталъ! по пословицѣ — «послѣ полотенчика утирается онучкою.» Былъ женатъ на сенаторской дочери; теперь женился на поповнѣ, да еще на какой!... Наказалъ его Господь!»

Опять вошло въ славу сельцо Дятлово. Новая помѣщица начала всѣхъ принимать, и хлѣбасоли не жалѣетъ. Правда, есть изъ чего: кромѣ вотчинъ, тысячъ двѣсти денегъ. Славно живутъ Охонины! Чай и кофе, по-старинному, варятся четыре раза въ день, а перинъ для пріѣзжающихъ сдѣлано пятьдесятъ. Гостепріимная конюшня открыта для тощихъ лошадей всѣхъ окружающихъ помѣщицъ; словомъ, Дятлово опять Дятлово.

Каждый годъ, баринъ съ барынею, или лучше сказать, барыня съ бариномъ, уѣзжаютъ въ Петербургъ, мѣсяца на два, навѣстить Костиньку, который учится очень хорошо, и по выдержаніи экзамена вступить

въ службу. Фамилія ему дана: Дятловскій, и Прасковья Петровна, у которой уже родились двѣ дочери, увѣряетъ, что ежели у нея не будетъ сыновей, то она Костинькѣ отдастъ сельцо Дятлово.

И повѣсти конецъ ?

Нѣтъ еще : полюбуйтесь на житье — бытѣ Дятловскихъ господъ. Вы вѣрно такъ же, какъ и я, любите все естественное, — все, согласное съ уѣздною Природою.

=

— Ахъ! безцѣнный мой! говорить, тяжело въздыхая, Прасковья Петровна. Илюша! другъ мой!

— Параша! милочка!

— Ангелъ ты мой! Какъ я тебя люблю!

— Душечка ты моя!

— Не житье, а рай мнѣ съ тобою, моимъ милымъ другомъ! Такъ... не оторвалась бы отъ тебя!

— Параша, другъ мой!... Давно я тебя просилъ! ты приказывала подождать. Сдѣлай же милость, дай мнѣ тысячу рублей!

— На что?

— Ну, какъ на что, душечка! Вѣдь и мнѣ не хочется отстать отъ другихъ. Вотъ, наши собираются въ Рыбинскъ, на ярмарку, и меня приглашаютъ.

— Зачѣмъ? Развѣ что нужно тамъ покупать? Да отпущу ли я тебя одного, разстанусь ли я съ тобою! Что ты, Илюша? Богъ съ тобой! Бросить жену, и ѣхать безъ нужды! На что это похоже?

— Параша матушка! Вѣдь на двѣ недѣли только!

— Да что за надобность? И на что деньги? На пьянство! на мотовство! Можетъ-быть еще.....? Полно, сударь, полно! пора остепениться.

— Неужели тебя разорить тысяча рублей?

— Не пожалѣла бы я и десяти тысячъ на дѣльное, а тутъ не вижу ни какой надобности.

— Такъ-то ты меня любишь! Для всѣхъ щедра, для мужа скупа, какъ жидовка.

— Ты ли это говоришь, безсовѣстный, неблагодарный? Не я ли тебя выкупила изъ бѣды, примѣромъ сказать, изъ грязи вытянула? Долги твои заплатила; тебя содержу, кормлю, пою, одѣваю, пансіона твоего не трогаю: проматывай, куда хочешь! Чего тебѣ не достаетъ? Ромъ къ чаю; водка, вино къ столу, — вѣдь все только для тебя. Я сама не пью. Лошадей тебѣ завела тройку особенно, въ твое удовольствіе. Вѣдь это счетъ!

— Да! счетъ! А принимать къ себѣ круглый годъ голодныхъ старухъ, да вѣстовщицъ, да сплетницъ, кормить на убой, дарить деньгами, полотнами, отпускать имъ всякую провизію, содержать ихъ клячей, — это все не счетъ?

— Изъ своего даю, мой батюшка, не изъ чужаго!

— Видно, чужихъ-то одинъ мужъ, который не смѣетъ зазвать къ себѣ пріятелей!

— Какихъ пріятелей? Не тѣхъ ли оборванниковъ и пьяницъ, которыхъ ты называлъ Французскими генералами да министрами? Не ихъ ли опять скликать? Хорошо, что примерли! А впрочемъ, дай тебѣ волю, — ты найдешь такую компанію, что «порядочной дамѣ» надобно будетъ бѣжать отсюда!»

— Давно ли ты, мать моя, попала въ порядочныя дамы?

— Съ того времени, какъ ты, отецъ мой, безпорядочный кавалеръ, остался безъ кола и безъ двора, да и безъ хлѣба насущнаго! Понимаешь?

— Слушай, Прасковья! не посмотрю я на твое богатство, и одѣваю тебя по-Русски, если ты еще осмѣлишься мнѣ грубить. Одного зуба уже нѣтъ! Береги остальные.

— Что! бить меня?

Прасковья Петровна выбѣжала въ другія комнаты

— Батюшки, помогите! Матушки, голубушки! Авдотья Семеновна! Евгения Ниловна! пожалуйста сюда! Будьте мнѣ свидѣтели! Защитите меня, бѣдную, горемычную!

— Что, матушка? что такое? закричали объ барыни, то есть, Авдотья Семеновна и Евгения Ниловна.

— Красавицы мои, защитите! Бить меня хочет! Убить грозитя!

— Сохрани Господи, матушка! что съ нимъ? Видно хмѣлень!

— Нѣтъ, мои матушки! Присталъ съ ножомъ къ горлу: давай ему тысячу рублей, вѣхъ на ярмарку! (рыдая) Мало я за него переплатила! Мало я для него сдѣлала!

— Ахъ, матушка! Ахъ, голубушка!

=

И какъ мы рѣшились не отступать ни въ чемъ отъ естественности, то вотъ какія мудрыя наставленія даетъ Илья Аѳанасьевичъ, даетъ своему возлюбленному сыну.

Очень радуюсь, другъ мой Константинъ Ильичъ, твоимъ успѣхамъ въ Наукахъ, и весьма утѣшаетъ меня надежда, что ты, съ Божіею помощью, выдержишь экзаменъ, и получишь право вступленія въ службу. Не теряй времени, мой любезный, и помни, что тебѣ надобно познаніями пріобрѣсти себѣ какое-нибудь званіе. Учись хорошенько, а издержекъ на твое образованіе мы не пожалѣемъ. Слишкомъ рано задумалъ ты избирать себѣ родъ службы. Сначала выучись, а послѣ располагай собою. Помни, что ты не природный дворянинъ. Да нынѣ, и княжескимъ сыновьямъ приходится плохо безъ образованія! На грамоты только взглянуть, и скажутъ: Хороши! годятся! — а послѣ, потащатъ голубчика на испытаніе, да уже не взгля-

нута, а разглядываютъ,—хорошъ ли, годится ли? Это я тебѣ не лгу; и если ты нѣсколько примѣровъ противнаго видѣлъ, то это тебѣ не указъ. Еще разъ говорю: учись, выучись, и тогда, являсь на службу, можешь сказать смѣло: «Я готовъ служить Государю и святой родинѣ. Что нужно было припасти, то я припасъ. Не безграмотенъ, не невѣжда! Не былъ лѣнтяемъ въ юношествѣ, буду прилеженъ и въ мужескомъ возрастѣ. Не потерялъ времени въ школѣ, буду умѣть имъ пользоваться въ службѣ.»

О, сколь пріятно было бы мнѣ, если бы мой Костя въ точности выполнилъ все вышеписанное! Но я и не теряю надежды. Что же касается до намѣренія твоего вступить въ военную службу, и до опасенія, что этому будутъ противиться мать и дядя, то я напередъ даю тебѣ мое благословеніе: иди туда, гдѣ думаешь быть полезнымъ. Я самъ былъ воинъ, и люблю это званіе. Твоя мать не воспротивится моей волѣ, если я захочу видѣть тебя въ военномъ мундирѣ. На этотъ счетъ, будь спокоенъ, только съ уговоромъ!

Извѣстно мнѣ по опыту, что молодые люди любятъ отличаться удалствомъ. Помни это слово! Удалство ихъ, по большей части, состоитъ не въ томъ, что бы отважно летѣть на врага отечества, безстрашно дѣйствовать подъ градомъ пуль и картечей, — нѣтъ, — война бываетъ не всегда; а такъ называемое удалство пришивается къ военному мундиру и въ мирное время. Что же это за удалство? Тебѣ, другъ мой, минуло семнадцать лѣтъ, и ты вступаешь на опасную стезю жизни нравственной, самопроизвольной, а не физической, не зависящей отъ учительской указки. Пора пояснять тебѣ вещи, малоизвѣстныя, а въ житейскомъ быту неизбѣжныя.

И такъ, вѣдай, что удалствомъ, между людьми, разумѣется, молодыми и неопытными, нерѣдко почитаютъ гибельную отважность въ самыхъ дурныхъ дѣ-

лахъ; напимѣрь, часто называютъ удалцомъ и молодцомъ того, кто лѣзетъ на драку съ своимъ братомъ; кто можетъ много выпить; кто сорить деньгами; кто побьетъ беззащитнаго, и тому подобное. Но болѣе всего превозносятъ удалство того, кто счастливъ въ волокитствѣ.

Да, братъ! Эти гибельныя похвалы волокитному удалству сводятъ съ ума молодыхъ людей. Укралъ я деньги, — всѣ закричатъ: Ахъ, подлецъ! ахъ недостойный человѣкъ! Соблазнилъ я чужую жену, или дѣвушку, — всѣ говорятъ: Молодецъ! лихой! счастливецъ! И никому въ голову не приходитъ, что честь женщины навсегда потеряна; что хваленый молодецъ и удалецъ лишилъ ее того, чего возвратить ей никогда не можетъ. О, другъ мой, Костинька, берегись! Не шути добрымъ именемъ слабаго существа! Хотѣлъ бы я тебѣ много написать, да письмо и безъ того длинно. Помни только мое завѣщаніе: никогда не посягай на честь женщины или дѣвушки! Эти беззащитныя созданія хранимы самимъ Творцомъ, который наказываетъ за нихъ преступнаго мужчину. Скажу болѣе: человѣкъ, посягнувшій на честь женщины, никогда не будетъ счастливъ, даже и въ супружествѣ. Вся жизнь его будетъ хуже каторжной работы. И это я говорю по опыту. Конечно, самъ я счастливъ съ твоею матерью, но такія исключенія очень рѣдки. Насмотрѣлся я на жалкіе примѣры!....

Помни всегда мое наставленіе, дружечекъ. Слѣдуй оному, и не будешь раскаяваться. Прощай. Будь здоровъ, и учись хорошенько. На дняхъ хотѣлъ я ѣхать въ Рыбинскъ на ярмарку, да кое-какія дѣла задержали.»

В. УШАКОВЪ.

МОЖЕТЪ ЛИ ЭТО БЫТЬ?

=

Есть идолопоклонники, вѣрующіе въ божественность женскаго сердца; они обогащаютъ его мысленно всѣми сокровищами добродѣтели и любви.

Есть скептики, называющіе женскую вѣрность баснею: если они и соглашаются иногда, что женщина можетъ не измѣнить добродѣтели, то ограничиваютъ эту возможность разными условіями: требуютъ безобразія, или холоднаго темперамента, или отсутствія искушеній.

Дольскую выдали замужъ по расчету. Когда ее помолвили, ее обольщала перемѣна состоянія; ее радовала увѣренность, что повиновеніемъ своимъ она доставляетъ утѣшеніе родителямъ; но въ сердцѣ ея не было той могучей любви, которая бросаетъ будущность молодой невѣсты на верхъ земнаго блаженства. Ея и не спрашивали о любви. Зачѣмъ! Она бѣдна, женихъ богатъ, — этого довольно чтобъ отдать замужъ: такъ велитъ житейское благоразуміе. Родители всегда забывали и будутъ забывать, что брачная клятва безъ любви есть предисловіе грязнаго романа.

Вопреки этому афоризму, прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Дольская была замужемъ; но самое привязчивое злословіе, не отыскало бы, въ ея поведеніи, ни одного поступка, достойнаго порицанія.

А какъ легко было преступленіе! Если бы вы знали ея мужа!

Онъ не имѣлъ ни малѣйшей ревности; онъ вѣрилъ въ добродѣтель жены своей, какъ вѣритъ магометанинъ въ обещающій ему рай, какъ вѣритъ критикъ

въ безошибочность своего приговора : его вѣра имѣла всю силу фанатическаго убѣжденія. Была ли она основательна, увидимъ впослѣдствіи ; но, повинуваясь своей природѣ, онъ не могъ не вѣрить : его добрая, простая душа не постигала обмана. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, на рѣдкость которыхъ, въ наше время, жалуются игроки, пріятели, управители и многіе, разные люди, которыхъ не называю, потому что ихъ списокъ былъ бы длиннѣе лица арестованнаго корнета. Но, если душевныя качества Дольскаго и дѣлали его человѣкомъ достойнымъ уваженія, то, по той же причинѣ, по которой медаль имѣетъ двѣ стороны, то есть, по естественному порядку вещей, онъ имѣлъ свои недостатки : удовольствіи умственныхъ занятій были ему незнакомы ; вистъ, хорошій столъ и лошади, вотъ все, что его занимало. Несмотря на то, онъ былъ любимъ своею женой ; можетъ-быть слишкомъ тихо и разсудительно, но съ него было довольно : онъ не требовалъ восторговъ. Онъ и самъ любилъ безъ романическихъ утонченностей, и больше любилъ свою добренькую, нежели свою хорошенькую жену.

Не думайте однако жъ, чтобы у нея было такъ мало красоты, что нельзя было любить ее за красоту. О, нѣтъ !

Я не буду, по обычаю разскащиковъ, исчислять ея прелести и выхвалять по порядку ея румянецъ и бѣлизну, ея стройный станъ и шелковистые локоны ; но, чтобы дать о ней понятіе, скажу, что трудно найти лице, которое, при правильныхъ чертахъ, имѣло бы такое милое выраженіе кротости и простосердечія. Ея голубые глаза, подернутые влагою, отсвѣчивались нѣжностью прекрасной души. Что было въ ней особенно плѣнительно, это ея голосъ. Онъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ грубыхъ и пискливыхъ звуковъ, которые отъ зависти, высокомерія, лживости и другихъ

непріятныхъ свойствъ вкрадываются въ произношеніе. Это былъ голосъ чистый, какъ младенческая радость; увлекательный, какъ лесть; трогательный, какъ молитва; голосъ, способный усыпить недоверчивость чело́вѣка, выведеннаго опытомъ за рубежъ всѣхъ сердечныхъ заблужденій.

Присоедините къ вліянію этаго голоса врожденную доверчивость Дольскаго, и то выгодное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о себѣ, — ему не было тридцати лѣтъ, и наружность его была пріятна, — и вамъ не покажется удивительнымъ, что онъ давалъ женѣ своей полную свободу въ образъ жизни.

Въ первый годъ замужства, она очень часто выѣзжала въ свѣтъ; ее занимали его удовольствія; она смотрѣла на его блескъ съ любопытствомъ шестнадцатилѣтней неопытности, брошенной внезапно изъ деревенской тишины въ шумъ столичной жизни.

Само по себѣ разумѣется, что ея замѣчательная красота окружила ее толпою поклонниковъ; но, потому ли, что между ними не было ни одного, который, по ея понятіямъ, выходилъ бы изъ разряда обыкновенныхъ людей, — потому ли, что свѣтъ еще не успѣлъ переобразовать строгихъ ея правилъ, внушенныхъ воспитаніемъ, — почему бы то ни было, но она оставалась равнодушною ко всѣмъ обольщеніямъ. Видя неудачность своихъ покушеній, поклонники разошлись, сказавъ объ ней: Это статуя, которую не взялся бы одушевить и самъ Пигмаліонъ!

Но ихъ приговоръ былъ несправедливъ: въ груди ея билось пламенное сердце. О, какою нѣжною, возвышенною любовью наградила бы она того, съ кѣмъ поставили бы ее къ алтарю, по взаимному выбору! Но судьба расположила иначе.

Привязанность Дольской къ свѣту продолжалась недолго. Удовольствія разсѣянной жизни, потерявъ

прелесть новизны, перестали привлекать ее; почувствовавъ пустоту, оставляемую ими въ душѣ, она заключила себя въ тѣсный кругъ домашней жизни, посѣщая общество болѣе по приличію, нежели по склонности.

Какъ бѣднякъ, неумѣющій оцѣнить пайденнаго имъ сокровища, и дѣлающій изъ него глупое употребленіе, Дольской не понималъ обладаемой имъ женщины; онъ не умѣлъ дать ей другаго счастья, кромѣ основаннаго на отсутствіи нуждъ, огорченій и заботъ.

Но покорная своему жребію, Дольская не роптала на бѣдность своего счастья.

Дни ея тянулись скучно, но мирно, какъ всегда тянутся дни женщины, отказавшейся отъ золотыхъ мечтаній сердца.

Такъ прошло четыре года.

Никто не вырветъ своего листка изъ книги судебъ.

Въ числѣ молодыхъ людей, посѣщавшихъ тѣ общества, въ которыхъ иногда показывалась Дольская, былъ нѣкто Маргинъ.

Онъ былъ хорошъ собою. Къ природному уму присоединялъ онъ большую начитанность и нѣсколько пріятныхъ дарованій; имѣлъ вкрадчивое обхожденіе и ту смѣтливость, которая не допускаетъ до излишняго слова и не выводитъ лести изъ предѣловъ вѣроятія; умѣлъ схватывать смѣшныя черты съ какою-то милою шутливостію, заставлявшею смѣяться даже и того, въ чью странность вонзалась его острота; умѣлъ, когда считалъ нужнымъ, набрасывать на свои выраженія поэтическія краски энтузіазма. Онъ былъ эгоистъ, но умѣлъ, не обременя себя ни какимъ пожертвованіемъ, внушить хорошее понятіе о своемъ сердцѣ, то принимая въ разговоръ сторону слабыхъ, то

указывая на чужое достоинство, никѣмъ не замѣченное по своей скромности. Сверхъ того, онъ имѣлъ особенную способность разгадывать женское сердце, начала, ходы и перевороты его прихотей.

Когда Дольская увидѣла его въ первый разъ, она невольно отличила его отъ толпы.

Зная отзывъ свѣта о холодности Дольской, Маргинъ не могъ принять ея вниманія за любовь; но оно польстило его самолюбію, и подстрекнуло его на стараніе понравиться.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ первой встрѣчи его съ Дольскою, ему случилось танцовать съ нею на одномъ балѣ.

Какъ всегда водится въ танцахъ, они разговаривали.

Разговоръ ихъ, сначала вялый и незанимательный, долго не выступалъ изъ тѣсныхъ границъ, обводящихъ недавностію знакомства; но, безпрестанно порываясь на просторъ, онъ наконецъ вырвался; и, какъ дитя, отпущенное играть, побѣждалъ свободно и весело, роняя шутки, намѣки, портреты, эпиграммы, похвалы; потомъ, ободренный нѣкоторою короткостію, раждающеюся при разивнѣ остроумія, сбросилъ съ себя погремущки свѣтской болтовни, и поднялся на высоту поэтическихъ изслѣдованій о жизни, счастьи, супружествѣ, любви, перевертывая разные стороны предметовъ съ тою легкою, заманчивою быстротою, безъ которой разговоръ такого рода на балѣ былъ бы признакомъ тяжелаго педантизма.

Никогда Дольская не находила такого удовольствія въ разговорѣ.

Когда, переходя отъ одного предмета къ другому, они коснулись до семейной жизни, Маргинъ, какъ будто увлекаемый жаждой извѣдать ея радости, на-

чалъ изображать съ восторгомъ счастье супружества , богатаго любовію. Онъ исчислялъ его разнообразныя наслажденія, истекающія изъ согласія характеровъ и склонностей; онъ говорилъ о сладости сердечныхъ изліяній, о заботливомъ раздѣлѣ печалей, о взаимномъ угадываніи мыслей и желаній, о безпрестанно повторяющемся размѣнѣ попеченій и ласкъ.

И Дольская, слушая его, вспомнила невольно, что ничего этого нѣтъ въ ея жизни.

Потомъ, въ противоположность первой картинѣ, Маргинъ началъ говорить о несчастіи супруговъ безъ любви, безъ сродства въ образѣ мыслей. Онъ развернулъ ихъ скучную, однообразную жизнь, всѣ дни которой, похожи между собою, какъ версты въ степи.

И Дольская сказала мысленно: это моя жизнь!

Между-тѣмъ балъ производилъ свое очарованіе.

Уже было около двухъ часовъ, и онъ дышалъ всѣмъ сладострастіемъ этого заполуночнаго періода.

Въ это время балъ совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ онъ бываетъ въ началѣ. До двѣнадцати часовъ танцуютъ симметрическія кадрили, мѣняются щегольскими фразами, разглядываютъ и обсуживаютъ чужіе наряды, любятъя своими, и не пускаютъ въ сердце иного чувства, кромѣ самолюбія. Но, когда часовая стрѣлка перейдетъ за полночь, и загремятъ одушевленные звуки галопа или вальса, все измѣняется; и балъ, до того времени чинный, скучный и благонаправленный, какъ блаженной памяти дидактическая поэма, начинаетъ пріобрѣтать безпорядокъ, занимательность и соблазны романтической драмы.

Обойдите этотъ кругъ, описанный стульями танцующихъ паръ, и постарайтесь уловить нѣсколько отрывковъ изъ проявляющихся на немъ сценъ; я увѣренъ, что вы подслушаете и привязчивые допросы

ревности, и увертливые отвѣты кокетства, и просто-душныя обмолвки первой любви.

Загляните во внутренность этого круга; посмотрите, какъ бѣшеный вальсъ носить изнемогающихъ женщинъ, и заливать удовольствіемъ ихъ разгорѣвшіяся лица. Посмотрите, какъ нагло онъ расплетаетъ ихъ душистые локоны; обрываетъ съ ихъ платья цвѣты; вытѣсняетъ изъ-подъ дымки ихъ запыхавшуюся грудь, и кидаетъ на уста юношей благоухающій сокъ женскаго дыханія, охмѣлительный какъ опиумъ Востока.

Въ эти роковые часы правила и обязанности падаютъ въ Лету, и, подъ вліяніемъ раздражительнаго сладострастія танцевъ, гармоническихъ звуковъ Россіи и головокружныхъ похвалъ, въ сердца молодой женщины возникаютъ начала преступной любви: начала тихія и непримѣтныя, но, подобно началамъ бури въ знойной атмосферѣ лѣтняго дня, мало-по-малу скопляющіяся въ разрушительныя тучи урагана, — тучи, носящія въ нѣдрахъ своихъ громовые удары безславія, но не ужасающія женскаго сердца, потому, что ихъ озаряетъ иногда молнія блаженства.

Когда кончился балъ, и Дольской, зѣвая въ каретъ, сказалъ женѣ своей :

— Не знаю, было ли тебѣ весело, а я провелъ время чудесно: выигралъ девяносто партій, и поужиналъ славно.

Мысль ея проникла въ первый разъ грубость его наслажденій; и въ первый разъ, открылось передъ нею неизмѣримое разстояніе, разделяющее ихъ обоюдныя склонности и свойства.

Она вздохнула.

И долго, долго послѣ того, какъ усталая головка ея упала на мягкій пухъ, въ мысляхъ ея не утихало вол-

неніе, производимое сравненіемъ ея безцвѣтной, прозаической жизни, съ яркою картиной супружескаго счастья, нарисованною Маргинымъ.

Цѣлые три мѣсяца Маргинъ почти ежедневно ѣздилъ къ Дольскимъ; но, вѣрный составленному плану, велъ себя съ бдительною осторожностію, не подававшю ни одного случая угадать настоящія его чувства. Онъ не говорилъ Дольской о любви; но, всѣми возможными намѣками и косвенными средствами, старался развивать внушенную имъ на балѣ мысль, что она не можетъ быть счастлива съ своимъ мужемъ, что ихъ склонности и чувства не имѣютъ ни малѣйшаго сродства.

Онъ принялъ такой медлительный образъ дѣйствія, потому что считалъ бесполезнымъ говорить ей о любви, не измѣнивъ ея понятій. Выбравъ время своимъ союзникомъ, онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не опасался соперничества: она очень рѣдко выѣзжала въ свѣтъ, а къ мужу ея собиралась такая молодежь, которая самому ревнивому любовнику не могла навести безпокойства.

Къ нему ѣздилъ одинъ любезникъ, который, въ покровной головѣ своей, завелъ фабрику каламбуровъ, а память обратилъ въ кладовую анекдотовъ. На бѣду его знакомыхъ, фабрика шла дурно, а изъ кладовой всегда вытаскивалъ онъ одно и то же. За то онъ былъ разнообразенъ при сообщеніи новостей: Богъ-знаетъ, какъ онъ это дѣлалъ, но ему было извѣстно все, что происходитъ въ городѣ; всякой годъ, передъ вскрытіемъ Невы, онъ могъ разсказать вамъ безошибочно, кто съ кѣмъ держитъ пари и на сколько. Сверхъ-того онъ умѣлъ пѣть всѣ водевильные куплеты, дѣлать фокусы не хуже Мольтуано, и передразнивать, какъ Англичане говорятъ по-Французски, какъ степная барыня бранится съ своей дворней, какъ проситель являетъ

ся съ рекомендательнымъ письмомъ. Онъ считалъ себя образцемъ совершенства, и не подозрѣвалъ, что существуютъ другія средства къ любезности, почерпаемыя въ образованности и умѣ. Когда ему случилось видѣть людей, скучающихъ его гаерствомъ, онъ принималъ ихъ за педантовъ, или думалъ, что они ему завидуютъ.

Потомъ, ѣздилъ къ Дольскому одинъ военный, который на всехъ статскихъ глядѣлъ съ презрѣніемъ, и называлъ ихъ не иначе, какъ фрачники или рябки; любезность свою скрывалъ подъ завѣсою факирскаго молчанія, и тратилъ ежечасно сорокъ минутъ на закручиваніе усовъ и наморщиваніе лба, дабы придать лицу своему грозное выраженіе дуэлиста. Согласовались ли такіе пріемы съ его храбростію, было еще загадкою; но что было видимо для всехъ, это его сходство съ тѣми буйными молодцами, которые, во время оно, били и рубили все, что имъ ни попадалось; на которыхъ теперь, благодаря просвѣщенію, смотрятъ какъ на рѣдкость, какъ на удивительный анахронизмъ.

Еще бывалъ иногда у Дольскаго одинъ щеголь, щеголь новаго изданія, совсѣмъ не похожій на тѣхъ нахальныхъ франтовъ которыми наши столицы изобиловали встарину, и которыми по-нынѣ гордятся уѣзды. О, нѣтъ! это былъ щеголь скромный: онъ не преувеличивалъ моды, но держался ея буквально; не терпѣлъ въ одеждѣ пестроты, избѣгалъ принужденности въ тѣлодвиженіяхъ, и не столько боялся холеры, сколько сходства съ живописнымъ франтомъ Невскаго проспекта. Онъ не носилъ очковъ, потому что этотъ способъ отличія казался ему обветшалымъ. Его отличія состояли въ бакенбартахъ въ видѣ подковы, въ особенности галстучнаго узла и въ изящности туалетныхъ мелочей. По его понятіямъ, всѣ достоинства человека заключались въ умѣніи одѣваться, въ модномъ

тонъ и въ знакомствѣ съ знатью; люди честные, образованные, полезные, одѣтые безъ вкуса, неимѣющіе моднаго тона или незнакомые въ вышнемъ кругу, въ глазахъ его были не - люди. При встрѣчѣ съ ними, онъ раскланивался учтиво, но не позволялъ себѣ ни малѣйшей съ ними короткости. Онъ бывалъ въ чужихъ краяхъ, и воротился, не пріобрѣтши ни одной идеи; только не вывезъ оттуда презрѣнія къ родному языку. Онъ даже старался прослыть грамотнымъ, порядочно зналъ правописаніе, посягалъ на сужденія о Литтературѣ, и, не краснѣя ѣздилъ изрѣдка въ Русскій театръ. Онъ имѣлъ склонность къ эпиграммѣ, и любилъ посмѣяться надъ Москвой. Москва была его пластрономъ. Что тамъ за люди! что за барыни! какъ одѣваются! какъ живутъ! Тамъ, по его словамъ, нѣтъ ни одной гостиницы, гдѣ бы не горѣло сальныхъ свѣчей; ни одной передней, гдѣ бы лакеи не шили сапоговъ. Онъ любилъ танцы, во-первыхъ потому, что онъ танцевалъ прекрасно; во-вторыхъ потому, что нигдѣ, какъ на балѣ, нельзя такъ долго, при пособіи общихъ и вытверженныхъ фразъ, скрывать свою ничтожность, а ему было что скрывать: какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что онъ могъ бы быть умнѣе, и вотъ почему онъ былъ скромнѣе; и эта скромность дѣлала его нестерпимѣе старинныхъ франтовъ, которые выдавали себя прямо за то что они есть, между - тѣмъ, какъ онъ выучился походить снаружи на порядочнаго человѣка.

Но, полно! скучно рисовать такіе портреты.

Маргинъ не могъ бояться этихъ господъ: напротивъ, ихъ ничтожность выставлала его достоинства.

Покаместъ, все шло по его желанію: Дольская примѣтно охлаждѣвала къ мужу, и измѣняла свои привычки. Въмѣсто сочиненій Бульи, Г-жи Гизо и другихъ

назидательныхъ писателей, на ночномъ столикъ ея начали являться Романы; занятія по домашнему хозяйству замѣнились музыкаю, бывшею въ небреженіи съ самаго замужства; однообразіе уединенной жизни, до сихъ поръ столь пріятное ея сердцу, сдѣлалось ей скучно; и часто, сидя въ вечерніе сумерки у окна, она впадала въ необъяснимую, изнеможительную грусть.

Съ каждымъ днемъ находила она большее удовольствіе въ посвщеніяхъ Маргина; любила искать разсѣянія въ его живописныхъ и занимательныхъ разсказахъ, вступать съ нимъ въ философическія разсужденія и споры, и повѣрять ему свои впечатлѣнія.

Маргинъ смотрѣлъ съ тайнымъ торжествомъ на укрѣплявшуюся въ ней привычку къ его обществу.

Потомъ, когда онъ увидѣлъ, что оно сдѣлалось необходимою, сталъ ѣздить рѣже, и, на дѣлаемые ему выговоры, отвѣчалъ съ притворнымъ замѣшательствомъ, какъ-будто не смѣя объяснить причины своей перемены.

Потомъ, продержавъ нѣсколько времени Дольскую въ недоумѣніи, при первомъ разѣ, когда ему случилось слушать пени ея наединѣ, сказалъ:

— Еслибъ я давно началъ убѣгать васъ, то, можетъ-быть, не узналъ бы той безумной любви, которой не могу скрывать болѣе.

Тутъ все пошло своимъ порядкомъ: сперва изумленіе добродѣтельной женщины, обиженной признаніемъ; потомъ смягченіе гнѣва; потомъ увѣщанія забыть ее; потомъ утѣшительное предложеніе дружбы, — но ничего болѣе какъ дружбы.

Какъ близко граничить она съ любовію! Кто покажетъ мнѣ женщину, которая отъ дружбы къ своему любовнику не перешла бы къ любви?

Маргинъ не долго дожидался признанія.

Но если до сихъ поръ все сбывалось по его плану, за то съ этого времени, все пошло иначе.

Пока Дольская не понимала своихъ чувствъ, обращеніе ея съ Маргинымъ было смѣло и непринужденно. Часто случалось, что она проводила съ нимъ вдвоемъ цѣлые часы: ей и не приходило намысль, что такая короткость предосудительна или опасна.

Но, когда любовь перестала скрываться подъ личиною дружбы, Дольская, воспитанная въ боязни порока и стыда, испугалась послѣдствій признанія, и въ обращеніи своемъ съ Маргинымъ сдѣлалась недоверчива и строга; самую невинную ласку его принимала за порочное покушеніе, и съ осторожностію, достойною опытной кокетки, убѣгала всѣхъ случаевъ, увлекающихъ къ проступку.

Если и бывали иногда минуты, въ которыя измученная принужденіемъ и избыткомъ любви, она выражала ее нѣжными словами, и плакала, склонясь на грудь Маргина; то эти минуты были такъ неожиданны, это забвеніе такъ непродолжительно, что онъ всегда разставался съ нею, негодуя на ея предразсудки.

Но, убѣгая преступленія, Дольская не убѣгала любви: поведеніе ея было странное смѣшеніе осторожности и безразсудства.

То, успокоенная почтительностію Маргина, она была къ нему ласкова, доверчива, нѣжна; то, встревоженная чѣмъ-нибудь, вдругъ перемѣнялась: дѣлалась на нѣсколько дней дика, сурова, недоступна.

Вотъ одинъ случай, по которому можно судить о поведеніи ея съ Маргинымъ.

Одна изъ ея внезапныхъ и своенравныхъ перемѣнъ вывела его изъ терпѣнія; онъ рѣшился не ѣздить къ

ней цѣлую недѣлю. На пятый день, возвращаясь съ одного вечера домой, онъ проходилъ мимо ея дачи. Уже было одиннадцать часовъ, и онъ никакъ не ожидалъ встрѣтиться въ этотъ вечеръ съ Дольскою; но каково было его удивленіе, когда поровнявшись съ бесѣдкою, обращенною однимъ окномъ на проѣзжую аллею, онъ услышалъ ея голосъ: «Я знала что вы бываете по четвергамъ у Балкиныхъ, и ходите домой мимо нашего сада; я васъ ожидала.» Разумѣется, тутъ былъ заключенъ миръ, и Маргинъ опять принялся строить планы, какъ пріѣхавъ къ ней на другой день, видить что она бѣгаетъ его какъ огня. Улучивъ минуту, онъ спросилъ ее о причинѣ гнѣва, она отвѣчала: «Оставьте меня, я несчастная женщина; я сама не знаю, что я дѣлаю.»

Другому наскучили бы такія причуды и такая любовь; но Маргинъ былъ упрямъ, и сказалъ самому себѣ: «Не долго ей дурачить меня; глупая почительность, съ которою простоялъ я цѣлый часъ у окна, поможетъ мнѣ склонить ее прійти въ бесѣдку въ другой разъ.»

Есть время, когда Петербургъ такъ прекрасенъ, что его жители не могутъ позавидовать ни одному изъ южныхъ городовъ Европы.

Врагъ Сѣвера, я самъ подчинялся вліянію Петербургскаго лѣта, и измѣнялъ въ любви моей къ полудню.

И какъ противиться очарованію?

Эта внезапная роскошь воздуха, солнца и земли; эти острова опоясанные садами; эти живописныя дачи съ своими портиками и колоннадами, эти заманчивыя группы женщинъ на балконахъ уставленныхъ цвѣтами; эта флотилія шлюпокъ, разсѣкающихъ волны широкой и многорукавной Невы; эта изуми-

тельная прозрачность ея лазури; эти шумныя толпы подъ безоблачнымъ небомъ, въ тѣни зеленыхъ гульбищъ, при звукахъ музыки, при сіяніи потѣшныхъ огней; эти дивныя ночи, полныя нѣги, свѣта и теплоты, — все это поражаетъ чувства, привыкшія къ явленіямъ пасмурной зимы; все это, взятое вмѣстѣ, можетъ соперничествовать въ красотѣ съ берегами Байскаго залива или Мансанареса.

Конечно, Русскіе нравы не имѣютъ того своеобразія, которое придаетъ южнымъ городамъ Европы столько жизни и разнообразія, и рождаетъ столько романическихъ происшествій и встрѣчъ: но развѣ чинность нравовъ освобождаетъ отъ страстей? Но если на здѣшнихъ улицахъ нельзя завести интриги подъ маской или встрѣтить любовника, поющаго съ гитарой, подъ окномъ своей любезной, то развѣ не бываетъ, другихъ встрѣчъ, столь же богатыхъ романическимъ вліяніемъ?

Если бы въ началѣ одной изъ Іюльскихъ ночей того года вамъ случилось гулять по одной пустынной аллеѣ Камённаго Острова, вы сказали бы, что и подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ бываютъ иногда романическія встрѣчи.

Вы бы увидѣли, что кто-то закутанный плащомъ, тихо крадется за деревьями; то остановится, то подойдетъ къ рѣшеткѣ сада, прилегающаго къ аллеѣ; то, обнаруживая нетерпѣніе, начнетъ ходить взадъ и впередъ, не покидая однако же пространства, съ котораго видна внутренность сада.

Вы поняли бы, что тутъ кроется любовь.

Можетъ-быть, эта встрѣча оживила бы въ памяти вашей веселые дни молодости, дни шалостей, приключеній и любви; и давно забытыя, но нѣкогда милыя лица пронесли бы мимо васъ, какъ фантазмагорическіе образы.

Можетъ-быть, эта встрѣча напомнила бы вамъ собственныя неудачи; и вы, завидуя чужому успѣху, улыбнулись бы пренебрежительно и пошли бы своей дорогой, чертя тросточкой по песку и насвистывая пѣсню, — машинальное дѣйствіе людей, ничего не думающихъ или старающихся разогнать непріятныя мысли.

Но что до того, какое впечатлѣніе произвела бы на васъ эта встрѣча? Дѣло въ томъ, что вы понимаете, кто этотъ господинъ, закутанный плащомъ, и вы знаете, кого ждетъ онъ.

Вамъ жаль ея!

И какъ не жалѣть, что такое чистое, прекрасное существо погибнетъ отъ прихоти соблазнителя! Если бы, по крайней мѣрѣ, онъ любилъ ее; если бы, по крайней мѣрѣ, она могла, въ головокружномъ блаженствѣ взаимной любви, позабыть свое паденіе. Но нѣтъ! онъ жаждетъ обладанія для себя: что ему за дѣло до ея слезъ, до ея позора? Онъ желаетъ, чтобы она принадлежала ему для того, чтобы въ этомъ блестящемъ, но бездушномъ свѣтѣ, — гдѣ ему скучно, гдѣ онъ кидается на каждое разсѣяніе, — его развеселялъ завистливый шопотъ — «какой счастливецъ Маргинъ! посмотрите на Дольскую, какъ она хороша!...» Это ужасно!

Но, можетъ быть, она не прійдетъ?

Можетъ-быть, воображеніе развернетъ передъ нею мрачную драму преступной любви, съ ея первоначальной борьбой, съ ея постепенными уступками; съ возрастающею силой ея желаній, съ жаркими слезами перваго проступка, съ ея неизбѣжнымъ забвеніемъ стыда, съ ея семейнымъ раздоромъ, съ ея вѣроломствомъ и ложью, съ ея отрывочнымъ раскаяніемъ и продолжительнымъ развратомъ.

Можетъ-быть, она ужаснется и не прійдетъ!

Тсъ! Въ саду шорохъ, — вотъ бѣзется платье, — это она!

Она идетъ прямо въ бесѣдку.

Давъ ей время войти, Маргинъ проскочилъ черезъ выломанное отверстіе въ заборъ, и побѣжалъ къ ней.....

Черезъ два мѣсяца послѣ этой сцены, въ одной изъ гостиныхъ, сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ,

— Не ужели вы не знаете, что Дольскіе уѣхали во Флоренцію? сказалъ одинъ гость, продолжая съ хозяйкою разговоръ, начало котораго не касалось до содержанія моего разсказа.

— Въ первый разъ слышу.

— Какъ же! они уѣхали уже съ недѣлю. Развѣ вы не читали въ газетахъ объявленія о ихъ отъѣздѣ?

— Что у Русскихъ за страсть къ путешествіямъ! Имъ не посидится дома: а что особеннаго въ чужихъ краяхъ? — все то же, что и здѣсь; такіе же театры, балы и гулянья; такіа же Академіи, выставки и Журналы. Я не понимаю, чѣмъ Флоренція лучше Петербурга. Чего не достаетъ у насъ?

— Огнедышащаго солнца, виноградной Тосканы, подхватилъ одинъ умникъ, начиненный сентенціями и раздутый пышнословіемъ.

— И, батюшка! сказала одна старушка: и Русское солнце грѣетъ.

— Очень скупо; соскучишься глядя круглый годъ на сердитыя облака. По моему мнѣнію, небо безъ солнца все равно, что поля безъ цвѣтовъ: какъ цвѣты составляютъ поэзію полей, такъ солнце есть поэзія небесъ.

Всѣ усмѣхнулись.

— Стало бытъ Дольской увезъ жену свою, для того, чтобы она питалась небесною поэзіею? сказала

одна разряженная, тридцатилетняя дама, у которой злость выкрасила лицо желчью. Вѣроятно, онъ не хочетъ, чтобъ она искала поэзіи на землѣ.

— Дольской увезъ жену свою въ Италію, потому, что разстроенное здоровье ея требовало теплаго климата, сказалъ Маргинъ, сидѣвшій подлѣ разряженной дамы.

— И очень хорошо сдѣлалъ! сказалъ умникъ. По моему мнѣнію, здоровье есть первое изъ благъ.

— Я также нахожу, что онъ поступилъ благоразумно, уѣхавъ изъ Петербурга, отвѣчала желтолицая дама: но думаю, что онъ поступилъ бы еще благоразумнѣе, если бы уѣхалъ ранѣе. Мнѣ кажется, что онъ схватился уже поздно. Не правда ли? прибавила она, взглянувъ насмѣшливо на Маргина.

— Какой у васъ злой языкъ! прошепталъ Маргинъ; потомъ спросилъ ее вслухъ: — Почему же? Если вы разумѣете, что поздно отъ того, что лѣто уже прошло, то вы ошибаетесь: Дольской бѣжалъ не отъ лѣта, а отъ зимы.

— Развѣ здоровье жены его такъ разстроено? спросила хозяйка.

— Я видѣлъ ее съ мѣсяцъ тому назадъ, отвѣчалъ гость, начавшій разговоръ: она была чрезвычайно блѣдна.

— Я также видѣлъ ее передъ отъѣздомъ, сказалъ умникъ: но нашелъ, что ея красота выиграла отъ потери румянца. По моему мнѣнію, блѣдность интереснѣе свѣжести, прибавилъ онъ, взглянувъ умильно на желтолицую даму.

— Это правда, что блѣдность во всякой молодой женщинѣ привлекательна, отвѣчала она, прихорашиваясь и потупивъ глаза, а въ Дольской особенно. Въ ея блѣдности есть что-то трогательное, романтическое.

— По моему мнѣнію, нѣтъ правилъ безъ исключенія, возразилъ умникъ: не во всѣхъ Романахъ героини блѣдны.

— По крайней мѣрѣ въ тѣхъ, гдѣ есть несчастная страсть. Но какъ бы то ни было, хотя блѣдность и имѣетъ свою прелесть, а все-таки мнѣ жаль Дольской: она изсохнетъ непременно. И на васъ ляжетъ грѣхъ, шепнула она Маргину.

— А какъ она была румяна и полна! сказала старушка. Кто могъ ожидать этого?

— О, я всегда предвидѣла, что это будетъ! Она такого нѣжнаго, слабаго сложенія, сказала желтолицая дама. Вы такъ дружески были знакомы съ Дольскими, прибавила она, обратясь къ Маргину, и скоробивъ губы въ язвительную улыбку двусмысленности: вамъ нельзя не знать, какъ она нѣжна и слаба.

— Я знаю, что она добра и скромна, и вотъ почему мнѣ жаль ея. Перестаньте, прибавилъ онъ тихо: или я самъ объявлю вамъ войну.

Мосье Маргинъ! вы говорили мнѣ о какомъ-то новомъ романсѣ, который вы видѣли здѣсь; покажите мнѣ его: пойдѣмте. И она пошла съ нимъ въ другую комнату, гдѣ стоялъ рояль.

— Вы на меня сердитесь?

— И очень.

— Какая неблагодарность! Я прославляю ваше торжество, а вы негодуете.

— Вы приводите меня въ затрудненіе. Порядочный человѣкъ никогда не долженъ позволять злословія о той женщинѣ, которую свѣтъ выдаетъ за его.....

— За его любовницу. И конечно свѣтъ обманывается?

Маргинъ не отвѣчалъ, опутивъ глаза съ притворною скромностію.

— Вы молчите: это значить, что у васъ есть еще совѣсть. Вы боитесь лжи, и не смѣете опровергнуть справедливаго заключенія свѣта.

— Я смѣю увѣрить васъ, что эти предположенія неосновательны, сказалъ Маргинъ нетвердымъ голосомъ, въ которомъ не замѣтно было желанія переувѣрить злоязычную даму.

— Не спорьте: свѣтъ никогда не обманывается въ этихъ случаяхъ. Одни мужъ слѣпы; они всегда догадываются послѣдніе. Я не могу надивиться, что Дольской догадался такъ скоро.

— Перестаньте, если вы не хотите поссориться со мною.

— Вовсе не хочу. Я вамъ благодарна за то, что вы сбавили спѣси съ этой лицемѣрной красоты. Въ подтвержденіе моего искренняго желанія быть съ вами въ мирѣ, даю вамъ слово не разговаривать при васъ о Дольской; но заочно.....

— О, я не могу знать, что вы говорите заочно! сказалъ Маргинъ, радуясь втайнѣ ея болтливости.

Есть люди, полагающіе всю прелесть любви въ разглашеніи своего торжества, котораго иногда вовсе не было на дѣлѣ.

Я готовъ биться объ закладъ, что вамъ невѣрится торжество Маргина; вы торопите меня мысленно разрѣшить ваши недоумѣнія.

Пользуясь преимуществомъ разскащиковъ, проинкавъ во всѣ тайны и отворять замки безъ ключей, я поведу васъ въ кабинетъ Маргина, отопру его бюро, и выну изъ секретнаго ящика три письма отъ Дольской, читайте ихъ.

Первое изъ нихъ писано на другой день , послѣ свиданія ея съ Маргинымъ въ бесѣдкѣ; а послѣднее, за нѣсколько часовъ до ея отъѣзда :

1.

«Пока длилось мое заблужденіе, что любовь наша можетъ сохранить чистоту, я не имѣла твердости отказаться отъ счастья любить васъ; но вчерашнее свиданіе разрушило мое заблужденіе: я увидѣла всю возможность проступка; я такъ близка была къ нему: еще до сихъ поръ горятъ уста мои отъ огня преступныхъ лобзаній; еще до сихъ поръ не могу я понять, кто далъ мнѣ силу оторваться отъ ихъ изнеможительной сладости.

Я убѣждена, что любовь наша, рано или поздно, приведетъ меня къ позору: я должна остановиться.

Я не знаю ни какихъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ женщины, желающія прекратить сношенія такого рода, какъ наши, — и прибѣгаю прямо къ вашему сердцу: оно способно къ пожертвованію, — откажитесь отъ любви моей; перестаньте видаться со мною; помогите мнѣ своимъ отсутствіемъ, истребить мою безумную страсть: можетъ-быть время возьметъ свое, и мы забудемъ другъ друга.» И. Д.

2.

«Ваши преслѣдованія бесполезны: они не перемѣнятъ моей воли. Если вы не перестанете ѣздить къ намъ и искать встрѣчъ со мною, то я приму другія мѣры укрыться отъ вашихъ преслѣдованій. Разстроенное здоровье мое подастъ мнѣ предлогъ, склонить моего мужа къ отъѣзду въ чужіе края. Я даю вамъ клятву, не возвращаться до тѣхъ поръ, пока успокоенный разсудокъ мой не докажетъ мнѣ, что вы никогда не любили и не уважали меня. Убѣдясь, что въ

сердцѣ вашемъ не было другаго чувства, кромѣ жажды обладанія, я не буду бояться ни васъ, ни любви моей: она погаснетъ.»

И. Д.

3.

«Я не знаю, какъ благодарить васъ за трогательное письмо, въ которомъ вы изъясните покорность моей волѣ, и даете обѣтъ не возмущать моего спокойствія ни перепискою, ни другими напоминаніями.

«Я цѣню вполнѣ благородство вашего пожертвованія, но не могу склониться на вашу просьбу, и подвергнуть себя мукамъ и опасности послѣдняго свиданія. Нѣтъ, я не могу! Я не должна видѣться съ вами. За чѣмъ намъ прощаться? Мы уже разлучены. Пусть это письмо замѣнитъ вамъ мое прощальное слово; пусть оно останется у васъ, какъ послѣднее убѣжденіе въ необходимости нашей разлуки, какъ послѣднее выраженіе моихъ страданій.

«Я принудила себя разстаться съ вами, не по расчету холоднаго сердца, неспособнаго къ любви и оцѣняющаго спокойствіе дороже всѣхъ тревожныхъ ея радостей: вы знаете, любила ли я васъ.

«Я отказываюсь отъ любви, не по малодушной привязанности къ свѣту, заставляющей избѣгать его порицаній, для того чтобы не лишиться правъ на его удовольствія: вы знаете что мнѣ уже нечего бояться. Любовь наша угадана.

«Если я расстаюсь съ вами, то клянусь остаткомъ добродѣтели, сохранившейся въ душѣ моей, что расстаюсь только потому, что увидѣла по какой покатости порока вела меня любовь: я ужаснулась самой себя.

«Стараніе укрыться отъ проникательности свѣта пріучало меня къ притворству.

«Необходимость утаить какой-нибудь поступокъ оскверняла уста мои ложью.

«Желаніе предупредить подозрѣнія моего мужа внушало мнѣ искусство лицемѣрныхъ ласкъ.

«Сказать ли вамъ, что думала я, когда мужъ мой, измученный болѣзнію, лежалъ на смертной постели? Повѣрите ли вы, что мысли мои, обезстыженные страстію, кидали меня, чрезъ его могилу, на вашу грудь? Вы ужасаетесь! — ужасайтесь болѣе: когда онъ выздоровѣлъ, я могла ему улыбаться.

«Нужно ли говорить, что всѣ эти порочныя мысли и чувства, были омываемы горячими слезами?

«Если до такихъ страданій, до такого вѣроломства, доходить женщина, еще не измѣнившая клятвъ, то что же должно быть съ тою, которая забыла все?

«Я не могу подумать безъ ужаса, куда увлекъ бы меня первый проступокъ!

«О, повѣрите мнѣ, что я не перенесла бы счастья, обезображенного порокомъ: оно задавило бы меня раскаяніемъ.

«Забудьте меня: мы умерли другъ для друга, и на-всегда, — что бы ни случилось.» *И. Д.*

О, какъ я радъ, что могу бросить эти письма, какъ упрекъ, всякому, кто, забывъ, что у него была мать, отрицаетъ въ женщинѣ возможность добродѣтели!

О, какъ я радъ, что рассказывалъ не Повѣсть, а Быль!

Я знаю, что скептики, видя въ ней женщину, остающуюся вѣрною своей чести, не смотря на всѣ искушенія случая и любви, скажутъ съ усмѣшкою: можетъ ли это быть?

НИЖАЕВЪ.

ПОЪЗДКА ВЪ КОКЕНГАУЗЕНЪ.

=

Чтобы нѣсколько разсвѣяться отъ однообразной и скучной жизни, я и два мои товарища рѣшились исполнить давнее желаніе, — посмотреть развалины Кокенгаузена. Для чего не обладаю я живописнымъ перомъ Батюшкова, чтобы передать вамъ тѣ чудныя впечатлѣнія, тотъ живой восторгъ, которые наполнили мою душу на высотахъ развалинъ Кокенгаузена!

Дождавшись яснаго дня, мы ввечеру пустились по берегу Двины. По цѣлому уголку Витебской губерніи, который проѣзжали, и котораго Динабургъ съ окрестностями можетъ быть еще самымъ лучшимъ представителемъ, встрѣчали мы неудобства и, не запасшись ничѣмъ, должны были цѣлый вечеръ быть на пищѣ Св. Антонія. Странно! Только что перешли мы за рубежъ Лифляндіи, какъ будто совсемъ другая страна, другой народъ: въ Витебской губерніи повсюду видна неопрятность, скудность; надобно истинно пожалѣть о тѣхъ, которые проѣзжаютъ этою страной на своихъ лошадяхъ, не запасшись ничѣмъ кромѣ денегъ и аппетита. Остановясь въ корчмѣ, напрасно предлагали бъ вы большія деньги, если бы захотѣли достать чего нибудь, кромѣ хлѣба, смѣшаннаго пополамъ съ мякиной, и куска жаржавшаго сала, остатка отъ роскошныхъ яствъ Св. Недѣли. И это должно, по большей части, получать черезъ руки жидовъ — корчмарей. Напротивъ, въ Лифляндіи, за самымъ рубежнымъ столбомъ видна уже разительная противоположность: въ красиво выстроенныхъ изъ дикаго камня корчмахъ, проѣзжающій находить все для него необходимое, и притомъ съ рѣдкою опрятностью и услужливостью. Прекрасно

обработанныя поля, лѣса, вычищенные какъ наркъ инаго Витебскаго богача, — все это заставляло насъ невольно думать, что мы переселились въ другой край.

На другой день въ одиннадцать часовъ прекраснѣйшаго утра, когда по голубому своду небесъ носились, подобно пуху, только маленькія облачка, пріѣхали мы къ цѣли нашей поѣздки — Кокенгаузену. Заказавъ обѣдъ въ корчмѣ Вендта, именуемой здѣсь трактиромъ, мы пошли осматривать развалины замка. Кокенгаузенъ, Кокенгузенъ, или въ древнее время Куkenонсъ, а у Русскихъ Куконосъ, имѣніе Барона Левенштерна, лежитъ на Рижской дорогѣ во ста двадцати верстахъ отъ Динабурга. Признаюсь, что видъ развалинъ издали не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія, но за то вблизи съ лихвой вознаградилъ за все. Въ двадцати саженьяхъ отъ Двины возвышается крутая изъ известковой плиты гора, отвѣсная съ одной стороны; на хребтѣ этой горы стоитъ древній замокъ съ развалившимися башнями, зубцами и бойницами, и подобно осиротѣлому исполину, склоняетъ мрачную голову надъ веселою долиной, среди камней, разметанныхъ вокругъ него демономъ разрушенія.

Цѣпляясь за выдавшіеся камни, которые съ шумомъ внизъ катились за нами, мы взобрались на уступъ скалы, перевели духъ и вскарабкались на вершину. По развалившимся ступенямъ, сдѣланнымъ въ самыхъ стѣнахъ замка, мы лѣзли все выше и выше; наконецъ достигли самой высоты, взглянули внизъ, — и сердце замерло! Восторгъ и ужасъ оковалъ намъ языкъ. Какъ-будто съ неба увидѣли мы подъ собою горы, зеленую долину, въковой лѣсъ; Двину, которая, какъ голубая лента, небрежно вилась въ берегахъ, отражая лѣса и замокъ, и колыша черныя лодки, гдѣ едва видѣлись люди.

На этихъ-то величественныхъ, освященныхъ столѣтіями развалинахъ, рождается въ душѣ возвышенное чувство; здѣсь-то познаешь вполне всю ничтожность свою и вмѣстѣ высокое свое предназначеніе, и невольно, въ сердечномъ умиленіи, возносишься мыслію къ Міроздателю! .

Какіе живописные виды представляются отсюда взору! Каждое окно, каждая растреснувшаяся бойница служить рамою прелестному, очаровательному ландшафту. Мы бѣгали по замку, взбирались на стѣны, сходили въ подземелья, смотрѣли вездѣ и отовсюду, и едва ли что замѣтили какъ должно. Былъ уже второй часъ, и мы торопились къ обѣду. Какъ пріятно было послѣ такой усталости подкрѣпить себя рюмкою хорошаго доппельткюммеля! Объ апетитѣ и говорить нечего: услужливая нѣмецкая Геба лукаво посматривала на уносимыя пустыя блюда. Напившись кофе, мы пустились опять къ замку. Нельзя довольно насмотрѣться! Мы опять спустились со скалы, и пошли черезъ мостъ на крутизну. По лѣсенкѣ, изсѣченной въ крутой каменистой горѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ липъ, яворовъ, ясеней и каштановъ, мы взобрались на темныя скалы, противулежащей замку, и здѣсь, въ бесѣдкѣ, пока товарищи мои приготовляли чай, я наскоро набросалъ карандашемъ видъ развалинъ и окрестностей. Но гдѣ взять красокъ для этихъ лазурныхъ небесъ, этихъ облаковъ, разбросанныхъ по нимъ и покрытыхъ отблескомъ клонящагося къ западу солнца? Чья кисть заструитъ такъ живо вьющіяся волны Двины? Выразитъ ли она, дастъ ли понятіе объ этомъ сладостномъ шумѣ дробящагося о камни ручья? И какъ теперь живописно рисовался ярко-освѣщенный замокъ! Оттуда пошли мы вверхъ по рѣчкѣ, впадающей въ Двину, по берегу, усыпанному дикимъ камнемъ и булыжникомъ. Берега великолѣпны.

Дикія громады, отвѣсно и грозно повиснувшія надъ водами; кудрявые ясени и вѣковыя сосны, которыя гордо и мрачно поднимаясь на высотѣ, и, кажется, подпирая сводъ небесъ, готовы съ порывомъ бури низрпнуться въ бездну; мрачный, ярый потокъ, клубящійся съ шумомъ и грохотомъ, и въ пѣнь и брызгахъ разбивающійся о недвижныя, временемъ убыленные камни, сообщаютъ имъ богатство и прелесть самой поэтической картины въ Природѣ.

Послѣдній лучъ солнца блеснулъ на сводѣ, и сквозь густыя вѣтви деревъ, извивистой молніей прокатился по волнамъ. Мы бѣжали, а не шли. Любопытство влекло насъ впередъ, но взоры невольно останавливались на каждомъ предметѣ, какъ бы прикованные. Солнце закатилось. Еще мрачнѣе на-супясь, стояли угрюмыя сосны и ели; еще величественнѣе и грознѣе возвышались скалы. Стало совершенно темно, и мы, потерявъ тропу, брели на удачу. Чрезъ полчаса, утомленные, едва передвигая ноги, израненные о камни и сучья, мы, къ радости нашей, попали на дорогу. Поздно въ вечеру пришли мы на свой ночлегъ, гдѣ начинали объ насъ уже беспокоиться, узнавъ, что мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Причину безпокойства и случившееся тамъ, за два года предъ симъ, горестное происшествіе, а равно и кое что о самомъ замкѣ, рассказалъ намъ челоѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, съ нѣмецкой трубкой и съ большею нижнею губою. Мы застали его въ трактирѣ, разговаривающаго, за стаканомъ пива, съ хозяиномъ.

Развалины замка, котораго построенеіе относятъ къ XII столѣтію, являютъ слѣды минувшаго величія его владѣтелей. Теперь онѣ составляетъ почти треугольникъ: наружная его стѣна, обращенная къ Двинѣ, не болѣе сорока сажень въ длину; но, по остаткамъ зданій и грудамъ камней, разбросанныхъ тамъ и сямъ, и по рассказамъ старожиловъ, нельзя сомнѣваться въ

прежней его огромности. Въ 1207 году, въ то самое время, когда знаменитый Епископъ Альбрехтъ, получивъ отъ Германскаго Короля Оттона IV Лифляндію въ ленное владѣніе, старался всѣми мѣрами распространить и утвердить еще шаткую власть свою, — въ то самое время Русскій Князь Весцеко (Вѣчько?) владѣтель Куконоиса, или Кокенгаузена, тревожимый непрестанными набѣгами Литовцевъ, въ надеждѣ получить помощь противъ нихъ, оградилъ себя щитомъ Рижской Церкви, рѣшился признать надъ собою ея владычество, и уступилъ Епископу половину своего замка.

Въ томъ же году, 24 Декабря, многочисленная толпа Литовцевъ, гонимая местию за понесенное ими за три предъ тѣмъ года пораженіе, перебравшись чрезъ Гойву и Двину близъ Трейдена, и стала свирѣпствовать по всей окрестности. Епископскій голдовникъ Ленневардена, Данииль, бывъ въ личной враждѣ съ владѣтелемъ Кокенгаузена, и пользуясь этими безпорядками, съ толпою воиновъ своихъ устремился на замокъ, окружилъ и плѣнилъ самого Князя. Епископъ, счастливо поразивъ Литовцевъ при Ашераденѣ, и крайне огорченный новымъ обстоятельствомъ, не только повелѣлъ своему голдовнику освободить Князя изъ плѣна, но еще осыпалъ послѣдняго почестями и дарами. Онъ старался загладить поступокъ Даниила и примирить ихъ, далъ Князю двадцать воиновъ для охраны, а каменщиковъ и плотниковъ для укрѣпленія замка, былъ въ твердой увѣренности, что ему удалось совершенно искоренить вражду и гнѣвъ его, и спокойно предпринялъ путешествіе въ Германію. Иначе мысллъ Князь. Являя знаки дружелюбія Германцамъ, чтобъ удобнѣе обмануть ихъ, онъ втайнѣ готовилъ ищеніе. Едва Епископъ достигъ моря, Князь, почтавшій это время самымъ удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, вдругъ умертвилъ всѣхъ работни-

ковъ, трудившихся надъ укрѣпленіемъ его твердыни, и послалъ гонца къ Великому Князю Владиміру, прося его защиты и войска для отторженія Литвы отъ Германцевъ. Противъ всякаго чаянія Епископъ, выступивъ въ открытое море и долго сражаясь съ противными вѣтрами, былъ занесенъ обратно въ Динаминдъ. Еще во-время узналъ онъ о вѣроломствѣ Князя, и повелѣлъ не медля вооружиться всѣмъ Леттамъ, Ливамъ, Крестоносцамъ и Рыцарямъ Ордена. Самъ онъ повелѣлъ дружины свои въ поле. Князь Куконоиса ужаснулся. Отпустивъ воиновъ Селонскихъ и Литовцевъ, которыхъ содержалъ на жаловань, и собравъ все свое имущество, онъ поспѣшилъ оставить свое убѣжище. Въ то же время ужасное пламя объяло замокъ со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ эта грозная твердыня представила только груды камней и пепла. Вѣдьмо предсталъ предъ Великаго Князя Владиміра, и подъ его щитомъ искалъ себѣ спасенія. Область Кокенгузенская вполнѣ сдѣлалась собственностію Епископа, который въ 1208 году снова воздвигъ изъ пепла стѣны замка, и третью часть владѣнія уступилъ Ордену.

Въ теченіе двухъ сотъ семидесяти лѣтъ этотъ замокъ и область были или предметомъ, или позорищемъ непрерывныхъ раздоровъ и кровопролитій, переходя изъ рукъ въ руки, разрушаясь и снова возникающая изъ пепла.

Въ 1479 году Ландмейстеръ Бернардь фонъ Боргъ, чтобъ предупредить заключенный архіепископомъ Сильвестромъ противъ Ордена наступательный и оборонительный союзъ, казавшійся ему опаснымъ, устремился на замокъ Кокенгузенъ, плѣнилъ въ немъ самого архіепископа, объявилъ его обезумѣвшимъ отъ старости, и какъ возмутителя, заключилъ въ темницу, а любимаго, стараго его слугу велѣлъ колесовать и четвертовать. Стараясь отнять у Рижскихъ архіепископовъ самую возможность впредь основывать на-

чемъ-либо свои притязанія, онъ предалъ пламени весь архивъ замка, хранившій документы, вредные для Ордена. Друзья заключеннаго спѣшили къ Папѣ, но грозная булла не могла уже воскресить умершаго мѣсяцомъ прежде. Сильвестръ окончилъ жизнь въ темницѣ, какъ полагають отъ яда.

Въ 1484 году объ Кокенгузенѣ упоминается, уже какъ о городѣ.

Въ 1577 году, 21 Августа, тогда какъ Царь Іоаннъ Васильевичъ рушилъ стѣны Зесьнена, казнилъ и продавалъ его жителей, съвшихъ на смерть, Магнусъ также бралъ города, не силою, а увѣщаніемъ. «Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояніе?» писалъ онъ къ Ливонцамъ, — «покоритесь мнѣ, или увидите надъ собою мечъ и оковы въ рукахъ Москвитянъ!» Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоаниновой, и на условіяхъ, выгодныхъ для ихъ безопасности Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленневарденъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости, наконецъ Венденъ и Вольмаръ. Съ гордостію извѣстивъ Царя о своихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не беспокоили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему. Іоаннъ изумился Избравъ Магнуса орудіемъ своей политики, Царь не ослаблялся излишнею къ нему довѣренностію, помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственныи не есть надежное ручательство за усердіе властолюбиваго. Скрывая до того времени подозрѣніе, Іоаннъ вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ, устремился къ Кокенгузену, велѣлъ умертвить тамъ пятьдесятъ Нѣмцевъ Магнусовой дружины, и всѣхъ жителей продать въ неволю Татарамъ, а къ зятю написалъ: «Голдовнику нашему, Магнусу Королю! Я отпустилъ тебя изъ Пскова съ дозволеніемъ единственно занять Венденъ, а ты, слѣдуя внушеніямъ злыхъ людей или

собственной безразсудности, хочешь всего. Знай, что мы не далеко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю воиновъ и сухари, а болѣе мнѣ ничего не надобно. Или слушайся, или, если ты недоволенъ городомъ, мною тебѣ даннымъ, иди за море, въ свою землю. Могу отправить тебя и въ Казань, а Ливонію накажу и безъ твоего содѣйствія.» Пославъ воеводъ своихъ въ Ашерадень и въ Ленневардены, Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ: любя пренія богословскія, онъ тутъ мирно бесѣдовалъ съ главнымъ пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, и едва было не предалъ его казни за нескромныя похвалы Лютеру.

Въ 1582 году, по заключеніи мира съ Поляками при посредничествѣ Папы Григорія XIII, замокъ и вся Ливонія содѣлались ихъ достояніемъ. Скоро потомъ Карлъ, Принцъ Сюдерманландскій, вторгнулся въ эту землю. Никогда еще она не испытывала ужаснѣйшихъ жестокостей: людей, пригвожденныхъ къ доскамъ, кидали въ Двину; счастливымъ считалъ себя, кто могъ умереть скорой смертію. Князь Радзивиль приспѣлъ съ войскомъ на помощь несчастнымъ, и вырвалъ Кокенгузенъ изъ кровавыхъ рукъ Шведовъ. Но въ послѣдствіи они снова имъ овладѣли, и когда Карлъ Густавъ объявилъ войну Польшѣ и Іоанну Казимиру, Царь Московскій, пользуясь ихъ раздорами, съ многочисленными войсками вступилъ въ Шведскую Ливонію, и занялъ Кокенгузенъ. При Петрѣ Великомъ этотъ замокъ получилъ нынѣшній видъ разрушенія, и съ тѣхъ поръ болѣе не обитаемъ. Только одна комната, съ однимъ окномъ и небольшимъ балкономъ нѣсколько пощажена временемъ, и сюда — то приходятъ любопытные любоваться видами. Блаженной памяти Государь Александръ Павловичъ, проѣзжая Кокенгузенъ, пилъ въ ней чай. Теперь въ этихъ стѣнахъ все мрачно и глухо; лишь изрѣдка дерзновенные странники нарушаютъ тишину, заставляя

безмолвныя развалины вторить гулу шаговъ своихъ. Какъ отрадно на этихъ священныхъ останкахъ увидѣть имя знакома, друга, или милой дѣвушки, которая, съ любопытствомъ, неустрашимо взбиралась на ужасныя крутизны, и гдѣ-нибудь на стѣнѣ начертала свой вензель! Мы также тщательно выбили свои имена на выдавшемся камнѣ, у самой вершины стѣны, и радовались, какъ дѣти, не видя ни чьей надписи выше нашей.

На другой день, рано поутру, мы побѣжали съ новыми силами, съ новымъ любопытствомъ къ развалинамъ. Можно ли еще разъ не взглянуть на нихъ? Какая-то непостижимая сила влекла насъ. Теперь онѣ не совсѣмъ намъ чужды: судьба нашихъ именъ соединена съ ихъ судьбою. О, если бъ благосклонный рокъ сохранилъ ихъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эти громады не падутъ во прахъ! «Пойдемъ же,» кричали мнѣ товарищи снизу. Я очнулся отъ своихъ мечтаній, и бросился вслѣдъ за ними. Они были уже почти у самой подошвы горы. Чтобъ догнать ихъ, я избралъ самую крутую сторону. Удерживаясь за камни, сползалъ я внизъ, и едва хотѣлъ занести ногу далѣе, какъ оборвавшійся подъ ногою камень, не покатился съ горы, а вмигъ исчезъ. Въ ужасъ кричали мнѣ товарищи: «Стой, стой!» — и еще во время ухватился я за кусть шиповника. У самыхъ ногъ моихъ гора окапчивалась отвѣсною скалою: еще шагъ, — и я не имѣлъ бы удовольствія описывать этого неожиданнаго приключенія. Я поверотилъ влѣво, и по отлогости достигъ благополучно моихъ товарищей. Вскорѣ все было забыто, и мы очутились въ паркѣ. Что сказать о садѣ, цвѣтникахъ оранжерейхъ? Не знаю! Искусство здѣсь во всемъ далеко отстало отъ Природы. Только удивительныя грозды, впрочемъ еще не спѣлаго, винограда обратили на себя мое вниманіе.

Первое мѣсто, которое мы посѣтили, и едва ли не

лучшее, была бесѣдка надъ порогами. Представьте себѣ шалашъ изъ двухъ комнатъ съ балкономъ и съ навѣсомъ, примкнутый къ скалѣ и взгроможденный на сучкахъ ясеней. Подъ нимъ ужасная бездна, по которой крутится и пѣнится потокъ, дробясь о камни. Вправо и влѣво, какъ будто рамы ландшафта, отвѣсныя дикія скалы, увитыя фестонами хмелю и ежевики, и осыненные густою, разнообразною зеленью лѣса. Прямо вдали крутыя горы, деревушки, лѣса, у подошвы которыхъ вьется Двина; нѣсколько ближе, впадая въ нее, кипитъ потокъ, надъ которымъ живописно перегибается мостъ; надъ мостомъ влѣво торчитъ громада, и на ней величественныя развалины замка.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ увеселительныхъ домикахъ, стѣны усыяны надписями. Надобно отдать справедливость, что надписи, начертанныя прекраснымъ поломъ, всѣ хороши и вообще лучше мужскихъ. И какъ ни прискорбно, должно однако жъ сознаться, что самыя дурныя были русскія! По моему мнѣнію, надпись — *Изъ любопытства зашедши былъ Опочковской гражданинъ Алексѣй Болакиревъ* — лучше многихъ сотенъ надписей на томъ же языкѣ. Я представляю себѣ, я вижу этого дороднаго, бородатаго гражданина, взбирающагося на крутизну, засучивъ полы синяго кафтана: потъ лѣется съ него градомъ, борода замечаетъ пыль цѣлаго столѣтія, онъ лѣзетъ грудью, и наконецъ достигъ цѣли своего любопытства, — онъ сюда зашедши былъ, и, воля ваша, надпись имѣетъ свое достоинство; по крайней мѣрѣ ее можетъ читать всякой и всякая, некрасивая. Отсюда мы спустились къ китайскому домику, и потомъ къ порогамъ. Зрѣлище! Сжатая скалами, рѣка летитъ, какъ-бы съ намѣреніемъ разрушить эти громады; падаетъ съ уступа, клопочетъ, реветъ, пѣнится; она ударила въ посядѣмый гранитъ, и сама разбилась въ брызги, — и, пристыженная, безсиль-

ная бѣжить укрыться въ ропотной волнѣ, въ клубахъ кипящей пѣны. Нотри шага выше, поверхность ея гладка какъ зеркало: едва замѣтно быстрое ея теченіе по чистымъ, гладкимъ плитамъ, которыми Природа устлала ея ложе. Сюда-то, за два года пересѣ этимъ, въ прекраснѣйшій лѣтній день пришли тоимыя знось двѣ дѣвицы изъ фамиліи Г*** освѣжиться Двинскими струями: за непроницаемою завѣсою тѣнистыхъ деревь, скрывавшею ихъ отъ нескромныхъ взоровъ, онѣ сложили одежду на каменные скамьи, образованныя рукой Природы, и роскошно бросились въ объятія Наяды. Вотъ уже онѣ въ водѣ, и съ болзливымъ стыдомъ, робко озираются вокругъ: еще шагъ, другой, третій, — и онѣ уже на другомъ берегу. Ободренные успѣхомъ перваго подвига, онѣ хотять перейти назадъ, бредутъ, теряютъ прежнее направленіе, и неприятно скользятъ въ глубь. Напрасны ихъ усилія пристать къ берегу, или всплыть на верхъ; напрасны вопли ужаса и отчаянія. Бездна, изрытая паденіемъ потока, поглотила несчастныхъ. На ихъ крики прибѣгаютъ родственники и люди, съ шестами и веревками. Женихъ одной изъ нихъ, въ отчаяніи кидается въ пучину, чтобъ спасти свою любезную, но вода сомкнулась и надъ нимъ, и по-прежнему течетъ спокойна. Новый ужасъ, новые вопли! Уже считали и его погибшимъ: бросивъ однако жъ веревки, его поймали почти безъ чувствъ. Въ этомъ мѣстѣ дно потока образуетъ родъ пещеры и попавшій туда можетъ быть увѣреннымъ, что не выйдетъ живой. По-многимъ усиліямъ, наконецъ вытащили на берегъ бездушное тѣло дѣвушки, при свѣтѣ разложенныхъ костровъ: голова ея была пробита острыми камнями, лице обезображено. Тщетно старались отыскать другую. Я съ отвращеніемъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на обманчивую стихію: какъ тиха, кротка ея наружность!...

Ничего не скажу о множествѣ истинно восхитительныхъ видовъ и объ увеселительныхъ домикахъ, въ которые мы только забѣгали изъ любопытства. Мы перешли по китайскому мостику черезъ потокъ, и едва могли переводить духъ, взбираясь на крутизны вслѣдъ за маленькимъ чичероне, который прыгалъ передъ нами, какъ заяцъ. Наконецъ онъ привелъ насъ на самую вершину горы, къ павильону, окруженному кустарниками, цвѣтниками и кое-гдѣ купами древнихъ липъ и каштановъ. Намъ опять представилась Двина, которая, какъ-будто вытекая изъ скалы, на которой возвышался павильонъ, змѣится между горами, и являетъ длинную перспективу. Изъ другаго окна увидѣли мы въ полномъ величїи исполнскій замокъ, со всеми живописными его окрестностями. Въ глубокой дали, какъ бы увитыя вѣнками изъ васильковъ, виднѣлись горы покрытыя лѣсомъ: изъ нѣдръ ихъ вытекалъ потокъ чистѣйшаго золота, — то была та же Двина, освѣщенная солнцемъ. Отсюда мы пошли на другую сторону Двины, чтобъ осмотрѣть развалины то же древняго, какъ намъ сказывали, замка Альтоны. Мы прошли около шести верстъ въ самый нестерпимый зной, и, къ крайней досадѣ, вмѣсто ожидаемаго замка, открыли одну голую стѣну изъ дикаго камня, возвышающуюся въ видѣ подковы надъ ужаснымъ оврагомъ, изъ котораго добываютъ плиту. Высота этой стѣны около пяти сажень. Внутренность замка, или подковы, обращена къ Двинѣ, и вѣроятно, во времена оны служила загономъ скоту, для предохраненія его отъ Литовцевъ. Съ какою радостію воротились мы къ нашимъ развалинамъ, чтобы взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ!

II. МАНАСЕНГЪ.

II.

ПРОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

О ХОДѢ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ АНГЛІИ

СЪ НАЧАЛА XIX ВѢКА И ЕЯ ВЛІЯНІИ НА ДРУГІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

=

Въ бурные, разрушительные періоды, когда народы измѣняютъ видъ свой, когда устанавливаются правительства, когда нравы преобразовываются и цѣлыя націи погружены въ хаосъ, — Словесность не возможна. Литература временъ переворотовъ всегда неопредѣленна и слаба. Тогда крылья ея не свободно распускаются. Альціоны не могутъ парить надъ моремъ разъяреннымъ; для Литературы нужно, чтобы стихіи умирились, чтобы Природа умолкла, чтобы свѣтъ успокоился. Иначе, вокругъ нея слишкомъ много воспламененныхъ страстей, слишкомъ мало постоянныхъ правилъ, слишкомъ мало совѣсти, слишкомъ мало чувствованій истинныхъ и обдуманныхъ. Словесность, могущественное выраженіе національной идеи, проявленіе народнаго генія, не можетъ образоваться, пока самый этотъ геній еще не утвердился. Множество нерѣшительныхъ происшествій сталкиваются нынѣ въ Европѣ какъ волны во время бури; тысячи атомовъ, смѣшанныхъ, разсѣянныхъ, разбросанныхъ, стремятся къ сотворенію чего-то непонятнаго, но сотвореніе еще не совершилось: недостаетъ основанія. По-

смотрите, чѣмъ была Литература во Франціи во время Фронды, въ Англіи во время Вильгельма III и Длиннаго Парламента: чѣмъ — то мерцающимъ, неяснымъ, неопредѣленнымъ, манернымъ, ничтожнымъ; дрожащею тѣнью, бросаемою обществомъ колеблющимся и непрочнымъ. Истинная, хорошая, знаменитая Литература возможна въ наше время только въ тѣхъ странахъ, которыя не поражены духомъ безпокойства, и въ тѣни правительствъ твердыхъ, сильныхъ, монархическихъ.

Первыми огнями религіозной реформы зажжены въ Англіи не умы, но костры. Шекспиръ и Беккъ явились тогда уже, когда грозная Елисавета усмирила всѣ партіи, устрашила всѣхъ послѣдователей сектъ, наложила на всю Англію иго законовъ. Въ Франціи Рабеле писалъ тогда, когда монархическая власть была всѣми единогласно признаваема, а Лига, обширный католическій заговоръ; не породила ни одного великаго писателя. Во время Фронды также никого не было, и уже послѣ Фронды заблесталъ гений Корнеля. Какъ скоро монархическая власть Людовика XIV скрыла панцырь феодализма подъ огромнымъ покровомъ величественныхъ церемоній, славы и пышнаго этикета, тотчасъ предстала толпа людей съ дарованіями и гениевъ, которые возсіяли въ одно время всѣмъ свѣтъ. Потомъ литературная почва отдыхала въ пару до послѣдней четверти осмнадцатаго столѣтія: то была эпоха совершенно спокойная, но предшествовавшая временамъ бурнымъ; она произвела Дидеро, Вольтера, Монтескье, которые являлись, мрачные и безпокойные, какъ птицы, предвозвѣстницы бури. Умъ человѣческій, волнуемый грозными предчувствіями или событіями, никогда не имѣетъ той лазурной и свѣтлой ясности, которой удивляемся мы въ немъ въ дни совершеннаго спокойствія.

Мильтоновъ «Потерянный Рай» принадлежитъ ко временамъ возстановленія Стюартовъ; Драйденъ тоже.

Въ царствованіе Карла II кой-гдѣ являются блески таланта, которые скоро заглушены мрачными волненіями, терзавшими царствованіе Іакова II. Пока еще подлежало сомнѣнію, будетъ ли царствовать Вильгельмъ III, побѣдитъ ли католицизмъ или останется побѣжденнымъ, пасквили владычествовали надъ Исторіею, Поэзія была заглушаема пѣснями, Романъ подавляемъ Журналами. Наконецъ Королева Анна возсѣла на тронъ спокойномъ, порядокъ возстановился, общественный кредитъ пріобрѣлъ довѣренность, и тогда Попъ и его соперники составили фалангу, которую современники слишкомъ прославили при ихъ жизни. За нею послѣдовала другая, болѣе сильная, потому что общественный духъ укрѣпился, потому что новая революція сдѣлалась невозможною, и Стюарты лишились всей надежды. Мысль, не страшась болѣе стука оружія и гула войнъ междоусобныхъ, развилась сильно и свободно. Явился Юніусъ, явился Боркъ, и съ ними Гольдсмить, Экенсайдъ и нѣкоторые другіе. Эти люди шествовали по границѣ между осьмнадцатымъ и девятнадцатымъ столѣтіями. Вотъ Коуперъ, ихъ современникъ, предугадывающій уже по инстинкту зловѣщему перемѣны, готовящійся въ Европѣ. Вотъ Краббъ, моложе ихъ и долженствовавшій жить вѣ посреди новаго поколѣнія. Всѣ они владычествуютъ краснорѣчіемъ сильнѣйшимъ, мужественнѣйшимъ, болѣе сжатымъ, чѣмъ ихъ предшественники. Въ нихъ сохранилась еще отчасти твердость Пуритановъ. Изученіе классиковъ, снова вошедшее въ честь въ царствованіе Анны, приблизило ихъ къ образцамъ. Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка Англійская Литература уже прекрасна: она уже возвыщаетъ удивительную эру, которая должна за ней послѣдовать.

Только умы ограниченные могутъ стараться разединить то, что соединилъ самъ Богъ, отдѣлять эпоху отъ эпохи и желать представить въ тѣсной рамѣ от-

рывокъ ложный и незанимательный, состоянія идей литературныхъ. Тутъ все связано, все одно за другое держится; всякой вѣкъ есть отецъ вѣка за нимъ слѣдующаго; всякой умъ порожденъ умомъ, ему предшествовавшимъ. Юніусъ, Коуперъ, Боркъ, свѣтила умирающаго осьмнадцатаго вѣка, произвели на наше время вліяніе слишкомъ сильное, чтобы намъ позволительно было умолчать объ нихъ.

Въ царствованіе Карла II и Іакова II, духъ народной независимости мужественно противоборствовалъ злымъ началамъ безпокойствъ и гоненій. Въ царствованіе Вильгельма III и Королевы Анны борьба возобновилась, но не въ прежнемъ ея смыслѣ, а уже въ смыслѣ домашнихъ пользъ государства: она имѣла своихъ ораторовъ, иногда искусныхъ, многорѣчивыхъ, имѣла полемическихъ писателей, часто замѣчательныхъ по тонкости діалектики и яркой смѣлости рѣчи; но собственно Искусства въ этихъ опытахъ еще не было. Юніусъ, авторъ неизвѣстный, котораго слава была увеличена таинственностью, сосредоточилъ въ себѣ весь полемическій талантъ, являвшійся въ Англіи со времени вступленія на престолъ Вильгельма. У него истинно Англійская проза; у него какая-то иронія ужасная, насыщенная ядомъ, холодная и глухая; въ ней болѣе смысла и глубокости, нежели пылкости. Никогда еще ни одинъ писатель не простиралъ далѣе искусства сообщать другимъ презрѣніе, имъ чувствуемое. Если позволено не раздѣлять мнѣнія большей части тѣхъ, которые давно говорили о Юніусѣ, мы смѣло скажемъ, что удивительное совершенство таланта этого писателя не должно закрывать его недостатковъ. Слишкомъ часто видны у него просто оскорбительныя личности, которыя онъ излагаетъ краснорѣчиво, и дѣлаетъ еще ужаснѣйшими своею неумолимою холодностію и тонкостію. Намъ бы хотѣлось, чтобы этотъ талантъ, чтобы это удивительное искусство не такъ

часто унижались до позорной брани : Юніусъ безжалостенъ. Удары его опаснѣе укушенія нѣкоторыхъ животныхъ, которыхъ жало оледеняетъ кровь чловека. Это нѣчто столь сильное и между-тѣмъ столь скрытное; это сарказмъ столь строгій, такъ мало украшенный и такой мѣткій, что ни какая философія не въ состояніи защитить васъ отъ подобнаго нападенія.

Въ отношеніи къ Искусству, Юніусъ образецъ, который можно противопоставить древнимъ писателямъ. Мстительная Немезида сообщаетъ ему вдохновенія; онъ всегда владѣетъ собою, умѣряетъ умъ свой, удерживаетъ порывы своего генія, повелѣваетъ своею фразою какъ всадникъ конемъ, имъ обузданнымъ; твердый въ діалектикѣ, всегда простой и могущественный въ вымыслѣ, естественный и даже иногда наивный въ выборѣ словъ Юніусъ,—писатель неподражаемый.

Рядомъ съ нимъ становится Боркъ. Что такое Боркъ? Самое живое проявленіе Англійскаго краснорѣчія, со всею его несправедливостію, суровостію, строгостію, съ его образами простонародными или заимствованными отъ Искусствъ и Природы, съ его жаркою полемикою и личностями. Этотъ родъ краснорѣчія былъ приготовленъ Чатамомъ и Польшею; но авторъ «Опыта объ Изящномъ» довелъ его до высочайшей степени развитія. Вокругъ Борка столпились таланты второстепенные, — Шериданъ, Граттанъ, Курранъ, Ирландцы какъ и Боркъ, болѣе его дерзкіе и неослабленные его очищеннымъ вкусомъ.

Гольдсмитъ заслуживаетъ вниманіе какъ поэтъ и какъ прозаикъ. Умственное волненіе, предвозвѣщавшее Французскую революцію, не могло сломить желѣзныхъ мачтъ Англійскаго общества; но это волненіе потрясло умы, оно пробралось въ общество. Въ Литера-

туръ проявлялось вліяніе Руссо, который восхищался скалами и приходилъ въ восторгъ при видѣ цвѣтка: обожаніе Природы снова входило въ моду; поэтическія маншеты Попе старѣлись. Томсонъ, несмотря на тяжесть своей кисти, вздумалъ прославлять «Время на Года». Ему недоставало простоты, но у него былъ взглядъ живописца. Послѣ него явился Гольдсмитъ, который былъ пайвнѣе наивенъ, то есть простъ; не стараясь быть простымъ: онъ, какъ Лафонтенъ, почиталъ себя только писателемъ чистымъ и моднымъ поэтомъ. Подивитесь родословной умовъ и талантовъ, нечувствительному шествію идей! Люди съ дарованіемъ, такъ сказать, становятся отцами одни другихъ. Умы точно какъ-будто-бы другъ друга порождаютъ, и этимъ духовнымъ рожденіемъ передаютъ одинъ другому различные оттѣнки, которые по-времени ослабѣваютъ или усиливаются. Природа, которую Поппъ совершенно потерялъ изъ виду, является снова въ Экепсайдѣ, Коллинсѣ и Греѣ; величественно, но безъ вкуса, развивается въ Томсонѣ; становится наивною у Гольдсмита. Поэзія измѣняетъ свою форму и возрождается, не быстрымъ потрясеніемъ, но медленно и тихо. Она мало-по-малу сбрасываетъ съ себя искусственныя пелены; у Попа она смѣется надъ гостинными, является критическою и догматическою; у Гольдсмита изображаетъ покинутую деревню и путника передъ лицомъ Природы. Между этими двумя мыслями, между этими двумя родами слога, цѣлая бездна; но эта бездна наполняется, такъ сказать, переходными писателями, о которыхъ мы уже говорили и которые проложили дорогу Поэзіи естественной: одинъ своею «Элегіею на сельскомъ кладбищѣ», другой «Одою о страстяхъ» и нѣсколькими исполненными чувства Эклогами.

Рама Гольдсмита тѣсна; этотъ человѣкъ, совершенно инстинктивный, предавался своему влеченію, не пони-

мая его. Онъ почиталъ себя только острословомъ, и не зналъ, что онъ геній. Въ его стихотвореніяхъ удивлялись не чувствительности, не трогательности, которыми они отличаются, а чистотъ версификаціи, всегда ровной, твердой и свѣтлой. Поэтическимъ наслѣдникомъ Гольдсмита былъ человѣкъ болѣе скромный, робкій, болѣе странный, боявшійся свѣта, котораго пороки онъ ненавидѣлъ, котораго удовольствій не могъ онъ раздѣлять; поэтъ-одинокій, жившій въ сельскомъ уединеніи, необходимомъ для него по слабому здоровью и мрачному характеру. Коуперъ, — то былъ онъ, — имѣлъ много общаго съ Руссо: та же болѣзненная чувствительность, то же тайное внутреннее страданіе: та же любовь къ лѣсамъ, лугамъ, долинамъ и уединенію; привычка къ глубокой и неясной мечтательности; боязнь людей и презрѣніе къ обществу. Воспитанный въ религіозныхъ идеяхъ, онъ съ раннихъ лѣтъ напился самыми строгими правилами анабаптизма. Чистота нравовъ, уваженіе къ родственнымъ связямъ, простота жизни, были для него драгоценны. Бури страстей, порывы честолюбія, столкновеніе человѣческихъ несправедливостей, его возмущали: онъ, самъ того не зная, былъ религіознымъ, почти фанатическимъ революціонеромъ. Руссо кипѣлъ бышеною яростію противъ разрушающагося общественнаго порядка, и въ то же время Коуперъ, изъ глубины своего уединенія, извергалъ тѣ же проклятія и также предсказывалъ страшное обществотрясеніе. У него тоже свои системы, свое ученіе, свои преувеличенія, свои порывы, свои мизантропическія выходки и нападки на тщеславіе и педантизмъ, на роскошь и вѣтренность гостиныхъ. Подобно Руссо, онъ убѣгаетъ знатныхъ; подобно ему онъ, то великолѣпными, то нѣжными словами, описываетъ восхожденіе солнца, роши и водопады. Вдохновеніе Гольдсмита было еще только пасторальнымъ и чувствительнымъ; вдохнове-

ніе Коупера уже философическое и религіозное. Коуперъ, который собралъ въ себѣ всѣ впечатлѣнія своего времени и родился на окраинѣ умирающаго осьмнадцатаго вѣка, убилъ однимъ ударомъ искусственную поэзію Попа, уничтожилъ Сатиру и дидактическую Поэму, и, ударивъ по скалѣ волшебнымъ жезломъ, извлекъ изъ нѣдръ общества новыи источникъ поэзіи и вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Музу, которая должна была председательствовать въ XIX столѣтіи, внушать Байрона, баюкать Вордсворта и приготовить Ламартина. Здѣсь начинается эпоха великой эмиграціи ума человеческого. До тѣхъ поръ Франція, ея Литература, ея образцы владычествовали во всей Европѣ; но съ того времени геній Словесности избралъ мѣстопробываніемъ своимъ Англію, и оттуда разсыпалъ онъ на свѣтъ образцы и вдохновеніе. Великобританія сдѣлалась предводительницею литературнаго разума, а Франція, низведенная злоупотребленіемъ нелѣпыхъ уставовъ и положеній о обязанностяхъ воображенія, съ высокой степени, которую занимала она нѣкогда, сошла до званія толмача Англійской Литературы предъ Литературами другихъ Европейскихъ народовъ. Стихотворенія Коупера, на которыя критика съ жаромъ нападала, — многорѣчивыя, исполненныя здраваго смысла, сумасбродства и генія, — разбили Попову старинную форму двустипшія, и были предвѣстниками поэтической зари, на которую обратились всѣ взоры. Во Франціи не было ни одного писателя, который бы не воспѣвалъ, подъ вдохновеніемъ Руссо, рощей и кустарниковъ. Въ Англіи этотъ сигналъ поданъ Коуперомъ, но совсѣмъ въ другой формѣ и съ другимъ образомъ воззрѣнія на вещи. Мы увидимъ далѣе, какіе слѣды оставили на поприщѣ блестящія колесницы умовъ, отъ Коупера до смерти Байрона. Оставимъ на время Поэзію, и посмотримъ, какова была въ отходящемъ осьмнадцатомъ вѣкѣ Проза, ея фило-

софическое направленіе и вліяніе ея на послѣдующее время.

Юніусъ представилъ первообразъ Англійскаго слога въ полемикѣ, а Боркъ образецъ сѣвернаго краснорѣчія, со сжатымъ разсужденіемъ, съ ея выпуклыми фигурами. Страна, близкая къ Англіи, приставшая къ ней, но не славившаяся съ нею, умалилась въ могущество и уступила вліянію сестры своей. Шотландія, почти вся протестантская и строго протестантская, несмотря на геній сыновъ своихъ и ихъ неутомимую смѣлливость, не могла добиться первой степени въ торговлѣ, войнѣ и знаменитости. Ей оставалась Наука, и она принялась за нее: Наука, приправленная скептическимъ духомъ кальвинизма, породила цѣлую школу историковъ и философовъ. Робертсонъ и Юмъ создали образцы историческаго анализа, ясности и порядка въ распредѣленіи предметовъ, искусства въ ихъ изложеніи и сцѣпленіи, тонкости въ выводахъ. Но у нихъ не доставало душевной теплоты, любви къ человѣчеству, драматическаго движенія, красокъ и чувства. Дыханіе мелочной и скептической критики охолодило ихъ творенія: это превосходныя судебныя рѣчи, мощныя сокращенія, но не живыя картины. Эти люди, къ ихъ счастью, не вѣшивались въ борьбу за такъ называемыя народныя и вещественныя выгоды, породившую нынѣшній либеральный шарлатанизмъ. Но они были профессора, смотрѣли на свѣтъ сквозь тусклые стекла готическихъ оконъ своего Университета съ надменнымъ видомъ нравственныхъ философовъ. Они были критики и взвѣшивали на весахъ своихъ историческія событія, и разсуждали объ нихъ, какъ разсуждаютъ о вариантахъ какой-нибудь Греческой рукописи. Они, безъ-сомнѣнія, были умы великіе, — но какъ они блѣднѣютъ, когда сравниваешь ихъ съ Фукидидомъ или Тацитомъ! Читая прекрасныя драмы въ прозѣ этихъ древнихъ пи-

сателей, вы видите, что всё дѣйствующія ихъ лица явно выказываются, а вся философія ихъ прячется: читайте же потомъ Юма и Робертсона, и вы безпрестанно будете видѣть философа-толкователя, который разсматриваетъ, разсуждаетъ, разбираетъ и объясняетъ вамъ и людей и событія. Робертсонъ пишетъ перомъ не столь острымъ, не столь свѣтскимъ; но онъ добросовѣстенъ. Юмъ писатель счастливый, легкій, пріятный; но адвокатъ пристрастный, который умалчиваетъ о томъ, о чемъ долженъ бы говорить, утверждаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы доказывать, и прибѣгаетъ ко всѣмъ уловкамъ законискусника.

По нашему мнѣнію, современникъ ихъ Гиббонъ выше ихъ обоихъ, хотя и подвергается многимъ важнымъ упрекамъ. Въ землѣ Критики, онъ былъ краснорѣчивъ, живописецъ въ землѣ анализа: потому его упрекали въ надутости, въ злоупотребленіи учености и въ изысканности слога. По нашему мнѣнію, онъ заслуживаетъ только одинъ упрекъ, — въ томъ, что покорился закону своего времени не по Англійской модѣ: онъ не прожималъ сквозь сито педантской диссертации все, что есть въ Исторіи живаго, но уступилъ вліянію Французскихъ философовъ, и заразился ихъ пламенною и глупою ненавистью къ Христіанству. Это величайшее пятно въ его книгѣ, въ которой между тѣмъ такъ много картинъ величественныхъ и поразительныхъ, и которая опирается на такой глубокой учености. Памятникъ воздвигнутый Гиббономъ, лѣтами укрѣпляется. Творенія Робертсона и Юма уже слабѣютъ: Исторія Гиббона, переведенная на всѣ Европейскіе языки, сдѣлалась классическою. Къ несчастію, пагубный духъ Французскихъ энциклопедистовъ искажилъ всѣ сужденія Гиббона о Христіанской религіи, которой безумецъ можетъ не признавать, но которой философъ не въ правѣ не удивляться, если бъ даже

нѣмъ несчастіе ей не вѣровать. Какъ бы то ни было, но изъ числа историковъ, порожденныхъ Великобританіею, Гиббонъ остался, и, конечно, навсегда останется самымъ полнымъ, самымъ яснымъ и самымъ глубокомысленнымъ.

Былъ тогда въ Англіи челоѣкъ, передъ которымъ всѣ умы преклонялись: хорошій лексикографъ, разсудительный критикъ, весьма знающій въ древнихъ языкахъ, но не одаренный ни легкостію, ни свободнымъ измѣненіемъ мысли. Всѣ фразы его были четвероугольныя, всѣ мысли математическія: его звали Самуиломъ Джонсономъ. Слогъ его есть послѣдній результатъ слога Англо-Латинскаго, удаляющагося отъ формъ Саксонскихъ, и заимствующаго у Римлянъ ихъ синтаксисъ, ихъ фразеологію и ихъ обороты. Каждый изъ періодовъ Джонсона слѣпенъ по образцу Латинскому. Умъ у него здравый, но обыкновенный; въ образахъ не достаетъ новости; онъ не увлекаетъ читателя: слогъ у него массивный, которому надобно было бы придать души, движенія, увлекательности. Вы никогда не найдете у него яркихъ чертъ, блестящихъ мыслей, которыя у Монтескье разливаютъ иногда свѣтъ и на Исторію, и на Философію: въ его фразѣ вы всегда увидите два паралельные глагола, два тщательно уравнированныя существительныя, два одно другому соответствующія прилагательныя и два созвучныя причастія. Джонсонъ былъ знакомъ съ ничтою и физическимъ злополучіемъ; но онъ не зналъ страданія душевнаго, неистощимаго источника таланта. Онъ хорошо схватывалъ оттѣнки ума, но не постигалъ оттѣнковъ сердца. Вы, Данте, Камюэнсъ, Байронъ, — вы знаете, что сокровища мысли оплодотворяются только тогда, когда ихъ освѣщаютъ и согревають налиціе лучи души! Этимъ объясняется уподокъ знаменитаго автора Расселаса: объ немъ еще ино-

гда говорить, но его уже не читаютъ. Послѣ него явились критики живѣе, болѣе причастные страстямъ челоуѣчества, не столь строго заключающіеся въ границахъ холоднаго и часто неполнаго сужденія, и они побѣдили Джонсона своимъ одушевленнымъ слогомъ.

Джонсону обязана нѣкоторымъ успѣхомъ одна только Филологія, — Наука словъ. Съ другой стороны Горнъ Тукъ, политикъ, въ своихъ «Пурлейскихъ Забавахъ» подвергалъ нѣкотораго рода физическому разложенію стихій языка Англо — Саксоно — Нормандскаго, которыми и нынѣ говорятъ въ Великобританіи. Эти два челоуѣка открыли и доселѣ еще не совсѣмъ изслѣдованную жилу Англійской Филологіи. Другіе Ученые, увлекаясь пристрастіемъ къ подробностямъ и историческому анализу, восходили къ источникамъ древнихъ преданій, собирали Баллады, объясняли старинныя Комедіи, и являли въ этомъ трудѣ отличный характеръ своего вѣка, — духъ скептической критики.

Между-тѣмъ Антикварій Перси, ученый Тирвайтъ, грамматикъ Стивенсъ и нѣкоторые другіе, производили разысканія въ древней Англійской Поэзіи, въ отрывкахъ старинныхъ Балладъ, въ нравахъ и обычаяхъ временъ отдаленныхъ, и такимъ образомъ разчищали почву, на которой долженствовало воздвигнуться зданіе Вальтеръ-Скотта. Антикварій Струттъ пошелъ еще далѣе своихъ современниковъ: въ головѣ его, въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, зародилась первая идея Шотландскихъ Романовъ, идея тождественная съ тою, которая произвела Анахарсиса Аббата Бартеми. Queen-Hoo-Hall, Романъ Струтта, къ несчастію, не одушевленъ жизнію и наблюдательностію, необходимыми въ твореніяхъ этого рода. Это коллекція древнихъ мумій и старинныхъ латъ, заржавлен-

наго оружія и готическихъ утварей; но человека посреди всего этого не видно.

Мы уже приходимъ къ литературному вѣку, ближайшему къ тому, въ которомъ живемъ сами.

Мы уже видѣли, какъ религіозное вдохновеніе Коупера приуготовило возрожденіе Поэзіи. Одинъ Шотландскій крестьянинъ не менѣе его содѣйствовалъ этому безыскусственными порывами души нѣжной и сильной. Борнсъ довольствовался тѣмъ, что предавался древнему вдохновенію Шотландскихъ поселянъ, столь обильному сельскими стихотвореніями, благоуханными какъ цвѣты долинъ ихъ. У него болѣе, чѣмъ у тѣхъ, силы и быстроты чувствованія. Мысль его обширнѣе, пламень жарче. Кровавая и пагубная борьба, готовящаяся между новыми идеями и старымъ порядкомъ вещей, вопреки ему самому, занимаетъ его и волнуетъ. Въ груди его бушуетъ та же мрачная буря, которая пожирала Жанъ-Жака. И мудрено ли?... когда Французская философія уже выступала въ поле, — ученіе бездушное и безчеловѣчное, — полчище новыхъ Гунновъ, съ мечемъ въ рукахъ ниспровергающее установленія, подъ благотѣльнымъ вліяніемъ которыхъ миръ жилъ, состарѣлся и покрылся славою, Англія, утвержденная на прочныхъ основаніяхъ политическихъ, еще не страшилась за свою безопасность; но нравственная горячка, безумное пристрастіе къ новизнѣ, уже распространялись по всему свѣту; они парили надъ знаменитыми головами скептика Юма, врага Христіанской религіи Гиббона, философа Франклина, энтузіаста Коупера, Жанъ-Жака, предводителя секты безъ нравственности и безъ правилъ, Цесаря Іосифа II, министра Тюрго, законовѣдца Беккаріи и селянина Борнса. Тотъ, кто захотѣлъ бы писать исторію Литературы безъ исторій имперій, или исторію имперій безъ исторій идей, не произведетъ ничего одушевленнаго, полез-

наго и плодотворнаго : этотъ жалкій трудъ произвелъ бы только безплодное собраніе численныхъ указаній, и сужденій безъ занимательности для настоящаго, безъ пользы для будущаго. Выгоды человечеству требуютъ, чтобы ему показывали, какимъ образомъ идеи затмѣваются и производятъ бури, которыя стоять ему такъ много и служатъ только къ тому, чтобъ, послѣ усмиренья выюги, убѣдить насъ въ удивительной слабости людской головы, въ безконечной ея способности заблуждаться и принимать заблужденія въ пользу. Исторія заключается именно въ этихъ умственныхъ переломахъ, а не въ матеріальныхъ событіяхъ, которыя суть не что иное, какъ ихъ результаты.

Борнсъ въ своихъ простыхъ и возвышенныхъ Одахъ, Коуперъ въ своихъ простодушныхъ и восторженныхъ стихотвореніяхъ, открыли перспективу, сквозь которую является лазурь неба, зелень дерна, далекое море, хижина въ долину и посреди рощей деревенская колокольня. Всѣ взоры, всѣ души сладострастно погружены въ созерцаніе Природы. Одинъ бѣдный священникъ, пріѣхавшій въ Лондонъ поискать счастья, и проведшій всю молодость въ деревнѣ, вздумалъ облечь Поэзіею свои сельскія воспоминанія. Онъ видитъ ихъ не сквозь призму страсти, какъ Борнсъ, не въ полусвѣтѣ религіознаго вдохновенія Коупера, но безъ всякаго оттѣнка идеализма, въ ихъ суровой существенности, въ ихъ жесткой и прискорбной наготѣ. Эта почти сатирическая строгость согласовалась съ пагубною наклонностію въка къ вольнодумству. То была страсть выказывать лохмотья нищеты, потъ текущій съ лица бѣднаго, порокъ и злополучіе, давящіе въ своихъ холодныхъ объятіяхъ низшіе классы общества, — и все это дѣлалось для того, чтобы обвинить въ этомъ высшіе классы, чтобы, пользуясь слушаемъ, осыпая ругательствами богатыхъ и знат-

ныхъ, какъ - будто можно выдумать общество, въ которомъ бы не было съ одной стороны нищеты, съ другой богатства! Но надобно было, во что бы то ни стало, возбудить ненависть противъ людей достаточныхъ, и Краббъ взялся за это дѣло. Безъ краснорѣчія, безъ велерѣчивости, онъ вооружился однимъ ѣдкимъ озлобленіемъ. Онъ вонзилъ хирургическій ножъ свой въ эту огромную рану, и посредствомъ одной истины изображенія часто достигалъ патетическаго. Бѣдные, нищіе, воры, цыганы, рыбаки, контрабандисты, провинціальныя мѣщане, разношники, мелкіе торгаши, мызники, школьные учителя, толпились въ его картинахъ, въ которыхъ обработка и чрезвычайная вѣрность подробностей напоминаютъ произведенія лучшихъ живописцевъ Фламандской школы. Душею онъ былъ добръ, но умомъ неумолимъ; онъ не пугался ни какихъ изображеній. Сцена гадкая, отвратительная никогда его не утешала. Онъ выставилъ всѣ общественныя язвы въ странныхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыя наполняютъ шесть томовъ, и которыхъ потомство никогда не забудетъ. Въ нравственности это значило идти назадъ; но въ литературной школѣ какой неизмѣримый шагъ со временъ владычества Попа! Здѣсь основаніе новой Словесности такъ смѣшно называемой на твердой землѣ Юпою!

Тогда разразилась Французская революція. Она одна уже можетъ объяснить Крабба. Но посмотримъ, какъ распространяется во всѣ стороны умственное волненіе. Боркъ, краснорѣчивый Боркъ, всталъ какъ атлетъ, чтобы одной рукою поддержать обрушающееся зданіе. Онъ издалъ свои превосходныя «Разсужденія о Французской революціи», великолѣпное Слово въ защиту монархическаго правленія противъ безумнаго Французскаго демократизма. Но движеніе, которому онъ противился, уже нашло несчастныхъ защитни-

ковъ. Первые изъ соперниковъ Борка суть Годвинъ и Мекинтошъ: тотъ челоѣкъ геніальный, другой, челоѣкъ съ большими дарованіями, — оба стѣять, чтобы поговорить о нихъ подробнѣе.

Годвинъ есть геній переворотовъ, обработанный философически: не бышennyй, не френетическій, не нелѣпый, но обдуманнй для умовъ поверхностныхъ, глубокій для фанатиковъ, и неумолимый. Годвинъ старается о паденіи общества осмнадцатаго столѣтія. Во всѣхъ его твореніяхъ слышенъ вопль нищеты и злополучія: это сѣверный Жанъ-Жакъ, болѣе логическій, чѣмъ Жанъ-Жакъ Женевскій, челоѣкъ съ умомъ могущественнымъ и терпѣливымъ, романистъ, историкъ, философъ, законовѣдецъ, ораторъ, холодный и разсудительный зажигатель; онъ занимаетъ въ отношеніи къ Сатирѣ первое мѣсто между писателями раждающагося девятнадцатаго вѣка, и служить символомъ и предтечею новой школы, какъ Боркъ — первообразъ школы, клонящейся къ упадку и умирающей. Слогъ Годвина столь же силенъ и могущественъ, какъ слогъ Джонсона, но живѣе его. Велерѣчіе Джонсоново кажется огромною покоящеюся массою; краснорѣчіе Годвина падающею лавиною. Можетъ-быть, ни у одного писателя нѣтъ такъ мало эпитетовъ и такихъ короткихъ фразъ. Его пагубное вдохновеніе, достойное сожалѣнія, не покажется удивительнымъ, если вспомнимъ, что онъ писалъ посреди пожара, обхватившаго все Европейское зданіе, посреди яростныхъ криковъ, въ двухъ шагахъ отъ эшафота Лудовика XVI и Роберспьера, въ виду материка, разрушаемаго Бонапартомъ: «Калебъ Вилласъ», «Мандевиль» и другія удивительныя произведенія Годвина, являются какъ грозные призраки посреди толпъ правыхъ, разгромленныхъ, раздавленныхъ и исходящихъ кровію. Годвинъ геній могущественный.

ужасный какъ Юніусъ, краснорѣчивый какъ Боркъ, онъ вездѣ оставилъ слѣды своей силы, въ Исторіи и Біографіи, въ Романѣ и въ полемикѣ. Зачѣмъ не употребилъ онъ всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ даровъ на утѣшеніе человечества, на упроченіе между людьми мира и согласія!

Въ своемъ трактатѣ «О политическомъ правосудіи» онъ самымъ несправедливымъ образомъ нападаетъ на Англійскую аристократію. Другой писатель, тогда еще молодой, вздумалъ оправдывать Французскую революцію, опираясь на ученость и Исторію: Мекинтошъ, гений болѣе цвѣтистый, нежели могущественный, подавалъ большія надежды при вступленіи своемъ на поприще, и провелъ всю жизнь посреди славы, которую онъ, такъ сказать, занималъ подъ вексель, и за которую никогда не заплатилъ твореніями достойными знаменитости своего автора. Его отрывки изъ Англійской Исторіи не заслуживаютъ вниманія; лучшія изъ его сочиненій суть нѣсколько парламентскихъ рѣчей, въ которыхъ нѣтъ ораторскихъ движеній, но много тонкихъ выводовъ, нѣжныхъ оттѣнковъ, счастливыхъ образовъ и кстати выставленной учености; наконецъ многіе журнальныя статьи. Жизнь его протекла въ трудахъ судьи, законовѣдца, ученаго, оратора и журналиста. Кажется, что для всѣхъ этихъ работъ не достанетъ мѣста въ человѣческомъ существованіи. Пребываніе въ Индіи, довольно неудачныя парламентскія попытки и сотрудничество въ *Edinburg Review* отняли у него большую часть времени и мыслей, которыя бы могъ онъ употребить на произведеніе творенія, достойнаго его высокой и преждевременной знаменитости.

Между-тѣмъ въ Шотландіи жилъ одинъ безвѣстный секретарь Суда, который былъ воспитанъ въ древ-

немъ замкъ и , подобно Веверлею въ Романъ, перелистывалъ всѣ старинныя книги, развертывалъ всѣ полусогнившіе пергамены, списывалъ всѣ поэтическіе отрывки, хранившіеся въ его библіотекъ. Какъ скоро этотъ молодой подьячій немножко удосузился, онъ пошелъ антикваріи, принялся собирать и очищать старыя Баллады; потомъ почувствовалъ, что и въ немъ рождается поэтическій геній, и сталъ писать рыцарскія Поэмы въ родъ старинныхъ стихотворцевъ; увидѣвъ наконецъ, что для этихъ воспоминаній и подробностей нужна проза, ея простая, ясная, легкая выразительность, онъ началъ издавать Романы о томъ же предметъ, и умеръ покрытый славою. То былъ Вальтеръ-Скоттъ.

Въ числѣ причинъ, дѣйствовавшихъ на мысль его, первое мѣсто занимаетъ изученіе древностей: во время его молодости оно было въ большой модѣ. Геній Борнса обратилъ взоры всей Англійской публики на Шотландію и ея сельскіе нравы. Краббъ и Коуперъ приучили читателей къ изображенію лицъ деревенскихъ, людей низкаго происхожденія, грязной нищеты и отвратительныхъ привычекъ нищихъ. Всѣ эти характеры древности, Шотландская народность, сельскія картины, отвратительное, ужасное, величественное въ явленіяхъ горной природы, страшное въ явленіяхъ человѣческаго быта, — все это видно и въ Романахъ Вальтера Скотта. Но ему собственно принадлежать его наблюдательность, его филантропія, его познаніе тайныхъ пружинъ, движущихъ людьми, и его описательный даръ. Въ многочисленныхъ его произведеніяхъ соединеніе всѣхъ этихъ качествъ составляетъ нѣчто удивительное: вы непрерывно находите у него прелестныя картины, древніе нравы, чрезвычайно вѣрныя изображенія сельской природы, фигуры поселянъ и солдатъ, столь же прекрасныя,

столя же хорошо освѣщенные, какъ головы Рембрандта, — и наряду съ этимъ, отвратительныя подробности пытки, рѣзни и казней. Философъ осьмнадцатаго вѣка имѣла весьма слабое вліяніе на талантъ Вальтеръ-Скотта. Скептическая Философія произвела въ немъ не ненависть, но равнодушіе, которое также есть результатъ скептицизма. Онъ не обращалъ ни какого вниманія на политическіе перевороты и столкновенія народовъ. Якобиту безъ энтузіазма, аристократу по привычкѣ, близкій по правамъ своей молодости и личнымъ наклонностямъ къ классу простонародному, онъ ничего не любилъ пламенно, кромѣ горъ и лѣсовъ своей родины. Страсть, царствовавшую въ Романѣ Руссо, сатиру, проявлявшуюся въ Романѣ Фильдинга, проповѣдническую мораль Романа Ричардсонова, замѣнилъ онъ наблюдательностію болѣе холодною и спокойною, точнымъ и живымъ изображеніемъ мѣстностей, удачнымъ употребленіемъ преданій и историческихъ событій. Но это были новые источники занимательности? мы говорили выше, какимъ образомъ онъ открылъ ихъ. Изображая нѣкоторыхъ людей, онъ забывалъ человека вообще, и совратилъ основную идею Романа съ истиннаго пути ея; но онъ умѣлъ возбуждать занимательность подробностями.

Шекспиръ, на котораго Самуиль Джонсонъ снова обратилъ вниманіе публики, возсталъ во всей своей славѣ. Вальтеръ-Скоттъ также изучалъ Шекспира, и ему обязанъ онъ искусствомъ изображать характеры со всѣми ихъ полу-тѣнями, случайностями, силою и слабостями. Вальтеръ-Скоттъ не только ученый антикварій; онъ Шекспиръ Романа. Жилблазъ живописуетъ общественные пороки; Ричардсонъ съ дюжины лицъ, которыхъ онъ собираетъ въ семейномъ кругу; Сервантесъ почти такое же число актеровъ, кото-

*

рыхъ заставляетъ онъ дѣйствовать въ своей философической и комической драмѣ: у Вальтера Скотта вы насчитаете до тысячи различныхъ характеровъ, весьма хорошо изученныхъ. Многіе критики упрекали Вальтера Скотта въ несовершенствѣ его плановъ: планы Шекспира составлены не лучше этихъ; главное искусство того и другаго состоитъ въ изображеніи характеровъ.

Не входя въ разсмотрѣніе всей литературной жизни человѣка, который написалъ столько же томовъ, какъ Вольтеръ, перейдемъ въ другую умственную сферу. Что стало съ Поэзіею? въ какомъ смыслѣ политическія происшествія измѣнили геній Англійской Музы? какое вліяніе произвело на нее вдохновеніе отчаянія, котораго органомъ былъ Годвинъ? Древніе троны обрушались, и вмѣсто ихъ возникали новые; грозный завоеватель опустошалъ Европу; республика, порожденная заблужденными умами и безсовѣстными интригантами, явилась окровавленная на одно мгновенье, и исчезла; вѣрованія потряслись и боролись съ нечестіемъ; въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ старой Англіи, человѣкъ еще выказывалъ наружную строгость въ нравахъ, но въ немъ замѣтно было ужаснѣйшее отсутствіе нравственныхъ правилъ. Между тѣмъ общество старается оправиться послѣ бури, и починить свои поврежденія. Это общество дышитъ еще прежнею страстію къ роскоши, потѣхъ, забавамъ; оно ученое, гордое, философское. Поклонничество наслажденію не лишилось своей силы: это величественный трупъ, покрытый золотомъ, но не согрѣтый лучами религіи и истинной добродѣтели, которыя могли однѣ воскресить его и надѣлать счастливою жизнію. Но вотъ является человѣкъ тщеславный, гнѣвливый, вельможа по рожденію и гордый какъ только можно быть въ его званіи; человѣкъ, который ненавидитъ

вельможъ своего края, потому, что они оскорбили его, и котораго душа принимаетъ всѣ мысли легкія, мизантропическія, отчаянныя, суровыя и сладострастныя, проникшія, благодаря Французской революціи, всѣ тогдашнія общества и отовсюду его окружавшія: этотъ человѣкъ былъ — Лордъ Байронъ.

Лордъ Байронъ, казалось, былъ созданъ для своего назначенія: древнее имя его было посрамлено; его мать сошла съ ума, дѣдъ сдѣлался убійцею, отецъ расточилъ свое имѣніе. Онъ провелъ въ лѣсахъ Шотландскихъ и Англійскихъ молодость дикую, и въ дѣтствѣ росъ безъ присмотра. Онъ былъ бѣденъ, и соперники его по рожденію принимали его презрительно; первые его опыты сдѣлались предметомъ насмѣшекъ нѣсколькихъ журналистовъ. Сколько причинъ озлобленія! И какъ же онъ отмститъ за себя?

Во-первыхъ, предавъ на посмѣяніетѣхъ, которые его оскорбили; потомъ, объявивъ войну на смерть Англійской аристократіи; наконецъ, употребивъ свой геній на то, чтобы восторженностью мысли противопоставить красотамъ Природы, упоеніе гордой и буйной независимости этикету, надменности, лицемѣрству, злословію гостинныхъ, тысячъ мелочей, которыя онъ подмѣтилъ, и которыя оскорбили его въ его гордости, въ его славѣ, можетъ быть, въ его нравственности.

Вліяніе этого писателя было неисчислимо: зло въ-ка наконецъ нашло органъ. Въ то же время проявлялись другія впечатлѣнія, другое ученіе старалось укрѣпиться. Байронъ провозглашалъ опасность положенія общества и его отчаяніе. Когда общество бѣжитъ на подводные камни, въ нѣкоторыхъ умахъ всегда является склонность къ мистицизму: они ищутъ убѣжища въ сферахъ болѣе чистыхъ, превыше бурь и злополучій, ихъ окружающихъ. Такъ Коль-

риджъ, Вордсвортъ, Шеллей, умы необыкновенные, но различные, укрылись на берегахъ большихъ Англійскихъ озеръ: они предались поэтическому вдохновенію, и требовали отъ него звуковъ элегическихъ, гимновъ чистоты идеальной, прелести глубокой и часто неясной, характера полу-платоническаго, который равно удалялся и отъ буйнаго вдохновенія Байрона, и отъ генія преданій, Исторіи и рыцарства, которому посвятилъ себя Вальтеръ-Скоттъ.

Могущественнѣйшій изъ этихъ умовъ есть Вордсвортъ: для него Поэзія, все; на его геній имѣли вліяніе и Краббъ, и Коуперъ, и Борнсъ, но вліяніе кроткое и нѣжное. Религіозность Коупера сдѣлалась мистицизмомъ; чувствительность Борнса приняла характеръ болѣе Германскій; Вордсвортъ не только занимается горными цвѣтками, жаворонками и лѣсными звѣрками: онъ трогается до глубины души при видѣ бѣднаго осла, котораго хозяинъ гонитъ палкою, плачетъ о полоумной крестьянкѣ, и философствуетъ по случаю стараго разорваннаго платья. Это напоминаетъ Крабба; но тотъ только описывалъ лохмотья нищаго, а Вордсвортъ при видѣ этихъ лохмотьевъ предается страстной и сентиментальной философіи. Въ одной изъ Шекспировыхъ пьесъ есть человекъ, который все мечтаетъ и плачетъ: въ этомъ проходитъ вся жизнь его; этого жалкаго человека зовутъ «Бѣднымъ Яковомъ.» Онъ любитъ углубляться въ лѣса, слушать какъ хрустятъ подъ его ногами поблекшіе листья, погружаться и теряться въ мечтаніяхъ Индѣйскаго гимнософиста, по случаю пробѣжавшаго мимо него горнаго козленка. Этотъ «Бѣдный Яковъ» можетъ служить эмблемою поэзіи Вордсворта. Его упрекаютъ, и не безъ причины, въ пустотѣ и мелочности. Погружать Поэзію въ общія мѣста, которыя Вордсвортъ такъ любитъ, значитъ унижать ее. Но за то, сколько у него глубокости, преле-

сти, удивительной нужности! Съ подобною системою неразлучна притворная и приторная наивность. По нашему мнѣнію, это обвиненіе справедливѣе всѣхъ другихъ упрековъ, дѣлаемыхъ Вордсворту.

Въ Кольриджѣ болѣе фантазіи, менѣе философіи, менѣе полноты; онъ не знаетъ въ точности, къ какой цѣли стремится, какой системѣ себя посвящаетъ. Въ большей части его твореній есть отрывки блестящіе, но не имѣющіе ничего общаго между собою. Христіанскій платонизмъ его мѣшается съ суевѣріемъ среднихъ вѣковъ; но въ немъ нѣтъ ничего опредѣленнаго: трогательное, живописное, изображенія характеровъ, — все это у него теряется въ какой-то сумрачной атмосферѣ, напоминающей Германскихъ писателей, которыхъ Кольриджъ тщательно изучалъ.

Шеллей, мечтатель съ символическимъ вдохновеніемъ, поэтъ и философъ страннаго рода, плавалъ съ Байрономъ по Архипелагу и Средиземному Морю. Не любопытно ли видѣть этихъ двухъ человекъ на одномъ кораблѣ? Одинъ бывшій скептикъ; другой, отступникъ Христіанства, обнимающій всю Природу какъ своего бога, посвящающій ей безумное обожаніе, усматривающій божество въ стволѣ дерева, въ волнахъ моря, въ растущемъ цвѣткѣ, въ парящей птицѣ; и, что всего страннѣе, провозглашающій себя между тѣмъ атеистомъ. Избрать спинозизмъ живительною душею Поэзіи, мысль отважная! Индійскіе поэты, это уже дѣлали, и Шеллей, никогда не читавъ ихъ, приблизился къ нимъ одинаковымъ вдохновеніемъ. Изгнанный, подобно Байрону, изъ своего отечества, онъ, подобно Байрону, не престававъ проклинать тѣхъ, отъ которыхъ страдалъ на родинѣ; наконецъ на берегахъ Адріатическаго моря онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, и, подъ лучами заходящаго солнца, воздвигся костеръ изъ сучьевъ пахучихъ деревьевъ, который за-

жегъ Лордъ Байронъ, и который долженствовалъ испепелить трупъ его собрата въ Поэзіи, въ геніи, въ сумасбродствѣ и въ злополучіи. Странный символъ! странное зрѣлище! Можно сказать, что скептическія ученія другъ друга пожираютъ и исчезаютъ въ пустынь.

Нападенія на общество—у Байрона, непосредственнаго наслѣдника Годвина; подсазное возсозданіе общества — у Кольриджа и Вордсворта; нападенія не только на Христіанскую Религію, но и на деизмъ, на всѣ религіи, даже на самую идею Бога единого, творца вселенной — у Шеллея: таковы вообще источники вдохновенія поэтовъ-подражателей девятнадцатаго вѣка, которые слѣдовали за идеями, введенными въ моду этими тремя знаменитыми людьми, или которые были противувольно увлечены ими. Напримѣръ, изъ поэтовъ, болѣе извѣстныхъ на твердой землѣ, Викторъ Гюгё есть порожденіе идей Байрона, Ламартинъ идей Коупера, Кольриджа и Вордсворта; Гейне есть, можетъ-быть, отблескъ Шеллея, и вся юная Французская Литература — смѣсь всѣхъ этихъ началъ разнородныхъ, одно другое отталкивающихъ, одно другое пожирающихъ и терзающихъ между тѣмъ общество.

Школа Попа была разбита и вытѣснена изъ всѣхъ своихъ позицій; стихъ Коупера казался уже робкимъ и холоднымъ. Вокругъ новой школы Англіи толпились таланты низшіе, но не лишенные ни силы, ни чувства, ни плодovitости. Легъ - Гонтъ, авторъ легкій, многорѣчивый и пламенный, блистающій воображеніемъ въ словахъ; Севеджъ Лендоръ, поэтъ странный, хорошій прозаикъ, который вздумалъ воевать съ журналистами, и котораго журналисты наказали за то, оставивъ его въ безвѣстности; Боульсъ, въ сонетахъ котораго довольно прелесть, но мало оригинальности; Томасъ Муръ, слишкомъ много восхваленный, но одаренный слогомъ удивительнымъ; и нѣкоторые другіе

также достойные примѣчанія, но имѣющіе мало вліянія и не стоящіе, чтобы упоминать о нихъ особо.

Мы видѣли, какъ мнѣнія, порожденныя Французскою революціею, мнѣнія противу-религіозныя и противу-общественныя, распространялись въ Словесности по разнымъ направленіямъ: вліяніе этихъ мнѣній подѣйствовало чрезвычайно сильно на одного человека, пламеннаго, удобно принимающаго всѣ впечатлѣнія. Его зовутъ Соутеемъ. Онъ совершенно предался революціоннымъ заблужденіямъ, отъ души сдѣлался якобинцемъ, и сталъ подъ знамена Годвиновъ, Мекинтошей и Пристлеевъ. Первыми твореніями его были гимны волнодумства и независимости. Въ душахъ пламенныхъ, любовь превращается въ ненависть, когда предметъ любви становится презрительнымъ. Соутей вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ мнѣній, и совершенно предался вѣрованію противоположному; отсталъ отъ философіи осьмнадцатаго вѣка, которой прежде поклонялся; разбилъ этотъ покрытый кровію и запятанный грязью кумиръ, и укрылся какъ-бы въ храмъ подъ кровомъ ученія религіознаго. Странная жизнь Соутея дѣлится такимъ образомъ на двѣ совершенно различныя части: одна, яростный диѳирамбъ противу порядка и спокойствія обществъ; другая, рѣчь въ защиту существующихъ установленій. Отступникъ Соутей, какъ называлъ его Байронъ, просто честный человекъ, который увидѣлъ свое заблужденіе, былъ обманутъ предметомъ любви своей, и возненавидѣлъ его. Между тѣмъ пламенное его воображеніе требовало пищи, оно било крыльями, унеслось въ пространство, погрузилось въ неизслѣдованные предѣлы вымысловъ Индійскихъ и Арабскихъ, и принесло оттуда прекрасныя Поэмы, разцвѣченныя красками яркими и оригинальными, — Медокъ, Талаба и Проклятіе Кегамы. Потомъ, когда горячка юнаго поэта сама собою исто-

щилась, Соутей обратился къ событіямъ дѣйствительнымъ, и, постигнувъ тѣсное соотношеніе, существующее между Поэмою эпическою и твореніями историческими, принялся изображать происшествія невымышленныя съ ясностію и свободою кисти удивительными. Онъ написалъ Исторію Бразиліи, Исторію Церкви, Исторію Нельсона и нѣсколько Біографій, изложенныхъ слогомъ благороднымъ, легкимъ и одушевленнымъ. Соутей слишкомъ рано, слишкомъ сильно началъ противодѣйствовать революціоннымъ мнѣніямъ, чтобы приверженцы этихъ мнѣній не вооружились противъ него; но онъ удался въ сельское прелестное уединеніе, и, не забытый людьми, забылъ ихъ. Но обратимся нѣсколько назадъ: жизнь Соутея длинна, и нѣкоторые изъ его юныхъ современниковъ, пораженные, подобно ему ядовитымъ дыханіемъ 1789 года, оставили тоже въ Литературѣ слѣды свои.

Боркъ, который вступилъ въ рукопашный бой съ Французскою революціею, и гремѣлъ противъ терроризма, исполненъ между тѣмъ, въ краснорѣчіи своемъ, идеями, которыя рождаются только въ дни смятеній и борьбы кровавой. Все его «Разсужденіе о Высокомъ», покоится на одномъ основаніи, — на ужасѣ; нѣкоторые писатели повѣрили ему, и вообразили, что на нынѣшняго человѣка нельзя произвести впечатлѣнія ни чѣмъ другимъ, какъ ужасами, подобными тѣмъ, какіе видимъ мы въ кровавыхъ драмахъ, которыми разъяренная Франція пугала тогда всю Европу. Мистрисъ Радклифъ основала Романъ свой на ужасѣ суевѣрія, на привидѣніяхъ, явленіяхъ, мрачности льсовъ и бездонныхъ пропастей. За нею послѣдовалъ Люизъ, авторъ «Монаха»: къ фантазмагоріи Мистрисъ Радклифъ прибавилъ онъ еще сцены соблазнительныя и демонскія. Царствованіе этихъ двухъ романистовъ было кратковременно; они дѣйствовали на душу, какъ галва-

низмъ на нервы,—они раздражали ее, оскорбляли, мучили, не представляя уму другой занимательности, кромѣ удовлетворенія любопытства. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ эпохи наибольшаго блеска Мистрисъ Радклиффъ и Люиза, одинъ Ирландецъ поднялъ ихъ корону, и надѣлъ на себя: то былъ знаменитый Метьюринъ, который еще превзошелъ ихъ фантастическими нелѣпостями и яростными ужасами. Трупы, остовы, которыми наполнены всѣ его творенія, скоро надѣли читателей, и Романъ, основанный на ужасѣ, представленъ былъ Франціи и Германіи, которыя съ жаромъ принялись за него. Это-то называется нынче *новымъ*. Въ Англіи оно кончилось,—кончится и на твердой землѣ; но въ судьбахъ литературнаго разума нынѣшней Европы написано, чтобы Словесности твердой земли повторяли всѣ затѣи и дурачества, къ которымъ Англія подастъ примѣръ, и мода на неистовые Романы была неизбѣжна.

При такомъ обиліи созданій, при такой борьбѣ мыслей, необходимо должно было учредитьъ общее, строгое судилище, котораго вѣдѣнію подлежали бы всѣ труды, всѣ боренія, всѣ усилія ума. Съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія періодическое тисненіе въ Англіи приняло на себя эту власть, и *Edinburgh Review* былъ основанъ. Этотъ Журналъ служитъ органомъ партіи Виговъ, и онъ слишкомъ сильно нападалъ на Торіевъ, чтобы тѣ не постарались воздвигнуть алтарь противъ алтаря, судилище противъ судилища. Торіи начали издавать *Quarterly Review*. Къ этимъ двумъ центрамъ, представляющимъ двѣ противоположныя силы, раздѣляющія общество, примкнули всѣ второстепенныя изданія, которыя одно за другимъ блистали въ сферѣ Англійской журналистики. *New Monthly Magazine* со стороны Виговъ, и *Blackwood's Magazine* со стороны Торіи уже тридцать три года предводительствуютъ про-

тивными арміями. Чрезвычайное превосходство Англійскихъ Журналовъ предъ всѣми прочими происходитъ отъ причины, несуществующей въ другихъ странахъ. Знаете-ли вы, кто Англійскіе журналисты? Первые люди въ Англіи. Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, Кольриджъ, всѣ тѣ, о которыхъ мы уже упоминали, и нѣкоторые другіе, о которыхъ мы необходимо должны упомянуть; Джеффри, Гиффордъ, Газзлиттъ, Крокеръ, Кембель, Томасъ Муръ, Брумъ, — люди государственные, извѣстные поэты и знаменитые ученые.

Искуснѣйшій изъ сотрудниковъ *Edinburgh Review* есть, безъ-сомнѣнія, Лордъ Брумъ, который былъ адвокатомъ, не поглупѣвъ отъ адвокатскихъ занятій, и занимаетъ нынѣ важное государственное мѣсто, не переставая быть ученымъ и литераторомъ. Слогъ его исполненъ силы, убѣдительною логикой, доводовъ сжатыхъ и поразительныхъ, образовъ живыхъ и пластическихъ.

Усилія Брума имѣли цѣль политическую; усилія Байрона и Вордсворта направленіе метафизическое и поэтическое: литераторы обратились было къ древней драмѣ, къ языку Шекспира; въ поэзіи лирической и элегической происходилъ переворотъ; явился судья боя, судья строгіе, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны Гиффордъ и Джеффри, одинъ, чрезвычайно знающій въ древнемъ Англійскомъ языкѣ и Литературѣ XVI вѣка; другой, человекъ съ умомъ сатирическимъ, пишущій весьма хорошо и безжалостно поражающій все смѣшное. Эти два человека, предводительствовавшіе цѣлыми арміями писателей, были долгое время страшилищами литераторовъ. Они часто бывали пристрастны; но сколько здравыхъ идей о Литературѣ пустили они въ обращеніе! какую пользу принесли ихъ отважныя нападенія на ошибки и заблужденія великихъ поэтовъ! Байронъ и Вальтеръ-Скоттъ неразъ

подвергались ихъ безпощаднымъ ударамъ; за то, не только эти два поэта, но и Кольриджъ и Вордсвортъ, обязаны жалу этой страшной и неумолкающей полемики частию дѣятельности и плодовитости, которыми они отличаются. Въ ихъ кругу дѣйствовали другіе критики, которые участвовали, такъ сказать, только въ сшибкахъ, и перестрѣливались по-временамъ, когда вздумается. Въ первомъ ряду этихъ гверильсовъ Критики сталъ Вильсонъ, директоръ Журнала Blackwood's Magazine. Газзлиттъ, не столь живописный, но болѣе вѣкій, посвятилъ себя тому же ремеслу и обрекъ на тѣ же проклятія. Въ статьяхъ его нѣтъ ни порядка, ни плана; онъ повинуетъ одной своей прихоти, и берется то за палку арлекина, то за циркуль геометра, толкуетъ о нравственности, разбирая любовныя пѣсни, и объ Анатоміи, рассматривая Драму. Стрѣлы, пускаемыя имъ почти наудачу, часто попадали въ цѣль и Газзлиттъ, прославленный и ненавидимый, умеръ въ бѣдности, сдѣлавъ не много хорошаго для Словесности.

Сравнивая прямое, дѣйствительное вліяніе, производимое книгами величайшихъ писателей, съ тѣмъ, которое имѣютъ Журналы, мы увидимъ, что преимущество остается на сторонѣ послѣднихъ, и преимущество столь важное, что ни какой гений не въ состояніи его пересилить. Періодическимъ своимъ появленіемъ и непрерывнымъ возвращеніемъ къ однимъ и тѣмъ же идеямъ, еще болѣе чѣмъ дарованіями своихъ редакторовъ, Журналы основываютъ ученія и искореняютъ системы. Успѣхъ ихъ зависитъ отъ совершеннаго согласія съ идеями ихъ времени: Журналы имѣютъ читателей только тогда, когда хорошо знаютъ, что этимъ читателямъ нравится, удовлетворяютъ ихъ любопытству и съ ними гармонируютъ. Но, вступая на какую-нибудь дорогу, они рас-

ширяются, и ничто не может быть любопытнѣе хода разнообразныхъ и послѣдовательныхъ мнѣній, которыя Журналы провозглашали въ послѣднія тридцать лѣтъ. Quarterly Review и Edinburgh Review суть настоящія панорамы политическихъ и литературныхъ мнѣній, которыя царствовали въ ихъ время, и которыя они поддерживали или разрушали. Многіе съ жаромъ возстаютъ противъ строгихъ и часто одинъ другому противорѣчащихъ разборовъ, которымъ критики подвергаютъ Литературу. Но не надобно забывать, что они обработали лучшихъ писателей нашего времени; и что, какъ остроумно говоритъ Леди Монтегю, «если Критика навозъ, то она удобряетъ почву.» Всѣ идеи о Литературѣ, являвшіяся въ послѣднія сорокъ лѣтъ, распространены разными Обозрѣніями. Въ нихъ принимали участіе отличнѣйшіе парламентскіе ораторы, знаменитѣйшіе государственные люди, извѣстнѣйшіе ученые и литераторы.

Мы видѣли, что школа Байрона породила Шеллея, который проложилъ путь многимъ низшимъ поэтамъ. Въ числѣ ихъ есть одинъ, заслуживающій особенное вниманіе: это Джонъ Китсъ, человекъ пламенный и страстный, который оскорбился журнальною статьею, и застрѣлился потому, что стихи его были разруганы. Вліяніе Вальтеръ-Скотта было еще сильнѣе: онъ совершенно владычествовалъ надъ новѣйшимъ Романомъ, и даже у писателей, которые, по роду своего таланта, на него не походятъ, замѣтно глубокое изученіе нравовъ, составляющее прелесть твореній Вальтеръ-Скотта. Такъ Ирландецъ, Бенимъ, совершенно противоположный Вальтеръ-Скотту по всѣмъ своимъ литературнымъ наклонностямъ, страстный, мрачный Бенимъ, любитъ однако жъ изображать бытъ Ирландскихъ мужиковъ и, по примѣру Вальтеръ-Скотта, описывать древнія черты и костюмы. Тотъ же феноменъ

является во всѣхъ другихъ направленіяхъ: авторъ Анастаза, Томасъ Гопъ, и Моріеръ заботятся о свободномъ и остроумномъ, но особенно яркомъ и аналитическомъ изображеніи обычаевъ иностранныхъ. Анастазъ есть прекрасная картина пынѣшняго Востока, съ его страстями, его характеромъ и дѣйствующими лицами. Хаджи-Баба и Зограбъ имѣютъ не менѣе внутренняго достоинства, хотя слогъ въ нихъ не столь блестящъ и мысли не столь возвышенны. Миссъ Эджвортъ, современница Вальтеръ-Скотта, почти въ одно съ нимъ время, обрисовывала народность страны дикой; но главная цѣль ея — нравственность; она заботится объ исправленіи идей и нравовъ, и, можетъ-быть, это слишкомъ явное направленіе, заимствованное ею у Ричардсона, разливаетъ нѣкоторую холодность на ея чудесные Романы. Мы не станемъ исчислять множества романистокъ, которымъ современные Журналы воздвигали небольшіе храмы, впоследствии обрушившіеся. Подражая великому живописцу мелкихъ подробностей, творцу Клариссы Гарло, онѣ старались придать романическую занимательность чайному столику съ шестью чашками, предметамъ все незначительнымъ; и нельзя не сказать, что онѣ завели это слишкомъ далеко. Незаконныя дѣти Вальтеръ-Скотта, — Граттанъ, Джемсъ, Гамильтонъ, возвышались иногда до столь поразительной занимательности, и разцвѣчивали картины свои красками столь яркими, что мы непременно должны были упомянуть о нихъ.

Все это быстрое прозябаніе, все это обильное цвѣтеніе талантовъ походить на развитіе землянаго сока, который въ извѣстныхъ странахъ вдругъ, повсюду, въ разныхъ видахъ пробивается, какъ скоро роса проникла и увлажила почву.

Между-тѣмъ, при всей этой успѣшной дѣятельности

писателей, одна область Литературы оставалась въ совершенной непосредственности въ сравненіи съ Англійскою Поэзіею и Англійскими Романами: я говорю о драмѣ. Шериданъ-Нользъ помѣщалъ въ своихъ драмахъ поэтическія описанія и сцены домашняго быта, довольно занимательныя; Мильменъ монологъ, заимствованный изъ древняго текста и также не безъ достоинствъ. Народъ забавлялся мелкими Французскими пьесами, хорошо или дурно переведенными, болѣе или менѣе искусно передѣланными. Миссъ Митфордъ не безъ успѣха пыталась обратить въ драму исторію Ріензи; но великаго поэта трагическаго или комическаго не было. Частныя побѣды не довершали главнаго завоеванія; и важнѣйшая часть публики, та, которая судить и которая заставляетъ уважать свои сужденія, совершенно покинула театръ.

Нынѣ, кажется, судьбы Англіи уже совершились. Современное борьбѣ Англіи съ Бонапартомъ литературное развитіе, которое мы отчасти обозначили, было слишкомъ блестяще, чтобъ могло быть продолжительно. Когда побѣдоносная Англія успокоилась; когда, избавившись отъ своего страшнаго непріятеля, начала заниматься собою, тогда стали угрожать ей опасности, несравненно важнѣйшія. Бонапарте, нападая на Великобританію, утвердилъ ея государственныя учрежденія; революціонерный и демократическій геній волновалъ почти всю Европу, но не могъ потрясти старой Англіи. Покуда символомъ этого генія была Франція, а представителемъ глава ея, Бонапарте, заклятый непріятель Великобританскаго имени, Англія видѣла въ немъ врага своего. Но гигантъ палъ, и все измѣнилось; разрушительное дѣйствіе либеральнаго вольнодумства проникло въ самыя основанія древняго общества. Съ того времени, какъ вліяніе новыхъ, противообщественныхъ идей сдѣлалось чув-

ствительнымъ, умственное движеніе понизилось. Въ *Journal des Débats*, котораго редакторы хорошо знаютъ Англійскую Литературу, остроумно было сказано, что нынѣшняя жатва Англійскихъ писателей есть только сборъ ума, отросшаго отъ корня послѣ прежней жатвы. И дѣйствительно, въ Поэзіи, въ Краснорѣчіи, въ Романѣ; писатели, процвѣтающіе нынѣ, писатели впрочемъ, остроумные, замысловатые, пріятные, суть лишь мелкая монета, въ сравненіи со своими непосредственными предшественниками. У Гальта много ума, много ироніи; Алленъ-Ковинггамъ пишетъ легко и пріятно; Теодоръ Гукъ съ большою тонкостію изображаетъ бытъ гостиныхъ и переднихъ; Морьеръ превосходно и игриво описываетъ нравы жителей Востока; но гдѣ же въ числѣ этихъ полу-знаменитостей, которыхъ достоинствъ мы впрочемъ не отвергаемъ, геній, возвыщающійся подобно горѣ и владычествующій надъ всѣми прочими? Не вижу нигдѣ! Г. Бовверъ, глава нынѣшней Литературы, болѣе своихъ соперниковъ обладаетъ заманчивостію, которая заставляетъ читать книгу, хотя и не раздѣляешь мнѣній ея автора. У младшаго Д'Израэли есть мысли, оригинальный слогъ и перо, иногда могущественное. «Пастухъ Этрикскій», слишкомъ восхваленный его современниками, которые вообразили себѣ, что пастухъ не долженъ уметь ни читать, ни писать, поэтъ легкій, пріятный и иногда трогательный. Мы должны также упомянуть о Г-жѣ Гименсъ, Миссъ Митфордъ и Миссъ Лендонъ, писательницахъ пріятныхъ и по временамъ пылкихъ.

Историческія Англійскія произведенія также упались и въ своей занимательности, и въ дарованіяхъ своихъ авторовъ. Во время знаменитой эпохи Вальтеръ-Скоттовъ и Байроновъ, у насъ были Чамерсы, Шаронъ-Торнеры, Митфорды, Соутен. Какъ ученые

и антикварин, Шаронъ-Торнеръ и Шотландецъ Чамерсъ не имѣютъ соперниковъ. Первый, авторъ превосходной Истории Англо-Саксоновъ, сверхъ обширной учености, обладаетъ прекраснымъ слогомъ. Чамерсъ не ясенъ, безпорядоченъ; но его книга, *Caledonia*, сокровище учености. Митфордъ, представитель Англійской аристократіи и новѣйшихъ идей, побѣдоносно опровергъ общепринятія понятія о превосходствѣ республикъ Спартанской и Аѣинской. Но съ того времени по этой части являлись только авторы историческихъ Записокъ и писатели втораго разряда. Нынѣ владычествуетъ въ Англіи не Литература, а политика; сильное и страшное движеніе партій, народныхъ страстей и философическихъ идей, борющихся съ обычаями и вѣковыми постановленіями, все заглушаетъ.

Какъ бы то ни было, и хотя бы, какъ обыкновенно случается, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ должны были отдѣлать, и отъ новаго литературнаго періода, блестящую эпоху, которую мы описали, — эпоху торжества и величія, — она всегда будетъ представлять потомству одно изъ благороднѣйшихъ зрѣлищъ, какія только мысль человека можетъ изобрѣсть или постигнуть. Въ этомъ тридцатилѣтнемъ свѣтломъ періодѣ, изящныя произведенія являются часто, и Критика идетъ наряду съ Поэзіею. Прекраснѣйшія имена литературныхъ лѣтописей толпятся въ тѣсномъ пространствѣ на одной страничкѣ, и, благодаря имъ, Англійская Словесность сдѣлалась, впредь до распоряженія, первою изъ Европейскихъ Словесностей.

Dublin University Magazine.

СТО ТЫСЯЧЪ ПЕРВАЯ

И ПОСЛѢДНЯЯ.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ.

СТАТЯ ЖЮЛЬ-ЖАМЕНА.

Однажды я сидѣлъ развалившись въ свѣжей залѣ свѣженькаго и покойнаго домика, вдалекѣ отъ Парижа, на берегу Сены, которая течетъ здѣсь длинными струями, осребряемыми солнцемъ, такъ что вы и не подумаете, что это та же самая Сена, которая тянется подъ арками Новаго Моста. Я былъ въ деревнѣ, жилъ въ совершенной праздности, то есть, наслаждался полнымъ благополучіемъ, съ душою разцвѣтшею, съ сердцемъ открытымъ, съ глазами полу-закрытыми, съ мыслью усыпленною, дыша свободно и отдыхая отъ трудовъ ночнаго покоя. О, какое блаженство! какія грѣзы на яву! О, какъ восхитителенъ непрерывный шумъ листа, тихо поющаго, птицы, поющей громко, ручья журчащаго и насѣкомаго, которое стрекочетъ въ высокой травѣ! О, какъ прелестны голубое небо, зелень муравы, павилика, вьющаяся вокругъ дуба, непрерывное качаніе стройнаго тополя и прихотливые круги бабочки въ воздухѣ! О, какое блаженство видѣть и чувствовать все, что живетъ и движется, все что приходитъ или уходитъ, плоды и цвѣтки, плоды, которые золотятся, цвѣтки, которые увядаютъ, дернъ засыхающій, воздухъ, воды, шумъ, молчаніе, и пастуха спящаго, и козу, которая щиплетъ траву, и усталаго путника, и веселую теличку, и лающую собаку и курицу, которая скликаетъ цыплятъ своихъ, лисицу, которая подъ вечеръ стережетъ свою

*

добычу, куропатку, съ жалобнымъ крикомъ разстѣкающую воздухъ, кролика, который, забавляясь, пляшетъ при свѣтѣ луны, крота, роющего землю, ржущую лошадь, соху, проводящую борозды, лодку, скользящую по водѣ, звѣзду, падающую съ неба, бѣлую ручку, которая привѣтствуетъ васъ съ высоты балкона, кончикъ сучка, исчезающаго за шпалерами, садовника, поливающаго макъ, и подсолнечникъ, который выставляетъ черезъ заборъ круглую и веселую свою голову и съ ласковымъ видомъ, съ доброю улыбкою говорить вамъ: здравствуй! О, какъ весело видѣть, слышать, чувствовать все это, всѣмъ этимъ обладать! И я былъ совершенно счастливъ въ этомъ спокойномъ домикѣ на берегу Сены, далеко отъ шумнаго, отъ скучнаго, отъ мятежнаго Парижа.

Вы можете вообразить, какъ я былъ счастливъ, какъ задумчивъ, какъ безпеченъ, какъ мало думалъ о ремеслѣ литературномъ, несносномъ ремеслѣ, самомъ несносномъ и восхитительномъ изъ всѣхъ возможныхъ ремеселъ, обманчивомъ какъ и всѣ обманчивыя страсти, имѣющемъ всѣ прелести порока и не влекущимъ за собою его пагубныхъ послѣдствій! Къ несчастію, столица не всегда такъ далеко отъ меня, какъ я самъ отъ нея далеко. Къ несчастію, міръ литературный не всегда такъ молчаливъ, чтобы прислушавшись хорошенько, нельзя было услышать, какъ онъ пищитъ и кудахчетъ. Вы сидите себѣ спокойно на мягкомъ диванѣ, не думая ни о чемъ на свѣтѣ и наслаждались блаженствомъ безмятежнымъ; вдругъ слышите, что дверцы въ желѣзной рѣшеткѣ, отворяясь, скрипнули, дворная собака замаяла, звуча своею цѣпью, и на дворъ вошелъ человекъ запыхавшійся и облитый потомъ. О ужасъ! Прощайте, сельскія забавы и удовольствія! Этотъ несносный человекъ принесъ Парижскія новости, журналы, книги, сплетни и глупости Парижскія!

Увы! это случилось и со мною несчастнымъ. Въ минуту величайшаго забвенія , величайшаго спокойствія , сельскій почтальонъ приноситъ ежедневную провизію, которую умъ Парижскій посылаетъ умамъ провинціальнымъ, пищу отвратительную, родъ Испанской олла-потриды, въ которой все хорошее переиъшано со всѣмъ дурнымъ; и между тѣмъ,—что значить привычка! — при всякой новой посылкѣ изъ Парижа, провинція съ радостью бѣжитъ на встрѣчу почтальону, торопится, протягиваетъ руки и выпрямляетъ уши. — Что говоритъ Парижъ? Что думаетъ Парижъ? Какъ одѣвается Парижъ? Что изволить кушать Парижъ? Печаленъ онъ или веселъ? молодъ или старъ? бережливъ или расточителенъ? женатъ или распутенъ? скупъ или пристрастенъ къ игрѣ? Давайте, ради Бога, поскорѣ моды, нравы и пороки столичныя! и вотъ, съ какою радостію принимаютъ въ провинціи книги и журналы Парижскіе!

А я, напротивъ, когда почтальонъ приноситъ въ уединенную деревню Парижскій литературный скарбъ, я горько жалю, что до сихъ поръ не учредятъ еженедѣльнаго карантина для этихъ посылокъ, зараженныхъ всякаго рода безуміемъ и бесполезностью. Ненависть къ людямъ нападаетъ на меня при видѣ этой кругомъ испечатанной, верхомъ нагруженной глупостью бумаги, и мнѣ до смерти грустно, когда подумаю, какихъ трудовъ стоило современнымъ умамъ порожденіе столькихъ ни къ чему не ведущихъ строчекъ! Увы! увy! провинціальные счастливыцы, почему бы вамъ не дать нѣсколько мѣсяцевъ отдыха Парижскимъ писателямъ? Зачѣмъ заставлятъ ихъ сидѣть въ душной комнатѣ, когда вы гуляете по лѣсамъ и подражаете сатирамъ, пляшущимъ какъ пастухъ въ Буколикахъ: *Saltantes satiros imitabitur Alphesibæus*? Зачѣмъ заставлятъ ихъ класть всего себя на бумагу, когда вы нѣжитесь на дернѣ? Почему бы, позвольте

вась спросить, не сжалиться, хотя бы весною, надъ бѣдными романистами, которые круглый годъ слу- жать вамъ шутами, какъ будто весною и безъ шута мало забавы. Увы! улы! публика и писатели вѣчно въ томъ положеніи, какъ Султанъ Тысячи Одной но- чи, и влюбленный и обманутый, который безпрестан- но говорить своей любовницѣ — *Разкажи мнѣ одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые ты такъ хорошо раска- зываешь*, — рѣшивъ заранѣе задушить свою любовни- цу, когда ей нечего будетъ рассказывать.

Такъ пусть же такъ, Султанъ, нашъ повелитель! Рѣши вдругъ судьбу всѣхъ твоихъ раскащиковъ, всѣхъ твоихъ Шехеразадъ; изволь прислать намъ всѣмъ роковой шнурокъ. Пусть явится черный ев- нухъ, — мы охотно протянемъ шею. Право, лучше уме- реть заразъ отъ руки нѣмаго, чѣмъ замучиться до- смерти, рассказывая сказки всѣхъ температуръ, всѣхъ климатовъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ возрастовъ жизни; лучше умереть заразъ, чѣмъ исправлять несносное ре- месло твоей любовницы, чѣмъ забавлять день и ночь своенравнаго Султана, котораго называютъ публикой, выставляя ему на показъ сокровеннѣйшія прелести своего воображенія. Пришли же мнѣ, Султанъ, шел- ковую веревку. Я не намѣренъ болѣе красть у себя сна, лишаться сновидѣній, вставать до свѣту, жать и мучить умъ и сердце единственно для того, чтобы на часокъ занять тебя, единственно потому, что ты изволишь говорить мнѣ: *разкажи мнѣ еще одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые ты такъ хорошо раска- зываешь*. Нѣтъ, этому не бывать! Я лучше разведусь съ тобою, могущественный мой повелитель, грозный Султанъ, котораго зовутъ публикой.

Таковы были горестныя мои размышленія при ви- дѣ челоуѣка, который принесъ изъ Парижа книги и журналы: я гордился, думая, что изъ числа всѣхъ этихъ книгъ нѣтъ ни одной моей, что во всѣхъ этихъ

журналахъ нѣтъ ни одной статьи, мною написанной. О, независимость литературная!.....

Постигаете ли вы, милостивые государи и милостивыя государыни, удовольствіе приберечь страсть для себя, если у васъ въ сердцѣ есть страсть, приберечь для себя свой романъ или драму, если у васъ въ головѣ есть романъ или драма, — постигаете ли вы это? Быть независимымъ отъ публики, отъ редактора, отъ книгопродавца, рассказывать самому себѣ, и одному себѣ, то, что вы рассказывали бы другимъ; держать руки въ карманахъ охотничьей куртки на дачѣ, не будучи принужденнымъ протягивать лапу первому встрѣчному, и царапать его когтями, пожимая у него руку: постигаете ли вы это? не быть литераторомъ! не писать ни повѣстей, ни сказокъ, ни критикъ, ни Романовъ, ни Исторій; не плясать безъ шеста и съ гири на ногахъ, на шаткомъ канатѣ, которой зовутъ извѣстностію, на проволоцѣ, которая называется поэтическою славою! Постигаете ли вы это? Открывать и закрывать книгу безъ любви и безъ ненависти, не быть принуждену ее дочитывать, и потомъ еще разбирать; быть добрякомъ, человѣкомъ, который всѣхъ забавляетъ; человѣкомъ такимъ же какъ всѣ другіе люди: постигаете ли вы это? Вѣрить тому, что читаешь; не прогонять удовольствій, когда его чувствуешь; трогаться, безъ размышленія, когда находишь что-нибудь трогательное; не скрывать слезъ, когда слезы сладостно льются изъ глазъ вашихъ, — однимъ словомъ, быть человѣкомъ. Вотъ истинное благополучіе! вотъ мечта всей моей жизни! вотъ для меня истинное наслажденіе! вотъ, почему я люблю деревню черезъ день, въ тотъ день, когда живешь одинъ, когда не слышишь шума, когда не приходитъ почта, когда почтальонъ не приноситъ цѣлой суммы ума и политики, когда не получаешь изъ Парижа ни книгъ, ни журналовъ, ни новостей.

Увы! вчера былъ счастливый день, сегодня несчастный! Сегодня приходитъ почта; почтальонъ идетъ, подходитъ, пришелъ. Дамы спрашиваютъ, нѣтъ ли къ нимъ писемъ; молодые люди бросаются на журналы; старики вырываютъ другъ у друга книги, — и какія книги! какія въ нихъ приключенія! какія исторіи! О литераторы большой столицы, незнающіе всей тщеты литературной славы! пріѣзжайте въ воскресный день въ деревню: вы увидите, какъ положить на большой столъ литературную посылку. Сколько книгъ! сколько журналовъ! сколько комедій! сколько водевилей! Возможно ли, Боже мой, чтобы одна недѣля, простая семидневная недѣля, произвела столько строкъ, написанныхъ и напечатанныхъ? Потомъ, обратившись на самихъ себя, вы спросите, не одинакимъ ли съ этими господами ремесломъ и вы занимаетесь, и получивъ утвердительный отвѣтъ, сядете въ уголъ, и воскликнете про себя: O altitudo!

Къ счастію, въ этотъ день непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ словеснаго груза, было скоро разсѣяно, и я не имѣлъ времени предаться горестнымъ моимъ размышленіямъ. Всякой разъ, когда бываете въ скромномъ, почтенномъ, благоприличномъ домѣ частнаго человѣка, вы можете быть увѣрены, что встрѣтите тамъ не много литераторовъ, не много игроковъ по ремеслу или по привычкѣ, немного прекрасныхъ дамъ, строго разсуждающихъ съ высоты сомнительной добродѣтели, мало свѣтскихъ поэтовъ, въ чулкахъ à jour, въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ, съ золотыми лорнетами, — несносныхъ стряпателей романсовъ и стишковъ въ альбомы, бѣгающихъ за музыкантами; мало пустыхъ говоруновъ, настоящихъ театральныхъ глупцовъ; мало биржевыхъ временщиковъ, надутыхъ спѣсью, потому что они не знаютъ правописанія, и употребляющихъ во зло свое невѣжество какъ другіе свою ученость. Нѣтъ, вы не

найдете ничего этого въ порядочномъ , почтенномъ домѣ частнаго человѣка; не найдете тамъ также ни писательницъ , ни педантовъ , ни ученыхъ , ни членовъ какой-нибудь Академіи, —ничего того, что есть въ столичныхъ гостиницахъ; но вы встрѣтите тамъ добрыхъ людей, у которыхъ часто много ума въ рѣчахъ, много насмѣшливости въ отвѣтъ, много прелести и здравомыслія. Подобные люди тотчасъ разгоняютъ тоску, наведенную на васъ книгами, журналами и вздохами столичными.

Таковъ, на примѣръ, отставной поручикъ Годаръ, поручикъ правда гвардейскій, но только что поручикъ. Годаръ ничѣмъ не похожъ на другихъ отставныхъ поручиковъ. Годаръ не носитъ шпоръ, хотя онъ служилъ въ пѣхотѣ, и хотя у него нѣтъ теперь верховой лошади. Годаръ не толкуетъ о своихъ подвигахъ, хотя онъ никогда не бывалъ въ сраженіи. Годаръ даже не носитъ усовъ безъ мундира. Годаръ даже не употребляетъ междометій казарменнаго краснорѣчія. Онъ большой говорунъ, большой насмѣшникъ; онъ сильно ненавидитъ, по инстинкту, все дурное и ложное, и слѣдственно ненавидитъ изъ всей мочи Парижскіе стихи, прозу, литературу, сказки и журналы. Я угадалъ все это тотчасъ, какъ скоро рассмотрѣлъ отставнаго поручика Годара. Я понялъ, что съ этимъ человѣкомъ совладѣть не легко; и потому не сталъ при первомъ знакомствѣ обходиться съ нимъ запросто, не сталъ исчислять ему трудовъ моихъ прошедшихъ и будущихъ, не сталъ называть его за-пани-братъ — *поручикъ!* — а всегда величалъ его — *господинъ Годаръ-съ!*

Надобно было видѣть его въ тотъ день, когда пришла почта; надобно было видѣть, какъ онъ пробѣгалъ одинъ-за другимъ всѣ журналы, какъ перелистывалъ одну за другой всѣ книги: какая насмѣшливая улыбка! какое истинное, душевное презрѣніе!

Какъ скоро отставной поручикъ Годаръ развернетъ какой нибудь журналъ, одна ноздря его начинаетъ раздуваться: она раздувается, раздувается какъ клевета въ Россиніевомъ Фигаро. У Годара странный способъ чтенія журналовъ, и я рекомендую вамъ этотъ способъ, потому что онъ очень проворенъ: онъ, Годаръ, читаетъ сначала названіе журнала; прочтя названіе, онъ бросаетъ бѣглый взглядъ на оглавленіе; отъ оглавленія взглядъ его переходитъ на имена редактора и его сотрудниковъ; отъ нихъ тотъ же ироническій взглядъ перескакиваетъ на подписную цѣну, — 80 франковъ. О, тогда ноздря поручика Годара раздувается донельзя. Онъ остается въ этомъ нѣмомъ созерцаніи минуты двѣ или три; потомъ, ноздря его принимаетъ постепенно обыкновенное свое положеніе, пока онъ не развернетъ другаго журнала; а когда развернетъ другой журналъ, тутъ снова то же: какой бы журналъ то ни былъ, политическій или литературный, всякой статьяписатель долженъ почувствовать себя крайне несчастнымъ, когда увидить, что почтенный поручикъ Годаръ читаетъ журналы.

Съ книгами поручикъ Годаръ обходится столь же неуважительно, какъ и съ журналами. Когда попадаетъ ему новая книга, онъ беретъ ее, и, смотря по цвѣту обертки, болѣе или менѣе держитъ ее въ рукахъ. Я замѣтилъ, что онъ лучше всѣхъ любитъ желтую обертку книгъ: и въ его глазахъ первый современный книгопродавецъ-издатель тотъ, кто издаетъ книги въ желтыхъ оберткахъ. Взявъ книгу въ руки, онъ подноситъ ее къ глазамъ; глядитъ на нее сверху донизу, какъ пьяница разсматриваетъ бутылку вина; потомъ взглядываетъ на спинку обертки, не на заглавіе, но на цѣну — 15 франковъ! — съ пересылкою — 18 франковъ! При видѣ этихъ франковъ, правая ноздря его начинаетъ раздуваться такъ же какъ прежде раздувалась лѣвая ноздря. Внутреннее чувство у него все то

же, но поздря для книгъ другая. Почтенный поручикъ Годарь!

Не то, чтобы отставной поручикъ Годарь никогда не читывалъ ни книгъ, ни журналовъ: напротивъ, онъ читалъ ихъ много, слишкомъ много, къ несчастію его самого и всѣхъ насъ, высиживающихъ книги и журналы. Начитанность его тѣмъ ужаснѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ вовсе ее не подозреваешь. Вы не можете вообразить, какъ я испугался, замѣтивъ, что поручикъ Годарь читалъ такъ много книгъ и журналовъ: ясно, что онъ питаетъ къ нимъ ненависть не безпричинную, и потому и неумолимую.

Пересмотрѣвъ всѣ журналы, поглядѣвъ на всѣ книги, онъ сказалъ: — Господи Боже мой! не ужели же вы никогда не перестанете писать Сказки, Были да Повѣсти? Право ужъ наскучило слушать рассказы о похожденияхъ преступныхъ женщ, процвѣтавшихъ въ среднихъ вѣкахъ, въ осемнадцатомъ вѣкѣ, въ 1830 году и слѣдующихъ годахъ. Право, господа, скучно и досадно читать всѣ эти ничтожные романчики безъ развязки. Въ обыкновенныхъ Романахъ, по крайней мѣрѣ, занимательность кое-какъ поддерживается развитіями, страстями, разнообразностью приключеній, эпизодами, изложеніе тамъ одно, только въ первомъ томѣ, и, проглотивъ первый томъ, вы можете жить на свѣтѣ три или четыре тма, на счетъ того же изложенія. Преодолевъ половину первой части сочиненія, вы скоро къ нему привыкаете, и тогда оно тянется сколько угодно, — не то сколько удастся. Но Сказки и Повѣсти — сушая каторга! Повѣсть только начнешь, какъ она ужъ и кончилась. Вся она состоитъ изъ одного изложенія, — развязки нѣтъ и не бывало. Въ ней нѣтъ и быть не можетъ, ни характера, ни настоящаго разговора: гладко и ровно, какъ женщина, у которой нѣтъ ни тали, ни бедръ. Да когда же остановится этотъ грязный потопъ Повѣстей, Былей, Сказокъ и Рома-

новъ въ родѣ Сказокъ? Я думалъ, что ихъ ужъ нѣтъ: но вотъ они еще, — и еще; — и еще, — *Сальмигонди, Книга Повѣствователей, Журналъ Повѣствователей, Сто одна новая Повѣсть, Обзоръ повѣстей, Журналъ Повѣстей, Вечера, Долины, Горы, Кукарачи, Повѣсти на палубѣ, Повѣсти въ койкѣ, Повѣсти морскія, Сказки моряковъ, Ночной столикъ, Каминъ, Замокъ, Хижина, Между одиннадцати часовъ и полночи, Между часомъ и двумя, часомъ раньше, часомъ позже, Неподчасъ, Подъ липами, Подъ тополями, Подъ пескомъ, Моя юность, Моя старость, Титимъ, Повѣсти о Политической Экономіи, Повѣсти историческія, Повѣсти Литературы, Повѣсти философическія, Повѣсти безнравственныя, Непенетель, Попугай Вальтеръ Скотта, Повѣсти Новыя, Новыя Повѣсти, Повѣсти неизданныя, Повѣсти синія, Повѣсти коричневыя, Повѣсти францужинскія....* Что еще? чего вамъ больше? чего вы хотите? что еще будетъ? Повѣсти, Сказки, Были льются какъ дождь, сыплютъ какъ градъ, ждутъ васъ въ лѣсу, караулятъ у каминна, ложатся съ вами на подушку. Повѣсть, Сказка и Быль вездѣ, и въ мимолетномъ облакѣ, и въ бушующемъ вѣтрѣ, и въ пустой башнѣ, и на крутой скалѣ, и въ несущейся по дорогѣ коляскѣ, и въ кораблѣ, разсѣкающемъ волны; онѣ лицомъ черныя, бѣлыя, бронзовыя, мѣдныя и красныя; онѣ родомъ Восточныя, Американскія, Англійскія, Нѣмецкія, Русскія, Персидскія; онѣ душатся мускусомъ; онѣ пьютъ вино и джинъ, божатся, бранятся, ругаются, онѣ сентиментальны, сердиты, нахальны; носятъ усы и парикъ, растягиваются и на вышитой софѣ и на мокромъ дернѣ. Ей Богу, полно! баста! довольно Сказокъ, Повѣстей, и всѣхъ этихъ глупыхъ Разказовъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ отставной поручикъ съ досадою бросилъ на столъ новую Повѣсть подъ заглавіемъ — *Сказки нынѣшней недѣли.*

Всѣ хохотали, и никто поручику Годару не проти-

ворѣчилъ, потому что въ самомъ-то дѣлѣ всякой былъ одного сънимъ мнѣнія; всякъ сытъ, доволенъ Сказками. Одинъ я, пораженный тѣмъ, что этотъ человекъ знаетъ наизусть заглавія всѣхъ нашихъ Повѣстей, Былей и Сказокъ, вздумалъ защищать безобидную отрасль невинной и посредственной Словесности, — Словесности по плечу и нынѣшнимъ писателямъ, и нынѣшнимъ читателямъ, я рѣшился поспорить съ грознымъ поручикомъ, не подумавъ о томъ, какимъ опасностямъ подвергаюсь.

— Но сударь, возразилъ я ему, ненависть ваша къ Сказкамъ и сказочникамъ простирается, съ позволенія сказать, слишкомъ далеко. Повѣсть, позвольте вамъ доложить, старинное произведеніе воображенія, находимое у всѣхъ родовъ, на Востокъ и на Западъ, въ Парижъ Лудовика XI и въ гаремъ Гарунъ-аль-Рашида-съ. Повѣсть удобно принимаетъ всѣ формы, всѣ тоны, и поэтому не должно, то есть, нападать на нее, сударь. Во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена Сказка приносила счастливые плоды: она была отраженіемъ Востока, утѣшеніемъ людей во время моровой язвы въ Италіи; Комедіею въ древней Франціи, пока Мольеръ не подарилъ Франціи Комедіею. Повѣсть любимая кукла и дѣтей, и юношей, и стариковъ; она научастъ въ нѣсколькихъ страницахъ тому, чему Романъ не научить иногда и въ нѣсколькихъ томахъ. Наконецъ Повѣсть легко и писать, легко и читать: это мелкая монета, которую при нынѣшней Литературѣ пренебрегать, сударь, не слѣдуетъ-съ.

Когда я пересталъ говорить, — мнѣ казалось что я говорилъ вѣжливо и не дурно, — я былъ увѣренъ, что моя выходка произвела нѣкоторое дѣйствіе на отставнаго поручика. И дѣйствительно, всѣ ее слушали со вниманіемъ, всѣ, исключая проклятаго поручика Годара. Онъ слушалъ меня, раздувъ обѣ ноздри, вѣроятно потому, что не зналъ, говорю ли я какъ жур-

налъ, или какъ книга. Онъ далъ мнѣ говорить сколько угодно, а когда я договорилъ, онъ сказалъ:

— Ба! Во всемъ, что вы говорили слишкомъ много логики, и потому нѣтъ ни наволось правды. Именно потому, что на Востокъ писали Повѣсти и Сказки прелестныя, геніальныя, одушевленные убѣжденіемъ, наполненные почтенными и почитаемыми визи-
рями, благородными, уважаемыми, вѣрующими — именно поэтому вамъ и не слѣдуетъ писать Восточныхъ Повѣстей, ни Сказокъ. Именно потому, что Италія, трепещущая отъ язвы, обезчестила себя жадностію, съ которою слушала она Сказки и Повѣсти, вы не имѣете ни какого права писать во время язвы неблагопристойныя Повѣсти и Сказки, именно потому, что, послѣ Лудовика XI и Королевы Наварской, Мольеръ создалъ Комедію, — именно поэтому вы уже не можете имѣть Повѣсти добродушной, простой и нестыдливой, которая такъ забавляла почтеннѣйшаго Карла Тристана-Пустынника. Наконецъ именно потому, что у васъ нѣтъ ни какихъ повѣрій, ни паническаго страха, ни домашняго быта, ни поэзіи, ни воображенія, ни веселости, особенно веселости, качества столь рѣдкаго, что на Французскомъ языкѣ одной только книгѣ, «Жильблазу», позволяется быть веселою, — именно поэтому вы, господа нынѣшніе, и не имѣете законнаго предлога заниматься Повѣстями въ родѣ «Тысяча Одна Ночь» въ родѣ Декамерона, въ родѣ старинныхъ и неподражаемыхъ *Cent nouvelles nouvelles*. Вы говорите, что Повѣсть легко писать, легко и читать: пожалуй, я согласенъ, что ее легко писать, хотя благодаря Бога, самъ никогда не писывалъ; но чтобы ее легко было читать, это дѣло другое. Я утверждаю, что Повѣсти читать отнюдь не легко, и буду утверждать это, пока мнѣ не докажутъ противнаго, одинъ разъ хоть изъ ста одного раза.

Сказавъ это, поручикъ Годаръ бросилъ взоръ глу-

бочайшаго презрѣнія на книги, еще дѣвственныя, валявшіяся на столѣ.

Признаюсь, новое это нападеніе Г. Годара жестоко меня напугало. Противъ своей воли, я боялся этого черезъ-чуръ литературнаго человѣка. Я чувствовалъ, что мнѣ и моимъ собратіямъ придется плохо, если ученіе этого отставнаго поручика укоренится въ умахъ, и почелъ долгомъ опровергнуть его доводы. Я привелъ ему нѣсколько важныхъ именъ, пріобрѣтшихъ исполнскую извѣстность Повѣстями, Сказками и Былями, наименовалъ заглавія нѣсколькихъ знаменитыхъ твореній, исчислилъ заслуги и достоинства авторовъ, прославившихъ этотъ родъ Словесности во всей Европѣ. Я бился изо всей мочи, положилъ тутъ все свое краснорѣчіе. Поручикъ не прерывалъ меня. Когда я умолкъ, онъ принялся возражать мнѣ съ прежнимъ насмѣшливымъ видомъ.

— Да, да! сказалъ онъ: что и говорить о вашихъ сказочникахъ, о вашихъ сочинителяхъ Повѣстей и Былей! Великіе люди!... Не понимаю, право, какъ вы осмѣливаетесь сажать этихъ господъ подлѣ старинныхъ повѣствователей! Помоему, ихъ можно построить въ три баталіона: баталіонъ женскій, баталіонъ морской и баталіонъ среднихъ вѣковъ, и они ни отъ этого чуть не занимательнѣе.

Я слушалъ поручика Годара съ самымъ добродушнымъ вниманіемъ; а онъ продолжалъ съ прежнею своею ироническою улыбкой.

— Г. Бальзакъ, сказалъ онъ, командиръ женскаго баталіона. Женскій полъ на землѣ открылъ Г. Бальзакъ. До него, изволите видѣть, никто не понималъ женщинъ! Онъ изучилъ ихъ; онъ ихъ знаетъ, какъ свою шляпу. Господи Боже мой! сколько женщинъ высыпало изъ головы Г. де Бальзака! Да еще какія женщины! Женщины съ сердцемъ, женщины безъ сердца, женщины лѣтъ тридцати, женщины лѣтъ

двадцати, женщины съ огромною головою, женщины съ головою какъ у булавки, вдовы, замужнія, дѣвицы, ни вдовы, ни дѣвицы. У Г. Бальзака только и хлопотъ что о женщинахъ. У него только и видишь бѣлыя кисеи, розовыя шляпки, Брюсельскія блонды, газовыя ленты, вечернія омовенія, голубые глаза, аристократическія кожи, тайные изгибы сердца, вздохи, взгляды, бури въ груди, громы подъ корсетомъ, удары объясненій, — потомъ краснорѣчивое молчаніе. Г. Бальзакъ забавничаетъ и играетъ нѣжною страстью, какъ кошка несчастною крысою; ворочаетъ женщинъ во всѣ стороны, показываетъ въ разныхъ видахъ, служитъ имъ горничною, лакеемъ, носитъ ихъ шали, любитъся ими, когда онѣ спятъ, подымаетъ ихъ платокъ, когда онѣ падаетъ на мохъ лѣсной тропинки. Я увѣренъ, что руки Г. Бальзака пахнутъ помадою, платье пудрою, а бѣлье древнимъ масломъ; я увѣренъ, что у него на ногахъ мозоли отъ дамскихъ башмаковъ, въ которые онѣ обувается. Г. Бальзакъ просто не удавшаяся женщина, жейщина, которая усь и бороду брѣетъ. Это царь развалинъ Рамбульета. Мнѣ страхъ бы хотѣлось поглядѣть на Г. Бальзака въ старинной гостиницѣ дворца Рамбульетскаго съ глазу на глазъ съ молодымъ Боссюэтомъ и именно въ тотъ день какъ модный аббатъ принималъ отъ придворныхъ дамъ поздравленія по случаю первой своей проповѣди.

У этого Годара водятся престранныя идеи! А между тѣмъ онъ правъ: ей Богу, любопытно было бы видѣть молодаго Боссюэта, читающаго женскую сказку Г. Бальзака! Но боги не судили намъ насладиться этимъ зрѣлищемъ.

— Морскимъ департаментомъ въ царствѣ Сказокъ, продолжалъ поручикъ, править капитанъ Евгеній Сю. Чортъ возми! тысячу бомбъ! сто тысячъ чертей! держи съвернѣе! поворачивай! къ югу правый галсъ! лѣвый галсъ! зарифь паруса!... Этотъ ластится къ ко-

раблямъ, какъ Г. Бальзакъ ластится къ женщинамъ. Онъ треплетъ корабли рукою по округленной кормѣ, по выпуклымъ бокамъ; море волнуется, морской разбойникъ вѣшаетъ невинныхъ пассажировъ, матросы дерутся, рѣжутся и съдаются другъ друга: одинъ капитанъ Сю сохраняетъ свое хладнокровіе, и пишетъ сказки среди бурь, крови и потоковъ рому. Г. Евгений Сю всегда на кораблѣ, такъ какъ Г. Бальзакъ всегда въ уборной или въ дѣвичей. Это та же утрированная идея, та же преувеличенная страсть, та же однообразная любовь, — все тотъ же корабль и все та же женщина. Сто тысячъ чертей, капитанъ Сю, зарифуйте наконецъ свои паруса! Уфъ!... полно! Простите, прощайте! Маркизь де Бальзакъ, возьмите жъ свой Турецкій платокъ, который долженъ быть уже очень поношенъ и ступайте себѣ съ Богомъ!

Такъ говорилъ этотъ проклятый поручикъ Годаръ.

Я слушалъ поручика Годара. Пройдя чрезъ корабль и уборную, поручика, который ни кого не оставилъ въ покоѣ, бросился на средніе вѣки.

— Средніе вѣки, — о святая Альдегонда! — средніе вѣки съ добромъ и животомъ, холопи маститаго Библиофила Жакоба! О, этотъ, чума меня удуши, дряхлѣть и покрытъ морщинами, какъ старый колдунъ. Этотъ знасть наизусть самыя укромныя мѣста стараго города. Больницы прокаженныхъ, госпитали, дворцы, Людовика XI, турниры, труверы, Суды Любви, цыганы, Николай Фламель, вѣдьмы и дьяволъ, преступники въ золотыхъ кушакахъ, мѣщане Медвѣжьей Улицы въ мѣховыхъ шапкахъ, вельможна господинъ Мишелю, и льполицая отроковица Изолина, и все тряпье среднихъ вѣковъ неотъемлемая собственность многопочтеннаго и зѣло престарѣлаго книголюбца Жакоба. О, забавные разсказчики! О, смѣшные исторички! Одинъ любезникъ и женоподобный денди, другой любезникъ свирѣпый и манерный, третій лю-

безникъ среднихъ вѣковъ! Вотъ однако жъ цари вашей повѣствовательной Словесности, вотъ князя вашихъ разскащиковъ! Я не хочу льстить вамъ, господа, но, право, по совѣсти, я нахожу васъ удивительно скучными.

Любезный поручикъ Годаръ уже начиналъ приводить меня въ замѣшательство. Ему ли, отставному поручику, говорить такъ неуважительно о главахъ, мастерахъ новѣйшей Повѣсти и новѣйшаго Романа! Ему ли обходиться съ ними какъ съ школьными мальчиками! не удивляться главамъ-мастерамъ-разскащикамъ, которыхъ современное любопытство не можетъ наслушаться! Да, Боже мой, что же будетъ съ нами, писателями второстепенными, сказывающими сказки наудачу и, только въ качествѣ любителей сочиняющими повѣсти? Что будетъ съ нами, романистами, разночинцами, пишущими Романы на досугъ, безо всякаго намѣренія соперничествовать съ нашими учителями? — Боже мой, Боже мой! какъ я долженъ быть ничтоженъ въ глазахъ поручика Годара! думалъ я самъ про себя и отъ души желалъ укрыться въ моей безвѣстности отъ жестокой разборчивости поручика Годара.

Увы! увy! чего я боялся, то и случилось: ярость поручика еще не насытилась. Ему мало было убить Гг. Бальзака, Евгенія Сю и Библіофила Жакоба.

— А если отъ нихъ, сказалъ онъ, мы спустимся къ другимъ авторамъ, что найдемъ мы, великій Боже! Сколько прелестныхъ дамъ, къ несчастію немножко пожилыхъ¹, которыя разсказываютъ намъ древнюю исторію своихъ ощущеній! сколько путешественниковъ, сообщающихъ намъ впечатлѣнія и воспоминанія!² Трудно! ужасно трудно, слѣдовать за всѣми этими господами и госпожами въ неисходимыхъ ла-

¹ Г-жа Дюдеванъ, или Жоржъ Зандъ.

² Г. Александръ Дюма.

биринтахъ, гдѣ теряется ихъ воображеніе, притупленное или еще недозрѣлое! — Вдругъ, вспомнивъ прежній гнѣвъ свой, онъ вскричалъ, обращаясь ко мнѣ: — А что вы скажете о Альфонсъ Карръ, о Мишель Ремонъ, о Фредерикъ Сулье и о томъ еще, который такъ жестоко ломаетъ глаголы за недостаткомъ мыслей, о пресловутомъ Жюль-Жаненъ? чортъ возьми, сударь, всѣ взши Сказки, и всѣхъ вашихъ сказочниковъ!

И проклятый, отставной поручикъ посмотрѣлъ на меня съ торжествующимъ видомъ, какъ-будто зная, какой ужасный ударъ нанесъ онъ мнѣ. Но онъ не зналъ меня лично.

Признаюсь, что последнее замѣчаніе показалось мнѣ чрезвычайно обиднымъ: я принялъ видъ строгій и важный.

— Поручикъ! сказалъ я: вы слишкомъ жестоки. Мнѣ кажется, что люди, съ которыми вы такъ дурно обходитесь, заслуживаютъ не порицаніе, а благодарность. Вымыслы ихъ не разъ заставляли васъ забывать сельскія забавы, не разъ сокращали долгіе зимніе часы; они знакомили васъ съ нравами странъ отдаленныхъ, временъ прошедшихъ и настоящихъ; они дѣлали то, чего никто кромѣ ихъ сдѣлать не можетъ, — вѣщали въ тѣсномъ пространствѣ цѣлыя драмы, цѣлыя исторіи, не умаляя тѣмъ ихъ занимательности; они дѣлали то, сударь, что всякому удастся сдѣлать. Давно уже извѣстно, что — *La critique est aisée et l'art est difficile*. Вамъ бы не худо вспоминать объ этомъ почаще.

Поручикъ, не смущаясь, отвѣчалъ мнѣ:

— Признаюсь, сударь, что я плохой писака. Я также мало великій писатель, какъ и великій воинъ, потому, что мнѣ никогда въ жизни не случилось ни писать, ни сражаться. Но я такъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ вамъ, что я, отставной поручикъ Годаръ, не

вѣжда Годаръ, солдатъ Годаръ — и этого, кажется, довольно, — я такъ напѣтанъ Сказками, Повѣстями, Былями, Романами, Разсказами, воспоминаніями и другими мелкими снадобьями болтливой Литературы прошлаго года, что согласенъ прослыть жалкимъ челоукомъ, литераторомъ, если къ завтрашнему дню не изобрѣту, не составлю, не напишу вамъ Повѣсти, столь же занимательной, какъ и всѣ ваши нынѣшнія: въ которой будетъ и женщина, и преступленіе, и трагическая смерть и все, что составляетъ хорошую Повѣсть. Я торжественно это обещаю, милостивые государи и государыни: по моей милости, вы будете читать самую свѣжую сказку, самую новельскую изъ новыхъ Повѣстей. Завтра, въ это же время, я прочту вамъ ее, изобрѣтенную, разсказанную, написанную мною, просвѣдательнымъ и неученымъ поручикомъ Годаромъ. А вы съ своей стороны обязываетесь слушать меня съ такимъ же вниманіемъ, какъ если бы меня звали Альфонсомъ Карромъ, Мишелемъ Ремономъ, Карломъ Подье, Евгениемъ Сю, Библиофиломъ Жакобомъ, Фридерикомъ Сулье, Леономъ Гозланомъ, или Г. де Бальзакомъ.

Все общество съ радостію приняло предложеніе отставнаго поручика; и всякой далъ себѣ слово слушать его повѣсть съ величайшимъ вниманіемъ.

Прошелъ вечеръ, прошла ночь, насталъ слѣдующій день. Веселое и свѣтлое утро выставило изъ-за деревьевъ алое лице свое; потомъ облака зарѣлись и пришелъ жаркій, покрытый потомъ полдень; въ поляхъ воцарилось молчаніе, трава согнулась подъ тяжелыми лучами солнца; потомъ зефиръ, спавшій въ лѣсу, снова показался; потомъ, птицы опять начали пѣть, листья стали шевелиться, ручей журчать, роза освѣжилась. Потомъ зазвонили къ обѣду, и дамы явились разодѣтыя. Потомъ всякой пробрался въ отворенныя двери. — Гдѣ же поручикъ Годаръ?... Пору-

чикъ Годаръ! — А онъ, спокойный и неустрашимый, попѣвалъ ходя, прислонясь къ статуѣ Амура, выглядывающаго изъ кустовъ. Дамы и дѣвнцы хлопочутъ о поручикъ Годаръ. А а, — я его знаю, и онъ мнѣ кажется еще спокойнѣе, еще насмѣшливѣе обыкновеннаго. Когда же поручикъ Годаръ начнетъ читать!

Допивъ кофе, выпивъ рюмку ликера, поручикъ Годаръ сказалъ окружающимъ его дамамъ:

— Я готовъ читать вамъ ясно повѣсть, сударыни: она здѣсь, написана, кончена, готова. Приготовьте платки и перья.

Все общество кинулось въ залу за отставнымъ поручикомъ. Когда всѣ устали, онъ сказалъ:

— Заглавіе моей повѣсти очень просто. Вотъ оно:

Г Р О В Ъ.

=

«Вы конечно знаете, — такъ читалъ поручикъ Годаръ по тетрадкѣ, — замокъ Сентъ-Ассизъ: онъ торчитъ на возвышеніи, владычествующемъ надъ Сеною: его осязняютъ густыя лѣса; подошва его омывается рѣкою, медленно текущею. Вдали виднѣется веселая мельница, оживляющая противоположный берегъ; поселяне переѣзжаютъ взадъ и впередъ на паромѣ, заставленномъ рабочимъ скотомъ. Это древнее жилище старинныхъ Герцоговъ Орлеанскихъ.

Тутъ поручикъ пріостановился, какъ-будто для того, чтобы извѣдать мысли своихъ слушателей. Вступленіе его не произвело на насъ никакого дѣйствія: всѣ слушали спокойно, безъ удивленія, безъ энтузіазма. Изумленный поручикъ спросилъ меня взоромъ, будто угадывая, что я ремесломъ раскащикъ.

— Мнѣ кажется, поручикъ, сказалъ я, что вы избрали для вашей Повѣсти жалкой замокъ и жалкую эпоху. Замокъ, о которомъ вы говорите, засыпанъ столькими Сказками, Повѣстями, исторіями, стишками, Комедіями, Разсказами, Письмами, и другою литера-

турною рухлядью, что въ наше время всего этого не потребить. Вы были бы несчастнѣйшій человекъ, если бъ васъ принудили выслушать всѣ эти творенія. Я не хочу обезкураживать васъ, поручикъ, но право, вы избрали трудную эпоху и печальный замокъ.

— Въ томъ то и дѣло, господа, воскликнулъ поручикъ Годаръ, кладя на столъ свою рукопись. Въ Повѣсти моей нѣтъ и рѣчи о Сенѣ и замкѣ Сентъ-Ассизъ. Я написалъ вамъ Повѣсть Венеціанскую, и дѣйствіе происходитъ на берегахъ покрытой гондолами Бренты. Но какъ я отъ роду не видывалъ ни Бренты, ни Венеціи, и какъ мнѣ извѣстно, что новая Повѣсть безъ описаній обойтись не можетъ, то я сперва представилъ вамъ живописную картину мѣста, всѣмъ намъ знакомаго, а потомъ перенесу картину и исторію въ другую землю, которой не знавалъ ни я, ее описывающій, ни вы слушающіе, разинувъ ротъ, мое описаніе. Такимъ образомъ вы будете имѣть и вѣрность описанія, и правильную Повѣсть, и занимательное содержаніе. Исторія моя удивительная, и по-этому могла происходить только въ Венеціи, и притомъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, когда Венеція, говорятъ, была удивительно страшнымъ государствомъ.

«Ну, такъ въ Венеціи, — я не описываю вамъ Венеціи, потому что уже описывалъ замокъ Сентъ-Ассизъ, — въ Венеціи жилъ былъ знатный господинъ, богатый и уважаемый, покрытый ранами, который, обручавшись неразъ съ моремъ въ качествѣ Дожа, вздумалъ обручиться на старости съ юною Венеціянкою. То была настоящая Венеціанская Венеціанка: Венеціанскій языкъ, Венеціанскій взглядъ, скрытная и трепетная страсть Венеціанки*. Она принесла въ при-

* Авторъ статьи передразниваетъ въ этомъ мѣстѣ слогъ Г. Бальзака. Вообще вся эта Повѣсть есть не что иное, какъ пародія, и весьма удачная пародія образа повѣствованія знаменитѣйшихъ рассказчиковъ нынѣшней Парижской школы.

даное супругу своему, Венеціанцу, то же самое, что супруга Фаліери: прелесть, умъ, красоту, бѣдную юность, влажные глаза, воздымающуюся грудь, трепещущее сердце, глубокую и неизъяснимую грусть. Старикъ, со своей стороны, принесъ ей все, что можетъ принести старикъ Венеціанецъ, который былъ три раза Дожемъ, который провелъ Франтовскую свою молодость во Франціи, при Версальскомъ Дворѣ, гдѣ жилъ молодымъ господчикомъ, распутнымъ, веселымъ, тороватымъ; который, возвратившись изъ Франціи, провелъ зрѣлыя лѣта въ занятіяхъ государственными дѣлами, въ Совѣтъ Десяти, у челюсти мѣднаго льва, въ тюрьмахъ и темницахъ, слушая стоны заключенныхъ; который потомъ, состарѣвшись, вспомнилъ свою молодость, бѣшеную любовь свою, свою золотую и шелковую одежду, свои докучныя полуночныя серенады, свои долговременныя ухаживанія за любовницею, и свою грозную ревность, съ трудомъ погребенную въ сердце. Таковъ былъ этотъ старикъ, полу-Французъ, полу-Венеціанецъ: Французомъ былъ онъ въ молодости, Венеціанцемъ въ зрѣломъ возрастѣ, а на старости опять сталъ Французомъ; и онъ жилъ во всемогуществѣ, подъ сѣнію всемогущей аристократіи, которой посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни. Съ того дня какъ женился, благородный синьоръ Контарини думалъ уже только о женѣ своей, думалъ о томъ, чтобы ей нравиться, чтобы любить ее, чтобы окружать ее всѣми обольщеніями богатства и знатности; о томъ, чтобы дни ея скользили, какъ скользить легкая гондола по водамъ Адриатики, при звукахъ поэтической баркаролы.»

При этой фразѣ поручика, дѣйствительно звучной и мѣрной, слушатели ободрили рассказчика лестнымъ ропотомъ. Видно было, что они начинали принимать живое участіе въ его повѣсти, которую слушали сначала просто какъ шутку. Но поручикъ Годаръ, внезапно прервавъ чтеніе, вскричалъ:

— Вотъ то-то и есть! Вы всѣ таковы; васъ тотчасъ поддѣнешь кудравымъ словами. Красивый періодъ вы всегда предпочитаете хорошо расположенному разсказу. Надутая фраза вполне замѣняетъ вамъ занимательность. Бѣдные вы люди! вы начинаете принимать участіе въ этой старой повѣсти о Венеціанской ревности, повѣсти, которую уже лѣтъ триста вамъ разсказываютъ, потому только, что я вылилъ вамъ изъ пера періодъ довольно благозвучный. Но вы это любите; да будетъ такъ! Извольте.

Поручикъ снова взялъ свою рукопись и продолжалъ читать.

«Но то, что вы въ самомъ началѣ повѣсти конечно уже предугадали, тотчасъ и случилось. Дѣвушка, печальная и задумчивая, скоро почувствовала, какъ холодна и горестна постель старика. Скука взяла ее подъ шелковыми занавѣсками, скука со старикомъ худымъ и чахлымъ, съ блѣдными, помертвѣлыми губами, съ беззубою улыбкою. Бѣдняжка поникла головою подъ тягостнымъ ярмомъ брака, но поникнувъ головою, увидѣла у ногъ своихъ то, что всегда видитъ молодая женщина, которая со слезами на глазахъ, опускаетъ въ первый разъ голову. Увы! у ногъ своихъ увидѣла она молодаго человѣка изъ ихъ дома, юнаго, нѣжнаго Италіянца, съ черными глазами, съ лицомъ, загорѣлымъ отъ Неаполитанскаго солнца, съ трепещущимъ сердцемъ, робкаго молодаго человѣка съ раздраженными нервами, который ждалъ только страсти, чтобы потомъ умереть. Онъ былъ сынъ одного изъ Графскихъ мызниковъ. Графъ принялъ его къ себѣ, чтобы придать старому дворцу своему, въ которомъ тогда не жила еще молодая супруга, оживленный видъ, слѣдующій за юностію даже въ самыя мрачныя стѣны. И правда, что для оживленія этихъ герцогскихъ стѣнъ, строгихъ и безмолвныхъ какъ могила, нельзя было найти ничего лучше молодаго человѣка, живаго, шум-

наго, гнѣвливаго, залитаго золотомъ, молодаго чело-
вѣка, который кричитъ и поетъ, плачетъ и смѣется и
воочится; молодаго челоуѣка, который умѣетъ празд-
новать сумасбродныя ночи карнавальныя, который
знаетъ, гдѣ играютъ въ карты, который укажетъ въ
тысячѣ гондолъ гондолу ростовщика, узнаетъ безъ
ошибки и подъ маскою прекраснѣйшую Венеціанскую
прелестницу; молодаго челоуѣка наглаго, который
утромъ выходитъ въ дверь на дуэль, а вечеромъ вы-
скакиваетъ въ окно на любовное свиданіе; молодаго
челоуѣка, любимца шпаги, титары, игральныхъ ко-
стей, и матроса, и наемнаго убійцы, и актрисы и ста-
раго Контарини, который, до женитьбы своей, радо-
вался, что у него во дворцѣ есть всѣ принадлежности
золотой юности, и таинственная присмотрщица, и
ростовщикъ, и лакей безъ ливреи, и шпага, запят-
нанная кровію, и раздушенная записочка, и шарфъ
съ перемѣшанными вензелями, и вся его бывшая моло-
дость. И вотъ почему молодой Луиджи такъ нравился
старому Дожу, пока старый Дождь не вздумалъ пустить-
ся въ послѣднюю, ненадежную любовь.

Луиджи и Контарини почти помѣнялись въ одинъ
день ролями. Какъ скоро молодая женщина вступила
въ этотъ старый дворецъ, какъ скоро дворецъ услы-
шалъ ея сладостный голось, повторилъ эхо легкихъ
шаговъ ея, согнулъ старое плечо свое подъ ручками
Венеціанки; какъ скоро та, слегка опершись на позла-
щенныя перила балкона, посмотрѣла на горы, бѣлю-
щіяся подъ голубымъ небомъ; какъ скоро старый дво-
рецъ Дожа еще разъ перемѣнилъ хозяина, — синьоръ
Луиджи сдѣлался столь же скромнымъ, тихимъ, пе-
чальнымъ, осторожнымъ, какъ прежде былъ отва-
женъ, вспыльчивъ, веселъ, откровененъ и необузданъ.
Кончено: кто узнаетъ бѣлокуроаго кавалера подъ чер-
ною мантиею безъ вышивокъ, подъ токомъ безъ пера
и подъ этимъ скромнымъ застенчивымъ видомъ? Кон-

чено; Луиджи молчить, Луиджи прячется въ тѣни, скрывается; его не видно и не слышно; гитара его молчить; собака его повѣсила голову, лакей тоже. Въ прошломъ мѣсяцѣ синьоръ Луиджи заплатилъ всѣ долги свои, отпустилъ всѣхъ любовницъ, повѣсилъ шпагу на гвоздикъ: хорошенькія женщины, дуэлисты и ростовщики Венеціанскіе постигнуть этого не могутъ.

Между тѣмъ благородный Графъ Контарини предается другаго рода безпорядку. Онъ моется, убирается, душитъ и помадится. Всѣ швеи въ Венеціи на него работаютъ. Онъ велѣлъ отпустить свою шпагу; поднялъ и прикололъ на свой токъ перо, упавшее съ тока Луиджи. Увѣряютъ, что онъ пытался написать длинными стихами нѣжные стансы, и что даже костливые, скорченные ревматизмами его пальцы теребили струны гитары. Иной, увидѣвъ Дожа и Луиджи сзади, сказалъ бы: Вотъ, вѣрно, прекрасный Луиджи; а этотъ, конечно, идетъ въ Совѣтъ Десяти; а потомъ, указавъ на синьора Контарини, онъ прибавилъ бы. Счастье, право, что моя хорошенькая Фраголетта не глядитъ теперь изъ окна; этотъ красавчикъ сорвалъ бы у нея мимоходомъ не одинъ поцѣлуй.

Но увы! во дворцѣ Луиджи, въ своей черной бархатной мантии, былъ по прежнему блѣднымъ и нѣжнымъ молодымъ человѣкомъ; Контарини, въ вышитой своей мантии все тотъ же желтый и сухой старикъ, старикъ ужасно сухой и желтый. И молодой человѣкъ былъ такъ милъ, такъ печаленъ, такъ задумчивъ, такъ скромнень, что она его полюбила и сказала ему: Люблю тебя! и онъ осмѣлился вымолвить: Люблю тебя! Не это слово раздалось въ его сердцѣ, это слово возмѣлоало всѣ его чувства, это слово должно было убить его и въ самомъ дѣлѣ его убило: могъ ли онъ бороться со своимъ благороднымъ и великодушнымъ господиномъ, онъ слабый, робкій, трепещущій Луиджи?

Старинныя Венеціянскіе замки одарены роковою по-
нятливостію; они выстроены изъ стараго мрамора ста-
рой Венеціанской республики, когда во всей Венеціи не
было камня, который бы не умѣлъ подслушивать и
потомъ пересказывать. Старый дворецъ Контарини ро-
дился съ благородною фамиліею, которой имя и гербъ
носилъ онъ; онъ прошелъ сквозь всѣ перемѣны судь-
бы господъ своихъ: онъ былъ сначала магазиномъ,
когда владѣтели его были купцами; онъ сталъ крепо-
стью, когда господа его сдѣлались воинами; онъ пре-
вратился въ благородный дворецъ, когда господа укра-
сили его гордою короною Герцогскою. Этотъ благо-
родный дворецъ былъ совершенно Контарини, со сви-
щовой своей крыши до дубоваго основанія. Онъ былъ
скорѣе оболочкою, чѣмъ домомъ стараго Герцога, ско-
рѣе его панцыремъ чѣмъ жилищемъ; онъ любилъ
своего господина; онъ гордился своимъ господиномъ;
онъ узнавалъ своего господина; онъ былъ печаленъ,
когда грустилъ господинъ его; пѣлъ, когда господинъ
его предавался удовольствіямъ застольнымъ; бѣсилъ-
ся, когда господинъ его гнѣвался; онъ былъ ревнивъ,
жестокъ и мстителенъ какъ господинъ его; у него
было сердце, душа, имя его господина; его звали Кон-
тарини.

Что же могли дѣлать юныя растенія, пересажен-
ныя подъ чужое солнце, Луиджи и Догаресса, окру-
женныя этимъ дворцомъ, затерянные въ этомъ двор-
цѣ? Что они могли дѣлать, несчастные, когда за ни-
ми шпионничали эти стѣны, дуэпны неумолимые какъ
долгъ? При первомъ поцѣлуѣ, который Италіанецъ
напечатлѣлъ на рукѣ Венеціанки, старый дворецъ
закричалъ негодованіемъ, громкимъ своимъ эхомъ раз-
будилъ спавшаго господина и сказалъ ему на ухо,
что преступленіе тутъ, что оно готово разорвать брач-
ную одежду юной его супруги. При этой вѣсти ста-
рый Дождь взялъ свою шпагу и пошелъ къ дверямъ

спальни своей супруги. Дверь заперта; Дождь тихо стучится; рука его сдвинула не больше шума как черный шаръ, падающій въ урну смѣрти. Услышавъ этотъ стукъ, Луиджи почувствовалъ ударъ въ сердце.

Я уже говорилъ вамъ, какъ этотъ молодой человѣкъ былъ слабъ и нѣженъ, какъ быстро приливалась у него кровь къ сердцу; онъ въ всю жизнь не пугался, но первый испугъ долженъ былъ убить его. Каково же было ему, когда онъ услышалъ этотъ стукъ, когда юная Догаресса, наклонясь къ нему, ничего не слышала, и когда наконецъ дверь отворилась, и въ ней показалась длинная, сухая фигура стараго Дожа?

Луиджи упалъ замертво.

Старикъ подошелъ. — Сударыня, сказалъ онъ жене, мнѣ пріятно видѣть, что вы такъ любите вѣрныхъ слугъ нашихъ. Вотъ слуга, котораго я очень любилъ; но между тѣмъ, хорошо что онъ умеръ, хорошо и для него, хорошо и для васъ, сударыня. Пусть смѣръ его послужить прощеніемъ и ему и вамъ, сударыня. И старикъ вышелъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ.

Какъ скоро онъ вышелъ, Луиджи (такъ сильно дѣйствіе воли!) Луиджи ожилъ. — Елена, сказалъ онъ своей возлюбленной. Елена, прощай, прощай, прощай! я умеръ. Прощай, ангелъ, котораго я спасаю; прощай! прелестная и благородная женщина! прощай, прощай. И онъ обнималъ ее, и онъ цѣловалъ ее, этотъ разъ ужъ въ губы. Потомъ, послышавъ шаги, онъ снова упалъ замертво.

Пришелъ старикъ съ слугами и священникомъ. Старикъ вошелъ сначала одинъ; онъ подошелъ прямо къ Луиджи и положилъ руку на его сердце; потомъ сказалъ съ ужасною улыбкою женѣ своей: — О! онъ точно умеръ. Бѣдный Луиджи! умеръ такъ молодъ, такъ скоро, не получивъ отпущенія въ грѣхахъ своихъ! — Отецъ святой, сказалъ онъ, обратясь къ подходившему священнику — отецъ святой, вотъ моло-

дой человекъ, которому уже ничего на свѣтъ не нужно, кромѣ молитвъ по усопшихъ.

Потомъ онъ обратился къ служителямъ.

— Принесите, сказалъ онъ, принесите ящикъ свинцовый, въ какомъ кладутъ Патриціевъ и гробъ крѣпкій дубовый. Я не хочу, чтобы черви скоро источили благородный трупъ его. — И онъ бросилъ свою мантию на лице Луиджи. — Глазамъ его больно отъ солнца, сказалъ онъ трепещущей женѣ своей.

Жена его, холодная и неподвижная какъ мраморъ, жена его, которая начинала понимать мщеніе своего мужа и самопожертвованіе Луиджи, жена его думала, что все это грѣзы, какъ болѣзненные грѣзы человека въ горячкѣ; она подошла къ своему мужу, и голосомъ, сколько могла болѣе кроткимъ, сколько могла менѣе дрожащимъ, сказала ему: — Выдѣйте изъ этой роковой комнаты, благородный супругъ мой, предоставьте этотъ трупъ священникамъ и чернымъ кающимся. Но онъ, нѣжно отведя ее рукою, сказалъ: — О нѣтъ, нѣтъ! подумай, что онъ былъ мнѣ почти сыномъ; что я взялъ его нищаго отъ нищаго отца его; что я съ величайшимъ стараніемъ, съ величайшею заботливостію его воспитывалъ; что онъ шелъ на рѣю съ благороднѣйшими, съ богатѣйшими патриціями; что я осыпалъ его удовольствіями и золотомъ, когда онъ былъ здоровъ, ходилъ за нимъ, когда онъ былъ боленъ; что онъ властвовалъ здѣсь какъ господинъ, повелѣвалъ самимъ мною и называлъ меня просто: *батюшка*. Подумай, что я нѣжно любилъ его, что и онъ нѣжно любилъ меня, любилъ любовью сыновнею, что онъ согласился бы тысячу разъ умереть, чтобы только избавить меня отъ оскорбленія, и что во всей республикѣ не было сына преданнѣе, покорнѣе, почитательнѣе къ сѣдымъ волосамъ старика. О, добрый Луиджи! Добрый и достойный Луиджи! И ты ляжешь въ могилу! И ты умеръ такъ рано, прощаюсь съ моею

женою, которую уважалъ ты какъ собственную мать свою! И вы хотите, чтобы я покинулъ бранные его останки! о нѣтъ! нѣтъ, Луиджи, милое дитя мое! Нѣтъ! призываю въ свидѣтели небо и васъ всѣхъ, здѣсь присутствующихъ. Я не покину тѣла вѣрнаго слуги моего, пока онъ не будетъ лежать въ гробу; не покину гроба, пока онъ не будетъ опущенъ въ могилу; не покину могилы, пока не возвысится надъ нею пышный бронзовый памятникъ. — И между тѣмъ старикъ глядѣлъ на жену свою, и клалъ руку на бархатную мантию, покрывавшую тѣло Луиджи.

Настала ночь; зажглись свѣчи воска желтаго; слуги принесли дубовый гробъ и ящикъ свинцовый. Гробъ ожидалъ только тѣла покойника; монахи, Камалдульскаго ордена, насунувъ капишоны свои на голову, приближались, чтобы положить его въ гробъ. Контарини, приподнявъ голову, остановилъ ихъ. — Отцы святыя, сказалъ онъ Камалдулямъ, дайте мнѣ почтить до конца преданность самую благородную, добродѣтель самую безкорыстную. Бѣдный молодой человѣкъ, лежащій здѣсь безъ движенія, былъ мнѣ сыномъ, и никто, кромѣ престарѣлаго отца, не положить его въ гробъ. Преклоните же колѣни, отцы святыя, и молитесь объ упокоеніи души его, пока я исполню послѣдній долгъ надъ грѣшнымъ его тѣломъ.

Камалдулы стали на колѣни и запѣли гимны погребальныя; Контарини взялъ покрывало, которое носила жена его, и въ минуту обернулъ имъ голову покойника. — Теперь открой гробъ его, сказалъ онъ женѣ своей.

Она не трогалась; монахи продолжали надгробное пѣніе; Контарини сказалъ шепотомъ: — подумайте, благородная Догаресса, что вы не можете сдѣлать слишкомъ много для чести несчастнаго молодого человѣка, который умеръ такъ кстати для васъ. Притомъ, я такъ хочу; да, вѣрно, такъ хотѣлъ бы и

Луиджи. Если бъ онъ былъ здѣсь, если бъ онъ могъ говорить, онъ, конечно, сказалъ бы вамъ, по крайней мѣрѣ, съ нѣжнымъ взглядомъ: — спасите себя, спасите все, что мнѣ мило, когда уже ни небо, ни земля, ни ваши мольбы, ни ваши слезы, не могутъ спасти меня.

Видя, что его подслушиваютъ, Дождь произнесъ вслухъ нѣсколько словъ Латинской церковной пѣсни, какъ-будто оканчивая тихо начатую молитву.

А хоръ, какъ бы соотвѣтствуя мыслямъ господина, пропѣлъ слѣдующій стихъ той же пѣсни.

Старый Контарини повторилъ снова тѣ же Латинскія слова.

А хоръ началъ погребальную пѣснь *Dies irae*.

Старикъ связалъ ноги покойника; между руками его, сложенными на груди, привязалъ онъ крестъ, и потомъ, окончивъ всѣ эти приготовленія, едѣмалъ знакъ жень своей и сказалъ ей шепотомъ: — Рѣшитесь еще на одно доброе дѣло, сударыня; помогите мнѣ положить его въ гробъ.

Догаресса, услышавъ эти ужасныя слова съ трепетомъ отступила и испустила крикъ, который до половины замеръ на устахъ ея.

Дождь присоединилъ и свой голосъ ко всѣмъ этимъ погребальнымъ голосамъ.

— Слушайте со вниманіемъ, сударыня, сказалъ онъ шопотомъ:

И потомъ произнесъ онъ громко:

Recordare, homo pie!

— Если ты не будешь повиноваться, если онъ сдѣлаетъ хоть малѣйшее движеніе....

Quis est finis tuae viae.

— Онъ умретъ, и ты тоже.

Потомъ, сложивъ руки, онъ вскричалъ, со слезами на глазахъ:

Ne sis miser illa die!

При этомъ видѣ, при этомъ погребальномъ пѣніи, при этомъ ужасномъ хладнокровіи, Догаресса не могла болѣе удерживаться; съ судорожнымъ движеніемъ приблизилась она къ покойнику; Контарини остановилъ ее.

— Возьмите его за ноги, сударыня: я подыму голову; и будьте осторожны. Она, въ отчаяніи, не зная сама что дѣлаетъ, взяла Луиджи за ноги; Контарини взялъ за голову. Все кончено: Луиджи лежитъ въ свинцовомъ гробѣ. Бѣдная женщина закрыла лицо объими руками.

Межъ-тѣмъ молитвы по усопшихъ продолжались:

Ab insidiis diaboli,
A damnatione æternâ.

А Дожъ приговаривалъ:

Libera eum, Domine!

Дожъ, приподнявъ крышку, закрылъ гробъ навѣки. Онъ медленно закрывалъ ее. И всѣ видѣли, что онъ, еще не закрывая крышки, сказалъ что-то покойнику; и никто не слышалъ словъ его, за исключеніемъ только Догарессы.

— Синьоръ Луиджи, сказалъ Дожъ, мы квиты.

И онъ закрылъ гробъ. У гроба былъ замокъ, у этого замка ключъ; онъ заперъ замокъ ключемъ и повѣсилъ ключъ на шею женѣ своей.

Когда все было кончено, на гробъ положили черный покровъ, устланный серебряными слезами. Между человѣкомъ въ гробу и свѣтомъ, была цѣлая бездна. Теперь Луиджи ужъ точно умеръ.

Двѣнадцать здоровыхъ монаховъ подняли гробъ на плеча, и при свѣтѣ восковыхъ свѣчъ, при пѣніи погребальныхъ псалмовъ, его отнесли въ склепъ Контарини.

Въ старинныхъ погребальныхъ склепахъ, всегда приготовляли одну могилу заранѣе. Я отдаю мою могилу слугѣ моему Луиджи, сказалъ Дожъ; могила моя

дороже мнѣ всего кромѣ васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Догарессъ.

Гробъ опустили въ могилу. Когда гробъ опускался, присутствующимъ послышался слабый крикъ; но Дождь, взявъ у могильщика лопату, бросилъ на гробъ землю; и потомъ уже слышался только стукъ падающей земли, который становился все глуше и глуше.

Наконецъ, могила была засыпана; пѣніе прекратилось. Дождя хотѣли увести оттуда; но упрямый старикъ вскричалъ: О нѣтъ! я поклялся, что покину моего Луиджи только тогда, когда надъ нимъ будетъ мраморный памятникъ. Слуги мои, выслушайте приказъ мой! Возьмите бронзовый памятникъ на могилѣ отца моего, благороднаго Графа Контарни, и притащите этотъ памятникъ на могилу моего Луиджи. Знаю, это честь неслыханная, безпримѣрная, обнажить могилу отца моего, чтобы украсить могилу моего пріемыша; обнажить мѣсто, гдѣ поконится старецъ, чтобы торжественно означить то, гдѣ лежитъ юноша; отнять у отца моего благородный гербъ его фамиліи, герцогскую его корону, гордый щитъ его съ лиліями; чтобы поставить все это надъ теплою еще головою сына его мызника, это странно, удивительно; но это моя воля, это приказъ, который отдаю я въ могильномъ склепѣ моихъ предковъ, это дѣло, которое я скоро самъ разберу съ отцомъ моимъ. Возьмите же эти бронзовые трофеи, этихъ бронзовыхъ ангеловъ, всю эту бронзу, переплавленную изъ пушекъ, взятыхъ въ Корфу, драгоценнѣйшую бронзу республики, перетащите ее на могилу Луиджи! Тамъ утвердите ее цементомъ и желѣзными цѣпами, чтобы она оставалась тутъ на мѣстѣ до кончины свѣта, чтобы никто не могъ ее сдвинуть, ни даже самое землетрясеніе. Исполняйте, я приказываю.

Такъ говорилъ старецъ; а какъ слуги еще не рѣшались наложить руку на памятникъ грознаго Контари-

ни, который мановеніемъ бровей устрасалъ даже тайный совѣтъ, Дождь подошелъ самъ и первый наложилъ руки на страшный памятникъ. — Помогите же мнѣ слуги мои! вскричалъ онъ. И вотъ почему тѣ, которые не знаютъ этой исторіи, рассказываютъ путешественникамъ, обозрѣвающимъ Венецію, что дьяволъ однажды сдвинулъ съ мѣста памятникъ стараго Контарини.»

Такъ говорилъ почтенный поручикъ Годаръ. А какъ собраніе, движимое Богъ-знаетъ какими пружинами, какими измѣненіями голоса, какими дѣйствіями свѣта, одной изъ тысячи случайностей, которыя не разъ прославляли ораторовъ, — сильно растроганное, слушало эту повѣсть съ напряженнымъ вниманіемъ, поручикъ вдругъ захохоталъ во все горло.

— Э! милостивые государи и милостивыя государыни, сказалъ онъ, удержите, ради Бога, ваши слезы; неужели же вы не видите, что я цѣлый часъ рассказываю вамъ самую новую изъ всѣхъ возможныхъ новыхъ повѣстей?

— То есть, что вы уже цѣлый часъ надъ нами насмѣхаетесь, господинъ Годаръ?

— Это-то именно я и хотѣлъ сказать. Право, глупъ ты, прибавилъ онъ, знаменитый поручикъ и рассказчикъ, Годаръ, что ты живешь въ отставку безъ мѣста и безъ жалованья, а не примешься рассказывать сказки, которыя ты такъ хорошо рассказываешь.

Боюсь я только, добрые люди, охотники терять время и тратить слезы, чтобы поручикъ Годаръ не отвадилъ васъ навсегда отъ Повѣстей, Былей Сказокъ и сказочниковъ!

O.

Revue de Paris.

ЛЮБИМЫЯ СОБАКИ.

АНЕКДОТЪ.

Гуапъ, гуапъ, гуапъ!

— Замолчишь ли ты, Азоръ!

Гуапъ, гуапъ, гуапъ, гуапъ, гуапъ, гуапъ!

— Ну вотъ и Діана туда же.

Гуапъ, гуапъ!

— Государь мой, прошу васъ, извините.

Гуапъ, гуапъ, гуапъ!

— Проклятыя собаки, уйметесь ли вы?

Гуапъ!

— Прощу васъ садиться.

Гуапъ, гуапъ, гуапъ!

— Перестанете ли вы, несносныя твари! Вѣдь этотъ господинъ не воръ! что вы такъ размаялись?

Наконецъ собаки умолкли, и посѣтитель хотѣлъ начать разговоръ: но едва незнакомый голосъ его коснулся чуткаго слуха животнаго, какъ Азоръ принялся лаять снова; Діана завторила ему немедленно.

— Опять! закричалъ сердито Г. Канофилъ: вотъ я тебя прогоню, несносный воркотунъ! Но, что это за собаки! продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ гостю: нельзя ни нахвалиться! Какъ вѣрны! Какъ ко мнѣ привязаны! Вѣдь и теперь онѣ лаятъ отъ того, что привыкли сторожить меня... особливо Діана: у нее теперь есть щенята; отъ того она такъ и зла, — а обыкновенно...

— Я пріѣхалъ, прервалъ посѣтитель, чтобъ...

Гуапъ, гуапъ, гуапъ, гуапъ! Гу...апъ!

— Нѣтъ нужды, сударь; продолжайте: я привыкъ къ этому лаю; мнѣ это не мѣшаетъ слышать все, что мнѣ ни говорить.

— Очень можетъ статься... Гуапъ! — сударь; но я...

— Гуапъ! — я совсѣмъ... Гуапъ! — самъ себя... — Гуапъ, гуапъ! — не слышу.

Гуапъ, гуапъ, гуапъ, гуапъ!

— Постой же, бездѣльникъ! проклятый крикунъ!... Поди сюда. Молчи!... Ну вотъ, сударь мой, онъ утихли; продолжайте. Когда Азоръ на моихъ колѣняхъ, онъ никогда не лаетъ.

— Не имѣя чести быть вамъ знакомымъ, милостивый государь, я просилъ корреспондента вашего въ Марселл...

— Извините меня, сударь; Діана визжитъ: у ней щенята; бѣдная мать просится къ дѣтямъ. Это очень естественно! Я только отворю ей дверь, и опять слушаю васъ. Пойдемъ, бѣдняжка! Ну же!... полно смотреть на этого господина; рѣшайся выйти въ дверь...

Г. Канофилъ выпустилъ Діану, затворилъ дверь, и сѣлъ опять на свое мѣсто.

Ахъ, это пріятель мой Дельбрюнъ!... Ему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ... я истинно радъ, сударь мой; радъ, душевно радъ... Хотя я и увѣренъ, что вамъ не нужна ни чья рекомендація, однако, въ моихъ глазахъ, вы не могли выбрать удачнѣе.

— Дѣло идетъ, сударь, о грузъ судна, которое пріятель вашъ Дельбрюнъ долженъ...

— Ну, куда же ты? закричалъ Г. Канофилъ Азору. А!... ты царапаешься въ дверь!... Ну, не умная ли это собака, сударь мой?... Только, что не говорить!... Признайтесь, что многіе просвѣщенные люди могли бы поучиться у собакъ! Любите ли вы, сударь мой, это животное? Есть ли у васъ собаки?

Нѣтъ! и я далъ себѣ слово никогда не держать ихъ въ своемъ домѣ.

— Напрасно!... Право напрасно!... Не обижая друзей вашихъ, сударь мой, я ручаюсь, что вы не найдете друга, котораго бы можно было сравнить съ вѣрною собакою.

Г. Канофилъ всталъ, отворилъ дверь; Азоръ вы-

шелъ, а Діана вошла опять въ горницу, не смотря на всѣ усилія хозяина не впускать ея.

— Нечего дѣлать! сказалъ наконецъ Г. Канофилъ, рѣшаясь покориться своей участи: нѣтъ средства не впустить ея! Эти добрыя животныя удивительно ко мнѣ привязаны; особливо Діана. Повѣрите ли, что всякой разъ, когда я не объѣдаю дома, она ничего не ѣстъ, — это вѣрно; — я думаю, она бы умерла съ голоду, еслибъ я не возвратился. Добрая собака!...

Онъ сталъ ее гладить.

— Очень этому вѣрю!... Но, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, это судно, которое скоро должно отплыть...

Грубоватый голосъ гостя опять возбудилъ негодованіе Діаны, которая снова подняла жестокій лай, сколько господинъ ея ни старался доказать ей увѣщаніями, что она напрасно беспокоится и даже не-сносна.

— Пойдите! наконецъ вскричалъ онъ: я знаю, чѣмъ ее унять.

Гость думалъ, что хозяинъ пострашаетъ ее тростью или хлыстомъ; совсѣмъ нѣтъ: Г. Канофилъ подошелъ къ шкафу, вынулъ изъ него нѣсколько ватрушекъ, которыми Діана мгновенно завладѣла, не переставая при томъ ворчать. Она, какъ нарочно, принялась пожирать ихъ подъ самымъ тѣмъ стуломъ, на которомъ сидѣлъ выведенный изъ терпѣнія посѣтитель.

Гость отодвинулъ ногу, потомъ другую. Хозяинъ примѣтилъ его движеніе.

— Не бойтесь! сказалъ онъ: она не смѣетъ васъ уку-сить; она знаетъ, что я здѣсь.

Разговоръ, было, возобновился: но Азоръ, почувавъ сквозь дверь благовоніе ватрушекъ, сталъ лаять изо всѣхъ силъ, чтобъ имѣть свою долю. Діана ну отвѣчать! Не стало возможности ни говорить, ни слушать. Надо было впустить Азора... Но этимъ еще не кончи-

лось. Завязалась драка между голодною матерью и жаднымъ супругомъ; драка, которая казалась тѣмъ непріятнѣе посѣтителю, что происходила подъ его ногами. Бѣдный гость, раздѣленный между опасеніемъ обидѣть хозяина, и страхомъ видѣть свои ноги жертвою зубовъ и когтей двухъ его любимцевъ, не знаетъ, что говорить, не понимаетъ самъ себя, забылъ даже все, что хотѣлъ сказать.

Г. Канофилъ, видя его встающаго съ мѣста, старается удержать.

— Погодите! останьтесь еще минуту! Прочь, жадный Азоръ! Оставишь ли ты ее дождать въ покоѣ? Обжора! воръ!... Пстой-ка: я научу тебя рвать ее за ухо!.. Ужъ я-то не шучу съ ними!...

И куда Г. Канофилъ сражается на словахъ, топаетъ ногами, и не жалѣетъ угрозъ для укрощенія воюющихъ партій, гость его уже у дверей; уже онъ въ кабріолетъ.

— Уѣхалъ!... Ему же хуже! сказалъ Г. Канофилъ. Какъ онъ нетерпѣливъ!... И я, право, не сожалею, что не узналъ отъ него, о какомъ дѣлѣ хотѣлъ онъ мнѣ предложить: я не люблю тѣхъ людей, которые не терпятъ собакъ: это показываетъ холодную душу, сухое сердце.....

— Что это за чудакъ съ своими собаками! говорилъ въ свою очередь негоціантъ, пріѣхавъ домой и очищая свое черное платьѣ отъ приставшей къ нему, во множествѣ, собачей шерсти. Видана ли такая глупая охота?.... А мнѣ говорили объ немъ, какъ объ умномъ и добрыйшемъ чловѣкѣ!.... какъ о чловѣкѣ, котораго удовольствіе состоитъ въ одолженіи ближнихъ!.... Ну пусть же кто-нибудь на свѣтѣ добьется отъ него толку, черезъ его рассказы о собакахъ, черезъ весь этотъ лай несносной его стаи!....

И точно, Г. Канофилъ былъ одинъ изъ добрыйшихъ и благороднѣйшихъ людей на свѣтѣ. Онъ долго былъ

жертвою непостоянностей любви, холодныхъ несправедливостей дружбы; но необходимость быть любимымъ, — этотъ недугъ душъ возвышенныхъ, который подавляется самолюбіемъ, но имъ не излечивается, — необходимость быть любимымъ владела имъ въ высочайшей степени.

Чтобъ не чувствовать себя несчастнымъ среди всѣхъ выгодъ богатства, ему нужна была увѣренность, что онъ любимъ пламенно, ожидаемъ нетерпѣливо; что присутствіе его доставляетъ удовольствіе; что его страданія производятъ въ комъ-нибудь печаль; что имущество его есть священный залогъ, охраняемый чѣмъ-нибудь усердіемъ и вѣрностію. Всѣхъ этихъ качествъ искалъ онъ въ людяхъ, и нашелъ ихъ, — сказать ли правду? — нашелъ только въ собакахъ. Отъ того-то владычество Азора и его подруги такъ сильно водворилось въ сердца добраго и слишкомъ часто обманутаго Канопила, — владычество, которое многимъ казалось такъ нелѣпо, надъ которымъ столь многіе смѣялись!.....

Между-тѣмъ судно, о которомъ несчастный посылитель приходилъ извѣстить его, отплыло, и Г. Канопиль потерялъ сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Онъ былъ въ отчаяніи, и въ первый разъ выслушалъ со вниманіемъ длинную рѣчь Антуанеты, которая совѣтовала ему бросить этихъ собакъ въ воду; онъ даже обещалъ ей подумать объ этомъ..... Молодая Антуанета, прелестная племянница Г. Канопила, была одна изъ тѣхъ, которые наиболѣе досаждали ему, издѣваясь надъ «любимыми» его собаками. Антуанета всякой часъ находила причины на нихъ жаловаться: то бѣлое ея платье было все въ пятнахъ отъ грязныхъ лапъ Діаны, объявшей ее въ восторгъ при долго-жданномъ свиданіи; то кроликъ, ею взлелѣянный, былъ задавленъ Азоромъ; то гирланда изъ розъ, приготовленная для бала, сдѣлалась предметомъ и жертвою не-

осторожныхъ игръ обопхъ пріятелей дяди между собою. Вотъ и бѣлый атласный башмачекъ пропалъ въ одно мгновеніе ока!... они поспорили объ немъ такъ удачно, что, кромѣ подошвы, ничего не осталось. На всѣ эти жалобы, на всѣ ея доносы, добрый дядя всегда отвѣчалъ не иначе, какъ давая племянницѣ денегъ болѣе, нежели какъ было нужно на покупку десяти кроликовъ, а гирляндъ и бѣлыхъ башмаковъ для двадцати баловъ: что жъ! — неблагодарная не менѣе того продолжала осыпать бѣднаго Азора и нѣжную его Діану, ѣдкими замѣчаніями. Дядя тогда ея не слушалъ. Но теперь!... сто пятьдесятъ тысячъ франковъ!... по случаю этихъ несносныхъ собакъ!....

Въ одну ночь, весь домъ погруженъ въ глубокій сонъ: Діана лааетъ съ бѣшенствомъ, Азоръ кидается въ неистовствѣ къ двери, ведущей въ небольшой кабинетъ, гдѣ стоитъ шкатулка Г. Канофила. Проснувшись въ испугъ отъ яростнаго лая своихъ собакъ, Г. Канофилъ звонитъ; люди сбѣгаются; онъ поспѣшаетъ съ ними въ кабинетъ, и находитъ окно отворенное настежь, лѣстницу спущенную въ садъ; кидается къ своей шкатулкѣ: первый замокъ сбить, — вѣроятно и второй имѣлъ бы ту же участь, еслибъ похитители, уstraшенные лаемъ собакъ, не обратились въ бѣгство! Еще минута, и добрый Канофилъ былъ бы разоренъ совершенно; мстительная Антуанета потеряла бы свое приданое и назначенное ей отъ дяди наследство, а читатель лишился бы этой повѣсти. Сколько бѣдъ, причиненныхъ и уstraненныхъ двумя ничтожными собаками! И сколько, сколько разъ, въ послѣдствіи, хорошенькая племянница благословляла странную охоту своего дяди, особливо, когда чистая и постоянная ея привязанность была увѣнчана бракомъ съ молодымъ и прекраснымъ Альфредомъ, который, быть-можетъ, не женился бъ на ней безъ приданого.

АННА СИТНИКОВА.

О СОСТОЯНІИ

ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМЫ *.

=

Странно, какъ доселѣ оставалось незамѣченнымъ то замѣчательное обстоятельство, что хотя Литература наиболѣе содѣйствовала къ приготовленію Французской революціи, однако имѣла мало вліянія на ея развитіе, и почти не участвовала въ ея успѣхахъ. Писаки подкопали общественную и политическую систему древней Франціи, но сами спрятались отъ головорѣзовъ, а тамъ исподтишка и рабобѣпно выползали на свѣтъ только для того, чтобъ кланяться въ ноги генераламъ, которые, какъ всегда водится въ революціяхъ, изъ развалинъ прежняго правительства вывели стѣны военнаго деспотизма. Въ продолженіе этого длиннаго ряда политическихъ перемѣнъ, когда все облекалось въ новыя формы, все шло непроторенными дорогами, одна Литература коснѣла въ древнихъ своихъ преданіяхъ, и критическіе догматы временъ Лудовика XIV, съ маловажными только измѣненіями, оставались во всей силѣ по самый день Наполеонова паденія. Причиною было то, что до этого времени умы только и углублялись въ предметы практическіе и на нихъ устремляли всѣ свои усилія. Политическое честолюбіе и воинскій энтузіазмъ поглощали почти

* Въ первой книжкѣ Б. для Ч. помѣстили мы мнѣніе предводительствующаго Журнала партіи Виговъ о нынѣшней Французской Словесности. Какъ во всякомъ спорѣ всегда слѣдуетъ выслушать оба стороны, то теперь мы сообщаемъ мнѣніе Торіевъ о томъ же предметѣ. Известно, что, если Виги называютъ что-нибудь бѣлымъ, Тори выдаютъ это за черное, и обратно. Виги разругали юную Словесность, а Тори..... прочтайте!

всѣ таланты, и тотъ, кто, живучи въ миръ и спокойствіи; посвятилъ бы свои способности открытію новыхъ путей на поприщѣ Литературы, по неволѣ добивался мѣстъ въ гражданской или военной службѣ. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о Литературѣ изящной, или Словесности въ собственномъ смыслѣ, которая существуетъ для всѣхъ, и потому должна быть въ непосредственной зависимости отъ образа правленія и общественнаго мнѣнія. Высшими Науками занимаются немногіе затворники, которые, замуравившись книгами, не хотятъ и знать о политическихъ переворотахъ, а практическія отрасли знанія, если и не одобряются, такъ возбуждаются быстрыми измѣненіями въ общественномъ порядкѣ. Поэтому Геометрія и Физика шли себѣ по-прежнему своимъ тихимъ и ровнымъ шагомъ, а Химія, Геологія, Медицина и всѣ такъ называемыя утилитарныя знанія подвѣргались въ нѣкоторой степени дѣйствию общаго движенія; напротивъ, повѣсти, стихотворныя и драматическія произведенія не смѣли выступить изъ старой колеи своей, во время Республики — отъ страха, а во время Имперіи — отъ не такъ яднаго, но не менѣе дѣйствительнаго стѣсненія, которое удачно опредѣлилъ самъ Наполеонъ, называя его «железною рукою въ бархатной перчаткѣ». Какъ бы то ни было, а очень любопытно, что Словесность во Франціи, со временъ Лудовика XIV до временъ Лудовика XVIII, при всей измѣнчивости вулканическаго вѣка, не сдѣлала ни какихъ значительныхъ отступленій отъ своихъ правилъ, и не создала почти ничего новаго.

Возстановленіе Бурбоновъ не произвело сначала ни какой чувствительной перемѣны, только придало еще болѣе силы литературнымъ ученіямъ «стариннаго ладу», ancien régime: обстоятельства, возвратившія власть потомкамъ Лудовика XIV, естественнымъ об-

разомъ оживили вліяніе поклонниковъ Буало и Расина.

Однако жъ новый политическій бытъ и спокойствіе, какого лѣтъ пятьдесятъ не бывало во Франціи, скоро начали дѣйствовать на умы пишущей молодежи. Политическая цензура становилась со дня на день снисходительнѣе, и когда литературные разборъ Жоффруа, Мартенвиля и другихъ періодическихъ критиковъ старой школы замолкли, тогда скоро начали являться значительныя уклоненія отъ избитыхъ путей. Эти уклоненія учащались и усиливались по мѣрѣ того, какъ власть Карла X клонилась къ паденію, и какъ люди, посвятившіе себя разнымъ отраслямъ Наукъ, особенно молодые литераторы, стали сознавать въ себѣ силу, дѣйствующую на общество.

Нѣсколько уже лѣтъ существовали во Французской Словесности двѣ школы подъ названіемъ классической и романтической. Классики отстаивали нарядную правильность Буало, Расина и Вольтера; романтики старались подражать живой независимости Англичанъ и Нѣмцевъ. Классики были католиками Словесности: они читли родъ Папской непогрѣшительности въ Аристотелѣ и его преемникахъ, и излишнею привязанностью къ застарѣлымъ предразсудкамъ и недоразумѣніямъ довели до презрѣнія систему, первоначально основанную на Природѣ и истинѣ, но искаженную пустымъ формализмомъ и ни съ чѣмъ несообразными выдумками. Съ другой стороны, романтики, подобно кальвинистамъ, простирали презрѣніе свое къ древнему авторитету такъ далеко, что, искореня заблужденія, пожертвовали и многими приличіями старой школы, а послѣ Іюльской революціи въ 1830-мъ году, впали въ самое безнрав-

ственное и зловерное вольнодумство. Но что прежде было съ Религіею, то теперь съ Словесностью: между устарѣвшимъ формализмомъ старой школы и бѣшеной вольницею новой есть золотая середина, которую открыть и усвоить предоставлено было Англіи. Французскій народъ не способенъ къ *juste milieu*, хотя онъ его выдумалъ. Словесность его раздѣлилась на классическую и романтическую, или, лучше сказать, на педантическую и сумасбродную: ни которой не приходило въ голову *естественное*! Забавно, что въ одно и то же время педанты называли Шекспира шутомъ, а романтики вышли изъ всѣхъ границъ, и преувеличили въ чудовищныя сумасбродства тѣ недостатки, въ которыхъ старыя классическіе критики обыкновенно упрекали великаго поэта Природы.

Этотъ легкій очеркъ развитія новѣйшей Французской Словесности приготовить нашихъ читателей къ обзорѣ нѣкоторыхъ любимѣйшихъ произведеній нынѣшней Парижской сцены. Ограничимъ замѣчанія свои Дравою, потому что она, какъ самая общенародная вѣтвь Словесности, всего лучше обличаетъ вкусъ цѣлой націи, и представляетъ образцы этого вкуса еще разительнѣйшіе, еще болѣе удивительные, чѣмъ даже мелкія стихотворенія и повѣсти, хотя, правду сказать, и тѣ и другія, особенно послѣднія, отличаются тѣмъ же сумасбродствомъ, безтолочію и безнравственностію, которыя должны будемъ порицать въ Драмѣ.

Цѣль нашего изслѣдованія не столько литературная, сколько нравственная; видъ новѣйшаго Французскаго театра обличаетъ такое неправильное состояніе общества, что оно болѣе принадлежитъ Политикѣ, нежели Критикѣ, и мы хотимъ окинуть взглядомъ рядъ необыкновенныхъ произведеній послѣд-

нихъ трехъ лѣтъ не столько для оцѣнки достоинствъ каждаго отдѣльно, сколько для показанія общихъ пружинъ и конечнаго направленія ихъ въ совокупности.

Викторъ Гюго и Александръ Дюма, — вотъ два писателя, которые и въ Повѣстяхъ, и въ Драмахъ дошли до высшей степени сумасбродства, и которые въ то же время любимѣйшіе драматисты во Франціи. Они показываютъ собою примѣръ, какими постепенностями люди, имѣющіе болѣе талантовъ нежели вкуса и болѣе силы, нежели разсудка, доходятъ до забвенія всѣхъ приличій, выступивъ на поприще простонародности.

Гюго началъ съ Гернани, Дюма Генрихомъ III, и чуть-ли это не лучшія ихъ произведенія. Романтическаго довольно въ обоихъ, довольно той живой дѣятельности, которая презираетъ скромныя единства времени и мѣста, довольно того пылкаго духа, который ищетъ занимательности на крайнемъ предѣлѣ возможнаго, довольно бѣшеныхъ чувствованій и необыкновенныхъ положеній; но еще нѣтъ той грубой неблагопристойности, того забвенія всѣхъ нравственныхъ началъ, той несчастной охоты изыскивать самыя низкія, самыя отвратительныя побужденія для всѣхъ поступковъ человѣческихъ, словомъ еще нѣтъ того, чѣмъ отличаются позднѣйшія ихъ произведенія въ такой же постепенности, какую наблюдаютъ люди, употребляющіе опиумъ: начинаютъ съ умѣренныхъ пріемовъ, только чтобъ быть на-веселъ, а послѣ усиливаютъ ихъ до того, что, смотришь, опьянѣли, одурѣли, взбѣсились.

Многія изъ этихъ Драмъ — явное подражаніе Шекспиру. Посмотримъ однако жъ, какія понятія имѣетъ о немъ пламенный почитатель его, Г. Гюго.

«Есть, говорить онъ, два способа увлекать сердца слушателей, — великое, *le grand*, и истинное, *le vrai*: великое дѣйствуетъ на массу, истинное на лица. Слѣдственно, драматическому писателю должно болѣе всего стараться достигнуть или великаго, какъ Корнель, или истиннаго, какъ Мольеръ, а не того лучше — соединять великое съ истиннымъ подобно Шекспиру.

«Нельзя не замѣтить мимоходомъ, что Шекспиръ имѣлъ даръ, — и въ этомъ-то заключается выспренность его генія, — соглашать, соединять, смѣшивать въ своихъ твореніяхъ эти два качества — великость и истину; качества, если не противоположныя, по крайней мѣрѣ до того различныя, что избытокъ въ одномъ вредитъ другому: слишкомъ истинное легко можетъ дойти до мелкаго; слишкомъ великое, до ложнаго. У Шекспира вездѣ истинная великость и великая истина. Во всѣхъ его твореніяхъ найдете точку, гдѣ великое и истинное взаимно пересѣкаются: достигнуть этой точки, — верхъ драматическаго искусства. Шекспиръ рѣшаетъ задачу, которая кажется похожа на противорѣчіе, — быть всегда вѣрнымъ Природѣ, но иногда выше ея; Шекспиръ преувеличиваетъ объемъ предметовъ, но наблюдаетъ ихъ соразмѣрность; съ дивнымъ всемогуществомъ творитъ онъ сверхъестественное, которое однако жъ совершенно естественно. Гамлетъ, напримѣръ, такъ же вѣренъ Природѣ, какъ и всякой изъ насъ, однако онъ больше, онъ колоссаленъ, но дѣйствителенъ; онъ Гамлетъ, невы, не я, но всѣ мы; Гамлетъ, не вотъ *этотъ* человѣкъ, а просто человѣкъ!»

Какъ ни пріятно видѣть, что наконецъ и во Франціи люди съ дарованіями удивляются Шекспиру, надо однако жъ признаться, что выраженіе этого чувства

здѣсь слишкомъ заносчиво; послылки, на которыхъ основана Критика, довольно слабы, да и заключеніе не совсѣмъ въ ладу съ логикой. Словомъ, въ приведенныхъ нами строкахъ Г. Гюго, мы видимъ сѣмена заблужденій и недостатковъ, поражающихъ насъ непріятнымъ образомъ въ его собственныхъ произведеніяхъ. Къ чему ведетъ различіе между истиною и великостью? Неужели это два отдѣльные качества души поэта, «пересѣкающіяся» въ какой-то счастливой точкѣ? Истина, или естественность, кажется намъ причиною, а великость ея дѣйствиємъ: на примѣръ, въ знаменитомъ *Qu'il mourût* Корнеля, великаго не много въ отвлеченномъ понятіи, и еще менѣе въ выраженіи; но истина этого отвѣта, то есть, его свойственность лицу и соотвѣтственность обстоятельствамъ, возвышенная какою-то нечаянностью, пробуждаетъ въ душѣ зрителя или читателя чувство великости, и потому истина участвуетъ въ этомъ высокомъ отвѣтѣ столько же, сколько въ самыхъ забавныхъ выходкахъ Мольера. Не станемъ возражать Г-ну Гюго, будто нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ созданій Шекспира не истинны, каковы его мертвецы и привидѣнія; другія ни истинны, ни велики, каковы его вѣдьмы, и прочая; по-нашему, драматическую истину не должно заключать въ такіе тѣсные предѣлы: довольно, если, допустивъ однажды существованіе вымышленнаго лица, увидимъ, что слова и поступки его соотвѣтствуютъ понятіямъ нашимъ о томъ, что говорило бы или что дѣлало бы такое существо, будь оно дѣйствительное; но какая огромная часть Шекспирова достоинства не имѣетъ ни какого отношенія къ великому! Весь рядъ его комическихъ, даже просто житейскихъ сценъ, цѣлые характеры Фальстаффа, Серъ Тоби, Догберри и Верджеса, Джакъ Кеда, Мененія, Розалинды, Беатрисы, и проч. — все это, по нашему мнѣнію, гораздо выше, гораздо удивительнѣе его трагическихъ

красотъ. Г. Гюгò разсматриваетъ Гамлета, едва-ли не самое необычайное произведеніе Шекспирова генія, и кажется, разсматриваетъ ошибочно, даже не понимая его характера. Въ Гамлетѣ нѣтъ ничего колоссальнаго, — разумѣется, мы говоримъ о театральномъ героѣ, а не объ исполинскомъ геніи, который его создалъ; Гамлетъ сущій человекъ, и такъ далекъ отъ всего чрезвычайнаго, что даже подверженъ многимъ недугамъ. Странно говорить ему въ похвалу, что онъ не *этотъ* человекъ, а человекъ вообще, когда именно онъ-то и есть *individuum*, неделимое, въ полномъ смыслѣ этого слова; онъ-то и уклоняется отъ общности болѣе чѣмъ всѣ Шекспировы характеры, и дѣйствуетъ по началамъ и побужденіямъ, обличающимъ то состояніе лица, которое Медицина называетъ *idiosyncrasis*, особеннымъ темпераментомъ. Впрочемъ мы, можетъ-быть, споримъ о словахъ, и если бъ Г. Гюгò зналъ по-Англійски, — а что онъ не знаетъ, это явно, — онъ вѣрно бы согласился съ нами въ главномъ. Дѣло въ томъ, что вся теорія Г. Гюгò основана на какомъ-то смѣшанномъ понятіи о соединеніи естественнаго съ великимъ, а великимъ считаетъ онъ, кажется, злодѣйство, и чѣмъ оно отвратительнѣе, тѣмъ для него лучше. Къ этого рода великому прилагиваетъ онъ нѣскольکو пошлыхъ особенностей — буднишнія лица, болтовню и обстоятельства обыкновенной жизни, — и думаетъ что соединилъ великое съ истиннымъ. Драматизируя слѣдственные дѣла, выводя на сцену уголовный судъ, и обнажая во всѣхъ омерзительныхъ подробностяхъ прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, убійство, онъ воображаетъ, что попалъ прямо на ту точку, гдѣ «*истинное и великое взаимно перестыкаются*». Разборъ нѣкоторыхъ его піесъ всего лучше обнаружитъ это заблужденіе, которое разделяетъ съ нимъ и его противникъ, Г. Дюма.

Начнемъ съ Marion de Lorme, написанной въ 1829 году, но представленной въ первый разъ послѣ Іюльской революціи.

Машенька Делормъ, Marion de Lorme, известная прелестница, блиставшая въ царствованіе Людовика XIII. Она была любовницей несчастнаго Сень-Марса (Cinq-Mars), а по смерти его сдѣлалась всеобщею. Этотъ «занимательный» періодъ ея жизни разшевелилъ вдохновеніе трагической музыки Г. Гюгд. Кромѣ многочисленныхъ почитателей изъ модной молодежи, есть у Машеньки задушевный низшаго разряда, нѣкто Дидье, который, не зная, кто она, любитъ ее взаимно, и не на шутку. Однажды, вечеромъ, пришлось ему быть у ней тотчасъ послѣ Маркиза Савари, и только этотъ вышелъ на улицу, подѣ самымъ окномъ Машеньки напали на него четверо убійцъ. Выскакиваетъ Дидье, и, разумѣется, спасаетъ его. Оба они воротились къ Машенькѣ: Г-ну Дидье очень не понутру короткое обхожденіе молодаго придворнаго съ его adorable Marie, и онъ рѣшается отмстить тому, кого только что выручилъ изъ бѣды. Вскорѣ, по настоянію Кардинала Ришелье, было обнародовано Королевское повелѣніе, опредѣлявшее смертную казнь дуэлистамъ. Дидье ищетъ Савари, оскорбляетъ его, и они дерутся. Машенька, испуганная шумомъ, выбѣгаетъ, и, ничѣго не зная о Королевскомъ повелѣніи, зоветъ стражу. Дидье схваченъ; Савари притворяется убитымъ, и самъ, переодѣтый, провожаетъ пустой гробъ свой въ замокъ старика дяди, Графа Нанжисъ. Дидье въ заключеніи; онъ уходитъ по милости Машеньки, и вмѣстѣ съ нею пристаётъ къ труппѣ странствующихъ актеровъ, которая идетъ въ тотъ же самый замокъ, куда везутъ гробъ. Савари, веселый, щедрый, вѣтреный, самъ хлопочетъ на своихъ похоронахъ, и не вздумай онъ выдать Дидье одному изъ

кардинальскихъ клеветовъ, — концы бы въ воду. Этого мало: онъ открываетъ бѣдняку глаза на счетъ поведенія его *chaste Marie*. Дидье, въ бѣшенствѣ, готовъ оставить свою любезную; не тутъ-то было: и его, и Савари, схватили и приговорили къ смерти. Старикъ дядя и Машенька тщетно просятъ за нихъ у Короля. Придворный шутъ предложилъ было его гнѣвъ на милость, сказавъ, что осужденные оба славные сокольники; однако жъ и это не помогло, потому что Кардиналь непременно хотѣлъ ихъ смерти. Графъ Нанжись, чтобъ освободить племянника, подкупилъ тюремнаго сторожа; но Савари отказывается уйти, если вмѣстѣ съ нимъ не выпустятъ и Дидье; если жъ можно спастись только одному изъ нихъ, то онъ настаиваетъ, чтобъ Дидье воспользовался благопріятнымъ случаемъ. Машенька тоже хлопочетъ объ его избавленіи, и обольщаетъ главнаго кардинальскаго палача такимъ пожертвованіемъ, на которое мы можемъ только намекнуть. Это крайнее великодушіе совершенно ожесточаетъ влюбленнаго Дидье, и онъ рѣшается лучше умереть, чѣмъ воспользоваться свободою, купленною такимъ позоромъ. Ихъ ведутъ на эшафотъ; на сценѣ показываются огромныя крытыя носилки, въ которыхъ лежитъ больной Кардиналь. Машенька неотступно проситъ пощады молодымъ людямъ. Голосъ изъ носилокъ отвѣчаетъ — *Pas de grâce!* Осужденныхъ ведутъ на смерть; все кончено, носилки возвращаются: Машенька въ изступленіи указываетъ на нихъ предстоящимъ, и оканчиваетъ драму восклицаніемъ:

Regardez tous: voilà l'homme rouge qui passe!

Elle tombe sur le pavé.

Несмотря на грубость и невѣроятность завязки, эта пьеса еще сносна: по крайней мѣрѣ языкъ благопри-

стоенъ, современные портреты, хоть и карикатурны, а удачно схвачены; нельзя даже отказать ей въ нѣкотораго рода занимательности. Но это вѣдь первый шагъ— *et il n'y a que le premier pas qui coûte*— лиха бѣда начать, а тамъ ужъ пойдетъ, — что далѣе, то хуже.

Въ концѣ 1832 года появилась Драма *Le Roi s'a-tuше*, «Изволятъ тѣшиться» — Король Францискъ I. Подъ чужимъ именемъ, выдается съ невинною дѣвушкой, дочерью своего шута, и обещаніемъ на ней жениться соблазняетъ ее. Шутъ, знаменитый Трибуле, узнаетъ объ этомъ, и, въ пылу родительскаго негодованія, нанимаетъ убійцу зарѣзать Короля въ добромъ мѣстѣ, и выдать ему трупъ въ мѣшкѣ, — условіе, безъ котораго нѣтъ и дѣла для поэта, основавшаго на мѣшкѣ всю катастрофу. Намѣреваясь послѣ этого бѣжать изъ Франціи, онъ переодѣваетъ несчастную дочь свою въ мужское платье. Надо же такъ случиться, чтобъ она попалась убійцамъ, чтобъ ее зарѣзали вмѣсто Короля, положили въ мѣшокъ, и еще живую выдали Трибуле! Этотъ хочетъ порадоваться на убитаго соблазнителя, и вытаскиваетъ изъ мѣшка еще дышащее тѣло своей дочери, въ которой оставалось именно столько жизни, чтобъ рассказать, какъ что было. Разумѣется, несчастный шутъ совершенно потерявъ, и оканчиваетъ пьесу *à la Marion de Lorme* —

TRIBOULET.

J'ai tué mon enfant! J'ai tué mon enfant!

Il tombe sur le pave.

Эти катастрофы могутъ быть истинны и велики, а все-таки онѣ не слишкомъ разнообразны. Шекспиръ

едва ли бы кончилъ двѣ трагедіи сряду паденіемъ на мостовую — on tombe sur le pavé! .

Вслѣдъ за «Изволять тѣшиться» Г. Гюго написалъ Lucrèce Borgia. Содержаніе этой Дамы уже было нѣсколько разъ изложено, и потому, избѣгая повторенія подробностей, напомнимъ только главные черты ея. Піеса начинается разсказомъ о происшествіи, случившемся за нѣсколько лѣтъ въ Римѣ. Тамъ видѣли въ одну ночь, что къ берегамъ Тибра приближаются на лошади двѣ человѣческія фигуры, одна изъ нихъ — трупъ, другая убійца. Кто это? Родные братья! — За что поссорились? За любовницу! — Кто жъ любовница? Сестра ихъ!! Плодомъ кровосмѣшенія былъ ребенокъ: онъ живъ — это Дженнаро, герой пьесы, а Лукреція Борджія — его мать! Не зная другъ друга, они влюбляются, — и вотъ основа Дамы. Послѣ этого мудрено ли, что вся она не что иное, какъ сцѣпленіе самыхъ гнусныхъ злодѣйствъ, и что для катастрофы надобно было по крайней мѣрѣ, чтобъ сынъ убилъ мать, — не меньше!

Спору нѣтъ, Борджіи были народъ ужасный; но все не таковы, какъ въ этой Дамѣ. Преступленія, въ которыхъ обвиняютъ Лукрецію нѣкоторые писатели, другіе, и притомъ достовѣрнѣйшіе, считаютъ сомнительными. Сисмонди говоритъ, что союзъ ея съ Альфонсо д'Эсте былъ счастливъ, что она пережила все свое семейство, и пользуясь уваженіемъ при Феррарскомъ Дворѣ, покровительствовала Науки и Искусства. Какъ бы то ни было, но все явно, что важнѣйшія злодѣянія Лукреціи Г-на Гюго — чистая, или лучше нечистая выдумка: даже будь они сущая правда, и то не стоило труда воскрешать ихъ въ Дамѣ, а оскорблять благопристойность и пятнать Исторію такими отвратительными баснями, право ни на что не похоже.

Послѣдняя піеса Г-на Гюгò, *Марія Тюдоръ*, хотя и не такъ омерзительна, однако жъ грубо оскорбляетъ нравственность, и еще болѣе предшествующей грѣшитъ противъ Исторіи. При нынѣшнемъ вѣкусѣ Французовъ къ историческимъ ужасамъ, такое кровавое лице, какъ Марія, сюжетъ право не дурной, если бѣ только взяться за него съ толкомъ. Ея политическое положеніе, ея личный характеръ, ея жестокое, обдуманное ханжество; драматическая совокупность лицъ, ее окружающихъ, — мрачное честолюбіе Филиппа, нѣжная, невинная Дженъ Грей; юное благоразуміе, мужество и наружныя прелести Елисаветы, остревененіе гонителей, твердость мучениковъ — все это, безъ большаго уклоненія отъ исторической истинны, могло бытъ представлено въ самыхъ разительныхъ положеніяхъ. Но Г. Гюгò думалъ иначе, и написалъ историческую драму, въ которой все ложно до такой степени, что сначала это смѣшно, а потомъ гадко. Содержаніе ея извѣстно читателямъ этого Журнала; намъ остается только замѣтить, какъ кстати въ предисловіи къ такой піесѣ Г. Гюго разговорился «о соединеніи истиннаго съ великимъ» и о стараніи своемъ подражать Шекспиру!

Объ Г-нѣ Дюмà грѣхъ сказать, чтобъ онъ коверкалъ Исторію: онъ удалился отъ зла и сотворилъ благо, обратившись къ Мельпоменѣ второй гильдіи, къ житейскимъ сценамъ; по крайней мѣрѣ тутъ ему своя воля, — онъ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти переселять въ дома Парижскихъ почетныхъ гражданъ и чиновниковъ всѣ ужасы семействъ Атрея и Эдипа. Въ Антони, выводитъ онъ, на первый случай, только одно прелюбодѣяніе и одно убійство; въ *Thérèse* видѣнъ уже большой успѣхъ, — является двойное прелюбодѣяніе, двойное убійство и кровосмѣшеніе на придачу. *Angèle* столько же превосходитъ Терезу, сколько Тереза Анто-

ни, а Richard Darlington, не уступая имъ въ безнравственности, служить вмѣстѣ неоспоримымъ доказательствомъ, что Г. Дюма беретъ и за такія вещи, о которыхъ имѣетъ ни какого понятія. Незнаніе самыхъ главныхъ чертъ общественнаго быта Англіи обнаруживается въ этой піесѣ въ такой степени, что должно по-истинѣ, удивляться этой ограниченности свѣдѣній въ записномъ Литераторѣ, — и въ грамотномъ мірѣ, право, ни одна живая душа, кромѣ Француза, не могла написать Ричарда Дарлингтона.

Предѣлы журнальной статьи, и цѣль, которую мы себѣ предположили, не позволяютъ войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ упомянутыхъ нами произведеній: ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями. Явно, что во всѣхъ этихъ драмахъ главнымъ предметомъ сочинителей была занимательность, происходящая отъ положенія дѣйствующихъ лицъ. Древнія трагическія пружины, *ужасъ* и *состраданіе*, замѣняются у нихъ тѣмъ, что Итальянцы называютъ *imbroglia*, — средство, сказать правду, болѣе свойственное Комедіи или фарсу. Бомарше создалъ, если не первые, такъ по крайней мѣрѣ лучшіе примѣры въ этомъ родѣ: обѣ его Комедіи чрезвычайно удачны и забавны образцы *imbroglia*. Въ трагическомъ продолженіи ихъ, то есть, въ «Виновной Матери» *La Mère coupable*, онъ также употребилъ это средство, и хотя весьма умѣренно, но, должно признаться, съ умилительнымъ эффектомъ. Право, мы считаемъ эту піесу кругомъ виновной матерью тѣхъ сумасбродствъ, которыми дарятъ насъ Г. Гюго и Дюма; но Бомарше умѣлъ ощущать умиленность чувства, а подражатели его постигаютъ одну разительность положенія. Бомарше трогалъ, они только изумляютъ. Даже, какъ чисто художественныя произведенія, эти Драмы имѣютъ такіе недостатки, которыхъ цельзя оставить безъ за-

мѣчанія: главный — чрезвычайная скудость изобрѣтенія, которая влечетъ авторовъ къ безпрестаннымъ повтореніямъ одного и того же характера, однихъ и тѣхъ же положеній. Нѣтъ ничего старѣе ихъ новостей, нѣтъ ничего ниже ихъ вольностей, ничего изношеннѣе ихъ полоумныхъ выходовъ. Незаконность рожденія, соблазнъ, прелюбодѣйство, кровосмѣшеніе, — вотъ побудительныя причины; кинжалъ, ядъ, распутство, — вотъ средства: этимъ ограничивается вся ихъ драматическая гамма, и эти-то первообразныя ноты повторяютъ они безпрестанно въ монотонной послѣдовательности, заимствуя у самихъ себя или другъ у друга, и ни сколько не заботясь о разнообразіи вымысловъ.

Въ десяти драмахъ, написанныхъ Гг. Гюго и Дюма въ послѣдніе три года, изъ числа однихъ женскихъ лицъ выведено на сцену тринадцать распутныхъ женщинъ, шесть обольщенныхъ. Четыре матери въ любовной связи съ сыновьями или зятьями. Одиннадцать человѣкъ умерщвлены своими любезными или по ихъ милости. Значительнѣйшія мужскія лица по большей части незаконнорожденные найденыши. Знаемъ, что преступленіе съего побудительными причинами было всегда областію Трагедіи; знаемъ, что Атреево и Лаіево семейства ея неотъемлемая собственность: передъ нами длинный рядъ мифологическихъ и историческихъ драмъ всѣхъ народовъ; но ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ благопристойности, ни одна не воспамятуетъ преступныхъ страстей. Не чудно ли, не горько ли послѣ этого видѣть въ наше время, что на всѣхъ театрахъ одного изъ многочислѣннѣйшихъ и образованнѣйшихъ народовъ въ мірѣ, каждый вечеръ представляются однѣ мерзости, что всѣ произведенія лучшихъ и любимѣйшихъ его писателей упитаны мерзостями, что эти мерзости принимаются съ

восторгомъ сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ вечеровъ сряду, покуда авторъ, подстрекаемый двойнымъ побужденіемъ выгоды и славы, успѣетъ намарать другую развратнѣйшую піесу въ такомъ же, или еще въ худшемъ, родѣ! Намъ кажется, что все это должно быть слѣдствіемъ или причиною всеобщаго упадка нравственности и расторженія всѣхъ общественныхъ связей цѣлаго народа. Не забудьте, что мы говорили только о двухъ писателяхъ, признанныхъ главами нынѣшней Французской Словесности, между тѣмъ какъ тысячи писаекъ кропаютъ наперерывъ чудовищныя подражанія, въ которыхъ всѣ недостатки образцовъ преувеличены до невѣроятности: сообразите все это, и вы вѣрно согласитесь, что состояніе умовъ во Франціи феноменъ, и феноменъ страшный, какого образованный міръ никогда еще не видывалъ.

Е. Е.

Quarterly Review.

TUTTI FRUTTI.

=

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ КНЯЗЯ ПЮБЛЕРЪ-МУСКАУ.

=

Авторъ Писемъ покойника, извѣстныхъ и подъ простымъ, прозаическимъ названіемъ «Путешествій Нѣмецкаго Князя», является опять переодѣтый, или лучше, опять подъ тѣмъ же тонкимъ покрываломъ, которое въ первый разъ ему угодно было на себя накинуть. Первое сочиненіе было читано съ жадностью, и расхвалено на всѣхъ языкахъ: Сѣверная Пчела познакомила нашу публику съ многими его отрывками. Самое заглавіе втораго, полу-Италіянское, полунѣмецкое — Tutti frutti aus den Papieren des Verstorbenen, которое въ Парижѣ, на Французскомъ изданіи, перевели — De tout un peu, и которое мы переведемъ скорѣе — «Всякая всячина изъ бумагъ покойника,» — самое это заглавіе должно возбудить тысячу лишнихъ любопытствъ и по крайней мѣрѣ пятьсотъ лишнихъ цѣнителей, которые будутъ разсуждать о книгѣ, какъ обыкновенно водится, не читавши. Мы пособимъ послѣднимъ, давъ имъ благовременно объ ней понятіе, а первыя, конечно, будутъ намъ благодарны и за тѣ отрывки, которыя мы для нихъ готовимъ.

Это новое произведеніе имѣетъ одинакія съ первымъ и достоинства, и недостатки, — и, кажется, они неизбѣжны до тѣхъ поръ, пока будутъ служить автору орудіемъ къ умноженію числа его читателей. Достоинства, и особенно умѣнье занимать, которымъ обладаетъ онъ въ высшей степени, и которое

всегда такъ очаровательно въ этомъ писателѣ, мы признаемъ въ полной мѣрѣ; недостатки прощаемъ ему изъ уваженія къ достоинствамъ; но дѣло въ томъ, что эти недостатки, и самыя шалости, замѣчаемыя въ его книгѣ, и приписываемыя справедливо или нѣтъ, личному его характеру, умышленны и допущены съ явною цѣлю подстрекать любопытство и вниманіе публики: какъ всякое жеманство вообще, они подвергаются пересудамъ, однакожъ удаются Его Свѣтлости какъ нельзя лучше. Намъ — такъ право жаль, что онъ одолженъ хотя частію своей извѣстности такимъ сомнительнымъ средствамъ. Сочиненіе, о которомъ будемъ говорить, еще болѣе убѣдило насъ въ способностяхъ автора, въ его даръ къ картинному и, такъ сказать, драматическому описанію, въ свѣжести и пылкости его воображенія, въ геніальности его ума, въ его чувствительности къ изящному, благородному и смѣшному; въ остроуміи его замѣчаній насчетъ людей и нравовъ, и даже въ глубинѣ и многообъятности, въ вѣрности и благонамѣренности его мыслей объ тѣхъ и объ другихъ, когда не вмѣшается тутъ немножко тщеславія и личности, отзывающихся избалованнымъ ребенкомъ или капризной красавицей. Къ несчастію, и въ этой книгѣ замѣтна страсть къ эффектности и къ чуднымъ выходкамъ, которою заражена новѣйшая Словесность, и которой теперь такое раздолье во Франціи. Намъ хотѣлось бы увѣрить автора, что для возбужденія любопытства или удивленія въ читателяхъ, не только можно ему обойтись безъ этихъ снадобьевъ, но что они-то и портятъ его сочиненія: нельзя быть пріятнѣе и поучительнѣе его, когда онъ просто и преестественно рассказываетъ то, что видѣлъ, что думалъ и что чувствовалъ: съ его воображеніемъ, за живостью красокъ дѣло не станетъ. По пуще всего, — да убѣдится почтенный авторъ, — что

странная небрежность его насчетъ того, въ какомъ свѣтъ иногда выставляетъ онъ самого себя и другихъ передъ глазами публики, можетъ возбуждать только чувство прискорбія въ сердцахъ людей разсудительныхъ и благородныхъ. Мы тѣмъ настоятельно просимъ его объ этомъ подумать, что онъ, какъ слышно, намѣренъ предпринять продолжительное путешествіе по Европѣ, а описаніе такого путешествія пріятно было бъ видѣть вполне достойнымъ своего творца.

Сказать правду, намъ не нравится смѣшеніе истины съ вымысломъ, которое онъ такъ любитъ. Мы отъявленные, непримиримые враги того остроумія, которое только и умѣетъ тѣшиться надъ легковѣріемъ простыхъ и недогадливыхъ, — все равно, будь это чистый обманъ или тонкая мистификація. Не называйте сказки былью, и всякой изъ насъ дастъ просторъ самому дикому воображенію. Избави Богъ, гнаться за одними фактами! — у насъ ихъ и то слишкомъ много. Мы не находимъ ни питательности, ни вкуса въ рубленой соломѣ, которою угощаютъ насъ собиратели фактовъ; однако жъ намъ хочется знать, что мы ѣдимъ. Теперь, не угодно ли кому отгадать, что въ разбираемой нами книгѣ правда, что вымыселъ? Автору очевидно хочется сбить васъ съ толку этою кашей изъ *Dichtung und Wahrheit*; сначала вы чувствуете замѣшательство, а наконецъ утомляетесь.

Однако жъ время дать читателямъ возможность судить самимъ объ этой книгѣ. Содержаніе ея разнообразно и переходчиво: анекдоты, воспоминанія, мысли, шутки, описанія, выходки фантазіи и чувствъ, которыя, можетъ-быть, всего занимательнѣе. Изъ числа ихъ выбираемъ слѣдующую: въ ней много сценической красоты.

«Нынче въ сумерки гулялъ я въ паркѣ. Порывистый вѣтеръ ходилъ по лугу; я сѣлъ на могилу какого-то чужестранца, и задумчиво глядѣлъ на часовню, гдѣ и меня ожидало мѣсто покоя. Ночныя мысли порхали вокругъ головы моей, какъ летучія мыши. Между прочимъ остановился я на чудной склонности людей, и большихъ, и малыхъ, много думать о своемъ погребеніи, и на различныхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался этотъ обрядъ вмѣстѣ съ измѣненіями фазовъ человѣчества.

«Полный, красный мѣсяцъ взошелъ надъ зубцами старой башни, и какъ-будто освѣтилъ мнѣ глубины давно минувшаго времени.

«Передъ моей мечтою исчезли всѣ земныя преграды. Я очутился въ сѣдой древности. Гляжу, какъ въ магнетическомъ снѣ, и будто вижу, какъ толпа варваровъ отдастъ послѣдній долгъ своему предводителю.

«Сотни воиновъ исполинскаго роста, одѣтыхъ въ звѣриныя кожи, толпились въ дикомъ смятеніи около тусклыхъ огней, пылающихъ на свѣжей насыпи: у подножія ея мрачное отверзтіе какъ-будто ожидало бездыханнаго трупа. Кто испускалъ вопли и рыданія, кто пилъ изъ череповъ убитыхъ непріятелей. Въ сторонѣ, подъ тѣнью дуба, стояли жрецы свирѣпой наружности, и соверщали кровавые обряды. Громкій воинскій кликъ, повторяемый по ихъ знаку, заглушалъ иногда стонъ несчастныхъ, которыхъ умерщвляли на каменномъ жертвенникѣ въ честь умершему*.

«Я отвернулся съ ужасомъ: вдругъ темная ночь опустилась, какъ занавѣсъ, передо мною, и непреодолимый сонъ сомкнулъ мнѣ рѣсницы.

«Когда я опять проснулся, сцена совершенно измѣнилась. Дикая сторона смотрѣла веселье и ласковѣй. Прямо противъ меня лежало на кострѣ бездыханное тѣло Римскаго удалца Моски, который, какъ говорятъ наши преданія и

* Мускау, или Мужаковъ, былъ у языческихъ Сорбовъ святилищемъ, куда они ходили на поклоненіе. По-сю-пору видны слѣды суевѣрныхъ обрядовъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ.

лѣтописи, былъ разбитъ и погибъ на этомъ мѣстѣ. Благоніа драгоцѣнныхъ зелій наполняли воздухъ; Римскіе воины, въ своемъ живописномъ нарядѣ, стояли вокругъ прекрасными группами, и кое-гдѣ проглядывалъ между ними полуобразованный туземецъ. Здѣсь также были жрецы; — гдѣ ихъ не было? Здѣсь падали и жертвы; но только кровь звѣрей обогрѣла землю у ногъ боговъ челоувѣколюбивыхъ.

«Сцена опять перемѣнилась.

«Мы въ романтическихъ феодальныхъ временахъ, усладительныхъ для поэта и художника, несносныхъ для фанатическаго уравниателя.

«Въ полномъ, блестящемъ вооруженіи, съ надежнымъ мечемъ при бедрѣ, лежитъ смѣлый Гауграфъ въ гробу своемъ. За гробомъ идетъ боевой конь его подъ черной попоною; дружина съ черными знаменами и прекрасная графиня, вся въ слезахъ, ѣдутъ верхами; рядомъ съ ней два цвѣтушіе мальчика: они то печально взглянуть на маменьку, то гордо посмотреть на толпу. Не языческій жрецъ въ бѣлой мантии провожаетъ покойника, а сытый, краснощекій монахъ, со крестомъ въ рукѣ, верхомъ на ослицѣ. Съ печальнымъ, но воинственнѣмъ гуломъ, длинный поѣздъ тянулся мимо меня къ высокой церкви; и скоро, подъ протяжные звуки трубъ, могила затворилась надъ благороднымъ витяземъ — навѣки.

«Тутъ, какъ-будто прологъ къ предстоящему фарсу, шутъ Гансвурштъ прыгнулъ черезъ сцену, — и начались новыя времена. Не хочу лгать: я тотчасъ увидѣлъ одного изъ своихъ предковъ на великолѣпномъ катафалкѣ съ шелковыми подушками. Онъ тоже былъ витязь, то есть, кавалеръ, да еще кавалеръ Св. Іоанна Іерусалимскаго; только, что ни говорите, а красный кафтанъ, коротенькія бѣлыя панталоны и неживописные сапожищи скорѣе приводятъ на умъ новѣйшихъ портныхъ и сапожниковъ, чѣмъ блаженной памяти витязей. Двѣнадцать серебряныхъ канделябровъ день и ночь горятъ вокругъ покойника, а лежитъ онъ, по старому обычаю, въ столовой; — выборъ довольно странный, не правда ли?

«Наконецъ шестеро благородныхъ вассаловъ, остатки уми-

рающего порядка вещей, берутъ бархатный гробъ покойнаго графа, уже посинѣвшаго и тронувшагося, и въ полночь, при свѣтѣ множества факеловъ, несутъ его въ фамильный склепъ. Тамъ онъ будетъ въ своемъ кругу, то есть, съ знатію. Что, если бѣ эти господа встали, чтобъ принять новаго гостя и познакомить его съ тайнами могилы?

«Кто скажетъ, кто извѣдалъ, гдѣ жизнь въ самомъ дѣлѣ прекращается, и гдѣ настоящее начало смерти? Ночная сторона Природы для насъ закрыта; да и денная едва ли менѣе загадочна! Отъ чего эта неизъяснимая боязнь мертвыхъ, которые не могутъ насъ пальцемъ тронуть? отъ чего страхъ въ потемкахъ и морозъ по кожѣ, когда, увидимъ то, что некогда дышало жизнью, въ несвойственномъ ему образѣ? Въ молодости, мы пытаемся превозмочь всякой страхъ. Разъ, я велѣлъ отпереть въ церкви подъемную дверь надъ сходомъ въ склепъ моихъ предковъ, смѣло отослалъ ключара, и въ полночь сошелъ туда одинъ одинехонекъ. Три гроба были открыты по моему желанію, и крышки лежали подлѣ. Не могу описать состоянія души моей въ это время. Нѣтъ, это не боязнь, не страхъ, не ужасъ и не грусть, а точно какъ бы всѣ эти чувства смерзлись во мигъ въ одно неизъяснимое ощущеніе; точно какъ бы я самъ былъ покойникъ: — вотъ что я чувствовалъ.

«На перваго я взглянулъ на дѣдушку, который умеръ восьмидесяти шести лѣтъ. Его бѣлоснѣжные волосы пожелтели какъ ленъ въ свинцовой кельѣ. Голова его была ужъ не въ первобытномъ своемъ положеніи, а повернулась на мою сторону, какъ бы въ укоръ за то, что я съ юношеской опрометчивостью нарушилъ спокойствіе могилы; но я утѣшался мыслию, что если бѣ милый старикъ ожилъ, онъ не сталъ бы сердиться. Онъ былъ слишкомъ добръ и безъ всякихъ предразсудковъ.

«Въ другомъ гробу, подъ золотошвейными лохмотьями, лежалъ въ растяжку длинный костякъ: онъ былъ въ свое время значительнымъ человѣкомъ, полковникомъ въ тридцатилѣтнюю войну и Ландфогтомъ въ Лаузицкомъ Маркграфствѣ. Въ батюшкиныхъ комнатахъ по-сю-пору хранится

величавое изображеніе его въ ту минуту, когда, подѣ начальствомъ Паппенгейма, онъ гонитъ съ своими кирасирами бѣгущихъ Шведовъ.

«Третій гробъ заключалъ женщину, которую при жизни называли прекрасной Урсулою. Маленькій черепъ ея почернѣлъ, какъ земля; все тѣло покрыто было длинной шелковою мантией огненнаго цвѣта, которая чудесно сохранилась. Я до нея дотронулся; при первомъ прикосновеніи она рассыпалась въ пыль.

«Я сѣлъ, и въ какомъ-то онѣмтѣніи смотрѣлъ на длинные ряды гробовъ и на открытыхъ покойниковъ. Наконецъ палъ на колѣни и молился, пока ледъ въ груди моей растаялъ въ горько отрадные слезы. Что было во мнѣ страха, ужаса или другаго мірскаго ощущенія, все исчезло предъ чувствомъ присутствія Божія; осталась одна кроткая, свѣтлая задумчивость. Безъ всякаго отвращенія поцѣловалъ я ледяное лицо моего добраго дѣдушки, отрѣзалъ у него клочекъ волосъ, и если бъ въ этотъ мигъ онъ всталъ изъ гроба и взялъ меня за руку, я бы отнюдь не испугался. Вотъ истинная сила, истинное достоинство молитвы! Не то, чтобы въ минуту крайности ею можно было отвратить грозящее бѣдствіе; милліоны набожныхъ людей погибали, несмотря на свои усердные моленія; но она укрѣпляетъ насъ къ перенесенію бѣдствій, каковы бы они ни были, и черезъ ближайшее общеніе съ Богомъ доставляетъ намъ то, что торжественно возносить насъ превыше всего земнаго. Неужли такое могущественное вліяніе одна мечта? Въ такомъ случаѣ, блаженны мечтающіе!

«Однако жъ стану продолжать свои погребальныя очерки. Съ прошедшимъ я раздѣлялся: теперь взглянемъ-ка на будущее. Я хороню самъ себя. Какъ же бы мнѣ приноровить это получше къ временамъ? Нынче передразниваютъ энергію прошедшаго въ идеально-романтическомъ, только эта поэзія сильно упитана началами метафизическаго скептицизма. Объ особенныхъ правахъ, о-сю-пору не хотятъ слышать; впередъ придется говорить только о всеобщихъ правахъ человѣка.

«По этому, я никакъ не захочу, чтобъ мои вассалы, которые расхохочутся при одномъ этомъ названіи, несли меня на себѣ въ могилу; да и съ заплесневымымъ, старымъ склепомъ не хочу я имѣть дѣла: довольно насмотрѣлся на него при жизни. Я такъ просвѣщенъ духомъ вѣка и такой добрый гражданинъ, что ни за что не лягу тлѣть подъ ногами цѣлаго прихода, который будетъ собираться надо мной каждое Воскресенье, и никакъ не соглашусь взять на душу участія въ эпидемическихъ болѣзняхъ. Что за радость? Пусть лучше мои дюжіе Венды, которымъ я старался помогать въ ихъ житьѣ-бытьѣ, доставая всегда работы вдоволь, и которымъ за послѣдній трудъ заплатится вдесятеро, всташатъ меня на этотъ холмъ, и положить на томъ мѣстѣ, откуда я всегда любовался видами. Если бъ мнѣ исчезнуть тутъ въ огнь, оно конечно было бъ лучше, — да, кажется, Католики не позволяютъ этого: они сожигаютъ только живыхъ, впрочемъ теперь и это вывелось, но тутъ ужъ мы сами виноваты, не они. Не хочу я тусклаго свѣта факеловъ, а красное солнце и музыка непременно должны быть у меня на погребеніи; печальныхъ пѣсней не надо, — однѣ пріятныя мелодіи. О чемъ тужить? Живъ Богъ, хоть мы и умираемъ: это не конецъ, а только новое начало, не смерть, а новое рожденіе.

«Торжественно протестую, — если тѣло мое должно быть выставлено напоказъ, — противъ всѣхъ варварскихъ платьевъ нашего времени, будь это туго застегнутый мундиръ, несносный даже и для мертваго, или такая чудовищность, какъ новѣйшій фракъ, жилетъ и панталоны. Если кто вздумаетъ надѣть на меня орденъ, вотъ ему заранѣе мое проклятіе: не смѣйся, злодѣй, надъ усопшими! По-моему, для трупа прилично одно только одѣяніе, — бѣлое покрывало: само небо обвиняетъ дремлющій годъ бѣлой пеленою. Любви, одной любви, можетъ прійти желаніе еще разъ поднять таинственное покрывало: да! для любви нѣтъ смерти, нѣтъ страшныхъ переменъ, съ ней сопряженныхъ; она всегда въ царствѣ вѣчной красоты. Если бъ ты данъ былъ мнѣ, завидный жребій! Если бъ хоть одно любящее сердце билось надо мною, когда мое перестанетъ биться; если бъ

хоть одна слеза горести упала на мои блѣдныя щеки, и хоть одна дрожащая рука поддержала мнѣ голову, вѣрно сонъ мой былъ бы слаще и отраднѣе!

«И вотъ, сто лѣтъ прошло послѣ моей смерти. Какое-то будетъ любви, когда вѣкъ промышленности (мануфактуръ и торговли) достигнетъ полнаго развитія, и *полезное* будетъ управлять міромъ нераздѣльно?

«Опять я чувствую прикосновеніе волшебнаго жезла. Опять вижу долины, которыхъ украшенію посвятилъ лучшую часть своей жизни. Что это? Рѣка, которая текла черезъ мой паркъ, сдѣлалась судоходною; за то кучи дровъ, бѣлилни, сушильни, все гадкія полезныя вещи, заступили мѣсто моихъ цвѣтушихъ луговъ и тѣнистыхъ рощей! Замокъ — да вѣрить ли мнѣ глазамъ своимъ? — Господи, Боже мой, онъ превращенъ въ прядильню! «Гдѣ жъ живетъ хозяинъ?» спрашиваю я нетерпѣливо. «А вотъ въ этомъ домикѣ среди огорода», отвѣчаетъ мнѣ невидимый проводникъ. «И все то, что я называлъ своимъ, не принадлежитъ ужъ моему праправнуку?» Какъ можно! это раздѣлено между сотнею разныхъ владѣльцевъ: гдѣ жъ тутъ быть свободѣ и равенству, когда у одного будетъ такъ много?»

«Я подошелъ къ домику, котораго стѣны открылись для моего магнитическаго зрѣнія, и увидѣлъ, что смерти опять была работа: въ углу комнаты лежалъ недвижимъ на кровати хозяинъ дома, всѣмъ покинутый. Слышу, одинъ изъ сыновей его говоритъ другому: «Отецъ умеръ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; такъ вывезти его вонъ!»

«Ахъ, читатель, какія похороны! Вы спросите, куда свезли тѣло? Разумѣется туда, гдѣ можно было употребить его повыгоднѣе.

«Такъ! мало этой земной дѣйствительности, необходима и власть воображенія. Мало, что мы идемъ впередъ: надо знать, гдѣ остановиться. И хотя что-то высшее ежедневнаго міра открывается душѣ почти cadaго человѣка, однако жъ намъ недостаетъ еще того, чтобъ истинная Церковь соединила всѣхъ насъ подъ хоругвою единой Вѣры: это по-

ложило бы конецъ всѣмъ противорѣчiямъ, всѣмъ неудовлетворимымъ требованiямъ.»

Мысль, заключающаяся въ немногихъ слѣдующихъ за этимъ строкахъ, достойна вниманiя тѣхъ, кто толкуетъ о ободренiи Искусствъ. Поверхностныя понятiя, которыя вообще имѣютъ объ Искусствѣ, и которыми унижаютъ его до степени ремесла или препровожденiя времени, служатъ яснымъ доказательствомъ, что почва, на которой ему можно было расти, совсѣмъ исчахла. Вскapывайте, поливайте эту тощую землю, сколько вамъ угодно, а сильнаго или блестящаго прозябенiя никогда не дождетесь. Нѣкоторыя растенiя красивы, но слабы, другiя и уродливы и малы; иначе быть не можетъ, и ни какое въ свѣтѣ ободренiе тутъ не пособить. Князь Пюклеръ ищетъ атому причины въ оскудѣнiи того чувства, изъ котораго возникли въ Искусствѣ изящество и выпренность: это — чувство сверхчеловѣческаго, — глубокое вѣрованiе въ нѣчто лучшее, благороднѣйшее, прекраснѣйшее, славнѣйшее или въ нѣчто могущественнѣйшее и ужаснѣйшее насъ, мелкихъ обитателей земнаго шара. Необходимо, во-первыхъ, чтобъ это чувство, это вѣрованiе существовало, и, во-вторыхъ, чтобъ оно было не слишкомъ духовно и отвлеченно; потому что, въ этомъ случаѣ, относительно нашихъ чувственныхъ представленiй будетъ оно невидимо и неустроено. Здѣсь не мѣсто разбирать, сколько добра и сколько зла сопряжено съ этими различными состоянiями челоуѣческаго духа, а нѣтъ сомнѣнiя, что между вѣрующими въ одно видимое, и вѣрующими въ то, что далеко отъ умственнаго глаза даже при самыхъ смѣлыхъ его напряженiяхъ, Искусству нельзя дышать свободно, и оно погибаетъ.

«Въ одной извѣстной книгѣ кто-то говоритъ довольно справедливо: «Упадокъ Искусства непремѣнно долженъ слѣ-

«довать за совершеннымъ отпаденіемъ отъ Вѣры,»—а послѣ прибавляетъ: «Музыка—единственное Искусство, составляющее существенную часть нашего богослуженія; по-этому, намъ должно воспользоваться ею, какъ единственнымъ средствомъ къ возстановленію тѣснѣйшей связи всѣхъ Искусствъ съ Религіей.»

«Вотъ странное заключеніе. Искусство выродилось отъ того, что истинное чувство Вѣры, какъ и все поэтическое, въ наше время ослабло. Укрѣпите его, Искусства процвѣтутъ опять сами собою; но нельзя сказать наоборотъ. Если для укрѣпленія этого чувства необходимо нужна музыка, такъ, можетъ-быть, всего дѣйствительнѣе будетъ вотъ какая: пушечная пальба лѣтъ тридцать сряду, вопль сотни тысячъ несчастныхъ, умирающихъ отъ язвы, десятка два землетрясеній, да хоть небольшой потопикъ.»

Теперь — отрывокъ изъ продолжительной бесѣды между старыми однополчанами.

«Другой праздникъ данъ былъ около того же времени по такому поводу, что это почти трогательно. Хозяинъ праздника былъ гвардіи рядовой. Этотъ человекъ необыкновенно отличился подъ Бауцепои въ глазахъ самого Императора, который велѣлъ записать его имя. Нѣсколько времени это такъ и оставалось. Ужъ на послѣдней недѣлѣ перемирія пріѣзжаетъ въ Гр — дежурный офицеръ отъ Императора, спрашиваетъ такого-то рядоваго — а тотъ сидѣлъ за столомъ съ товарищами—и тутъ же вручаетъ ему патентъ на чинъ капитана въ томъ самомъ полку, гдѣ онъ служилъ, вмѣстѣ съ предписаніемъ о выдачѣ трехъ тысячъ франковъ на экипировку. Это было въ трактиръ; я случился въ той же компаніи, и, признаюсь, никогда не видывалъ, чтобъ кто-нибудь такъ выходилъ изъ себя отъ радости, какъ этотъ усачъ. Съ Французской живостью сдернулъ онъ съ пальца перстень, и выхватилъ изъ кармана часы, бросилъ ихъ хозяину, и велѣлъ угощать на свой счетъ всѣхъ товарищей, которые перебываютъ въ этотъ день въ трактиръ. Всякой долженъ былъ выпить съ нимъ рюмку вина за здоровье великаго Наполеона. Чуть не со слезами рассказывалъ онъ

о своемъ счастьи, и объяснялъ каждому *la finesse du petit sarogal*, который догадался же дать ему это отличие именно въ томъ полку, гдѣ служилъ онъ прежде. На другой день, онъ сѣмалъ для товарищей тотъ праздникъ, о которомъ я говорю, и который вѣрно сталъ ему въ копѣйку. Да въ то время деньги были у насъ не по чѣмъ! Всякой думалъ, какъ бы прожить день въ полномъ удовольствіи, потому что завтра было невѣрно.»

Авторъ — записной охотникъ до лошадей, и любители конюшенной Словесности найдутъ для себя обильную пищу во «Всякой всячинѣ». Мы удовольствуемся небольшимъ этого рода отрывкомъ.

Одинъ изъ ветерановъ замѣчаетъ, что въ Наполеоновской арміи было что-то романическое —

«Напримѣръ, что это были за чудная шайка — Мамелюки! Послѣ Бауценскаго дѣла, которое стоило имъ четырнадцать человекъ, ихъ все еще оставалось полъ-эскадрона подъ начальствомъ необыкновенно красиваго собою полковника Германна, родомъ Нѣмца, который одержалъ, я думаю, больше побѣдъ надъ нашими дамами, чѣмъ на войнѣ. Въ этомъ маленькомъ корпусѣ было очень немного Египтянъ: въ послѣднее время прибылъ къ нему одинъ человекъ изъ Іерусалима, другой изъ Виллема. Едва ли были въ немъ Французы, но, за исключеніемъ ихъ, онъ состоялъ изъ уроженцевъ почти всѣхъ странъ земнаго шара. Старшій изъ Египтянъ часто посѣщалъ меня: бывало, возьметъ съ дивана подушку, броситъ на полъ, сядетъ на нее, поджавши ноги, и курить свою длинную трубку или пить кофе. Онъ часто рассказывалъ намъ объ Египетской войнѣ; Наполеона описывалъ какимъ-то волшебникомъ, и благодарилъ отъ души за то, что онъ вывезъ его изъ отечества: послѣ ученья на морскомъ берегу, ихъ, сказывалъ онъ, такъ внезапно посадили на суда, что всѣ они считали это маневромъ до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не потеряли изъ виду земли. Какъ теперь вижу полковника Германна, когда генералъ Лессеръ — Денуэттъ, также пре-

красный собою, смотрѣлъ Мамелюковъ въ Гр^{...}. Они выстроились по ту сторону глубокаго рва. На шоссе показался генералъ съ своимъ штабомъ. Какъ изъ лука стрѣла мелькнулъ полковникъ въ своемъ блестящемъ мундирѣ, перелетѣлъ черезъ ровъ, футовъ въ двѣнадцать шириною, и осадилъ коня у самыхъ ногъ генерала, отдавая ему честь съ удивительною ловкостью. Получивъ приказанія, онъ такъ же ловко повернулъ своего сѣраго арабчика, перескочилъ опять черезъ ровъ, и въ одинъ мигъ очутился на своемъ мѣстѣ.»

Послѣдуемъ за авторомъ въ Ахенъ, на балъ, который удостоили своимъ присутствіемъ Государи, прибывшіе на конгрессъ.

«Мой патріотизмъ торжествовалъ при видѣ нашего Короля. Онъ былъ такъ прямъ и простъ въ обращеніи, а между тѣмъ настоящій Государь и повелитель. Послѣ него, наиболѣе поразилъ меня Князь Меттернихъ, въ которомъ я всегда принималъ живѣйшее участіе съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, бывши еще отрокомъ, увидѣлъ вступленіе его на великое поприще въ званіи посланника при Дрезденскомъ Дворѣ, и особенно, когда сталъ подсматривать за нимъ въ обществѣ первѣйшей знати. Нельзя было не чувствовать, что этотъ человѣкъ рожденъ повелѣвать, чѣмъ бы онъ ни былъ первоначально; и точно, не многіе обладаютъ этимъ искусствомъ въ равной съ нимъ степени. Онъ не «идеологъ» какъ изъяснялся Наполеонъ; но Германія обязана ему больше, чѣмъ она думаетъ. Исторія не отречется поставить его гораздо выше Кауница, и на ряду съ кардиналомъ Ришельё, Борлеемъ и другими истинно великими министрами, то есть, такими, какихъ требовалъ ихъ вѣкъ, хотя они часто должны были ему противоборствовать.

«Относительно внѣшняго вліянія, Князь Меттернихъ всегда будетъ казаться во Франціи, въ Англіи, въ Пруссіи совершенно различнымъ человѣкомъ, и однако жъ всегда останется однимъ и тѣмъ же, то есть, человѣкомъ, понимающимъ свое положеніе. Такъ точно въ Австріи онъ то,

и единственно то, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть; и вотъ почему не плошай тотъ, чьи выгоды столкнутся съ Австрійскими.

«Герцогъ Ришельё не кардиналъ, но герцогъ, показался намъ замѣчательнъ щеголеватостью и благородствомъ своихъ пріемовъ.

«Россійскій Императоръ былъ чрезвычайно снисходителенъ, и отличался истинно рыцарскою вѣжливостью. Онъ очаровалъ всѣхъ своей привѣтливостью. Русскіе подражали своему высокому образцу съ большимъ успѣхомъ.

«Отчего никто не побываетъ въ Австріи безъ такого чувства, какъ-будто-бъ было Воскресенье? Отчего никто, по крайней мѣрѣ изъ Нѣмцевъ, не можетъ видѣть Австрійскаго Императора безъ любви и уваженія? Какая-то особенная прелесть носится надъ этой землею и ея властителемъ, прелесть, которая часто и сильно проявлялась въ Исторіи, по которую Нѣмцу легче чувствовать, чѣмъ опредѣлить. Личный характеръ много дѣлаетъ, но это еще не все.

«Герцогъ Веллингтонъ сильно привлекалъ вниманіе. Въ то время, лавровый вѣнокъ былъ на немъ свѣжъ и блестящъ; еще не помяли, не испортили его тернія гражданской короны. Онъ смотрѣлъ гордо и величаво. Лице его выражало умъ и дарованіе, но мало генія: въ этой окружности нѣтъ пустаго мѣста, но объемъ ея очень невеликъ.

«Лордъ Кастельри, блѣдный и болѣзненно улыбающійся, походилъ на вампира, лишеннаго добычи. Подлѣ него былъ канцлеръ, князь Гарденбергъ, старикъ благородный, тонкій и гениальный, но ужъ примѣтно ослабѣвавшій. Пріемы его обличали совершенно свѣтскаго чловѣка, но въ сравненіи съ Меттерниховыми были не такъ повелительны и не такъ развязны, даже почти застѣнчивы.

«Ветеранъ Бенингсенъ, съ женою, составляли настоящую древнюю группу. Почти слѣпой, съ бѣлоснѣжными кудрями, высокій, осанистый, истощенный болѣзнями, и водимый прекраснымъ Полячкомъ, онъ съ перваго взгляда напомнилъ

мнѣ Велисарія, и пробудилъ еще много думъ. Но разговоръ его не слишкомъ соответствовалъ выразительной наружности: онъ толковалъ только объ лошадяхъ да объ Эйлаускомъ сраженіи, въ которомъ, какъ многіе утверждали, отъ него зависѣло совершенно разбить Наполеона. Прекрасные совѣты Прусскаго генерала уступили его чрезвычайной осторожности.

«Вотъ Г-жа Каталани съѣла за фортепіано. Она запѣла — God ..... Въ эту минуту почталіонъ такъ сильно протрубилъ въ рогъ подь самымъ окномъ невысокаго дома, что нѣкоторые изъ предстоящихъ едва могли удержаться отъ смѣха, а великая пѣвица должна была остановиться. Дилижансъ проѣхалъ, и она опять запѣла — God save..... Но за дилижансомъ тащилась Beiwagen, выючная повозка, съ такимъ же музыкальнымъ почталіономъ, и, увы! — этотъ рогъ былъ еще звончѣе и пронзительнѣе перваго. Тутъ ужъ никто не выдержалъ; всѣ засмѣялись, и смущенная пѣвица принуждена была пожевать ревеню, который всегда носила съ собою, прежде, чѣмъ рѣшилась опять начать свою арію. На этотъ разъ, удалось ей, однако жъ, пробраться сквозь — God save the King, благополучно.»

Къ числу занимательнѣйшихъ статей въ этой книгѣ принадлежатъ очерки Берлинскаго общества, начинающіе отъ Двора и до мѣщанства. Г-жа Сталь сказала, что Берлинъ есть городъ, неоставляющій въ душѣ ни какого воспоминанія. «Это доказываетъ только то, говоритъ нашъ авторъ, что очень умная женщина можетъ сказать очень глупую вещь.» Въ этомъ мы съ нимъ совершенно согласны; но чтобъ унести изъ Берлина такое впечатлѣніе, отъ котораго родятся воспоминанія, надо знать, что за необъятное количество умственного свѣта разливается оттуда со временъ Фридриха Великаго; а Г-жа Сталь, несмотря на ея геній и на довольно толстую книгу о Германіи, не имѣла объ этомъ ни какого понятія. Авторъ говорить:

«Пруссія — предметъ безспорно занимательный, любите ее или ненавидьте, все равно; только презирать ее никто не въ правѣ, потому, что она «идетъ вверхъ». Когда солнце опускается, люди засыпаютъ, но взойдетъ оно высоко, — они открываютъ глаза.»

«Въ государственномъ учрежденіи Пруссіи могутъ быть несовершенства, но гдѣ всюду проникаетъ просвѣщеніе, тамъ другіе недостатки маловажны. Однако жъ, и они должны будутъ сами собою исчезнуть: тогда исполнятся всѣ желанія истинныхъ любителей пароднаго улучшенія, которые не имѣютъ ничего общаго съ полоумными разорителями.»

Авторъ сознается самъ, да и книга его порукою, что онъ плохой придворный; несмотря на то, онъ говоритъ о царствующемъ Домѣ и особенно о Наслѣдномъ Принцѣ съ чувствомъ такой искренней любви и уваженія, что сердце радуется.

Въ числѣ Берлинскихъ увеселеній, онъ упоминаетъ объ очень любопытныхъ балахъ, гдѣ сблизаются всѣ ступени общества. Объ нихъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому похвальному вниманію, какое обращаютъ здѣсь на туалетъ щеголеватыхъ посѣтителей, приказывая «не пускать никого въ грязныхъ сапогахъ». Несмотря на эти утонченности, а можетъ быть и вслѣдствіе ихъ, балы не слишкомъ занимательны; за то ужины, оживляемые непрерывнымъ фейерверкомъ скачущихъ пробокъ, довольно шумны и веселы.

«На последнемъ изъ этихъ баловъ, говоритъ авторъ, нашъ веселый Принцъ Альбрехтъ похаживалъ съ своими адъютантами изъ комнаты въ комнату, не находя себѣ за столомъ свободнаго мѣста. Я не могъ удержаться отъ смѣху, когда, замѣтивъ это, С^м воскликнулъ съ энтузіазмомъ: «И это называютъ самодержавною монархіей! Королевскій

сынъ не найдетъ себѣ мѣста, гдѣ поужинать, потому, что его добрые граждане обставили кругомъ весь столъ! Нѣтъ; нашъ какой-нибудь конституціонный королевичъ ужъ вѣрно взялъ бы мѣры, чтобъ быть сыту прежде будущихъ своихъ подданныхъ.» — Да! сказалъ я, по этому-то мы и не нуждаемся въ революціяхъ и ниспроверженіяхъ существующаго порядка: у насъ все, слава Богу, здорово; можемъ обойтись безъ кровопусканій!»

Охота за страшнымъ Русскимъ медвѣдемъ, поселившимся въ лѣсахъ Валахін, и заоблачное путешествіе автора на воздушномъ шарѣ, суть безъ-сомнѣнія два блистательнѣйшіе эпизода «Всякой всячины». Последній мы не преминемъ сообщить въ одной изъ будущихъ книжекъ этого Журнала; теперь, мѣсто позволяетъ намъ только постараться возбудить участіе читателей въ судьбѣ нашего мохнатого соотечественника, и чтобъ, стремясь къ этой цѣли, лучше ознакомить ихъ съ разнообразнымъ дарованіемъ владѣтельнаго князя-писателя, выпишемъ весь его рассказъ о знаменитой травлѣ, слышанный имъ въ Лейпцигѣ отъ Г. Алкивіада Тавернье, внучатнаго племянника извѣстнаго путешественника.

«Медвѣдь, столько же замѣчательный по исполинской величинѣ, сколько и по необычайной силѣ, былъ ужасомъ цѣлаго края между Бухарестомъ и Цемпино, вблизи Карпато-Романо-Молдавскихъ горъ. Любимымъ мѣстомъ пребыванія этого чудовища былъ обширный Поейнарскій лѣсъ, черезъ который пролегаетъ отчасти дорога изъ Бухареста въ Трансильванскій Кронштадтъ. Лѣтъ восемь или десять, ужасный звѣрь не давалъ покоя окрестнымъ жителямъ, и въ теченіе этого времени онъ истребилъ у нихъ по крайней мѣрѣ четыреста быковъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Никто не смѣлъ къ нему подступить; казалось, паническій страхъ овладѣлъ всѣмъ краемъ. Вотъ послѣднее извѣстіе объ его проказахъ, которыя привлекли наконецъ вниманіе высочайшаго Дивана.

«Огромный возъ съ виномъ тихо спускался подъ гору на пути къ Бухаресту. По обычаю тамошнихъ поселянъ, въ полуденный зной погонщики остановились отдыхать, выпрягли буйволовъ, и пустили ихъ на траву по опушкѣ леса. Вдругъ слышать они страшный ревъ; бѣгутъ, и видятъ, что зверь, такой же черный, какъ ихъ буйволы, только гораздо больше, повалилъ одного изъ этихъ животныхъ навзничъ, и несмотря на страшное его барахтанье, захватилъ бѣдняжку одной лапою, какъ желѣзными клещами, и улизнулъ съ нимъ на трехъ ногахъ, не спотыкаясь. Этотъ случай, хоть по-видимому и не совсѣмъ достоверный, не только возбудилъ вниманіе правительства, но подстрекнулъ и самыхъ задорныхъ охотниковъ въ Бухарестъ, именно, бояръ Костаки, Корнеско, Манулаки Флореско, Беа-Задя Суццо, и вашего покорнѣйшаго слугу. Сговорились предпринять большую травлю, и скоро все было улажено какъ нельзя лучше синьоромъ Флореско, начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ.

«Положено, сначала только слѣдить медвѣдя, а потомъ, съ помощію пяти или шести сотъ поселянъ загнать его въ полукружіе изъ ста охотниковъ. Когда все это было сдѣлано, въ назначенный день мы собрались какъ можно тише. Знакомъ къ началу травли былъ протяжный звукъ охотничьяго рога, къ которому тотчасъ пристали другіе зычные инструменты, а въ отвѣтъ имъ раздались кланки охотниковъ. Скоро я услышалъ выстрѣлъ вправо, гдѣ стоялъ синьоръ Корнеско, и потомъ опять все затихло. Черезъ нѣсколько минутъ какой-то зверь сталъ пробираться чащею: тишь яснаго Октябрскаго дня и шорохъ сухаго листа, уже покрывавшаго землю, удваивали шелестъ шаговъ каждаго животного. Сытая лисица показалась отъ меня шагахъ въ восьмидесяти. Я по ней выстрѣлилъ, и она тотчасъ упала, пробитая пулей въ голову. На минуту водворилась опять мертвая тишина; потомъ охотники стали подаваться ближе и ближе, и громкіе ихъ кланки возобновились со всею силой. Страшно слушать, какъ переключаются Молдавскіе крестьяне, растянутые цѣлью на пространствѣ двухъ миль; какъ ужасно они завываютъ и въ то же время хлопаютъ чѣмъ ни попало по деревьямъ. Вдругъ, за полнилоу вѣтло,

раздались два выстрѣла, одинъ за другимъ, и потомъ оглушающій крикъ ougъ, ougъ, который на Рومانно-Молдавскомъ языкѣ значить то же, что на Французскомъ, пронесся молніей по всей цѣпи охотниковъ. Вотъ идетъ Князь или Бей, Задей Суццо: «Seigneur Alcibiade, медвѣдь-то прорвался сквозь цѣпь. А вы это что подшибли?» «Да видите, какую лисичку.» Мамелюкъ его поднялъ лисицу. Тутъ къ намъ подоспѣлъ синьоръ Корнеско, и мы всѣ отправились на то мѣсто, гдѣ медвѣдь ускользнулъ у нихъ изъ-подъ рукъ. Синьоръ Флореско былъ ужъ тамъ, и хотѣлъ добратъся по слѣдамъ его, куда онъ далъ тягу.» Егеръ Лазаръ выстрѣлилъ по немъ, сказалъ намъ Флореско, да только оцарапалъ ему спину; другой выстрѣлъ сорвался у одного крестьянина: медвѣдь шмыгнулъ мимо него такъ быстро, и поднялъ такую ломку въ лѣсу, что бѣдняга со страху повалился навзничъ, а догадливое ружье и безъ него выпалило!» Мы смѣялись надъ крестьяниномъ, который все еще не могъ опомниться, и наконецъ образумили его стаканомъ другимъ водки.

«Потомъ сейчасъ же пустились по слѣдамъ медвѣдя. Шаговъ за сто начали мы замѣчать потовыя пятна на листьяхъ и на пняхъ, объ которыя онъ терся, улепетывая отъ погоны. Всѣ эти пятна были футовъ слишкомъ на пять отъ земли, именно, вровень съ моими глазами. Такъ какъ это ростъ высокаго человѣка, то я спросилъ у Лазаря, какъ бѣжалъ медвѣдь, на заднихъ ли лапахъ или на четверенькахъ. «На четверенькахъ, какъ собака», отвѣчалъ онъ. Тутъ въ первый разъ сталъ я немножко вѣрить чудеснымъ рассказамъ объ ужасной величинѣ и силѣ этого чудовища: любопытство и желаніе, если можно, убить его, возрасли во мнѣ до непреодолимости.

«Долго бродилъ я вмѣстѣ съ товарищами: они послали между-тѣмъ за сворой изъ 50 или 60 собакъ, которая оставалась въ ближайшей деревнѣ. Наконецъ, утомленный безконечными поисками, я повернулъ налѣво въ лѣсъ по дикой тропинкѣ, которою думалъ выбратъся на дорогу, и отыскать то мѣсто, гдѣ стояла наша телѣга съ припасами, потому что я ужъ проголодался.

«И вотъ, выхожу на долину, которую можно бъ было назвать дѣвственною. Исполинскіе дубы засохли отъ старости: дикія растенія и молодые отпрыски пробиваются на истлѣвающихъ пняхъ. Дальше, темная ночь царствуетъ подъ развѣсистыми вѣтвями другихъ великановъ, еще бодрыхъ и свѣжихъ, какъ юноши. Въ прохладной тѣни ихъ прилегло было я отдохнуть. Вдругъ слышу такой шумъ и топотъ, какъ будто-бъ цѣлый эскадронъ мчался на меня во весь опоръ, — и огромный черный звѣрь съ быстротою молніи медькнулъ черезъ долину, не далѣе, какъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ моей особы. Я не успѣлъ даже прицѣлиться, однако жъ столько-то разглядѣлъ, что ни одинъ медвѣдь, начиная съ бѣлаго арктическаго до чернаго сибиряка, не сравнится съ этимъ величиною. Я поспѣшилъ за нимъ въ западномъ направленіи, и слышалъ, какъ стая, напавъ на слѣдъ, гнала его во всѣ лопатки. Вскорѣ я встрѣтился съ бояриномъ Костаки, главнымъ управителемъ синьора Флореско. Когда мы вмѣстѣ пустились за медвѣдемъ, онъ сказалъ мнѣ: «У меня сильное предчувствіе, что я сойду съ этимъ чудовищемъ; впрочемъ со мной лучшіе стрѣлки мои: они идутъ сзади пѣшкомъ.» Мы зашли въ чащу лѣса, гдѣ было множество дикихъ плодовыхъ деревьевъ. Здѣсь, среди дряхлыхъ пней и каменистыхъ пещеръ, было, по-видимому, любимое убѣжище нашего супостата, потому, что вся земля покрыта была его нечистотами. Я рѣшился остановиться въ этомъ странномъ и дикомъ пріютѣ. Костаки пошелъ себѣ своей дорогою, хотъ люди его еще не подошли, да и собакъ вовсе не было слышно. Измучившись отъ ходьбы и отъ жару, я легъ съ своей вѣрной собакою, Амико, подъ большую яблоню, закурилъ отъ-нечего-дѣлать трубку, и велѣлъ Амико держать ухо востро. Собака моя была и сильна, и хорошо выдресирована, давай ей хотъ звѣря хотъ челоуѣка; такъ, лежа на-покоѣ, и роскошно пуская въ воздухъ густыя облака дыма, я вѣрно бы продремалъ тутъ съ полчаса, если бъ опять не услышалъ шелеста приближающихся животныхъ. Встаю потихоньку и прячусь за дерево.»

«Это попросту было стадо свиней: герой нашъ убиваетъ одну изъ нихъ и торжественно показываетъ товарищамъ,

собравшимся на призывный звук его рога. Къ несчастію, минимый кабанъ оказывается събжавшимъ поросенкомъ, который промѣнялъ на дикую свободу всѣ удобства образованности, представлявшіяся ему въ хлѣву какого-нибудь Молдавана, и хотя погибъ, по такою смертію, которая соотвѣтствовала благороднымъ его наклонностямъ. Разумѣется, надъ удачнымъ стрѣлкомъ насмѣялись вдоволь.

«Охотники еще долго бы прѣшутили, если бъ не перерывалъ ихъ отдаленный шумъ и лай собакъ, хотя по отголоску намъ казалось, что онъ отъ насъ по крайней мѣрѣ за милю. Вся ватага бросилась туда, только я не хотѣлъ сойти съ своего мѣста. Со мной остался одинъ Лазарь, тотъ самый охотникъ, который первый выстрѣлилъ по медвѣдю, и приспѣлъ на мой зовъ вмѣстѣ съ прочими. Когда лай утихъ, я опять закурилъ трубку, и сѣлъ верхомъ на свою безславную добычу, которую товарищи растанули передо мной въ насмѣшку. Но вотъ опять лай, и теперь онъ приближается прямо къ намъ съ возрастающей быстротою. Черезъ нѣсколько минутъ, раздался страшный крикъ и потомъ ревъ, еще ужаснѣйшій: взвожу курокъ, и бѣгу туда изъ всей мочи. Минутное безмолвіе; потомъ такой трескъ и шумъ, какъ-будто бъ вихорь пошелъ по лѣсу: кустарникъ зашевелился, пригнулся къ землѣ, и вотъ, медвѣдь передо мной, носомъ къ носу. Онъ занималъ всю тропинку своей исполинской толщиною, и, только меня увидѣлъ, бросился ко мнѣ съ такимъ ревомъ, что чуть не оглушилъ меня и, въ буквальномъ смыслѣ, потрясъ воздухъ. Самъ не знаю, какъ я еще помнилъ, что мнѣ предстоитъ или побѣда или смерть; прицѣлился какъ можно вѣрнѣе, подпустилъ къ себѣ медвѣдя шаговъ на шесть, и выстрѣлилъ изъ того же счастливаго дула моего двуствольнаго ружья, изъ котораго удалось мнѣ убить лисицу и кабана. Пуля попала ему между самыхъ глазъ; онъ пошатнулся, а между тѣмъ мой неизмѣнный Амико бодро выскочилъ впередъ и сталъ прямо противъ него. Изумленный, можетъ-быть, внезапнымъ появленіемъ огромной бѣлой собаки и ея немилосерднымъ лаемъ, медвѣдь далъ мнѣ время сдѣлать другой выстрѣлъ вслѣдъ за первымъ, а Лазарь, изъ-за большаго дуба, выстрѣ-

лил по немъ еще разъ, но не сдѣлалъ ему сильнаго вреда, потому что, какъ послѣ оказалось, пуля застряла у него въ жиру. Замѣтивъ, что всякой разъ, какъ онъ переводилъ духъ, два ручья крови струились изъ головы его, я хватилъ охотничій ножъ, и съ помощію лихой своей собаки пытался припугнуть раненаго, крича на него изо всей силы: онъ взревѣлъ, поворотилъ въ сторону и казалось, хотѣлъ уйти въ чащу, но ужъ шатался, и силы видимо ему измѣняли. Шагахъ въ тридцати онъ легъ. Я тотчасъ воспользовался случаемъ опять зарядить ружье; тутъ ужъ мнѣ безопаснѣе было его преслѣдовать. Онъ лежалъ совершенно тихо, безъ реву, и передними лапами безпрестанно утиралъ ручьи крови, точно какъ человѣкъ. Я сталъ дразнить его, чтобъ онъ опять обернулся и далъ мнѣ возможность нацѣлить на него смертельный выстрѣлъ. Въ этомъ я успѣлъ, какъ нельзя лучше: сперва началъ онъ ломать деревья и бросать въ меня съ неимоверной силою, а потомъ разсвирѣпѣлъ до такой степени, что не видя возможности уйти, вскочилъ со всей прежней бодростью и бросился на меня вторично. Да нѣтъ, пріятель, — промахнулся. Подпустивъ его къ самому дулу, я всадилъ ему весь зарядъ въ голову; онъ повалился наземь, забрызгавъ меня кровью и чуть не придавивъ своимъ огромнымъ туловищемъ. Отроду не слышалъ я ничего ужаснѣе послѣдняго его рева — звукъ такой полный, такой густой, такой отчаянный, такой пронзительный, что стоишь стоялъ по лѣсу, и горные отголоски повторяли его съ содроганіемъ.

«Тутъ подоспѣлъ Флореско съ собаками и множество народу: всѣ съ удивленіемъ и чуть не со страхомъ поглядывали на огромнаго звѣря; каждый осыпалъ меня поздравленіями, что я наконецъ убилъ чудовище, которое такъ долго было ужасомъ всей окрестности. Надо признаться, душа моя была въ странномъ положеніи: никогда не встрѣчалъ я такой неминуемой, такой очевидно страшной опасности; никогда не одерживалъ я побѣды, которая въ первую минуту доставила бы мнѣ больше удовольствія.

«Надо было вырубать кустарникъ, чтобъ проташить звѣ-

ря изъ лѣсу на ближайшую дорогу, гдѣ онъ лежалъ нѣсколько времени.

«Между-тѣмъ, Флореско сказалъ мнѣ, что онъ боится, не сдѣлался ли Костаки жертвою этого дня, потому что онъ видѣлъ его въ ужасномъ состояніи. Вскорѣ потомъ бѣднягу принесли на носилкахъ. Страшно было на него смотрѣть: и тѣло и платье висѣли у него лоскутьями, кишки вывалились, спина была переломлена; всѣ пособія остались тщетны; черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. Такъ, кровавый звѣрь погибъ не безъ отмщенія, и торжество свое купили мы слишкомъ дорогой цѣною.

«Медвѣдя везали на огромную телегу, запряженную четверней воловъ, и хотѣли везти его въ Бухарестъ. Однако жъ пришлось отложить это намѣреніе: отъ тѣла была такая вонь, что вся атмосфера нашей главной квартиры ею заразилась. Медвѣдя распотрошили: вышло отъ 780 до 800 Французскихъ фунтовъ жиру, и 963 фунта мякоти и костей. Отъ оконечности хребта до лобовины было въ немъ девятнадцать футовъ (?), и по вычисленію, основанному на системѣ Галля, ему выходило отъ 170 до 180 лѣтъ. Шерсть на немъ была черная какъ смоль; зубы всѣ истерты. Это вѣрно былъ Сибирскій медвѣдь, котораго травили нѣсколько разъ, и исподоволь загнали въ эту сторону. Въ лѣвой задней лапѣ и въ спинѣ нашли у него острія двухъ стрѣлъ. Шкуру подарилъ я пріятелю моему, Турецкому генералу Намикъ-Пашѣ, который недавно ѣздилъ къ разнымъ Европейскимъ Дворамъ съ порученіями Султана. Черепъ по-сю-пору у меня, да часть жиру хранится еще на погребу въ Бухарестѣ.

«Въ послѣдствіи я слышалъ, что въ лѣсахъ, опоясывающихъ Поейнарскій округъ, видѣли самку моего страшнаго противника съ двумя медвѣжатами, ростомъ съ большаго быка, и говорятъ, она не уступаетъ покойному супругу ни въ величинѣ, ни въ свирѣности. Вотъ, господа, сказалъ намъ смѣявшись *Seigneur Alcibiade*, не угодно ли кому пожать такіе же лавры, какъ я, и заткнуть за поясъ Геркулеса съ его дикимъ кабаномъ: вѣдь кабанъ-то за два фута не видитъ

у себя надъ головой ни крошки, на поворотъ тяжелъ какъ свинецъ, и по деревьямъ лазить не мастеръ, а медвѣдь—нѣтъ, отъ него не ускользнешь, ползай куда хочешь!»

=

P.S. Статья эта уже поступала въ станки, какъ мы нашли въ Нѣмецкихъ Журналахъ странное объявленіе Князя Пюклеръ-Мускау, которое долгомъ считаемъ сообщить тутъ же нашимъ читателямъ. Почтенный Князь Вендовъ формально отказывается въ Бреславской Газетѣ отъ чести, быть авторомъ этой книги, объявляя, что она столько же недостойна его пера, сколько и чтенія. Само собою разумѣется, что это только новая мистификація.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О П И С А Н І Е

РОССІЙСКОЙ АРМЕНИИ.

СТАТЬЯ Г. КЛАПРОТА.

Армянская Область, приобретенная Россіею въ послѣднюю ея войну съ Персіею, состоитъ изъ Областей Эриванской и Нахичеванской. Эривань столица и средоточіе управленія. Махале, или округи, управляются наибамъ, то есть, начальниками, которыхъ избираютъ и назначаютъ обыватели. Всѣ гражданскіе и уголовные случаи разрѣшаются по Россійскимъ законамъ; но туземцы сохранили привилегію, которою пользовались при Персидскомъ правленіи, примирять сами возникающія между собою распри. Кочевья покомѣнія каждой области подчинены двумъ начальствующимъ надъ ними Султанамъ: одинъ изъ нихъ, Султанъ Пиръ-Мурадъ, управляетъ родами, обитающими по берегамъ Абарана, въ долину Дарай-чичакъ и въ окрестностяхъ озера Гіюкъ-чай; другой, Асланъ-Султанъ, владѣствуетъ родами, имѣющими кочевья свои на берегахъ Аракса.

Эриванская Область къ сѣверу граничитъ округами Шурагели, Бамбаки, Касахъ, Шамшадило и округомъ, столицею котораго городъ Ганджа, называемый

Русскими Елисаветполемъ. Отъ этихъ мѣстъ отдѣляется она цѣпью горъ. Къ востоку граница идетъ по теченію рѣки Большой Арпа-чай, называемой, также Арпа-чай Гарури. Этою рѣкою Эривань отдѣляется отъ Нахичеваня. Къ югу, Араксъ составляетъ границу между Персіею и Турецкимъ пашалыкомъ Баезидъ, отъ котораго Эриванская Область отдѣлена также горами и Малымъ, или Западнымъ, Арпа-чаемъ, окружающимъ ее со стороны Карскаго пашалыка. Эриванская Область лежитъ между 19° и 22° Петербургской долготы, и между 39° и 41° сѣверной широты. Отъ границы со стороны Бамбаки до самой отдаленной, полуденной оконечности считается около ста двадцати, а отъ востока, то есть, отъ самой восточной точки Даръ-Алагіоза къ западу сто двадцать пять верстъ. Цѣпь возвышенныхъ горъ, владычествующая вдоль сѣверной границы, именуется двумя общими названіями. Главныя изъ этихъ горъ, слѣдуя отъ запада къ востоку, суть: Карахашъ, Ала-гіозъ, Барать, Маралджи, Дагъ-нашакъ, Сивукъ-Булакъ, Джанъ-Тапъ, Кыркытли и Ода-тапъ, смѣжная съ округомъ Даръ-Алагіозъ. Около пяти верстъ далѣе отъ этой деревни, отъ сѣверной цѣпи горъ отдѣляется вѣтвь, идущая къ юго-востоку, вдоль озера Гіокъ-чай. Эта вѣтвь раздѣляется за деревнею Мейданъ на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна имѣетъ направленіе къ сѣверо-востоку и продолжается берегами озера до рѣки Занги, другая простирается къ югу до той части Персидской границы, гдѣ Большой Арпа-чай впадаетъ въ Араксъ. Отъ этого пункта, вдоль южной границы и частию вдоль западной, идутъ Большой и Малый Арарать, Келлатохенгъ и другія горы, имѣющія свои особыя названія, и оканчивающіяся горою Карахашъ, о которой уже упомянуто, и которая составляетъ сѣверо-восточную границу.

Озеро Гіокъ-чай, или Севанга, лежитъ въ сѣверо-

восточной части Эриванской Области. Оно со всѣхъ сторонъ окружено высокими горами. На одномъ изъ его острововъ находится монастырь Севанга, или Вованкъ. Озеро имѣетъ пятьдесятъ двѣ версты въ длину и болѣе двадцати двухъ въ ширину. Вода въ немъ прѣсная и никогда не замерзаетъ; но Турки, обитающіе въ окрестностяхъ, увѣряютъ, что она очень нездорова, и не употребляютъ ея ни въ питье, ни для приготовленія пищи. Гіокъ-чай, такъ какъ и впадающія въ него рѣки, Балыкчи, Тохлонджовъ и Агрыджа, — изобилуютъ рыбами, о которыхъ мы скоро будемъ имѣть случай говорить. Тохлонджовъ течетъ изъ горы Джанъ-тапъ, а Агрыджа изъ высотъ Хиритли. Вода въ нихъ хорошая и здоровая.

Араксъ течетъ отъ Эрзерумскаго пашалыка, начинаясь близъ города Колли, въ горахъ, отдѣляющихъ этотъ пашалыкъ отъ пашалыка Баезидскаго; онъ соединяется съ рѣкою Курою, противу деревни Джевать въ Ширванѣ, на границахъ Карабахскаго и Тальшанскаго Ханства, и образуетъ границу между Россійскою и Персидскою Арменіею и Карабахомъ. Съ правой стороны въ эту рѣку впадаетъ рѣка Карасу, текущая съ юга изъ горъ Араратскихъ; съ лѣвой Малый Арпа-чай, текущій вдоль западной границы Эриванской области и округа Шурагельскаго; ниже Араксъ соединяется съ сѣвера съ рѣками Карасу, Арабаномъ, вытекающимъ изъ горы Ала-гіозъ, и съ Большимъ Арпа-чаемъ. Источники послѣдней рѣки находятся въ сѣверныхъ горахъ, близъ глубокой долины Даръ-ала-гіозъ; не доѣзжая ея устья, этотъ Арпа-чай раздѣляется на многіе рукава; между ними лежитъ деревня Шарвори, отъ которой рѣка получаетъ другое свое названіе.

Занги-джанетъ соединяетъ Гіокъ-чай съ Араксомъ. Какъ первая изъ этихъ рѣкъ не судоходна, то она не приноситъ другой пользы, кромѣ той, что протекаетъ

по описываемой нами странѣ. Другія рѣки области суть: Коборъ-чай, Ады-яманъ, Кызыль-ванкъ-чай и многія другія, не заслуживающія особеннаго вниманія. Всѣ онѣ изобилуютъ рыбою, но не глубоки, такъ, что лѣтомъ можно чрезъ нихъ переходить въ бродѣ. Лѣтомъ и Араксъ, во многихъ мѣстахъ, представляетъ то же свойство. Главные броды лежатъ противъ Эчмιάдина и Эривани.

Выгодное положеніе и пріятный климатъ Армянской Области причиною ея благосостоянія и изобилія земныхъ произведеній, которое рѣдко можно найти гдѣ-либо въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ такой высокой степени. Почва большей части мѣстъ, лежащихъ между Эриванью и Гіокъ-чайскимъ озеромъ по берегамъ Занги, состоитъ изъ чернозема, и весьма плодотворна. Болота неизмѣримой глубины соединяютъ устья двухъ рѣкъ, называемыхъ Карасу (Черная вода). Земля между Араксомъ и Араратомъ состоитъ изъ солончаковъ; известковыя, мѣловыя и кой-гдѣ магнезивыя горы, составляютъ подошву горъ, тутъ находящихся.

Въ Эриванской Области считается болѣе 22,330 домовъ, что составляетъ до 113,000 душъ народонаселенія. Пропорціею народонаселенія на все пространство Эриванской провинціи можно полагать до восьми человѣкъ на квадратную версту. Но если взять въ расчетъ горы, болотистыя мѣста и другія неудобства края, вмѣстѣ съ самымъ образомъ жизни кочующихъ родовъ, не составляющихъ впрочемъ 16,000 душъ, то почти безошибочно можно сказать, что половина поверхности всей провинціи необитаема.

Всѣ ея жители могутъ быть раздѣлены на два класса: на обитателей осѣдлыхъ, имѣющихъ постоянныя жилища въ городѣ Эривани и въ деревняхъ, и занимающихся земледѣльствомъ, и на народъ кочующій съ своими стадами. Въ городѣ считается 1,806 домовъ,

или семействъ, — 323 Армянскихъ, и 3,770 Азербайджанскихъ, изъ которыхъ небольшое только число мусульманъ : прочіе всѣ Армяне. Число земледельцевъ области простирается до 16,450 семей : изъ нихъ 4,000 мусульманъ, 4,680 Армянъ, 3,770 Азербайджанцевъ, и 4,000 Баезидцевъ, Карсовъ и Эрзерумцевъ. Кочующія поколѣнія, въ числѣ 3,153 семей, принадлежать къ четыремъ племенамъ : они суть Курды, Сельджукскіе Турки Кара-Папахи и Цыганы. Курды всѣ мусульмане, шіитской и суннитской сектъ : поколѣнія Милли и Карачурау самыя значительныя въ числѣ первыхъ ; сунниты образуютъ между прочимъ многочисленныя поколѣнія Силияновъ, въ послѣднюю войну между Россіею и Персіею поселившихся въ сей странѣ. Вообще считается 544 семей шіитовъ и 429 суннитовъ. Послѣ того, какъ Сельджукскіе Турки, овладѣвъ частію сѣверо-восточной Арменіи, и, удерживаясь въ ней въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій, распространились нечувствительнымъ образомъ до ея средоточія или до сосѣдства съ Араратомъ, отъ нихъ произошли слѣдующіе роды : Айріумлинцы, состоящіе изъ 654 семей, Зейдлинцы изъ 108, Аксалинцы изъ 119 и Таушанлинцы изъ 10 : всего семействъ 891.

Съ одиннадцатаго вѣка въ Арменіи обитали Касахи. Они поселились въ округѣ Касахи, и раздѣлились на два главныхъ поколѣнія, — Чобукаръ и Кара-Папахъ. Первое изъ нихъ раздѣлилось на семь вѣтвей, составляющихъ вообще 420 семей ; послѣднее заключаетъ въ себѣ собственно такъ называемыхъ Кара-папаховъ, и состоитъ изъ 667 семей и пяти инаковыхъ вѣтвей, не столь значительныхъ и не свыше 100 семей. Два большія поколѣнія Касаховъ простираются такимъ образомъ до 1,197 семей.

Чанганы, или Цыганы, раздѣлились на три поколѣнія, — Карашисовъ, которые исповѣдуютъ мусуль-

манскую въру по шіитскому обряду, 42 семейства; Моготріумъ, суннитской секты, 7; и Боша, Армянскаго въроисповѣданія, 46: всего 95 семей.

Что касается до нравственныхъ качествъ, то шіиты, сунниты и Армянскіе Христіане весьма между собою различествуютъ. Шіиты вообще краснорѣчивы, и бесѣды свои, обыкновенно остроумныя, сопровождаютъ рѣзкими жестами. Они льстивы и очень хитры; честность не составляетъ главной ихъ добродѣтели, и корыстолюбіе побуждаетъ ихъ иногда къ поступкамъ самымъ низкимъ, и часто приводитъ ко лжи. Сверхъ-того, они весьма склонны къ воровству. Эти пороки дѣлаютъ весьма опаснымъ обращеніе съ ними, несмотря на всѣ ихъ удостовѣренія въ благорасположеніи и на наружную ихъ вѣжливость. То же самое замѣчается и въ кочующихъ родахъ этой секты, съ тою разницею, что послѣдніе строго соблюдаютъ законы гостепріимства, и что ихъ нравы грубѣе нравовъ осѣдлыхъ шіитовъ; но какъ тѣ, такъ и другіе, въ равной степени плуты.

Сунниты различествуютъ отъ шіитовъ сколько одежаніемъ, столько и всею вообще наружностію. Они одеваются по Турецкому образцу, и всѣ дородны, между тѣмъ какъ Персіане, которые всѣ почти шіиты, обыкновенно худощавы тѣломъ. Сунниты этой Области имѣютъ грубыя черты; по самымъ ихъ движеніямъ замѣтно, что они лѣнны; въ разговоръ и образъ изясненія довольно непріятны; не гостепріимны, и такъ же падки на корысть, какъ и шіиты. Но съ перваго взгляда, они уже кажутся менѣе раболопны, и когда съ ними болѣе ознакомишься, открывается, что они тоже не менѣе заражены въроломствомъ, нежели послѣдователи Алія. Наиболѣе разительныя черты этихъ двухъ отдѣленій жителей суть народная, непреодолимая гордость и храбрость, доходящая до величайшей дерзости; какъ тѣ, такъ и другіе, вспыльчивы,

мстительны, распутны, безнравственны въ высочайшей степени.

Нельзя сказать ничего лучшаго и въ пользу Армянъ, бывшихъ жертвою жесточайшаго деспотизма въ теченіе многихъ вѣковъ. Съ давняго времени они потеряли народный свой характеръ: они промѣняли древнія свои добродѣтели на дурныя качества своихъ притѣснителей, и, можетъ-быть, не безъ основанія полагаютъ, что теперь превзошли ихъ въ этомъ отношеніи. Жажда мщенія заставляла ихъ поступать съ своими мучителями такъ, какъ поступали съ ними ихъ мучители. Но Природа одарила Армянъ большею понятливостію и нѣкоторыми особенными способностями.

Жители Русской Арменіи занимаются главнѣйше выдѣлкою кожъ, вареніемъ мыла и приготовленіемъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Распродажа этихъ издѣлій производится въ самой Арменіи, или въ Персіи, Турціи и Грузіи. Транзитная торговля прибыточна для области. Сельскіе жители привозятъ на торги естественныя произведенія, соль, хлопчатую бумагу, сарачинское пшено, табакъ, рожь, ячмень, пеньку, конопляное сѣмя, и овощи всякаго рода. Кочующія поколѣнія торгуютъ скотомъ, занимаются доставкою каравановъ и перевозкою произведеній.

Эриванская Область раздѣляется на семь магалле, или округовъ : 1. Зангиберъ и Кыркъ-Булакъ, гдѣ лежитъ городъ Эриванъ : независимо отъ населенія этого города, число землепашцевъ въ округѣ составляетъ 1,880 семей; 2. Гарны-базаръ и Ведибазаръ, въ которомъ деревня Комарлинь — главное мѣсто: Персидскій сардаръ выстроилъ тамъ домъ для жительства наиба, или начальника магалле; землепашеское народонаселеніе простирается до 2,750 семей; 3. Чаруръ, съ крѣпостію Энгиджа: населеніе его 1,600 семей; 4. Дарачичакъ, главное мѣсто котораго

деревня Радаунль, имѣтъ 730 постоянно живущихъ тутъ семей; 5. Карны-базаръ и Абарани, съ монастыремъ Эчміадзинскимъ, 2150 постоянно живущихъ семей; 6. Сардаръ-Абадъ, Талинъ и Зеатлинъ, съ крѣпостью Сардаръ-Абадъ, такихъ же 870 семей; 7. Зармали, Кулни и Паршани, съ деревнею Кызыль-Закирь, гдѣ некогда жилъ наибъ въ каменномъ домѣ, съ 2480 семей постоянныхъ жителей.

Городъ Эриванъ лежитъ на берегахъ рѣкъ Занги и Кыркъ-Булака. Крѣпость имѣтъ весьма высокія стѣны на лѣвомъ берегу Занги, построенныя изъ земли съ примѣсю къ ней, для большей прочности, соломы и мелкаго камыша. Рѣка Занги ограждаетъ одну сторону крѣпости; прочія три части окружены рвами. Гарнизонъ снабжается водою посредствомъ канала съ земляными полуразрушившимися стѣнами и двухъ подземныхъ водопроводовъ, оставленныхъ Персіянами въ большомъ небреженіи, и соединяющихся съ рѣкою. Въ Эривани находится 2,731 домъ и 14,000 жителей. Берега Занги соединены съ крѣпостью каменнымъ мостомъ, а за версту ниже находится другой каменный мостъ: въ двухъ верстахъ съ половиною выше крѣпости есть бродъ.

Эчміадзинъ, знаменитѣйшій монастырь въ Арменіи, состоитъ изъ трехъ церквей, окруженныхъ каменною стѣною. Послѣдній Патріархъ, Ефремъ, употреблялъ всевозможныя старанія къ распространенію и украшенію этой Обители. Въ ней заведены маслосбойня, печь для жженія кирпича, обширныя мѣста для разнаго рода зелени и плодовыхъ деревьевъ, весьма обширный погребъ, въ которомъ хранится огромное количество винъ, получаемыхъ съ монастырскихъ земель, амбаръ для хлѣба, лѣтняя и зимняя трапезы, могущія вмѣщать до пяти сотъ человѣкъ, трехъ-этажный домъ съ весьма удобными комнатами для ты-

сячи путешественниковъ , базаръ , конюшни , и прочее.

Сандаръ — Абадъ лежитъ въ восемнадцати верстахъ отъ Эчмиадзина, на лѣвомъ берегу Гумри и недалеко отъ Аракса, воды котораго проведены въ городъ двумя каналами. Возвышенныя стѣны представляютъ продолговатый четырехугольникъ , или паралеллограммъ ; продольные бока защищаются шестью, а поперечные четырьмя башнями, изъ которыхъ послѣднія меньше первыхъ. Все это обведено рвомъ, снабжающимся водою посредствомъ подземныхъ водопроводовъ. Крепость имѣетъ въ окружности около трехъ верстъ , въ ней находится 700 домовъ съ обитателями; въ серединѣ дворецъ сардаря и большой садъ.

Къ землѣпашественному населенію семи округовъ присоединить должно 4,000 семей изъ Баезида, Карса и Эрзерума, мѣсто жительства которыхъ еще не опредѣлилось.

Въ зимнее время кочевые обитатели , съ стадами своими, уклоняются въ долины между горъ, гдѣ каждое поколѣніе имѣетъ свои жилища; весною они начинаютъ подыматься и восходить на горы по мѣрѣ увеличивающихся жаровъ. Когда стужа дѣлается чувствительною, они мало-по-малу спускаются съ горъ. Кишлаки, или зимнія жилища и пажити кочевыхъ обитателей, раздѣлены на различныя магаме.

Чубукары и суннитскіе Курды принуждены часто перемѣнять мѣсто жительства и искать новыхъ пастбищъ , по причинѣ многочисленности своихъ стадъ, рогатаго скота, лошадей, овецъ и козъ. Главное занятіе Цыганъ — воровство; они промышляютъ также показываніемъ змѣй и разныхъ рѣдкихъ животныхъ, и дѣлаютъ сита.

Одно только обстоятельство могло бы принудить кочевыхъ обитателей этого края водвориться въ постоянныхъ жилищахъ , — это , если бъ народонаселеніе

ихъ значительно приумножилось; въ такомъ случаѣ, степь, нынѣ пустынная, была бы воздѣлана, что побудило бы кочующихъ утвердиться въ деревняхъ и заняться земледѣльствомъ. Между-тѣмъ самыя Чубукары, какъ кочевой народъ полезны: они ежегодно доставляютъ Правительству множество рабочаго скота.

Скотоводство составляетъ главнѣйшее занятіе обитателей страны и настоящій источникъ ихъ богатства. Въ Эриванской Области находится около 2,500 кочевыхъ семействъ, которыя, упражняясь очень мало въ хлебопашествѣ, снискиваютъ пропитаніе отъ стадъ. У нихъ мало буйволовъ, но много коровъ, барановъ, козъ и лошадей. Исчислено, что они имѣютъ около 12,000 быковъ, 11,000 коровъ, 140,000 овецъ, козъ и лошадей. Скотоводство равномѣрно нужно и для части земледѣльственныхъ осѣдлыхъ жителей, потому, что они принуждены въ тяжелые свои плуги запрягать по крайней мѣрѣ по восьми паръ быковъ или буйволовъ. Армяне преимущественно употребляютъ для этого быковъ, между-тѣмъ какъ Татары предпочитаютъ буйволовъ. Число земледѣльцевъ простирается до 19,000 семей, у которыхъ есть 15,000 буйволовъ самцевъ и такое же число самокъ, 42,000 быковъ, 37,000 коровъ, 150,000 барановъ и козъ, и 14,000 лошадей. У нихъ водится также множество ословъ, изъ которыхъ до 5,000 служатъ для перевозки товаровъ. Во всей области считается не болѣе 400 одногорбыхъ верблюдовъ: они принадлежатъ въ особенности Магометанамъ, и рѣдко увидишь ихъ у Армянина. Такъ, можно положить, что во всей Эриванской области находится 30,000 буйволовъ, 102,000 быковъ, 200,000 овецъ, барановъ и козъ, и 24,000 лошадей и ословъ. Если опредѣлить продолженіе жизни каждой рогатой крупной скотины въ десять, а мелкой въ пять лѣтъ, то найдется, что жители ежегодно получаютъ 73,000 кожъ разной величины,

цѣна которыхъ слѣдующая: буйволовая кожа отъ 15 до 20 р., бычачья отъ 7 р. 50 к. до 15 р., баранья кожа отъ 35 до 65 копѣекъ.

Всѣ стада даютъ много сыра и масла. Отъ каждой коровы получается по крайней мѣрѣ три батмана * масла въ годъ, и слѣдственно можно полагать, что масла тамъ производится въ годъ 189,000 батмановъ. Масло ихъ превосходнаго качества, но обыкновенно имѣетъ весьма непріятный вкусъ отъ того, что оно складывается въ смоленыя кожи, называемыя *бурдуками*, или въ деревянные боченки, за чистотою которыхъ не наблюдается; кромѣ-того кочующіе народы не процѣживаютъ молока и не очищаютъ его надлежащимъ образомъ, отъ чего масло всегда наполнено волосами. Сыръ могъ бы быть превосходнаго качества, но приуготовленіе его дѣлается безъ всякаго тщанія: онъ обыкновенно бываетъ бѣлъ, сухъ и крепкъ, во рту не таетъ, а почти всегда слишкомъ солонъ.

Другое весьма важное произведеніе, получаемое отъ стада, есть шерсть; но стада рѣдко стригутся болѣе двухъ разъ въ годъ: они круглый годъ на паствѣ, лѣтомъ на горахъ, а зимою въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ остаются на открытомъ воздухѣ, такъ какъ употребленіе хлѣбовъ неизвѣстно. И дѣйствительно, въ холодныя зимы, въ окрестностяхъ Эривани часто случающіяся, стужа истребила бы барановъ, если бѣ они лишены были частою стрижкою покрывающей ихъ густой шерсти. Время стрижки бываетъ къ концу Іюня, и отъ cadaго барана въ сложности получается три-осьмьхъ батмана, или четыре фунта съ половиною шерсти. По этому расчету, шерсти каждаго года получается 1,320,000 фунтовъ. Хотя волна этого края не можетъ почитаться превосходной доброты, но она довольно хороша. Цѣна батмана шерсти бываетъ

* Эриванскій батманъ содержитъ въ себѣ двѣнадцать Россійскихъ фунтовъ или 1,200 мискальсовъ; сто батмановъ равняются одному хивзру.

отъ 3 до 4 рублей. Самая большая часть произведе-
нія употребляется внутри области; женщины прядутъ
шерсть и приготавливаютъ изъ нее родъ сукна, не бо-
лье какъ въ шесть вершковъ шириною. Изъ нее де-
лаются также ковры, мѣшки и другіе предметы. Са-
мая грубая шерсть обращается въ войлочные одеяла,
составляющія единственное украшеніе жилищъ та-
мошняго народа.

Скотоводство въ этомъ краю необходимо, по двумъ
главнымъ причинамъ: во-первыхъ, высокія горы,
перерѣзанныя по всѣмъ направленіямъ большимъ чис-
ломъ рѣкъ, изрытыя ручьями, которыя низвергаются
каскадами, до такой степени препятствуютъ сообще-
нію, что, можно сказать, тутъ не существуетъ боль-
шихъ дорогъ, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ нижней
части страны. Недостатокъ путей сообщенія дѣлаетъ
невозможною перевозку товаровъ иначе, какъ на ра-
бочемъ скотѣ. Быкъ наиболѣе полезенъ въ этомъ от-
ношеніи: тихимъ, но вѣрнымъ шагомъ, онъ перепра-
вляется, съ тяжестью отъ 240 до 320 фунтовъ, чрезъ
самыя опасныя горы, и совершаетъ отъ тридцати до
тридцати семи верстъ въ день. Хотя Армяне упо-
требляютъ также арбы, или тельжки о двухъ коле-
сахъ, на которыя накладывается до 2,000 фун-
товъ, но и у нихъ быки почти въ общемъ употребле-
ніи для перевозки съѣстныхъ припасовъ и другихъ
товаровъ. Другая польза, получаемая отъ рогатаго
скота, — навозъ: онъ служитъ не для удабриванія
земли, которая, по своему плодородію, въ томъ не нуж-
дается, но его мѣшаютъ съ соломой, рѣжутъ въ плит-
ки, сушатъ на солнцѣ и берегаютъ на зиму для топ-
лива. Приготовление этихъ плитокъ исключительно
предоставлено прекрасному полу: можно видѣть жен-
щинъ изъ богатѣйшаго состоянія *маликовъ*, или по-
мѣщиковъ, марающихъ бѣлыя свои ручки этимъ от-
вратительнымъ издѣліемъ. Навозъ, приготовленный

такимъ образомъ, называется *кызакъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ составляетъ необходимость въ краю, гдѣ дерево весьма рѣдко. Кызакъ употребляютъ для топки печей, въ которыхъ пекутъ *чуреки*, или плоскіе пироги, и *леваши*, родъ чернаго хлѣба, тонкаго, какъ листъ бумаги. На кухняхъ все стряпается помощію навозныхъ пластинъ, не дающихъ пищи ни вкуса, ни запаха непріятнаго. Ими согрѣваютъ также изразцовыя или фаянсовыя печи. Кызакъ почти не производитъ пламени, но даетъ, подобно уголю, большое тепло, и по-этому удобенъ для плавки металловъ.

Въ Эриванской Области болѣе бесплодныхъ земель, нежели воздѣланныхъ. Первые особенно на горахъ, на которыхъ въ продолженіе двухъ третей года климатъ не благопріятствуетъ растительности: такихъ земель много и по берегамъ Аракса, гдѣ большая часть почвы солонцовата. Въ прибрежныхъ его округахъ обитаютъ кочующія поколѣнія, которыя зимою живутъ въ палаткахъ, ежели не проводятъ ея въ кишлакахъ: обитая въ деревняхъ, они пасутъ стада свои въ окрестностяхъ Аракса. Въ Маѣ мѣсяцѣ, коль скоро съ первымъ дыханіемъ весны появляется почка, они оставляютъ подземныя свои жилища, съ поспѣшностію собираютъ всѣ вещи, и навьючиваютъ ихъ, вмѣстѣ съ своими *алашуками*, или палатками, на верблюдовъ, быковъ и коровъ, постепенно каждый день поднимаются на горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и тамъ наслаждаются какъ въ раю. Такой родъ жизни дѣйствительно пріятенъ въ землѣ, гдѣ лѣтній жаръ удушливъ: онъ сохраняетъ здоровье кочующихъ людей, переносящихъ нездоровый климатъ береговъ Аракса въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ съ большимъ трудомъ, нежели Русскіе, хотя послѣдніе въ этой странѣ чужіе.

Кочевые обитатели получаютъ также немалую пользу отъ перевозки провіанта, для Россійскихъ войскъ,

и товаровъ, проходящихъ съ караванами по всѣмъ направленіямъ.

Армянская Область, перерѣзываемая большимъ числомъ рѣкъ, изобилуетъ рыбою. Въ Араксѣ ловятся бони, *siluri*, въ рѣкахъ, называемыхъ Кара-су, прекрасные карпы, а въ другихъ рѣкахъ и въ каналахъ бѣлыя барбоны. Всѣ ручьи, выходящіе изъ горъ, населены форелями, а въ рѣкахъ, соединенныхъ съ Гіокъ-чаемъ, ихъ великое множество. Сюда собираются для ловли этой рыбы, и обыкновенно уловъ превосходитъ надобность. Рѣки наиболее богатыя рыбою, — Коборъ-чай, Авы-яманъ и Кызылъ-Ванкъ-чай. Каждомсяч-но одинъ родъ рыбы смѣняется другимъ, и всѣ они имѣютъ разныя именования. Гіокъ-чайскія рыбы сла-вятся по всему Кавказскому краю: караваны отъ 200 до 300 быковъ отправляются за ними изъ Грузіи. Для удобства рыболовства, отвращаютъ иногда теченіе рѣки и обмеляютъ рыбу, но рѣдко случается, чтобъ выбирали ея болѣе половины, — остальное количество остается, и, согнивая, заражаетъ воздухъ нестер-пимымъ зловоніемъ. Рыбныя ловли на Гіокъ-чаѣ весь-ма важны для Христіанскихъ областей, лежащихъ за Кавказомъ, въ которыхъ строго соблюдается постъ. Въ Эриванской провинціи встрѣчается также особен-ный родъ большихъ зеленыхъ лягушекъ, употребле-мыхъ въ пищу; земляныхъ черепахъ въсомъ въ пят-надцать фунтовъ, и крабовъ, или морскихъ пауковъ.

Въ большомъ обыкновеніи охота, производимая хищ-ными птицами. Птицы съ молодости къ этому приу-чаются, и болѣе уважается въ родъ птицъ, назы-ваемыхъ *тарланими*. Ихъ болѣе всего находится въ округахъ Дара-чичакъ и Судагяни. Они употребляютъ-ся для ловли дичи, водящейся въ большомъ количествѣ въ каменистыхъ долинахъ, малой драхвы, куропатокъ и перепеловъ, стаями ходящихъ въ низменныхъ мѣ-стахъ, и скворцовъ, въ изобиліи находящихся въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ много барановъ. Что касается до перелетныхъ птицъ, то въ томъ краю видимы бываютъ безчисленныя стаи арктическихъ гагаръ, драхвъ, пеликановъ, гусей и утокъ, которыми покрыты берега озеръ и рѣкъ. Въ болотистыхъ мѣстахъ водятся цапли, а въ поляхъ аисты и журавли, очищающіе землю отъ вредныхъ гадовъ. Хищныя птицы суть — орлы чрезвычайной величины, и разные роды коршуновъ и соколовъ. Берега обихъ рѣкъ Карасу, изъ которыхъ сѣверная стекаетъ съ хребтовъ Ала-гіоза, а южная съ Арарата, чрезвычайно болотисты и завалены густымъ камышомъ. Въ этихъ камышахъ стадами бродятъ кабаны. Они такъ многочисленны, что производимыя ими опустошенія принудили жителей удалиться на нѣкоторое разстояніе, чтобъ быть самимъ и полямъ ихъ внѣ опасности. Въ окрестностяхъ Гіокъ-чая, въ округъ Зоди, въ Дара-чичакъ, въ Арбани, въ долинахъ Ала-гіоза и въ каменистыхъ ущелияхъ цѣпи Агри-дагскихъ (Араратскихъ) Горъ, число краснаго звѣря столь велико, что стада ихъ, рыщущія по покатосямъ хребтовъ, едва обращаютъ на себя вниманіе. Попадаются также стада дикихъ барановъ (*аргали*), козъ и сернь. Въ Ала-гіозѣ заходитъ особенный родъ козъ, называющихся *дживирами*: сказываютъ, что за сими животными всегда слѣдуетъ птица, которая собираетъ для нихъ сухіе листья, служащіе имъ пищею въ зимнее время; сама она находитъ себѣ пищу въ пометѣ этихъ козъ.

Осенью, по паденіи перваго снѣга, поля бываютъ покрыты безчисленнымъ множествомъ зайцевъ, которые, питаясь корою плодоносныхъ деревьевъ, причиняютъ большой вредъ. Къ главнѣйшимъ забавамъ жителей принадлежитъ также травля звѣрей собаками. Шкуры убитыхъ звѣрей бросаются, какъ ни къ чему неслужащія. Въ глубокихъ болотахъ Аракса, восточнаго Арпа-чая и Дара-чичака водятся медвѣди; но

шкуръ ихъ столь низкаго качества, что медвѣжья лова я рѣдко кого прельщаетъ.

Въ малообитаемыхъ частяхъ Эривани находится довольно большое число рыжихъ и темныхъ медвѣдей, гienъ, чрезвычайной величины волковъ, лисицъ и бѣловатаго цвѣта хорьковъ. Тамъ ловятся также выдры и бѣлыя векши, которыя цвѣтомъ схожи съ Сибирскими. Зимой хищные звѣри бываютъ такъ смѣлы, что иногда заходятъ въ деревни, и даже въ города.

Россійская Арменія не слишкомъ богата лѣсами; однако округи Судаганъ, Абаранъ, Дара-чичакъ, Гунси, или полуденныя отлогости Гокъ-чая, Даръ-ала-гизъ, верхняя часть долины Герни и Веди-чая, также восточная часть Большаго Арарата, производятъ, въ совокупности съ кызакомъ, достаточное количество дровъ для топлива. Лѣса состоятъ большею частію изъ березы, липы, дуба, орѣшника, дикихъ яблонь и грушъ, ароніи, можжевельника, и прочая. Ели нѣтъ, и она доставляется изъ Карскаго пашалыка сплавомъ, плотами, по Араксу. На Карскомъ рынкѣ, бревно изъ лѣсовъ Дара-чичака, длиною въ десять аршинъ и въ два или три вершка толщиною, продается отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 60 к. каждое; но цѣна значительно измѣняется, и возъ дровъ стоитъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., возъ угольевъ 30 к. Эта вѣтвь торговли находится въ рукахъ Кара-папаконъ, Курдонъ и кочующихъ Кара-чорлу.

Долины по обонмъ берегамъ Аракса, какъ и всѣ необитаемыя части, покрыты разнаго рода кустарниками, въ числѣ которыхъ на возвышенныхъ мѣстахъ вообще примѣчается дикая слива, дикій розанъ, малинникъ, барбарисъ и жасминъ, изъ котораго дѣлаются дорогіе чубуки. Въ низменныхъ долинахъ встрѣчается виноградъ, трава, называемая илгынъ, употребляемая для метель, и шолганъ, изъ золы котораго выдѣлываютъ поташъ: жители употребляютъ его для

приготовленія мыла, нужнаго имъ для бѣшенія бумажныхъ истканій. Сланцовыя, безплодныя долины, простирающіяся отъ сѣверной подошвы двухъ Араратскихъ Горъ и отъ источниковъ Кара-су, къ Акъ-гі-ойли и Буролану, также земли между Араксомъ и границею Макинскаго округа, издають кустарникъ отъ четырехъ до пяти футовъ вышиною, листъ котораго похожъ на виноградный: жители удостовѣряють, что прежде этотъ кустарникъ производилъ тотъ самый виноградъ, изъ котораго Патріархъ Ной впервые приготовилъ вино; но какъ послѣ неумѣреннаго употребленія напитка, проснулся онъ на другой день съ головною болью, то проклялъ зловредное растеніе, и съ тѣхъ поръ оно не даетъ винограда.

Растенія красиваго свойства, найденныя въ этой странѣ, суть серпуха и марена. Начинаятъ воздымать и настоящую марену, и можно надѣяться, что опыты удадутся здѣсь, какъ въ Дагестанъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Но есть еще и другое растеніе, много сходящее съ солодковымъ корнемъ, и достойное особеннаго вниманія: оно изобильно въ теплыхъ и каменистыхъ мѣстахъ, не подымается отъ земли выше одного фута, и имѣетъ густые, кругловатыя пучки, покрытые длинными иглами. На самыхъ сильныхъ его вѣтвяхъ образуются наросты величиною въ айцо, похожія на гумми. Ихъ можно было бы употреблять на шелковыхъ фабрикахъ вмѣсто вишневаго клею.

Высокія горы, пересѣкающія Эриванскую Область, содержатъ въ себѣ всѣ произведенія минеральнаго царства; но сокровища его вовсе еще не разработаны, потому что вся эта страна постоянно находилась подъ варварскимъ управленіемъ тупыхъ мусульманъ, неспособныхъ цѣнить, ни видѣть дары Природы, лежащія передъ ихъ глазами. Одно изъ такихъ произведеній, сдѣлавшееся уже пзвѣстнымъ, ссть природ-

ная Кулпинская соль, составляющая главный доход края. При сѣверо-восточной подошвѣ весьма высокой горы Такалтага, и между нею и Араксомъ, видна пепельнаго цвѣта и круглаго вида гора: въ окружности имѣеть она около пяти верстъ, и покрыта глубокими оврагами; и на вершинѣ нѣтъ ни одного растенія. Гора эта заключаетъ въ себѣ неистощимый источникъ соли, извѣстный во всей Кавказской странѣ подъ именемъ Кулпинской руды. На восточной ея сторонѣ лежитъ Армянская деревня, Кулпи, въ просторѣчьи Гогпъ или Кохиъ. Всѣ ея жители занимаются добываніемъ соли: ломки ея лежатъ со стороны деревни; въ гору простираются, не глубоко и изсѣчены въ видѣ галерей, поддерживаемыхъ соляными столбами. Одинъ колодезь ископанъ глубже прочихъ, но онъ наполненъ водою, и въ настоящее время уже оставленъ. Солекопы ломаютъ соль посредствомъ лопаты, кусками длиною въ три-четверти аршина, шириною и толщиною въ два вершка. Такіе куски бываютъ въсомъ въ семьдесятъ два фунта. Работникъ начинаетъ отдѣлять большія глыбы скалы вокругъ себя; потомъ, съ различныхъ сторонъ ударяетъ въ нихъ молоткомъ, и такимъ образомъ разбиваетъ ихъ на плиты, или пласты. Хорошій солекопъ можетъ отдѣлить отъ двадцати пяти до тридцати двухъ глыбъ въ день. Четыре глыбы составляютъ воловій возъ, и до тридцати двухъ глыбъ можно нагрузить на арбу, или татарскую тележку. Во время Эриванскаго сардара, арба соли, со включеніемъ всѣхъ расходовъ, стоила на мѣстѣ около 65 р., а воловій возъ 3 р. 7 к. По-этому весь доходъ соломки въ совокупности не превосходилъ 50,000 р. въ годъ. Нѣтъ однакожъ сомнѣнія, чтобъ доходъ не могъ быть повышенъ: это видно изъ слѣдующихъ двухъ расчетовъ. По одному изъ нихъ, количество, потребное для продовольствія солью всѣхъ жителей Эривани и другихъ мѣстъ, куда она отиравается, составляетъ 60,000 во-

зовъ; по другому расчету, количество соли разрабатываемое ежегодно обитателями деревни Кулпи, простирается до 88,220 возовъ, — что въ сложности составляетъ 74,000 возовъ.

Соль находится также на сѣверо-западной оконечности Большаго Арарата. Озеро, лежащее неподалеку отъ деревни Татъ-бурунъ, имѣетъ въ окружности пятьсотъ футовъ, и въ лѣтнее время бываетъ покрыто корою соли въ два вершка толщиною. Эта соль отличается легкимъ горьковатымъ вкусомъ, и туземцы предпочитаютъ ей Кулпинскую.

Въ Арменіи, на берегахъ Аракса и Кара-су, находится также селитра. На Большомъ Араратѣ близъ деревни Ахури, земля сильно напитана квасцами. На вершинѣ Ала-гіоза, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, течетъ въ видѣ сталактита сѣра, которую окрестные жители отдѣляютъ и сбиваютъ ружейными выстрѣлами. Эта сѣра часто бываетъ такъ прозрачна, какъ янтарь. Есть и другой родъ сѣры, который не течетъ, но лежитъ кусками въ землѣ. Онъ почитается не столько добротнымъ.

Въ округѣ Дара-чичакъ, по другую сторону главной цѣпи горъ Бамбаки и близъ источниковъ рѣки Мисъ-ханы, есть рудники золотистой и серебристой мѣди. Во время Персидскаго правительства, эти рудники были разрабатываемы Греками, но Эриванскій сардаръ никогда не осмѣливался распространить работу, опасаясь, чтобъ Шахъ, узнавъ, что въ землѣ его находятся золотые рудники, не увеличилъ платимой имъ дани. Окрестныя скалы содержатъ въ себѣ бѣлый и желтый мраморъ. Такія же скалы встрѣчаются въ округѣ Зейтъ-базаръ, а близъ деревни Уту-Ханлу въ Дара-чичакъ и недалеко отъ Кулпи, видны жилы весьма бѣлаго и чистаго алебастра.

Около пяти верстъ на востокъ отъ древняго города Талина, и на дорогѣ, ведущей въ Хаджи-Байрамъ,

есть углубленіе, наполненное разныхъ цвѣтовъ кремнями, весьма похожими на топазы. Подобные кремни, но болѣе темнаго цвѣта, находятся также въ шестидесяти верстахъ отъ Эривани, вдоль высотъ, окружающихъ лѣвый берегъ Занги: они образуютъ цѣлую гору, которая представляется глазамъ стекляною. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются бѣлые камни, покрытые маленькими зернами. Какъ они удобно превращаются въ стекло, то ихъ толкутъ и употребляютъ вмѣсто песку на стеклянныхъ заводахъ.

Въ деревнѣ Урдинъ-базаръ есть гора, образовавшаяся изъ известковыхъ слоевъ: бѣлый и мягкій ея камень кажется способнымъ для литографіи. Въ Арменіи паходятся три ломки, на которыхъ можно доставать жерновые камни; въ одной они цвѣта желтоватаго, въ другой темно-фіолетоваго. При озерѣ Гюкчаъ, гора Алтунъ-Тахтъ покрыта пунцовыми камнями, а берега озера оселками. Въ одной части долины горы Керъ-оглу, въ которую очень трудно пробраться, находится бирюза. Невозможность достигнуть до ея минераловъ безъ помощи машинъ сдѣлала тщетными всѣ усилія послѣдняго сардара, чтобъ получить образчики этой бирюзы, и оттого свойство ея подвержено еще сомнѣнію. По свѣдѣніямъ отъ начальника кочевыхъ родовъ Кара-Папахскаго племени, живущихъ въ Дара-чичакскомъ округѣ, существуетъ слой каменнаго угля близъ деревни Рандамалы, выстроенной на мѣстѣ Армянскаго города Гецирори. Во всей области земля глинистая разныхъ цвѣтовъ и свойствъ; но неподалеку отъ Армянской деревни Порокенъ, встрѣчается и весьма бѣлая и пѣжная земля, изъ которой можно было бы дѣлать фарфоръ.

Annales des Voyages.

Г А Н З А,

ЕЯ ЗАКОНЫ И ФАКТОРИИ.

=

Нѣтъ, можетъ-быть, во всей Исторіи челоувѣчества, явленія столь дивнаго и столь обильнаго благими послѣдствіями, какъ Союзъ, прославившійся подъ именемъ Ганзы: когда кровавыя междоусобія опустошаютъ материкъ, предназначенный быть великолѣпнѣйшею обителью нашего рода, когда мракъ, безпорядокъ и развратъ угрожаютъ отсрочить на цѣлую тысячу лѣтъ его благоденствіе, когда правительства не только не заботятся о существенныхъ выгодахъ своихъ земель, но какъбы нарочно и общими силами истребляютъ въ нихъ всѣ источники богатства и силы, готовя пустыни, въ которыхъ имъ и ихъ народамъ скоро пришлось бы погибнуть отъ нищеты и невѣжества, — въ это самое время одна изъ главныхъ силъ политическаго общества, духъ торговли, презираемая и подавленная всѣми другими силами, отдѣляется на всемъ его пространствѣ отъ бурнаго состава, въ которомъ была она поглощена и затоптана, съ неподражаемымъ искусствомъ и терпѣніемъ обезпечиваетъ свою самобытность, сама себя осуществляетъ въ видѣ особаго политическаго тѣла, создаетъ себѣ отечество посреди отечествъ, государство въ нѣдрахъ государствъ, обнимаетъ и переплетаетъ своими вѣтвями всю Европу, становится сильною Державою, и учитъ грубыя общества, отъ которыхъ она отторглась, наслажденіямъ довольства, роскоши и образованности. Предпримчивость, промышленность, порядокъ, цвѣтущее состояніе, и наконецъ просвѣщеніе цѣлой Ча-

сти Свѣта долженствовали быть плодомъ этой науки. Образованность Россіи въ особенности тѣсно связана съ Исторіею Ганзы. Мы воспользуемся недавнимъ изданнымъ въ Гамбургѣ сочиненіемъ G. F. Sartorius Freyherr von Waltershausen, 'Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse, herausgegeben von S. M. Lappenberg, 2 B., 4 to., чтобы представить легкій очеркъ этого огромнаго и для насъ чрезвычайно важнаго событія Европейской Исторіи.

Во время анархіи, послѣдовавшей за паденіемъ Имперіи Карла Великаго, торговля пришла почти въ совершенное разстройство. Моря были покрыты разбойниками, а между тѣмъ бароны, не изучавшіе другаго искусства кромѣ войны и пренебрегавшіе трудолюбивыми и мирными занятіями селянина и ремесленника, безпрестанно враждовали между собою, и безо всякаго зазрѣнія совѣсти обижали слабыхъ и беззащитныхъ гражданъ, отнимая у нихъ имѣнія и богатство. Но несмотря на страшные тогдашніе безпорядки, сѣмена блага еще не совершенно погибли. Въ Германіи, въ Италіи и въ другихъ странахъ, города положили основаніе лучшему порядку вещей. Многочисленными союзами соединенные между собою горожане узнали свою силу, и начали, весьма рано, противиться насильствамъ мірскихъ и духовныхъ владыцъ. Сами горожане раздѣлялись на классы, — дворянъ, людей свободныхъ, или мѣщанъ, и рабовъ. Но какъ скоро торговля и просвѣщеніе стали болѣе распространяться, мѣщане получили въ городахъ важныя преимущества передъ первыми, а между тѣмъ низшее и многочислѣннѣйшее сословіе рабовъ, частію отъ вліянія началъ Христіанской Религіи, частію же политикою самихъ Государей, мало-по-малу сравнялось съ сословіемъ мѣщанъ. Генрихъ V, восшедшій на престолъ въ 1106 году, уничтожилъ всякое законное отличіе между мѣщанами и такъ на-

зываемыми *cives orifices* Спиря, Вормса, и другихъ городовъ.

Чтобы усилиться еще болѣе, Германскіе города, подобно городамъ Италіи, соединились между собою для общей пользы и безопасности. Въ 1225 году, болѣе семидесяти городовъ, главою которыхъ были Вормсъ и Майнцъ, заключили союзъ съ Майнцскимъ и Кельнскимъ архіепископами: предметомъ его было укротить злоупотребленія бароновъ, уничтожить мостовщины, посредствомъ которыхъ совершенно препятствовали они судохотству на рѣкахъ и даже сообщеніямъ сухопутнымъ, и наконецъ положить основу законамъ и нѣкотораго рода полиціи. Вильгельмъ, Король Германскій, одобрилъ ихъ союзъ, и усилія горожанъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Много злоупотребленій уничтожено. Ученый Пфефель говоритъ: «*les seigneurs, reserrés dans leurs chateaux, surveillés de toutes parts et menacés de toute la rigueur des lois, cessèrent pour quelque temps de voler sur les grands chemins.*» Впослѣдствіи, образовалось еще нѣсколько подобныхъ союзовъ, и скоро усилія нѣкоторыхъ Державъ, лишить города возможности заключать ихъ между собою, оказались совершенно тщетными.

Въ то время, какъ вольные города пользовались спокойствіемъ, почти всѣ страны тогдашней Европы были подвергнуты бѣдствіямъ феодальной анархіи и безумнаго своевольтва: слѣдствіемъ этого было сравнительное умноженіе богатства и народонаселенія городовъ. Ниренбергъ, Вормсъ, Спиръ, Франкфуртъ и другіе, славились съ давнихъ временъ обширностію торговли, великолѣпіемъ зданій, и досужествомъ своихъ гражданъ. Знаменитый Энеасъ Сильвіусъ, впослѣдствіи Папа подъ именемъ Пія II, легатъ Римскаго Двора при Соборахъ въ Констанцѣ и Базелѣ, обозрѣвъ собственными глазами большую часть Европы, и го-

ворить, что Шотландскіе Короли согласились бы обмѣнять свой дворецъ на жилище послѣдняго изъ мѣщанъ Ниренберга. Quot ibi civium ades invenias regibus dignas! Superent tam egregiè Scotorum Reges, quam mediocres Norimbergae cives, habitare.

Торговый духъ проснулся въ одно время въ Сѣверной и Южной Германіи. Карлъ Великій основалъ Гамбургъ въ началѣ IX столѣтія, для обузданія покоренныхъ имъ Саксонцевъ. Благопріятное положеніе при устьѣ рѣки Эльбы сдѣлало изъ него важную торговую гавань. Около конца XII столѣтія, его жители, предпринимавшіе уже большія морскія путешествія, вознамѣрились избавиться отъ власти своихъ Графовъ и сдѣлаться независимою Державою, и въ 1189 году дана имъ отъ Императора грамота, предоставлявшая различныя привилегіи, между прочимъ право избирать Советниковъ, или бургомистровъ, которымъ вручалось управленіе городомъ совокупно съ Повѣреннымъ Гамбургскаго Графа. Скоро послѣ того, Гамбургъ явился совершенно независимымъ. Въ 1224 году, граждане исходатайствовали у Графа Алберта отрѣченіе отъ всѣхъ правъ его на какую-либо собственность или власть въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ. Такъ съ давнихъ поръ Гамбургъ пришель въ то состояніе, въ которомъ находился и находится до нашего времени.

Любекъ, на берегахъ Травы, основанъ около половины XII столѣтія. Онъ вскорѣ сдѣлался большимъ торговымъ городомъ и складкою товаровъ для торговли Балтійскаго Моря; купцы его распространили свой промыселъ до Италіи и до Леванта. Мореплаваніе было еще весьма несовершенно, и воды покрыты разбойниками: слѣдственно учрежденіе безопаснаго сухопутнаго сообщенія между Любекомъ и Гамбургомъ было въ то время весьма важною мѣрою, потому что

такимъ образомъ купцы избѣгали труднаго и опаснаго проѣзда чрезъ Зундъ. Иные говорятъ, что единственный предметъ перваго политическаго союза между этими городами было охраненіе товаровъ, переносимыхъ сухопутно изъ одного города въ другой; но Ламбекъ, въ своихъ *Origines Hamburgenses*, опровергаетъ это мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ ихъ попеченіемъ долженствовала быть защита своего достоянія отъ разбойниковъ, морскихъ и сухопутныхъ, и отъ бароновъ, начинавшихъ уже завидовать ихъ богатству и благоденствію. Но каковы бы ни были причины перваго союза между Гамбургомъ и Любекомъ, онъ послужилъ основаніемъ знаменитой Ганзейской конфедераціи, такъ называемой отъ Нѣмецкаго слова *Hansa*, то есть, общество, сословіе. Ясныхъ документовъ касательно времени основанія не существуетъ; но вообще полагаютъ, что оно относится къ 1241 году.

Адамъ Бременскій, писатель XI столѣтія, первый передалъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ странъ, лежащихъ на берегахъ Балтійскаго Моря. Изъ погрѣшностей, въ которыя впадаетъ онъ въ описаніи сѣверныхъ и западныхъ береговъ этого моря, можно заключить, что тогда они были почти неизвѣстны. Но съ самаго начала XII столѣтія, успѣхи торговли и мореплаванія на Сѣверѣ распространились съ необычайною быстротою. Прибалтійскія страны, отъ Гольштиніи до Вислы, обитаемыя грубыми племенами Славянскаго происхожденія, были тогда покорены Датскими Королями, Саксонскими Герцогами и разными Германскими Князьями. Бѣлая часть населенія была истреблена, и мѣсто ея заступили Нѣмецкіе колонисты, основавшіе города Стральзундъ, Ростокъ, Висмаръ, и проч. Впослѣдствіи, Пруссія и Ливонія покорены Христіанскими владѣльцами и Рыцарями Тевтоническаго Ордена. Такъ въ весьма непродолжитель-

ное время, начала просвѣщенія и Искусствъ положены въ странахъ, которыхъ варварство всегда оставалось непроницаемымъ даже для Римскаго могущества.

Города, находившіеся на берегахъ Балтійскаго Моря и даже въ самой внутренности прибалтійскихъ странъ, весьма охотно вступали въ Ганзейскій Союзъ. Они получали отъ Любекскихъ купцовъ выгодныя произведенія земель болѣе образованныхъ, и искали у нихъ защиты противъ грубыхъ племенъ, которыми были еще окружены. Союзъ быстро распространялся. Въ концѣ XIII столѣтія, онъ заключалъ въ себѣ почти всѣ важныя города отъ Ливоніи до Голландіи, и власть его равнялась съ властію могущественнѣйшихъ Государей того времени.

Ганзейскій Союзъ достигъ высочайшей степени могущества и знаменитости въ XIV и XV вѣкахъ. Въ немъ состояло отъ шестидесяти до осмидесяти городовъ, раздѣленныхъ на четыре класса, или округа. Любекъ былъ главою перваго округа, и въ вѣдомствѣ его находились Гамбургъ, Бременъ, Ростокъ, Висмаръ, и проч. Кельнъ былъ главою втораго округа, съ двадцатью девятью подвластными городами. Брауншвейгъ начальствовалъ надъ третьимъ округомъ, заключавшимъ въ себѣ тринадцать городовъ. Данцигъ, наконецъ, былъ предводителемъ четвертаго, съ осмью окрестными городами, кромѣ другихъ болѣе отдаленныхъ. Верховная власть надъ Союзомъ была поручена собранію депутатовъ. Въ этомъ собраніи они принимали различныя мѣры; назначали сумму, которую каждый городъ долженъ былъ вносить въ общую кассу, и рѣшали споры, возникавшіе какъ между Союзомъ и посторонними владѣльцами, такъ и между членами самой конфедераціи. Мѣсто собранія не было опредѣлено, но обыкновенно находилось въ Лю-

бекъ : этотъ городъ считали главою всего Союза, и въ немъ хранились архивы. Однако члены Союза собирались иногда въ Гамбургъ, Кельнъ и другихъ городахъ. Эти собранія повторялись каждые три года, и даже чаще, смотря по обстоятельствамъ. Созывныя письма излагали главныя предметы совѣщанія. Депутаты избирались во всѣхъ сословіяхъ, и конгрессъ состоялъ не только изъ купцовъ, но и изъ духовныхъ, мірянъ, художниковъ, и т. д. При закрытіи собранія, постановленія его сообщались старостамъ четырехъ главныхъ городовъ Союза, которые тотчасъ разсылали ихъ по городамъ, въ вѣдомствѣ ихъ находившимся, и строжайшія мѣры были принимаемы для личнаго ихъ исполненія. Любекскій бургомистръ предсѣдательствовалъ въ конгрессѣ, а въ прочее время, старосты этого города завѣдывали главнымъ управленіемъ всего Ганзейскаго Союза.

Кромѣ поименованныхъ нами городовъ, Союзу принадлежали и другіе. Они не вносили ни какихъ суммъ въ общую кассу, и не посылали депутатовъ на конгрессъ; даже самыя члены его не пользовались одинаковыми правами. Внутренніе его раздоры, происшедшіе частію отъ этой причины, частію же отъ противоположности выгодъ разныхъ городовъ и несогласныхъ ихъ требованій, мало-по-малу ослабляли могущество Ганзы. Но, несмотря на эти неудобства, Ганзейская Конфедерація долго еще существовала, и не только укрощала буйство своихъ членовъ, но еще вселяла и въ постороннихъ къ себѣ страхъ и уваженіе. Она произвела искусныхъ полководцевъ и адмираловъ, прозорливыхъ политиковъ и смѣлѣйшихъ, могущественнѣйшихъ и богатѣйшихъ купцовъ въ мірѣ.

Золотая Булла запрещала всякаго рода союзы и конфедераціи, объявляя ихъ противными основнымъ законамъ Имперіи и должной покорности Императору

и другимъ владѣльцамъ. Но самъ Карлъ IV, виновникъ этого знаменитаго эдикта, искалъ дружбы Ганзейскаго Союза; и, повидимому, всѣ вообще его преемники слѣдовали его примѣру.

Когда могущество союзныхъ городовъ рѣшительно утвердилось, они сдѣлались властолюбивѣе: не довольствуясь распространеніемъ своей торговли и собственною безопасностію, они добивались исключительнаго права торговать на Сѣверѣ, и хотѣли владѣть на Балтійскомъ Морѣ, какъ Венеціянцы царствовали на Адриатическомъ. Они вынудили отчасти денежными дарами, отчасти силою, различныя привилегіи у Норвежскихъ Королей, которые для нихъ обезпечили почти всю иностранную торговлю Скандинавіи, Даніи, Польши и Россіи: главнымъ ихъ предметомъ была ловля сельдей на Сундѣ, и огражденіе Балтійскаго Моря отъ кораблей чужеземныхъ Державъ. Впрочемъ замѣтимъ, что дарованныя имъ привилегіи были почти необходимы для обезпеченія ихъ торговли, судя по варварству, господствовавшему тогда повсюду; и хотя мы не одобряемъ ихъ властолюбія, нельзя однако жъ отвергнуть той истины, что успѣхи сѣвернаго просвѣщенія были удивительнымъ образомъ ускорены благотворнымъ вліяніемъ Ганзейскихъ городовъ. Они укротили разбой на моряхъ и на сушѣ, и если бы ихъ могущество рушилось прежде твердаго утвержденія образованности въ Европѣ, она бы снова сдѣлалась добычею насилія и безнаказанности; они приучили другіе народы къ правильному роду правленія, давъ имъ примѣръ повиновенія и уваженія къ законной власти; они ввели въ Европу разныя удобства и удовольствій, дотошъ неизвѣстныя или пренебрегаемыя, и внушили своимъ жителямъ вкусъ литературы и Изящныхъ Искусствъ; они сдѣлали для племенъ, обитавшихъ на берегахъ Балтійскаго Моря, то, что Финнікійцы въ прежнія времена сдѣлали для при-

брежныхъ племень Средиземнаго, и, подобно имъ, заслуживаютъ первое мѣсто между благотворителями человѣческаго рода.

Чтобы достигнуть своей цѣли, то-есть, сдѣлать изъ Балтійскаго Моря обширное поле для торговыхъ сношеній, необходимо было вселить въ народы, еще весьма грубые, начала просвѣщенія и образованности. Эти великія начала положены Ганзою, и усилія конфедераціи, въ концѣ XV столѣтія, сдѣлали изъ моря Балтійскаго и сосѣднихъ морей, перекрестокъ путей сообщенія между Сѣверомъ и Югомъ. Сѣверные народы были приведены въ образованнѣйшее состояніе, и скоро могли уже пользоваться просвѣщеніемъ и Науками странъ южныхъ. Лѣса Шведскіе, Польскіе, Русскіе, быстро уступали мѣсто пшеницѣ, ржи, конопли и льну; рудники были вскопаны; произведенія южныхъ мануфактуръ ввезены въ дремучія сѣверныя земли. Въ Скандинавіи, на мѣсть одинокихъ бѣдныхъ хижинъ, воздвиглись города и селенія; медвѣжьи и волчьи шкуры обмѣнены на сукна, полотна, и шелкъ; ученіе введено въ честь, и едва книгопечатаніе было изобрѣтено, какъ имъ уже стали пользоваться въ Даніи, Швеціи и Польшѣ помощію Ганзейскихъ купцовъ.

Короли Датскіе, Шведскіе и Норвежскіе часто воевали съ городами Ганзейскими. Они считали, и весьма справедливо, что привилегіи, пріобрѣтенныя Ганзейскимъ Союзомъ въ ихъ владѣніяхъ, были не что иное какъ похищенія собственной ихъ власти. Но двухвѣковья ихъ усилія для уничтоженія этихъ привилегій, послужили только къ распространенію могущества Ганзы.

На сторонѣ Союза были согласіе, повиновеніе и деньги; напротивъ полудикая Скандинавская монархія волновалась раздорами, войнами и смятеніями. За

мятежемъ слѣдовалъ мятежъ; феодальная безледица достигла высочайшей степени. Удивительное благоденствіе Ганзейскихъ городовъ не было единственно дѣйствіемъ торговли. Необузданнымъ войскамъ Скандинавскихъ властителей, составленнымъ изъ вассаловъ, ни сколько не приверженныхъ къ своимъ монархамъ, города противопоставляли, кромѣ мелкопомѣстныхъ, щедро вознаграждаемыхъ ими бароновъ, еще храбрыхъ своихъ гражданъ, привыкшихъ къ опасностямъ, и готовыхъ защищать жизнь свои привилегіи и достояніе. Военныя дѣйствія соображались и были приводимы въ исполненіе людьми искусными, предпріимчивыми и опытными, приверженными къ своей странѣ, отвѣчавшими за себя своимъ соотечественникамъ и пользовавшимся ихъ довѣріемъ. Главное могущество Ганзы состояло въ ея морской силѣ. Союзные города употребляли корабли свои равно для торговли, какъ и для войны, и такимъ образомъ морскія вооруженія причиняли имъ сравнительно незначительныя издержки. Кромѣ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, укрѣпленія главнѣйшихъ городовъ считались неприступными; и какъ торговля снабжала ихъ обильными припасами, то не удивительно, что Любекъ могъ одинъ воевать съ соседними Державами, и оканчивать войну съ славою и успѣхомъ, и что Союзъ долго пользовался рѣшительнымъ перевѣсомъ въ Сѣверныхъ странахъ.

Валдемаръ III, восшедшій на Датскій престолъ въ 1340 году, затѣялъ грозную войну съ Ганзейскими городами. Сначала, казалось, успѣхъ вѣнчалъ его оружіе: но въ послѣдствіи Валдемаръ былъ совершенно разбитъ соединенными силами конфедерации и ея союзниковъ, и даже принужденъ бѣжать изъ своего Королевства. Въ изгнаніи своемъ онъ просилъ защиты у Императора и Папы. Но Императорскіе указы и Латинскіе громы Ватикана не были въ состояніи

устрашить конфедерацію. Наконецъ, въ 1370 году регенція, которой было вручено управленіе Данією за отсутствіемъ ея монарха, заключила миръ съ Ганзою, на условіяхъ, предписанныхъ послѣднею: одно изъ нихъ, было отдача на пятнадцать лѣтъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Королевства въ руки Союза, для обезпеченія вѣрнаго исполненія договора. Вальдемаръ утвердилъ столь унижительныя условія, и скоро потомъ воротился въ Данію. Въ началѣ XV столѣтія Ганзейскіе города приняли сторону Графа Гольштиннскаго противъ Эрика X, Датскаго Короля, и послали на помощь своему союзнику около двухъ сотъ кораблей, съ 12,000 воиновъ. Столь могущественное пособіе рѣшило войну въ его пользу.

Около того же времени, Ганза возвела на престолъ Норвежскій своего союзника, Алберта Мекленбургскаго, и получила отъ него важныя торговыя привилегіи. Союзъ также весьма успѣшно воевалъ въ продолженіе XIV и XV столѣтій съ Швеціею. Его вліяніе на это Королевство было такъ велико, что ему предоставили право, назначать старшихъ бургомистровъ въ важнѣйшихъ приморскихъ городахъ Швеціи!

Истребленіе морскихъ разбойниковъ было главнымъ предметомъ Ганзейскаго Союза со времени основанія до конца его. Варварство, царствовавшее тогда повсюду, и покровъ, явно оказываемый морскимъ разбойникамъ Королями, Герцогами и баронами, сильно препятствовали ихъ искоренію; но твердыя усилія Ганзы отвратили этотъ вредъ, и хотя не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но, по крайней мѣрѣ, обезпечили нѣкоторымъ образомъ плаваніе на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, и принесли большія выгоды для торговли. Союзъ и во многихъ другихъ случаяхъ употреблялъ свое могущество на пользу всего рода

человѣческаго. Старанія его объ избавленіи претерпѣвшихъ кораблекрушеніе отъ ужасныхъ жестокостей, которымъ подвергались они на чужестранныхъ берегахъ, и о возвращеніи владѣльцу разбитаго судна его собственности, равно какъ и безпрестанныя его усилія противъ морскаго разбоя, конечно были слѣдствіемъ корыстолюбивыхъ расчетовъ; за всѣмъ тѣмъ они способствовали къ успѣхамъ образованности и къ обезпеченію мореплаванія, и заслуживаютъ съ нашей стороны величайшую признательность.

Визби, построенный на западномъ берегу острова Готланда, сдѣлался, во время владычества Союза, однимъ изъ важнѣйшихъ его магазиновъ и лучшихъ торговыхъ городовъ на Сѣверѣ. Визби прославился въ особенности тѣмъ, что имя его дано Уложенію морскихъ законовъ, которымъ долго подчинялось судоходство по Балтійскому морю. Гроціусъ говоритъ объ этихъ законахъ съ великимъ и справедливымъ уваженіемъ. Первыя сѣверныя юристы и историки полагаютъ, что Визбійское Уложеніе старѣе Уложенія извѣстнаго подъ именемъ «Правла или сужденія Олерона», и слѣдственно древнѣйшій памятникъ морскаго законодательства въ Средней Исторіи. Но эта невѣроятная теорія не подтверждена ни какими доказательствами. Успѣхи мореплаванія довольно быстро распространялись въ Италіи и въ южныхъ краяхъ Европы, гдѣ всегда сохранялось нѣкоторое познаніе о морскихъ законахъ древняго Рима, когда страны прибалтійскія были еще погружены въ глубокое варварство. Гораздо основательнѣе полагать, что Визбійскіе бургомистры, то есть, люди, правившіе этимъ городомъ, собрали свое Уложеніе изъ уложеній, или обычаевъ чужеземцевъ, посѣщавшихъ ихъ пристани, нежели что послѣдніе заимствовали морскіе свои учрежденія отъ первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Визбійскомъ Уложеніи находятся вещи, которыхъ ни какимъ

другимъ образомъ объяснить не возможно. Если бы эта книга была твореніемъ оригинальнымъ, то есть, если бы она была составлена изъ замѣчаній туземныхъ купцовъ и юристовъ о способахъ распространенія и преимуществахъ торговли на Балтійскомъ морѣ, и не заимствована изъ чужестранныхъ законовъ и обычаевъ, безъ-сомнѣнія главнѣйшая часть ея правилъ была бы почерпнута изъ обычаевъ важнѣйшихъ прибалтійскихъ гаваней. Но мы видимъ совершенно противное. Всѣ почти мѣста, о которыхъ упоминается въ Визбійскомъ Уложеніи, лежатъ внѣ Балтійскаго моря. Въ немъ говорится о Шельдѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Ла-Рошели, Бордо, и т. п., и о мѣрахъ, принимаемыхъ этими городами въ извѣстныхъ случаяхъ. Во все продолженіе устава, ни разу не упоминается о Штокгольмѣ, находившемся въ недалекомъ разстояніи отъ Визби, о Данцигѣ, ни о Ригѣ, словомъ, ни объ одномъ изъ Балтійскихъ городовъ, исключая Любека и Копенгагена! Параграфъ 25-й занимается исключительно торговлею винами и случаями, въ которыхъ владельцы кораблей обязаны вознаграждать купцовъ за ихъ убытки по этой статьѣ; но мы тщетно ищемъ въ этомъ Уложеніи хоть одного слова о корабельномъ лѣсѣ, желѣзѣ, ржи или другомъ произведеніи прибалтійскихъ земель. Подобное упущеніе было бы невозможно, если бы Визбійскій уставъ былъ твореніемъ оригинальнымъ, и, дѣйствительно, параграфъ, о которомъ мы упомянули, есть не что иное какъ буквальный переводъ «Сужденій Олероновыхъ», гдѣ именно говорится о постановленіяхъ морской торговли во Франціи. Что касается до историческихъ подробностей этого знаменитаго регламента, любопытные могутъ отнестись къ ученому и превосходному сочиненію Г. Пардессю — *Collection des lois maritimes antérieures au dix-huitième siècle*. Тамъ доказано весьма убѣдительнымъ образомъ, что Визбійскіе законы

заимствованы, съ нѣкоторыми маловажными перемѣнами, изъ древняго морскаго устава, извѣстнаго подъ именемъ Сужденія Олерона, и изъ старинныхъ морскихъ учрежденій Голландіи.

Сѣверные законовѣдцы не менѣе заблуждаются на счетъ древности Визбійскаго Уложенія. Можно утвердительно заключить изъ самаго устава и разныхъ другихъ обстоятельствъ, что онъ не составленъ прежде конца XIV или начала XV столѣтія. Болѣе древній и пространнѣй морскій регламентъ сочиненъ при Магнусѣ, Шведскомъ Королѣ, и изданъ съ его соизволенія между 1320 и 1360 годами; но, кажется, это уложеніе не возбудило ни какого вниманія, и оставалось въ совершенномъ забвеніи до 1681 году, когда оно напечатано иждивеніемъ Гадорфа. Уставъ, о которомъ говорятъ Гроціусъ, Лейбницъ, Локсеніусъ и другіе, подъ названіемъ «Главнаго Визбійскаго Уложенія», состоитъ, въ изданіи Г. Пардессю, изъ шестидесяти шести параграфовъ, и въ первый разъ напечатано въ 1505 году.

Но каково бы ни было происхожденіе этого регламента, онъ наполненъ лучшими морскими правилами, и всегда будетъ принимаемъ въ соображеніе въ морскомъ законодательствѣ. Его обнародованіе принесло большую пользу мореплаванію. Сарторіусъ весьма справедливо замѣчаетъ, что морскія дѣла рѣшались гораздо скорѣе посредствомъ этого Уложенія, нежели тяжбы въ тогдашнихъ палатахъ по гражданскому судопроизводству.

Чтобъ облегчить и распространить коммерческія свои сношенія, Ганза учредила въ чужихъ странахъ разныя факторіи: главнѣйшія изъ нихъ были Новгородъ въ Россіи, Лондонъ въ Англіи, Брюжъ въ Нидерландахъ, и Бергенъ въ Норвегіи.

Новгородъ, построенный на берегахъ рѣки Волхова, считали долго важнѣйшимъ торговымъ городомъ сѣверовосточныхъ странъ Европы. Въ началѣ XI столѣтія жители его приобрѣли весьма важныя привилегіи, положившія основаніе его независимости и благоденствію. Его Князья сначала повиновались Великимъ Князьямъ Россійскимъ; но, по мѣрѣ умноженія народонаселенія и богатства, Новгородъ и окружающія его земли мало-по-малу приобрѣли почти совершенную независимость. Онъ вынудилъ и у своихъ властелиновъ грамматы, изъ которыхъ древнѣйшая и извѣстнѣйшая довольно схожа съ Англійскою Magna Charta. Власть Князей Новгородскихъ въ послѣднія времена была, по-видимому, довольно ограничена; и дѣйствительно Новгородъ очень походилъ на вольный Ганзейскій городъ, особенно на Гамбургъ притягивавшій Графовъ. Въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій, онъ былъ складкою товаровъ для торговли между городами Ганзейскаго Союза и странами, лежащими на сѣверо-востокъ отъ Польши. Ярмарки его посѣщались несмѣтнымъ числомъ людей, стекавшихся изъ сосѣднихъ странъ, и купцами Союза, которые снабжали его товарами и издѣліями отдаленныхъ краевъ. Полагаютъ, что Новгородъ, въ цвѣтущемъ своемъ періодѣ, то есть, около половины XV столѣтія, имѣлъ болѣе 400,000 жителей. Вѣроятно, число это преувеличено; но владѣнія его были весьма обширны, и его богатство и могущество казались такъ твердо основанными, самъ же городъ столь неприступнымъ, что у жителей было въ пословицѣ: «кто противъ Бога и великаго Новгорода?» Quis contra Deum et magnam Novogorodiam?

Однако жъ, могущество и благоденствіе этого города, несмотря на свидѣтельства его панетиристовъ и иностранцевъ, посѣщавшихъ его ярмарки, покоилось на весьма шаткихъ основаніяхъ. Около конца XV

*

столѣтія Царь Іоаннъ Васильевичъ, обезпечивъ свои владѣнія отъ нападеній Татаръ, и распространивъ ихъ покореніемъ сосѣднихъ земель, объявилъ права свои на Княжество Новгородское, и свои притязанія подкрѣпилъ огромною военною силою. Раздоры, безпрестанно возникавшіе между жителями, облегчали предпріятіе. Царь Іоаннъ вошелъ въ Новгородъ съ своими войсками, получилъ обратно отъ жителей дарованную имъ грамату, и увезъ съ собою въ Москву огромный колоколъ, который долго считался палладіумомъ Новгородской независимости. Но, несмотря на разныя притѣсненія со стороны Іоанна и его наслѣдниковъ, Новгородъ долго еще оставался обширнѣйшимъ и лучшимъ торговымъ городомъ всей Россіи. Извѣстный Ричардъ Ченселморъ, проѣзжавшій изъ Москвы черезъ Новгородъ въ 1554 году, говоритъ, что послѣ Москвы Новгородъ и тогда еще былъ главнѣйшимъ городомъ во всей Россіи, и хотя долженъ уступить первенство столицѣ въразсужденіи великолѣпія зданій и политической важности, однако пространствомъ превосходитъ самую Москву. Это самый большой и первѣйшій торговой городъ въ Россіи; и хотя Цари пребываютъ не въ немъ, а въ Москвѣ, но удобное его положеніе на берегахъ рѣки, изливающейся въ Финскій заливъ, и облегчающей сообщенія его съ чужеземными купцами, дѣлаетъ его извѣстнѣе самаго первопрестольнаго города.

Но скоро гнѣвъ Царскій постигъ знаменитый Новгородъ. Іоаннъ IV, открывъ въ 1570 году переписку между главными его жителями и Королемъ Польскимъ о сдачѣ ему Новгорода, наказалъ ихъ за то жесточайшимъ образомъ. Убіиства, которыми желалъ онъ насытить свое мщеніе, происходили безъ всякаго разбора. Преступленіе нѣсколькихъ гражданъ послужило предлогомъ къ истребленію двадцати пяти или тридцати тысячъ человѣкъ. Съ тѣхъ поръ уже Новгородъ

не оправлялся. Однако торговля его все-еще была довольно пространна, до основанія Петербурга, который немедленно сдѣлался центромъ оборотовъ и сношеній, нѣкогда кипѣвшихъ въ Новѣгородѣ.

Купцы Ганзейскихъ городовъ, или Ганзарды, — ихъ обыкновенно такъ называли, — съ самыхъ древнихъ временъ пребывали въ Лондонѣ, и тамошняя факторія была довольно важна и обширна. Они пользовались разными привилегіями: имъ было позволено управляться собственными учрежденіями и законами; препоручено охраненіе такъ называемыхъ Епископскихъ Воротъ, *Bishop's gate*, и пошлины, наложенныя на извѣстные товары, были для нихъ уменьшаемы. Эти преимущества возбудили недоброжелательство и ненависть къ нимъ Англійскихъ торговцевъ. Ганзейскихъ купцовъ стали поминутно обвинять въ въѣроломствѣ: говорили, будто-бы они, для избѣжанія опредѣленныхъ пошлинъ, ввозятъ въ Англію подъ именемъ своихъ товары чужаго издѣлія; что самоуправно распространяютъ число городовъ, принадлежащихъ къ ихъ Союзу, и препятствуютъ торговлѣ Англичанъ въ Балтійскомъ морѣ. Правительство употребляло всѣ силы, чтобъ прекратить распри, но какъ источникомъ ихъ были привилегіи, дарованныя Ганзардамъ, и неотступныя домогательства послѣднихъ, то всѣ мѣры оказались тщетными. Ганзейскіе купцы были часто обижаемы, и ихъ факторія, находившаяся въ улицѣ Темсъ-Стритъ, не рѣдко подвергалась нападеніямъ. Союзъ защищалъ сильнымъ образомъ права свои: объявивъ войну Англіи, выгналъ ея корабли изъ Балтійскаго моря, и дѣйствовалъ съ такою твердостію, что Эдуардъ IV весьма охотно согласился на договоръ съ Ганзою на условіяхъ, для Англіи весьма унижительныхъ. Въ этомъ договорѣ, заключенномъ въ 1474 году, права Ганзейскихъ купцовъ были возобновлены, и Король отдалъ имъ въ

совершенное владѣніе обширное мѣсто, со всѣми зданіями, въ Темсъ-Стритъ: оно называлось Стальной Дворъ, Steel Yard, и компанія Ганзейскихъ купцовъ именовалась въ Лондонѣ Обществомъ Стальнаго Двора; имъ обезпечили владѣніе учрежденныхъ ими мануфактуръ въ Бостонѣ и Линнѣ; Король обязался не жаловать привилегій ни одному изъ иностранныхъ купцовъ; одинъ изъ параграфовъ договора объявлялъ, что Ганзейскіе купцы не будутъ болѣе подвластны Англійской Адмиралтейской Палатѣ, но что правительство обязуется учредить особенное судилище, для поспѣшнаго и легкаго рѣшенія споровъ между Англійскими купцами и Ганзардами; привилегіи, дарованныя послѣднимъ, будутъ по ихъ требованію объявляемы во всѣхъ морскихъ городахъ Англіи, а тѣ изъ Англичанъ, которые нарушаютъ ихъ, будутъ строго наказываемы. Въ вознагражденіе за эти уступки, Англичане пріобрѣли право свободно торговать по Балтійскому морю, особенно въ Данцигъ и Пруссіи. Въ 1498 году, правильная торговля Англичанъ съ Нидерландами прекратилась, и перешла совершенно въ руки Ганзейскихъ купцовъ. Но, по мѣрѣ распространенія въ Англійскомъ народѣ коммерческаго духа и точнѣйшаго распознаванія выгодъ внѣшней торговли привилегіи Ганзейскихъ купцовъ становились болѣе и болѣе тягостными для государства: ихъ весьма сократили въ царствованіе Генриха VII и Генриха VIII, а въ 1597 году онѣ были совершенно уничтожены.

Члены Ганзейской факторіи въ Лондонѣ и въ другихъ факторіяхъ Союза обѣдали за общимъ столомъ, и очень строго соблюдали законъ безбрачности. Управление Лондонскою факторіей было повѣрено одному альдермену, двумъ ассесорамъ и девяти совѣтникамъ. Послѣдніе избирались въ четырехъ главныхъ городахъ Ганзейскаго Союза. Эти сановники занимались изысканіемъ средствъ къ распространенію и обезпеченію привилегій

и торговли Союза, и рѣшеніемъ споровъ, возникавшихъ между собственными ихъ купцами или между ими и Англичанами. Ганзейскій Союзъ всегда старался сдѣлать какъ-можно обширнѣйшимъ употребленіе своихъ кораблей. Въ 1447 году было даже запрещено ввозить въ союзные города Англійскіе товары на чужихъ корабляхъ. Но подобная мѣра не могла быть въ точности выполняема: она усиливалась или ослабѣвала, смотря по обстоятельствамъ. Но самое уже существованіе такого закона было обидно для Англійскаго народа, и раздраженіе, имъ причиненное, существенно способствовало ниспроверженію привилегій Ганзейскихъ купцовъ въ Англіи.

Посредствомъ факторіи, учрежденной въ Бергенѣ, и правъ, дарованныхъ Ганзѣ или вынужденныхъ ею, она весьма долго пользовалась исключительною торговлею съ Норвежскимъ полуостровомъ.

Но самая главная факторія Союза находилась въ Брюжѣ, въ Пидерландахъ. Брюжъ съ раннихъ уже временъ сталъ однимъ изъ первѣйшихъ торговыхъ городовъ Европы и центромъ обширной торговли съ Сѣвernoю Италіею. Искусство мореплаванія въ XIII и XIV столѣтіяхъ было такъ несовершенно, что путешествіе изъ Италіи въ Балтійское Море и обратно, продолжалось болѣе полугода. Италіянскіе и Ганзейскіе купцы рѣшились, для общей пользы, учредить складку товаровъ гдѣ-нибудь между Италіею и Любекомъ. Выборъ мѣста палъ на Брюжъ, по удобности его положенія, и этотъ городъ, сдѣлавшійся одною изъ важнѣйшихъ коммерческихъ точекъ Европы, скоро прославился своимъ богатствомъ. Туда привозились съ Сѣвера Англійскія сукна, произведенія Нидерландскихъ шерстяныхъ и полотняныхъ мануфактуръ корабельный лѣсъ, конопли, ленъ, смола, деготь, сало, хлѣбъ, рыба, кленовое дерево, и прочее; съ Юга,

пряные коренья, произведенія Индійскія и собственно Италіянскія издѣлія. Ярмарки въ Брюжѣ были едва ли не богатѣйшими во всей Европѣ. Лудвигъ Гичардини говоритъ, въ своемъ описаніи Нидерландовъ, что въ 1318 году прибыло на Брюжскую ярмарку не менѣе пяти Венеціанскихъ галліоновъ, плотно нагруженныхъ товарами для продажи. Ганзейскіе купцы покупали въ особенности произведенія Индійскія, и перепродавали ихъ въ Балтійскихъ портахъ, или развозили внутри Германіи посредствомъ судоходства на большихъ рѣкахъ. Животворныя дѣйствія этой торговли были повсюду ощутительны; правильныя сношенія между сѣверными и южными народами Европы вразумили ихъ на счетъ взаимныхъ выгодъ, и подстрекали торговый духъ удивительнымъ образомъ. Это въ особенности можно примѣнить къ Нидерландамъ. Шерстяныя и полотняныя мануфактуры были тамъ со временъ Карла Великаго, а стеченіе иностранцевъ и обширная продажа мѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій способствовали цвѣтущему благоустройству Нидерландскихъ фабрикъ. Это обстоятельство такъ сильно содѣйствовало развитію полезныхъ и изящныхъ Искусствъ въ Нидерландахъ, что они съ раннихъ временъ сдѣлались просвѣщеннѣйшимъ, образованнѣйшимъ, богатѣйшимъ и населеннѣйшимъ краемъ въ Европѣ.

«Фландрія, говоритъ Мекферанъ, въ 1301 году славила уже лучшими мануфактурами къ сѣверу отъ Алпійскихъ и Пиренейскихъ горъ; и, по многочисленности своего народонаселенія, могла принять всѣвозможныя мѣры къ усиленію плодородія своихъ полей. Поощреніе, доставляемое прибылію, возбуждало въ высочайшей степени торговый и земледѣльческій духъ въ Нидерландахъ. Всѣ вообще согласны въ томъ, что западныя Европейскія страны заимствовали у нихъ свѣдѣнія о землѣдѣліи и садоводствѣ, и что

раннѣйшее или позднѣйшее развитіе ихъ способностей по этимъ частямъ зависѣло отъ раннѣйшихъ или позднѣйшихъ сношеній ихъ съ Фландріею. Въ это время, Науки и Художества также процвѣтали въ Нидерландахъ съ бѣльшимъ успѣхомъ, нежели въ другихъ странахъ. Изъ этого можно видѣть, какъ справедливо говорятъ, что изобиліе и просвѣщеніе сопряжены съ геніальною силою коммерческаго духа.»

Брюссельская торговля процвѣтала непрерывно до 1490 года: въ это время Императоръ Фридрихъ III весьма сурово поступилъ съ этимъ городомъ въ отмщеніе за сына своего Максимилиана. Обороты, центромъ которыхъ былъ прежде Брюссель, мало-по-малу перешли въ Антверпенъ, и онъ скоро занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, въ числѣ коммерческихъ городовъ Европейскихъ.

Еще грозное въ половинѣ XV столѣтія могущество Ганзейскаго Союза начало тогда приходить въ упадокъ. Причиною этого упадка были не невѣдѣніе или неспособность его начальниковъ, но успѣхи столь сильно поощреннаго Ганзою просвѣщенія. Преимущество Ганзейскихъ городовъ передъ прочими государствами было слѣдствіемъ анархій, смятеній и варварства въ сѣверной Европѣ и успѣховъ Ганзейскаго правительства въ благоустройствѣ и внутреннемъ порядкѣ. Потакого рода преимущество не могло продолжаться безконечно. Просвѣщеніе, сначала находившееся въ однихъ только городахъ, распространилось по всѣмъ сосѣдственнымъ странамъ. Феодальное безначаліе всюду уничтожилось посредствомъ новой государственной системы; Искусства и торговля сдѣлались для всѣхъ доступными, и власть правительства наконецъ утвердилась. Эта перемѣна возвысила могущество Государей надъ Союзомъ, до толѣ превосходившимъ ихъ нравственною и вещественною силою; обитавшіе въ сосѣдствѣ Ганзейскихъ городовъ жители узнали всю для

себя пользу собственной торговли и личнаго мореплаванія, и съ трудомъ стали сносить господство коммерческой конфедераціи и привилегіи, ей одной дарованныя; притомъ, кромѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, причинявшихся къ ея расторженію, и выгоды различныхъ ея городовъ становились ежедневно болѣе и болѣе противоположными. Любекъ, Гамбургъ, Бременъ и окружавшіе ихъ города одни только нуждались въ сохраненіи Союза. Зеландскіе и Голландскіе города принимали въ немъ участіе единственно для сохраненія правъ своихъ на торговлю въ Балтійскомъ Морѣ, а Россійскіе, Прусскіе и Польскіе, только для дальнихъ сношеній съ чужими краями. Но когда Зеландцы и Голландцы устроили морскія силы, достаточныя для поддержанія правъ своихъ на мореплаваніе въ Балтійскомъ Морѣ, они тотчасъ отстали отъ конфедераціи, и едва Голландскіе и Англійскіе корабли начали непосредственно торговать съ Польскими и Прусскими Ганзейскими городами, какъ и тѣ земли воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для разрыва съ Ганзою. Такимъ образомъ, упадокъ этого знаменитаго общества былъ просто слѣдствіемъ повсемѣстной образованности и развитія коммерческаго духа въ разныхъ странахъ Европейскихъ. Подобное общество могло существовать, пока народы, которыхъ факторами были Ганзейскіе купцы, находились въ грубомъ невѣжествѣ, слишкомъ занимались другими предметами или ощущали недостатокъ въ капиталахъ и искусствѣ, для личной съ прочими странами торговли. Когда они сами достигли нѣкоторой степени просвѣщенія, Ганзейскіе купцы стали для нихъ бесполезны; конфедерація рушилась, и въ половинѣ XVII столѣтія одни лишь Любекъ, Гамбургъ и Бременъ продолжали еще признавать законную власть Союза.

Foreign Quarterly Review.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.

=

Когда великое дѣло избранія Царя совершилось, послы Земскаго Совѣта спѣшили въ Кострому къ избранному Царю Русскому, народъ присягалъ ему, жители Москвы ждали его согласія на волю народа. Земскій Совѣтъ принялъ на себя временное управленіе государствомъ. Прежде всего написали длинное посланіе къ Сигизмунду, и отправили его перваго Марта 1613 съ Дворяниномъ Денисомъ Оладынымъ¹.

Не упоминая объ избраніи Михаила, Земскій Совѣтъ исчислялъ только Королю всѣ событія прошедшія: нарушеніе мира съ Царемъ Борисомъ, помощью Самозванцу; пособіе второму Самозванцу; несдержаніе мира, возобновленнаго съ Царемъ Василиемъ Шуйскимъ; върломное начатіе войны; сибшеніе съ Делгардіемъ; нарушеніе договора съ Жолкевскимъ, объ избраніи Владислава; задержаніе Русскихъ пословъ; взятіе Смоленска; разореніе Русской земли; плѣнь Царя Василя; пожаръ Москвы; смерть Гермогена. «Когда насъ удостовѣрили письмомъ вашимъ королевскимъ», писалъ Земскій Совѣтъ, «мы били челомъ Царю Василю, чтобы онъ, для покоя Христіанскаго, и чтобы кровь Христіанская не лилась болѣе, и государство не разорялось, государство свое отставилъ. Но что мы послѣ сего видѣли? Не токмо мы, отъ душевныя горести, возрыдали, но и воздухъ отъ

¹ *Собраніе Государ. Грамматъ*, т. I, №. 7. Лѣтопись о ятежахъ, стр. 277: «послаша Коширянина Д. Аладына»; но далѣе оппобочно сказано, что Бояре Московскіе въ грамматъ своей извѣщали объ избраніи Михаила.

вашихъ не-христіанскихъ дѣлъ осквернился. Заключивъ пословъ нашихъ, вы сдѣлали то, чего не только въ Христіанскихъ, но и въ музульманскихъ земляхъ надъ послами не дѣлаютъ. Мы поклялись наконецъ всѣ, за вашу неправду, клятвопреступленіе, кровопролитіе и разореніе Русской земли, стать, и сына вашего, Владислава, не хотѣть. Москва очищена. Защитники ея, люди ваши, находятся въ плѣну. Мы рѣшились послать теперь къ вамъ, Королю Польскому. Отпустите задержанныхъ вами пословъ и плѣнныхъ, да не плачутся они, бѣдные; мы отдадимъ вашихъ людей. Вспомните, что вы дѣлали съ нашими людьми, и какъ мы всегда съ вашими обходились. Царь Василій щадилъ и миловалъ вашихъ пословъ. И нынѣ взятые нами люди ваши живутъ безъ тѣсноты и нужды, и ни какого дурна имъ не дѣлается. Такъ ли вы поступаете, Король Польскій? Но не хотимъ укорять; ждемъ отвѣта, и надѣемся согласія вашего на размытѣ плѣнныхъ въ условленномъ мѣстѣ. Пока будутъ о семъ переговоры, не велите вчинять войны и чинить задоры; выведите и воиновъ вашихъ изъ Московскаго государства. Мы своимъ ратнымъ людямъ, по всемъ городамъ, закажемъ въ вашу землю войною не ходить.» О мирѣ не было сказано ни одного слова, какъ будто Земскій Совѣтъ предоставлялъ сіе важное дѣло рѣшенію Царя, или хотѣлъ слышать вызовъ о томъ Польши. Таковую же грамоту отправили и къ Чинамъ Польскимъ. Приложили и роспись, кто именно находился въ Польшѣ въ плѣну¹.

Если и не было нужды и тѣсноты плѣнникамъ въ Москвѣ, они просили однако жъ Земскій Совѣтъ позволить имъ отправить къ Сигизмунду особенное ихъ

¹ Соб. Гос. Грам. т. III, № 8. Въ росписи поименованы послы Русскіе, задержанные въ Польшѣ, Шеня, архіеп. Сергій, Смоленскій полонъ («а взята роспись у пріятелей ихъ»), и нѣсколько чело-вѣкъ изъ Брянска. Всего болѣе находимъ въ ней именъ полоненныхъ жевчинъ и дѣтей Смоленскихъ.

прошеніе. Имъ позволили, и Марта 20-го послано было въ Варшаву челобитѣе плѣнныхъ Поляковъ. «Въ тяжкомъ плѣну нашемъ,» писалъ храбрый Струсь, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, «утѣшаемся тѣмъ только, что ты, Государь, надъ нами сжалишься, и изведешь насъ изъ неволи, вспомня наши труды и заслуги. Кто несчастливѣе насъ, награжденныхъ за подвиги свои неволею? Богъ не допустилъ насъ удерживать тебя твой градъ, Москву; но вѣрь, Государь, что не непріятель одолѣлъ насъ, а голодъ страшный и неслыханный. Десять недѣль ждали мы помощи, не дождались, и отдались врагамъ еле-живые. Пришли за нами, Государь! Смилуйся, да не погибнемъ мы, вѣчные твои богомольцы»³.

Едва начались сіи переговоры съ Польшею, въ Москву поспѣшно пріѣхали посланные изъ Костромы, Зарайскій протоіерей Димитрій, и гонецъ Иванъ Усовъ⁴. Радостную вѣсть привезли они въ Москву: Михаилъ принялъ вѣнецъ, поднесенный ему, — Русская земля пережила безгосударное время; въ Россіи былъ Царь, избранный по думѣ и согласію православныхъ. Онъ не могъ отказаться: народъ уже любилъ его, уже видѣлъ въ немъ избранника Божія, присягалъ ему предъ престоломъ Бога, не дожидаясь его согласія, и кровью доказывалъ вѣрность свою юному Государю.

Михаила избрали въ Москвѣ Февраля 21. 25-го присягала первопрестольная столица, и посланы были повсюду грамоты о присягѣ ему. Быстро летѣла между тѣмъ молва, предупреждая приказы. Михаилъ и мать его еще ничего не знали. Она и онъ жили въ Костромской своей вотчинѣ, страшась смутъ, тоскуя о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздо-

³ *Собраніе Гос. Грам.* т. III, № 9.

⁴ А съ сего грамотою послали къ вамъ И. В. Усова, да Николы Зарайскаго протопопа Димитрія. — *Соб. Гос. Грам.* т. III, стр. 45.

рахъ вельможъ, и опасаясь буйныхъ мятежниковъ и Литовскихъ набѣдниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками. Вѣсть объ избраніи Михаила въ Царя распространилась въ Костромской области, и удалой начальникъ одного изъ бродящихъ Польскихъ отрядовъ вздумалъ изумить Русскихъ смѣлымъ, неожиданнымъ предпріятіемъ: схватить избраннаго Царя, и увезти его въ Польшу, или умертвить, если не успѣетъ захватить въ неволю. Скрытно пробрался онъ въ окрестности помѣстья Романовыхъ. Остановясь въ сосѣдствѣ села Дошнина, селеніи Деревницахъ, Поляки взяли старика, тамошняго крестьянина, и спрашивали его о дорогѣ къ помѣстью и о томъ, въ этомъ ли помѣстьѣ находится теперь Михаилъ Романовъ. Сей старикъ былъ *Иванъ Сусанинъ*. Онъ вызвался самъ провести убійцъ къ помѣстью Романовыхъ, и по глубокимъ снѣгамъ, въ тамошнихъ лѣсахъ, завелъ ихъ окольными дорогами въ сторону. Поляки увидѣли наконецъ обманъ, но было поздно. Въ ярости начали они терзать Сусанина. Ни пытки, ни смертныя побои, ничто не поколебало великодушнаго старика. Онъ умеръ въ мученіяхъ, и Михаилъ былъ спасенъ: посланные отъ Сусанина предупредили его объ опасности; Марѳа поспѣшила укрыться съ юнымъ сыномъ своимъ въ Кострому⁵. Здѣсь съ изумленіемъ узнали они неож-

⁵ Въ грамотѣ, данной при награжденіи Богдана Собинина, зятя Ивана Сусанина, въ 1619 году, и въ подтвержденіи оной, 1633 года (*Собр. Г. Г.* т. III, № 50 и 92): «Тестя его Богдашкова вѣспоры Литовскіе люди изымали и его пытали *неомырными пытками*... и онъ, вѣдая про насъ Вел. Государя, гдѣ мы вѣспоры были, про насъ не сказалъ; и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти.» Въ старинной рукописи, находящейся у П. П. Свиньина, сказано, что Михаилъ былъ тогда въ селѣ Домнинѣ; что Сусанинъ увезъ его въ Деревнищи, и спряталъ въ обгорѣломъ овинѣ, а потомъ посланные отъ Сусанина перевезли Михаила въ Кострому; что Сусанинъ былъ умерщвленъ въ селѣ Исушовѣ; и что Михаилъ велѣлъ въ послѣдствіи перевезти тѣло Сусанина, и предать землѣ съ честію въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. О послѣднемъ не нашлось ни какихъ записокъ въ Ипат. мон., и могила Сусанина не извѣстна; но потомки его

данную вѣсть. Ожидая избранныхъ пословъ изъ Москвы, Костромичи просили Марѳу и Михаила поселиться въ келліяхъ знаменитаго Ипатьевского монастыря⁶.

Марта 13-го прибыло посольство Земскаго Совѣта, и остановилось въ подгороднемъ селѣ Новоселкахъ⁷. Вся Кострома взволновалась; жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Послали къ Михаилу спросить, когда позволить онъ предстать предъ него Посламъ Земскаго Совѣта всего Русскаго Государства. Получивъ позволеніе, ночь провели въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ; на другой день, утромъ, открылось трогательное зрѣлище: Костромское Духовенство, въ сопровожденіи множества народа, подняло чудотворную икону Ѳеодоровскія Богоматери, и торжественно пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы, съ чудотворною Владимірскою иконою. Тутъ были архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Аврамій, бояре, воины. Народъ препровождалъ ихъ⁸. Раздалось священное пѣніе. Марѳа и Михаилъ встрѣтили великое шествіе за вратами монастыря, и смиренно поверглись передъ иконами и крестами.

донынѣ чтятъ память предка ежегодною панихидою. Село Домнино въ Костр. губ., Буевскаго уѣзда, на рѣкѣ Шачь, впадающей въ рѣку Кострому; Деревнищи, нынѣ Деревницы, на Шачь, въ 3-хъ, а Исуново въ 10-ти верстахъ отъ Домнина.

⁶ Лѣт. о мятежахъ, стр. 272.

⁷ Сказаніе Аврамія Палицына, стр. 295: «не дошедше за едино поприще въ село, Новоселки именуемое». Нынѣ именуется это село Новое Селище, и находится на берегу Волги противъ Костромы.

⁸ Описаніе принятія престола Михаиломъ помѣщено въ извѣстительной грамотѣ, присланной въ Москву отъ пословъ Земскаго Совѣта и въ утвержденной грамотѣ объ избраніи Михаила (Собр. Г. Г. т. III, № 10, и т. I, № 203). Мы следуемъ болѣе первой, писанной на свѣжую память, безъ подготовленій, отъ растроганныхъ сердецъ; во второй, писанной торжественно черезъ два мѣсяца, замѣтны риторическія вставки и измѣненія. Дополняемъ подробности изъ Сказанія Аврамія и Лѣт. о мятежахъ.

Ихъ просили послѣ сего итти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь обители Ипатьевской. Марѳа не хотѣла. «Знаю,» говорила она, «знаю, что вы пришли звать сына моего въ Цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!» Едва могли упросить благочестивую инокиню не противиться, и итти къ моленію во храмъ, предоставляя будущее волю Бога. Она и сынъ ея шли, заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и проговорилъ ему: «Московского Государства митрополитъ Кириллъ Ростовскій и Ярославскій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ.»

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи! Твои, Государь, бояре, окольные, чашники, стольники, стряпчие, дворяне Московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы стрѣleckіе, сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы, и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства, и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, вельми тебѣ, Государь, челомъ ударить, и о твоёмъ Государевомъ, многолѣтнемъ здравіи спросить.»

Громогласно началъ Ѳеодоритъ читать посланіе Земскаго Совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ Московскомъ Царскаго корени, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи Поляковъ, хотѣвшихъ «попратъ вѣру Греческаго закона, и учинить въ Россіи проклятую Латинскую вѣру;» Земскій Совѣтъ говорилъ объ освобожденіи Москвы Трубецкимъ и Пожарскимъ. «Наконецъ Москва очищена; церкви Божіи облеклись въ прежнюю лѣпоту; по прежнему славится въ нихъ

нія Божіе; но о Московскомъ Государствѣ пешишь и Божьими людьми промышлять нѣкому: Государя у насъ нѣтъ. Безъ Государя ни малое время быть намъ не можно, или вѣдаль будетъ разореніе». Затѣмъ извѣщали объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, принять, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое, «и да возвыситъ Богъ десницу его; Православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а Христіане да получаютъ тишину, покой и благоденствіе.» Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словами. Онъ и Феодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнныя рѣчи, и умоляли: «моленья и челобитья не презрѣть, и итти съ сыномъ на Царскій престолъ.

Ожидали отказа Марѣи и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣримъ искренности отрицанія ихъ: это не были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, инокиня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть столькихъ Царей и ужасы безначалія, едва только за полгода вышедшая изъ Кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы⁹; еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего, при одномъ слухѣ, что онъ избранъ въ Цари, — она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружить буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мститъ отцу за избраніе сына на царство, и состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолою, — все это страшнымъ видѣніемъ предстояло очамъ Марѣи и Михаила. «Сыну моему не быть Царемъ; не благословлю его; въ мысли у меня того не было, и въ разумъ мой прійти не

⁹ Взятіе Кремля и освобожденіе Михаила были въ Октябрѣ 1612 г.

могло!» восклицала инокиня Марѳа. «Не хочу царствовать, и могу-ли быть наследникомъ Великихъ Царей Русскихъ!» говорилъ Михаилъ. Тщетно молили ихъ. «Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ Цари?» отвѣчала Марѳа. «Люди Русскіе! вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божиимъ не стало Царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его, и передались вору, разстригъ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись Царю Василю, и поѣхали къ Тушинскому вору предали вашего Царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ Государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ съѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, объединялъ. Чѣмъ будетъ Царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того-ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ Польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?»

«Благослови только, великая инокиня!» возражалъ Феодоритъ. — Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ; но вспомни, что Борисъ извелъ Царскій корень, убилъ Димитрія Царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божиимъ погибъ разстрига, Царя Василя выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй Тушинскій, оболь-

щаль людей на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ Православія. Мы били челомъ Василию, да оставить онъ царство свое, для блага Русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники—Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ, предали Царя злодѣю Жолкевскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за Церковь Божию; всею землею обрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судьбы Божіихъ, коими погибли Годуновы и Шуйскіе: судьбами Царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли воспротивишься? Не страшись и за Государя нашего, митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу, и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ.»

Но, тщетны были сіи слова. Напрасно Ѳеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ Исторіи, говорилъ о Константинѣ и Ѳеодосіи, Давидѣ и Тиверіи, Маркіонѣ и Іосифѣ; напрасно восклицалъ: «Гласъ народа, гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославитъ. Назначенному, во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предустроенъ будетъ.....»

Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Аврамій подалъ образъ Московскихъ Чудотворцевъ; оба понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. «Что дѣлаете!» воскликнулъ благочестивый юноша. «Зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ, и дѣло выше силъ моихъ мнѣ!» — «Если вѣришь имъ,» говорилъ Владыка, указывая на образа,» вѣрь, что ихъ, а не

нашею волею ты избранъ, и что онѣ дадутъ тебѣ силы царствовать, и спасутъ отца твоего! Чтѣ человекъ, и чтѣ имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись передъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей, и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ¹⁰.

Уже около шести часовъ продолжалось умирительное позорище. «И такъ, вы не внемлете моלבамъ?» возгласилъ наконецъ Феодоритъ. «Совершилось; да будетъ по-вашему: мы идемъ обратно, и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли молбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но, передъ симъ святымъ образомъ, говорю тебѣ, Царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая! ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божиимъ за кровь и слезы Христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится Царство Московское; да услышать о безгосударствѣ нашемъ враги, да придутъ и расхитятъ насъ¹¹»

¹⁰ «Архіепископъ взявъ на руцѣ свои чудотворную икону Пресв. Богородицы, уже написалъ Петръ митрополитъ, а Троицкій келарь Авраміи взявъ образъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, и принесоша предъ Государыню» (*Сказ. Аврамія*, стр. 297). — «А окрестъ церкви, по всему монастырю и за монастырь, все православное Христіанство всея Русскія земли, съ женами и съ дѣтьми, великій плачь и рыдательный гласъ, и вопль многъ испущаху, и отъ горести сердца, и отъ многого стѣнованія жены ссущихъ своихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху (Утверж. Грамата, *Собр. Гос. Грам.* т. I, стр. 627).

¹¹ «И молили, и били челомъ, съ 3-го часа дни до девятаго часа»,

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа поверглась предъ святыми иконами, и изрекла согласіе. Михайлъ еще ужасался. «Кто противъ воли Бога!» говорила ему Марѳа. «Единородный, возлюбленный сынъ мой, свѣтъ очей моихъ, повинуйся волѣ Его!» — Михайлъ еще умолялъ ее. «Нѣтъ!» отвѣчала пнокиня: «се дѣло Божіе, не человѣческій разумъ! Не смѣю противиться.» Безмолвно плакалъ Михайлъ; всѣ молчали; онъ упалъ на колѣни передъ образомъ Богоматери: «Боже великій! говорилъ онъ, «твоя есть воля; я рабъ твой, спаси и соблюди меня!» Онъ возсталъ, обратился къ посламъ и собранію, и сказалъ имъ: «*Если такова воля Божія, да будетъ тако!*» Съ радостнымъ восклицаніемъ, всѣ поверглись передъ нимъ. «Слава Богу, слава Богу!» слышны были восклицанія извнѣ храма. Марѳа взяла за руку сына, снова подвела его къ образу Богоматери, и сказала: «Тебѣ, мать Божія, предаю чадо мое: яко-же хощеша, тако устрой ему, и сотвори полезная всему Христіанству!»¹² Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго Царя;

слѣдственно съ половины 9-го часа по полуночи до 3-хъ часовъ по-полудни. Слова Ѳеодорита въ подлинникъ: «И того всего взыщеть Богъ въ день страшнаго и праведнаго Суда, на васъ, на тебѣ, великой старецъ инокъ, и на сынъ твой» (Собр. Г. Г. т. III, стр. 44, т. I, 628).

¹² Глаголаше сыну своему: «Божіе есть дѣло, а не человѣческій разумъ.....» Вел. Государь, Царь и В. К. Михайло Ѳеодоровичъ, со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ, глагола: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый, и челоуколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! Аще угодна сія твоему челоуколюбію, Владыко! буди твоя святая воля, твой есмь рабъ; спаси мя по милости твоей, и соблюди по множеству щедротъ твоихъ, на тя-бо уповахомъ, спаси мя! И потомъ глагола къ Преосвящ. Архіепископу Ѳеодориту, и всему вселенскому Собору, и Болгаромъ, и всякимъ людемъ: «*аще на то будетъ воля Божія, буди тако!*» (Собр. Г. Г. т. I, стр. 630). — «Благовѣрная Государ. инока Марѳа Ивановна многія слезы предъ образомъ Пречистыя излія, и вземлетъ благороднаго сына своего, Благовѣрн. и Благочест. Вел. Госуд. М. Ѳ., предъ всеми со слезами рече: «Се, тебѣ отъ Бога, Мати Пресв. Богородица, и въ твои Пречистыя руки, Владычице, чадо мое предаю; и яко-же

возложили на Михаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста, и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебень и провозгласили многолѣтіе *Царю Михаилу*. Сидя на тронѣ своемъ, юный Царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа, оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ велелѣпії изъ храма Божіаго и шелъ въ келліи, гдѣ обиталъ, уже облеченный великолѣпными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и боярѣ постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Θεодоровскіа Богоматери въ 14-й день Марта, — день принятія Михаиломъ престола царскаго ¹³.

хощеши, устрой ему полезная, и всему православному Христіанству. (Сказ. Аврамій, стр. 298). — Образъ, предъ которымъ пронесены были слова снѣ, донынѣ хранится въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевского монастыря, надъ Царскими вратами. (Отеч. Записки, т. I, стр. 19.)

¹³ Келліи, гдѣ обиталъ Михаилъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, отчасти сохранились еще донынѣ; показываютъ даже ворота, конми будто-бы выходилъ изъ монастыря Михаилъ; но башня, въ которой онъ находится, построена въ новой оградѣ, сооруженной по повелѣнію Михаила, въ прибавокъ къ старой оградѣ, уже въ 1642 году. Образъ *Θеодоровскіа Богоматери* находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ. По преданію, онъ былъ до нашествія Монголовъ въ Городицъ, запрестольнымъ, и потомъ явился въ Костромѣ въ 1239 г. на рѣкѣ Запруднѣ, куда обращенъ вынѣ алтарь собора, на западъ — единственный примѣръ въ Россіи, ибо строгій Уставъ повелѣваетъ обращать алтари нашихъ храмовъ на востокъ. До 1613 г. праздновали въ Костромѣ день явленія образа 16 Августа; но въ 1613 г. перемѣнили день праздника, соединивъ его съ днемъ принятія Россійскаго престола Михаиломъ. Усердіе Христіанское, привлекающее донынѣ въ Кострому множество богомольцевъ, украсило Св. образъ золотою ризою въ 20 ф. и серебрянымъ окладомъ и ручкою въ 35 ф., со многими драгоценными камнями и жемчугомъ. Михаилъ прислалъ потомъ въ Ипатьевскій монастырь *царское мѣсто*, рѣзное изъ липы. Оно было разобрано въ 1658 г. при перестройкѣ церкви, и лежало въ кладовой монастырской до 1767 г., когда проѣзжала чрезъ Кострому Екатерина II; въ это время его отыскали, устроили вновь, и Императрица слушала обѣдню, стоя на немъ. Въ память сего вырѣзали на мѣстѣ вензель Екатерины. Михаилъ обогащалъ многими вклады и дарами Ипатьевскую обитель: кромѣ новой прибавочной ограды, онъ прислалъ, со-

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24 Марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Ѳеодорита, пѣли молебень и благословляли новаго Царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось обще¹⁴.

Марта 19, сопровождаемый духовенствомъ, присланными отъ Земскаго Совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь дви-

хновенный донынѣ, три Шведскія золотыя монеты къ образу Св. Троицы, въ память Столбовскаго мира; повелѣлъ быть въ монастырѣ архимандриту, вмѣсто игумена, и дарилъ деревнями и имѣніями, такъ, что при щедрости его предшественниковъ и преемниковъ, за сею общелью считалось болѣе 11,000 крестьянъ. (*Опис. Костром. Ипатьев. Монаст.* М. 1832 г. и *Ист. Росс. Иерархій*, т. II, стр. 632, и слѣд.)¹⁵ Въ Костромской соборъ присланы были отъ Михаила 4 напрестольные серебряные креста и 1 золотой, 8 Евангелій, обложенныхъ серебромъ, *раскы*, или серьги, къ образу Ѳеодоровскія Богоматери, изъ драгоценныхъ камней и жемчугу, множество ризъ на другіе образы. Причетъ собора сравняли жалованьемъ (*ругою*) противъ дворцовыхъ соборовъ, опредѣлявъ въ годъ: протопопу 22 р. 50 к. деньгами, 14 полостей мяса, 10 п. соли, 30 четв. ржи, 16 чет. овса, 10 чет. солоду ячмаго, 10 четв. муки пшеничной; попомъ по 12 рублей, дьяконамъ по 10 р., понамарамъ по 1 р., и по соразмѣрности соль и припасы. Повелѣно было сверхъ того имѣть въ соборѣ навѣки *неугасимую свѣчу*, на что велѣно отпускать ежегодно 7 пудъ воску, 12 ф. ладану и ведро церковнаго вина; во время церковныхъ ходовъ вѣстмъ священникамъ Костромскимъ приказано являться въ соборъ, а воеводамъ отряжать полки пушкарей и стрѣльцовъ, «для почести и охраненія». Ежегодно два раза ѣздили въ Москву изъ Костромскаго собора съ святою водою къ Царю, и зимою двѣ, а лѣтомъ три подводы отпущались для сего изъ казны. Цари Алексій, Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ подтверждали распоряженія своего предка, и не щадили даровъ соборному Костромскому храму.

¹⁴ *Собр. Г. Г.* т. I, стр. 631, 632.

нулся въ срѣтеніе Царя. Здѣсь ожидали Михаила присланные изъ Москвы: — архіепископъ Суздальскій Герасимъ, бояре Князь И. М. Воротынскій и В. П. Морозовъ, окольнічій Князь Даніилъ Мезецкій. Ударивъ челомъ, они звали Царя въ Москву, и составили совѣтъ его ¹⁵.

Марта 23 Михаилъ отправилъ въ Москву первую свою грамоту. «Вы избрали меня», говорилъ Царь Земскому Совѣту и народу: «всѣ вы цѣловали мнѣ крестъ радостными душами, и прислали молить меня умилиться надъ остаткомъ рода Христіанскаго, и многорасхищенное православное Христіанство и всѣхъ людей, собравъ воедино, пріять подъ свою царскую высокую руку. Помните же, что на то было ваше избраніе и судъ Божій, а не мое хотѣніе. Стойте же на томъ, на чемъ вы крестъ цѣловали и души свои дали; стойте въ крѣпости разума своего, служите и прямите намъ безъ всякаго *позыбанія*. Никого изъ воровъ самозванцевъ отнынѣ не называйте царскимъ именемъ, и не служите имъ; грабежей и убійствъ не производите ни въ Москвѣ, ни въ городахъ, ни по дорогамъ. Будьте всѣ въ любви и соединеніи. За службу и правду мы будемъ васъ жаловать.» Но ласковыя слова Царя сопровождались и горькимъ напоминаніемъ измѣны прежнимъ Царямъ. То же писала отъ себя Марѳа, извѣщая о скоромъ прибытіи своемъ и Михаила въ Москву. «Я положила на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; но помните, что не я, и не сынъ мой хотѣли царства, но вы избрали его, и я не могла противиться слезному вашему моленію ¹⁶.»

Въ Ярославлѣ ждали Михаила не только восторгъ и радость народа, но и заботы великаго призванія его.

¹⁵ Лпт. о мят. стр. 275; Голыковъ, т. II, стр. 375; Сказ. Асра-мил. стр. 299.

¹⁶ Собр. Г. Г. т. III, № 41 и 12.

Надобно было поспѣшно оградить отчизну отъ враговъ. Князь С. В. Прозоровскій и Леонтій Вельяминовъ немедленно отправлены съ дружинами защищать Тихвинъ отъ Шведовъ и не допускать ихъ ити изъ Новгорода. Въ Москву посланъ былъ указъ отрядить войско на Заруцкаго, который, съ толпами мятежниковъ и Мариною, шелъ къ Воронежу, ограбивъ Украинскіе города. Исполняя велѣніе Царя, Земскій Совѣтъ приказалъ двинуться дружинамъ изъ Суздаля съ Княземъ Романомъ Пожарскимъ, изъ Тулы съ Княземъ Григорьемъ Тюфякинымъ, изъ Владиміра съ Иваномъ Измайловымъ, изъ Рязани съ Мирномъ Вельяминовымъ ¹⁷.

Путь Михаила изъ Ярославля до Москвы продолжался болѣе двухъ недѣль. Царь покланялся въ Ростовъ и Переяславль Св. Мощамъ, посѣщалъ монастыри, и прожилъ Свѣтлую недѣлю въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ Діонисій и Аврамій насладились наконецъ зрѣлищемъ законнаго, православнаго Царя, и за вратами обители привѣтствовали будущую надежду спасенія отечества. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу Государю, и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, кроткаго, юнаго властителя Русской земли. Въ селѣ Братовщинѣ благословилъ его митрополитъ Кириллъ, и ударилъ ему челомъ Князь Иванъ Воротынскій, со множествомъ другихъ сановниковъ. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью, предшествовали Михаилу, и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать Царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости, и громко благословляющимъ Царя. Преклонясь предъ святынею Успенска-

¹⁷ *Лѣт. о мѣст.* стр. 375, 276

го собора и поклоняясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе Кремлевскіе чертоги: Марѳа благословила его, и удалилась на житіе въ Вознесенскій монастырь ¹⁸.

При торжествахъ общественныхъ, все сливается въ одномъ чувствѣ радости. Страсти не смѣютъ выставить безобразныхъ личинъ своихъ. Крамола молчитъ при общихъ кликахъ народа. Но не такъ бываетъ, когда проходятъ минуты общественного восторга, и тѣмъ страшнѣе является тогда сущность.

Царь былъ теперь въ древнихъ Кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; предъ нимъ смиренно ударилъ челою сонмъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопищами Заруцкаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ Шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ

Обширныя Русскія области находились еще во власти непріятелей; близъ самой почти Москвы таи-

¹⁸ Лѣт. о мѣст. стр. 276; Сказ. Аврамія, стр. 300, и слѣд. — Михаилу былъ тогда 17-й годъ, ибо онъ родился въ 1596 Іюля 12. Кроткій, тихій, благочестивый, съ младенчества испытанный несчастіемъ, столько разъ подверженный опасностямъ смерти, привыкшій къ жизни монастырской и повиновенію инокинь матери, Михаилъ былъ весьма благообразенъ. Судя по портрету, какой находимъ у Олсarıя, онъ былъ небольшого роста, довольно тученъ, глаза его были большіе, умные, борода (впослѣдствіи) густая, но не большая. Въ Архангельскомъ соборѣ, противъ гроба его, находится огромная доска, на которой изображены во весь ростъ онъ и сынъ его, Царь Алексій. Къ сожалѣнію, по причинѣ ветхости, невозможно разобрать ничего въ этихъ портретахъ, вѣроятно, современныхъ. Но мы съ удовольствіемъ можемъ извѣстить, что истинный покровитель и любитель отечественныхъ древностей, преосвященный митрополитъ Московскій, Филаретъ, принявъ уже мѣры для возобновленія сей драгоценности. Вскорѣ, съ наслажденіемъ надѣемся мы узнать настоящее изображеніе предка благословеннаго Дома Романовыхъ.

лись города, преданные измѣнѣ, другіе мятежу и безначалію. Заруцкій, кромѣ отчаянія, страшилъ многочисленною толпою сообщниковъ. Тысячи Литовцевъ, Казаковъ и Русскихъ измѣнниковъ были разсыяны повсюду. Малороссіи, Донъ, Яикъ готовы были, какъ прежде, подкрѣпить новое злодѣйство, изъ добычи. Опытные вожди Польши и Швеціи могли двинуться по первому слову своихъ повелителей, вожди опытные, суровые — Жолкевскій, Хоткевичъ Делагарди. Въ Польшѣ властвовалъ фанатикъ Сигизмундъ, думавшій исполнять предназначеніе судьбы, продолжая войну противъ Русской земли, жаждавшій мщенія за тронъ Русскій, столь неожиданно вырванный изъ рукъ его, — и къмъ? — толпою разнородныхъ дружинъ, вождями, несогласными ни въ дѣйствіи, ни въ планѣ. Только внутреннія смятенія и неурядица останавливали Сигизмунда. Швеція, съ ея бодрымъ, юнымъ, храбрымъ до безразсудства внукомъ Густава Вазы, была еще страшнѣе. Король ея успѣлъ уже доказать Даніи воинскій геній свой и любовь къ себѣ народа. Заключивъ выгодный миръ, купленный побѣдами, Густавъ Адольфъ могъ обратить оружіе на Русь, и въ нѣсколько дней стать близъ Москвы¹⁹. Народъ радовался Михаилу; но если въ самомъ дѣлѣ онъ измалодушничался, какъ говорила мать Михаила, привыкъ къ перемѣнамъ, къ буйству страстей, то любовь его можно было удержать только сильнымъ, крѣпкимъ царствованіемъ, благоден-

¹⁹ Вспомнимъ слова Сигизмунда, въ грамотахъ, гдѣ онъ называлъ освободителей Москвы «*ворами, измѣнниками, Московскими мужиками.*» Далѣе увидимъ упорство Сигизмунда въ его предпріятіяхъ, и надежду покорить вновь Россію. Густавъ Адольфъ вступилъ на Шведскій престолъ въ Ноябрь 1611 года; ему было тогда семнадцать лѣтъ отъ роду, и онъ уже славился битвами противъ Датчанъ, горделиво объявилъ, что будетъ продолжать войну, начатую вдругъ съ Датчанами, Поляками, Русскими, и принудилъ Данію заключить невыгодный для нея миръ, въ Январѣ 1613 года.

ствіемъ внутреннимъ, побѣдами извнѣ. А гдѣ было царское войско? гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи, бремя правленія падало на Царя, едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружавшихъ его: ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтники?

Совѣтъ Царя представлялъ странное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, пережившихъ пять Царей въ страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе-ли изъ нихъ не были еще запятнаны измѣною, или вѣроломствомъ, малодушіемъ *? Своевольство въ Совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ передъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной, были общимъ уделомъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возвращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своевольству, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ Совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ **.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освящавшимъ гла-

* Здѣсь слѣдуетъ краткая характеристика царедворцевъ и вельможъ Михайловыхъ, которую мы выпускаемъ.

** Въ грамотѣ Земскаго Совѣта къ Королю Польскому: «Великія Россійскія Державы, Московскаго Государства, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный Соборъ, и бояре, окольничіе,» и проч. — Въ грамотѣ отъ Декабря 1614 г. говорится: «Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя М. Ѳ. всея Русіи Самодержца, Его Ц. В. митрополиты, архіепископы, епископы, и весь духовный чинъ, и мы, бояре, окольничіе, и дворяне, и всѣ Е. Ц. В. думные люди,» и проч. (Собр. Г. Г. т. III, стр. 146).

ву избраннаго Царя въ глазахъ его подданныхъ ²¹. Еще прежде сего торжества, избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной граматы: «да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ.» Предложеніе объ этомъ учинено было въ Земскомъ Совѣтѣ духовенствомъ, Апрѣля 14 дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой Лаврѣ. Общій кликъ собранія: «Благословенъ Богомъ глаголь вашъ, святители, пастухи душъ нашихъ! Да будетъ тако, да будетъ тако!» былъ отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамату; сочинили ее со всею роскошью Риторики; переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ Земскомъ Совѣтѣ, и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе Русскихъ Царей отъ Августа Цесаря; потомъ содержало въ себѣ краткую исторію Русскихъ Князей. Съ честью упоминаемая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія Царевича; всю вину послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагали на «богоотступника, проклятаго еретика и чернокнижника, Отрепьева,» на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Федора Андропова. Подробно излагали наконецъ избраніе Михаила; отрицаніе его и матери отъ престола; согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и она виновны предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамата заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги Царю Михаилу ²².

²¹ Лѣт. о мѣт. стр. 276, 277.

²² Любопытный актъ сей (Собр. Г. Г. т. I, № 203), хранящійся въ Госуд. Архивѣ, составляетъ въ подлинникѣ огромный столбецъ, изъ девяти, прилеженныхъ одинъ къ другому листовъ alexandрійской бумаги; начало его и имя Михаила, повсюду, гдѣ онъ находится, писаны золотомъ. Впрочемъ, актъ сей весьма ветхъ; изъ девяти печатей осталось на немъ только три; его подписали: три митрополита (Ефремъ Казанскій, Кириллъ Ростовскій, Иона Сарскій и Подовскій),

Грамата сія важна по многимъ отношеніямъ, — самому предложенію объ ней духовенства, уклончивости, съ какою изложено было въ ней многое. Имя *Козьмы Минина* упоминалось въ ней на ряду съ именами Трубецкаго и Пожарскаго, какъ имя избраннаго отъ всея земли Русскія человека. Наконецъ, ее подписали безъ мѣстъ, и вмѣстѣ съ другими, бояре: Князь Алексій Сицкій, Борисъ Салтыковъ, Князь Пожарскій, Князь Григорій Ромодановскій, Князь Иванъ Хованскій, Князь Иванъ Черкасскій. Но Борисъ Салтыковъ утвержденъ былъ бояриномъ только въ

три архіепископа, два епископа, архимандриты, игумены, бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, дворяне, и депутаты городовъ Тулы, Брянска, Калуги, Курска, Вязьмы, Малоярославца, Козельска, Серпейска, Казани, Козлова, Мценска, Твери, Царево-Санчурска, Козьмо-Демьянска, Владиміра, Коломны, Зарайска, Рязани, Рыльска, Устюжны, Черни, Мѣшкова, Новосила, Арзамаса, Торжка, Переяслава - Рязанскаго, Оскола, Бѣгорода, Кадома, Серпухова, Алексина, Ярославля, Бѣжецка, Перемышля, Кашина, Романова, Ростова, Одоева, Осташкова, Шацка, Нижняго Новгорода, Вологды, Ливенъ, и депутаты Вятки, Соловковъ и Двинянъ. Тутъ видѣвъ подписи Аврамія Палицына, Трубецкаго, Пожарскаго (онъ подписался за себя и за безграмотнаго Князя Ивана Авд. Хованскаго). Минина подписи нѣтъ. Объ немъ говорится такъ: «По милости Божіей, собрався въ городахъ, бояринъ Князь Д. Т. Трубецкой, да стольникъ и воевода Князь Д. М. Пожарскій, да отъ всего Московскаго Государства выборный человекъ Козьма Мининъ,» и проч. Подвигъ и имя Трубецкаго всюду поставлены впереди. — Начало грамоты: «Великаго Господа, Бога Отца, и всесильнаго, вся содержащаго, пребывающаго во свѣтъ неприступнаго, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велезпной и святой славы величества своего, сѣдѣщаго на престолѣ Херувимствѣ, съ превѣчнымъ и едиnorodнымъ своимъ Сыномъ, Господомъ нашимъ І. Х., и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ, имъ-же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, равнобожественныя и равночестныя, и равноспрестольныя, и равносильныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприисносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ трехъ составѣхъ. Единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, непреодолимаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ-же Царіе царствуютъ и величїемъ величаются, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ не-

Декабрь 1613 года; Черкасскій и Пожарскій утверждены въ самый день коронованія, въ Іюль мѣсяцъ; Хованскій и Сицкій въ 1615, а Ромодановскій въ 1616 году²³.

Не показываетъ ли это, что Михаилъ, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, *объявилъ* боярское достоинство людямъ всѣхъ партій, и, въ непростывшихъ тогда восторгахъ согласія, пожалованные подписывались достоинствами, какихъ еще не *утвердили* за ними? Крамола закипѣла вскорѣ послѣ того: она умѣла унижить Минина, Пожарскаго и другихъ спо-

сущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами исчисляется, и т. д. Въ концѣ слѣдуетъ: «А кто убо не похощетъ послушати сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати инако, и молву въ людѣхъ чинити, таковой, аще отъ священныхъ чина, и отъ бояръ царскихъ сгнклитъ, и воинственныхъ, или инъ кто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чинѣ ни буди, по священнымъ правиламъ Св. Апостолъ, и вселенскихъ седьми Соборовъ святыхъ отецъ, и по мѣстнымъ, и по Соборному Уложению всего освященнаго Собора, чина своего извержень будетъ, и отъ Церкви Божіей отлучень, и Св. Христовыхъ Таинъ приобщенія, яко раскольникъ, Церкви Божіей и всего православнаго Христіанства мятежникъ, и разоритель закова Божіаго; а по царскимъ законамъ мѣсть воспріиметь; и нашего смиренія, и всего освященнаго Собора не буди на немъ благословеніе отыинъ и до вѣка.» Положено было: «избрать мѣсто и сохранно положить сію утвержденную грамату, да будетъ твердо и вѣнрушнню въ предъидуція лѣта, и не преидетъ черта, или іота едина отъ написанныхъ въ ней ничего же.»

²³ Послужной списокъ, *Визіовика* Новикова, т. XX, стр. 86, и слѣд. — По *мѣстамъ* считались боярами, въ 1613 году слѣдующимъ порядкомъ: Ѳ. И. Мстиславскій, А. П. Куракинъ, И. М. Воротынскій, И. И. Шуѣскій, А. В. Трубецкой, В. В. Голицынъ, М. М. Годуновъ, И. В. Голицынъ, Ѳ. М. Шереметевъ, И. С. Куракинъ, И. Н. Романовъ, А. Н. Нагой, М. А. Нагой, И. Н. Одоевскій, Б. М. Лыковъ, В. Т. Долгорукій, М. Б. Шенъ, В. И. Бахтеяровъ-Ростовскій, В. П. Морозовъ, Д. Т. Трубецкой. Но утвержденную грамату подписали, именую себя *боярами*, въ слѣд. порядкъ: Ѳ. Мстиславскій, И. Голицынъ, *А. Сицкій*, И. Воротынскій, Ѳ. Шереметевъ, И. Одоевскій, Д. Трубецкой, А. Куракинъ, *Б. Салтыковъ*, *Д. Пожарскій*, И. Куракинъ, В. Морозовъ, *Г. Ромодановскій*, *И. Хованскій*, *И. Черкасскій*, И. Романовъ; *Бахтеяровъ-Ростовскій* подписалъ даже послѣ двухъ Окольныхихъ: *Арт. Измайлова* и *Князя Дан. Мезецкаго*.

движниковъ ихъ; дозволила преимущество только Черкасскому, по родству его съ Михаиломъ, но за то возвысила Салтыковыхъ на зло всѣмъ ²⁴. Земскій Совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты: Михаилъ царствовалъ.

Юля 11, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, назначили его коронованіе. Государь указалъ въ сей день *быть безъ мѣстъ*. Наканунъ, во всѣхъ церквахъ столицы служили всеобщую и пѣли молебны чудотворцу Сергію ²⁵. Утромъ, въ Золотой Палатѣ собрались бояре; дворецъ наполнился чиновниками и воинскими людьми, Кремль войскомъ и народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ приготовили *великое мѣсто*, или царскій чертогъ, о двѣнадцати ступеняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, и

²⁴ Известны въ послѣдствіи несчастная судьба Шенна, Арт. Измайлова, Аврамія, Діонисія, удаленіе Трубецкаго, изгнаніе другихъ. *Борисъ Салтыковъ* показанъ въ Спискѣ 1613 г. *окольными* и *дворецкими*; брать его Михайло *крайчимъ*. Они были дѣти *Михайла Игнатьевича*, внука Михайла Морозова, прозваннаго *Салтыкъ*, родоначальника *Салтыковыхъ*. Другой сынъ Михайла Салтыка былъ Иванъ, отецъ *Гльба*, и дѣдъ чудовища *Михаила Гльбовича Салтыкова-Морозова-Криваго*, который изъ Тушина бѣжалъ къ Жолкевскому, первый зажегъ свой домъ въ Москвѣ, 19 Марта 1611, былъ душею всѣхъ злодѣйствъ, укрылся въ Польшу, билъ челомъ Владиславу, не смѣлъ воротиться въ Россію, и умеръ на чужбинѣ злодѣемъ отечества, ослабленный измѣною во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и грамотахъ. Выходитъ, что Борисъ и Михайло были его *троюродные* братья. И на зло другимъ, *Борису* — *выданъ* былъ головою *Пожарскій*, когда въ *Декабрѣ 1613* отказался объявить пожалованное ему боярство. Такъ дѣйствовала дворская крамола. Впрочемъ, внукамъ измѣнника Михайла Гльбовича объявлено было прощеніе въ послѣдствіи, и одинъ изъ нихъ, *Федоръ Петровичъ*, сдѣлался сильнымъ царедворцемъ на его дочери женился въ 1684 Царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

²⁵ Въ описаніи коронованія Михаила слѣдуемъ *Чину Вѣнчанія* (Собр. Г. Г. т. III, № 16), который хранится въ Госуд. Архивѣ. Изъ него, вмѣстѣ съ Выпискою объ избраніи Михаила, составлена была особая *Государственная Книга*; она вся написана красивою скорописью, въ листъ, на лощеной бумагѣ, съ золотымъ заглавіемъ въ началѣ, и сохраняется въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ, съ серебряными застѣжками.

на немъ поставили Персидскій малый престолъ для Царя и стулъ для митрополита. Соборъ устлали парчами и бархатами. Митрополитъ Еѳремъ пришелъ въ соборъ съ духовенствомъ; Царь вышелъ въ Золотую Палату. Князь Пожарскій и казначей Траханіотовъ принесли *царскій шнъ* — вѣнецъ, державу, скипетръ, наперсный крестъ. Михаилъ приложился ко кресту. Духовникъ царскій благоговѣнно понесъ послѣ сего въ соборъ крестъ; его провожалъ бояринъ Морозовъ; скипетръ понесъ Пожарскій, державу Траханіотовъ, вѣнецъ Иванъ Никитичъ Романовъ. Зазвонили во всѣ Кремлевскіе колокола. Митрополитъ Кириллъ принялъ регалии въ Успенскомъ соборѣ; митрополитъ Еѳремъ положилъ ихъ на налой предъ царскими вратами храма. Царь выступилъ изъ палатъ; Бояринъ Морозовъ шелъ передъ нимъ; окольничіе и десять стольниковъ сопровождали его. Народу приказано было соблюдать благоговѣнное молчаніе. Стрѣльцы стерегли, чтобы никто не перешелъ дороги Царю. Михаилъ остановился въ соборѣ у патріаршаго мѣста; начали молебнъ. Между-тѣмъ, окольничіе и стольники ходили по церкви, «и устанавливали народъ, чтобы стоялъ со всякимъ молчаніемъ, кротостію, цѣломудріемъ и вниманіемъ.» Потомъ два архимандрита съ двумя ключарями и двумя діаконами, говорили народу, ходя по церкви: «стоять со страхомъ и трепетомъ; молить Бога, Богоматерь, святыхъ Чудотворцевъ и всѣхъ Святыхъ за Царя, — да совершитъ его Господь царскимъ вѣнчаніемъ, умножить лѣта живота его, и устроить царство его мирно и вѣчно въ родъ и родъ.»

Среди глубокой тишины, митрополитъ Еѳремъ возвелъ Царя на *великое мѣсто*, и Михаилъ говорилъ ему, что волею Бога Царь Ѣеодоръ «безчаденъ оставилъ земное царство,» а избранные потомъ Цари, Бо-

рисъ скончался, а Василій отъ царства отрекся. И нынѣ вы, богомольцы наши, митрополиты, архіепископы, епископы, весь освященный Соборъ, бояре, дворяне, приказные люди, дѣти боярскіе, атаманы, казаки, гости, служилые, жилецкіе люди, всенародное множество всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царства, избрали въ Цари насъ, Михаила. По Божіей милости и по данной вамъ благодати Святаго Духа, по вашему и всякихъ чиновъ всего Московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ и діадимою, по прежнему царскому чину и достоянію.»

Митрополитъ отвѣчалъ Царю: распространился въ отвѣтъ своемъ о бѣдствіяхъ и спасеніи отечества, упомянулъ о предстоящемъ священномъ обрядѣ, и заключилъ желаніемъ: «Да умножитъ Богъ лѣта царствія Царя Михаила; положитъ на главъ его вѣнецъ отъ камени честна, даруетъ ему долготу дней, дастъ въ десницу скипетръ царствія, посадитъ на престолъ правды, оградитъ всеоружествомъ святаго Духа, утвердитъ мышцу его, и покоритъ ему вся языки, хотящіе браней. Да всѣетъ тебѣ Богъ въ сердце твое страхъ свой и милость къ послушнымъ,» продолжалъ архипастырь: «соблюдетъ тебя въ Вѣрь, и покажетъ опасна хранителя Православной Церкви; да судишь ты люди твоя правдою и нищіе твоя судомъ истиннымъ; да возсіяетъ во днѣхъ твоихъ правда и множество мира; да тихо и безмолвно здѣсь поживешь, въ чистотѣ и благочестіи, добре и благоугодно, и наслѣдникъ будешь Небеснаго Царствія, со всѣми православными Царями! Пріими же, Государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, вѣнецъ царствія на главу свою, вѣнецъ, его-же взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ предокъ твой, Владиміръ Мономахъ; да процвѣтетъ

намъ отъ вашего царскаго, прекрасно - цвѣтущаго корени пресвѣтлая и прекрасная вѣтвь, въ надежду и наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Россійскаго царства!»

Митрополитъ возложилъ на Царя крестъ Мономаховъ, прочелъ молитву, положи руки на его голову, облекъ его въ бармы, возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ, отвелъ его на царское мѣсто, и преклонился предъ нимъ. Царь сѣлъ на тронъ, принялъ скипетръ и державу. Съ восторгомъ слышали присутствующіе многолѣтне — «Боговѣнчанному и поставленному Царю Михаилу.» Всѣ сановники и духовенство подходили поздравлять его, и митрополитъ Ефремъ произнесъ поученіе новопоставленному властителю земли Русскія. «Вѣдай,» говорилъ онъ, «вѣдай, Царь великій Михаилъ Ѳеодоровичъ, яко отъ Бога дается Царямъ держава, и отъ Вышняго сила. Богъ возноситъ васъ, Царей, на престолы, и полагаетъ у васъ милость и животъ. Пріять правленіе, не токмо о своихъ, о себѣ, о своемъ житіи подобаетъ пещись Царямъ, но все ими обладаемое спасать, и соблюдать стадо свое отъ волковъ неврединю, бояться наказующаго серпа небснаго, и не давать воли злоторящимъ, погубляющимъ душу съ тѣломъ. Какъ, не сущу на земли солнцу, все темно и не разумно, такъ не сущу въ душѣ наказанію все размѣшено бываетъ. Отъ всего стяжанія на землѣ едина добродѣтель безсмертна. Не приеми же, Государь, языка лстива и слуха суетна, не вѣрь злему, не слушай оболгателя. Смотри въ самого себя, Царь боговѣнчанный! Мудрость всего честнѣе и тщательнѣе, и подобаетъ тебѣ мудрымъ быть или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не блага міра сего, но добродѣтель украшаетъ Царей. Не презирай низшихъ тебя: надъ самимъ тобою есть Царь; и если онъ о всѣхъ печется,

ты ли о комъ нибудь нерадѣть будешь! Возмогай же, Государь, возмогай: да когда прїидеть часть суда твоего, ты можешь безбоязненно стать предъ Господомъ и сказать смѣло: Се я, Господи, и люди твои, которыхъ далъ мнѣ ты!—сказать, и услышать гласъ Царя и Бога твоего: Благій рабе, Царю Россійскій Михаиле! въ малѣ былъ ты мнѣ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю ²⁶!... Когда послѣ сего, благословляя Царя

²⁶ Сокращая подробности обрядовъ и рѣчи, произнесенной при обрядѣ коронованія, мы старались не измѣнять характеристическихъ отличій времени. Краснорѣчивое утѣшаніе митрополита Еврема, въ подлинникъ имѣетъ неизъяснимую прелесть простоты. Представляемъ примѣры: «О Святомъ Дусѣ, Господинѣ и возлюбленный сынѣ Св. Церкви и нашего смиренія, Царь и Вел. Князь М. Ѳ., всея Русіи Самодержецъ! Се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси Благотворный Царь и Вел. Князь, правити хоругви и содержати скипетра великаго Царства Россійскаго, и вѣнчанъ еси царскимъ вѣнцомъ.... Слышните же, Царіе и Князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ и сила отъ Вышняго. Васъ бо Господь Богъ въ свое мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ; вамъ же подобаетъ, прїемше отъ Вышняго повелѣнія, правленія ради человѣческаго рода, православнымъ Царямъ, не токмо о своихъ пещись, и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти, и соблюдати стадо Его отъ волковъ неврединю, боятися серпа небснаго, и не давати воли злоторящимъ челоуѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющихъ. Якоже бо солнцу на земли не сушу, темно все суть и неразумно, сице и наказанію души не сушу, размышено все; едина бо точію добродѣтель отъ стяжанія безсмертна суть.... Языка лстива и суетна не прїемли, Царю, ниже обогатителя слушай, ни злымъ челоуѣкомъ вѣру емише. Смотриай въ себя, о боговѣнчанный Царю! Яко всемъ челоуѣкомъ мудрость честивѣйша есть, и всемъ тщательнѣйша есть, вси-бо ту, яко благу, похваляютъ. И любомудру ти быти подобаетъ, или мудрымъ посѣдовати, на вѣдѣше воистину, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не тако красна вся міра, якоже бо добродѣтель красить Царя; но зри доброту духовную и раздавай саны туне, а не на дарѣхъ продавай власти: яже-бо цѣною купивый власть, множае паче обладаемая купуетъ, яко мздовоздаянію надѣяся ко мздопрїятію безъ боязни зрѣти. Аще и не приступенъ еси, Царю, нижняго ради царства, но удобъ-приступенъ будъ, горнія ради власти: вмаши и самъ Царя, иже есть на небсѣхъ; аще-бо Онъ всми печется, яко Богъ, сице потребно и тебѣ, Царю, ни чтоже презирати.... Аще хочещи милости себѣ имѣти небснаго Царя и Бога, милостивъ буди и ты, Царю, ко всемъ, да издѣ добръ благо поживеши, и царствуеши во вѣки вѣковъ добрымъ царскимъ

животворящимъ крестомъ, владыка громко возвысилъ молитву — «Да умножить Господь лѣта царствія Царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами, и устроится царство его и потомковъ его, мирно и вѣчно!» — растроганные зрители святаго обряда громко воскликнули: «Оно будетъ, оно будетъ многолѣтно!»

Царь слушалъ литургію въ царскомъ слѣпъ. По парчамъ и бархатамъ подошелъ Михаилъ къ святому Миропомазанію. Вънецъ держалъ тогда дядя его, Иванъ Никитичъ, скипетръ Князь Трубецкой, державу Князь Пожарскій. По окончаніи литургіи, Царь звалъ къ себѣ митрополита и духовныхъ *хлѣба пѣсти*, и вышелъ изъ храма южными дверьми. Здѣсь, на крыльцѣ, осыпалъ его по-трижды золотыми и серебряными деньгами бояринъ Мстиславскій, а также при выходѣ изъ Архангельскаго собора и изъ Благовѣщенскаго собора ко дворцу. Народъ ликовалъ, взирая на Царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго величія²⁷. Покрышка царскаго чертога въ Успен-

слухомъ здѣ, и тамо славою со Ангелы Божиими.... О Благочестивый Царю! о Христвъ, и паки возмогай, и паки возмогай, да послѣдникъ будеша Небеснаго Царствія со всѣми святыми православными Царя; да возможеша со дерзновеніемъ рещи и во второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего І. Христа: «Се азъ, Господи, и людіе Твои, ихъ-же ми далъ еси, великаго Твоего царства Россійскаго!» И тогда, о благочестивый и боговѣнчанный Царю, и самъ услышиши сладкій оный гласъ небеснаго Цря и Бога: «Благій мой рабе, добрый, верный Россійскій Царю Михаиле! о малъ ми бысть вѣренъ, надъ многими ты поставлю!».... Передъ этою рѣчью, если только мы не увлекаемся въ нашемя мнѣніи, едва ли не помирается рѣчь Платона Императору Александру, почитаемая образцовою. А между тѣмъ, имя краснорѣчиваго архипастыря Ефрема едва извѣстно между духовными писателями Русскими! — Послѣ коронованія Михаила, онъ жилъ недолго, скончался въ Казани въ 1614 г., и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, находящемся въ Кремль Казанскомъ.

²⁷ «А въ Соборной церкви царскій путь подыша на то уготованные чиновики. А царское мѣсто весь народъ обойма, каждо что взя

скомъ соборѣ была разорвана народомъ; каждый хотѣлъ сохранить лоскутокъ на память. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревъ матери!» говорилъ народъ. «Не даромъ ненавиждѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхованію предузнавъ о будущей славы его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи.» Пиры, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня ²⁸....

на честь царскаго поставленія, oprичъ посланныхъ бархатовъ и камокъ, понеже бархаты и камки прежъ того, съ царскими и со святительскими мѣсты, подыаша»....

²⁸ «Пиру жъ зѣло честну и велику сотворяему, Царь, митрополитъ, и Епископы, и благородни, и вси людѣ веселы быша; и мнози честни дары отъ Царя изнесошася; нищии же, повелѣніемъ царскимъ и святительскимъ, довольно учережены быша.» — *Лѣт. о мятѣж.* стр. 277: «были столы у Государя по три дни.» — *Сказ. Аврамѣ,* стр. 304: «Не туне-бо Ц. Борисъ зѣло не любяше, негодуя и тяжке насилываше двумъ родамъ: не любяще рода *Князей Шуйскихъ*; злѣяше же того не любяше рода *Романовыхъ*, и гоняше ихъ. Глаголють-бо, яко волхвы и звѣздохотцы сказаша ему, яко отъ рода Романовыхъ возстати имать скипетродержецъ Россійскому государству; Царь же Борисъ умысли лукавая, яко да потребить родъ сей — по не тако убо Богъ творить, но яко-же хоцетъ: его-же возлюби и помилова, того и помаза, и Царя намъ дарова.»

Н. ПОЛЕВОЙ.

ГИББОНЪ, ШАТОБРИАНЪ и БОРКЪ.

=

Три человека, которыхъ имена стоятъ вверху этой страницы, озарили блескомъ свою эпоху, и наполнили полѣвка славою. Эти три человека присутствовали въ политическихъ засѣданіяхъ, возбуждали жаркую ненависть и пламенную дружбу, принимали участіе въ движеніи умственномъ и въ ходѣ вещественныхъ дѣлъ общества. Они переживутъ свою эпоху, одну изъ самыхъ бурныхъ эпохъ, самыхъ достойныхъ вниманія философовъ, самыхъ замѣчательныхъ, какія когда-либо являлись въ лѣтописяхъ міра. Всѣ трое были люди политическіе, но болѣе заботились о лаврахъ литературныхъ, о славѣ писателей.

Одинъ изъ нихъ, Эдуардъ Гиббонъ, не имѣлъ ни какого успѣха на политическомъ поприщѣ; но въ вознагражденіе за жалкую роль, которую игралъ онъ въ Англійскомъ Парламентѣ, потомство почтило его титуломъ князя историковъ осьмнадцатаго столѣтія. Второй, Г. Шатобрианъ, котораго исторія и философія упрекаютъ во многихъ несообразностяхъ, многихъ противорѣчій, многихъ преувеличеній, занялъ блестящее мѣсто въ числѣ государственныхъ мужей своего времени. Онъ никого не сдѣлалъ царемъ, подобно Варвику, но сильно содѣйствовалъ паденію монархіи Наполеона. Твердый столпъ всѣхъ обрушившихся партій, стоя одинъ посреди развалинъ, онъ льстилъ всѣмъ злополучіямъ, и благоговѣлъ даже передъ паденіями, приготовленными его же краснорѣчіемъ. Какъ бы о немъ ни судили, роль его всегда будетъ

самою блестящею, самою рыцарскою, самою безтолковою во всей Европейской драмѣ.

Эдмондъ Боркъ умѣлъ тѣснѣе соединить въ себѣ дарованія литератора, призваніе оратора, труды государственнаго мужа. Можетъ-быть, въ этихъ двухъ отношеніяхъ слава его прочнѣе славы Г. Шатобріана, но она никогда не будетъ столь громкою и лучезарною. Остановимъ взоры наши на этихъ трехъ чело­вѣ­кахъ, начавъ съ бѣднаго Гиббона, писателя удивительнаго, глубокаго мыслителя, живописца искуснаго, который, по какому-то несчастному внушенію, вздумалъ искать мѣста въ толпѣ парламентскихъ ораторовъ.

Природа не создала его для этого: онъ былъ от­вратительно дурень, и безобразность его принадлежала не къ тѣмъ, которыя возбуждаютъ уваженіе, являютъ силу, распространяютъ вокругъ себя страхъ. Въ лицѣ Гиббона не было ничего благороднаго: расплюсченный носъ, толстое, раздутое лице; ничего отличнаго, ни какой важности, ни какой тонкости во взглядѣ. Привычка жить въ уединеніи придала ему манеры пошлыя и неловкіе; къ тяжести, къ неразвязности, отъ которыхъ Ученые рѣдко могутъ от­стать, присоединялъ онъ щекотливое тщеславіе, желаніе блистать и непрерывную принужденность, — недостатокъ простоты, который не ускользнулъ даже отъ проницательности слѣпой Г-жи дю-Дефанъ, «слѣпой ясновидящей», какъ называлъ ее Вольтеръ. «Правда, говорила она молодому своему пріятелю Вальполю, вашъ Гиббонъ много знаетъ; разговоръ его весьма разнообразенъ и очень наставителенъ; но что до ума, который вы ему приписываете, то этого я еще въ немъ не замѣтила. Онъ слишкомъ дорожитъ и важничаетъ своими пріятностями; слишкомъ хло-

почетъ о томъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Мнѣ, право, всегда хочется сказать ему, когда онъ съ такимъ усиліемъ корчитъ парижанина: «Не трудитесь такъ, сдѣлайте милость: вы достойны были родиться Французомъ!»

Легкость, простота, свобода выраженія, качества, не препятствующія ни силѣ, ни пылкости, ни увлекательности, ни тонкости, ни могуществу діалектики, необходимы для оратора: безъ нихъ онъ никогда не подѣйствуетъ на умы слушателей; на него смотрятъ, какъ на наборщика фразъ, какъ на человѣка, который хочетъ обмануть; онъ слыветъ риторомъ, и никто ему не вѣритъ. Это всегда случалось съ Гиббономъ, когда онъ витійствовалъ въ Нижней Палатѣ, или даже когда говорилъ въ кругу пріятелей. Притомъ Гиббонъ былъ очень рѣзокъ: онъ не умѣлъ сообразоваться съ понятіями, съ привычками другихъ. Въ дѣятельномъ своемъ отшельничествѣ, онъ привыкъ чисто отливать свои сужденія и силлогизмы, и никогда не выходилъ изъ формы, данной имъ однажды. Фразы его, заранѣе приготовленныя, слишкомъ Цицероновскія, слишкомъ хорошо уравнированныя, не увлекали собранія; даже въ домашнемъ быту, какъ признавался другъ его, Сюаръ, который хорошо наблюдалъ его, разговорный языкъ Гиббона слишкомъ былъ похожъ на письменный. Къ этимъ многочисленнымъ недостаткамъ оратора надобно еще прибавить голосъ крикливый и визгливый, дурное произношеніе нѣкоторыхъ словъ, и чужестранные обороты, къ которымъ привыкъ онъ, живя въ Лозаннѣ и Парижѣ.

Онъ былъ философъ, а не дѣловой человѣкъ, и пошелъ не по тому пути. Отъ природы застѣнчивый, онъ слишкомъ хорошо изучалъ прошедшее, чтобы

не страшиться будущаго. Онъ видѣлъ въ Исторіи, какихъ потоковъ крови стоятъ революціи. Онъ ужасался неизбѣжныхъ золъ, которыя необходимо слѣдуютъ за всякимъ политическимъ переворотомъ, даже обещающимъ выгоды, отдаленныя и невѣрныя. Ленивый и трусливый, онъ видѣлъ, что Англійскія колоніи возмутились противъ своего отечества, что отчаяніе, до котораго довели колонистовъ насильственныя мѣры Парламента, породило Американскую республику, что готовится огромное потрясеніе для обществъ, и это устрасило его. Въ общемъ смыслѣ вопроса, опасенія его были справедливы и благородны; но въ національномъ, они обнаруживали съ его стороны ту слабость ума человѣческаго, которой не чужды люди, даже самые замѣчательные, — упрямство народнаго тщеславія. Онъ очень хорошо разбиралъ сцѣпленіе политическихъ событій, самыя отдаленнѣйшія ихъ послѣдствія, самыя незамѣтные результаты и неуклонныя потребности, — а былъ слѣпъ передъ лицомъ настоящаго, передъ неизбѣжностью Американской бури, которая уже разражалась, — онъ, свидѣтель жестокаго, но необходимаго перелома!.... Онъ не видѣлъ, что Американская колонія рано или поздно, должна отдѣлиться отъ общаго отечества, которое, желая удержать при себѣ эту взрослую дочку, подвергалась опасностямъ важнымъ и неминуемымъ.

Министерство, котораго Лордъ Нортъ былъ председателемъ, объявило намѣреніе остановить потокъ мятежа, возвратить Англіи отдѣлившіяся отъ нея колоніи, возстановить права метрополіи, и снова придать Великобританской звѣздѣ сіяніе, затмившееся со времени Американской борьбы. Нынѣ Англія оплакиваетъ и порицаетъ несмысленность мѣръ, употребленныхъ для достиженія этой цѣли. Нынѣ вся она знаетъ,

какъ несогласно со здоровою политикою, какъ неловко и нерѣшительно было поведеніе Лорда Норта въ отношеніи къ колоніямъ: онъ требовалъ безъ твердости, уступалъ безъ великодушія. Но въ то время многіе честные граждане, многіе патріоты почли долгомъ безусловно поддерживать его министерство. Хотя желаніе независимости, хотя сознаніе претерпѣнныхъ обидъ, несправедливостей и своей силы, очевидно внушали Американцамъ все нужное мужество, чтобы, ввергнувшись въ войну, столь опасную, выдержать ее со славою; хотя сами Англичане теперь стали уважать ихъ побужденія, получивъ болѣе выгоды отъ независимости Америки, чѣмъ отъ ея подданства; но и Англійское дѣло способно было возбуждать въ сынахъ старой Англіи благородный энтузіазмъ. Они видѣли, что политическое существованіе ихъ отечества находится въ опасности, что Великобританія, оставшись побѣжденною своими колонистами, можетъ низвергнуться съ высокой своей славы на степень государствъ третьяго или даже четвертаго разряда, и быть принужденною уступить торжествующему своему поселенію первенство, которымъ она дотолъ пользовалась. Благородное сердце, сердце гражданина необходимо должно было трепетать тогда за Великобританію. Гиббонъ писалъ ко вдовѣ отца своего:

«Мы совершенно погрузились въ дѣла Американскія. Я держу сторону министерства, котораго въ «годы въ этихъ обстоятельствахъ неразлучны съ въ «годами моего отечества. Дѣло идетъ о нашемъ могуществѣ, о нашей торговлѣ: что станетъ съ нами, «если мы не будемъ защищать ихъ?»

Таковы были личныя мнѣнія Гиббона: онъ, вѣсть со многими другими, ошибался. Надобно вспомнить, что тогдашніе государственные мужи, съ

умомъ самымъ проникательнымъ, Чатамъ и Боркъ, недалѣе его провидѣли въ будущее и не лучше умѣли предсказать рожденіе независимой Америки, ея неизбежную важность въ политическомъ мірѣ, ея пользу для гордой Англіи. Бывъ личнымъ другомъ Лорда Норта, Гиббонъ отъ всего сердца пособлялъ ему въ этой борьбѣ, и не покинулъ его послѣ паденія. Когда всѣ проекты министра, всѣ его продвиганія, всѣ планы были ниспровергнуты и обмануты силою происшествій, Гиббонъ, издавалъ въ то время четвертую часть своихъ сочиненій, включилъ въ предисловіе слѣдующія строки, которыя всегда будутъ дышать честь его души и характеру.

«Я желаю имѣть только одного начальника и покровителя, — публку; но если бѣ вздумалъ искать другаго, то избралъ бы государственнаго мужа, который во время управленія долговременнаго, бурнаго и неувѣнчаннаго успѣхомъ, нашелъ много политическихъ противниковъ, но ни одного личнаго непріятеля; который, и послѣ своего паденія, сохранилъ друзей вѣрныхъ и преданныхъ; который, низвергнутый съ высоты величія, удрученный обстоятельствами, терзаемый жестокими болѣзнями, ни сколько не утратилъ ровности характера, гибкости ума, постоянной любезности, всегда его отличавшихъ. Да позволитъ Лордъ Нортъ дружеству говорить языкомъ Исторіи! Если бѣ онъ былъ нынѣ раздавателемъ королевскихъ милостей, дружба моя молчала бы.»

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и остроумныхъ критиковъ историческихъ трудовъ Англійской школы, Г. Вильменъ, слишкомъ строго осудилъ парламентское поведеніе Гиббона. Правда, что Гиббонъ былъ человекъ сложенія холоднаго, и что онъ, можетъ-

быть, просто изъ лѣности вступилъ въ число приверженцевъ Лорда Норта; но несправедливо утверждать, будто-бы онъ былъ недоступенъ ни какимъ великодушнымъ чувствованіямъ. Гиббонъ не закрывалъ души своей ни отъ одной благородной идеи, ни отъ одной человѣколюбивой мысли. Даже Порсонъ, который ненавидѣлъ Гиббона, не смѣетъ нападать на него съ этой стороны. «Этотъ историкъ, говоритъ онъ, проникнутъ уваженіемъ къ человѣчеству, краснорѣчиво защищаетъ терпимость и является нечувствительнымъ и жестокимъ только тогда, когда рѣчь идетъ о поруганныхъ женщинахъ и о гонимыхъ Христіанахъ.» И дѣйствительно, Гиббонъ былъ очень несправедливъ къ женщинамъ, которыя его довольно помучили, и къ Христіанамъ, которыхъ високаго и неземнаго ученія, совращенный ложною Французскою философіею, не умѣлъ онъ постигнуть; но его только и можно упрекать въ этой двойной слабости, двойной нетерпимости.

Когда первыя надежды Гиббона разрушились, парламентская стыдливость его еще усилилась, и, съ тѣхъ поръ, онъ уже игралъ роль безгласную. «Положеніе смиренное!» говоритъ онъ: но меня обрекло на это благоразуміе. Ни Природа, ни воспитаніе, не придали мнѣ неустрашимой силы характера, которая посмѣвается надъ шумомъ, криками, яростію партій, и приличествуетъ мужу государственному. У меня гордость присоединяется къ лѣности, и самый успѣхъ моихъ твореній отнялъ у меня мужество, необходимое для того, чтобы бороться съ бурнымъ совѣщательнымъ собраніемъ, и подвергать опасности извѣстность, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную. Притомъ, мнѣ уже поздно учиться быть ораторомъ: я думаю съ Цицерономъ, что если поэты рождаются поэтами, ораторы имѣютъ нужду въ предварительномъ воспитаніи и

продолжительномъ ученіи. И онъ былъ правъ. Ораторы, которые уже въ зрѣломъ возрастѣ начали говорить публично, никогда не достигали высокой степени краснорѣчія естественнаго, свободнаго и сильнаго. Всѣ люди, удивлявшіе Европу, во время Французской революціи, своею говорливостію, почти всегда безтолковою и театральною, но по-времени живою и пламенною, были прежде адвокатами. Питтъ, Фоксъ и Кеннингъ уже въ Оксфордѣ отличались ораторскими дарованіями, такъ же какъ и живущіе нынѣ Гг. Стенлей, Меколи и Сиръ Робертъ Пиль, единственные витіи, которыми могутъ похвалиться Англійскія Палаты. Ежели нынѣшній преобразованный Парламентъ такъ бѣденъ замѣчательными талантами, то эту бесплодность надобно приписать тому, что члены его, большею частію, люди пожилые.

Подавать безотчетливый голосъ въ пользу мѣръ, бесполезныхъ или вредныхъ, играть на шумной политической сценѣ роль нѣмага, — вотъ въ чемъ состояло участіе Гиббона въ драмѣ, въ которую онъ такъ некстати вмѣшался. Но слава его не тутъ: какъ историкъ, онъ принадлежитъ Европѣ, и на высокой своей степени не боится ни соперниковъ, ни даже со-вмѣстниковъ. Пьедесталы, поддерживающіе статуи другихъ великихъ историковъ, большею частію уже потрясены. Юмъ, котораго разсказъ такъ пріятенъ, слогъ такъ хорошъ; Пальгравъ, антикварій ученый и проникательный; Галамъ, самый строгій, самый независимый изъ всѣхъ писателей; Мекинтошъ, философъ отъ чистаго сердца и доброжелательный по-своему; Лингардъ, адвокатъ искусный и страшный, — всѣ они нашли порицателей, болѣе или менѣе такихъ, которые украшающимъ ихъ качествамъ противопоставили недостатки, ихъ обезображивающіе. Юмъ и Лингардъ не внушаютъ довѣренности; Мекинтошъ весь-

ма непомонъ: у него напрасно стали бы вы искать общей игры пружинъ государственныхъ; сочиненія Галама и Пальграва болѣе похожи на историческія изысканія, чѣмъ на исторію. Эпизодъ о Карлѣ V и многія другія мѣста Робертсона, безъ-сомнѣнія пребудутъ навсегда образцами сочиненія чистаго и изящнаго; едва-ли кто превзойдетъ его въ родѣ, имъ созданномъ; однако жъ поле его дѣйствія не обширно, изслѣдованія не глубоки, виды не дальніе. Но смѣлый и удивительный рисунокъ, по которому Гиббонъ расположилъ воздвигаемое имъ великолѣпное цѣлое упадка и разрушенія древней образованности, начала и развитія новаго порядка вещей, независимо отъ трудовъ исполненія столь огромнаго плана, дѣдаетъ уже разстройство и паденіе Римской Имперіи предметомъ, неприступнымъ для будущаго историка. Никто не перестроитъ пышнаго его чертога; никто не посмѣетъ вступить въ кругъ, описанный жезломъ этого могучаго генія.

Для совершенія подобнаго предпріятія необходимо было рѣдкое соединеніе необыкновенныхъ качествъ, терпѣніе непоколебимое, ученость почти безпредѣльная, слогъ и глубокій, и разнообразный.

Какъ обрушался и падалъ колоссъ безпримѣрнаго Римскаго могущества? Какъ эта неизмѣримая Держава, основанная на развалинахъ, поглотивъ столько царствъ и республикъ, сама распалась въ развалины? Какъ отдѣленные отъ нея члены образовали новыя царства и новые народы? Какъ уничтожилась религія Греціи и Рима? Какими путями долго шли рядомъ два вѣроисповѣданія, подѣлившія самыя прелестныя страны тогдашняго міра, и какимъ образомъ колыбель Христіанской Европы помѣстилась въ гробъ Европы языческой? Одна великая судьба испол-

няется, другая великая судьба начинается свое дѣйствіе. Дряхлость древняго свѣта; его умирающая слава, его источенные и разсыпающіеся въ прахъ нравы; ребячество новѣйшаго міра, успѣхи его въ образованности, и новое направленіе данное уму и характеру человѣка, — представляютъ зрѣлище многосложное, безконечное, любопытное. Предметъ удивительный, — но чрезвычайно трудный! Гдѣ найти умъ столь возвышенный, чтобъ владычествовалъ надъ всѣми этими подробностями; столь ясный, чтобы освѣтилъ ихъ, столь могущественный, чтобъ вполнѣ ихъ объять? Гиббона на это стало.

Никто, лучше Гиббона, не соединялъ въ себѣ легкости и остроумной изящности Французскаго генія съ терпѣливою, мучительною ученостію Сѣвера, съ искусствомъ сосредоточивать, основательностію и мужественною силою, отличающими перо Англичанъ. Эта точность изысканій, эта глубокость изслѣдованій, соединенная съ сарказмомъ, съ Вольтеріанскою ѣдкостью, съ Французскою свѣтлостію разсказа, — нѣчто чрезвычайно дивное. Правда, что для сооруженія своего памятника, Гиббонъ скопилъ весь въ этомъ твореніи, и пожертвовалъ ему собою. Его «Исторія разстройства и паденія Римской Имперіи» — вся жизнь его. Любовь, Религію, Политику, онъ все подчиняетъ предмету своихъ изысканій. Онъ только имъ, только для него существуетъ. Сокровища его учености нарастаютъ, умножаются, и онъ счастливъ. Что ему до славы дѣловыхъ людей и тщеславія свѣтскаго человѣка! Пріятно читать его Записки, вѣрную картину чувствованій и наслажденій Ученаго. Безъ страстей, безъ низости, безъ преувеличенныхъ требованій, онъ пожертвовалъ бы, какъ самъ говоритъ, всѣмъ, только не блаженствомъ читать и дѣлать выписки. Какое прекрасное зрѣлище представляетъ его трудолюбивая

юность, его блестящій зрѣлый возрастъ, его окруженная уваженіемъ старость, завѣщавшія намъ изящное, превосходнѣйшее произведеніе осьмнадцатаго вѣка!

Въ слогъ Гиббона, правда, не достаетъ простоты; всѣ фразы его убраны и идутъ церемоніальнымъ ходомъ; въ нихъ нѣтъ естественности, ни свободы, но за то выраженія его всегда сильны, рѣзки, цвѣтisty. У него есть черты, воскрешающія кисть Рубенса. Онъ рѣдко растянута, никогда не скупенъ, и всегда сильно дѣйствуетъ на читателя. Описанія его жизни, рассказъ идетъ быстро, и увлекаетъ самое непослушное вниманіе.

Тайна величія Гиббона состоитъ въ сосредоточеніи всѣхъ идей, всѣхъ трудовъ въ одной цѣли. Небольшое состояніе, застѣнчивость и врожденная холодность не позволили ему блистать въ свѣтъ. Неизлечимый, смѣшной скептицизмъ гонялъ его отъ вѣроисповѣданія католическаго къ протестантскому, и наконецъ онъ утонулъ въ глубокомъ невѣріи. Уединеніе въ Лозаннѣ доставило ему много свободнаго времени и возможность пересмотрѣть огромныя собранія историческихъ матеріаловъ, справиться со всѣми авторами, могшими разлить свѣтъ на дѣла Рима. Не болѣе неутомимаго постоянства выказываетъ терпѣливая пчела, когда строитъ свою ячейку: всякой день, всякой часъ обогащали этотъ великолѣпный запасъ разнообразныхъ свѣдѣній. Гиббонъ искалъ Рима въ древнихъ поѣткахъ, ораторахъ, сказочникахъ, даже въ геометрахъ и астрономахъ. Онъ принялся за работу тогда уже, когда исчерпалъ всѣ эти источники, разработалъ всѣ эти рудники, проникнулъ во всѣ углубленія. Умъ его былъ упитанъ, насыщенъ наукою древности; память наполнена воспоминаніями о нравахъ, костюмахъ, малѣйшихъ подробностяхъ жизни языческой; наконецъ

Философскіе его предрассудки, предрассудки по-несчастію враждебные Христіанству, еще разжигали въ немъ эту пламенную любовь къ безсмертному граду, къ селенію Ромула и Весты.

Мы должны радоваться, что этотъ человѣкъ не отдавъ бурямъ политики, яростнымъ крикамъ преній, жалкимъ спорамъ журнализма жизни, посвященной трудамъ, несравненно полезнѣйшимъ и благороднѣйшимъ? Гиббонъ, въ видѣ политическаго говоруна или влюбленнаго селадона, въ клубъ виговъ, въ уборной Г-жи Некеръ или у ногъ дѣвицы Кюришо, являетъ нѣчто нелѣпое и неумѣстное. Забудемъ эту часть его существованія. Онъ историкъ! Онъ одинъ засыпалъ пропасть, отдѣляющую древнюю Исторію отъ новѣйшей, сблизилъ и связалъ два противоположные нравственныя міра, и, несмотря на неудобства, представляемыя нынѣшнимъ писателямъ многосложностью нашихъ политическихъ событій, достигъ того несравненнаго единства повѣсти, которое сообщаетъ Греческимъ и Римскимъ историкамъ такое преимущество передъ всѣми ихъ преемниками.

Недостаткомъ въ этомъ неподражаемомъ писателѣ можетъ быть названо излишнее богатство мерзкихъ и отвратительныхъ подробностей въ картинахъ развратной эпохи, которую онъ описывалъ; но здѣсь историческая истина еще кое-какъ его оправдываетъ.

Какъ противникъ Христіанства, представившій его дѣянія въ совершенно превратномъ видѣ, Гиббонъ заслуживаетъ важныя и ничѣмъ не устранимыя упреки. Онъ исчадіе школы Вольтеріанской, которая не примѣчала того, какое сильное и благотворное движеніе сообщило образованію міра пришествіе Христа Спасителя, а только видѣла временное зло, пере-

мны бѣдственныя, но неизбѣжныя слѣдствія, неразрывныя со всякимъ великимъ переворотомъ. Потрясеніе въ мнѣніяхъ и нравахъ, которое низпровергло многобожіе и вмѣстѣ съ нимъ разрушило Римскую Имперію, конечно сопровождалось множествомъ несправедливостей, гоненій, кровопролитій. Однако жъ этотъ способъ воззрѣнія, общій Гиббону со многими людьми, отличными по уму, но зараженными суевѣріемъ безбожія, весьма неоснователенъ. Въ огромномъ переломѣ, который по необходимости былъ сопряженъ съ терзаніями, видятъ они одно только несчастіе. Они не спрашиваютъ себя, не выросъ ли отъ этого перелома родъ человѣческій; не успокоились ли мутныя воды, преодолевъ преграду, задерживавшую ихъ теченіе, а занимаются только самымъ событіемъ и смутными происшествіями, которыя повлекъ онъ за собою. Такъ нѣкоторые философы отвергаютъ пользу реформаціи для Западной Европы, и, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, указываютъ на продолжительныя междоусобныя войны, происходившія въ Германіи, на волны крови, пролитыя Лигою, на неистовства католической и протестантской нетерпимости въ Англіи. Тщетно говорятъ имъ: посмотрите же на ходъ просвѣщенія; оно уже сдѣлало шагъ впередъ, когда Христіанская Религія уничтожила Римское рабство; другой шагъ, когда реформація разрушила Папизмъ въ однихъ государствахъ, и остановила честолюбіе Ватикана въ другихъ. Конечно, все это куплено, и дорого заплачено. При каждомъ такомъ шагѣ, родъ человѣческій отдавалъ за новыя пріобрѣтенія свою кровь, свои слезы, свои сокровища, свои ниспровергнутыя установленія, свои разрушенные города. Но посреди этихъ злополучій, судьба его улучшалась. Злополучія были временны, успѣхи безсмертны. Ничего нѣтъ легче, какъ доказывать, что реформація, подкрѣпленная сладострастными проступками Генриха VIII и крова-

выми казнями Кальвина, заслуживаетъ ненависть людей; что даже самое торжество Христіанства надъ язычествомъ, съ ихъ гоненіями, съ ихъ изувѣрными и противоположными ересями, было событіе жестокое. Между-тѣмъ эти доказательства были бы совершенно лживы. И между-тѣмъ вотъ какъ Гиббонъ, следуя Вольтеру, смотрѣлъ на Исторію той эпохи! Онъ тщательно выставляетъ и преувеличиваетъ ошибки Христіанъ; онъ ослабляетъ всѣ ихъ добродѣтели, и вдается въ толкованія, чтобъ умнѣшить блескъ этихъ добродѣтелей. Онъ бережетъ похвалы для успѣховъ Араба и Татарина, Магомета и Чингисхана. Онъ представляетъ ихъ подвиги въ живомъ драматическомъ видѣ, посвящаетъ имъ самыя яркія свои краски. Умирающее идолопоклонство покрывается въ его величественномъ твореніи блескомъ пышно заходящаго солнца. Побѣда новой Религіи становится для него предметомъ насмѣшекъ, порицанія, или по крайней мѣрѣ одобренія холоднаго и безъ энтузіазма.

Если на пути его встрѣчается одинъ изъ тѣхъ первыхъ отцевъ Церкви, высокихъ вдохновенныхъ философовъ, которыхъ средніе вѣки причли къ лику святыхъ, а Древность помѣстила бы въ разрядъ божествъ; одинъ изъ тѣхъ героевъ истины, которые исповѣдывали свою вѣру предъ лицомъ палачей, сохранивъ чистоту свою посреди всеобщаго разврата, онъ презрительно улыбается надъ ихъ восторженною набожностію, представляетъ ихъ умами мелкими и робкими душами, — онъ, который бы воспѣлъ имъ гимны хваленія, обоготворилъ ихъ, если бы они были языческими мудрецами, если бы провозгласили себя стоиками и перипатетиками, послѣдователями Платона или Анаксагора!

Вотъ, — весьма хорошо замѣчаетъ Г. Гизо, — вотъ неизгладимое пятно безсмертнаго творенія, подарен-

паго намъ Гиббономъ! Философія и нравственность никогда не простятъ ему этой непостижимой ошибки. Онъ сдѣлалъ тѣмъ большій вредъ обществу, которое могъ лучами своего ума утвердить въ вѣрованіи и исполнить отрады, что теперь, быть-можетъ, должно ожидать нѣсколько столѣтій, пока равный ему исполнскій талантъ противопоставитъ его книгъ другую, столь же глубокомысленную и блистательную, которая бы вполне защитила Христіанство. Много, много писали противъ его мнѣній; но Гиббона, могущественнаго и ужаснаго Гиббона, не возможно опровергнуть сухими критиками, ни обнаруженіемъ неисправности въ нѣсколькихъ цитатахъ. Вліяніе генія всегда сильнѣе этихъ мелкихъ средствъ полемики. Вольтеръ забыть съ своими остроуміями; Гиббона будутъ читать вѣки. Противъ него нужна хорошая, геніальная Исторія того же періода, писанная слогомъ краснорѣчивымъ, твердымъ, убѣдительнымъ, дышащая чистою и глубокою философією, украшенная обширною и основательною ученостію, — Исторія, которая бы вѣрно и живописно изобразила постепенное развитіе и истинное дѣйствіе Христовой Вѣры на умъ, нравы и судьбы челоуѣчества. Это главная потребность Христіанскаго міра, и, по-несчастію, главный его недостатокъ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей, о которомъ мы уже здѣсь упоминали, и котораго слава паритъ надъ обоими полушаріями, Г. Шатобріанъ, по качеству своего ума, по своимъ наклонностямъ, казалось, быть предназначенъ или самъ предназначалъ себя для этого. Г. Шатобріанъ вызвался составить противоядіе пагубному ученію, исправить великую несправедливость Гиббона. Челоуѣкъ краснорѣчивый, даже ученый, участвовавшій въ политическихъ дѣлахъ нашей эпохи, онъ предсталъ рыцаремъ-защитникомъ преслѣдуемаго философами католицизма и старой Французской монархіи, колеблющейся на своемъ основаніи.

Въ юности своей онъ посвятилъ этому нѣсколько поэмъ въ прозѣ, въ зрѣломъ возрастѣ множество брошюръ, въ старости свои «Историческіе Опыты». Какъ Историкъ, какъ поэтъ, какъ публицистъ, онъ заслуживаетъ тщательное разсмотрѣніе, строгій разборъ, который мы не побоямся предпринять, и который соотечественники его сдѣлать, конечно, долго еще будутъ не въ силахъ. Историческое лице Г. Шатобріана отражается теперь у нихъ въ зеркалѣ, потемняемомъ страстями, въ водѣ столь сильно взволнованной, что это отраженіе не можетъ быть вѣрнымъ, ни внятнымъ. На ихъ глаза, Г. Шатобріанъ, историкъ, дипломатъ, публицистъ, ораторъ исчезаетъ, и остается только Г. Виконтъ Шатобріанъ приверженецъ старой монархіи, дворянинъ легитимистской партіи, другъ Людовика XVIII, сдѣлавшійся главою оппозиціи. Страсти, взволнованныя этими идеями, не даютъ у нихъ образоваться справедливому объ немъ сужденію, и препятствуютъ произведенію оцѣнки, которая поставила бы его на настоящемъ мѣстѣ, какъ мужа государственнаго и какъ писателя.

Жизнь Г. Шатобріана, его сочиненія, роль и всѣ его мысли, даже самое уединеніе, расчислены только для произведенія эффекта. Слогъ его, до роскоши, до излишества, вышукъ, цвѣтистъ и виденъ издали. Его приверженность, его пожертвованія, его отреченія, проявляются всегда внѣшними выходками и совершенно наружною пылкостью, превосходно подобранными къ его слогу. Его разсудокъ вездѣ рабски становится на колѣни предъ его воображеніемъ и страстями. Воображеніе совершенно имъ владѣетъ. Воображенію, качеству совсѣмъ поэтическому, необходимы эффектъ и противоположность: отсюда страсть Г. Шатобріана къ неожиданнымъ сближеніямъ самыхъ несходныхъ событій, къ сильнымъ движеніямъ пера,

къ мелодраматическимъ уловкамъ въ сочетаніи мыслей, ко всему, что ввело его въ славу, и что непременно убьетъ знаменитость его твореній въ будущемъ времени; ко всему, что только было замѣтно и поразительно и въ его поведеніи, въ качествѣ министра, депутата, дипломата или приверженца партіи.

Конечно, Французы, съ своимъ живымъ воображеніемъ, съ своею удивительною способностью быть легко поставляемы въ дураки, должны были находить восхитительными и увѣнчать хвалою всѣ эти актерскія усилія, живописно рисоваться передъ ними, весь этотъ шарлатанизмъ мыслей, слога и дѣйствій; но подобная слава можетъ процвѣтать только въ такой атмосферѣ. Другіе народы, право, ея не понимаютъ.

Посмотрите только, какъ этотъ человѣкъ, котораго дарованія, впрочемъ, оспаривать невозможно, защищаетъ Христіанскую Вѣру отъ нападеній Вольтера и Дидро. Въ «Мученикахъ» и въ «Геніи Христіанства» онъ не старается доказать, что религія Іисуса Христа истинна, нравственна и обильна благомъ, но бѣется изъ того, что она занимательная и поэтическая. Непостоямъ язычества противопоставляетъ онъ не свѣтлую, небесную мысль и чистоту правовѣрія, но достоинства мовѣйшей Изящной Словесности; и легкомысленно ведетъ на край пропасти истины Евангелія въ опасномъ сравненіи Гомера съ Тассомъ, Камоэнса съ Виргиліемъ. Вопросъ, вмѣсто того, чтобы быть общественнымъ и вѣроисповѣдательнымъ, становится у него просто литературнымъ, дѣломъ Художества и вкуса, — и только! Что касается до яркости его красокъ, прелести нѣкоторыхъ описаній, ловкихъ фокусовъ слога, то никто отвергать ихъ не станетъ. Надобно признаться, что Г. Шатобріанъ живописецъ очень

искусный, но его нельзя поставить ни въ числѣ людей мыслящихъ, ни въ отдѣленіи умовъ, способныхъ къ твердому логическому разсужденію. Основныя идеи его сочиненій, ихъ точный внутренній смыслъ, ихъ умственная сторона, — вотъ что самымъ несприятнымъ образомъ поражаетъ въ немъ философа, принужденнаго удивляться, какъ можно тратить столько краснорѣчія на такія ребячества и такую ложь. Критики временъ Имперіи, нападая на слога Г. Шатобріана, доказали только мелкость своего ума: имъ слѣдовало разбирать основныя его идеи; надобно было сказать ему: «Какъ! такимъ-то образомъ защищаете вы вѣру Іисуса Христа! вѣру Бога распятаго — риторическими цвѣтками! чистую религію души — мотовствомъ звучныхъ словъ? Какъ! роскошному язычеству, его сладострастнымъ обрядамъ, его служенію олицетворенной красотъ, его идолопоклонству, обоготворявшему форму, вы противопоставляете только поэзію нашей религіи, — поэзію религіи строгой, которая требуетъ отъ насъ безпредѣльной преданности и самоотверженія, воспрещая всякое мечтательство? Символъ Христіанства — страданія Бога для вѣчнаго блага человѣка; первообразъ языческой вѣры — Венера, выходящая изъ воды для чувственныхъ его наслажденій. Находить въ этихъ двухъ вѣрованіяхъ одинаковыя средства къ удовольствіямъ воображенія, представлять ученіе Евангелія равносильнымъ язычеству относительно къ поэтическому вдохновенію, или даже сильнѣе, не есть ли это ложь и обида? Такъ ли Боссюэтъ и Фенелонъ, между католиками, Тиллотсонъ, между протестантами, понимали религію Спасителя? Защищая се, вы се предаете новой и еще большей опасности.»

Извѣстно, впрочемъ, что духовенство Западной Европы сильно возстало противъ этой книги, которая,

по-видимому, была писана согласно съ его пользами. Духъ нашей религіи состоитъ въ душевной скорби, въ самоотверженіи, въ святой печали, о которой говоритъ Евангеліе, въ чистотѣ и смиреніи. Сравните надменный и шумный тонъ «Генія Христіанства», съ сочиненіями, которыя древніе Церковные отцы противопоставляли своимъ врагамъ, и вы увидите, какъ удался Г. Шатобріанъ отъ истиннаго духа Христіанства, утверждая, что онъ за него подвизается!

Странное зрѣлище представляетъ жизнь государственнаго человѣка, которымъ совершенно завладѣла поэзія; дипломата, котораго туда и сюда водить воображеніе; историка, который заботится не о событіяхъ, а о глаголахъ и прилагательныхъ; діалектика, который разсуждаетъ не иначе, какъ метафорами и гиперболами. Такова жизнь Г-на Шатобріана. Нѣтъ въ свѣтѣ ничего важнаго, торжественнаго и благороднаго, чего бы онъ не защищалъ или не опровергалъ, или лучше сказать, не защищалъ и не опровергалъ попеременно, не доводами, но словами, не силою разсужденія, но красками слога. Во всей его жизни, во всемъ его слогѣ, во всѣхъ его поступкахъ какъ министра и депутата—главное парадъ и блескъ, — мы едва не сказали, тщеславіе. Вы бы оказали самую дурную услугу этому великому человѣку, если бы уничтожили на пути его всѣ препятствія, всё сопротивленіе, предоставили свободное развитіе его слову, его могуществу, его преднамѣреніямъ. Борьба — его стихія: сопротивленіе — существо его силы. Во властвованіе аббата Боссюэта, онъ былъ бы атеистомъ! Въ оппозиціи, не возможно и представить себѣ Г. Шатобріана: ему борьба необходима, не для того, чтобы побѣждать, а только чтобы бороться; ему непременно надобно нападать на свою эпоху; имя

его гремѣть одними только ударами, которые онъ наноситъ. Во времена «стариннаго лада» онъ былъ республиканцемъ; въ царствованіе философскаго невѣрія, католикомъ; въ правленіе Бонапарта приверженцемъ Бурбоновъ; въ царствованіе Людовика XVIII, онъ снова дѣлается либераломъ, а при Карлѣ X играетъ роль Гампдена. Что же вышло изъ всѣхъ этихъ бореній со всѣми возможными властями, изъ всѣхъ этихъ рыцарскихъ ристаній съ высунутымъ впередъ копьемъ? Жизнь пестрая, лишенная единства; жизнь безъ правилъ и безъ цѣли; огромная растрата силъ, всегда неумѣстно употребленныхъ. Собраніе сочиненій Г. Шатобріана — настоящій арсеналъ, въ которомъ найдете вы все, что угодно: оружіе противъ свободы, оружіе въ пользу свободы; оружіе за монархическое правленіе, и другое противъ него. Здѣсь пышными фразами доказывается, что республика правленіе удивительное; тамъ, что хорошо одно только представительное правленіе; многобожіе является иногда съ обольстительными красками, иногда въ видѣ гнусномъ. Нынѣ, когда во Франціи существуетъ представительное правленіе, Г. Шатобріанъ восхваляетъ феодальность; при Бонапартѣ, Государь неограниченномъ, тотъ же авторъ чувствовалъ нѣжную склонность къ бюкратіи и владычеству монаховъ. Чтобы всѣ эти противорѣчія прошли, не говорю не замѣченныя, но по крайней мѣрѣ не отнявъ у публики всей довѣренности къ писателю, надобно, чтобы онъ надѣленъ былъ отъ Природы сверхъ-человѣческимъ краснорѣчіемъ, или чтобы его соотечественники отличались чрезвычайнымъ ко всему равнодушіемъ, не то удивительною вертлявостью правилъ.

У Г. Шатобріана никогда не было философіи ни въ умѣ, ни въ поведеніи: это юный поэтъ, который не состарѣется, даже и на краю гроба. Рели-

гія его просто суевѣріе: это почти настоящее вѣро-
ваніе среднихъ вѣковъ. Онъ вѣритъ легендамъ, пре-
даніямъ и привидѣніямъ; всякая повѣсть для него
хороша, лишь бы была живописна. Онъ принимаетъ
на свои историческія страницы вымыслы, исключен-
ные изъ летописей Христіанства всеми учеными бо-
гословами, даже изъ католиковъ, факты явно ложные,
сказки безъ всякаго основанія и вѣроподобія, един-
ственно потому, что въ нихъ есть нѣчто странное и
поэтическое. Ошибокъ этого рода бездна въ его «Ис-
торическихъ Опытахъ;» онъ даже смѣшиваетъ съ
Христіанскими мучениками Аполлонія Тіанскаго,
извѣстнаго философскаго шарлатана, и выдаетъ за
неоспоримое событіе сплетню объ изображеніи Иису-
са Христа, поставленномъ будто-бы въ числѣ статуй
Тиберіева Пантеона: «а Римская Исторія ничего и не
вѣдаетъ объ этомъ *фактъ!*» восклицаетъ авторъ. Пра-
во, подлѣ Г. Шатобріана, и самъ легковѣрный Тил-
лешонъ покажется еще скептикомъ, потому, что уже
и тотъ не посмѣлъ внести въ свой наборъ сказаній,
подобной небывальщины безъ должной оговорки *.

Ослѣпленный страстью къ контрасту, Г. Шатобрі-
анъ не упуститъ случая свести, для эффекта, два
противоположные конца вселенной, и ужъ никакъ
не откажется отъ эпитафмы, если она попадется ему

* Quarterly Review, въ подкрѣпленіе этого и другихъ упрековъ, при-
водитъ здѣсь разныя выписки изъ сочиненій Г. Шатобріана. Будучи
принуждены сберегать мѣсто, мы ихъ пропускаемъ, предлагая нашимъ
читателямъ только существо сужденія Англійскаго критика по исправлен-
ному нами сокращенію Журнала *Bibliothèque britannique*, которое сверхъ
того пополнили мы изъ подлинника обстоятельствами, забытыми Фра-
нцузскимъ переводчикомъ. Мы должны еще упомянуть, хотъ въ выноскѣ,
что этотъ строгій приговоръ *Etudes historiques* относится въ особенно-
сти къ предмету, въ которомъ Г. Шатобріанъ хотѣлъ состязаться съ
Гиббономъ, именно, къ его «Разсужденію, о паденіи Римской Имперіи»;
авторъ статьи отдаетъ справедливость «Разсудительному разбору Фран-
цузской Исторіи», который называетъ онъ — *the most valuable part of*
the volume «достойнѣйшею частію сочиненія». *Б. дль Ч.*

подъ перо. Римскимъ Императорамъ, покрытымъ порфиною и золотомъ, противопоставляетъ онъ двѣнадцать законодателей босоногихъ, двѣнадцать Апостоловъ; развратной пышности погибающаго Рима, смиренную безъизвѣстность Христіанства въ колыбели; Иисусу Христу, умирающему на крестѣ, Тиверію, умирающаго въ Капреѣ; житіямъ Святыхъ и писаніямъ Церковныхъ отцѣвъ, Петронію и Марціала. Эти натянутые контрасты дѣлятся сквозь многія главы, — дѣлятся съ упрямствомъ, которое ужасно утомляетъ читателя, ничему его не научая. Гиббонъ, врагъ Христовой Вѣры, часто впадаетъ въ своихъ выходкахъ въ безнравственность, и даже иногда въ оскорбительную непристойность; но и защитникъ ея, Г. Шатобріанъ, не многимъ чище его на перо въ гнѣвъ своемъ противъ языческихъ установленій. На счетъ неблагопристойности, Латинскія выноски Г. Шатобріана весьма стоятъ Греческихъ цитатъ Гиббона. А что касается до гражданской исторіи перваго періода, то Г. Шатобріанъ, быть-можетъ вопреки своей волѣ, заплатилъ дань почтенія обширности и точности изслѣдованій Гиббона, заимствуя у него все, что только могло пригодиться къ его плану. Первые его главы не что иное какъ выписка, и не всегда вѣрная, изъ блистательнаго Гиббонова обзора состоянія Рима и его владѣній, а тощія жизни Кесарей, наслѣдниковъ Адріана и Антониновъ, почти цѣликомъ взяты изъ перваго тома «о разстройствѣ и упадкѣ Римской Имперіи». Это не новый, но всегда странный способъ поколебать славу своего противника, — списывая его страницы.

Но оба они несправедливы. По крайней мѣрѣ Гиббонъ оставилъ намъ твореніе во многихъ отношеніяхъ полное и до нѣкоторой степени выкупающее тысячами красотъ, смѣшное ожесточеніе его противъ Христіанства. Его защищеніе язычества исполнено

сатиры и остроумія; Шатобріаново защищеніе Христіанства надутъ, краснорѣчиво и пусто. Они оба ослаблены своими предразсудками, и оставили превосходное поприще для того изъ будущихъ писателей, кто возьмется сочинить для Христіанъ Исторію, достойную ихъ Вѣры, — книгу, о недостаткѣ которой сказали мы прежде, и которая изобразила бы намъ, съ силою Гиббоновой кисти и съ его умѣніемъ, — какъ Христіанство развѣтвлялось по цѣлому общественному зданію, — какъ мало-по-малу и въ молчаніи измѣнялись мнѣнія и обычаи, отличающіе древній міръ отъ новѣйшаго не только въ важныхъ обстоятельствахъ жизни, но и въ самыхъ мельчайшихъ, — чистую, совѣстную, отчетистую картину великаго, умственного съ его враждебными крайностями, выпретеннекъ нравственностью апостольскаго ученія, и развратомъ прежней мудрости, — средства, которыми Христіанская религія покорила язычество, — то, какъ долго и въ какомъ количествѣ многобожіе бродило еще въ лонѣ Христіанства или измѣннически скрывалось подъ наружными его обрядами, отнюдь не проникаясь его духомъ, — дѣйствіе новой Вѣры на общественныя и семейныя отношенія, на положеніе женщинъ, на домашнее рабство и на разныя другія званія. Остается опредѣлить степень и образъ способствованія Христіанства упадку Римской гражданской власти, его участіе въ образованіи новой политической системы въ Европѣ, то, что собственно принадлежитъ ему, его духу и вліянію; то, что произошло отъ постороннихъ причинъ или осталось отъ прежняго быта, наконецъ благодѣтельство и зловерное дѣйствіе католическаго монашества, и т. д. Словомъ, мы еще ожидаемъ полной, настоящей Исторіи Христіанства, общественной, нравственной и политической.

Гиббонъ въ состояніи былъ исполнить подобное твореніе, но съ одной стороны пристрастіе, съ другой

слишкомъ огромная рама повѣсти заставляли его быстро проходить всѣ нравственныя событія, чтобы думать только о событіяхъ положительныхъ, войнахъ, сраженіяхъ и падающихъ царствахъ. Что касается до Г. Шатобріана, то, отдавая полную справедливость блеску его разсказа, мы всегда видѣли въ немъ только поэта, но не историка.

Главный даръ его — живописать предметы ярко и вышукло, — развивается не рѣдко съ большею силою въ описательныхъ частяхъ его твореній. Многія его картины физической Природы, правда, почти всегда преувеличенныя, но блестящія, дышатъ жизнію и производятъ впечатлѣніе. Его «Путевой дневникъ отъ Парижа до Іерусалима», и нѣкоторыя пламенющія слогомъ описанія въ «Геніи Христіанства» и въ «Мученикахъ», принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Французской Словесности, хотя вообще это болѣе слогъ политической брошюры нежели важнаго историческаго сочиненія. Но заслуги его, какъ государственнаго человѣка, какъ оратора и философа, защитника высокой и драгоцѣннѣйшей собственности обществъ, будутъ всегда ничтожны; и если мы захотимъ найти въ одномъ лицѣ превосходное соединеніе генія, религіи и краснорѣчія, то должны обратить взоры не на молчаливаго и уединеннаго Гиббона, не на ритора, бывшаго, посломъ Лудовика ХVIII, но на оратора Эдмонда Борка.

Подобно Гиббону и Шатобріану, и этотъ великій человѣкъ возвысился изъ бѣднаго состоянія, и завоевалъ свою славу. Гиббонъ, какъ мы уже сказали, былъ весьма небогатъ: двадцати лѣтъ, онъ велъ жизнь безвѣстную, тихую и скромную. Шатобріанъ въ томъ же возрастѣ бродилъ по свѣту, безъ состоянія и, можно сказать, безъ надежды. Боркъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ у него друзей не было, и жилъ тѣмъ, что писалъ политическія статьи и брошюры.

Какъ всѣ честолюбивые люди въ Англіи, Боркъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, вступилъ сначала въ оппозицію, подъ знамена Вилькса. Отличенный городомъ Бристолемъ, который избралъ его въ члены Парламента, онъ исполнилъ надежды своихъ покровителей, и первыя, произнесенныя имъ, рѣчи поразили всѣхъ удивленіемъ. Сопряженныя достоинства философа и витія представляли нѣчто весьма примѣчательное въ этомъ молодомъ, безвѣстномъ адвокатѣ, у котораго не было, какъ у Питта, отца, заботившагося объ его политическомъ воспитаніи. Боркъ истощалъ всѣ предметы, за которые принимался. Онъ начиналъ всегда съ самой трудной части предмета, и усердно предавался работѣ, управляемой почти безпримѣрною ясностію разсудка: прежде всего заботился онъ о томъ, чтобы соединить въ одномъ центрѣ всѣ данныя, всѣ идеи. Часто простой анекдотъ, означеніе времени, собственное имя, разливали яркій свѣтъ на разбираемое имъ дѣло, и когда, съ могуществомъ и постоянствомъ удивительными, онъ собралъ, скопилъ свое сокровище, тогда только краснорѣчіе, опираясь на строгую логику, согревало, обстроивало всю эту массу, одушевляло ее, вливало въ нее жизнь пылкую и плодотворную. Гиббонъ былъ историкъ, Шатобріанъ поэтъ, Боркъ истинный ораторъ. Надобно, однако жъ, признаться, что для своего времени онъ былъ ораторъ слишкомъ возвышенный: дѣльцы и торговцы, представлявшіе Великобританскій умъ въ Нижней Палатѣ, часто не могли слѣдовать за нимъ въ облакахъ, въ которыхъ парилъ онъ. Это превосходство — нерѣдко и недостатокъ, и препятствіе. Къ чему расточать сокровища краснорѣчія и философіи передъ невнимательными толстяками, передъ подмастерьями политическаго цеха, которые, занимаясь будто-бы судьбою и пользами отечества, думаютъ только о времени объѣда и числѣ голосовъ? Часто онъ, въ самой рѣчи своей,

возставалъ противъ этой всеобщей посредственности, разрушавшей гармонію между имъ и его слушателями. Часто также, говоря о дѣлахъ самыхъ пустыхъ, онъ позволялъ своему воображенію распускать во всю длину его огромныя крылья. Почти трудно повѣрить, что, напримѣръ, по случаю перестроекъ въ одномъ изъ дворцовъ, онъ сказалъ рѣчь, достойную самого Демосфена. Но вдохновеніе нерѣдко выходило у него за предѣлы предмета.

Краснорѣчіе Борка было глубоко и вѣсть цвѣтисто; въ немъ также замѣтенъ одинъ недостатокъ: оно было слишкомъ высоко, слишкомъ глубоко, слишкомъ цвѣтисто. Чатамъ лучше его умѣлъ привлекать и поддерживать вниманіе слушателей, обращаясь не къ уму, а къ страстямъ, возбуждая ихъ гнѣвъ или участіе, произнося безъ раздумья неожиданные отвѣты, не допускавшіе возраженія. Краснорѣчіе Чатама оставило по себѣ мало слѣдовъ: мы можемъ судить объ немъ только по удивленію современниковъ и по немногимъ, дошедшимъ до насъ отрывкамъ. Но и разбитое туловище этого высокаго витійства еще исполнено жизни и мужеской силы. Сынъ его, Питтъ, часто утомлялъ слушателей обширностію видовъ, имъ развиваемыхъ. Фоксъ былъ безпорядоченъ и не ясенъ; Кеннингъ, болѣе поверхностный, не столь важный, превосходно умѣлъ вести пренія, непрерывно поддерживая ихъ занимательность убійственною ироніею; но качества его затмѣвались недостаткомъ глубокости, а иногда и діалектики. Страсти въ немъ никогда не было замѣтно; онъ слишкомъ легко предавался наклонности къ эпиграммамъ, и дѣйствовалъ, казалось, не по убѣжденію. Что касается до Шеридана, то, превосходный комическій писатель обходился съ политическимъ собраніемъ, какъ съ театральнымъ партеромъ: онъ забавлялъ его островами и эпиграммами.

Боркъ принужденъ былъ бороться въ обхватъ не только съ могущественными противниками, но съ цѣлыми сословіями, которыя сперва его поддерживали. Бристоль, избравшій его въ члены Парламента, скоро объявилъ его недостойнымъ этого званія. Бристоль вооружился противъ него глупымъ, прихотливымъ гнѣвомъ, который такъ часто возгорается въ грубыхъ массахъ, желающихъ тоже поважничать на политическомъ поприщѣ, и вооружился не за то, чтобы Боркъ дурно ходатайствовалъ о выгодахъ города, но за то, что онъ оказывалъ мало уваженія своимъ избирателямъ, и не довольно часто посѣщалъ ихъ. Съ этого времени началось отвращеніе Борка къ демократіи. Онъ убѣдился, что толпы не въ состояніи оцѣнивать собственныя свои выгоды и судить о людяхъ. Онъ презрѣлъ пасквили, которыми закидали его враги, и отказался отъ исканія славы и любви у чернаго народа, которыя надобно покупать низостями. Скоро, противникомъ его явился человѣкъ опасный, наслѣдовавшій ему въ управленіи оставленною имъ оппозиціею: то былъ Фоксъ, котораго преувеличенная слава пережила смятенія того времени. Фоксъ предавался бурному теченію, увлекавшему легкомысленную часть его современниковъ: онъ сообщилъ другой характеръ оппозиціи, которою управляли дотолъ Боркъ и Роккингамъ. Оппозиція Роккингама и Борка не была еще заражена пагубнымъ демократическимъ духомъ: она только добивалась власти посредствомъ классическаго краснорѣчія. Фоксъ принесъ ей новыя идеи, выловленныя въ нечистомъ источникѣ собирающейся Французской революціи. Происходя изъ благородной фамиліи, онъ имѣлъ всю гордость, всю безопасность, и всѣ привычки Англійскаго лорда, но захотѣлъ сдѣлаться демагогомъ, чтобы замѣнить шумомъ славы своей и рукоплесканіемъ черни недостатокъ уваженія къ нему образованныхъ и просвѣщенныхъ классовъ.

Этотъ необыкновенный человѣкъ, первообразъ Мирабо, былъ у мѣста только въ кругу придворныхъ. Стремясь къ несчастной знаменитости, онъ пошелъ въ разночинцы. Поддѣлываясь подъ манеры и тонъ черни, онъ былъ такъ же не ловокъ, какъ человѣкъ невоспитанный, который передразниваетъ людей высшаго общества. Одно честолюбіе придало ему рѣшимость спуститься такъ низко, принимать участіе въ гудѣ и ругательствахъ тавернъ, и мѣшаться въ ежедневныя площадныя суматохи. Наглый, вспыльчивый, развратный, игрокъ отчаянный, жадный только до минутныхъ успѣховъ, и не заботившійся о томъ, что скажетъ о немъ потомство; алчущій побѣждать во всѣхъ битвахъ, чѣмъ бы ни пришлось заплатить за побѣду; благородный и великодушный въ частныхъ дѣлахъ, безсовѣстный и необузданный въ дѣлахъ общественныхъ; всегда краснорѣчивый и особенно когда защищалъ дурное дѣло, всегда вооруженный стоическими аксіомами, которыя нерѣдко произносилъ онъ даже выходя изъ таверны или изъ объятій прелестницы; ораторъ плодовитый, пламенный, иногда возвышенный, онъ приходилъ въ восторгъ и бывалъ превосходенъ, особенно тогда, когда безстыдно лгалъ. Таковъ былъ Фоксъ, который въ первой половинѣ своей политической жизни считался воспитанникомъ и питомцемъ Борка, а во второй, не умѣя подчиниться тѣмъ же законамъ и взвѣшивать свои поступки на столь же строгихъ вѣсахъ, овладѣлъ партією, которую благоразумно покинулъ его учитель. Послѣ десятилѣтнихъ трудовъ въ пользу умѣренной оппозиціи Роккингама, Боркъ уступилъ мѣсто этому блестящему молодому повѣсѣ, котораго пороки привлекали къ нему любовь безтолковаго народа, котораго остроты и интриги раздавались во всѣхъ гостиныхъ; который говорилъ какъ Алгернонъ-Сидней или Катонъ Древній, а жилъ какъ Герцогъ Рочестеръ или Силла:

готовый на все, страстный охотникъ биться объ закладъ, пить, играть, послѣ ночи, проведенной въ попойкѣ, спустивъ въ карты половину своего имѣнія, преемникъ строгаго Борка являлся поутру въ Палатѣ, и волновалъ всѣ страсти, воспламеняя чувствительность однихъ, и ненависть, отвращеніе другихъ.

У Борка было слишкомъ много философіи, религіи, разсудительной совѣстливости, слишкомъ много важности и скромности, чтобы онъ сталъ оспаривать побѣду у такого человѣка, каковъ Фоксъ. Но онъ не вдругъ отделился отъ воспитанника, который сдѣлался его начальникомъ: онъ даже помогалъ ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предложивъ между прочимъ знаменитый билль о дѣлахъ Индіи, и тогда-то произнесъ онъ знаменитую рѣчь, превосходнѣйшій памятникъ новѣйшаго краснорѣчія.

«Какъ! вскричалъ Боркъ: мы считаемъ себя завоевателями Индіи, и, вмѣсто того, чтобы, подобно Римлянамъ, побѣдами подвигать впередъ образованность и порядокъ, мы довольствуемся однимъ разрушеніемъ! Эта хищническая гордость, увлекающая насъ въ страны столь отдаленныя, позаботилась ли по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы исправить вредъ, ею самой причиненный, или по крайней мѣрѣ воздвигнуть великолѣпные памятники на землѣ, нами опустошенной? Гдѣ наши училища, наши церкви, наши дворцы, наши богадѣльни? Англія, владѣя Индіею, не провела каналовъ, не построила мостовъ, не проложила большихъ дорогъ. Мы прошли по Индіи не какъ рѣка, оплодотворяющая землю, но какъ бѣшеный тигръ или слонъ, истребляющій на пути своемъ все встрѣчающееся. Если когда нибудь судьба отниметъ у насъ эти владѣнія,

памятникомъ нашего владычества останутся тамъ одни только опустошенія!»

Всякой разъ, когда Боркъ говорилъ объ Индіи, онъ возвышался до самаго удивительнаго краснорѣчія, какъ-будто находя новый источникъ вдохновенія въ странныхъ нравахъ этой отдаленной земли, жгучемъ ея солнцѣ, въ уродливомъ великолѣпнн ея богослуженія. Въ воображеніи его было нѣчто восточное; могущество его проистекало изъ смѣси разсужденія сжатаго, увлекательнаго, сѣвернаго, діалектики сильной и строгой, и поэзіи, которую, казалось, разцвѣчивали лучи Азіятскаго неба. Всѣ эти качества соединены и перемѣшаны въ рѣчахъ его противъ Гастингса, Индійскаго Генераль-Губернатора, единственномъ памятникѣ витійства нынѣшней Европы, который можно противопоставить рѣчамъ Цицерона противъ Верреса. Процессъ Гастингса продолжался десять лѣтъ, и обвиненный обязанъ своимъ оправданіемъ одному только утомленію судей. Дѣло шло о землѣ величиною со всю Европу и о суммѣ равной Англійскому бюджету. Гастингсъ, родившійся въ низкомъ состояніи, въ бѣдности, бывшій сперва учителемъ иностранныхъ языковъ, и бравшій по нѣскольку шиллинговъ за урокъ, достигъ постепенно до званія Индійскаго Генераль-Губернатора. Его упрекали въ грабительство, въ жестокихъ поступкахъ. Никогда обвиненіе не окружалось такою торжественностію. Первый ораторъ новѣйшихъ временъ поддерживалъ доносъ въ Вестминстерѣ, посреди всѣхъ усопшихъ великихъ мужей Великобританіи, подъ огромными и величественными сводами, и предъ лицомъ всего законодательнаго сословія. Боркъ девять дней читалъ рѣчь свою, и сужденіе о ней продолжалось десять лѣтъ.

Время, протекшее съ тѣхъ поръ, позволяетъ намъ нынѣ безпристрастно разсмотрѣть правоту или несправедливость обвиненій Борка. Какъ часто случается въ дѣлахъ человѣческихъ, онъ былъ правъ и неправъ; правъ, въ отношеніи къ нравственности вообще; неправъ, въ отношеніи къ особеннымъ обстоятельствамъ, на которыя онъ опирался. Принужденный вести войну съ варварами, защищаться отъ народовъ дикихъ, употреблять, для поддержанія себя, туземцевъ, Варренъ-Гастингсъ прибѣгалъ къ оружію непозволительному: онъ употреблялъ подкушы, грабительства, ужасъ, даже казни; политика его походила на обыкновенную восточную политику, — съ Индѣйцами онъ самъ сдѣлался раджею и Азіятскимъ деспотомъ. Взирая съ этой стороны, винить его трудно. Но если смотрѣть на него какъ на Христіанина, на Европейскаго правителя, то, конечно, многихъ дѣйствій его оправдать не возможно. Слѣдствіе его поведенія было то, что онъ укоренилъ въ Индіи Англійское владычество, и доставилъ Компаніи несмѣтныя сокровища. Средства, имъ употребленныя, были средства политики тѣмъ болѣе кровавой и коварной, что онъ непрерывно принужденъ былъ бороться съ владыками коварными и кровожадными.

Увы! въ дѣлахъ человѣческихъ царствуетъ логика ужасная и неизбежная. Захватеніе Индостана Англіею было величайшею несправедливостію: для удержанія его за собою, не возможно было употреблять средства справедливыя. Горсть протестантскихъ купцовъ овладѣла, посредствомъ хитрости, пространною землею, въ которой царствовалъ законъ магометанскій и браминское многобожіе; она воспользовалась нравственною и физическою слабостію туземцевъ, ихъ долговременнымъ угнетеніемъ, ихъ робостію и междоусобными распрями. Число завоевателей къ числу

завоеванныхъ содержалось какъ одинъ ко сту. Индѣйцы чувствовали непреодолимое отвращеніе къ сѣвернымъ людямъ, которые заграбили ихъ земли и обременили ихъ налогами; то было отвращеніе терпѣливое, страдательное, но существенное и непреодолимое. Отъ этого противуестественнаго состоянія произошло все зло, все тиранство, всѣ несправедливости, противъ которыхъ такъ сильно возсталъ Боркъ; но, представляя ихъ въ такомъ трагическомъ видѣ, онъ не примѣчалъ въ Варренъ-Гастингсъ несправеднаго и необходимаго орудія дѣла, по себѣ несправеднаго. Онъ забывалъ, что Англіійскій народъ, осудивъ Гастингса, осудилъ бы самого себя; что виноваты во всемъ этомъ были не Гастингсъ или его подчиненные, но жадность, но корыстолюбіе Остъ-Индской Компаніи, которыя побудили ее предпринять для горсти перцу завоеваніе страны, отдѣленной отъ нея столькими материками, столькими морями.

Все это, впрочемъ, не унижаетъ краснорѣчія Борка и его необыкновенныхъ дарованій, точно такъ же, какъ несправедливость Гиббона къ Христіанамъ не мѣшаетъ ему быть превосходнымъ историкомъ, а рѣчи Г. Шатобріана то за республику, то противъ республики и вся его неосновательность не отнимаютъ у него славы изобрѣтателя блистательнаго слога и начальника новой литературной школы. Въ государственномъ мужѣ, важный недостатокъ — восходить къ теоріямъ слишкомъ отвлеченнымъ и высокимъ, къ теоріямъ, разливающимъ туманность на всѣ предметы и неимѣющимъ прямаго примѣненія къ частнымъ случаямъ. Это несчастіе слишкомъ часто случалось и съ Г. Шатобріаномъ и съ Боркомъ, съ тою только разницею, что Г. Шатобріанъ безпрестанно мѣнялъ общія теоріи, и употреблялъ ихъ, чтобы доставить торжество минутнымъ страстямъ своимъ, а Боркъ, на-

противъ, обожая общія теоріи, всегда старался извлечь для нихъ пользу для практической политики. Эта негибкость генія Борка вывела его по крайней мѣрѣ на степенъ безсмертнаго защитника монархіи, религіи и общественнаго порядка въ самое опасное для нихъ время, а страсти Г. Шатобріана вовлекли его въ важныя ошибки, заставляли непрерывно самому себѣ противорѣчить, и причинили бурю и разстройство правилъ въ тихую и благопріятную для нихъ эпоху.

Варренъ-Гастингсъ и Французская революція были для краснорѣчиваго Ирландскаго оратора неистощимыми предметами добродѣтельныхъ проклятій, которыя неоднократно устрашали злонамѣренность. Французская революція, многими тогда одобряемая, явилась его уму въ настоящемъ своемъ видѣ, — разрушительною, исполненою тиранства, пренебрегающею прошедшимъ, не приготовляющею будущаго, смертоносною и варварскою. Съ какою силою, съ какимъ искусствомъ ораторская философія Борка оттъняла всѣ ея мрачныя и загадочныя черты! какъ могущественно убѣждала человѣчество въ необходимости вѣрованія! какъ умѣла вселить свои опасенія за общество даже въ тѣхъ, которые уже собирались низвергнуть его въ пропасть! Сколько плодovitыхъ мыслей, сколько свѣтлыхъ истинъ въ политическихъ твореніяхъ Борка, даже посреди браней и иперболъ, которыми они наполнены! Съ какою точностію предсказалъ онъ судьбу республики, которая, подобно старому Эзону, хотѣла помолодѣть, терзая сама себя; общества, которое старалось возстановить себя, не имѣя основанія, и возобновить себя, отдѣлившись отъ прошедшаго! Какъ хорошо изображаетъ онъ Короля безъ власти, народъ безъ узды, ужасное и пагубное сумасбродство, столь жестоко наказанное!

Въ литературномъ отношеніи мы смѣло ставимъ Борка выше Французскаго писателя, о которомъ въ этой статьѣ говорили: даже въ самыхъ заблужденіяхъ, у него видна послѣдовательность, замѣтна добросовѣстность; онъ всегда согласенъ съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ. Глубокій метафизикъ, одаренный живымъ поэтическимъ инстинктомъ, чрезвычайною силою выраженія и яркостію колорита, онъ занимаетъ въ ряду Англійскихъ ораторовъ то же мѣсто, на которомъ стоитъ Демосѣенъ въ числѣ ораторовъ Греціи.

Надобно замѣтить, однако же, что у Борка и Шатобріана, такъ же какъ у Гиббона, наклонности и привычки литератора владычествовали надъ призваніемъ государственнаго мужа. Касательно умѣнія управлять важными выгодами, великими дѣлами общества, мы должны поставить выше всѣхъ этихъ ораторскихъ и поэтическихъ талантовъ, даже возсіявшихъ въ самой удивительной ихъ силѣ, какъ у Борка, или достигшихъ до самаго яркаго блеска пустословія, какъ у Шатобріана, — Чатамовъ и Питтовъ, которые имѣли сильное, рѣшительное вліяніе на пользы государства, и всегда подчиняли склонности литератора обязанностямъ дѣловаго человѣка.

О.

Quarterly Review. — Fraser's Magazine. — Revue Brit.

ПЛАВАНІЕ

ОКОЛО МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВАНИИ ГАЛЛЕА.

=

Когда нашъ небольшой красивый корабликъ подходилъ къ знаменитому Мысу Доброй Надежды, я часто оставался на палубѣ послѣ вахты, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на созвѣздія, которыя были мнѣ извѣстны прежде только по однимъ названіямъ, и которыя съ трудомъ представлялъ я въ своемъ воображеніи. Разсматривая небесныя карты и небесныя глобусы, — такъ мы привыкли называть всѣ эти игрушки, — мы пріучаемся не вѣрить баснямъ о Кентаврѣ съ двумя блестящими звѣздами, о павлинѣ съ головою сіяющею какъ Алдебаранъ; объ огромномъ кораблѣ Арго, плавающемъ на южномъ полушаріи съ звѣздою, пламеняющею на одномъ изъ корабельныхъ шпилей. Конечно, здравый разумъ во многихъ случаяхъ повелѣвалъ намъ, принимать съ осторожностію эти огромныя соображенія, приведенныя въ земные виды. Формы сами по себѣ не значатъ ничего. Вся номенклатура звѣздъ придумана только для практики, которую первые мореплаватели любили прикрывать завѣсою тайны. Никто не ожидаетъ увидѣть въ небесахъ фигуры Кентавра, корабля или павлина. Несмотря на то, мы чувствуемъ однако жъ какое-то любопытство взглянуть на эти группы звѣздъ, отъ

которыхъ разыгралось пылкое воображеніе первыхъ наблюдателей. Хотя только весьма малое число группъ можетъ быть замѣчено, но мысль наша легко предается пріятному обману. Каждую ночь, когда эти группы подымались на горизонтъ, переходили меридіанъ, и погружались въ западное море, мы болѣе и болѣе представляли ихъ себѣ подъ условными формами гидръ, горлицъ, птицъ, Фениксовъ и летающихъ рыбъ, не забывая огромнаго южнаго кита, котораго гордое око съ трудомъ можетъ быть замѣчено Европейскими астрономами, потому что самое большое его возвышеніе не превосходить 10 градусовъ.

Но изъ всѣхъ антарктическихъ созвѣздій, знаменитый южный крестъ долженъ всегда привлекать вниманіе мореходца. Я думаю, онъ поразилъ бы и того, кто бы никогда не слыхалъ о Христіанской Религіи. Три большія звѣзды, образующія этотъ крестъ, одна вверху, другая на лѣвой сторонѣ, и важнѣйшая изъ всѣхъ, называемая *альфою*, находящаяся внизу, расположены такимъ образомъ, что представляютъ совершенно видъ расплѣтія, даже безъ пособія четвертой небольшой звѣзды, дополняющей горизонтальную линію. Когда созвѣздіе это находится на меридіанѣ, онъ представляется глазамъ почти совершенно прямо; при закатѣ кажется склоняющимся къ западу. Я не увѣренъ, бываетъ ли оно примѣтнѣе въ это время или тогда, когда подымается на востокъ: утверждаю только, что во всякомъ положеніи оно величественно, и способно уносить мысли наши къ небесамъ. Не знаю, какое дѣйствіе производитъ оно надъ другими: что касается до меня, то скажу утвердительно, что въ числѣ многихъ ночей, проведенныхъ въ разсматриваніи южнаго креста, не могу припомнить двухъ случаевъ, въ которыхъ бы видъ его поражалъ меня одинаково, и ни одного, когда бы не

ощущалъ я впечатлѣнія совершенно новаго и всегда спльнѣйшаго, нежели прежнія.

Созвѣздіе это, имѣя 50 градусовъ возвышенія надъ южнымъ полюсомъ, бываетъ видимо во все время своего обращенія. Слѣдовательно, находясь на высотѣ Мыса, я могъ наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, начиная съ того, когда, будучи прямо, оно великолѣпно сілетъ надъ горизонтомъ между 60-ти и 70-ти градусами, до самой той точки, когда, достигая полнаго своего обращенія, склоняется вершиною къ морю. Последнее положеніе, сказать мимоходомъ, напоминало мнѣ всегда смерть Апостола Петра, который былъ распятъ головою къ низу. Словомъ, я ругаюсь, что нѣтъ человѣка столь нечувствительнаго, который бы, наблюдая это пышное созвѣздіе въ различныхъ его видахъ, не былъ пораженъ имъ болѣе или менѣе.

Но это напоминаетъ мнѣ одно весьма тягостное чувство, испытываемое нами среди удовольствія путешествовать по отдаленнымъ странамъ: я говорю о томъ уныніи, которое овладѣваетъ душою, когда мы видимъ невозможность нетолько перелить, хоть письмомъ, впечатлѣнія наши въ сердце отдаленнаго друга, но даже не въ состояніи дать ему малѣйшее понятіе о нашихъ наслажденіяхъ. Въ обыкновенной жизни не имѣемъ мы вѣсовъ, на которыхъ бы можно было взвѣсить ощущенія столь мягкія и, такъ сказать, воздушныя, измѣняющіяся каждую ночь и почти каждую минуту, подобно первымъ лучамъ зари, такъ, что ни какое ихъ описаніе не можетъ казаться намъ удовлетворительнымъ: я боюсь, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, должны мы довольствоваться чувствомъ личнаго упоенія, и отказаться отъ пріятности раздѣлять его съ другими.

Маія 28-го встретили мы пакетботъ, плывшій изъ Англіи въ Бразилію, и вышедшій въ море цѣлымъ мѣсяцомъ позже насъ. У нихъ не было ни журналовъ, ни газетъ, ни реляцій о дѣйствіяхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Лейтенанту пакетбота были совершенно неизвѣстны занимательнѣйшія происшествія той эпохи (1812 года). Въ отвѣтъ на наши вопросы, онъ утверждалъ, что все оставалось точно въ томъ же положеніи, какъ и въ то время, когда мы покинули берега Англіи. Капитанъ былъ боленъ и лежалъ въ своей каютѣ, и намъ нельзя было поговорить съ нимъ. Лейтенантъ, допрашиваемый и мучимый нами, наконецъ признался откровенно, что даже въ Англіи не имѣлъ онъ времени прочесть журналы; что онъ предоставляетъ заниматься дѣлами политическими тѣмъ, которые были обязаны къ тому долгомъ, и что съ него довольно и тѣхъ хлопотъ, которые имѣлъ онъ по своему пакетботу.

«Смѣю сказать,» прибавилъ этотъ чуждакъ съ веселостью, столь противоположною грубой его наружности: «смѣю сказать, что вся эта исторія о Бонапартѣ и Русскихъ закупорена у меня въ этихъ мышкахъ.» Онъ показалъ на чемоданы съ письмами. «И когда отдамъ ихъ въ цѣлости, какъ надѣюсь, въ Ріо-Жанейро, то врядъ-ли можно будетъ сказать, что я не привезъ ни какихъ новостей.»

Іюня 8-го оставили мы Кантонскіе корабли, нагруженные чаемъ, которые конвоировали. Увы, сколько вкусныхъ обѣдовъ теряли мы при этой разлукѣ! Мы направляли путь свой лѣвѣе, на востокъ, къ Мысу Доброй Надежды, а они пошли прямо къ югу, стараясь застать еще южные вѣтры.

Я помню, что на слѣдующій день, при первыхъ лу-

чахъ зари, во время утренней вахты, могъ я съ трудомъ различить въ отдаленіи флотъ съ его мачтами, рисовавшимися на горизонтѣ. На морѣ не было ни тумана, ни качки; свѣжій утренній воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Темно-голубой цвѣтъ горизонта казался почти чернымъ въ сравненіи съ лазуревымъ сребристымъ покровомъ неба, и обозначался рѣзко на подобіе металлической жилы въ какой-нибудь рудоконьѣ. Обративъ зрительную трубу на отдаленныя суда, мы могли видѣть не только ихъ паруса и ихъ мачты, но даже нѣкоторыя изъ снастей. Когда солнце, достигнувъ одного или двухъ градусовъ высоты, разсыпало блестящіе золотые лучи свои на бѣлое по-лотно, то всѣ предметы сдѣлались до того ясны, что, казалось, можно было различить самые швы парусовъ. Не думаю, чтобъ какая-нибудь другая картина могла сравниться съ восхожденіемъ солнца на морѣ, и разлить въ душъ нашей чудное довѣріе къ настоящему, и сладкую надежду на грядущее; по крайней мѣрѣ я, ни въ какія минуты дня, не ощущалъ того, что происходило въ душѣ моей при видѣ восходящаго солнца.

Когда намъ пришлось разстаться съ кораблями, которые мы прикрывали, нельзя было не вспомнить, что въ послѣднихъ взглядахъ, бросаемыхъ на какой-нибудь предметъ, есть всегда что-то грустное. Если чувство сожалѣнія скрывается на днѣ чаши прощанія, оно, будьте увѣрены, всплыветъ непременно, и часто одна лишняя капля переполняетъ цѣлый сосудъ. Въ эту минуту мы не могли однако жъ упрекать с. б. ни въ чемъ, развѣ въ нѣкоторыхъ ругательствахъ, которыми иногда надѣляли нашихъ тяжелыхъ друзей за медленность ихъ хода, и то въ такомъ только случаѣ, когда бывали принуждены, при хорошемъ вѣтрѣ, убавлять паруса, чтобъ итти вмѣстѣ съ ними.

*

фрегатъ, плывущій вмѣстѣ съ тяжелыми судами, олицетворяетъ для меня басню о скучномъ путешествіи зайца въ обществѣ воловъ.

Веселые наши спутники, летучія рыбы, кружившіяся около насъ въ жаркомъ поясѣ, отказались слѣдовать за нами за тропикъ. Единственные путешественники, встрѣчаемые нами въ послѣдствіи, были тяжелые киты и бѣлыя морскія свиньи. Но мы видѣли множество птицъ, особенно пингвиновъ. Капитанъ нашъ, искусный стрѣлокъ, убилъ одного, у котораго ширина распростертыхъ крыльевъ составляла не менѣе семи футовъ. Я часто видѣлъ пингвиновъ, у которыхъ эта ширина простиралась до двѣнадцати, и слыхалъ отъ людей достовѣрныхъ, что она бываетъ и въ шестнадцать футовъ.

Іюня 22 были мы въ виду возвышенныхъ сѣверныхъ береговъ полуострова, образующаго Мысъ Доброй Надежды, гдѣ находится знаменитая Столовая Гора. Она дѣйствительно имѣетъ видъ, соотвѣтствующій ея названію; но высота ея, какъ и вообще высота всѣхъ величайшихъ горъ, слишкомъ преувеличена во всѣхъ описаніяхъ, которыя мы имѣемъ. Въ продолженіе цѣлаго дня тихая погода препятствовала намъ противиться теченію, и хотя къ вечеру вѣтеръ сталъ крѣпчать, но было уже слишкомъ поздно, чтобы намъ воспользоваться. На другой день мы обогнули Мысъ; но вѣтеръ, смѣшенный съ дождемъ, дулъ съ такою силою отъ сѣвера, и море было такъ бурно, что намъ стоило большаго труда держаться: мы не могли даже подумать, чтобы стать на якорь. На слѣдующій день вѣтеръ стихъ, небо прояснилось, мы дошли почти до залива Св. Симона, и въ безопасной бухтѣ засталъ насъ штиль; но гребныя суда военныхъ кораблей скоро выбуксировали насъ въ открытое море.

Въ продолженіе зимы этого полушарія, соответствующей нашему лѣту, единственный пріютъ для кораблей есть заливъ Св. Симона, образующій Мысъ съ южной стороны полуострова. Столовая бухта, называемая такимъ образомъ отъ горы того же имени, висящей почти надъ нею, не безопасна въ зимнее время, потому, что сѣверо-западные вѣтры дуютъ въ нее со всею силою, и весьма часто прибываетъ къ берегамъ суда, имѣющія неосторожность бросить тамъ якорь.

Я очень хорошо помню ту минуту, когда выскочилъ изъ лодки, чтобъ ступить на Африканскій берегъ. Я не стану описывать поэтическихъ ощущеній, вспыхнувшихъ тогда въ душѣ моей, потому что вмѣстѣ съ ними припоминаю также сильное безпокойство, овладѣвшее мною и моими товарищами на счетъ нашего бѣлья, которое въ двухъ большихъ связкахъ было перенесено изъ лодки и отдано прачкѣ. Клянусь честію, я не могу отдѣлать высокихъ впечатлѣній тамошней Природы отъ презрѣнной заботы о рубашкахъ нашихъ матросовъ. Соединеніе этихъ противуположностей такъ обыкновенно въ путешествіяхъ, что большая поэзія поглощается ими: ежели я хочу остановиться на ощущеніяхъ, которыя возбудилъ во мнѣ первый видъ Мыса, этого уголка Земли, такъ глубоко вѣзаннаго въ воображеніе всѣхъ моряковъ, въ ту же минуту приходятъ мнѣ на мысль скучные споры съ прачками Сеймонсъ-Тоуна о цѣнѣ за мытье нашихъ рубашекъ. Тогда прекрасное и высокое сливается съ пошлымъ и обыкновеннымъ, — и вотъ почему я не стану теперь описывать Мыса Доброй Надежды. Посѣтивъ его въ послѣдствіи еще три раза въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, я найду еще случай поговорить о немъ въ подробности.

Третье число Іюля было назначено къ выходу въ море ; но вѣтеръ, сначала слабый, скоро совершенно стихъ. Это воспрепятствовало намъ вступить подъ паруса , и только 5-го числа пошли мы противъ довольно сильнаго юго-восточнаго вѣтра.

Западное теченіе, господствующее около Мыса во всѣ времена года, становится иногда такъ быстро, что заставляетъ корабли совращаться съ своего пути. Оно образуетъ широкую отмель со стороны Игольнаго Мыса, и очевидно происходитъ отъ пассатныхъ вѣтровъ, дующихъ изъ Индѣйскаго Океана.

Въ продолженіе трехъ дней были мы преслѣдуемы то южными вѣтрами, то штилями. Но 8-го Іюля, во время самой глубокой зимы, подулъ крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ, и мы уже не уклонялись отъ нашего пути, дѣлая по 240 миль въ сутки.

Ничего не можетъ быть занимательнѣе перваго дунуенія такого вѣтра. Море бываетъ гладко, и корабль кажется летящимъ по его поверхности. Мачты бросаются впередъ и какъ-будто хотятъ упасть на корабельный носъ, между-тѣмъ какъ реи трещать и гнутся, даже иногда ломаются, ежели не обратятъ на нихъ вниманія.

При первомъ вѣтрѣ и до тѣхъ поръ, пока море еще гладко, можно нести удивительное множество парусовъ. Но мало по-малу осторожность заставляетъ уменьшать ихъ число. Тогда корабль одушевляется новою жизнію, — жизнію опасности. Шкиперъ опытнымъ взоромъ наблюдаетъ за снастями. Плотникъ готовится къ исполненію приказаній. Констапель, предвидя сильную боковую качку, осматриваетъ, хорошо ли укрѣплена артиллерія. Всѣ другіе низшіе служители, каждый на своемъ мѣстѣ, въ жи-

данія шквала, приготовляются встрѣтить его. Матросъ, приставленный къ каютѣ, проситъ спустить къ нему побольше крючьевъ и планокъ, и, получивъ веревки, принимается привязывать стулья и столы. Матросскія ружья прикрѣпляются къ пирамидамъ. Для нижнихъ реевъ приготовляются нокъ-тали, и констапель, въ сопровожденіи мичмана, осматриваетъ еще разъ артиллерію. Всѣ эти предосторожности, и множество другихъ, принимаются съ такимъ порядкомъ, что пассажиры врядъ-ли могутъ ихъ примѣтить. Можно подумать, что каждый изъ служащихъ на корабль, боясь выказать тайныя свои опасенія, рѣшился сдѣлать все, чтобы шквалъ не застигъ его върасплохъ.

Но изъ всѣхъ предвозвѣстниковъ грозной погоды, ни одинъ не поражаетъ такъ страшно, какъ безпокойный взоръ капитана, безпрестанно обращающійся къ той сторонѣ, откуда дуетъ вѣтеръ. Кажется, будто глазъ его хочетъ проникнуть въ густыя, черныя облака, и угадать, сколько времени можетъ онъ еще съ безопасностію держать паруса. Время отъ времени, отторгаетъ онъ взоръ свой отъ вѣтра, чтобы посмотреть на скрѣпленія сгибающихся стеньгъ, и видитъ съ прискорбіемъ, что надувшіеся паруса рвутся и отдѣляются отъ реевъ. Можетъ-быть, въ эту минуту пробуетъ онъ рукою какую-нибудь веревку, натянутую какъ струна на арфѣ, и говоритъ самъ себѣ: «Держись крѣпче, добрая веревка!» Можетъ-быть, идетъ уже въ сороковой разъ посмотреть на барометръ, чувствуя, въ душѣ своей, что ртуть слишкомъ быстро падаетъ. Возвращаясь на палубу, онъ еще заглянулъ въ Горсбургovy «Общія наблюденія о погодѣ и вѣтрахъ,» и почти убѣдился, что должно убавить паруса прежде, чѣмъ корабль подвергнется какой-нибудь опасности.

Ступивъ на палубу, онъ находить, что въ продолженіе немногихъ минутъ, проведенныхъ имъ внизу, вѣтеръ сильно скрѣпчалъ. Онъ наконецъ почувствовалъ необходимость убрать паруса, пока это еще возможно, и пока «небо не унесло ихъ», какъ говорятъ моряки. И въ самомъ дѣлѣ, если эта мѣра хотя нѣсколько замедлится, не только паруса и реи, но и самыя мачты будутъ внезапно вырваны, и, кружась въ воздухѣ, унесутся какъ туманная масса.

Экипажъ, который задолго до команды капитана чувствуетъ необходимость убавить паруса, собирается группами въ разныхъ мѣстахъ палубы; каждый изъ матросовъ разговариваетъ тихо съ своимъ сосѣдомъ, поглядывая съ беспокойствомъ на небо, и треща при каждомъ новомъ трескѣ мачтъ и реевъ.

— Хорошо! снасти славно затрещали! говоритъ одинъ дѣлая удареніе на послѣднее слово.

— Да, отвѣчаетъ другой, тѣмъ же тономъ: и если капитанъ не остережется, то и корабль въ свою очередь затрещитъ не хуже.

— Полно, ребята! возражаетъ старый матросъ постѣвшій на южныхъ моряхъ: мнѣ знакомы эти шквалы; они въ минуту стихаютъ. Вотъ, какъ мы будемъ на высотѣ Игольнаго Мыса, то капитанъ не станетъ нести столько парусовъ: онъ знаетъ эти моря!

Въ эту минуту капитанъ, который не хотѣлъ потерять даромъ ни одной секунды, какъ бы съ сожалѣніемъ возвышаетъ наконецъ свой голосъ, и командуетъ: «Пошелъ всѣ наверхъ! — Марсовые по марсамъ!» Внезапное единоженное движеніе матросовъ, ихъ головы, торчащія со всѣхъ сторонъ, между снас-

тей и веревокъ, мгновенное прекращеніе ихъ споровъ о вѣтрѣ, — все доказываетъ, что они были уже готовы къ командѣ капитана, и только ея дожидались.

— Марсовыя по марсамъ! командуетъ въ свою очередь вахтенный офицеръ громче обыкновеннаго, для того, чтобы дать почувствовать экипажу необходимость поспѣшности. Опытный морякъ, занимающій свою должность, умѣетъ въ короткое время приучить своихъ подчиненныхъ понимать малѣйшія измѣненія его голоса, хотя для постороннихъ они вовсе не замѣтны.

— Марсовыя по марсамъ! Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, — бормочетъ про себя старый матросъ, перебѣгая на бакъ, и бросая испытующіе взгляды на густыя, черныя тучи, несущіяся съ сѣверо-востока: онъ посматриваетъ также на верхніе паруса, надувшіеся отъ вѣтра, и, кажется, выжидаетъ минуты, въ которую они оторвутся отъ реевъ.

— Точно такъ же легко сдѣлать, какъ сказать, возражаетъ неожиданно капитанъ: идучи мимо, онъ услышалъ замѣчаніе стараго матроса. Тебѣ, старикъ, а этимъ молодцамъ это будетъ не трудно, ежели вы только захотите... Ну, ребята!.. сюда!.. готовы ли вы?

Весьма трудно убирать паруса, ежели команда капитана раздается въ ту минуту, когда вѣтеръ дуетъ со всею силою. Въ обыкновенную погоду достаточно для этого нѣсколькихъ матросовъ, но въ штурмъ совсѣмъ другое дѣло: если марса-шкоты будутъ отданы не довольно осторожно, корабль можетъ потерять и реи и стеньги.

Вообще минута, слѣдующая за командою — «Мар-

совые по марсамъ — » бываетъ всегда минутою испытанія для вахтеннаго офицера. Если онъ искусный морякъ, если независимо отъ увѣренности, которую даетъ привычка, онъ обладаетъ еще положительными свѣдѣніями своего званія, то будетъ весьма радъ случаю примѣнить теоретическія свои познанія къ практикѣ. Такой офицеръ не растеряется при самомъ ужаснѣйшемъ шквалѣ: напротивъ, онъ станетъ равнодушно выжидать сильнѣйшихъ его порывовъ, ибо увѣренъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства противиться ему безъ малѣйшаго вреда для корабля. Я часто видалъ молодыхъ офицеровъ, управлявшихъ парусами съ совершенною свободой, тогда какъ старые моряки не знали, какимъ образомъ справиться съ вѣтромъ и выпутаться изъ хлопотъ, въ которыя вовлекло ихъ отсутствіе духа и незнаніе дѣла. Иногда офицеръ бываетъ въ состояніи распорядиться приготовленіями къ убиранію парусовъ по всѣмъ правиламъ Гамильтона-Мура, но едва раздастся роковое слово — «Марсовые по марсамъ!» — все пойдетъ какъ нельзя хуже. Реи ломаются пополамъ отъ слишкомъ ранняго отданія веревокъ, и бѣдный форъ-брамсель упадетъ какъ птица, тогда какъ ундеръ-лисель обвиняется около мачты подобно мокрому покрывалу.

— Что теперь дѣлать?.. шепчетъ про себя бѣдный вахтенный офицеръ, выбившійся изъ силъ. Онъ видитъ сумятицу, происшедшую отъ его незнанія, и старается отвратить безпорядокъ, но, растерявшись, только болѣе его увеличиваетъ. Если въ эту минуту придетъ на палубу капитанъ, свѣдущій въ своемъ искусствѣ, то онъ оставитъ бѣднаго молодого человека выпутаться изъ бѣды, какъ тотъ сумѣетъ, предпочитая лучше потерять кусокъ холста, чѣмъ подвергнуть одного изъ своихъ офицеровъ униженію передать должность свою другому. Отъ подобнаго снис-

хожденія служба потерпитъ гораздо меньше, даже при утратѣ какихъ-нибудь запасныхъ матеріаловъ, чѣмъ отъ неумѣстной строгости, влекущей за собою большой нравственный вредъ, — обнаруженіе въ глазахъ подчиненныхъ невѣжества ихъ офицера.

Иногда случается, что капитанъ, подойдя какъ-бы ненарочно къ офицеру, шепнетъ ему на ухо пару тѣхъ магическихъ словъ, которыя даютъ надлежащій ходъ всѣмъ маневрамъ, распутываютъ веревки, убираютъ паруса и реи, и приводятъ все въ порядокъ. Если и этотъ опытъ не удастся, то капитанъ призываетъ экипажъ. Въ подобныхъ случаяхъ, самъ капитанъ, или чаще старшій лейтенантъ, беретъ руперъ; матросы, услышавъ начальническую команду, къ которой они привыкли — летятъ на реи, разбираются веревки, которыя еще недавно казались перепутанными до невозможности, грозившая опасность отклоняется, всѣ снасти приходятъ въ надлежащій ихъ видъ.

— Теперь позовите вахтеннаго офицера! говоритъ капитанъ, и молодой пристыженный мичманъ снова занимаетъ свое мѣсто на палубѣ. Я не считаю нужнымъ замѣтить, что каждый молодой человѣкъ, одаренный умомъ и самолюбіемъ, скорѣе бы согласился истереть пальцы свои до костей, перелистывая теоретическія книги, чѣмъ подвергнуться подобному стыду. Но кто изъ насъ можетъ поручиться, что избѣжитъ такихъ испытаній, когда мы всѣ по большей части вступаемъ въ званіе моряка съ весьма малою долею опытности, а иногда и вовсе ея не имѣемъ?

Если бъ я былъ вдругъ назначенъ командиромъ корабля въ Греческомъ Архипелагѣ съ повелѣніемъ идти въ Смирну или возвратится въ Мальту, то самого меня много затруднилъ бы путь, котораго бы долженъ

я былъ держаться, чтобъ воспользоваться вѣтрами и теченіями. Въ этомъ случаѣ я былъ бы такъ же несвѣдущъ, какъ тогда, когда бѣ свои познанія въ Навигаціи пріобрѣлъ я, плавая въ продолженіе тридцати лѣтъ, по моему деревенскому пруду, на которомъ начались первыя мои путешествія. Но и тотъ изъ моихъ офицеровъ, который, зная хорошо Левантскую навигацію, сталъ бы втайнѣ подшучивать надъ своимъ новымъ капитаномъ, тотъ самый вѣроятно потерялъ бы охоту смѣяться надъ другими, еслибъ корабль нашъ находился въ Проливѣ Сингапурскомъ, или если бѣ я далъ ему приказаніе вести его въ Пуло-Пенангъ чрезъ Малакскій Проливъ или возвратится въ Китайское Море.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО:

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ УКАТЫВАНІИ ПАХАТНЫХЪ ПОЛЕЙ И О КАТКАХЪ, ДЛЯ СЕГО
УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ.

=

Катокъ есть весьма полезное земледѣльческое орудіе, которое однако жъ, не вездѣ еще употребляется, или во многихъ мѣстахъ дѣлается слишкомъ легкимъ; а потому и не доставляетъ всей пользы, которую оно по настоящему оказать можетъ. Катки дѣлаютъ обыкновенно каменные, чугунные, желѣзные, деревянные, и каждый изъ нихъ конечно имѣетъ свои выгоды. Вилліамъ совѣтуетъ дѣлать ихъ изъ дерева, но не иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: возьми толстый, буде можно, буковый или дубовый чурбанъ длиною около сажени, и чѣмъ онъ будетъ толще, тѣмъ лучше; и обтеши его сколько можно круглѣе и правильнѣе, надѣвъ въ три ряда косяковые ободья одинъ по срединѣ и два на концахъ; по косякамъ обшей его во всю длину узенькими дощечками, какъ можно плотнѣе одна къ другой притесанными; наконецъ набей на него желѣзные обручи. Вообще весь катокъ долженъ имѣть около четырехъ футовъ въ діаметръ. Къ нему прикрѣпляются рядомъ два дышла или двое оглоблей для пары лошадей, которыхъ и достаточно для возки его на ровной почвѣ, въ гористыхъ же мѣстахъ необходимо припрягать еще другую пару.

Укатываніе земли катками какъ слѣдуетъ, оказываетъ на поляхъ самое благотѣльное дѣйствіе: сжимающая и дѣлая рых-

лую почву плотнѣе, оно благопріятствуетъ всходу и самому росту прозябеній, сближая ихъ корни съ землею; плотная почва лучше удерживаетъ въ себѣ нужную ей влагу, и не пропускаетъ солнечныхъ лучей и сухаго воздуха, не твердѣетъ такъ скоро. Вообще на легкой почвѣ укатываніе можетъ имѣть сильное вліяніе на самое обиліе жатвы. Если провести катокъ по посѣву кормовыхъ травъ, то всходы ихъ будутъ лучше; сверхъ того есть сильный поводъ думать, что если укатать ниву, засѣянную пшеницею, то увеличится количество соломы.

Катки меньшаго размѣра употребляются также для разбиванія комьевъ на пашняхъ. Если нельзя сдѣлать сего колотушками или мушкетами по дороговизнѣ ли сего способа, или за недостаткомъ рукъ, въ такомъ случаѣ проходить сначала по нивѣ бороною, которая отчасти разбиваетъ комья, а потомъ, спустя день или два, когда земля засохнетъ, проводить катокъ, который и обращаетъ въ пыль остатки комьевъ. На довольно рыхлой почвѣ достаточно для сего небольшого гладкаго каменнаго катка, фута въ четыре длиною и около полутора фута толщиною, запряженнаго одною лошадыю; если же почва твердая, вязкая и глинистая, то употребляются катки такого же размѣра, но съ продольными, острыми и высокими (около 6 дюмовъ вышиною) желѣзными зубцами, которыми и твердые комья немедленно раздробляются. Вообще объ употребленіи катковъ должно замѣтить слѣдующее:

Легкія почвы, засѣяныя озимымъ хлѣбомъ, должно непременно укатывать въ Апрѣль мѣсяцъ; ибо оттепелями верхній слой почвы поднимается, а большіе дожди, подымая землю, обнажаютъ корни.

Ячмень надобно закатывать тотчасъ послѣ посѣва, особливо же, если по оному съются луговые травы.

Легкія, песчаныя почвы приличнѣе всего укатывать тотчасъ, когда земля столько просохнетъ, что перестанетъ приставать къ катку; глинистую же, вязкую почву не надобно ни пахать, ни боронить, ни укатывать, доколѣ она достаточно не просохнетъ, и торопиться сею послѣднею работою тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, что она можетъ быть произведена и въ то время, когда уже хлѣбъ поднимется дюй-

ма на три. Сверхъ того, если укатать такую пашню, пока сѣмена еще не взошли, и если потомъ вдругъ пойдутъ сильные дожди, а вслѣдъ за ними сдѣлается засуха, то на поверхности земли образуется твердая кора, сквозь которую хлѣбъ не въ силахъ будетъ пробиться.

Овесъ на легкой почвѣ должно закатывать тотчасъ послѣ посѣва, лишь бы только земля не пристакала къ катку; на глинистой и вязкой же почвахъ надобно обождать, пока сѣмена порядочно укоренятся и взойдутъ.

Ленъ также слѣдуетъ закатывать вслѣдъ за посѣвомъ, и отнюдь не упускать сего изъ виду. Этотъ способъ воздѣлыванія имѣетъ ту выгоду, что ленъ поднимается равномерно и весь вдругъ что весьма важно для того, чтобы каждый стебель достигъ надлежащей степени зрѣлости для мыканья, и весь сборъ былъ одинаковой доброты.

Въ первую весну по посѣвѣ травъ того года, луга должно укатывать тотчасъ, какъ только лошадь можетъ пройти по онымъ, не взрывая земли копытами; отъ этого почва дѣлается плотнѣе и травы лучше укореняются. На легкой и рыхлой почвѣ полезно повторять эту работу на другой и на третій годы, хотя впрочемъ въ ней и не настоятъ тогда такой надобности, какъ при первомъ сборѣ. *Н. Ф.*

СОСТАВЪ ИСКУССТВЕННОГО НАЗЕМА.

Давно уже искусственные наземы, или такъ называемые растительные порошки, *poudre végétative*, составляющіе въ западной Европѣ значительную отрасль внутренней торговли, служатъ предметомъ постоянныхъ изслѣдованій и опытовъ сельскихъ хозяевъ. Вотъ составъ одного изъ сихъ наземовъ, на приготовленіе котораго была выдана во Франціи привилегія.

27 пудъ студенины, вываренной изъ 7½ пудъ толченыхъ костей *

* *Приготовленіе студенины.* Истолокши кости, налей на нихъ около 40 ведеръ воды, и поваривъ часовъ 5 или 6 въ мѣдномъ котлѣ, отваръ процеди сквозь желѣзное рѣшето. Или, за недостаткомъ костей, возьми 2¾ пуда шубнаго клею, и развари его въ 35 ведрахъ воды, на что потребно не болѣе получаса.

11 пудъ сухаго густаго кала изъ отхожихъ мѣсть.

20 ведеръ урины.

10 пудъ сажн.

13 — — птичьяго кала.

40 — — сухаго навозу.

80 — — переженнаго алебастра въ порошокъ.

80 — — мылу также въ порошокъ.

27 — — извести гашенной на вольномъ воздухѣ.

8 — — естественной или искусственной соды.

Изготовивъ студенину, положи птичій калъ и навозъ въ большой чанъ, налей его водою такъ, чтобъ она покрыва оба вещества, хорошенько размѣшай и дай этой смѣси бродить дней пять; потомъ всю жидкость изъ нее тщательно выжми, и, смѣшавъ ее съ прочими веществами, всю полученную рыхлую массу высуши, изотри въ порошокъ и просѣй сквозь грохоть. Такимъ образомъ получится наземъ, землеудобряющая сила котораго несравненно болѣе силы обыкновеннаго навоза, такъ, что $7\frac{1}{2}$ пудовъ этого порошка съ избыткомъ замѣняютъ 25 тельгъ лучшаго конскаго навоза. Сверхъ того, онъ имѣетъ еще ту выгоду, что ничѣмъ не пахнетъ, и весьма удобенъ для храненія и перевозки сухимъ путемъ и водою; всего вышеозначеннаго количества порошка достаточно для удобренія 1300 квадратныхъ сажень земли. Н. Ф.

ЦЕМЕНТЪ ДЛЯ ВЫСТЛАНКИ ТОКОВЪ

на гумнахъ, помостахъ въ теплицахъ, крестьянскихъ избахъ, сараяхъ, и проч.

==

Слѣдующій цементъ можетъ быть съ величайшею пользою употребленъ на вышеозначенную потребность, ибо онъ весьма проченъ, крѣпокъ, и не пропускаетъ сквозь себя сырости. Составъ его очень простъ.

Негашеной извести (кипѣлки)..... 2 части.

Золы землянаго угля..... 1

Небольшое количество глины. Смѣшавъ и размочивъ водою всѣ эти вещества, оставляютъ ихъ сутокъ на восемь или на десять въ кучѣ, потомъ дня три или четыре сра-

ду снова переворачиваютъ. Когда смѣсь сдѣлается мягкой и вязкою, намазываютъ ее на помостъ слоемъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ дюймовъ толщиною, и уравниваютъ маленькою лопаткою, употребляемою каменщиками и штукатурами. Для этой работы должно выбирать самое сухое и жаркое время года, и не прежде начать ходить по сдѣланному помосту, какъ когда онъ совершенно высохнетъ и затвердѣетъ. Н. Ф.

ПИТАТЕЛЬНЫЕ КАТЫШКИ ДЛЯ ОХОТНИЧЬИХЪ ЛОШАДЕЙ.

=

Катышки сѣи вошли въ Англіи въ большое употребленіе, особливо же для охотничьихъ лошадей, и почитаются тамъ почти всеобщимъ лекарствомъ для всѣхъ домашнихъ животныхъ. Два или три такихъ катышка, данные лошади поутру, замѣняютъ ей чрезъ цѣлый день и пищу и питье. Вотъ ихъ составъ:

Возьми фунтъ винныхъ ягодъ, по пяти унцій укропу, анису и завязнаго корня, и по четыре унціи сѣрныхъ цвѣтовъ, солодковаго корня, прорѣзнаго попутника, *plantago* согопорус, и девясильнаго корня; винныя ягоды изрѣжь въ маленькіе кусочки, а прочія снадобья преврати въ порошокъ, и все вмѣстѣ хорошенько перемѣшай. Потомъ, сдѣлавъ на бѣломъ виноградномъ винѣ отваръ изъ иссопа (*Hysso-pus officinalis*) и мать-и-мачихи, распусти въ немъ на огнѣ по четыре унціи сахару, лакрицы (сокъ солодковаго корня — *succus liquoritiæ*), патоки и меду. Выливъ взваръ на приготовленную прежде смѣсь, и прибавивъ туда же двѣ унціи анисоваго масла и немного пшеничной муки, замѣси родъ тѣста, которое и храни въ муравленомъ горшкѣ, заливъ сверху прованскимъ масломъ, для предохраненія отъ плѣсени.

Передъ отъѣздомъ на охоту дѣлаютъ изъ этого тѣста катышковъ величиною съ куриное яйцо, и даютъ лошади; если же дать ей два такихъ приѣма, то она будетъ въ состояніи выдержать цѣлый день безъ пищи и питья. Если лошадь не станетъ вѣсть катышковъ, то разводятъ ихъ въ бутылкѣ теплаго бѣлаго вина, прибавивъ туда же истол-

ченныхъ въ порошокъ двѣ унціи теріаку, три драхмы гвоздики и одинъ мушкатный орѣхъ. Давъ лошади проглотить этотъ составъ, должно ее немного проводить, покрыть, попоною и поставить на время въ конюшню.

Англичане весьма уважаютъ это лекарство, и обыкновенно даютъ его лошадямъ, выводимымъ на продажу. Нѣмецкіе купцы, торгующіе лошадьми, также употребляютъ его съ большимъ успѣхомъ. *Н. Ф.*

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ИСТРЕБЛЯТЬ ПАПОРТНИКЪ И ДРУГІЯ РАСТЕНІЯ.

=

Какъ скоро папоротникъ или другое какое либо растеніе, которое истребить желаютъ, достигнетъ совершенной зрѣлости, тогда его скашиваютъ вровень съ землею и поливаютъ растворомъ сѣрноокислаго желѣза (зеленый купоросъ). Противъ этого средства не можетъ устоять ни одно прозябаніе: купоросъ, проникая въ открытыя поры скошеннаго растенія, умерщвляетъ его въ короткое время. Для приготовленія сего раствора берется на фунтъ зеленого купоросу отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 ведеръ воды. *Н. Ф.*

ВЫГОДНѢЙШІЙ СПОСОБЪ ПРОИЗРАЩАТЬ ТУРЕЦКІЕ БОБЫ.

=

Когда бобы разцвѣтутъ, должно верхушки стеблей срывать, только не очень низко, ибо чѣмъ ниже сдѣлается срезъ, тѣмъ онъ будетъ шире и отверстіе въ стеблѣ болѣе, а это необходимо повредить обращенію соковъ и росту прозябанія. Въ благопріятное лѣто, т. е. ни слишкомъ жаркое, ни очень дождливое, когда нечего опасаться ржавчины, средство сіе навѣрное увѣнчается желаемымъ успѣхомъ: пустоцвѣту вовсе не будетъ, и сборъ плодовъ получится самый обильный. Бывали примѣры, что съ одного стебля собиралось до шестидесяти стручьевъ.

Для посадки фасоля надобно выбирать по крайней мѣрѣ годовалыя сѣмена; онѣ даютъ стебель несравненно здоровѣе и приносятъ плодовъ гораздо болѣе, нежели молодыя сѣмена. Садить ихъ лучше въ параллельныхъ бороздкахъ, сдѣланныхъ попарно, довольно въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, и такъ, чтобы промежутки между парами были фунта въ два. Такимъ образомъ на просторѣ, при тщательномъ выпалываніи, урожай фасоля будетъ несравнено болѣе, нежели при обыкновенномъ способѣ воздѣлыванія.

Н. Ф.

О НАГРАДАХЪ,

назначенныхъ Мюльгаузенскимъ Обществомъ Промышленности за усовершенствованіе искусства красить бумажныя матеріи крапомъ и мареною.

=

Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ крапъ или марѣнь, бывшей уже въ употребленіи для окраски матерій, остается еще много краснаго красильнаго вещества, котораго нельзя извлечь изъ нее ни горячею водою, ни другими способами, обыкновенно употребляемыми нынѣ въ красильняхъ, Мюльгаузенское Общество Промышленности обратило особое вниманіе свое на то, какимъ бы образомъ воспользоваться и этимъ теряемымъ остаткомъ. Разведенная водою сѣрная кислота возвращаетъ ему красильное свойство свѣжей марѣны, но краска, получаемая изъ возобновленнаго ею крапа, бываетъ очень линючая; однако жъ это происходитъ вовсе не отъ порчи красильнаго вещества, и доказательство тому служить возможность возвратитъ ей извѣстными способами надлежащую прочность; только способы сіи сопряжены или слишкомъ съ большими издержками, или съ потерей времени, или, что всего чаще случается, не всегда даютъ одинаковые результаты, особливо при производствахъ въ большомъ видѣ. Вообще изъ марѣны, употребленной уже однажды въ дѣло, можно добыть помощію сѣрной кислоты еще до $\frac{1}{3}$ того количества краски,

которое уже было извлечено изъ нее въ первый разъ; и затѣмъ въ ней останется еще довольно красильнаго вещества. Такимъ образомъ, сообразивъ всю потерю, которую мы несемъ нынѣ отъ несовершенства употребляемыхъ нами способовъ красить марёною, легко усмотрѣть, что для вознагражденія этой потери, должно выучиться получать изъ крапа по крайней мѣрѣ въ полтора раза болѣе красильнаго вещества, нежели нынѣ получается.

Обративъ взоръ на огромное количество крапа, ежедневно повсюду потребляемаго, нельзя не пожалѣть о множествѣ этого вещества, стоящаго очень дорого, которое мы безвозвратно теряемъ. Напримѣръ исчислено, что въ одномъ Мюльгаузенѣ употребляется ежегодно до 75,000 килограммовъ (4,582½ пуд.) марёны, стоящихъ среднимъ числомъ до 113,060 фр. (около 101,700 руб. асс.). Следовательно одни тамошніе фабриканты теряютъ каждый годъ до 55,000 фр. (31,500 руб. асс.), считая только, что изъ марёны можно было бы получить красильнаго вещества одною третью болѣе, нежели нынѣ получается. По статистическимъ свѣдѣніямъ Верхнерейнскаго Департамента извѣстно, что потребление этого красильнаго корня въ цѣломъ Департаментѣ простирается ежегодно до 1,500,383 килограммовъ (91,673½ пудъ), что и составляетъ издержку въ 2,250,000 фр. (2,025,000 руб. асс.), отъ которой можно было бы сберечь каждый годъ по 750,000 фр.

Не понятно, какъ, при настоящемъ состояніи свѣдѣній во Франціи, могло быть такъ долго терпимо подобное упущеніе! Оно требуетъ немедленнаго уврачеванія. — Мюльгаузенское Общество Промышленности, чувствуя это вполне, полагаетъ дѣйствительнѣйшимъ къ тому средствомъ назначеніе приличной награды тому, кто укажетъ «вѣрное средство извлечь съ одного приѣма на протравленную хлопчатобумажную матерію всё количество красильнаго вещества, «содержащееся въ марёнѣ, или по крайней мѣрѣ цѣлою «третью болѣе того, нежели сколько нынѣ извлекается.»

Доходы Общества Промышленности не дозволяютъ ему обшачать достойную награду за подобное открытіе, и потому этотъ расходъ долженъ быть отнесенъ на счетъ фабрикантовъ, для которыхъ наиболѣе важно разрѣшеніе пред-

ложеннаго вопроса. Они, предвидя значительную себя выгоду отъ подобнаго усовершенствованія красильнаго искусства, не замедлятъ сложиться и общими силами предложить порядочную сумму для поощренія Химиковъ серьёзно заняться разрѣшеніемъ этой задачи. Многіе уже полагаютъ, что они достигли до удовлетворительнѣйшихъ по сему предмету результатовъ, но отказываются повѣрить тайну своего открытія иначе, какъ за большое денежное вознагражденіе, котораго ни одинъ изъ фабрикантовъ дать не въ состояніи или не захочетъ. Но если бы Общество Промышленности предложило отъ себя такую сумму въ видѣ преміи, то конечно не замедлило бы получить многія разсужденія по сему предмету, и если бѣ, по сдѣланіи сравнительныхъ испытаній, найдено было, что которое нибудь изъ нихъ вполне удовлетворяетъ предложеннымъ условіямъ, то въ такомъ случаѣ издержки подписчиковъ были бы вознаграждены съ лихвою. Даже если бѣ полученные отвѣты были и не во всемъ удовлетворительны, то и тогда они принесли бы ту пользу, что дали бы понятіе о новыхъ опытахъ надъ марёною, что во всякомъ случаѣ полезно, какъ для промышленности, такъ и для самой Науки.

Марёна можетъ быть также употребляема для тисненія ситцевъ, т. е. для составленія набивной краски, сообщающей тканямъ красный цвѣтъ столь же яркій, живой и прочный, какъ и при обыкновенномъ способѣ окрашиванія ихъ сплошь марёною. Набивная краска изъ чистаго крапа была бы чрезвычайно полезна; ибо употребляемый нынѣ способъ красить ситцы марёною въ красный или розовый цвѣтъ сопряженъ съ большими трудностями и обходится слишкомъ дорогъ, особливо, если пожелаютъ сообщить цвѣтамъ всю возможную живость. Сверхъ того набивная краповая краска могла бы быть удобно употребляема и тамъ, гдѣ обыкновенный способъ вовсе невозможенъ или слишкомъ затруднителенъ, тамъ напр. въ расположеніи нелинячаго грунта разныхъ оттѣнковъ, куда входитъ красный цвѣтъ, который теперь поддѣлываютъ. Это новое приспособленіе марёны заслуживаетъ такую же награду, какъ и вышензложенное усовершенствованіе красить этою краскою ткани сплошь.

Въ слѣдствіе сихъ сообщеній Общество Промышленно-

сти открыло подписку, и собрало уже по оной 32,000 (*) фр., обязавъ подписчиковъ къ взносу денегъ только на два года, то есть до Мая мѣсяца 1836 года, на слѣдующихъ условіяхъ :

1. Вся собранная сумма раздѣляется на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая составляетъ особую премію.

2. Каждая премія не можетъ быть меньше 15,000 франковъ.

3. Если всей собранной суммы будетъ недостаточно на двѣ преміи, то назначается одна по общему согласію подписчиковъ.

4. Присланные отвѣты на задачи рассматриваются Химическимъ Комитетомъ Общества Промышленности, награда же назначается общимъ собраніемъ общества.

5. Если присланные отвѣты, не удовлетворяя вполне всѣмъ условіямъ программы, сдѣлаютъ только нѣкоторыя указанія, служащія или къ уменьшенію показанныхъ въ программѣ издержекъ при выдѣлкѣ ситцевъ, или выполнять нѣкоторую часть требуемыхъ условій; то Общество предоставляетъ себѣ право назначать за то золотыя, серебряныя или бронзовыя медали, смотря по сущности и важности выгодъ, которыя можно извлечь изъ предложенныхъ новыхъ способовъ производства.

6. Отвѣты, удостоенные полныхъ или неполныхъ наградъ, по усмотрѣнію Общества, или публикуются къ всеобщему свѣдѣнію, или рассылаются въ спискѣ къ однимъ подписчикамъ.

Условія на полученіе премій суть слѣдующія :

Первая премія.

Цѣною въ 16,000 фр. за открытіе способа красить съ протравою бумажныхъ матерій марбеною, извлекая изъ нее въ одинъ приемъ все количество красильнаго вещества, или по крайней мѣрѣ цѣлою третью больше, нежели нынѣ извлекается.

(*) Подписка еще продолжается и вѣроятно возвысится, о чемъ въ свое время будетъ объявлено особо.

Вся цвѣтъ, имѣющіе основаніемъ квасцы и окисель желѣза, и полученные новымъ способомъ, должны имѣть ту же яркость, живость и прочность, какія имѣютъ матеріи, окрашенные нынѣ употребляемымъ способомъ, и не лннять отъ дѣйствія хлоридныхъ соединений, мыла, кислотъ, щелочей и солнечнаго свѣта.

Части ткани, не покрытыя протравкою, и назначенныя для бѣлаго грунта, равно какъ и наоборотъ, такія же части, долженствующія остаться бѣлыми на цвѣтномъ грунтѣ; должны сохраняться въ краскѣ по крайней мѣрѣ столь же хорошо, какъ нынѣ сохраняются, и выблнваться совершенно не труднѣе теперешняго.

Должно, чтобы способъ оживленія краски на тканяхъ оставался прежній, или не былъ труднѣе и дороже доселѣ употребляемаго.

Требуется, чтобы новый способъ могъ быть удобно приспособленъ къ красильному дѣлу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ понынѣ марѣна употребляется.

Выгоды новаго способа должны быть пріобрѣтены безъ ущерба времени и топлива, а самый способъ удобоисполнимъ для всѣхъ отличій марѣны.

Вообще новый способъ долженъ обходиться не дороже теперешняго, т. е. надержки на потребление въ краску 50 килограммовъ (3 пудъ) крапа, не должны превосходить 4 франковъ (3 руб. 60 коп.).

Вторая премія.

Цѣною въ 16,000 фр. за составленіе краповой набивной краски. Въ составъ этой краски не должны входить ни какія другія красильныя вещества кромѣ марѣны; она должна имѣть ту же яркость, живость и прочность, которыми отличаются матеріи, выкрашенные крапомъ; требуется, чтобы ею можно было набивать бѣлыя ткани какъ посредствомъ печатныхъ вальцовъ, такъ и досокъ, безъ всякой предварительной подготовки тѣхъ тканей; чтобы послѣ набивки ситцевъ не нужно было съ ними ничего дѣлать, развѣ только выполоскать въ водѣ или подвергнуть дѣйствию паровъ; она не должна лннять ни отъ солнца, ни

отъ хлористыхъ соединеній, ни отъ мыла, ни отъ кислотъ, ни отъ щелочей; наконецъ она должна давать все возможные оттенки отъ темно-краснаго до свѣтло-розоваго. Горшокъ, мѣрою въ 2 литра (почти 1½ штофа), этой краски долженъ стоить дороже 10 франковъ (9 руб. асс.).

Отвѣты на задачи, и если случатся при нихъ рисунки и обрашки, вмѣстѣ съ запечатаннымъ пакетомъ, заключающимъ имя и адресъ изобрѣтателя, должны быть присланы, не позже 16 Декабря текущаго 1834 года, къ Президенту Общества (Société industrielle de Mulhausen).

Кто не знаетъ, какъ наши Гг. заводчики и фабриканты туго на обнародованіе и взаимное сообщеніе другъ другу сдѣланныхъ ими открытій или усовершенствованій въ разныхъ техническихъ производствахъ, хотя бѣ даже отъ сохраненія втайнѣ такихъ улучшеній и нельзя было ожидать ни какой существенной пользы ни себѣ, ни людямъ! Поэтому ни чуть не удивительно было бы, если бѣ кто нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ давно уже разрѣшилъ про себя заданныя Мюльгаузенскимъ Обществомъ задачи, подобно тому, какъ не разъ уже случалось, что наши догадливые мужички давнымъ давно придумали такіа вещи, надъ которыми и ученые иностранные промышленники долго еще спуска ломали себѣ головы. И такъ поспѣшаемъ на всякой случай сообщить о предложенной Мюльгаузенскимъ Обществомъ наградѣ, со всеми подробностями обнародованной имъ по этому случаю программы — авось кому либо изъ нашихъ соотечественниковъ удастся пощечиться Французскими денежками, или прибрать къ рукамъ хоть какую нибудь медаль.

Н. Ф.

НОВЫЙ ПРИВОРЪ ДЛЯ ТОЧВНІА БРИТВЪ.

==

Искусствомъ править бритвы доселѣ такъ мало занимались, что всякое усовершенствованіе, служащее къ облегченію мученій, которымъ подвергаются наши подбородки отъ тупыхъ бритвъ, заслуживаетъ быть доведеннымъ до всеобщаго свѣдѣнія.

Томасъ Найтъ изобрѣлъ для точенія бритвъ приборъ, весьма похожій на точила, употребляемыя обыкновенно нашими мясниками и поварами; онъ дѣлается изъ плавленной стали въ видѣ круглой палочки или тонкаго цилиндра, длиною дюйма въ три и около $\frac{1}{2}$ дюйма толщиною. Такую палочку должно сперва какъ можно лучше выгладить, натирая ее вдоль пескомъ или насыпнымъ стекломъ бумагою, и закаливъ сталь какъ возможно тверже. Потомъ надобно ее вычистить, не полируя однако жъ, и поверхность натереть смѣсью изъ деревяннаго масла и угля изъ пережженной соломы, въ которомъ обыкновенно находятся тончайшія пылинки кремнистой земли. Уголь изъ осоки и другихъ прозябающихъ по болотамъ соломчатыхъ растений, а особливо изъ песочнаго колосника, *elymus ageragius*, оказывается еще лучшее дѣйствіе.

Чтобы наточить бритву, лезвее оной проводятъ слегка нѣсколько разъ вдоль приготовленной, какъ сказано, стальной палочки, держа бритву какъ можно отложе, остремъ впередъ и описывая оною послѣдовательно маленькіе круги. Хорошую бритву можно наточить такимъ образомъ въ нѣсколько секундъ. Изобрѣтатель полагаетъ, что бритвы и перочинные ножички удобнѣе точить на цилиндрической, а ланцеты и другіе хирургическіе инструменты, имѣющіе весьма тонкое лезвие, на плоской четырехугольной палочкѣ, и потому на своемъ приборѣ онъ дѣлаетъ съ одной стороны плоскій срезъ около четверти дюйма шириною. Найтъ увѣрляетъ, что бритвы, наточенныя по его способу, имѣютъ лезвие несравненно острѣе и нѣжнѣе направленныхъ на лучшемъ оселкѣ, и что ему удавалось превосходно оттачивать на своемъ приборѣ такіе инструменты, которыхъ, иначе какъ на колесѣ, нельзя было порядочно выострить ни однимъ изъ обыкновенныхъ способовъ.

Говоря о доступномъ для каждаго или такъ сказать о домашнемъ способѣ править бритвы, кстати уже упомянуть и объ оттачиваніи оныхъ ножевищниками на колесѣ. Извѣстно, что колесо, или точило, на которомъ исправляютъ слишкомъ иступленные бритвы, обращаясь съ большою скоростію, разгорячаетъ ихъ до того, что закалка почти всегда ослабѣваетъ, и сталь такъ размягчается, что бритвы дѣлаютъ-

ся очень часто вовсе негодными къ употребленію. Въ отвращеніе сего неудобства, известный Англійскій Физикъ Никольсонъ совѣтуетъ, взявъ округленный, какъ слѣдуетъ, мелкозернистый песчаникъ (точильный камень), нѣбьющій около 8 дюймовъ въ поперечникъ, опустить его на чашъ въ растопленный горячій жиръ или сало, потомъ, вынувъ, положить на открытый воздухъ, дабы сало промзгло. Мыслевъ черезъ шесть укрѣпить въ точило ось, и, установивъ его въ станокъ, употреблять какъ обыкновенно, безпрестанно смачивая водою, налитую въ особоустроенное для того корытцо. Приготовленное такимъ образомъ точило, обрашаясь въ прикосновеніи съ сталью, не издаетъ болѣе искръ, и не разгораяча бритвы, такъ, что ее можно держать голыми руками, снимаетъ съ лезвья весьма скоро всѣ зазубрины. Способъ сей, сдѣлавшійся по случаю известнымъ одному пожевщику, доставилъ ему большую прибыль. Н. Ф.

САМЫЙ ПРОСТОЙ СПОСОБЪ КРАСИТЬ ШЕРСТЬ И СУКНА ВЪ СИНЮЮ КРАСКУ.

=

На фунтъ вымытой шерсти берется унція (8 золотниковъ) толченаго индиго (кубовая краска). Завернувъ краску въ тряпицу, подобно тому какъ поступаютъ прачки съ синькою, вымачиваютъ и выжимаютъ ее въ такомъ количествѣ урины, сколько нужно, чтобъ положенная въ нее шерсть могла хорошенько намокнуть; потомъ закрывъ и замазавъ наглухо горшокъ съ краскою и шерстью, зарываютъ его въ горячій навозъ. Черезъ каждые двадцать четыре часа шерсть вынимаютъ, и выжавъ, развѣшиваютъ на вольномъ воздухѣ, чтобы краска лучше пристала. Дня черезъ три или четыре, когда шерсть получить желаемый цвѣтъ, вынимаютъ ее, и не давая остыть, выполаскиваютъ въ холодной водѣ и наконецъ сушатъ. Этотъ способъ можетъ быть съ пользою употребляемъ каждымъ крестьяниномъ. Н. Ф.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ

СЫРОВЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ У НАСЪ ВООБЩЕ ПОДЪ НАЗВАНІИМИ
ШВЕЙЦАРСКАГО И ПАРМЕЗАНА.

=

Прежде думали, да и доселѣ многіе остаются при томъ же мнѣніи, что доброта и отличныя свойства нѣкоторыхъ сыровъ зависятъ не столько отъ способа ихъ приготовленія, сколько отъ вліянія мѣстныхъ обстоятельствъ. Къ распространенію этого предразсудка, можетъ быть, не мало способствовали увѣренія нѣкоторыхъ сырныхъ заводчиковъ, утверждающихъ, вѣроятно изъ своекорыстныхъ видовъ, будто-бы готовить сыръ очень трудно, и что это искусство требуетъ большаго навыка; ибо, по словамъ ихъ, для полученія всегда одинакаго достоинства сыра, работникъ долженъ непременно измѣнять свои пріемы, какъ при заквашиваніи молока, такъ и дальнѣйшемъ обработываніи творога, соображаясь съ временемъ года, погодою и кормомъ, которымъ довольствуется скотъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ они круглый годъ готовятъ сыръ однимъ и тѣмъ же образомъ, и все искусство ихъ главнѣйше состоитъ въ умѣніи класть въ молоко закваску при надлежащей степени теплоты, и потомъ, въ подогрѣваніи его въ надлежащей мѣрѣ. Да и можетъ ли работникъ измѣнять свои пріемы сообразно корму, даваемому скотины, когда онъ большею частію вовсе не знаетъ коровъ, молоко которыхъ дано ему для приготовленія сыра: однѣ изъ нихъ пасутся на естественныхъ или искусственныхъ лугахъ, другія содержатся въ хлѣвахъ; но и луга и содержаніе на стойлѣ не вездѣ и не всегда одинаковы. Сверхъ того работники, занимающіеся выдѣлкою сыра, бываютъ большею частію люди безъ всякаго образованія, слѣпо придерживающіеся показаннаго имъ однажды способа, и совершенно увѣренные, что, обработывая молоко всегда однимъ и тѣмъ же способомъ, они всегда получаютъ одинаковый сыръ. Имъ почти неизвѣстно употребленіе термометра, прибора столь важнаго во всѣхъ производствахъ работъ, основанныхъ на дѣйствіи теплорода. Изъ всѣхъ силъ соображеній можно,

кажется, утвердительно заключить, что повсюду, гдѣ только разведены улучшенныя породы рогатаго скота, и гдѣ вообще на скотоводство обращаютъ должное вниманіе, можно дѣлать точно такіе же сыры, или по крайней мѣрѣ, почти такіе же сыры, каковы напр. Пармезанъ, Швейцарскій, Голландскій и другіе, наиболѣе уважаемые гастрономами. Разумѣется, первые опыты могутъ быть неудачны, но въ послѣдствіи опытность и навыкъ укажутъ такіе приемы и подробности, которыхъ пельзя найти и въ самомъ лучшемъ описаніи любого производства. Это мнѣніе достаточно подтверждается и самыми событіями, такъ напр.: извѣстно, что въ долинахъ горъ Савойскихъ, Юры и Вогезскихъ дѣлаютъ сыръ наподобіе Швейцарскаго, называемаго Грюйеръ, который прежде приготовлялся исключительно на Альпахъ. Во Франціи и Германіи также научились дѣлать сыръ, который очень трудно отличить отъ привозимаго изъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи. И такъ опытами доказано, кажется, что, придерживаясь одного и того же способа приготовленія, въ разныхъ странахъ и климатахъ можно получать сыръ почти одинаковый, лишь бы только почва и мѣстные обстоятельства благопріятствовали содержанію улучшенныхъ породъ скота. Впрочемъ, хотъ бы такыя опыты и не вездѣ были совершенно удачны, все-таки введеніе извѣстнѣйшихъ, усовершенствованныхъ способовъ приготовленія сыра, можетъ принести сельскимъ хозяевамъ значительную выгоду, а особливо въ Россіи, гдѣ, не взирая на несомнѣнныя выгоды плодоперемѣнной системы, она не введена еще и доселѣ во всеобщее употребленіе, отчасти потому, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, что сельскіе хозяева не имѣютъ у себя достаточнаго количества скота; обширнымъ же скотоводствомъ не занимаются они отъ того, что не умѣютъ еще вполне пользоваться всеми выгодами этой отрасли сельской промышленности. Если бы наши Гг. помѣщики были обезпечены въ хорошемъ сбытѣ сыра, масла, солонины, кожъ, роговъ, копытъ, костей и т. д., что при извѣстной попечительности о народномъ благѣ нашего Правительства, съ небольшими съ ихъ стороны стараніями, весьма возможно, тогда бы всѣ издержки ихъ на содержаніе и улучшеніе скота съ излишкомъ бы окупились;

а неоцѣненная выгода, получаемая отъ скота въ земледѣльствѣ, пришла бы имъ совершенно даромъ.

Дабы ознакомить Русскихъ хозяевъ съ одною изъ главнѣйшихъ выгодъ, получаемыхъ отъ скотоводства въ другихъ земляхъ, было уже сообщено, въ 5-й книжкѣ Библиотеки для Чтенія, описаніе скотоводства и способа приготовления сыра въ Голландіи. Нынѣ съ тою же цѣлю сообщаемъ къ свѣдѣнію нашихъ читателей способы приготовления сыровъ въ Ломбардіи и на Альпахъ, на горѣ Ценись, извлеченные нами изъ сочиненій о семъ предметѣ Бонафу и Бюргера, лично наблюдавшихъ на мѣстѣ всѣ подробности этого производства во время ихъ путешествій: перваго по Альпійскимъ горамъ, а другаго по Верхней Италіи.

О приготовленіи сыра въ Ломбардіи. Этимъ промысломъ занимаются въ Ломбардіи преимущественно жители Миланской, Лодиской и Павійской областей; замѣчательно однако жъ, что рогатый скотъ, отъ котораго получается молоко для приготовления сыра, пригоняется большею частию изъ Швейцаріи, которая отъ этой торговли получаетъ значительную прибыль, такъ, что ежегодный пригонъ рогатаго скота въ Верхнюю Италію простирается до 40,000 головъ. Это вѣроятно происходитъ отъ того, что многіе сельскіе хозяева продолжаютъ еще упорствовать въ старомъ предразсудкѣ, будто бы однѣ только коровы, пригоняемыя прямо изъ Швейцаріи, даютъ молоко, годное для дѣланія хорошаго сыра. Между тѣмъ уже многими, самыми убѣдительными опытами доказано, что въ Ломбардіи молоко туземныхъ коровъ, улучшенныхъ Швейцарскою и Тирольскою породами, ничѣмъ не хуже получаемого отъ чистыхъ Швейцарскихъ.

Количество молока, получаемого отъ каждой коровы, главнѣйше зависитъ отъ качества корма. Часто попадаютъ между ними такія, которыя при хорошемъ кормѣ, въ теченіе 4 или 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, даютъ ежедневно отъ 28 до 30 бутылокъ молока — круглымъ же числомъ можно считать отъ каждой коровы по 10 бутылокъ на день. Большая часть молока идетъ на дѣланіе сыра, и обыкновенно полагается, что изъ 100 фунтовъ молока, выходитъ до 8 1/2 фунтовъ сыра и отъ 2 1/2 до 3 фунтовъ масла.

Сыръ, приготовляемый нынѣ въ большомъ количествѣ въ сказанныхъ выше областяхъ, извѣстенъ въ Италіи и за границами оной подъ именемъ Пармезана. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ сыровъ, какъ по своему пріятному вкусу, такъ и потому, что долѣе прочихъ сохраняется отъ гнилаго запаха и прогорѣлаго вкуса, которые принимаетъ со временемъ большая часть сыровъ.

Ломбардскій способъ приготовленія сыра состоитъ въ слѣдующемъ: коровъ доятъ дважды въ день, въ первый разъ на разсвѣтъ и даже раньше (лѣтомъ часа въ два или три), а въ другой, вечеромъ около пяти часовъ. Чѣмъ долѣе стоитъ утренній удой, тѣмъ болѣе снимается съ него сливокъ, изъ которыхъ и пахтается масло. Молоко отстаивается въ широкихъ плошкахъ, мѣрою отъ 9 до 10 бутылокъ, въ прохладномъ мѣстѣ.

Смѣшавъ вмѣстѣ снятое утреннее молоко и цѣльное вечернее, приступаютъ къ дѣланію сыра, въ Іюнѣ около 8 часовъ утра. Для сего выливаютъ оба удои въ чистый котелъ, и нагрѣваютъ молоко до 22 и даже до 25 градусовъ Реом. Въ подогрѣтое, такимъ образомъ, молоко опускаютъ кусокъ закваски, по пропорціи, ниже сего показанной.

Закваска (сычужокъ) готовится изъ телячьяго желудка вмѣстѣ съ свернувшимся въ немъ молокомъ. Для сего желудокъ сушатъ на солнцѣ или на огнѣ, потомъ, изрѣзавъ въ куски, посыпаютъ нѣсколько солью, для предохраненія отъ порчи, кладутъ въ особый сосудъ, закрываютъ его плотно крышкою, и хранятъ для употребленія. Хотя приготовленный, такимъ образомъ, телячій желудокъ служить наилучшею закваскою для молока, однако жъ многіе хозяева сырныхъ заводовъ, желая ускорить створоженіе, прибавляютъ въ него нѣсколько уксуса, или на каждый фунтъ закваски берутъ еще около 7 золотниковъ тертаго стараго Пармезанскаго сыра и около 4 золотниковъ мелко истолченнаго перца. Обыкновенно на 180 бутылокъ молока полагается отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 лотовъ свѣжей, хорошо приготовленной закваски; впрочемъ это количество измѣняется, судя по тому, скоро или медленно молоко окисается, что иногда зависитъ отъ времени года, теплоты воздуха и электрическаго состоянія атмосферы.

Подогрѣвъ молоко, какъ выше сказано до 22° — 25° (или ниже, если молоко скоро свертывается), опускаютъ въ нее кусокъ закваски, завернутый въ тоненькую тряпицу и мнутъ его между пальцами до тѣхъ поръ, пока большая часть онаго распустится. Въ то же время другой работникъ непрерывно мѣшаетъ молоко большимъ уполовникомъ или лопатою. Потомъ котелъ закрывается деревяннымъ кружкомъ, и огонь подъ нимъ немедленно гасится. Черезъ часъ или три четверти часа, когда молоко совершенно свернется, снова раскладываютъ подъ котломъ сильный огонь, чтобы молоко подогрѣлось какъ можно скорѣе — для чего обыкновенно употребляютъ сухія топочевыя дрова. Между тѣмъ работникъ безпрестанно мѣшаетъ жидкость большою мутовкою и разбиваетъ образовавшіеся въ ней комья творога. Какъ скоро вся масса достаточно размѣшается, прибавляютъ въ нее немного мелко истертаго сухаго шафрана (на 30 фунтовъ молока полагается 1 гранъ шафрана). Спустя $\frac{1}{4}$ часа послѣ того, какъ первыя дрова сгорятъ, разводятъ огонь въ другой разъ такъ, чтобы сильное пламя вдругъ охватило весь котелъ. Въ то же время мѣшаютъ жидкость особою мѣшалкою, на концѣ которой насаженъ небольшой деревянный кружокъ, до тѣхъ поръ, пока температура жидкости возвысится до 25° Реом. Потомъ берутъ мутовку и разбиваютъ ею вновь образовавшіеся въ котлѣ комья; затѣмъ снова принимаются за мѣшалки съ кружкомъ, и въ то же время усиливаютъ огонь такъ, чтобы жидкость подогрѣлась отъ 42° до 44° Реом.

Коль скоро жидкость нагрѣется до желаемой степени, огонь тушатъ, котелъ снимаютъ съ тагана, и оставляютъ всю массу на четверть часа въ покой. Въ это время творогъ осѣдаетъ на дно сосуда, а сыворотка собирается сверху; тогда ее осторожно сцеживаютъ такъ, чтобы она едва покрывала осѣвшій творогъ. На оставшееся въ котлѣ, бережно выливаютъ полный горшокъ чистой холодной воды и ту же минуту столько же сцеженной передъ тѣмъ сыворотки; отъ чего жидкость охлаждается, такъ, что въ ней можно свободно держать руку.

Приготовивъ все надлежащимъ образомъ, опредѣленный для дѣланія сыра работникъ переминаетъ руками осѣвшій на дно

котла творогъ, и соединивъ всѣ комья въ одинъ, опускаетъ въ котелъ широкое полотенцо, на которое и кладетъ сдѣланный сыръ. Между тѣмъ другой человекъ выливаетъ туда же сцѣженную прежде сыворотку; въ которой всегда содержатся еще частицы сыра, отдѣлившіяся при вторичномъ нагрѣваніи. Послѣ того оба работника вытаскиваютъ изъ котла лежащій на полотенцѣ кругъ сыра, кладутъ его на томъ же полотнѣ въ особый сосудъ, на днѣ котораго просверлено множество отверстій, закрываютъ его свободными концами полотенца, и даютъ жидкости стечь съ него. Черезъ часъ сыръ изъ сосуда переносится въ форму, на томъ же полотнѣ.

Форма дѣлается изъ широкаго деревяннаго обруча, концы котораго связываются веревочкою; она ставится обыкновенно на довольно покатомъ столѣ, гдѣ и оставляется до вечера, безъ гнета. Въ вечеру переносятъ сырный кругъ въ особый амбаръ, въ которомъ его и оставляютъ въ покой дня на четыре. Полотенцо вынимается на другой день.

Всѣ занимающіеся приготовленіемъ сыра согласны, что должно растирать свернувшееся молоко какъ можно мельче; и что въ третій разъ отнюдь не слѣдуетъ нагрѣвать молоко свыше 44° Р. т.; какимъ же образомъ производить это нагрѣваніе, т. е. медленно или скоро, о томъ мнѣнія различны. Нѣкоторые заводчики оставляютъ творогъ на огнѣ не болѣе четверти часа; другіе же, напротивъ того, держатъ его на немъ до $2\frac{1}{2}$ часовъ. Впрочемъ въ томъ и другомъ случаѣ свойства сыра не измѣняются примѣтно. Но главнѣйше должно смотрѣть на температуру молока въ то время, когда кладутъ въ него закваску; случается, что въ лѣтнее время оно и безъ нагрѣванія показываетъ отъ 22° до 25° Р. т.

Амбаръ, въ который переносятся формы съ сыромъ, есть невысокое каменное зданіе со сводами и окнами, обращенными на сѣверъ, которыя запираются ставнями, частію для предохраненія отъ сквознаго вѣтра, болѣе же для защиты отъ солнечныхъ лучей и вѣшней теплоты.

На четвертые сутки по перенесеніи сыра въ амбаръ, приступаютъ къ соленію. Для сего посыпаютъ сыръ сверху бузуномъ, который, растворяясь въ водѣ, проникаетъ

мало по малу въ массу сырнаго круга. Въ теченіе первыхъ 20 дней, его переворачиваютъ и посыпаютъ солью ежедневно, а въ слѣдующіе за тѣмъ 20 дней, черезъ сутки. На фунтъ сыра полагается, круглымъ числомъ, лоть хорошо высушенной соли. Если амбаръ довольно тѣсенъ, то кладутъ одинъ кругъ сыра на другой.

По истеченіи 40 дней, сыръ дѣлается довольно твердымъ и получаетъ пріятный соленый вкусъ; тогда его переносятъ въ кладовую — другое, просторное и, если можно, каменное же зданіе со сводами, въ которое не проникаютъ ни сырость, ни прямые лучи солнца. Сыры размѣщаются въ кладовой на полкахъ, нарочно устроенныхъ по стѣнамъ зданія. Прежде перенесенія сыровъ въ кладовую, каждый кругъ оскребаютъ, обмываютъ горячею сывороткою, нагнетаютъ сверху особенную дощечкою съ остроконечными нарѣзами, отъ чего корка получаетъ большую твердость, и наконецъ обмазываютъ сыръ чистымъ льнянымъ масломъ. Во все время храненія сыровъ въ кладовой, переворачиваютъ ихъ ежедневно, а чрезъ каждые два дня смазываютъ льнянымъ масломъ. Въ Ломбардіи сыры поступаютъ въ продажу въ половинѣ Іюня или въ концѣ Октября. Чтобы узнать, хорошо ли сохраняется сыръ и не показалась ли въ немъ гниль, которая иногда заводится, ставятъ кругъ на ребро, и ударяя по немъ маленькимъ молоткомъ, судятъ по звуку о состояніи сыра: въ томъ мѣстѣ, гдѣ оказалась гниль, слышится всегда довольно чистый звонъ.

Теперь возвратимся къ вторичному нагрѣванію сѣженной сыворотки. Выливъ ее назадъ въ котелъ, ставятъ его на огонь и безпрерывно мѣшая, нагрѣваютъ жидкость выше 70° Р. т. При этой температурѣ оставшіяся въ сывороткѣ частицы сыра ссѣдаются и всплываютъ наверхъ; тогда ее процѣживаютъ сквозь чистое полотенце, а изъ полученнаго творога готовятъ небольшіе круги сыра, низшаго разбора. Въ отцѣженной такимъ образомъ сывороткѣ, все еще находятся сырныя частицы, а потому ее опять выливаютъ въ котелъ, и прибавивъ туда же нѣсколько, совершенно уже скисшей, сыворотки, сильно кипятятъ; причемъ отдѣляется и послѣдній остатокъ творога, изъ

котораго приготовляемый сыръ копится для домашняго употребленія рабочимъ.

О приготовленіи сыра въ верхней Италіи, на горѣ Ценись. Этотъ сыръ готовится, начиная отъ верхняго уступа горы Ценись, поднимающагося почти на тысячу туазовъ надъ поверхностію моря до Бесанскихъ и Бонневильскихъ пастбищъ, лежащихъ на сѣверной покатости этой горы въ долину, которая оканчивается при подошвѣ горы Изеранъ (Iseran), и защищается отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокою цѣпью горъ. Этимъ промысломъ занимаются также въ Моріэнскомъ Маркизатствѣ; но тамошній сыръ вообще не такъ вкусенъ, какъ Монценисскій, однако жъ, несмотря на то, онъ во множествѣ вывозится въ южную Францію, и сбывается тамъ довольно выгодно.

Монценисскій сыръ дѣлается изъ коровьяго молока съ примѣсью овечьяго и козьяго. Хотя пропорція каждаго молока въ точности и не опредѣлена занимающимися симъ дѣломъ, однако же приблизительно можно положить, что на два съ половиною удоа коровьяго молока, они берутъ десять удоевъ овечьяго и одинъ удои козьяго, разумѣя въ удоѣ все количество молока, получаемое въ продолженіе сутокъ отъ каждаго животнаго. Такое заключеніе вывелъ Г. Бонафу изъ того, что во всѣхъ стадахъ, которыя ему встрѣчались, на каждую корову находилось по четыре овцы и на десять овецъ по одной козѣ.

Содержимыя на Монценисѣ коровы разведены отъ Тарентской породы, или прямо пригоняются изъ сей области; онѣ все не такъ красивы, какъ настоящія Швейцарскія, но зато вообще требуютъ не такъ много корма; шея у нихъ короткая, рога развилыстые, довольно толстое брюхо, крѣпкія ноги и небольшое вымя. Цвѣтомъ онѣ бываютъ преимущественно черныя, но темно-сѣрыя предпочитаются; рыжія же и бѣлыя уважаются гораздо менѣе, потому, что онѣ не такъ крѣпки, и молоко у нихъ хуже, а особливо у совершенно бѣлыхъ. Вообще тамошнія коровы вѣсятъ отъ 400 до 500 фунтовъ, и продаются цѣною отъ 100 до 150 франковъ каждая. Самыя большія изъ нихъ не бываютъ никогда тяжелѣе 500 фунтовъ. Нерѣдко попадаются между сими коровами такія, которыя въ лѣтніе мѣсяцы даютъ ежедневно отъ 8 до 10 кринокъ

молока, или, считая среднимъ числомъ, можно положить отъ 5 до 6 кринковъ на каждую (около 4 большихъ стакановъ въ кринку). Стадо, состоящее изъ 15 коровъ, 60 овецъ и 6 козъ, даетъ отъ 50 до 55 сыровъ, въсомъ отъ 25 до 28 фунтовъ каждый, да кроме того около пяти квинталей (слишкомъ 6 пудъ) масла и большее или меньшее количество сыра низшаго разбора, который готовится изъ творогу, остающагося въ сывороткѣ послѣ первого створожения.

Около перваго Іюня, по новому стилю, когда теплая погода установится, выгоняютъ стада на пастбища, гдѣ они и пасутся до Сюзской ярмарки (23 Сентября), на которой обыкновенно ихъ продаютъ, если не желаютъ оставить у себя на зиму; другіе хозяева съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ загоняютъ свои стада въ хлѣва; а нѣкоторые, не желая продавать скотъ, но не имѣя способовъ содержать его зимою, гоняютъ свои стада на Піемонтскія или Савойскія долины къ тамошнимъ поселянамъ, которымъ и отдають его на содержаніе изъ половины прибыли, до 10 Іюня. Зимою кормятъ скотъ сѣномъ и соломою, а поятъ чистою водою; новотельнымъ же коровамъ даютъ поило изъ воды съ сѣнною трухою и капустнымъ листомъ, нарочно для того сохраняемымъ. Соли даютъ скоту около одной унціи въ сутки, только лѣтомъ для возбужденія аппетита и жажды. Вообще содержатели стадъ замѣчаютъ, что чѣмъ лучше скотъ защищенъ отъ холода и ненастья, тѣмъ онъ меньше требуетъ пищи.

Овецъ оставляютъ на зиму очень немного. Этихъ животныхъ, обыкновенной, простой породы, покупаютъ послѣ весенней стрижки, платя отъ 9 до 10 франковъ за каждое; а по прошествіи лѣта, снявъ съ нихъ около двухъ фунтовъ шерсти, продаютъ на Сюзской ярмаркѣ за треть цѣны. Годовалая овца вѣситъ обыкновенно отъ сорока до пятидесяти фунтовъ. Овецъ, оставляемыхъ хозяевами на зиму, стригутъ около Андреева дня (30 Ноября), и тогда собираютъ съ каждой отъ 5 до 6 фунтовъ шерсти, изъ которой вяжутъ чулки или дѣлаютъ толстое еукно, употребляемое на одежду пастухамъ. Чаше же скотоводы отдають своихъ овецъ на зиму жителямъ низменныхъ мѣстъ изъ половины прибыли.

Козы, какъ извѣстно, по природѣ уже легко разводятся на горахъ. На Монценияхъ, какъ и вездѣ въ Швейцаріи, преимущественно содержатся бѣлыя и безрогія козы. Въсѣ ихъ равенъ всѣмъ овецъ, только онѣ даютъ ежедневно по двѣ кринки молока, тогда какъ отъ овецъ получается по одной кринки въ сутки.

Нагорныя пастбища, столь благопріятныя для скотоводства, изобилуютъ преимущественно растеніями изъ листьевъ цинкорейныхъ, мотыльковыхъ, горецовыхъ и т. п., широкіе листья коихъ содержатъ слизистыя и молочайныя вещества въ болѣебольшомъ количествѣ, нежели листья ниворослей, которыя можно сказать, почти исключительно покрываютъ луга на равнинахъ. Сочныя и питательныя нагорныя травы усиливаютъ пищевареніе животныхъ и чрезвычайно увеличиваютъ количество молока; чему, вѣроятно, немало содѣйствуетъ и чистый, свѣжій нагорный воздухъ, а можетъ быть и электричество тумановъ, носящихся на высотахъ.

Строеніе, въ которомъ готовится сыръ, обыкновенно ставится на лугу близъ небольшого протока или ручья, каковыхъ много встрѣчается въ нагорныхъ странахъ. Оно строится изъ камня или кирпича, и покрывается довольно толстыми плитами. Мѣсто для постройки стараются выбирать такое, которое какъ можно лучше защищено отъ стремительныхъ сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Внутреннее расположеніе зданія очень просто: небольшое отдѣленіе онаго, надъ которымъ находится сѣнникъ, служитъ хлѣвомъ; въ другомъ готовится сыръ, для чего тутъ собраны всѣ нужные приборы и построены очагъ, съ копакомъ, который сдѣланъ довольно высоко такъ, чтобы работникъ могъ, не наклоняясь, заниматься своимъ дѣломъ. Въ третьемъ отдѣленіи, обыкновенно обращенномъ на сѣверъ, и примыкающемъ ко второму, ставится молоко; въ четвертомъ помѣщаются женщины, занимающіяся приготовленіемъ сыра. Изготовленный сыръ солится и сохраняется въ погребахъ, вырытыхъ въ землѣ.

Самое дѣлопроизводство очень просто и можетъ быть введено повсюду; работы же идутъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Вечерній удой процеживаютъ сквозь большую ворон-

ку, отверзтіе въ которой затыкается соломой или корешками пырея. Воронку устанавливают надъ кадкою, въ которую сцеживается молоко, пробираясь сквозь затычку и оставляя въ ней шерсть и другія постороннія вещества. Прощеженное молоко ставятъ часовъ на двѣнадцать въ прохладное мѣсто, и давъ устояться, снимаютъ съ него на слѣдующее утро всѣ сливки; снятое молоко выливаютъ въ цѣльный утренній удой, процеженный такимъ же образомъ, какъ и вечерній. Сыръ, сдѣланный изъ цѣльнаго молока, бываетъ жирнѣе и вкуснѣе, но трудно сохраняется отъ порчи. Если погода стоитъ довольно холодная, то, по снятіи сливокъ съ вечерняго удою, выливаютъ его предварительно въ мѣдный котелъ, и подогреваютъ до 20° Р. т., или до температуры парнаго молока. Замѣтимъ здѣсь, что затычку въ воронкѣ должно каждый разъ тотчасъ послѣ процеживанія тщательно вымывать чистою водою; въ противномъ случаѣ молоко, остающееся на соломѣ или на корешкахъ пырея, окисая, будетъ квасить молоко, идущее на приготовленіе сыра.

II. Для створоженія молока употребляется закваска, которая готовится слѣдующимъ образомъ: взявъ сотню гвоздики, столько же зеренъ перцу и полтора фунта соли, все вмѣстѣ кипятятъ въ водѣ около четверти часа, потомъ, остудивъ отваръ, опускаютъ въ него два телячьихъ желудка, взятыхъ изъ молочныхъ телятъ, и оставляютъ ихъ въ немъ мокнуть недѣль шесть.

Количество этой закваски, употребляемое для створоженія молока, измѣняется, смотря по погодѣ, по густотѣ молока и свойству самой закваски, въ которой содержится иногда болѣе, а иногда менѣе кислоты. Если взять закваски меньше надлежащаго количества, то молоко не створожится вполне; въ противномъ же случаѣ, оно свернется слишкомъ скоро, и творогъ получить непріятный кислый вкусъ. И такъ главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы употребить возможно меньшее, но вмѣстѣ достаточное количество закваски: обыкновенно берется оной одна столовая ложка на 50 кувшиновъ (по 4 фунта въ каждомъ); впрочемъ при этомъ производствѣ должно преимущественно слѣдовать указаніямъ опыта.—Выливъ закваску въ молоко, мѣшаютъ его дере-

вяннюю мутовкою; потомъ, закрывъ сосудъ чистою тряпкою, для защищенія молока отъ мухъ и пыли, оставляютъ его часа на два въ поковъ: въ продолженіе этого времени молоко свертывается. Въ холодную погоду закваска дѣствуетъ очень медленно, и потому должно молоко слегка подогревать, остерегаясь только, чтобъ оно не прокисло, отъ чего сыръ можетъ получить дурной запахъ. Покуда молоко створожится какъ слѣдуетъ, въ это время работницы пахтаютъ масло.

III. Когда творогъ осядетъ, сыворотку сливаютъ; она обыкновенно имѣетъ зеленоватый цвѣтъ, если створожение произошло вполнѣ, въ противномъ же случаѣ она бываетъ бѣловата. Потомъ работникъ, или работница, погруживъ руки въ кадку, собираетъ весь творогъ въ кучу, переминаетъ и мѣситъ его какъ можно лучше до тѣхъ поръ, пока онъ перестанетъ приставать къ кадкѣ и вся сыворотка изъ него выжмется. Отъ этого творогъ получается въ видѣ сплошной, довольно твердой и упругой массы. После сей работы, которая продолжается неменѣе часа, кадку наклоняютъ, и вся оставшаяся въ ней сыворотка сливается. Вѣроятно, что творогъ, переминаясь, получаетъ не только большую плотность, но еще сверхъ того соединяется съ известнымъ количествомъ воздуха; каковое соединеніе совокупно съ дѣйствіемъ теплоты рукъ, мнущихъ творогъ, способствуетъ образованію сыра.

IV. Вынувъ изъ кадки перемятый творогъ, раздѣляютъ его на двѣ равныя части: одну изъ нихъ немедленно опускаютъ въ сыворотку, въ которой она и остается до слѣдующаго утра; на другой день эту половину переминаютъ съ половиною новаго творога, оставляя другую его половину опять до слѣдующаго дня и т. д., всегда оставляютъ одну часть творога до завтра. Другую половину перемятаго творога, завернувъ въ холстъ, кладутъ въ тонкій желѣзный или упругій деревянный довольно широкій обручъ, поперечникъ косяго можно по произволу уменьшать или увеличивать, и съ нимъ вмѣстѣ вставляютъ въ деревянную форму, на днѣ которой сдѣлано нѣсколько отверстій для стока сыворотки. Творогъ укладывается въ обручъ ровно и плотно, такъ, чтобы сырная масса возвышалась надъ верхними кра-

ами обруча не болѣе одного дюйма; потомъ накрываютъ форму деревяннымъ кружкомъ, поперечникъ котораго нѣсколько болѣе поперечника формы; и, поставивъ сію послѣднюю подъ гнетъ надъ широкою плоскою или лоханью, даютъ сывороткѣ стекать въ нее въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

V. На слѣдующій день, когда творогъ въ формѣ оседетъ, вынимаютъ его изъ оной, завертываютъ въ сухую холстинку, и, перевернувъ, опять кладутъ въ обручъ и потомъ въ форму. На сей разъ сыръ стѣкаютъ гораздо сильнѣе, положивъ форму подъ прессъ, посредствомъ котораго и выжимается изъ него вся остальная сыворотка. Этотъ приборъ, который можетъ быть приводимъ въ движеніе однимъ человекомъ, состоитъ изъ двухъ стоекъ, связанныхъ наверху поперечнымъ брусомъ. Въ тѣхъ же стойкахъ укрѣпленъ воротъ съ рукояткою, посредствомъ котораго поднимается ящикъ съ камнями или другимъ грузомъ. Этотъ ящикъ, или гнетъ, можетъ опускаться вплоть до нижней доски, въ которой утверждены стойки, и на поверхности коей выдолбленъ для стока сыворотки жолобъ съ носкомъ. Сыръ оставляется подъ прессомъ трое сутокъ, а иногда, если погода стоитъ холодная, до пяти и даже до шести дней. Во все это время его ежедневно переворачиваютъ и каждый разъ увеличиваютъ грузъ. Въ одинъ и тотъ же прессъ можно класть и по два сыра вмѣстѣ, перекладывая ихъ деревяннымъ кружкомъ.

VI. Выжатый такимъ образомъ сыръ переносятъ въ погребъ для соленія. Соль, умѣряя броженіе сыра, содѣйствуетъ вмѣстѣ къ улучшенію и сохраненію его. Сырые круги раскладываютъ на полкахъ, сдѣланныхъ вокругъ всего погреба. Чѣмъ погребъ суше и прохладнѣе, и чѣмъ температура въ немъ постояннѣе, тѣмъ правильнѣе происходитъ броженіе сыра. Нѣкоторые хозяева проводятъ въ свои погреба маленькіе ручейки, которые прохлаждаютъ въ нихъ воздухъ.

Количество соли, употребляемое для соленія сыровъ, измѣняется сообразно температурѣ мѣста, гдѣ они лежатъ, и степени влажности сыра. Среднимъ же числомъ можно положить до пяти фунтовъ соли на каждый сыръ весомъ

отъ двадцати до двадцати осьми фунтовъ. Соль берется для сего преимущественно сѣрая, потому что она лучше поглощаетъ влагу, содержащуюся въ сырѣ; высушивъ и истолокши соль, посыпаютъ ею сыры какъ можно ровнѣе, и потомъ втираютъ ее въ нихъ голою рукою. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или около того, повторяютъ это непрерывно черезъ день, переворачивая сыры каждый разъ на другой бокъ. Соленіе оканчивается, какъ скоро замѣтятъ въ сырѣ избытокъ влаги; это служитъ признакомъ, что онъ уже напился солью; причемъ на поверхности сыра образуется сѣровая корка.

VII. Послѣ соленія кладутъ сыры рядомъ на солому, разостланную по землѣ, но такъ, чтобъ они отнюдь не касались одинъ другаго. Чѣмъ болѣе сырныхъ круговъ лежить въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ они лучше и скорѣе поспѣваютъ. Солому время отъ времени переменяютъ, а сыры ежедневно переворачиваютъ съ боку на бокъ. Въ это время происходитъ въ сырѣ особаго рода броженіе, болѣе или менѣе медленное, при которомъ образуется уксусная кислота и аммиакъ, сообщающіе сыру острый вкусъ и запахъ, столь дорога цѣнные гастрономами. Наконецъ сыръ зеленеетъ, т. е. внутри его появляются голубовато-сѣрыя жилочки, которые суть не что иное, какъ начало плѣсени, или микроскопическіе грибки, извѣстные въ ботаникѣ подъ названіемъ *mucor*, *mucedo* L.

Для совершенной зрѣлости сыра требуется, чтобъ онъ пролежалъ такимъ образомъ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ; впрочемъ потребное для этого время зависитъ отъ способа приготовленія сыра, отъ свойствъ молока и подножнаго корма. Сыръ, приготовленный осенью, поспѣваетъ не раньше какъ черезъ пять или шесть мѣсяцевъ.

Караванъ Монценисскаго сыра дѣлаютъ обыкновенно цилиндрическіе, около фута въ поперечникъ и отъ пяти до семи дюймовъ вышиною, вѣсомъ же отъ двадцати пяти до двадцати осьми фунтовъ; цѣною обходится этотъ сыръ отъ осьми до десяти копѣекъ за фунтъ. Сыръ, несодержащій въ себѣ вовсе или содержащій весьма мало овечьяго молока, стоитъ нѣсколько дешевле. Хорошій сыръ долженъ быть тусклаго желтовато-бѣлаго цвѣта съ бѣлыми струйками, зер-

нисть и имѣть свѣжій, пріятный, нѣсколько острый вкусъ. Вообще предпочитаютъ большіе караванъ, приготовленные въ началѣ лѣта. Нѣкоторые фабриканты, не имѣя собственныхъ стадъ, напимають оныя у жителей низменныхъ мѣстъ, и платятъ имъ сухимъ, тощимъ и дурно приготовленнымъ сыромъ изъ снятаго молока, который потому и убѣгается покупателями. — Съ нѣкоторыми предосторожностями Монценисскій сыръ можетъ быть сохраняемъ около года, по прошествіи же сего времени онъ дѣлается ноздреватымъ, начинаетъ крошиться и получаетъ непріятный, гнилой запахъ. Для предохраненія этого сыра отъ порчи, нѣкоторые смачиваютъ его уксусомъ или водкою, другіе же натираютъ свѣжимъ оливковымъ или сливочнымъ масломъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы держать этотъ сыръ въ холодномъ и сухомъ мѣстѣ, гдѣ бы не было бочекъ съ перебродившимъ еще виномъ, и чтобъ онъ по возможности былъ защищенъ отъ вліянія свѣта и воздушныхъ перемѣнъ.

Приготовленный и сбереженный такимъ образомъ Монценисскій сыръ подается на самые лакомые и роскошные столы. Онъ составляетъ для Альпійскихъ жителей не только важную отрасль народной промышленности, но еще даетъ имъ вкусную и здоровую пищу. Изъ творогу, остающагося въ сывороткѣ послѣ перваго створоженія, они готовятъ для себя сыръ низшаго разбора, который они ѣдятъ зимою съ молокомъ небольшого числа дойныхъ коровъ и овецъ, оставляемыхъ ими у себя на зиму. Этотъ сыръ составляетъ любимую пищу нагорныхъ жителей.

Н. Филипповъ.

ВѢРНЫЙ СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ ДРОЖДИ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ.

Взявъ свѣжихъ пивныхъ дрождей, и завязавъ ихъ хорошенько въ чистый холстъ, положи въ кадочку съ древесною золою, насыпъ на узелокъ слой той же золы, и, положивъ сверху гнѣтъ, оставь дни на два, доколѣ вся влага изъ нихъ вберется въ золу; тогда въ узелкѣ получатся дрожди въ видѣ густаго тѣста. Здѣсь должно замѣтить, что чѣмъ дрож-

ди жиде, тѣмъ болѣе потребно золы и времени для высушиванія ихъ. Изъ выжатыхъ дрождей катають небольшіе шарики, сушатъ ихъ на солнцѣ или на теплой печи, и хранятъ въ бумажныхъ пакетцахъ въ сухомъ мѣстѣ. Для употребленія берутъ сколько нужно высушенныхъ такимъ образомъ дрождей, разводятъ ихъ теплою водою или пивомъ, и распустивъ въ растворъ маленькій кусочекъ сахару, прибавляютъ въ него немного Французской водки или даже пивнику. Черезъ нѣсколько времени, когда смѣсь пѣйрдетъ въ сильное броженіе, ее тотчасъ употребляютъ въ дѣло какъ обыкновенныя дрожди.

Нѣкоторые съ успѣхомъ употребляютъ еще другой способъ, а именно: намазываютъ дрожди, какъ пластырь, на чистую холстину и развѣшиваютъ ее въ тѣни на вольномъ воздухѣ; спустя дней пять или шесть, когда дрожди совершенно высохнутъ, соскребають ихъ съ холста, и размявъ руками, хранятъ для употребленія въ глиняныхъ горшкахъ. Другіе смѣшиваютъ свѣжія дрожди съ пшеничною мукою, и скатавъ изъ этого тѣста небольшіе шарики, сберегаютъ ихъ также въ сухомъ мѣстѣ. Н. Ф.

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ

ВАРИТЬ ЛУЧШЕЕ БѢЛОЕ ПИВО НА МАНЕРЪ АНГЛІЙСКАГО.

=

Слѣдующимъ простымъ и дешевымъ способомъ можно варить превосходное бѣлое пиво для домашняго употребленія. Взявъ боченокъ и заколовъ хорошенъно втулку, поставить его на днище, близъ котораго просверлятъ съ боку отверстіе для крана. На срединѣ верхняго дна прорѣзать другое отверстіе и заткнуть его обыкновенною втулкою. Если въ боченокъ вмѣщается не болѣе шести ведеръ, и пиво хотятъ сдѣлать довольно крѣпкое, въ такомъ случаѣ, вливъ въ котелъ три ведра воды и вскипятивъ, положить въ нее $1\frac{1}{2}$ или $1\frac{3}{4}$ фунта лучшаго хмѣлю, прокипятить еще минутъ пять, потомъ взваръ сцѣдить, распустить въ немъ 16 фунтовъ сахару и немного меньше полуштофа хорошихъ пивныхъ дрождей, и наконецъ размѣшавъ, вылить въ бо-

ченокъ для броженія. Сначала жидкость начинаетъ сильно пѣниться, потомъ вскорѣ пѣна опять осѣдаетъ. Лѣтомъ, при средней теплотѣ, броженіе оканчивается недѣли въ три или четыре; въ теченіе послѣднихъ двухъ боченокъ долженъ быть заткнутъ втулкою, которую, однако жъ, надобно открывать черезъ каждыя двое сутокъ. Когда вкусъ сахара въ пивѣ совершенно истребится, тогда отверстіе въ боченкѣ закрываютъ втулкою какъ можно плотнѣе; дня черезъ четыре послѣ того пиво бываетъ готово, и тогда его разливаютъ по бутылкамъ. Хотя здѣсь доброта сахара и не составляетъ существенной важности, однако жъ, отъ бѣлаго пиво бываетъ свѣтлѣе, легче, вкусомъ нѣжнѣе и не имѣетъ во все той сладковатости и липкости, которыя мы замѣчаемъ въ обыкновенномъ пивѣ. Это пиво можно по произволу подкрасить нѣсколькими ломтями поджареннаго ржанаго хлѣба. Оно весьма здорово и легко для желудка. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО ДЛЯ ИСТРЕБЛЕНІЯ МОЛН.

=

Дорогія ткани, употребляемая для обивки мебели, также пубы и другія вещи нерѣдко повреждаются молю или другими насѣкомыми, что иногда замѣчается не прежде того, какъ матерія уже совершенно испорчена. Для истребленія сихъ вредныхъ насѣкомыхъ, совѣтуютъ употреблять слѣдующую жидкость:

Возьми по одному золотнику камфоры, лавроваго, терпентиннаго, бергамотнаго и гвоздичнаго масла, три золотника искрошеннаго стручковаго перца и полбутылки хорошаго виннаго спирта; смѣшавъ и разболтавъ хорошенько, поставь смѣсь дней на 8 или на 10 въ теплое мѣсто, потомъ процеди. Приготовленный такимъ образомъ составъ бываетъ почти вовсе безцвѣтенъ, не вредитъ краскамъ и не дѣлаетъ пятенъ. Этою жидкостью должно спрыскивать сберегаемыя вещи чрезъ каждыя двѣ недѣли. Она имѣетъ довольно пріятный запахъ, но и тотъ скоро исчезаетъ. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО УКРОЩАТЬ ВЫКОВЪ.

=

Въ отвращеніе несчастій, которыя перьдко причиняютъ дикіе и свирьпые быки, Г. Белла предлагаетъ средство, хотя нѣсколько и жестокое въ отношеніи къ животнымъ, но за то вполне достигающее желаемой цѣли, и потому совершенно одобренное и принятое многими хозяевами во Франціи, Англіи и Белгіи. Это средство состоитъ въ намордникѣ съ разъемчатымъ желѣзнымъ кольцомъ, которое продѣвается сквозь ноздри, заклепывается на шпепѣкъ и потомъ ремнемъ поднимается къ верху, на морду, и пристегивается пряжкой къ другому ремню, обернутому около лба и роговъ. Такой намордникъ совершенно подчиняетъ власти челоуѣка самаго свирьпаго быка такъ, что его можно безъ всякаго опасенія запрягать или одного, или вмѣстѣ съ другимъ воломъ и даже съ коровою, и такимъ образомъ употреблять и для приплода и въ работу.

Прикрѣпленіе кольца въ носу животнаго должно быть произведено съ искусствомъ и слѣдующими предосторожностями: около роговъ обвязываютъ здоровую веревку толщиною въ палецъ, одинъ конецъ коей спускаютъ по лѣвую сторону бычачьей головы, потомъ протягиваютъ ее ему въ ротъ, и обернувъ около нижней челюсти, даютъ держать сильному и смѣлому челоуѣку. Другая такая же веревка также прикрѣпляется къ рогамъ, и служитъ къ тому, чтобы привязать скотину къ столбу, къ дереву, или всего лучше, къ дыбамъ (станокъ, въ которомъ подковываютъ лошадей). При семъ должно наблюдать, чтобы голова была приведена въ довольно отвѣсное положеніе, а носъ выставился впередъ, чѣмъ самое производство значительно облегчается. Эта операція дѣлается посредствомъ особаго шила, которое нѣсколько толще кольца и вложено въ мѣдную трубочку или ножны. Взявъ шило въ правую руку, приставляютъ его къ находящейся по ту же сторону, т. е. къ лѣвой ноздрѣ животнаго; подлѣ самой оконечности носа, не дотрогиваясь однако жъ до оной, и придерживая носъ большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки, просовываютъ шило съ ножнами однимъ толчкомъ сквозь перегородку, разделяю-

щую ноздри. Потомъ шило выдергиваютъ назадъ, а ножны или трубочку оставляютъ въ ранѣ; продѣваютъ тонкій конецъ кольца въ трубочку съ лѣвой стороны, и наконецъ выдергиваютъ и самую трубочку въ томъ же направленіи, какъ она была просунута. Когда кольцо такимъ образомъ продѣто, тогда его замыкаютъ, вкладываютъ шпенекъ и заклепываютъ его. Въ заключеніе укрѣпляютъ вокругъ роговъ ремень, къ которому и пристегиваютъ другой ремень, идущій отъ кольца вверхъ по передней части головы, и удерживающій его на мордѣ.

Если бъ потребовалось быка повалить, въ чемъ иногда встрѣчается надобность, то это должно сдѣлать такъ, чтобъ онъ упалъ на лѣвый бокъ; потомъ заставить двухъ человекъ держать голову за рога, а третьему дать веревку, обернутую около нижней челюсти животного, такимъ образомъ, чтобы голова и носъ быка имѣли сказанное направленіе.

Приложенный при семъ рисунокъ еще лучше объясняетъ дѣло.

1. Продѣтое въ ноздри шило съ ножнами.
2. Одни ножны шила въ томъ положеніи, какъ они проходятъ сквозь ноздри, вмѣстѣ съ однимъ концемъ кольца, и растворенное кольцо какъ его должно продергивать въ трубочку.
3. Продернутое въ ноздри, замкнутое, заклепанное кольцо, но еще не поднятое къ верху ремнемъ.
4. Одинъ намордникъ съ поднятымъ вверхъ кольцомъ, какъ ему быть надлежитъ.

Наконецъ, цѣлая голова быка, взнузданнаго какъ слѣдуетъ.

Въ окрестностяхъ Рима и Неаполя употребляется другой приборъ для укрощенія буйволовъ и быковъ, который едва ли не предпочтительнѣе предъидущаго, ибо онъ дешевле и легче для исполненія; притомъ же, смотря по неукротимости животного, онъ можетъ увеличивать его наказаніе, не разрывая ему ноздрей, и посему освобождаетъ его отъ боли, которая въ началѣ нерѣдко дѣлаетъ его еще свирѣпѣе и неукротимѣе. Для сего употребляютъ родъ клещей, коихъ тупые концы ВВ, вложенные въ ноздри, при давленіи съ противоположнаго конца, касаются носовой перего-

родки. Крѣпкая веревка или ремень прикрѣпляется къ одному изъ колецъ АА, продвѣается сквозь другое кольцо, и потомъ завязывается около рога. Этого достаточно для удержанія клещей въ надлежащемъ положеніи и укрощенія животнаго, если оно не слишкомъ дико, или уже привыкло къ инструменту. Въ противномъ случаѣ, къ обоимъ кольцамъ прикрѣпляютъ по веревочкѣ и продвѣаютъ ихъ сквозь другое кольцо такъ, что обѣ веревки лягутъ крестообразно, и потомъ, каждую изъ нихъ привязываютъ къ которому нибудь рогу. Черезъ сіе приборъ получаетъ болѣе силы.

Такія клещи сдѣлать очень легко; въ Римѣ онѣ стоятъ около 40 копѣекъ на наши деньги. Штихтикъ С, на которомъ ходятъ клещи, долженъ быть вставленъ такъ, чтобы онѣ могли свободно сжиматься и разжиматься; концы клещей ВВ слѣдуетъ дѣлать совершенно тупые, дабы сжимаясь, не повреждали носовой перегородки.

Этотъ приборъ служитъ не только для укрощенія быка, но и для наказанія его, если онѣ непослушивъ. Въ последнемъ случаѣ ножки клещей, которыя обыкновенно находятся въ некоторомъ разстояніи одна отъ другой, сжимаются, и такимъ образомъ удобно и безъ большихъ усилий удерживаютъ животное по произволу. Если вошь находится въ упряжкѣ, то веревочку привязываютъ къ одному кольцу, продвѣаютъ ее въ другое, и протягиваютъ между рогъ до самой повозки или рукоятки плуга. Такимъ образомъ, дернувъ только за эту веревочку, наказываютъ животное, не имѣя надобности подходить къ головѣ его.

Фиг. 1. Представляетъ самый приборъ. Длина его отъ А до В семь вершковъ, а наибольшая ширина четыре вершка. Части СА и СА совершенно плоски, и загибаясь на концахъ, образуютъ кольца А и А; часть ВСВ круглая. Когда клещи сжаты, т. е., когда концы А и А взаимно соприкасаются, тогда оконечности В и В должны отстоять одна отъ другой на цѣлую линію.

Фиг. 2. Представляетъ бычачью голову съ надѣтыми клещами. Н. Ф.

V.

К Р И Т И К А.

=

Умозрительныя и опытыя основанія Словесности. Сочиненіе А. Глаголева. *СП.-бургъ, 1834. Четыре части въ двухъ томахъ.*

Систематическое изложеніе основаній Словесности въ наше время, когда старыя основанія разрушились, когда новыя еще не утвердились, есть предпріятіе, могущее изумить всю Европу однимъ своимъ заглавіемъ. Но сочиненіе, котораго заглавіе мы здѣсь выписали, не имѣетъ ничего общаго съ разстройствомъ литературныхъ началъ: оно вовсе не заботится о происхожденіи.

Въ предисловіи авторъ тщательно собралъ всѣ доказательства высокаго достоинства своей книги, — и доказательства такия сильныя и важныя, что частной Критикъ остается только безпрекословно подписать приговоръ, произнесенный столь офиціальнымъ и торжественнымъ образомъ. Словесный факультетъ Московскаго Университета призналъ трудъ его удовлетворительнымъ; Россійская Академія, въ сущности согласнымъ съ началами великихъ наставниковъ древности; Академія Наукъ, отличающимся передъ всеми подобными и первымъ систематическимъ изложеніемъ Русской Словесности, — и сочинитель получилъ большую Демидовскую премію. Мы безпредѣльно уважаемъ рѣшеніе столь просвѣщенныхъ и способныхъ цѣнителей, и послѣ нихъ почти не дерзаемъ имѣть своего сужденія. И если бъ намъ пришлось непременно изъяснить наше мнѣніе объ этой

книгъ, то, чтобъ не ошибиться, чтобъ ни съ кѣмъ не быть въ противорѣчїи, мы бы скорѣе ужъ согласились съ мнѣніемъ объ ней самого сочинителя. Думать о литературномъ произведеніи то, что думаетъ самъ авторъ, есть самое вѣрное и безопасное средство не назначить произведенію цѣны ниже его достоинства. «Не увлекаясь именитостью лицъ и ученыхъ «сословій»,» говоритъ Г. Глаголевъ, «я принимаю ихъ «отзывы въ настоящемъ значеніи, — не какъ свидѣтельство строгой оцѣнки трудовъ моихъ, а какъ голосъ суда, умѣреннаго снисхожденіемъ къ усердію «трудящагося.» Авторъ, мы надѣемся, позволить намъ раздѣлить съ нимъ въ полной мѣрѣ его скромный и основательный образъ мыслей.

Первыя ученныя сословія и лица въ Россіи, да въ Академіи и одинъ Университетъ, одобрили и наградили сочиненіе Г. Глаголева. *Distinguo*: они одобрили и наградили только то, что въ немъ есть истинно хорошаго, истинно достойнаго похвалы и награды: слѣдственно, если тутъ находится что-нибудь слабое, это слабое состоитъ внѣ ихъ одобренія, оно не было награждено Академіею, и должно подлежать суду Критики, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о теоріи, а теорій ни какія ученныя сословія не утверждаютъ своею властью. Сверхъ-того одобреніе обѣихъ Академій послѣдовало въ точномъ смыслѣ цѣли Демидовскихъ премій, которыя назначены для лучшихъ сочиненій, какія будутъ написаны въ данное время, а не для лучшихъ, какія только могутъ быть написаны въ настоящемъ положеніи просвѣщенія и образованности. Такъ, одобреніе это значитъ только, что книга Г. Глаголева есть лучшее сочиненіе, написанное у насъ въ послѣднее время по этой части. Чрезвычайно важно прежде опредѣлить это обстоятельство во всей точности, — во-первыхъ, чтобъ самимъ себѣ отдать ясный отчетъ въ существѣ и степенн одобренія; во-вторыхъ, чтобъ за-

слонить автора отъ взыскательности тѣхъ, которые могутъ найти его твореніе не самымъ лучшимъ въ при-мѣненіи къ средствамъ и познаніямъ нашего вѣка; въ-третьихъ, чтобъ побудить его самого къ усовершенію своего труда, — а усовершеніе это состоитъ въ томъ, чтобы онъ достоинство своей книги, относительное къ цѣли Демидовской преміи, превратилъ, если мож-но, въ достоинство, положительное въ Литературѣ. При тщательнѣйшемъ изученіи предмета, Г. Глаго-левъ очень въ состояніи это сдѣлать: въ этомъ удосто-вѣряегь насъ самое дарованіе, напечатлѣнное на пер-вомъ его опытѣ привести Русскую Словесность въ систему.

Какъ въ подобныхъ случаяхъ важнѣе всего точное обозначеніе рода произведенія, чтобъ не требовать отъ автора того, чего, быть-можетъ, не имѣлъ онъ въ предметѣ сдѣлать, — самая благонамѣренность Крити-ки предписываетъ всегда предполагать, что авторъ именно и хотѣлъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, — то мы вдругъ скажемъ, что твореніе Г. Глаголева, по роду своему, есть *compendium*, а не курсъ Словесности. Въ *compendium* должно и можно смотрѣть только на си-стему, на ясность методы, на логическую постепен-ность статей, — и въ этомъ отношеніи книга, о ко-торой говоримъ, безспорно заслуживаетъ похвалу. Самыя статьи подобнаго сочиненія, состоя большею частію изъ общихъ, неразвитыхъ предложеній, обык-новенно ускользаютъ изъ-подъ анатомическаго ножа Критики: прежде чѣмъ спорить, нужно видѣть весь рядъ фактовъ и доказательствъ, на которыхъ основыва-ется предлагаемое въ видѣ афоризма заключеніе. Слѣдственно о компендіяхъ можно говорить только вообще: это родъ памятной книжки профессора, вос-ходящаго на кафедру.

Въ памятную книжку, лежащую теперь передъ на-ми, внесены безъ различія понятія разныхъ вѣковъ и

вкусъ о Словесности, философическіе выводы и произвольныя ипотезы, факты разсудительной Филологіи и повѣрья литературной Руси; но эта снѣсь расположена систематически и приведена въ родъ правильной теоріи. Авторъ хотѣлъ, кажется, составить реестръ старымъ литературнымъ идеямъ и желаніямъ. Онъ еще разсуждаетъ о средствахъ отыскать древній Славянскій языкъ, и о происхожденіи Словесности отъ трехъ силъ души.

Умозрительная часть Словесности, — начала такъ называемой высшей Эстетики, — набросана еще подъ вліяніемъ съдыхъ философскихъ понятій прежней Германіи, отъ которыхъ сама она теперь отложила. Съ Александра Баумгартена, Эстетика сдѣлалась тамъ академическою Наукою, и важно твердила на кафедрѣ о своемъ происхожденіи отъ невидимаго міра, въ то самое время, какъ въ смежной залѣ профессоръ Государственнаго Права выводилъ первую идею полиціи отъ сотворенія духовъ. Нѣсколько темныхъ понятій о Прекрасномъ мелькало тогда передъ глазами Германіи, какъ и другихъ странъ Европы. Всякой новый философъ ловилъ эти туманныя видѣнія, и, подшивъ ихъ къ своей системѣ, создавалъ новое ученіе, новый мистицизмъ о Прекрасномъ. То было Прекрасное академическое, о которомъ ни люди, ни общество, ни Природа, ничего не вѣдали: оно упало, какъ падаютъ умозрѣнія. Теперь Германія постигла, что Прекрасное живетъ въ людяхъ, въ ихъ обществахъ, въ окружающихъ его предметахъ, а не въ темномъ и безпредѣльномъ; теперь она знаетъ, что Прекрасное, подобно другимъ человѣческимъ понятіямъ, просто вещь историческая, — что было Прекрасное Греческое, было Прекрасное среднихъ вѣковъ, есть Прекрасное настоящее, и будетъ Прекрасное будущее, — что наконецъ оно всегда было и будетъ выраженіе современ-

ной образованности. Но у насъ еще думаютъ старинными думами Германіи.

Въ опытной части творенія Г. Глаголева должно различить двѣ стороны: филологическую, которая вообще подаетъ выгодное понятіе объ его изслѣдованіяхъ, — хотя здѣсь видны только ихъ результаты безъ доводовъ, безъ развитій, — и чистую литературную, гдѣ авторъ даетъ легкую характеристику Русскихъ сочиненій или сочинителей. Что касается непосредственно до Русской Филологіи, которая еще находится въ ребячествѣ и живетъ самыми странными заблужденіями, то она требуетъ слишкомъ твердаго знанія во-первыхъ Польскаго языка и его Словесности такъ называемыхъ въковъ Сигизмундовыхъ, во-вторыхъ языковъ Моравскаго, Сербскаго, Богемскаго и Малороссійскаго, и въ особенности кореннаго Бѣлорускаго нарѣчія, изъ котораго собственно возникъ Великороссійскій языкъ, чтобъ кратковременныя и бѣглыя упражненія автора въ этой части могли дать ей истинное направленіе и очистить ее отъ предразсудковъ; но замѣчанія его о Русской Правдѣ не чужды новыхъ и удачныхъ видовъ. Мы сожалѣемъ, что онъ не примѣнилъ того же духа анализа къ «Слову о полку Игоря», которое слишкомъ опрометчиво причислено имъ къ источникамъ Русскаго языка; что онъ не принялъ на себя труда сравнить его критически съ Гаэлицкою поэзіею почтеннаго Мекферсона. Надъ Словомъ о полку Игоря носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ; его фразы словно выкроены по Мекферсоновымъ; его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшей Польской поэзіи, особенно слово *вѣщій*, въ смыслѣ «поэтическій», весьма поздно созданное для выраженія Латинскаго *vates* въ переводахъ Горациа и Виргилія; *быттрая* Каяла, — *серебря-*

ныя сѣдины, — Була текущая серебряными струями, — храбрая мысль, посящая умъ на дѣло — жемчужная душа въ храбрѣмъ тѣлѣ, — кровавыя его раны въ жестокомъ тѣлѣ, — кровавыя зари, — налагапіе вѣщихъ перстовъ на живыя струны, — прилетаніе мыслию издавеча, — златыя слова, смывенныя слезами, и цѣлыя дюжины этого рода понятій, совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, совершенно противны духу ихъ краснорѣчія, и явно заимствованны изъ новаго поэтическаго языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій уже, тутъ, изысканное сочетаніе междометья о! съ непредѣльнымъ наклоненіемъ, и т. д., напоминають уроки Цицерона и Квинтиліана, а частое употребленіе мѣстоименія *свой*, столь рѣдкаго въ старинныхъ Славянскихъ писаніяхъ, показываетъ въ сочинителѣ челоуѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, — напримѣръ, *кричатъ телеги полнощныя*: тутъ и глаголь и прилагательное не старше насъ лѣтами. Всѣ эти обстоятельства подзвѣгаютъ мы безпристрастію и разборчивости автора, припомнивъ ему только, при сей вѣрной оказіи, исторію о живой собакѣ, найденной въ камнѣ и проданной обществу Испытателей Природы за очень хорошую цѣну: Ученыхъ столько разъ и такъ грубо обманывали, что сами они составили себѣ пословицу — «нѣтъ ничего легче какъ надуть Ученаго.» Не должно останавливаться тѣмъ, что уже много глубокомысленныхъ разсужденій написано о Словѣ о полку Игоря. Оссианъ былъ переведенъ на всѣ языки, внесенъ во всѣ Піитики, принятъ даже въ Исторію, когда Мамькоуль Ленгъ разочаровалъ его обожателей своею безпощадною любовію къ истинѣ. Самое открытіе этого Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссианомъ, и, что еще важнѣе, совершенное отсутствіе всѣхъ другихъ списковъ, уже должны были привести

осторожнаго критика въ сомнѣніи, если бь даже не находилось другихъ слѣдовъ подлога въ самомъ произведеніи, впрочемъ довольно искусно поддѣланномъ.

То, что авторъ говоритъ о сочиненіяхъ и сочинителяхъ, заставляетъ думать, что онъ болѣе хотѣлъ выказать свою любезность, нежели серіозно входить въ разборъ дѣла. Всякъ получилъ отъ него по комплименту : это очень благоразумно. И, правду сказать, не стоитъ того, чтобъ портить себѣ кровь, открывая литераторамъ настоящее мнѣніе свое объ ихъ произведеніяхъ. Вѣдь всѣ желаютъ быть первостепенными!

Искренно желая, чтобы Г. Глаголевъ распространялъ, пополнилъ и усовершенствовалъ свой прекрасный трудъ новыми и точнѣйшими изслѣдованіями, мы бы желали тоже, чтобъ и слогъ этой книги не былъ забытъ въ числѣ предстоящихъ ей улучшеній: во многихъ мѣстахъ онъ совсѣмъ не литературный. Изложенію Г. Глаголева не достаетъ именно того, что Французы весьма удачно называютъ «слогомъ писателя», *style d'écrivain*, и который всегда отличаютъ отъ всякаго другаго слога, какъ бы правиленъ и чистъ онъ ни былъ.

Оммы Кемпійскаго, *О подражаніи Іисусу Христу*. Переводъ съ Латинскаго. Москва, 1834.

Безсмертное твореніе, котораго переводъ вторично дарить отечественной неизвѣстной Христіанской рука, всегда возбуждало въ Европейской Критикѣ живѣйшее участіе: его заглавіе напоминаетъ собою любопытныя и обширныя изысканія множества знаменитыхъ писателей, и сопряжено съ самыми занимательными страницами литературной полемики, гдѣ, въ теченіе двухъ столѣтій, встрѣчаетъ вы имена Вермина, Гезера, Рено, Вальграва, Каетана, Мецлера, Мабильона, Дельфà, Гарцгейма, Корнеля, Дюканжа, Кузена, Тирабоски, Цаккарія, Ренуара,

Канцелльери, Графа Паніоне, Грегори, Графа Дону, Барбье, и проч., и проч. Книга, которая, какъ весьма справедливо сказалъ объ ней Дону, отъ всѣхъ вѣроисповѣданій заслужила единогласныя похвалы, и не подавала повода ни къ одной богословской распрѣ, — книга католическая, передъ которою однако жъ благоговѣли Лютеръ, Лейбницъ, Бозцій и Галлеръ, — эта книга, «О подражаніи Христу,» принадлежитъ къ числу самыхъ таинственныхъ произведеній: это одинъ изъ великихъ вопросовъ библиографической учености; это по сию пору Гердіевъ узелъ Критики, и читатели наши не сочтутъ страннымъ, если мы, находя изданіе ея въ Русскомъ переводѣ важнымъ литературнымъ обстоятельствомъ, посвящаемъ ему нѣсколько страницъ этого отдѣленія. Споры объ ней съ 1612 по 1810 годъ были такъ жарки, столько занимали ученый свѣтъ, что нашли даже своихъ историковъ: извѣстный библиографъ, Александръ Барбье издалъ, кромѣ разныхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, особый хронологическій каталогъ однихъ сочиненій, вышедшихъ въ продолженіе двухъ вѣковъ объ авторѣ «Подражанія Христу.»

Превосходная эта книга, утѣшившая столько миліоновъ Христіанъ, пролившая отраду чистаго и кроткаго вѣрованія въ сердца людей всѣхъ народовъ, но писанная варварскою латынью среднихъ вѣковъ, имѣла уже слишкомъ тысячу изданій и около трехсотъ сорока разъ была переведена на разные языки. Самые прославленные латинисты XVI вѣка перелагали ее на звучный языкъ Цицерона, Петръ Корнель перевелъ Французскими стихами, Георгій Майръ Латинскимъ экзаметромъ, Петръ Голій на Арабскій языкъ, и то, что говорится въ предисловіи къ новому Русскому изданію объ Арабскомъ переводѣ, видѣнномъ въ библіотекѣ «Маври-

танскаго Короля," должно разумѣть о переводѣ Петра Голія, который, по свидѣтельству Морери, «a tourné de latin en langue arabesque le livre de l'Imitation de J. C.,» и котораго братъ, Яковъ Голій, бывшій посланникомъ при Дворѣ Марокскаго Императора, могъ тамъ оставить одинъ списокъ. Каждая католическая нація считаетъ у себя переводы этой книги десятками: на одномъ Французскомъ языкѣ было ихъ шестьдесятъ по 1811 годъ, и Латинскій ея подлинникъ неоднократно удостоивался въ Европѣ чести ученаго изданія, усовершенствованнаго изслѣдованіями самой тщательной филологической и исторической Критики.

Такая книга была безъ-сомнѣнія достойна, чтобы и въ Россіи отличныя литературныя дарованія удѣлили ей часть своего полезнаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, уже пятнадцать лѣтъ читаемъ мы ее по-Русски. Но послѣ перваго прекраснаго перевода, которымъ обогащена наша аскетическая Литература, обязанности новаго переводчика были совсѣмъ другія: онъ умножился цѣлымъ объемомъ ученаго вопроса, сопряженнаго съ подлинникомъ, всею необходимостью сдѣлать, если возможно, что-нибудь лучше своего предшественника и присоединить къ Русской Словесности трудъ, соотвѣтственный и ея успѣхамъ, и развитію общей учености въ нашемъ отечествѣ. Мы исполнѣумѣемъ цѣнить священное побужденіе, подавшее безъименному переводчику мысль усладить свои часы переложеніемъ столь отрадныхъ и святыхъ страницъ на языкъ, съ которымъ связанного благочестивыя чувствованія; и если будемъ здѣсь говорить о достоинствахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не нашли въ его переводѣ, то отнюдь не съ намѣреніемъ огорчать его упрекомъ, а только чтобъ напомнить третьему переводчику того же сочиненія объ условіяхъ, требуемыхъ отъ него нынѣшнєю Критикою въ такомъ похвальномъ предпріятіи.

Читая заглавіе — «*Өомы Кемпійскаго о подражаніи Іисусу Христу*», — мы полагали, что переводчикъ удержалъ обыкновенное наименованіе книги единственно потому, что она сдѣлалась извѣстною подѣ нимъ Христіанскому міру, но что онъ не приписываетъ ему ни какой важности. Первая страница тотчасъ удостовѣрила насъ въ противномъ: мы нашли не только жизнеописаніе *Өомы à Kempis*, но даже его портретъ, хотя при жизни этого богослова никто не думалъ сберечь изображеніе его лица для потомства. Самыя начальныя строки этой біографіи поразили насъ еще непріятнѣе: мы увидѣли, что переводчикъ не знакомъ съ литературнымъ вопросомъ, относящимся къ этому мастерскому аскетическому творенію, что онъ взялъ для своего труда первое «монастырское» изданіе подлинника, какое ему попало въ руки, и что, слѣдственно, не должно тутъ ожидать ни какихъ разысканій, столь необходимыхъ для хорошаго перевода книги, сдѣлавшейся классическою и исполненной трудностей, свойственнымъ всѣмъ древнимъ классическимъ произведеніямъ. Вотъ начало этой дивной біографіи: «*Өома*, прозванный *Malleolus* («*молоточикъ*») можетъ даже названъ быть *молотомъ*; «ибо онъ, по силѣ своихъ сочиненій, былъ дѣйствительнымъ *молотомъ*.» Мы сожалѣемъ, что предметъ чисто-исторической Критики повелѣлъ намъ привести это мѣсто, которое ставить слогъ и языкъ перевода въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, тогда какъ мы желали вовсе не касаться этой части; но дѣло сдѣлано, — *factum infectum fieri nequit*, — и мы продолжаемъ. Что такое значить — «*Өома*, прозванный *молоточикъ*, можетъ даже названъ быть *молотомъ*?» *Өома* изъ Кемпена, монахъ ордена Канониковъ Регулярныхъ, въ мірскомъ чинѣ назывался *Өома Геммеркенъ*, *Thomas Haemmerken*, а по другимъ свѣдѣтельствамъ *Haemmerlein*: это его фамилія, имя его от-

ца и дѣда, а не прозваніе, заимствованное отъ личныхъ качествъ. По общему въ то время обычаю, онъ перевелъ свою фамилію на Латинскій языкъ, и подписывался Mañeolus. Вителліусъ, Меланхтонъ и многіе другіе дѣлали то же; извѣстный историкъ Длугошъ фамилію свою измѣнилъ въ Longinus. Одно это, странное и натянутое, объясненіе имени Оомы Кемпенскаго, уже достаточно было для того, чтобъ предостеречь переводчика и показателю, изъ какихъ грубыхъ и несвѣдущихъ рукъ вышли изданія подлинника, употребленные имъ при переводѣ.

Но если въ какихъ либо изданіяхъ «Подражанія Христу» то конечно въ Русскихъ ни имя Оомы Кемпенскаго (не Кемпійскаго), ни его жизнеописанія и портреты не должны бы находить мѣста. Иностранные издатели, движимые народнымъ тщеславіемъ, могутъ приписывать знаменитое это сочиненіе, въ Германіи Оомъ Геммеркену изъ Кемпена, во Франціи Канцлеру Парижскаго Университета, ученому и набожному Жерсону, въ Италіи Іоанну Джерсену, аббату Верчельскаго монастыря, и т. д., и украшать его портретами этихъ богослововъ; но мы не имѣемъ ни какого повода потворствовать тому или другому чужеземному самолюбію, и можемъ извлекать всю пользу изъ предмета, не приставая ни къ одной партіи, не участвуя въ чуждыхъ для насъ предразсудкахъ. Изъ всего спора, изъ всѣхъ ста двадцати противорѣчащихъ разсужденій объ авторѣ «Подражанія Христу,» только одна статья хорошо очищена и не подлежитъ сомнѣнію, именно, что Оома Геммеркенъ не сочинилъ этой книги, и что сочинитель ея совершенно неизвѣстенъ. Остальная часть процесса заключается въ вѣроятностяхъ, позволяющихъ приписывать ее съ большимъ или меньшимъ правдоподобіемъ тому или другому изъ предполагаемыхъ сочинителей.

Вотъ откуда взялось на этомъ твореніи имя *Тома* Кемпенскаго : первое изданіе «Подражанія Христу,» вышедшее въ Аугсбургъ безъ означенія времени, и относящее къ 1471 году, напечатано было по списку, на которомъ вовсе не находилось имени автора, а только, въ концѣ, слова: *finitus et completus per manus fratris Thomae à Kempis anno 1441*—«*кончено и совершено руками Брата Тома изъ Кемпена, года 1441.*» Только Германское самолюбіе можетъ усматривать въ этомъ выраженіи признаніе Брата Тома въ сочиненіи книги: здравый смыслъ и буквальное значеніе отъѣтки согласны въ томъ, что Братъ Тома былъ только переписчикомъ, и что это списокъ древнѣйшаго сочиненія, совершенный его *руками*, а не *умомъ*. Тома Геммеркенъ былъ мистикъ, преданный духовному созерцанію, и, обожая прославленную уже въ его время въ католическомъ мірѣ книгу, «О подражаніи Христу», списалъ ее для себя собственною рукою : онъ отъѣтилъ это на своей копіи обыкновенною фразою, бывшею въ употребленіи у всѣхъ переписчиковъ того времени. Въ Парижской Королевской Библіотекѣ находится экземпляръ, на которомъ существовала прежде отъѣтка — *hic liber conscriptus fuit à fratre Ludovico de Monte qui obiit ante annum millesimum quadringentesimum* — «*Эта книга переписана Братомъ Лудвикомъ Дюмономъ, умершимъ до тысяча четырехъстаго года.*» Не признавая даже въ этой припискѣ важности, какую усматриваютъ въ ней приверженцы мнѣнія, относящаго древность книги къ XIII столѣтію, должно однако жъ замѣтить, что почеркъ списка, по показанію всѣхъ знатоковъ, принадлежитъ тридцатымъ годамъ пятнадцатаго вѣка, а во всякомъ случаѣ не позже 1440 года. Такъ, книга, которую Тома Геммеркенъ переписывалъ въ Германіи въ 1441 году, въ то же самое время, если не прежде, имѣла переписчиковъ во Франціи! Могъ ли въ такомъ случаѣ быть

ея сочинителемъ Нѣмецкій богословъ? До введенія книгопечатанія, слава сочиненій распространялась очень медленно; надобно было по крайней мѣрѣ полвѣка, чтобы книга приобрѣла извѣстность въ двухъ или трехъ государствахъ, — а, во время Оомы Кемпенскаго, «Подражаніе Христу» пользовалось уже повсемѣстною знаменитостію, и черезъ годъ по его смерти было въ другомъ мѣстѣ предано тисненію, какъ твореніе всѣмъ извѣстное и необходимое. Но лучшимъ доказательствомъ тому, что Братъ Оома былъ только однимъ изъ ея обожателей, а не авторомъ, служить собственное его сочиненіе, *Soliloquia animae*, которое есть очевидное подражаніе книгъ, ему приписываемой, — и подражаніе чловѣка, плѣннаго красотою подлинника.

На второмъ уже изданіи «Подражанія Христу», послѣдовавшимъ вскорѣ за первымъ, выставлено было имя канцлера Парижскаго Университета, Іоанна Шарліе Жерсона, которому во Франціи приписывали это сочиненіе въ то же самое время, какъ первое изданіе выходило въ Германіи по списку Оомы Кемпенскаго. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ существовало множество списковъ, на которыхъ имя, фамилія и чинъ Жерсона, какъ сочинителя, были означены переписчиками. Хотя это еще отнюдь не доказываетъ, чтобы книга была его произведеніемъ, и, въ тѣсномъ смыслѣ, значить только, что общее мнѣніе ему тогда ее приписывало, но нельзя не согласиться, что, по всѣмъ людскимъ вѣроятностямъ и по долгу безпристрастнаго суда, скорѣе Жерсонъ можетъ быть провозглашенъ творцемъ ея, нежели Братъ Оома, котораго все право основывается на произвольно истолкованной отмѣткѣ. Между переписчиками, которые выставили имя Жерсона на своихъ спискахъ, находится собственный его племянникъ, Томасъ Жерсонъ, который, конечно, имѣлъ всѣ средства узнать съ достовѣр-

ностью, былъ ли его дядя сочинителемъ этой книги, или нѣтъ. Въ монастырѣ Мелькскомъ, въ Австріи, гдѣ канцлеръ Жерсонъ провелъ долгое время, бывъ изгнанъ изъ своего отечества въ слѣдствіе богословскихъ распрей и гоненій, найдены полные списки его сочиненій, въ которыхъ заключается и книга «О подражаніи Христу»: особенно замѣчателенъ одинъ экземпляръ съ числомъ 1421 года, — двадцатью годами старѣе экземпляра Оомы Кемпейскаго, — заключающій въ себѣ сочиненіе Жерсона, *De consolatione theologiae*, и вслѣдъ за тѣмъ трактатъ *De imitatione Christi, seu Internarum Consolationum libri quatuor*: самыя заглавія этихъ твореній показываютъ нѣкоторымъ образомъ связь и постепенность мыслей одного и того же человѣка, изгнанника, ищущаго утѣшенія для своихъ огорченій сперва въ богословіи какъ Наука, потомъ въ душѣ своей, проникнутой чистѣйшимъ и кроткимъ вѣрованіемъ. Но на Французскомъ языкѣ есть книга, очень старая, совершенно того же содержанія, только гораздо пространинѣе, которая кажется переводомъ еще древнѣйшаго сочиненія: она была напечатана въ 1481 году, подъ заглавіемъ — *Internelle consolation*, и состоитъ изъ пяти частей, тогда, какъ *Internae Consolationes*, или «О подражаніи Христу», заключаются въ четырехъ книгахъ. Извѣстно, что Италіянцы, по весьма древнему преданію, трактатъ «О подражаніи Христу» приписываютъ Оомѣ Джерсену, аббату Верчельскаго Бенедиктинскаго монастыря, жившему въ началѣ XIII вѣка, и это мнѣніе Грегори, въ своей *Storia della Vercellese letteratura*, старался еще весьма недавно подкрѣпить новыми изслѣдованіями и доказательствами. Быть можетъ, что какъ и Италіянцы, такъ и Французы, въ извѣстной степени равномерно правы: книга *de l'Internelle Consolation* не есть ли только переводъ этого древнѣйшаго сочиненія, присвоенна-

маго, впрочемъ весьма неосновательно, Верчельскому аббату? Канцлеръ Жерсонъ не былъ ли только редакторомъ новой формы творенія, уже находившагося съ давняго времени въ рукахъ Христіанъ, но не пользовавшаго общемою извѣстностью по недостаткамъ своего слога или изложенія? Мы сильно придерживаемся этого мнѣнія. И оно объясняетъ намъ естественнымъ образомъ, почему, несмотря на столько доводовъ въ пользу Парижскаго канцлера, спустя полвѣка по его смерти, многіе не хотѣли признать его настоящимъ авторомъ книги, пріобрѣтшей бол. шой успѣхъ отъ его редакціи, и отыскивали для ней сочинителя въ Италіи и въ Германіи.

Второе изданіе, какъ мы сказали, вышло съ именемъ Жерсона; слѣдующія за нимъ носили попеременно имена его и Омы Кемпенскаго, который исправлялъ на книгѣ должность автора болѣе по причинѣ сомнѣній на счетъ своего соперника, чѣмъ по ясности личныхъ правъ своихъ на предметъ спора. За всѣмъ тѣмъ Жерсонъ, канцлеръ, смѣшиваемый невѣжествомъ тогдашнихъ спорщиковъ съ предполагаемымъ Венедиктинскимъ аббатомъ Джерсеномъ, находилъ въ XV и XIV столѣтіяхъ множество и жаркихъ защитниковъ. Венедиктинцы провозглашали Джерсена и стали преслѣдовать Канониковъ Регулярныхъ, которые, для чести своего сословія, вылавали одного изъ своихъ, Ому Кемпенскаго, за настоящаго сочинителя книги. Раздоръ между двумя орденами дошелъ до того, что Парижскій Парламентъ счелъ за нужное вмѣшаться въ дѣло, которое рѣшилъ онъ произвольно, прибавивъ къ предмету ученаго спора, весьма несвойственно положенному имъ на вѣсы правосудія, свое пристрастіе или невѣжество: онъ формальнымъ приговоромъ запретилъ Венедиктинцамъ употреблять имя Джерсена на заглавныхъ листахъ новыхъ изданій, и предписалъ впредь печатать трактатъ «О подража-

нiя Христу» съ именемъ Оомы Кемпенскаго, который съ тѣхъ поръ остался для многихъ типографiй безспорнымъ авторомъ книги, въ силу этого страннаго злоупотребленiя судебной власти, хотя — Венедиктинцы отнюдь не отказались отъ своихъ требованiй и война съ Канониками продолжалась по прежнему. Между-тѣмъ разсудительнѣйшiе издатели прибѣгнули, къ единой благоразумной и основательной, мѣрѣ въ этомъ случаѣ, и начали печатать книгу безъ имени автора: изданiе, вышедшее въ Римѣ въ 1804 году при глазахъ Папы Пiя VII, принадлежитъ къ этому разряду, равно какъ и лучшее изъ новѣйшихъ изданiй, предпринятое въ 1826 году Г. Жансомъ, подъ заглавiемъ — *De Imitatione Christi, libri quatuor, ad pervetustum exemplar Internarum Consolationum, necnon ad codices complures ex diversa regione, ac editiones aevo et nota insigniores, variis nunc primum lectionibus subjunctis, recensiti, etc.*

Препоручаемъ это отличное изданiе вниманiю будущихъ переводчиковъ, желая имъ удачно передать краснорѣчивыя страницы подлинника чистымъ Русскимъ языкомъ XIX вѣка, звучнымъ, сильнымъ, прекраснымъ и понятнымъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ состоянiямъ, и обоему полу.

=

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Николая Греча, въ четырехъ частяхъ. Санктпетербургъ, 1834.

Необыкновенный успѣхъ этого Романа опередилъ нашу Критику: ей приходится теперь бѣжать въ толпѣ за торжественною его колесницею, глотая густую пыль общихъ похвалъ, и выступить на попреще, чтобъ подтвердить восхищеніе читателей, а не чтобъ предсказать его.

Но, собираясь говорить въ этомъ Журналѣ о книгѣ, написанной его редакторомъ, и напечатанной его издателемъ, мы обязаны прежде всего удостовѣрить собственныхъ нашихъ читателей въ возможности говорить здѣсь объ ней безпристрастно и нелицемерно; обязаны объяснить обстоятельство, которое, будучи извѣстно весьма немногимъ, приводитъ иныхъ въ странное недоразумѣніе. Конечно, очень естественно думать, что сочиненія, издаваемыя А. Ф. Смирдинымъ, должны неминуемо быть расхвальемы въ Журналѣ, имъ издаваемомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, вещественный убытокъ былъ бы на его сторонѣ. Оно такъ дѣлается повсюду; нѣкоторые авторы этого ожидали, нѣкоторые читатели боялись; это согласно съ логикою и самолюбія и недоброжелательства; это даже основано на здравыхъ правилахъ и общежитія и любостыжанія: по счастью, это не примѣняется къ Библіотекѣ для Чтенія. Критическая часть этого Журнала совершенно независима; ни издатель, ни редакторъ не оказываютъ на нее ни какого вліянія; она исправляется тѣмъ, кто, имѣя равный съ первымъ интересъ въ благосостояніи и славѣ изданія, можетъ писать въ немъ, какъ на своей бумагѣ и ни къмъ въ свѣтъ для этого не нанимается, — развѣ самимъ собою и своею честью. И тотъ самый нынѣ первый воспользуется обстоятельствомъ,

даже съ нарушеніемъ извѣстной скромности своего друга, чтобъ провозгласить всенародно прекрасное безкорыстіе Г. Смирдина, и показать всѣмъ, на какихъ благородныхъ началахъ опираются издательскія его отношенія къ Журналу, въ которомъ такъ часто бывають разбираемы книги, составляющія торговую его собственность. При первомъ учрежденіи Б. для Ч. и раздѣлъ трудовъ между двумя ея основателями, одинъ изъ нихъ упомянулъ мпмоходомъ о затрудненіяхъ, которыя со-временемъ могутъ возникнуть въ совѣстномъ разборѣ книгъ, печатаемыхъ другимъ, и Г. Смирдинъ, не дозволивъ ему досказать начатое, вдругъ присовокупилъ, что отнюдь не должно удерживаться тѣмъ, что книга его; что когда она не хороша, слѣдуетъ сказать откровенно, что она никуда не годится; что онъ скорѣе потеряетъ, чѣмъ перенесетъ мысль, что стѣснилъ мнѣніе критики, или что изъ личныхъ выгодъ подалъ поводъ къ пристрастному сужденію въ Журналъ, котораго онъ издатель. Еслибъ этотъ отзывъ, подтвержденный потомъ неоднократно, былъ только доказательствомъ деликатности поступка съ товарищемъ, онъ бы навсегда остался въ его сердцѣ подлѣ искренняго уваженія, и не предсталъ бы здѣсь передъ публикою; но это вмѣстѣ великодушное пожертвованіе на пользу и для чести отечественной Словесности и одно изъ основныхъ началъ изданія, находящагося въ рукахъ почти всѣхъ Русскихъ, — и да будетъ намъ позволено, подобную черту самоотверженія сохранить для Исторіи нашей Литературы и въ особенности этого Журнала. Не нужно объяснять никому изъ благомыслящихъ, что единственное средство воздать достойную почесть столь благородному образу мыслей, было — воспользоваться имъ по совѣсти и крайнему разумнію для всѣхъ данныхъ случаевъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ Б. для Ч. существуетъ, уже не одно сочиненіе, напечатанное

на изживеніи ея издателя, или подверглось въ ней строгой оцѣнкѣ своихъ недостатковъ, или, что еще хуже, понесло на себѣ тягость укорительнаго молчанія, тогда какъ тутъ же пламенно были похвалены книги, изданныя соперниками его по торговлѣ, и даже не находящіяся въ его магазинѣ. Ходъ литературной Критики по сіе время былъ совершенно свободенъ отъ гнусныхъ оковъ расчета, и мы сожалѣемъ отъ всей души о тѣхъ, которые въ подобномъ образѣ дѣйствія не въ силахъ видѣть ничего болѣе, кромѣ нарушенія правилъ общежитія.

Авторъ «Черной Женщины», которому лучше всѣхъ извѣстны эти обстоятельства, весьма хорошо знаетъ, что, по особенному устройству Журнала, онъ скорѣе можетъ встрѣтить на его страницахъ суровый приговоръ литературнаго правосудія, чѣмъ комплименты подозрительной услужливости, и если бъ намъ вздумалось, въ шутку, написать на его Романъ грозное Разругали, мы бы легко сдѣлали васъ свидѣтелями любопытнаго психологическаго опыта, — вы могли бъ сами видѣть, или представить себѣ мысленно, лице бѣднаго автора, который, въ званіи редактора, читаетъ корректуру сочиненной на него укоризны, и дрожащею рукою исправляетъ опечатки въ жестокихъ ударахъ, наносимыхъ его самолюбію. Мысль о возможности подобнаго увеселенія, мы увѣрены, неоднократно приходила на умъ почтенному сочинителю «Черной Женщины», — и если онъ теперь его не испытаетъ, то ужъ конечно по доброй винѣ: надобно было написать дурную книгу.

Никто болѣе насъ не восхищался твореніемъ Г. Греча, и никто не радуется душевнѣе блистательной славѣ его книги, можно сказать, восторгу, какой она возбуждаетъ въ огромномъ большинствѣ читающей

публики. Пріятный, свѣтлый слогъ, теплое чувство и утѣшительное вѣрованіе, разлитыя въ цѣломъ сочиненіи, многія прелестныя картины, многія прекрасныя мысли, выраженныя съ очаровательною простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно, повѣсть ясная и занимательная, по-времени умный и мѣткій сарказмъ, совершенно оправдываютъ лестное впечатлѣніе, производимое этимъ новымъ Романомъ, которому, безъ-сомнѣнія, суждено жить долго въ нашей Литературѣ. Еще разъ повторяемъ: никто болѣе насъ не радуется столь полному и заслуженному успѣху; но тутъ же сознаемся, что радость эта не совсѣмъ чужда и личныхъ расчетовъ: въ томъ самомъ успѣхѣ мы видимъ утвержденіе нашего отзыва, произнесеннаго еще въ прошломъ мѣсяцѣ при первомъ выходѣ въ свѣтъ творенія; тотъ самый успѣхъ, вознаграждая автора за его трудъ живѣйшею отрадою, чрезвычайно облегчаетъ намъ скользкое дѣло разбора пріятельской книги, потому что дозволяетъ говорить откровеннѣе съ авторскимъ его самолюбіемъ, вѣроятно уже расположеннымъ къ хорошему приему замѣчаній.

И мы даже начнемъ съ замѣчаній, чтобъ скорѣе сложить съ сердца тягость и выйти свободно на полъ, гдѣ сілетъ столько разнородныхъ красоть.

Романъ Г. Греча есть явленіе совсѣмъ необыкновенное въ нашей Словесности: это не Сказка и не Повѣсть; не страничка, вырванная изъ Исторіи и разведенная выдумками и разговорами на четыре тома; даже не философическая картина частной и семейной жизни: авторъ избралъ себѣ цѣль гораздо величественнѣе; стремленіе его несравненно выше и смѣлѣе. Это Романъ метафизическій. Одна сильная и лучезарная идея господствуетъ, подобно огненному облаку, надъ всѣмъ пространствомъ бо-

гатаго разнообразіемъ и происшествіями разсказа, и заключается въ томъ, что въ вещественномъ мірѣ очевидно преобладаетъ духовное начало. Цѣль автора передать это убѣжденіе. Что все въ мірѣ движется духомъ, что его могущество проявляется во всемъ созданномъ, это несомнѣнно; но мы крайне сомнѣваемся, можно ли это доказать Романомъ, то есть, поэтическимъ вымысломъ.

Чѣмъ болѣе точныя Науки приближаются къ настоящимъ ихъ началамъ, тѣмъ яснѣе становится для нихъ и для ума человѣческаго существованіе единого, всемогущаго Бога: оно, уже сегодня, можетъ быть доказано, такъ сказать, математическими вычисленіями, и самая Математика, составляющая общее основаніе формъ нашего разума и силы, управляющей вселенною, есть только одна изъ точекъ, самыхъ ясныхъ точекъ соприкосновенія нашей души съ существомъ Всеобщаго Разума міра. Астрономія на небѣ, на землѣ Анатомія, Геологія, Естественная Исторія, Физика и Химія каждый день доставляютъ новыя и убѣдительнѣйшіе доводы въ пользу великой и непреложной истины. Какъ скоро происхожденіе души нашей отъ Божества, какъ скоро тождество ихъ духа и вѣчная ихъ связь между собою однажды приведены въ ясность неопровержимыми выводами точныхъ познаній человѣка, Откровеніе и Вѣра дѣлаются необходимымъ слѣдствіемъ этого наведенія: всякъ, однимъ здравымъ разсудкомъ, постигаетъ ихъ неизбѣжность.

Авторъ могъ употребить для своей цѣли всѣ данныя точныхъ Наукъ, подобно ученымъ и краснорѣчивымъ писателямъ, раздѣлившимъ между собою Бриджватерскую премію, хотя это выходило бы изъ предѣловъ изящнаго сочиненія. Онъ могъ призвать въ по-

мощь истины Нравственной Философін, науку практической жизни, и, помощію ея факела, вывести насъ изъ темени предполагаемаго сомнѣнія на великій путь своего начала. Но онъ предпочелъ всѣмъ этимъ мощнымъ и великолѣпнымъ средствамъ, уже самимъ собою облагораживающимъ человека и повышающимъ его къ Божеству, одну изъ самыхъ сомнительныхъ отраслей положительнаго знанія, еще не очистившуюся отъ заслуженнаго упрека въ шарлатанствѣ, еще не доказавшую ничего яснаго: онъ предпочелъ животный магнетизмъ. При выборѣ его въ главныя пружины убѣжденія въ литературной повѣсти, первая и весьма важная ошибка состоитъ въ томъ, что писатель вдругъ и добровольно лишается согласія съ его мнѣніями всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ поводовъ вѣрить дѣйствительности чудесъ этой пружины. Алимари, который есть родъ осуществленія личныхъ понятій автора, говорить, что онъ твердо вѣритъ животному магнетизму: намъ довольно замѣтить, что въ опытномъ изученіи Природы это уже очень бѣдная истина, въ которую нужно только вѣрить. Еще несвойственнѣе употреблять животный магнетизмъ во всемъ его пространствѣ въ подкрѣпленіе предложенной истины, преобладанія въ мірѣ духовнаго начала, тогда какъ теорія этого магнетизма въ конечномъ своемъ итогѣ низводитъ душу человѣческую на степень вещественнаго дѣятеля. Правда, духовный мистицизмъ нѣсколько уже разъ пытался воспользоваться таинственными его чудесами для своихъ созерцаній и даже основывалъ на нихъ свои ученія; но, вникнувъ короче въ дѣло, онъ всегда кончалъ тѣмъ, что вдругъ сталъ убѣгать столь опаснаго союзника, и оставлялъ въ недоумѣніи своихъ восторженныхъ послѣдователей. Отсюда многіе смѣшиваютъ явленія магнетизма съ явленіями духовнаго міра, къ чему сильно причини-

лось и самое названіе существовавшей между магнетистами школы Спиритуалистовъ, которые, не имѣя ничего общаго съ духомъ, отличались отъ другихъ только средствомъ производства магнетизма черезъ напряженіе воли, и самую волю превращали въ вещество.

Большая часть дѣйствующихъ лицъ «Черной Женщины» духовидцы: обитаютъ среди призраковъ и жьютъ въшіе сны, предсказываютъ будущность. Мы не думаемъ, чтобы, наполнивъ видимый міръ призраками и привидѣніями, можно было доказать преобладаніе въ немъ духовнаго начала: они существуютъ, — это правда, но существуютъ только какъ оптическіе обманы; они — тѣнь, бросаема въ воздухъ нашими мыслями, нашимъ воображеніемъ; въ крайнемъ случаѣ они доказываютъ только, что есть люди съ разстроенными нервами. Кому изъ насъ, въ сильномъ напряженіи мысли, особенно при легкой лихорадкѣ и позывѣ на сонъ, не случилось вдругъ увидѣть передъ собою образъ человѣчскій, иногда и свой собственный? Но это еще не духи: всѣ мы знаемъ, и почтенный авторъ «Черной Женщины» безъ труда на то согласится, что этотъ кажущійся образъ былъ во мнѣ, а не внѣ меня, и что это было только случайное продолженіе фокуса моего воображенія. Оттого никто, кромѣ меня, и не видѣлъ этого образа. Само собою разумѣется, что если бъ я былъ Карломъ IX или Густавомъ III, тотъ или другой изъ моихъ льстецовъ увидѣлъ бы его тоже, и еще яснѣе меня, какъ скоро я спросилъ бы его объ этомъ; но протокола нашего общаго видѣнія еще не слѣдовало бы употреблять въ доказательство существованія ни домовыхъ, ни льшихъ. Жаль, что пріятель, сообщившій автору одинъ подобный протоколъ, который впрочемъ

мы сами читали въ какомъ-то повременномъ изданіи, не сообщилъ ему вѣсть статьи того ученаго Шведа, который такъ явно обнаружилъ подлогъ этого страннаго акта.

Авторъ простить намъ великодушно, если мы скажемъ, что живое, огненное, удивительное изложеніе его извѣстнаго анекдота о Казоттѣ стоить тысячу разъ болѣе нежели самый анекдотъ, который столь же мало заслуживалъ его вниманія, какъ видѣнное Г. астрономомъ и метеорологомъ Шретеромъ ночное шествіе изъ Адмиралтейства въ Зимній Дворецъ или вѣщій сонъ артиллериста. Раскрывъ любой томъ Баронія, авторъ нашелъ бы сотни случаевъ, еще удивительнѣйшихъ и подкрѣпленныхъ такими важными свидѣтельствами, что они могутъ поколебать самаго заклятаго скептика. По нашему, всѣ подобныя рассказы и поддерживаніе ихъ мнимыми доказательствами не приносятъ ни какой пользы Религіи: напротивъ, создаютъ новый родъ суевѣрія, и подлѣ чистаго ученія Церкви, которое должно одно обладать всѣмъ нашимъ вѣрованіемъ, устанавливають особое вѣрованіе въ сны и призраки, ни къ чему не ведущіе въ будущей жизни, а въ настоящей помрачающіе только свѣтъ разума и развитіе точныхъ Наукъ, могущественнѣйшей и вѣрнѣйшей опоры Религіи. Одна страница Астрономіи болѣе представляетъ доводовъ въ пользу Провидѣнія и Премудрости Божіей, нежели вся «Символика сновъ» почтеннаго Шуберта, и всѣ магнитическіе Журналы Вольфарта и Кизера.

Вопросъ, такъ краснорѣчиво защищаемый авторомъ «Черной Женщины», о пользѣ животнаго магнетизма для укрѣпленія въ челоувѣчествѣ утѣшительныхъ истинъ, вопросъ, который мы конечно оставили бы безъ отвѣта, если бъ онъ не былъ предло-

женъ такимъ извѣстнымъ и достойнымъ уваженія писателемъ, этотъ именно вопросъ велить намъ принять подробный разборъ предмета, даже съ опасеніемъ подвергнуться головной боли, которою некогда страдали мы такъ жестоко въ рукахъ одного великаго магнетизера. *Non ignarus mali!*..... Мы тоже были въ магнетизмъ по уши.

Тонкая летучая жидкость, которую можно назвать нервнымъ сокомъ нашей планеты, кружить очевидно въ цѣломъ ея составѣ и во всѣхъ ея членахъ. Одинъ образъ проявленія этой жидкости извѣстенъ намъ подъ именемъ электричества; многія новѣйшія наблюденія позволяютъ заключать, что магнитность есть только другой образъ, подъ которымъ она объявляется нашимъ чувствамъ въ извѣстномъ ряду случаевъ, другое свойство одного и того же вещества. Это свойство обнаруживается особенно въ слиткахъ мѣдножелезной руды, находимыхъ обыкновенно подлѣ природнаго желѣза, и называемыхъ *магнитомъ*: оно состоитъ изъ четырехъ примѣчательныхъ явленій: 1) притягательной силы, дѣйствующей на желѣзо; 2) добровольнаго обращенія однимъ опредѣленным концомъ, — когда магниту будутъ даны видъ иглы, или стрѣлки, и свобода ворочаться на одной точкѣ, — къ одному изъ четырехъ извѣстныхъ пунктовъ Земнаго Шара, оказывающихъ самое сильное дѣйствіе на эту стрѣлку, и именно къ самому ближайшему изъ нихъ; 3) поляризаціи, то есть, протяженія однимъ концомъ, и оттолкновенія другимъ, когда попеременно приближаешь концы, или полюсы, магнита къ одному изъ концовъ стрѣлки; 4) наконецъ, атмосферы, или дара оказывать свое дѣйствіе даже въ нѣкоторомъ удаленіи, явно удостовѣряющаго, что летучая жидкость, которая производитъ въ магнитѣ всѣ эти явленія, разлита и вокругъ него до извѣстнаго разстоянія.

Два послѣдніе феномена , поляризаціи дѣйствующей въ магнитъ силы и сѣятмосферы, общи ей съ электричествомъ; два первые исключительно ей принадлежатъ, и даже уничтожаются послѣднимъ. Впрочемъ не одинъ магнитъ оказываетъ это свойство, которое будемъ мы впередъ называть магнитностью: кобальтъ, колчеданъ и фальць такъ же одарены имъ въ различныхъ степеняхъ. Полоскамъ простаго чистаго желѣза и стали можно сообщить его посредствомъ сближенія ихъ съ природнымъ магнитомъ или натиранія магнитною полоскою въ опредѣленномъ направленіи; можно даже возбудить въ нихъ собственную ихъ магнитность безъ всякаго участія природнаго магнита, просто сильными ударами молота, или держа ихъ отвѣсно въ рукѣ и слегка ударяя ключемъ по остальной длинѣ внизъ, или вода повторительно палочкою отъ середины этихъ полосокъ сперва къ одному концу, потомъ, обративъ палочку, отъ середины же къ другому. Пропускаемъ разные другіе способы дѣлать искусственный магнитъ, и только замѣтимъ, что та же самая манипуляція, вожденіе даннымъ тѣломъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, служитъ къ возбужденію магнитности и въ кобальтѣ, и въ человѣкѣ, и проч.

Въ природномъ магнитѣ есть еще одно весьма любопытное свойство, о которомъ должны мы упомянуть, потому что оно бросаетъ свѣтъ на важную тайну животной магнитности: кусокъ этого минерала, одаренный силою притяженія, способною поднимать извѣстный вѣсъ желѣза, теряетъ ее совершенно, если остается долгое время безъ употребленія; напротивъ, упражняя его въ этомъ занятіи, можно чрезвычайно, хотя всегда до извѣстной степени, увеличить въ немъ эту силу. Вотъ естественное объясненіе того удивительнаго магнитическаго могущества, которое пріобрѣтаютъ многіе магнетизеры: утверждаютъ, что

Месмеръ, въ старости своей, усыплялъ добрыхъ людей однимъ прикосновеніемъ руки ; мы знаемъ въ Петербургѣ одного весьма почтеннаго мужа , которому приписываютъ тотъ самый даръ , не считая принадлежащихъ къ школѣ кавалера Барбарена, и , посредствомъ упражненій въ этомъ ремеслѣ , достигшихъ искусства изливать изъ себя магнитность помощію напряженія зора и воли. Мы не хотимъ спорить съ приверженцами и обожателями магнетизма о подлинности всѣхъ чудесъ этого дара , приводящаго ихъ въ такое удивленіе , и желали только показать , во - первыхъ , что не отвергаемъ его возможности до известной степени ; во - вторыхъ , что , какая бы ни была его обширность , въ немъ нѣтъ ничего духовнаго , ни сверхъ-естественнаго.

Теперь перейдемъ къ теоріи самаго магнетизма. Краткое изображеніе нервной системы животнаго тѣла необходимо для ея понятія.

Бѣлыя тонкія волокна распространяются вдоль всего нашего тѣла въ разныхъ направленіяхъ въ видѣ коемъ , облеченныхъ плевами , которыя , заключая въ себѣ известное число такихъ волоконъ , образуютъ отдѣльные нервы , упирающіеся въ оконечности тѣла и въ различныя мѣста подъ кожею. Они состоятъ изъ того же вещества , какъ мозгъ , который находится въ головѣ и продолжается въ позвоночной кости. Плевы , окружающія ихъ , одного и того же качества съ плевою , облекающею мозгъ , чрезвычайно богаты кровными сосудами , которые проникаютъ въ самую массу нервовъ и въ ней оканчиваются. Посредствомъ этихъ сосудовъ нервы вытягиваютъ изъ крови и всасываютъ въ себя тонкую , летучую , эфирную , быть-можетъ даже свѣтотворную , жидкость , которая ихъ питаетъ и обновляетъ ихъ силы. Искусное по цѣлому животно-

му зданію развѣтвеніе, которое сообщила имъ Природа, называется «нервною системою»: она тѣсно связана съ мозгомъ, главнымъ ея центромъ и правителемъ. Нисходя отсюда и проникая во всѣ части тѣла, нервы въ разныхъ его мѣстахъ сближаются между собою, пересѣкаются, свертываются другъ другомъ, и образуютъ родъ узловъ, или клубковъ, составляющихъ новые центры усиленной ихъ дѣятельности, и такъ-сказать отдельные мозги тѣхъ частей тѣла, въ которыхъ они находятся. Главнѣйшіе изъ этихъ узловъ расположены въ нижней части тѣла, за желудкомъ, близъ сердцевой полости, такъ, что изъ ихъ сближенія возникаетъ особая, полная система мозгообразныхъ узловъ, известныхъ подъ названіемъ ганглій, которыя можно почитать вторымъ большимъ мозгомъ человѣческаго тѣла, тѣмъ болѣе, что ему присвоены, кажется, нѣкоторые умственные отправленія: здѣсь именно пребываютъ инстинкты, попеченіе о развитіи и укрѣпленіи тѣла, познаніе здоровья, голода, жажды, врожденные склонности, и все то, что мы въ обыкновенномъ языкѣ называемъ голосомъ сердца. Эти нервы носятъ названіе возраждательныхъ, или репродуктивныхъ, и, предшествуя физической жизни тѣла, образуютъ въ нервной системѣ особое отдѣленіе, отчужденное гангліями отъ отдѣленія церебральныхъ, или мозговыхъ нервовъ, которымъ ввѣрены чувства зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, которыя принимаютъ впечатлѣнія, переносятъ ихъ въ мозгъ и содѣйствуютъ всѣмъ отправленіямъ ума; на которыхъ наконецъ опирается воля и движеніе. Но оба эти отдѣленія связаны и сообщаются между собою помощію третьяго разряда нервовъ, именуемыхъ симпатическими.

Чувствительность нашего тѣла имѣетъ пребываніе свое въ нервахъ, и нервы, взятые всѣ вмѣстѣ, въ цѣ-

лой своей системѣ, въ цѣломъ распредѣленіи своихъ вѣтвей и узловъ, производятъ въ насъ такъ называемое общее чувство, *sensus communis*, то есть, совокупное ощущеніе себя, своей особы, — чувство, котораго главный пунктъ опирается на гангліяхъ, этомъ внутреннемъ мозгѣ, гдѣ оно превращается въ понятіе — Я, и въ склонность эгоизма. Такимъ образомъ, человекъ или животное собственно есть та дивная сѣть бѣлыхъ снурковъ съ ихъ узлами, клубками и вѣтвями, которымъ мы даемъ имя нервовъ, мозговъ и сладкаго мяса: это настоящее одушевленное, собственною жизнію, ядро нашего тѣла, которое всѣ прочія части только окружаютъ, хранятъ и питаютъ, уподобляясь мякоти въ плодахъ: при небольшемъ искусствѣ, можно выдернуть человека изъ человека. Если бъ мы умѣли сдѣлать это въ живомъ лицѣ, не причиняя ему смерти, остальная часть его представила бы намъ массу тяжелую, безчувственную, неподвижную, тогда какъ вынутая изъ него плетеница, съ ея узлами, могла бы и внѣ тѣла совершать всѣ отправленія чувствительности и умственной жизни: стоило бъ только доставить ей ту пищу, какую получаетъ она отъ тѣла, — и эта-та бездѣлица будетъ, кажется, всегда препятствовать отдѣленію внутренняго человека отъ его плоти. Чувствительность состоитъ въ двоякомъ свойствѣ нервовъ, — раздражительности, то есть, способности съ большею или меньшею скоростью принимать впечатлѣнія, и крѣпости, то есть, даръ удерживать ихъ въ себѣ долѣе или короче, и неравное содержаніе этихъ двухъ свойствъ одного къ другому производитъ неравность темпераментовъ.

Главное орудіе чувствительности нервовъ есть тотъ живительный ихъ сокъ, та летучая, эфирная жидкость, повидимому содержащая въ себѣ даже начало свѣта,

которую они вытягиваютъ изъ крови посредствомъ окружающихъ ихъ сосудовъ. Эта жидкость, уподобляющаяся и электричеству, и магнитности, одарена явлениями поляризации и атмосферы. Въ существованіи ея атмосферы можно удостовѣриться во всякое время: всѣ пункты какого-нибудь мускула способны ощущать, хотя нервъ проходитъ черезъ него только въ одномъ мѣстѣ; слѣдственно, летучее вещество, текущее въ нервъ, разливается также и вокругъ него, дѣйствуя не только внутри, но и внѣ на извѣстное разстояніе. Поляризація этого вещества обнаруживается тогда, когда оно бываетъ взволновано посредствомъ вожденія рукою или чѣмъ другимъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, подобно тому, какъ помощью тренія или вожденія возбуждается магнитность, таящаяся въ желѣзѣ или кобальтѣ, что въ обоихъ случаяхъ называется магнитизированіемъ: тогда лице, въ нервахъ котораго эта эфирная жидкость потеряла свое равновѣсіе дѣйствіемъ подобной манипуляціи, представляетъ два полюса, какъ въ магнитной стрѣлкѣ или въ наэлектризованной полоскѣ металла: оно оказываетъ явное притяженіе или склонность къ лицу, причинившему въ немъ это разстройство, и отталкиваетъ отъ себя признаками отвращенія тѣхъ, кто не состоитъ въ соприкосновеніи съ магнитизеромъ. Эту — то летучую жидкость, которую можете вы назвать животнымъ электричествомъ, животнымъ магнитизмомъ или высокимъ нервнымъ сокомъ, именно это тонкое, эфирное вещество, добываемое нервами изъ грубаго вещества яствъ, превращенныхъ въ кровь, общее тѣламъ животнымъ и ископаемымъ, разлитое во всей земной Природѣ и обнаруживающееся въ ней подъ разными видами, магнитисты называютъ истиннымъ началомъ жизни, *Lebensfluidum*, *fluide vital*, и приписываютъ ему всѣ свойства духа. Коротко сказать, это безконечно тонкое, или какъ они выражаются, «сродное съ ду-

хоть» вещество есть, по ихъ ученію, самая душа, и хотя имъ случается употреблять это послѣднее слово, но они всегда подразумеваютъ въ немъ свое любимое вещество, магнитизмъ. Въ желаніи подкрѣпить эту теорію фактами заключается вся тайна магнитическихъ степеней и ихъ чудесъ, изъ которыхъ одна часть конечно дѣйствительна и согласна съ физическою возможностью, другая же существуетъ только въ разгоряченномъ умѣ самихъ магнитистовъ, состоитъ изъ произвольныхъ предположеній, преувеличеній, толковъ, и, будучи просто выводомъ изъ первой части, протертымъ до послѣдней логической крайности, даже не чужда извѣстнаго шарлатанства, которое всегда дѣлаетъ вещь яснѣйшею и разительнѣйшею.

Но положимъ, что всѣ явленія, приводимыя ими съ надлежащимъ раскрашеніемъ, справедливы и не подлежатъ ни какому спору: что жъ они доказываютъ? Они доказывали бъ только то, что мы открыли удивительныя свойства летучаго вещества, текущаго въ нашихъ нервахъ; что мы, такъ сказать поймали *животную душу* челоѣка, и убѣдились, что значительная часть умственныхъ отправленій обыкновенно приписываемыхъ духу, совершается этою вещественною, животною душою. Все еще остается нетронутымъ вопросъ о душѣ духовной, управляющей этою животною душою, и употребляющей ее какъ орудіе для другихъ, высшихъ цѣлей, о душѣ безсмертной, объ этомъ таинственномъ выраженіи воли Божества въ брѣнномъ тѣлѣ, силою котораго челоѣкъ есть. Эта духовная душа, которую мы сознаемъ въ себѣ только посредствомъ отвлеченныхъ выводовъ, которую узнали только помощію Откровенія, которая есть отраженіе въ насъ великой Мысли міровъ; эта таинственная душа ускользаетъ отъ всѣхъ наблюденій и опытовъ; мы нигдѣ не видимъ

ея въ личномъ дѣйствіи, и логически нигдѣ видѣть не можемъ, потому что она духъ. Въ магнитическомъ снѣ мы видимъ только дѣйствія животной души, волшебную игру той летучей жидкости, которая кружить въ магнитъ, кобальтъ, нѣкоторыхъ камняхъ и въ нашихъ нервахъ, и которая, будучи взволнована, то образуетъ полюсы, то возгарается и наполняетъ яркою молніею всю внутренность тѣла, то наконецъ отражаетъ въ себѣ ту же внутренность и даже внѣшніе предметы, но поставленные непременно въ потокъ той самой жидкости, который, какъ увѣряютъ страстные магнитисты, можно распространить на огромное разстояніе, а какъ мы готовы вѣрить, на довольно значительное. Конечно, это уже весьма важное и любопытное открытіе, но духъ не имѣетъ тутъ ни какого участія въ дѣлѣ: здѣсь все механизмъ, все происходитъ физически, по правиламъ опытной Науки, посредствомъ разнаго рода проводниковъ и искусственнаго прилива въ тѣло эфирнаго электро-магнитнаго вещества. Какимъ же образомъ животный магнетизмъ можетъ служить къ доказанію преобладанія въ мірѣ духовнаго начала, и въ чемъ полезенъ онъ религіозному вѣрованію? По счастью для насъ, вѣрованіе происходитъ изъ высшихъ, свѣтлѣйшихъ источниковъ, и оно превосходно можетъ обойтись безъ его услугъ: иначе, онъ привелъ бы его прямо къ матеріальной душѣ.

Чтобъ поставить занимающій насъ вопросъ въ настоящемъ его свѣтѣ и показать осязательно, что въ цѣломъ производствѣ магнитическаго раздраженія проявляется только душа животная, которой присутствіе въ нашемъ тѣлѣ было уже извѣстно древней Философіи, а нынѣ подтверждается и опытною Наукою, мы пробѣжимъ весь рядъ чудесныхъ явленій магнетизма: простое ихъ изложеніе удостовѣритъ читателей, что

духовная, настоящая душа человека не мѣшается въ эти дѣла, и это ужъ слишкомъ, если она безмолвно позволяетъ своей животной служанкѣ щеголять собственнымъ своимъ умѣньемъ. Они увидятъ, что прославленный даръ прорицанія, замѣченный у лицъ, обѣятыхъ магнитическимъ сномъ, даръ, въ которомъ обожатели магнетизма, склонные къ мистицизму, нивѣсь что усматриваютъ, есть только искусственное развитіе самаго простаго, скотскаго инстинкта.

Мы сказали выше, что внутренній мозгъ человеческого тѣла, это сдѣленіе нервныхъ узловъ, расположенныхъ за желудкомъ близъ сердцевой полости, эти такъ называемыя гангліи, получили въ удѣлъ нѣкоторыя умственные отправленія, какъ-то, инстинктъ, или предчувствіе, попеченіе о физическомъ развитіи и благосостояніи тѣла, сознаніе здоровья, голода, жажды и склонностей, общее чувство, и проч. Здѣсь также помѣщаются фантазія и воображеніе, или сила облекать внутри себя образами понятія, почерпнутыя мозговымъ отдѣленіемъ нервовъ изъ внѣшняго міра, и перелитыя въ эти узлы посредствомъ нервовъ симпатическихъ, сила живописная, которую мы, быть-можетъ, неправильно приписываемъ головѣ. Здѣсь пребываетъ особенная способность воспоминанія, независимая отъ памяти, и дальновидность, различаемая многими отъ инстинкта, но которая, по-видимому, есть только его усиленіе. Словомъ, гангліи можно назвать фонаремъ, повѣшеннымъ внутри тѣла и освѣщающимъ тайныя его работы: это центръ внутренняго міра человека, какъ голова центръ его внѣшняго міра; это собственная голова желудка, дѣйствующая независимо отъ настоящей головы, поставленной на стражъ снаружи, только отъ времени до времени со-общающая ей о своихъ потребностяхъ и прихотяхъ, и, по увѣренію неукротимыхъ магнетистовъ, гораздо

умѣе ея, такъ, что если бѣ желудокъ съ гангліями былъ у человѣка на плечахъ, а голова его тамъ, гдѣ теперь желудокъ, человѣкъ былъ бы мудрецъ хоть куда. Какъ бы то ни было, но Сравнительная Анатомія поставила внѣ сомнѣнія ту истину, что это узловатое отдѣленіе нервовъ дѣйствительно одарено разными умственными способностями, и имѣетъ тѣми, которыя проявляются въ безразумныхъ животныхъ, и которыя, безъ содѣйствія духовной, безсмертной души, ставятъ ихъ въ возможность ощущать свое бытіе, пешихъ о своемъ пропитаніи и здоровьи, воображать, распознавать свои склонности, и т. д. Многія насѣкомыя не имѣютъ другаго мозга, кромѣ этого: умъ пчелы и муравьи весь у нихъ въ желудкѣ, подѣ сердцемъ. Въ человѣкѣ, благодѣтельствованномъ, сверхъ всего разумною, невещественною душою, сила этого нижняго мозга, столицы животной души, и его животнаго ума, значительно поглощается напряженною дѣятельностью верхняго, головного мозга, который втягиваетъ въ себя цѣломѣрное количество нервнаго сока для оживленія производящихся въ немъ работъ духовнаго ума и осушаетъ гангліи; но у людей слабоумныхъ или мало трудящихся головою, у дикарей, и особенно у женщинъ, этотъ животный умъ получаетъ иногда удивительное развитіе, и воображеніе, предчувствіе, прихоти, словомъ всѣ способности, сопряженныя съ гангліями, дѣйствуютъ чрезвычайно живо: есть люди, которые въ этомъ отношеніи могли бѣ поспорить съ животными.

Отправленія органической жизни основаны на перемежкѣ занятія и отдыха, — бодрствованія и сна. Во время сна, верхній головной мозгъ со всеми своими нервами находится въ совершенномъ успокоеніи; дѣйствія чувствъ и дѣятельность духов-

наго ума прекращаются, и душа безсмертная, этотъ высокій нравственный разумъ, которымъ Богъ связалъ насъ съ Собою, и который поставилъ Онъ въ насъ съ обязанностию наблюдать за движеніемъ животности въ нашемъ тѣлѣ, и руководствовать ее своими совѣтами, кажется погруженнымъ въ священную тишину сродной ему вѣчности; напротивъ, нижній мозгъ тогда бодрствуетъ, и животная душа, которую по-Русски прекрасно можно назвать *животомъ*, усугубляетъ свои попеченія о тѣлѣ: кровь течетъ быстрее, дыханіе становится чаще, вареніе, отдѣленіе, питаніе происходятъ съ дивною поспѣшностью, воспоминаніе, воображеніе, фантазія получаютъ полную волю, облачаютъ понятія наружными формами, предметовъ и производятъ сновидѣнія; общее чувство усиливается и дѣлается раздражительнѣе, и нерѣдко инстинктъ, соединяясь съ фантазіею, особенно когда опасность угрожаетъ здоровью или самому лицу, пугаютъ васъ страшными видѣніями, которыя, если угодно, напомнимъ и вѣщими. Всѣ эти явленія примѣчаются и у безразумныхъ тварей, и мы не видимъ, какимъ бы образомъ можно примѣнить ихъ къ религіозному вѣрованію, хотя допускаемъ здѣсь теорію животнаго магнетизма со всѣми ея основаніями. Сны и видѣнія святыхъ угодниковъ суть слѣдствіе особенной благодати Божіей, суть вліяніе духа, происходятъ извне, не имѣютъ ни какой связи съ магнетизмомъ ни, съ изученіемъ Природы, и они-то принадлежатъ къ духовному міру; но вѣщія сновидѣнія бѣдныхъ грѣшниковъ — просто явленіе матеріальнаго міра и результатъ животной организаціи. Будь у насъ менѣе мыслей въ головѣ, мы бы гораздо болѣе имѣли ихъ въ желудкѣ, мы сильнѣе жили бы животомъ, и сны этого рода сдѣлались бы вещію совсѣмъ обыкновенною.

Но это сонъ естественный: посмотримъ теперь на

искусственный, или магнитическій. Замѣченная возможность перевести дѣйствующую летучую жидкость изъ магнита въ сродное ему тѣло, желѣзо, и возбудить въ немъ способности, дотоѣ усыпленные, пода-ла мысль къ тому, чтобъ такое же эфирное вещество, существованіе котораго въ животномъ тѣлѣ давно уже было извѣстно, перевести изъ одного чело-вѣка въ другаго. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Сначала, употреблены были для этого тѣ же средства, какими магнитизируютъ желѣзо; потомъ, опытъ открылъ и другіе способы, которые однако жъ всѣ опираются на теоріяхъ электричества и миперальной магнитности, и слѣдуютъ ихъ правиламъ: сюда принадлежать тре-ніе, вожденіе рукою или другимъ тѣломъ, хорошіе и дурные проводники, отдѣленіе, (*isolatio*), субституты, вліяніе металловъ и наконецъ самое электричество, иногда служащее вспомогательнымъ средствомъ. Одинъ изъ простѣйшихъ способовъ перелитія нервной эфир-ной жидкости (магнитизма) изъ себя въ другаго чело-вѣка состоитъ въ дыханіи на него по извѣстнымъ пра-виламъ и въ вонженіи въ него въ то же время своего взора и своей воли: мы уже объяснили, что одно упражненіе доводитъ до этого искусства; но сверхъ-того искусникъ долженъ быть самъ чрезвычайно ис-полненъ этого вещества, или яснѣе, долженъ быть полнокровенъ и обиленъ электричествомъ; а тотъ, на котораго онъ дѣйствуетъ, слабъ нервами, раздра-жителенъ или боленъ. Какимъ бы образомъ переда-ча ни совершалась, приливъ излишняго количества магнитизма въ нервы паціента возвышаетъ ихъ чув-ствительность, и, скопляясь въ центрѣ животной жизни, гангліяхъ, приводитъ ихъ въ бодрствованіе: въ то же время мозгъ и всѣ органы головы по необходи-мости повергаются въ насильственное усыпленіе, почти каменѣютъ; душа разумная останавливаетъ всѣ свои занятія какъ въ сильномъ угарѣ, въ нижней части

тѣла наступаетъ удивительная дѣятельность; жизненная матерія, или животная душа, усиленная искусственнымъ накатаніемъ въ нее того же вещества, изъ котораго сама она составлена, кипитъ въ уздахъ, выступаетъ изъ береговъ, и образуетъ около тѣла обширную атмосферу. Мы не станемъ говорить о первыхъ степеняхъ магнитическаго сна, потому что, кромѣ судорогъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было найти и въ обыкновенномъ снѣ. Высшія степени пріобрѣтаются не иначе, какъ тоже помощію упражненія: это показываетъ, что и животную душу можно выучить многому, тѣмъ болѣе, что отъ ея хозяина требуется непременно — твердая вѣра въ дѣйствительность магнетизма — и твердое желаніе, чтобы онъ произвелъ свое дѣйствіе, а съ этими двумя началами и Омеопатія дѣлаетъ чудеса. Менторъ «Черной Женщины», Алимари, сказать мимоходомъ, виновать въ ужасной ереси: онъ въ одинъ присѣсть возводитъ большую женщину на корабль въ сонъ седьмой степени, въ восторженіе, или такъ называемую дезорганизацию, тогда какъ, въ животномъ магнетизмѣ, это коренное, непреложное правило, что нельзя достигнуть высшей степени, не перешедши черезъ всѣ низшія, — что требуетъ довольно времени и повторительныхъ опытовъ.

При содѣйствіи навыка къ дѣлу и постепеннаго прибавленія магнетизма въ ганглии, наконецъ этотъ нижній мозгъ начинаетъ свои представленія, сопровождаемыя нервическими припадками и даже признаками горячки. Въ зрительномъ нервѣ пациента мелькаютъ молніи, — явленіе электрическое, или по крайней мѣрѣ доказывающее, что въ летучемъ веществѣ нервовъ есть свѣтотворное начало. Онъ узнаетъ предметы тѣмъ именно мѣстомъ своего тѣла, около котораго образуется самая сильная

магнитическая атмосфера, — мѣстомъ, соотвѣтствующимъ главнымъ узламъ ганглій, именуемымъ «солнечными»: только, эти предметы не должны быть отдѣлены отъ него худыми проводниками электричества, — мы просимъ тѣхъ, которые приписываютъ магнитическимъ ясновидѣніямъ нѣчто духовное, хорошо вникнуть въ это обстоятельство.

По изрѣ умноженіи въ пациентѣ количества приливнаго магнетизма, онъ болѣе и болѣе отчуждается отъ внѣшняго міра, и погружается въ свой личный животный міръ; внутренность его освѣщается проблесками и вспышками той же летучей матеріи; онъ видитъ свою внутренность, то есть, его общее чувство сильно-распознаетъ ихъ, а внѣшніе предметы, находящіеся въ предѣлахъ магнитической его атмосферы, нерешаются ему какъ во снѣ. Оба эти явленія показываютъ только то, что все дѣйствіе происходитъ въ средоточіи животной, матеріальной жизни, и что магнитная жидкость одарена удивительнымъ свойствомъ отражать въ себѣ предметы, еще въ высшей степени чѣмъ воздухъ, и, по своей чрезвычайной тонкости, переносить ихъ образы въ одинъ изъ своихъ полюсовъ, даже сквозь поры тела. Это свойство, магнитной жидкости, магнитности или магнетизма, сходное со свойствомъ воды и воздуха, которые тоже не только просвѣчиваютъ находящіеся въ нихъ предметы, но еще ихъ отражаютъ и переносятъ ихъ наружный видъ на извѣстное разстояніе, объясняетъ всѣ дальнѣйшія явленія. Въ немъ находится и причина того микроскопическаго зрѣнія, которымъ отличается желудокъ усыпленныхъ высокимъ магнитическимъ сномъ: они, напримѣръ, видятъ, какъ электричество вытекаетъ изъ волосъ и глазъ ихъ магнитизера тонкими, огненными лучами, и направляется въ ихъ сторону: если это правда, теорія зрѣнія болѣе не была бы загадкою. Испол-

нясь магнетизмомъ еще болѣе, они уже видятъ внѣшніе предметы не однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, но цѣлымъ тѣломъ, лишь бы тутъ опять не было дурныхъ проводниковъ. Они тѣсно сливаются общимъ чувствомъ съ лицомъ, изъ котораго магнетизмъ въ нихъ переходитъ, слышать и осязають только его чувствами. Металлы производятъ на нихъ самое опасное дѣйствіе. Поляризація летучей жидкости устанавливается, и прикосновеніе лицъ, не состоящихъ въ связи (*en rapport*) съ магнетизеромъ, исторгаетъ у нихъ мгновенные и страшные признаки отвращенія.

Далѣе, помощію новыхъ упражненій и еще сильнѣйшаго накатанія магнетизмомъ, они становятся ясно-видящими, то есть, разглядываютъ насквозь не только свое тѣло, но и тѣло своего магнетизера, и тѣла особъ, состоящихъ съ нимъ въ прикосновеніи, даже отдаленныхъ на нѣсколько десятковъ верстъ, коль скоро магнетизеръ соединитъ ихъ съ собою посредствомъ какого-нибудь хорошаго проводника, — замѣьте всюду этого проводника: для духа проводниковъ не нужно; другое дѣло, если бъ то были явленія духовныя, не физическія; если бъ душа разумная, бессмертная; принимала хоть малѣйшее участіе въ этихъ напряженіяхъ матеріальнаго жизненнаго начала! Замѣьте еще, что ясновидящіе видятъ только то, что относится къ здоровью тѣхъ лицъ, а сознаніе здоровья есть именно одна изъ главныхъ способностей центра животной жизни, возраждавательныхъ нервовъ, ганглий, живота. Наконецъ, поработавъ еще немного, они впадаютъ во «всеобщее ясновидѣніе», восхищеніе или дезорганизацію: тутъ уже пациентъ видитъ и помнитъ все независимо отъ времени и отъ мѣста, въ прошедшемъ, въ будущемъ, далеко, близко, вдоль и поперекъ, и всегда видитъ удивительно чисто, за исключеніемъ лишь того, что ему кажется туманнымъ, или что отчуждено дур-

ными проводниками. Но для учрежденія магнитической связи между нимъ и отдаленными лицами, вещественные хорошіе проводники здѣсь уже не нужны: довольно, чтобы его магнитизеръ умственно соединилъ съ собою отдаленнаго, даже незнакомаго пациенту больного, — но только больного, а не здороваго, — чтобы онъ коснулся его мыслию. Сверхъ-того пациентъ выражается высокимъ слогомъ, — то есть, непонятнымъ, какъ большая часть высокихъ слоговъ, и видитъ даже мысли своего магнитизера, который наоборотъ управляетъ имъ единою волею своею. Только и тутъ не раздѣляйте ихъ между собою дурными проводниками, потому что чудо вдругъ исчезаетъ. И все это означаетъ, что счастливый страдалецъ почти превратился цѣликомъ въ летучее жизненное начало, и, такъ сказать, растаявъ въ магнитизмъ, что животная душа, пролитая въ его нервахъ, пріобрѣла неизмѣримую атмосферу, которая приходитъ въ соприкосновение съ цѣлою Природою, и проникаетъ въ предметы; что сквозь это посредство чувствительности его общій смыслъ, его нервная система, обнимаетъ огромный удѣлъ творенія и ощущаетъ его точно такъ же, какъ въ здоровомъ человѣкѣ этотъ смыслъ ощущаетъ себя, свою особу.

Это состояніе называется у магнитистовъ психическимъ: мы, кажется, довольно ясно обнаружили, на какую душу намѣкаетъ здѣсь слово *психи*. Но и въ этомъ состояніи нѣтъ ничего страннаго: оно лишь развитіе предъидущихъ, довольно преувеличенныхъ, очень подозрительныхъ фактовъ, — загнанное правда ужасно далеко, но которое можно, въ духъ теорій, загнать еще далѣе, совершенно съ тою же вѣроятностью: почему бы эта атмосфера животной чувствительности, пораздувшись хорошенько, не могла коснуться, на примѣръ, луны, солнца, даже

и Сириуса, принести намъ извѣстія изъ тамошнихъ госпиталей! Странно только то, что люди весьма умные и ученые были въ состояніи, внѣ магнитическаго сна и лихорадки, нанизать столько призраковъ своего воображенія, чтобъ обманывать ими себя и другихъ. Но всякъ воленъ вѣрить, что ему угодно: быть-можетъ, и мы со-временемъ повѣримъ всѣмъ чудесамъ животнаго магнитизма, тѣмъ болѣе, что первый шагъ уже сдѣланъ, — мы привели ихъ здѣсь такъ серіозно, какъ-будто въ нихъ вѣрили *. Между-тѣмъ мы не усом-

* Но къ чему животный магнитизмъ! Чудеса, которыя творить знаменитый Князь Гогенлоге, гораздо удивительнѣе и низвѣютъ по крайней мѣрѣ столько же страстныхъ защитниковъ, хотя доказать ихъ еще труднѣе. Князь Гогенлоге магнитизма не употребляетъ; онъ нашелъ тайну исцѣлять болѣзни и недуги посредствомъ извѣстныхъ ему молецій. Многія изъ его чудесныхъ исцѣленій не подлежатъ сомнѣнію, и мы сами беремся поставить десятокъ свидѣтелей, которые присягнутъ, что они тоже ихъ видали собственными глазами. Между-тѣмъ, въ началѣ нынѣшняго года, Австрійское правительство запретило Его Свѣтлости дѣлать чудеса, и вотъ по какому случаю: одна дама въ Вѣнѣ, получившая отъ Природы лѣвую ногу гораздо короче правой, долго не вѣрила сверхъ-естественному дару Князя Гогенлоге; но, убѣдись безчисленными доказательствами и совѣтами самыхъ почтенныхъ лицъ, испытавшихъ на себѣ его дѣйствительность, наконецъ 19 Февраля написала къ нему записку, которою просила его, помочь ея безобразію: она сообщала ему всѣ нужныя свѣдѣнія о состояніи своей ноги, которая была короче другой четырьмя дюймами. Князь получилъ ея письмо при гостяхъ: чтобъ скорѣе одолжить просительницу, онъ сталъ повторять мысленно свое моленіе, не прерывая бесѣды своей съ присутствовавшими. Онъ повторялъ его до восьми разъ. Его Свѣтлость былъ увѣренъ, что исцѣленіе совершилось, и остановился. На другой день получаетъ онъ грозное письмо отъ той же дамы, которая обременяетъ его упреками, и бранитъ беспощадно. Представьте, что случилось! Разговаривая съ своими гостями, увлеченный бесѣдою, онъ забылъ, что дама писала къ нему только о четырехъ дюймахъ; ему показалось, что ея нога короче восемью дюймами; онъ сотворилъ столько же разъ свою молитву, и пациентка, проснувшись на другое утро, нашла, что ея лѣвая нога, бывшая прежде четырьмя дюймами короче правой, теперь такъ вытянулась, что она уже четырьмя дюймами длиннѣе ея. Какая непростительная разтяжка! Дама не удовольствовалась тѣмъ; что написала къ нему горькую укоризну; она подала донесеніе въ полицію, которая принуждена была принять рѣшительную мѣру для отвращенія впредь подобныхъ безпорядковъ. Этотъ фактъ былъ напечатанъ почти во всѣхъ Нѣмецкихъ газетахъ.

мнилъсь сказать, что самый Романъ Г. Греча, блестящій такимъ множествомъ свѣтлыхъ, возвышенныхъ мыслей, одушевленный такими прекрасными чувствами, носящій на себѣ такой глубокой отпечатокъ твердаго и яснаго понятія о Богѣ, его премудрости, благодати и величїи, есть доказательство въ миллионъ разъ сильнѣе въ пользу безсмертнаго и небеснаго существа нашей разумной души, нежели всѣ подлинныя и предполагаемыя явленія животнаго магнетизма, относящіяся прямо къ животнымъ началамъ жизни, основанныя на физическихъ опытахъ и представляющія результаты чисто физическіе. Всѣ магнетизеры и всѣ ясновидящіе вмѣстѣ, собравъ съ цѣлаго свѣта ганглии, животы и хорошіе проводники электричества, не напишутъ десяти строкъ чудесной страницы о сиротствѣ, помѣщенной авторомъ въ этомъ Романѣ, и лучше которой мы ничего не читали ни на какомъ языкѣ.

«Знаете ли вы, что есть сирота? Это цвѣтокъ, сорванный порывомъ бурнаго вѣтра съ роднаго стебля, и рукою состраданія погруженный въ воду, для продолженія его жизни нѣсколькими часами. Онъ питается чистою водою, красуется въ драгоценномъ сосудѣ, защищенъ отъ пчелъ и бабочекъ, слышитъ похвалы и изліянія восторга, возбуждаемые его цвѣтомъ и запахомъ. Но головка его томится, унываетъ, гнется на сторону, склоняется къ сырой землѣ, гдѣ скрыты родныя его вѣтви. И онъ стремится мыслію изъ помѣщенныхъ палатъ, изъ драгоценнаго сосуда, изъ кристальной воды, — на ту укромную грядку, гдѣ возникъ и развернулся на черной землѣ, въ дыханіи весенняго вѣтра, гдѣ кропили его и утренняя роса и дождь небесный, гдѣ спокойно и радостно цвѣли подлѣ него младшіе братья; гдѣ родныя ему, другія дѣти Природы, трудолюбивыя пчелы и беззаботныя мотыльки, съ веселымъ жужжаніемъ порхали вокругъ него на солнцѣ полуденномъ!

«Чувствую всю цѣну милостей моей благодѣтельницы. Я готова отдать ей и за нее жизнь мою; только въ ея при-

существованіи бываю спокойна и весела; только о ея жизни и здравіи и денно и ношно молю моего Создателя; но неволью, изъ блистательнаго, великолѣпнаго круга, стремлюсь въ бѣдную хижину, гдѣ жили мои родители. Маменька! ты жила, ты слышала мой младенческій лепетъ, ты любила меня! Ты звала меня: Наденька! Умирая, ты думала обо мнѣ и меня благословляла!... А я не знаю и того, какъ тебя звали! — Отецъ мой обремененный заботами житейскими и грустію душевною, отдалъ меня на руки великодушной моей благодѣтельницѣ, и самъ чрезъ нѣсколько времени слегъ въ могилу. Я одна, одна въ этомъ пространномъ мірѣ — иду, стремлюсь, не зная, куда. Но я къ нему не привязана; не боюсь ни страданій, ни смерти. Страданія мои не могутъ сравниться съ страданіями матери, покидавшей меня въ этомъ мірѣ, а смерть соединитъ меня съ тѣми, кто дорогъ моему сердцу! Маменька! я тебя узнаю изъ тысячи блаженныхъ тѣней!»

Вооружаясь противъ основной идеи Романа, опирающей несомнѣнную метафизическую истину преобладанія въ мірѣ духовнаго начала на дѣятельности животнаго магнетизма, — феномена въ цѣломъ своемъ пространствѣ совершенно животнаго, матеріальнаго, и на сбивчивомъ свидѣтельствѣ въщихъ сновъ, призраковъ и привидѣній, — другаго физическаго явленія, происходящаго собственно внутри насъ, въ нашемъ желудкѣ; отвергая эту идею какъ предосудительную для самаго предмета, который она старается привести въ ясность, мы съ восхищеніемъ сдаемся прелестямъ самой книги, какъ изящнаго творенія. Несбыточная ученая цѣль автора въ сторону, а въ литературномъ отношеніи мысль употребить магнетическія чудеса въ видѣ пружины повѣсти чрезвычайно оригинальна и счастлива, и искусство сочинителя открыло въ ней для себя источникъ самой сильной занимательности. Книга читается съ той быстротою, какую сообщаетъ только соединенная заманчивость слога и содержанія: съ первой страницы

до послѣдней она содержитъ васъ подѣ волшебствомъ разсказа умнаго, разнообразнаго, плотно связаннаго и живаго, и это очарованіе не разрушается даже при вторичномъ чтеніи. Въ продолженіе повѣсти встрѣчаются страницы высокаго краснорѣчія, и мы не можемъ лишить себя удовольствія выписать одно цѣлое мѣсто, гдѣ главная мысль сочиненія является въ полномъ блескѣ: трудъ этотъ для насъ тѣмъ пріятнѣе, что здѣсь нѣтъ магнетизма, и что доводы въ пользу великаго предмета почерпнуты не изъ ганглій, не изъ живота а изъ настоящаго ихъ источника, — духовнаго ума, внушеній души разумной.

«Общіе законы, по которымъ міръ и все въ немъ сущее рождается, живетъ и преходитъ, останутся тайною. Успѣхи наши въ теченіе тысячелѣтій — это десять шаговъ человѣческихъ, пройденныхъ муравьемъ на странствіи вокругъ Земнаго Шара. Но если бранными глазами, слабыми орудіями чувствъ не могу проникнуть въ глубину земнаго и небснаго творенія, — мысль моя, познающая веригъ пространства и времени, возлетаетъ къ невидимому, но познаваемому средоточію. Къ сознанію собственнаго нашего ничтожества необходимо присоединяется сознаніе Верховнаго Разума, въ которомъ теряется и мысль моя, и вся огромная видимая вселенная. Изученіе Природы нынѣ облекалось для меня свѣтлымъ лучемъ духовнаго міра. Прежде сего удивлялся я съ одной стороны огромности небсныхъ свѣтилъ, неизмѣримости безвоздушнаго пространства, съ другой мелкости животныхъ и растений микроскопическихъ; старался истолковать себѣ восхожденіе существъ отъ грубаго, безжизненнаго камня къ совершеннѣйшему земнородному — человѣку. Теперь, наоборотъ, мыслію низвожу на землю могущество и благость Бога, духомъ его проникаю все бывшее, сущее и будущее въ міръ, и дыханіемъ его оживляю, какъ гранитные утесы, такъ и мысли человѣческія. Я удостовѣрился теперь, болѣе нежели когда нибудь, что смерти нѣтъ въ Природѣ; что видимые нами предме-

ты, исчезая въ вещественномъ мірѣ, только принимаютъ другой видъ, и духъ нашъ, оставляя бренное тѣло стремится невѣдомыми путями къ началу, недоступному въ здѣшнемъ мірѣ. Я принимаю общую жизнь Природы, вѣчное круговращеніе, непрерывное самоизмѣненіе формъ ея; но причину существованія и жизни Природы нахожу внѣ ея, въ Существѣ высочайшемъ, премудрѣйшемъ. Намъ невозможно вообразить себѣ въ мірѣ что либо сущее безъ причины и безъ послѣдствій. И самые злѣйшіе безбожники согласны въ томъ, что окружающій человека міръ разнородныхъ силъ, являющійся въ своихъ дѣйствіяхъ на него, долженъ имѣть свою начальную причину. Они говорятъ, что эта причина всѣхъ явленій въ мірѣ заключается въ тѣннственныхъ, согласныхъ между собою дѣйствіяхъ силъ Природы, которыхъ существа мы познать не можемъ. Природа, толкуютъ они, существуетъ такъ отъ вѣка, дѣйствовала такъ всегда, производила явленія и перемѣны сама того не зная. Слѣдственно, по этому ученію, самое совершенное существо въ мірѣ есть человекъ, ибо онъ сознаетъ свое существованіе? Слѣдственно, Природа произвела существа, которыя совершеннѣе, выше, превосходнѣе ея самой? Слѣдственно вселенная есть мертвая машина, которая сама себя не знаетъ, а производитъ существа достойныя, въ сравненіи съ нею, быть божествами? — Нелѣпость этой мысли очевидна. Если, по законамъ моего разума, должна быть всему общая, начальная причина, то она не можетъ быть несовершеннѣе меня. Эта чудесная гармонія въ мірозданіи, эти разсчитанные, измѣренныя, взвѣшенные законы тайныхъ силъ Природы, движущихъ вселенною, суть мысль столь великая, какой ни я, ни другой смертный никогда изъ себя родить не можетъ. И изъ этой мысли вывожу я существованіе произведшей ее, соразмѣрной съ нею силы, самодѣятельной и познающей, какъ душа моя — только въ высшей, недостигаемой, невообразимой степени. Во сколько кратъ дѣла рукъ и ума человѣческаго слабѣе, ничтожнѣе устройства вселенной, во столько кратъ мудрость и сила человека ниже мудрости и силы всевысочайшаго Существа. Не разрушая законовъ разума, не можемъ изгнать изъ міра сего — всеустрояющей, владычествующей, всеоживляю-

щей Силы. Человѣкъ, по самопознанію души своей, по отличныѣмъ своимъ качествамъ, стоитъ на высшей ступени въ земномъ порядкѣ вещей. И важнѣйшее доказательство превосходства его есть то, что онъ разумомъ своимъ принужденъ вѣрить въ Бога: онъ видитъ въ Богѣ источникъ своего существа, и въ душѣ своей созерцаетъ отблескъ вѣчнаго, святаго Виновника всего сущаго въ мірѣ. Пусть своекорыстный лжемудрецъ, не для убѣжденія другихъ, а для удовлетворенія своему тщеславію, сбиваетъ понятія, няжетъ сомнѣнія, и мечтаетъ быть великимъ, доказавъ, что нѣтъ Бога! Гласъ всей Природы заглушаетъ его дерзкія слова! — И этотъ гласъ громче всего раздается въ глубинѣ нашей души, которая есть отблескъ, искра того духовнаго свѣтила, вокругъ котораго вращаются міриады міровъ видимыхъ. Есть Богъ всемогущій, всемилосердый — не мертвая Природа, безъ воли, безъ самопознанія! Я созданіе этого высочайшаго, святѣйшаго Существа; я духомъ съ нимъ одинъ. Смерть меня не устрашаетъ: она есть не уничтоженіе существа моего, а разрѣшеніе духа отъ узъ, называемыхъ у насъ тѣломъ. Духъ исходящій отъ Бога, знаетъ свою родину: онъ стремится туда, изъ конечнаго въ безконечное, изъ временнаго въ вѣчное. И въ здѣшней жизни человѣкъ начинаетъ воспитаніе свое для будущей, освобожденіемъ себя отъ чувственнаго, земнаго, растительнаго, животнаго, пробужденіемъ въ себѣ жизни духовной. Чистота тѣлесная есть охраненіе нашего тѣла отъ прикосновенія безжизненной Природы; чистота духовная освобожденіе души отъ наростовъ грубыхъ, тѣлесныхъ. Добрыя дѣла, заглушеніе самолюбія, своекорыстія, зависти, гнѣва — суть слабыя подражанія Благости Вышней, мерцающіе отблески солнечнаго луча, преломленнаго тучами и туманами земной атмосферы. — Изученіе окружающей насъ Природы предшествуетъ изслѣдованію способностей и силъ нашей души, и познавъ свойство души своей, возносимся мы къ вѣчному ея источнику. И здѣсь Благость небесная не оставляетъ насъ, слабыхъ и близорукихъ. Тамъ, гдѣ земныя наблюденія, сбивчивыя умозаключенія человѣка теряютъ нить въ темномъ лабиринтѣ — возникаетъ искра Божественнаго откровенія, и ведетъ насъ къ началу свѣта. Религія Христіанская есть окончаніе,

довершеніе, освященіе нашихъ благоговѣйныхъ наблюденій, и въ ея ученіи разрѣшаются всѣ вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ умѣ чловѣка о причинѣ и конечной цѣли существованія міра и души его!»

Обо всемъ этомъ мѣсть, — подобныхъ мѣсть безъ счету въ Черной Женщинѣ, — авторъ не услышитъ отъ насъ ничего, кромѣ совершеннаго согласія съ его мнѣніями и удивленія его таланту.

Мы неоднократно изъявляли наше мнѣніе, что самый несвойственный предметъ повѣсти для Романа, это анекдотъ, или отдѣльный частный случай, — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые называются истинными: и чѣмъ онъ истиннѣе, тѣмъ хуже для изящнаго сочиненія, потому что онъ тогда относится только къ одному лицу и не доказываетъ ничего общаго въ порядкѣ дѣлъ чловѣческихъ. Нашъ авторъ избралъ тоже одинъ изъ такихъ случаевъ — повторительное видѣніе кѣмъ-то чернаго призрака; но мы, по совѣсти, не можемъ обратить на него ни какого за то упрека. Его Романъ совсѣмъ особеннаго рода, сочиненіе по существу своему выше Романа. Предписавъ себѣ стремленіе метафизическое, рѣшаясь защищать событіями истину, выходящую изъ круга гражданскаго и политическаго быта, онъ долженъ былъ основать повѣсть на частномъ случаѣ, и обставить ее другими происшествіями, имѣющими видъ личной дѣйствительности. Онъ сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать, и даже, относительно къ предначертанной цѣли, употребилъ свои данныя съ большимъ искусствомъ. Весь планъ, который быть — можетъ показался бы несовершеннымъ во всякомъ другомъ Романѣ, очень удачно приноврленъ къ той же цѣли. «Черная Женщина» собственно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ и прекрасныхъ Повѣстей, помѣщенныхъ на двухъ оконечностяхъ зданія и связанныхъ меж-

ду собою блистательною галерею картинъ, представляющихъ дивныя, нерѣдко трогательныя случаи, забавныя сцены, группы странныхъ фигуръ, начертанныя рѣзко и разительно умною сатирою. Въ обѣихъ Повѣстяхъ и въ этой галерей, которой весь недостатокъ въ длинѣ, а не въ богатствѣ декораціи, хозяинъ и путеводитель одно и то же лице, — Князь Кемскій, герой Романа. Должно признаться, что чѣмъ далѣе, чѣмъ глубже рѣжемъ этотъ печатный кадаверъ съ милымъ улыбающимся лицомъ, брошенный авторомъ подъ ножъ нашей Критики, тѣмъ болѣе замысловатости открываемъ въ его устройствѣ. Первая Повѣсть, — хотя безъ заглавія, но это полная, отдѣльная Повѣсть, — содержитъ въ себѣ воспитаніе, любовь и женитьбу Кемскаго; предметъ второй — воспитаніе Ветлина, его любовь и бракъ съ дочерью героя. Авторъ — примѣрный отецъ семейства для чада своего воображенія: припасши своему герою ребенка въ началѣ Романа, онъ не бросилъ его на произволъ судьбы, какъ то дѣлаютъ другіе романисты; онъ занималъ насъ разными разсказами, описывалъ, чертилъ, показывалъ весь свой портфель превосходныхъ скинцовъ, смѣшил и самъ смѣялся, пока вдругъ не выдалъ замужъ этого ребенка, — ребенокъ, изволите видѣть, былъ дѣвочка. Но, возвращаясь къ Повѣстямъ, мы право, не знаемъ, какой изъ двухъ отдать преимущество. Повѣсть «Кемскій» написана съ примѣчательнымъ жаромъ, краснорѣчивая, характеристическая, прелестная. Повѣсть «Ветлинь» слабѣе ея созданиемъ, но въ ней заключается отрывокъ, который мы ставимъ на ряду со всѣми лучшимъ и прекраснѣйшимъ въ Русской Словесности: это «Исторія сироты», статья чудесная, изъ которой мы уже привели мѣсто о сиротствѣ. Въ этой послѣдней Повѣсти развитъ также характеръ артиста, Бериллова, который мы считаемъ удачнѣй-

шимъ въ цѣлой книгѣ, какъ по созданію истинно Русской оригинальности, такъ и по смѣлому выполненію идеи, выраженной широкими, отрывистыми чертами, но издали образующими въ совокупности, безподобное, выпуклое, хорошо освѣщенное цѣлое. Въ числѣ множества другихъ характеровъ, нарисованныхъ иногда бѣгло, иногда съ бѣльшею подробностью, но всегда чисто и живописно, отличаются въ особенности Алевтина и фонъ-Дракъ.

Обязанность, въ которую авторъ поставилъ себя подтверждать всѣми событіями своей повѣсти постоянное вліяніе Провидѣнія на наши дѣйствія, вовлекла его въ важную литературную погрѣшность. Дивныя встрѣчи, встрѣчи какъ-бы ex machina, такъ часты, что уже отзываются нѣкоторою однообразностью. Но этотъ недостатокъ слишкомъ поверхностенъ, чтобъ привязываться къ нему въ сочиненіи, изобилующемъ столь многими и разнообразными красотами.

Но мы забыли о сатирической части Черной Жепщины, — и уже собирались заключить разборъ! Хотя критическія статьи всегда хорошо оканчиваются показаніемъ замѣчательнѣйшаго недостатка разбираемой книги и потомъ коротенькою похвалою, но мы пожертвуемъ эффектомъ, котораго ожидали отъ послѣдняго замѣчанія, чтобъ доставить нашимъ читателямъ удовольствіе еще однимъ извлеченіемъ изъ этого прелестнаго Романа.

Ища лучшаго отрывка въ нашемъ экземплярѣ, мы находимъ столько лучшихъ мѣстъ, отмѣченныхъ нами для выписки, что поистинѣ затрудняемся выборомъ. Чтобъ рѣшиться на что-нибудь, мы познакомимъ читателей съ почтеннымъ Тряпицынымъ, важнымъ лицомъ Романа: мы могли бы взять много другихъ мѣстъ,

несравненно короче и даже высшаго литературнаго достоинства, но надобно удовлетворить всѣмъ вкусамъ: слѣдующее намъ кажется очень характеристическимъ, и не одному оно попадаетъ прямо въ сердце.

« Въ началѣ службы своей, Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ посланъ былъ въ Симбирскую Губернію, для пріеода рекрутской партіи: получилъ прогонныя деньги, сумму на расходы, инструкцію и шнуровую книгу, и отправился по назначенію. Нельзя было дѣйствовать исправнѣе, осторожнѣе, совѣстнѣе Ивана Егоровича: за всякую казенную копѣйку торговался онъ до драки; всѣ сбереженные суммы показывалъ въ приходѣ по чистой совѣсти; при каждой передачѣ подробно исчислялъ причины; по какимъ долженъ былъ произвести ее. Такимъ образомъ сберегъ онъ въ пользу казны слишкомъ треть данныхъ ему денегъ, и заранѣе восхищался мыслию, съ какимъ торжествомъ представить свою экономію начальству. На послѣднемъ переходѣ подъ Петербургомъ, сошелся онъ съ товарищемъ, который велъ другую партію, изъ Смоленска. За чаемъ разговорились они о своихъ дѣлахъ по службѣ. — «Скажи, сдѣлай одолженіе, Сайдаковъ,» спросилъ фонъ-Дракъ у товарища: сколько у тебя осталось изъ отпущенныхъ тебѣ денегъ? — «Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Звѣробоевъ! сколько бѣшь у насъ въ остаткѣ?» — «Ничего не осталось,» отвѣчалъ сержантъ: «и своихъ ваше благородіе изволили истратить.» — «Прійдется еще искать на Военной Коллегіи,» сказалъ Сайдаковъ. — «Помилуй, другъ мой!» возразилъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «Куда это ты дѣвалъ всѣ деньги? Покажи мнѣ, пожалуйста, шнуровую книгу.» — «Изволь, любезный! Эй, Звѣробоевъ! Подай книгу.» Звѣробоевъ подалъ. Фонъ-Дракъ раскрылъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ, и побѣднѣлъ: «Несчастный, ты пропалъ! Книга бѣлая!» — «Знаю,» отвѣчалъ, Сайдаковъ, смѣючись. «Смотри, Звѣробоевъ! завтра, когда прійдемъ въ Петербургъ, приведи ко мнѣ писаря — того, разумѣешь?» — «Слушаю, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ не могъ уснуть, помышляя о бѣдѣ, ожидающей безвѣчнаго Сайдакова. На другой день товарищи пришли въ городъ, и остановились на одной квартирѣ.

Фонъ-Дракъ всталъ въ пять часовъ, и занялся окончаніемъ счетовъ; вывелъ всѣ расходы, повѣрилъ итоги, перечелъ остальные деньги, и съ торжествомъ подписалъ рапортъ. — Сайдаковъ проспнулся въ одиннадцать часовъ, и сѣлъ за чай. Денщикъ докладываетъ: «Пришелъ писарь изъ Военной Коллегіи.» — «Зови скота!» — Вошла гнусная, красноносая фигурка въ засаленномъ фракѣ и съромъ галстухъ. — «Здорово, Тряпицынъ! Я привелъ партію; мнѣ еще слѣдуетъ получить сто двадцать пять рублей.» — «Слушаю, ваше благородіе!» — «Вотъ тебѣ книга, и вотъ пять рублей; когда кончишь, дамъ еще синенькую.» — «Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе; — будетъ исправлено » — «При этомъ случаѣ,» сказалъ Сайдаковъ, обращаясь къ Фонъ-Драку: «ты можешь отправить свои счета въ Коллегію. Тряпицынъ ихъ доставитъ.» — «Съ нашимъ удовольствіемъ,» пробормоталъ Тряпицынъ. — «Нѣтъ, Сайдаковъ!» отвѣчалъ Иванъ Егоровичъ, съ боязливою важностію: «я долженъ самъ имѣть честь представить отчеты — это долгъ службы.» — «Это пустое, ваше благородіе,» возразилъ Тряпицынъ: «поручите намъ; все исправимъ. Ей, ей, довольны будете!» — «Нѣтъ, братецъ!» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ: «я знаю долгъ службы. Самъ представляю.» — «Какъ изволите!» сказалъ Тряпицынъ съ усмѣшкою, и отправился. Фонъ-Дракъ представлялъ свои отчеты и остальные деньги, и чрезъ двѣ недѣли явился за квитанціею. Въ прихожей Коллегіи встрѣтилъ онъ Сайдакова. «Ну что, какъ сошло?» спросилъ Фонъ-Дракъ съ состраданіемъ. — «Прекрасно! Мнѣ доплатили передержку; вотъ приказъ казначею выдать деньги. Приходи завтра обѣдать. Разговѣмся послѣ похода!» — Фонъ-Дракъ поблагодарилъ и отправился въ присутствіе. «Куда изволите итти?» важно спрашиваетъ его Тряпицынъ, сидящій посреди запачканной братіи въ канцеляріи. — «Куда! Въ присутствіе за квитанціею.» — «Извольте погодить, ваше благородіе! Есть начесть, есть неисправности, передержки противъ справочныхъ цѣвъ, незаконныя выдачи, невѣрные итоги. Надобно поисправить!» — Фонъ-Дракъ остолебенѣлъ. «Помилуй, братецъ! Я велъ самый исправный счетъ! У меня въ остаткѣ значительная сумма.» — «Точно такъ-съ; но если бѣ изволили соблюдать

казенный интересъ по предписаннымъ формамъ, то осталось бы конечно вдвое болѣе.» — «Да какъ это? Сайдакову дали квитанцію, а онъ передержалъ сверхъ денегъ, выданныхъ ему отъ казны.» — «Точно такъ-съ; да они представляли на все законныя объясненія и доказательства. Начальство справедливо: оно выдастъ и передержку, если такая учинена не въ противность существующимъ постановленіямъ. Извѣстно вамъ премудрое изрѣченіе Государя Императора Петра Великаго: вотще законы писать, если по нимъ не исполнять.» — Фонъ-Дракъ былъ въ отчаяніи: отправился съ жалобою въ присутствіе, и получилъ въ отвѣтъ, что ревизія отчетовъ поручена столу Коллежскаго Регистратора Тряпицына, и что онъ тамъ долженъ ждать рѣшенія, которое въ свое время будетъ разсмотрѣно и утверждено или отринуто присутствіемъ. Фонъ-Дракъ рѣшился выждать окончанія дѣла, являлся каждый день въ канцелярію, но каждый день Тряпицынъ находилъ въ его книгѣ новыя неисправности, и заготовлялъ запросы въ Земскіе Суды уѣздовъ, лежащихъ на пути изъ Симбирска. Терпѣніе несчастнаго просителя истощились: чрезъ мѣсяцъ рѣшился онъ искать *приватно* покровительства Тряпицына, и въ ужасную осеннюю погоду, въ пять часовъ утра отправился, къ нему на квартиру, на Козьемъ болотѣ. Тряпицынъ встрѣтилъ его въ раздранномъ плащѣ, и ввелъ въ освѣщенную салнымъ огаркомъ грязную комнату, въ которой пахло и дѣгтемъ, и саломъ, и гнилью. Фонъ-Дракъ не зналъ съ чего начать, но Тряпицынъ самъ помогъ ему. — «Мнѣ жалъ ваше благородіе, что вы изволите такъ часто трудиться ходить въ канцелярію: не угодно ли вамъ поручить мнѣ окончаніе сего дѣла, и я ручаюсь вамъ, что чрезъ недѣлю все будетъ кончено къ вашему удовольствію и къ соблюденію казеннаго интереса. Изволите видѣть, для сего должно мнѣ будетъ просиживать ночи; такъ я надѣюсь, что ваше благородіе за экстренные труды не оставите меня должнымъ вознагражденіемъ. Вѣрьте Богу, жалованья беру въ годъ шестьдесятъ рублей.» — Фонъ-Дракъ вынулъ изъ кармана пятирублеую ассигнацію, и положилъ на столъ. «Изволите видѣть-съ,» продолжалъ Тряпицынъ: «для его благородія Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было въ ско-

ромъ времени исправить : его дѣло было чистое, садись , пиши да и только ; а въ этомъ дѣлѣ, изволите видѣть, должно сперва поправить, а потомъ сдѣлать должное по законамъ. Двойная работа, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ вздохнулъ тяжело , и вынулъ изъ кармана другую синюю ассигнацію. — «Вижу,» сказалъ Тряпицынъ: «что вы человекъ добрый, только жаль неопытны въ службѣ по счетной части, и несведущи въ существующихъ законахъ. Радъ помочь вамъ отъ души. Пожалуйста дня чрезъ три въ канцелярію , и все найдете въ порядкѣ. — «Какъ чрезъ три дня?» спросилъ Фонъ-Дракъ: «да успеешь ли?» — «И, ваше благородіе! Не беспокойтесь, мы люди дѣловые: все сладимъ къ вашему удовольствію. Дѣло ваше у меня на дому — изволите видѣть, вотъ оно-съ. Я тотчасъ имъ займусь.» — Фонъ-Дракъ откланялся Тряпицынъ, провожая его, отперъ дверь въ кухню, и закричалъ: «Денисьева! растопи ка салыца горшечекъ, да поскорѣе.» — «Это что?» подумалъ Фонъ-Дракъ, вышедъ на улицу: «неужели Тряпицынъ питается саломъ?» Онъ остановился у домика, предъ окномъ комнаты дѣльца, котораго очень хорошо видѣлъ сквозь дырявую занавѣску, и съ любопытствомъ смотрѣлъ, что будетъ. Тряпицынъ дѣйствительно *занялся* его дѣломъ: взялъ кипку бумагъ, перевернулъ листочки одинъ за другимъ ; вынулъ приложенныя къ рапорту деньги, и спряталъ ихъ въ столикъ. Хромая Денисьевна принесла горшокъ съ растопленнымъ саломъ. Тряпицынъ окунулъ въ него все дѣло, и положивъ засаленные почти доверху листы на полъ, сѣлъ за столъ и началъ что-то писать. Фонъ-Дракъ отправился домой, ломая голову надъ тѣмъ, что значила бы эта операція. Чрезъ три дня является онъ въ канцелярію. Тряпицынъ кланяется ему сухо какъ чужому человеку, и чрезъ нѣсколько времени обращается къ столоначальнику: «Егоръ Кузьмичъ! Сдѣлайте божескую милость, убедите господина экзекутора завести кота въ канцелярію. Отъ крысъ житья нѣтъ. Вотъ еще одно дѣло съѣли.» Съ этими словами вытаскиваетъ онъ изъ подъ стола заголовки бумагъ и счетовъ Фонъ-Драка: вся нижняя часть дѣйствительно съедена была крысами, по то мѣсто, до котораго Тряпицынъ опустилъ бумагу въ сало. «Неужели?» спросилъ

столонначальникъ. — «Дѣйствительно такъ-съ, извольте сами посмотрѣть.» Столонначальникъ подошелъ: «Въ самомъ дѣлѣ! Да какъ онѣ, проклятыя, грызутъ узорчато! Нешто! Надобно завести кота!» — «Это напредки-съ» сказалъ Тряпицынъ: «а это дѣло пропало. Слѣдуетъ, за утратою документовъ, предать оное забвенію, а господину поручику выдать квитанцію.» — «А остальные деньги, оставшіяся въ экономіи? спросилъ жалобно фонъ-Дракъ. «Деньги-съ? какія деньги-съ?» — «Да тѣ, которыя я представилъ при рапортѣ!» — «Съѣдены крысами-съ. Что дѣлать? И казенный интересъ иногда въ экстренностяхъ пропадаетъ. Впрочемъ, если вашему благородію угодно, мы выведемъ справки, пославъ запросы въ тѣ присутственныя мѣста и начальства, съ коими вы, по помянутому приводу рекрутской партіи, изволили находиться въ сношеніяхъ. Это скоро сдѣлается. Мѣсяцевъ въ восемь.» — «Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! сказалъ фонъ-Дракъ: «дайте мнѣ только квитанцію.» — «Какъ угодно,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «извольте повременить!» Чрезъ часъ квитанція была фонъ-Драку выдана, и онъ за десять рублей получилъ урокъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣствовать въ дѣлахъ для сохраненія казеннаго интереса.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

БАСНЯ ИВАНА КРЫЛОВА. *Санктпетербургъ, въ тип. А. Смирдина, 1834, въ-4., стр. 187-167 и XX.*

Это прекрасное изданіе твореній великаго Баснописца соединяетъ съ занимательностью содержанія художническую важность: девятисто три переводныхъ картинокъ карандаша Г. Сапожникова, такъ искусно и совѣстно оцѣненныхъ В. И. Григоровичемъ въ предыдущей книжкѣ Б. для Ч., усугубляютъ прелесть живописной поэзіи Крылова.

Лисъ Хитродумъ. *Поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ. Подражаніе Гёте. И. Р. Москва, въ Университетской тип., 1834, въ-8, стр. VI и 244.*

Восемь тысячъ стиховъ: вотъ, по крайней мѣрѣ Поэма! Это почти достойно Гомеровыхъ временъ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ самая длинная Басня XIX вѣка. «Лисъ Хитродумъ» огромная лѣсная драма, долженствовалъ бы явиться въ свѣтъ въ тѣ славные для львовъ, волковъ, лисъ, куръ и лягушекъ годы, когда вышли Гетовъ *Weincke Fuchs* и Аббата Касті II' *Animali parlanti*: почему явился онъ въ 1834 году, — не извѣстно. Но если бъ стихи были лучше, животное царство могло бы назвать его своей Одиссеей. Всѣ эти подражанія неподражаемымъ Баснямъ Пильпая не въ духъ и не во вкусъ нашего времени, и хотя писаны Европейскими стихами, не стоятъ Арабской прозы.

Али-Кара-Мирза, *Черкесская Повѣсть, въ стихахъ. Москва, въ тип. Семена, 1832 (1834?), въ-8., стр. IV и 84.*

Предисловіе, или посвященіе, этой Поэмы подписано буквами — И. Р. Можно бы заключить изъ этого, что «Лисъ Хитродумъ» и «Али-Кара» принадлежать одному автору, но Черкессы внушили ему стихи нѣсколько лучше,

Т. IV. — Отд. VI.

1

нежели животные. Мы приведемъ отрывокъ изъ V пѣсни,
— описаніе поля битвы:

« — Гдѣ ваша слава, буйны Черкесы,
Ваша кичливость, Князья?

Ахъ! о свободѣ сладкія грезы
Видно не сбылись, друзья!
Сашхвы булатны, мѣткія стрѣлы
Васъ не спасли отъ штыковъ;
Горы, ущелья, свѣжны предѣлы
Скрыть не могли отъ враговъ

Вижу, о горести! страшные трупы
Славныхъ джигитовъ, коней,
На полѣ битвъ, какъ дерева срубы,
Хищныхъ въ добычу звѣрей!
Кровью увлажненъ берегъ Баксана,
Брызги по скаламъ крутымъ..
Гдѣ были саки Тау-Султана,
Пепелъ тамъ, курится дымъ...

Тѣни убитыхъ тихо блуждаютъ
Въ полѣ ночью порой;
Вопли ихъ дикіе сердце пронзаютъ...
Скрежеть надъ трупами, вой.
Слышенъ трескъ копій, ружей бряцанье;
Блѣдный мелькаетъ огонь;
Слышится топотъ, конское ржанье;
Скачетъ безъ всадника конь;

«Странникъ печальный! стой передъ нами!»
Молвила грозная тѣнь,
«Слушай, какъ бились мы со врагами,
Въ страшный, послѣдній нашъ день!
Стрѣлы здѣсь, тучей свѣтъ затмѣвая,
Рвали густые ряды,
Пули со свистомъ всюду летая,
Били какъ градомъ листья.

«Сашхвы булатны наши ломались
Въ черепахъ твердыхъ у нихъ
Всѣ мы какъ змѣи люто впились
Въ хитрыхъ злодѣевъ своихъ!
Били, кололи, ихъ поражали,
Мстили, доколовъ могли,
Въ битвѣ кровавой смерть презирали —
Жертвою смерти легли!»

«Сильны Урусы, хитры и страшны,
 Смѣлы какъ стая воиновъ;
 Пули ихъ мѣткі, пушки ужасны,
 Страшно число ихъ полковъ!
 Мѣдны ихъ змѣи пламя бросаютъ,
 Облако дыма и громъ;
 Съ свистомъ ужаснымъ часто срыгаютъ
 Руки и ноги лдромъ.»

Лира, Ивана Бороздны. Москва, вѣтип. Семена,
 1834, вѣ-8, стр. 78.

Въ числѣ стихотвореній, которыя Г. Бороздна разы-
 гралъ на своей лирѣ, мы отличили слѣдующее, подъ за-
 главіемъ — Мечтатель.

— «За далекія горы
 Ты стремишь свои взоры,
 Другъ молодой!
 Ахъ! о чемъ же страдаешь
 Для чего омрачаешь
 Духъ тоской?

Ужъ не край ли родимый,
 Неизмѣнно любимый,
 Вспомнилъ ты?
 И, въ томленъ кручинъ,
 Вдругъ постыли чужбины
 Красоты?

Неужели утрата
 Тѣхъ, которымъ возвратъ
 Въ міръ сей нѣтъ,
 Скорбью душу терзаетъ
 И тебя увлекаетъ
 Имъ во слѣдъ?

Иль подругъ далекой
 Сердца вздохъ одинокой
 Ты послалъ;
 Но не слыша отвѣта,
 Но не слыша пріявта,
 Востосковалъ?

Или славы призывы
 Манятъ умъ горделивый
 Въ иномъ край —

Литературная жизнь.

И для почестей дольнихъ
Ты покинешь дней вольныхъ
Свѣтлый рай?

Разгони жь мракъ сомнѣній!
Нѣтъ ужъ на небѣ твни,
И ярчѣй
Всѣ созвѣздія ночи...
А мечтателя очи
Не ясны. ..

«Другъ! догадки пустыя!»
«Нѣтъ, заботы мірскія
«Чужды мнѣ!
«Знай! ницу я напрасно
«Счастья звѣздочки ясной
«Въ вышивѣ!...»

Поэтъ прекрасно говоритъ въ своемъ Эпиграмѣ,
Что онъ «тебѣ Парнаскій богъ,
Принесъ дары, какіе могъ».

Записки въ стихахъ, Василія Львовича Пушкина.
Москва, въ Университетской тип., 1834, въ-8., стр. 11
и 71.

Двадцать второе Апрѣля въ С.П.бурги. Стихотвореніе Графа Хвостова. С.П.-бурги, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ-8, стр. 3.

Оомы Кемпійскаго, о подражаніи Іисусу Христу. Переводъ съ Латинскаго. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-12 стр. XXXVIII и 547.

Пространнѣйшее разсужденіе объ этой книгѣ читатели наши найдутъ въ предъидущемъ отдѣленіи.

Собраніе сочиненій и переводовъ Адмирала Шишкова, Россійской И. Академіи Президента и разныхъ ученыхъ Обществъ члена. С.П.-бурги, въ тип. И. Росс. Академіи, 1828 — 1834, въ-8.

Прекрасное изданіе въ шестнадцать томахъ большаго формата всѣхъ доселѣ отдѣльно напечатанныхъ почтеннаго Нестора нашей Литературы есть подарокъ, котораго Русская Библіографія давно отъ него ожидала, и который при метъ она съ живѣйшею благодарностью.

НЕСЧАСТНАЯ СОФІЯ, или *Интриги въ подземельи Флорентинскаго аббатства. Нравоучительная повѣсть XVII вѣка. Сочиненіе. К. Р. Часть первая. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 въ-8., стр. X и 81.*

«Несчастливая Софія» должна состоять изъ трехъ частей, и о занимательности ея еще судить не возможно. Изъ предисловія къ этой первой части мы узнаемъ, что это сочиненіе дамы, и что Повѣсть основана на истинномъ происшествіи.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА, Романъ. Сочиненіе Н. И. Греча. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ 8. Четыре части, Мы возвратимся къ этому чрезвычайно занимательному Роману, который между-тѣмъ советуемъ всякому прочитать.

СЕСТРА АННА. Сочиненіе Поль-де-Кока. Перевелъ съ Французскаго А. Пр-въ. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера 1834 въ-12. Четыре части, стр. 250—246—239—270.

Очень хорошій переводъ одного изъ лучшихъ Романовъ великаго пѣвца Парижскихъ субретокъ.

1. Чтенія для умственнаго развитія малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ познанійми, составленныя Егоромъ Гугелемъ, Инспекторомъ плановъ И. Воспитательнаго Дома въ Гатчинѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1834, въ-8., стр. XII и 136.

2. Постарайся еще разъ. Сп.-бургъ, въ тип. Иверсена, 1834, въ-12. Брошюрка въ 15 страницъ.

3. Предметы полезныхъ упражненій для удовольствія дѣтей. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. В. Канцеляріи, 1834. Листовъ 9, въ-4 съ картинками.

4. Дѣтскій Журналъ. Второй годъ, Сп.-бургъ, въ тип. Э. З. Государственныхъ Булавъ, 1834, въ-12.

Съ нѣкотораго времени начинаютъ у насъ дѣятельно заниматься дѣтскою Словесностью. Каждый мѣсяцъ приносятъ малолѣтней публикѣ по нѣскольکو милыхъ и полезныхъ подарковъ. Сочиненіе Г. Гугеля, вышедшее нынѣ вторымъ тисненіемъ, уже приобрѣло въ ней лестную извѣ-

стность. Мы увѣрены, что маленькая Повѣсть, «Постарайся еще разъ», и «Предметы полезныхъ упражненій» будутъ тоже приняты во всѣхъ дѣтскихъ съ большимъ одобреніемъ. Но мы въ особенности желаемъ обратить вниманіе родителей на четвертое изъ поименованныхъ здѣсь сочиненій: «Дѣтскій Журналъ», издаваемый Гг. Придворными Книгопродавцами, Беллизаромъ и Комп., сдѣлался въ нынѣшнемъ году чрезвычайно занимательнымъ. Въ немъ помѣщаются, кромѣ Русскихъ статей, весьма хорошо избранныхъ и прекрасно переведенныхъ, еще мелкія Французскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Очень умѣренная цѣна изданію дѣлаетъ его доступнымъ всѣмъ состояніямъ и усугубляетъ его пользу. Въ теченіе прошлаго мѣсяца объявленъ въ Парижѣ новый дѣтскій журналъ подъ заглавіемъ *L'Ami des Enfants, journal des familles*, въ которомъ участвуютъ Г-жи Тастю и Вуарь, Гг. Фуинне, Жаненъ, Мерсь, Морьсь и многія другія извѣстныя въ Литературѣ лица. Издателя Русскаго «Дѣтскаго журнала» безъ сомнѣнія не пренебрегутъ воспользоваться этимъ новымъ источникомъ хорошаго дѣтскаго чтенія, чтобъ по времени сообщать изъ него лучшія статьи своимъ маленькимъ читателямъ.

Умозрительныя и опытные основанія Словесности. Сочиненіе А. Глаголева. *С. П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8. Четыре части, въ двухъ томахъ, стр. XVII и 36 — 153 — 108 — 148.*

Мнѣніе наше объ этомъ сочиненіи, весьма важно по своему предмету, помѣщено въ отдѣленіи Критики.

Методическій Словарь Французско-Нѣмецко-Русскій, содержащій въ себѣ слова всѣхъ частей речи, наиболѣе употребительныя, расположенныя по предметамъ съ примѣчательнѣйшими ихъ производными словами, и образцы фразъ, или методическій рядъ примѣровъ сочиненій и проч. *СП.-бургъ, въ тип. Крайла, 1834, въ-8., стр. 128.*

Переписка Пала въ Россійскими Государями въ XVII вѣкѣ, найденная между рукописями Римской Барбериніевой Библіотеки, изданная съ переводомъ актовъ съ Л.

тинслаго на Русскій языкъ. СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. VIII и 116.

Отысканіемъ этихъ документовъ Русская Исторія обязана просвѣщеннымъ и патріотическимъ усиліямъ покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцева. Она состоитъ изъ шести грамматъ и Наказа, даннаго отъ имени Григорія XIII послу, отправлявшемуся въ Москву. Переводъ, хорошій и вѣрный, принадлежитъ почтенному Протоіерею Григоровичу, который присовокупилъ еще къ нему краткія содержанія и объясненія.

Революція въ Молдавіи и Валахіи, и послѣдствія оной до открытія войны съ Портою Оттоманскою, въ письмахъ Игнатія Яковенка, съ 1820 по 1829 годъ. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. VIII и 211.

Въ запоздалыхъ письмахъ Г. Игнатія Яковенка заключается нѣсколько неизвѣстныхъ по газетамъ подробностей объ интригахъ, какія происходили въ Княжествахъ во время и послѣ вторженія Князя Ипсиланти, и которыя въ самомъ дѣлѣ столь же любопытны, какъ и слогъ этихъ писемъ.

Записки Г-жи Дюкрё о Императрицѣ Жозефинѣ, о ея современникахъ и о дворахъ Наваррскомъ и Мальмезонскомъ. Переводъ съ Французскаго. Часть вторая. СП.-бургъ въ тип. В. Д. Военныхъ Поселеній, 1834, въ-12., стр. 211.

Записки Г-жи Дюкрё о Жозефинѣ, одной изъ интереснѣйшихъ историческихъ женщинъ нашего времени, пользовались во Франціи справедливымъ успѣхомъ: онѣ состоятъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ первая вышла въ Русскомъ переводѣ въ прошломъ году, а вторая въ прошломъ мѣсяцѣ.

Разборъ Физики Г. Велланскаго, опытной, наблюдательной и умозрительной, и другихъ новѣйшихъ авторовъ, учиненный 1834 года. Часть первая. СП.-бургъ, въ тип. Д. Выхиней Торговли, 1834, въ-8, стр. 127.

«Всѣ умозрѣнія, говоритъ Фонтенелль, происходятъ отъ того, что мы слишкомъ любопытны, а глаза у насъ дурные.» Фонтенелль сказалъ великую истину, хотя большую нелѣпицу. Онъ правъ въ томъ, что умозрѣнія происходятъ

отъ страсти нашей видѣть далѣе, нежели какъ позволяетъ намъ организація глаза, даже вооруженнаго всеми пособіями, состоящими въ кругу Земной Природы, но онъ ошибается, думая, будто у насъ глаза дурные. Глаза наши такъ совершенны, какъ только того требуетъ наша Природа и назначеніе наше въ чинѣ вселенной.

Глаза наши доведены Природою точно до той степени совершенства, на которой поставила она другія чувства наши, и предполагать неравное достоинство разныхъ чувствъ человека, значить утверждать, что нѣкоторые изъ нихъ не соответствуютъ потребностямъ предназначеннаго ему существованія, и что онъ созданъ мастеромъ, незнающимъ своего дѣла. Если въ человекѣ есть логика, то есть, даръ понимать здраво все, что сопряжено съ его бытіемъ, то онъ долженъ сознаться, что всѣ пять его чувствъ устроены въ одинаковой степени совершенства, всѣ пять прикованы къ одной цѣли — удовлетворенію условіямъ физическаго быта, всѣ пять основаны на одномъ и томъ же свойствѣ. Если одно изъ нихъ передаетъ намъ дѣйствительность, четыре остальныхъ должны передавать тоже дѣйствительность. Если одно сообщаетъ намъ то, чего очевидно нѣтъ въ Природѣ, если оно не переноситъ въ насъ дѣйствительности, а только предостерегаетъ насъ какимъ-нибудь условнымъ впечатлѣніемъ, выдуманнѣмъ знакомъ, подаваемымъ ему Природою для достиженія своихъ цѣлей въ отношеніи къ нашему бытію, и сообщаемымъ отъ него намъ, само собою разумѣется, что и другія чувства дѣйствуютъ на насъ тѣмъ же образомъ. Это правило такъ просто и ясно, что не слѣдуетъ и удивляться, если оно доселѣ оставалось непризнаннымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что звука нѣтъ въ Природѣ, что онъ только наружное явленіе, условный знакъ, подаваемый Природою уху животныхъ съ тѣмъ, чтобы они издали остерегались своихъ враговъ, узнавали за глаза присутствіе своихъ жертвъ въ извѣстномъ разстояніи, и отыскивали недвѣлимыя своего рода. Запаха также не существуетъ, и обоняніе есть только феноменъ. То же разумѣется о вкусѣ. Слѣдственно и свѣта, которымъ дѣйствуетъ глазъ, быть не можетъ въ Природѣ: какъ собственно цвѣтъ въ ней и цвѣтовъ, которые существуютъ только въ нашемъ

глазъ; оно тоже явленіе, тотъ же обманъ, то же условное впечатлѣніе, какъ и звукъ. Это правило безъ-сомнѣнія распространяется и на теплоту, ощущаемую нами посредствомъ осязанія. Вообще наши чувства не сообщаютъ намъ ничего дѣйствительнаго, ничего того, что въ самомъ дѣлѣ есть въ Природѣ, но только условные ея знаки, кажущіяся формы. Мы отсюду приводимся къ истинѣ, такъ рѣзко и удачно изображенной Платономъ: «Мѣрило всего въ мірѣ есть самъ человѣкъ.» Изъ этого легко вывести заключеніе, въ какомъ опасномъ для истины, волшебства и иллюзіи должна обрѣтаться самая наша Опытная Физика, не говоря уже о томъ, чего стоятъ наведенія Умозрительной. Свѣтъ, теплота, электричество, магнитность и покойный гальванизмъ, очевидно, только явленія какого-то дѣятеля, до сихъ поръ для насъ непостижимаго, но который, должно уповать, скоро обнаружится нашему уму, если не чувствамъ. Гальванизмъ уже исчезъ въ электричествѣ; магнетизмъ и электричество, благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, такъ сблизились между собою, что можно заранѣе готовить эпитафію одному изъ двухъ могущественныхъ веществъ; свѣтъ, который Окену уже показался лишь напряженіемъ эѳира, теплота и вѣроятно самое электричество, скоро предстанутъ передъ насъ только въ видѣ явленій, въ видѣ простыхъ свойствъ одной общей, особенной силы. Для этого нужно время, еще болѣе нужны терпѣніе и неутомимость въ изслѣдованіяхъ, но мы уже не далеко отъ великаго и важнаго открытія, — по крайней мѣрѣ отъ той точки, на которой будемъ въ состояніи вывести огромное и весьма правдоподобное умозаключеніе. Есть однако жъ люди, которымъ никакъ не хочется ожидать дальнѣйшихъ слѣдствій опыта, — люди истерпѣливые, любопытные, самонадѣянные, желающіе непременно опередить факты, перепрыгнуть черезъ постепенное ихъ развитіе и добиться до начала вещей помощью одного воображенія. Они, не заботясь о будущей судьбѣ того, что при ихъ жизни называется фактомъ, тотчасъ принимаютъ его за истину, доказанную окончательно, и обращаютъ въ матеріалъ для перестройки міра въ духъ понятія своего времени. Не торопитесь, почтенные умозрители: слава Богу, мы еще далеко отъ дня преставленія.

свѣта, еще познанія человѣческія не прошли половины пути безконечнаго своего усовершенія, еще все впереди, все измѣнится и переработается тысячу разъ, пока родъ нашъ станеть у столба, кроющагося въ глубинѣ неизмѣримой будущности, на которомъ написано: «Теперь уже ты все узналъ, и болѣе ничего не узнаешь!» Конецъ всего человѣческаго знанія безъ-сомнѣнія не можетъ быть иной, какъ точное знаніе первой Причины причинъ и того образа, какимъ создала она міръ. Если всему въ свѣтѣ есть свой, полный, совершенный періодъ бытія, то конечно періодъ человечества и всей органической жизни на Землѣ, бытъ-можетъ и самой Земли, устарѣвшей и исполнившей свой долгъ въ ликѣ небесныхъ тѣлъ, долженъ заключиться этимъ знаніемъ. Мы еще слишкомъ далеко отъ этого, и не въ правѣ дѣлать положительной Науки изъ темныхъ и обманчивыхъ мечтаній нашихъ о предметѣ, объясненіе котораго будетъ написано чуть-ли на послѣдней страницѣ исторіи нашихъ усилій, изысканій, заблужденій ума и бытія. Спрашиваемъ: чего будетъ стоить вся Окенова система о происхожденіи міра, когда черезъ нѣсколько лѣтъ новые и точнѣйшіе опыты низвергнутъ съ колеблющагося уже престола только одну изъ главныхъ дѣйствующихъ его силъ, — магнетизмъ? Умозрѣнія въ Физикѣ, мечтательность въ Наукѣ опытной, положительной, трудной, принужденной бороться съ безчисленными обманами, происходящими отъ самаго устройства нашихъ чувствъ, были бы только достойны смѣха и сожалѣнія, если бъ они не утомляли, не путали и не останавливали успѣховъ самой Науки, вскружая головы, отклоняя ихъ отъ наблюденія и искація новыхъ фактовъ къ постройкѣ мыльныхъ вселенныхъ, и поселяя въ умахъ пагубную мысль, будто они все постигли и уже не остается ничего новаго къ открытію. Не мечтать слѣдуетъ въ Физикѣ, разлегшись на диванѣ съ трубкою, блаженною сподвижницей умозрѣній, но трудиться въ лабораторіи, гдѣ еще въ каждомъ кускѣ угля, въ каждомъ кружкѣ металла скрываются тысячи невѣдомыхъ свойствъ и явленій. По умозрѣніямъ Г. Окена, магнетизмъ есть тяжесть въ свѣтѣ, а по нашему, умозрѣніе есть лѣнь въ тяжести.

Послушайте, Бога ради, какъ, съ какою догматическою

увѣренностью, одинъ почтенный ученикъ этого знаменитаго міростроителя описываетъ образованіе вселенной: читая эти строки, слышишь, кажется, Гезіода, поющаго свою *Θεογονію*.

«Матерія ээпра, наполняющая Вселенную, есть основное начало всѣхъ вещественныхъ образованій въ Міръ. Все началось отъ точки. Она раздѣлилась на центръ и окружность силами экспансивною и кон-трактивною, которыя, въ борьбѣ между собою, произвели вещественность — осязательные атомы. Отъ сказанной точки произошелъ видимый Міръ. Солнце произвело Планеты. Онѣ образовали изъ себя Спутниковъ. Міры, какъ растенія, зачинаются, развиваются, достигаютъ высочайшей степени своего образованія, потомъ нисходятъ къ ко-мечному разрушенію; въ нихъ, какъ въ человѣкѣ, четыре возраста: Отроческій, Юношескій, Возмужалый и время Устарѣлости. Луна находится еще въ первомъ періодѣ. Она еще растетъ. На ней нѣтъ органической жизни, и, на обращенной къ намъ сторонѣ, кажется безводною. Луна и другіе Спутники, по достиженіи возмужалости, могутъ превратиться въ Кометы и, проходя вѣки по сжатымъ эллиптическимъ орбитамъ около нашего и другаго смежнаго Солнца, могутъ по времени возвратиться къ своимъ Планетамъ; тогда не будутъ уже ихъ Спутниками, а сдѣлаются сами Платетами и станутъ, либо, по примѣру прочихъ Планетъ, обходить вокругъ Солнца, или, оставаясь при своей Платетѣ, обращаться по прежнему около нея; тогда обстояніемъ своимъ превратятъ ее въ Солнце. Юпитера точно постигнетъ такая участь. Уранъ и Сатурнъ для того меньше другихъ Планетъ, что рождениемъ Спутниковъ и Колецъ истощились.»

Подумаешь, право, что авторъ самъ былъ при созданіи міра, а по крайней мѣрѣ правилъ имъ временно въ баснословные вѣки! Если бъ мы не знали, что все это наши новѣйшія гипотезы, только принятые за несомнѣнныя истины для удобнѣйшаго мечтанія о вещахъ, теперь для насъ еще непонятныхъ, мы бы готовы сказать, что это листокъ, вырванный изъ Космогоніи Зороастра, который безъ чиновъ предписываетъ Персамъ вѣрить, что созданный свѣтъ произошелъ такъ, а не иначе, — а кто не вѣритъ, того на костеръ.

Безымянный авторъ книги, подавшей намъ поводъ къ этому разсужденію объ умозрительствѣ въ Физикѣ, учинилъ разборъ приведеннымъ здѣсь положеніямъ, и кажется, намѣренъ «учинить оный» и прочимъ аксіомамъ той же школы. Нельзя не отдать справедливости его намѣренію: желаніе доискаться истины похвально даже и тогда, когда онъ

ее преслѣдуетъ по пути, ведущему въ противную сторону. Сочинитель успѣлъ обнаружить довольно ощутительнымъ образомъ нѣсколько противорѣчій въ главныхъ положеніяхъ творенія, которому «чинить» онъ «разбирательство», но онъ тоже изъ умозрителей, и на мѣсть однихъ гипотезъ старается только водворять другія. Онъ большой обожатель ээира и всего ээирнаго. Впрочемъ, онъ готовъ согласиться и съ его противниками, если только кто изъ нихъ укажетъ ему красивѣйшее и удобнѣйшее вещество для объясненія всего неизъяснимаго, лучшаго и вѣрнѣйшаго дѣателя въ Природѣ; «только убѣдительнѣйше просимъ,» присовокупляетъ онъ, «явственно наименовать *онаго*, не «такъ понынѣ почитаются дѣйствующими силами одніе только *ихъ дѣйствія* (?!), безъ показанія ихъ источника, или «начала.»

Въ томъ-то и бѣда, что непременно хочется знать начало! Не торопитесь, сударь: вамъ наименуютъ *онаго* дѣателя, — не вамъ, такъ внуку вашего праправнука. Всею своею очередь. Только, до этого дѣателя путь черезъ опыты, а не черезъ умозрѣнія, которыя отъ Великаго Будды до Окена ровно ничего не доказали.

Вмѣсто томительнаго и почти всегда неудачнаго опроверженія положеній своего противника, авторъ «Разбора» могъ бы, по нашему мнѣнію, заключить свою Критику въ нѣсколькихъ словахъ, сказавъ: Вы имѣете полное право вѣрить всѣмъ гипотезамъ Окенистовъ, даже излагать ихъ въ «Опытной, наблюдательной и умозрительной Физикѣ»; но польза Науки требовала отъ васъ непременно, изложить ихъ только исторически, какъ гипотезы, которыми теперь вѣрятъ многіе, въ томъ числѣ и вы сами, представить читателю съ благоразумнымъ сомнѣніемъ и не выдавать за неопровержимыя истины.

Описание нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлостей изъ долины Салгира при Симферополѣ. Сочиненіе Профессора И. С.-П. У., Д. Члена Минералог. О. въ С.-П., Д. М. С. Куторги. Съ литографированною таблицю. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. 15.

Молодой натуралистъ, подающій о себѣ прекрасныя на-

дежды, путешествуя въ Крыму, имѣлъ случай обогатить Науку нѣсколькими новыми видами окаменѣлостей, и одинъ изъ нихъ назвалъ по-имени своего наставника въ Дерптскомъ Университетѣ, — *fungia Rathkii*. Краткое это сочиненіе любителя Естественной Исторіи безъ-сомнѣнія прочитаютъ съ большимъ удовольствіемъ: мы извлечемъ изъ него геологической очеркъ Крымскаго полуострова.

«Если мы проведемъ линію отъ Евпаторіи чрезъ Симферополь, Карасубазаръ и Эски-Крымъ до Феодосіи, то получимъ двѣ совершенно различныя части Крыма. Къ сѣверу отъ оной линіи лежитъ плоская единообразная степь; къ югу гористая часть. Горы сей последней суть вообще известковыя, и именно двухъ родовъ, весьма резко одинъ отъ другаго разграниченныя линіею, идущею отъ Георгіевскаго Монастыря чрезъ деревню Кадыкой, долину Чоргуны, деревню Чапки и Таракташъ до Отузь. Къ сѣверу отъ оной лежатъ горы третъестепенныя, низкія, состоящія изъ рыхлаго известняка (употребляемаго обыкновенно на строенія), пересѣкаемыя началомъ весьма значительныхъ ручьевъ Крыма, богатыя окаменѣлостями. Къ югу тянутся вдоль всего берега горы второстепенныя, состоящія изъ окрашеннаго желѣзнымъ окисломъ плотнаго известняка, подходящаго къ мрамору, не заключающаго въ себѣ или вовсе ни какихъ окаменѣлостей, или остатки оныхъ весьма измѣненные.

«Внимательный взглядъ на строеніе цѣлаго полуострова увѣряетъ насъ, что горы его обязаны своимъ возвышеніемъ надъ поверхностью степной части сильному подземному порыву, подавляемому съ сильнѣйшимъ напоромъ южный берегъ въ Чатырдагъ до высоты 4000 футовъ. Сей порывъ выбросилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нѣдръ земли породы горъ первозданныхъ въ небольшомъ количествѣ, какъ напр. Гранитъ; огромные куски гнейса въ безпорядкѣ изгроможденные одинъ на другой въ Алупкѣ; огромныя массы грубой брекчій, заключающей иногда иглы эхивитовъ, желваки *Salpitorgae alveolaris* и т. п. Горы глинистаго шифера и куски лавы попадаютъ также на южномъ берегу.

«Вышеозначенная граница между двумя родами горъ такъ резка, что ее можно видѣть даже и въ ландшафтѣ. Такимъ образомъ, обозрѣвая окрестность съ какого-либо холма въ деревнѣ Кадыкой, видишь къ югу краснѣющія второстепенныя скалы Балаклавскія, а къ сѣверу бѣлѣющія третъестепенныя возвышенія долины Инкерманской и Чоргуны; долина Чоргуны съ одной стороны ограничивается горами второстепенными, а съ другой третъестепенными.»

Техническая Механика, заключающая въ себѣ руководство къ познанію свойства машинъ безъ помощи высшихъ вычисленій, сочиненная въ пользу воспитанниковъ Московской Практической Коммерческой Академіи, Коллежскихъ Ас-

сессоро.из Егоровъ Лангомъ. Москва, въ тип. Семака, 1834, въ-8., стр. V, 249 и IX, съ шестью таблицами.

Полезное это сочиненіе, доступное самымъ обыкновеннымъ познаніямъ, напечатано издѣвlenіемъ Коммерческой Академіи.

Сравнительныя таблицы *всѣхъ извѣстныхъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ, приведенныхъ къ монетамъ, вѣсамъ и мѣрамъ Россійскимъ, новѣйшъ Французскимъ и Польскимъ, составленныхъ Магистромъ Философіи Омою Массальскимъ. СП.-буржъ, въ тип. Крайя, 1834, въ-8., стр. 116.*

Таблицы Г. Массальскаго отличаются величайшею точностью вычисленія и исправностью изданія: это новое и весьма пріятное пособіе къ скорому расчету при умножающихся у насъ коммерческихъ дѣйствіяхъ.

Описаніе печи для нагрѣванія комнатъ, изобрѣтенной артистомъ И. СП.-буржескихъ театровъ, Иваномъ Шемаевымъ, и одобренной И. В. Экономическимъ Обществомъ. СП.-буржъ, съ тип. Г. У. Путей Сообщенія и П. З., 1834, въ-8., стр. 8, съ девятью таблицами.

Никогда описаніе печи для нагрѣванія комнатъ не могло выйти въ Петербургъ болѣе кстати, какъ при наступленіи лѣта, когда мы разъѣзжаемся по дачамъ. Брошюрка Г. Шемаева будетъ имѣть — *une vogue d'à-propos*.

Гимнастика для юношества, или основныя правила различныхъ упражненій, служащихъ къ укрѣпленію тѣла, къ поддержанію здоровья и къ образованію добраго тѣлнтрамента. Переводъ съ Французскаго. СП.-буржъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-12, стр. XIII и 126, съ 32 гравированными картинками.

Зоохирургія, или Руководятельная Ветеринарная Наука, въ пользу Россійскихъ ветеринарныхъ врачей и для руководства при преподаваніи училища въ Академіи, написанная В. Всеволодовымъ. Книги вторая. О болязняхъ, состоящихъ въ нарушеніи цѣлости частей животноаго тѣла. СП.-буржъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1834, въ-8., стр. 277.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ О МЕДИЦИНѢ И О
 орудіяхъ. *Сочиненіе* Ш. П. А. Гардана, Д. М., Ч. Париж-
 ской Академіи, и прох. Польскій переводъ съ Французскаго
 Д. М. Фонъ-Ланга. СПб.-бургъ, 1834, въ-8., стр. 70.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Говорятъ о новомъ Историческомъ Романѣ, который
 уже поступилъ въ печать: имя ему — *Графъ Оболенскій*
 или *Смоленскъ въ 1812 году*, сочиненіе Г. Кошмина.

— Книгопродавецъ-издатель, А. Ф. Смирдинъ, гото-
 вить семь новыхъ изданій, которыя выйдутъ въ свѣтъ въ
 непродолжительномъ времени:

1. Сочиненія Батюшкова, въ двухъ частяхъ, съ пор-
 третомъ автора и виньетками.

2. Сочиненія Карамзина въ восемнадцати частяхъ,
 изъ которыхъ девять частей содержатъ въ себѣ переводы
 незабвеннаго преобразователя Русскаго слова.

3. Сочиненія Жуковского, въ прозѣ и стихахъ, въ
 шести частяхъ, съ портретомъ автора и съ виньетками.

4. Сочиненія Державина, въ четырехъ частяхъ, и
 въ особомъ томѣ «Объясненія къ сочиненіямъ Державина»,
 составленныя Г. Львовымъ по запискамъ, которыя дикто-
 валъ самъ поэтъ.

5. Сочиненія Баратынскаго, въ трехъ частяхъ, съ
 портретомъ автора.

6. Сочиненія Козлова, въ двухъ частяхъ, третьимъ
 изданіемъ.

7. Повѣсти Марлинскаго.

Всѣ эти прекрасныя изданія составляютъ болѣе сорока
 томовъ, — пріятная вѣсть для современниковъ, находя-
 щихъ удовольствіе въ хорошемъ чтеніи; а вотъ еще пріят-
 нѣйшее извѣстіе для нашихъ потомковъ.

— *Защитительное распоряженіе Графа А. А. Аракчеева,*
о наградѣ за лучшее сочиненіе Исторіи царствованія Импе-
ратора Всероссійскаго Александра I.

«1. Я нижеподписавшійся, Генералъ отъ Артиллеріи Графъ Алексѣй
 Андреевъ сынъ Аракчеевъ, благоговѣя и за пределами гроба къ не-
 забывшимъ подвигамъ и душевнымъ добротамъ безпредѣльно чтимаго и

любимаго мною Государя, Всероссийскаго Императора Александра Павловича, удостоившаго меня Высочайшей своей доверенности, взношу въ нынѣшнемъ 1833 году пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями въ Государственный Заемный Банкъ, съ тѣмъ, чтобы сія сумма оставалась въ ономъ девяносто три года неприкосновенною со всѣми приращаемыми на оную въ продолженіе сего времени процентами, безъ малѣйшаго ущерба и изыятія.

2. Сумма сія назначается въ награду тому изъ Россійскихъ Писателей, который чрезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Божь почивающаго Императора, то есть къ 1925 году, напишетъ на Россійскомъ языкѣ Исторію царствованія Императора Всероссийскаго Александра I лучше всѣхъ, то есть полнѣе, достовернѣе и краснорѣчивѣе.

3. Достоинство сей Исторіи должно быть оценено и признано превосходящимъ не отъ инаго кого, какъ отъ первой въ Россіи Академіи Словесныхъ Наукъ, подъ какими бы сіе высшее сословіе ученыхъ названіемъ тогда ни состояло.

4. Билетъ Россійскаго Государственнаго Банка на вышеупомянутые пятьдесятъ тысячъ рублей, съ прописаніемъ въ ономъ назначеннаго времени, для выдачи сей суммы съ процентами, препровожу я нынѣ же въ Императорскую Академію Наукъ съ моею на томъ билетѣ надписью, и испрошу въ полученіи оного квитанцію.

5. По смерти моей, прошу Императорскую Академію Наукъ сіе завіщательное мое распоряженіе напечатать въ газетахъ Московскихъ и Санктпетербургскихъ, также публиковать о томъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, чтобы патриотическое пожертвованіе мое въ продолженіе столѣтія не осталось въ забвеніи, и чтобы заблаговременно возмощенъ былъ Ученымъ будущихъ временъ трудъ, для нихъ предстоящій, который не только прославить, но и обогатить достойнѣйшаго изъ нихъ.

6. Чрезъ восемьдесятъ два года, считая отъ сего 1833 года, то есть въ началѣ 1915 года, Россійскій Государственный Банкъ, въ который внесена означенная для сей награды сумма, и Россійская Академія Словесныхъ Наукъ обязаны вновь публиковать сіе мое завіщательное распоряженіе во всѣхъ издаваемыхъ въ то время газетахъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ, о приближающемъ времени къ занятію Ученыхъ, и съ объявленіемъ уже количества, назначаемаго въ награду капитала, потому, что на остающіяся десять лѣтъ сумма сія тогда опредѣлительно можетъ исчислена быть.

7. На сочиненіе Исторіи Александра I дается срока десять лѣтъ, по истеченіи которыхъ сочинители обязаны прислать книгу свою къ 1-му Января 1925 года, подъ девизами въ первенствующую Россійскую Академію, съ запечатанными особо именами своими. Академія въ продолженіе 1925 года, разсматриваетъ присланныя сочиненія, по мѣрѣ полученія ихъ, съ наблюденіемъ обрядовъ, какіе установлены въ настоящее время для задаваемыхъ отъ Академіи задачъ. Она опредѣляетъ не въ другой какой день, а непремѣнно 12 го Декабря, награду за удовлетворительнѣйшую Исторію Императора Александра I-го

три доли капитала съ приращенными чрезъ 93 года процентами. Тогда жъ сообщаетъ она Россійскому Государственному Банку о выдачѣ таковой суммы сочинителю, и публикуетъ въ Россійскихъ и иностранныхъ газетахъ какъ объ имени его, такъ и о количествѣ полученной имъ награды.

8. Остальная четвертая часть поступаетъ въ распоряженіе Россійской Академіи Словесныхъ Наукъ на нижеслѣдующее употребленіе.

9. На изданіе оной Исторіи въ самомъ лучшемъ видѣ тогдашняго времени книгопечатанія, съ приложеніемъ гравированнаго портрета Александра I-го и пояснительныхъ для Исторіи плановъ и картъ.

10. На напечатаніе сей Исторіи до десяти тысячъ экземпляровъ, которые пустить въ продажу по той цѣнѣ, во что обойдется каждый экземпляръ, дабы и бѣднаго состоянія Россіи не могли имѣть Исторію того Государя, который возвеличилъ Россію и освободилъ отъ порабощенія всю Европу.

11. Остальная же и за сими сумма, изъ четвертой части остающаяся у Академіи, за напечатаніемъ десяти тысячъ Россійскихъ экземпляровъ назначается въ награды: второстепенному сочинителю Исторіи, которая достоинствомъ своимъ ближе всѣхъ подходитъ будетъ къ заслужавшей первую награду, и двумъ переводчикамъ по равной части, которые переведутъ съ Россійскаго на Нѣмецкій и Французскій языки удостоенную первой награды Исторію Александра I.

12. Вырученныя деньги отъ продажи на Россійскомъ языкѣ Исторіи могутъ быть обращены на изданіе сихъ Нѣмецкихъ и Французскихъ переводовъ.

13. Капиталъ пятидесяти тысячъ рублей въ 1915 году, считая на нихъ нынѣ производимые Банкомъ четыре на сто процента, составитъ сумму 1,919, 960 рублей. Слѣдовательно по сему расчету награда сочинителю за удовлетворительнѣйшую Исторію состоятъ будетъ изъ *милліона четырехъ сотъ тридцати девяти тысячъ двухъ сотъ двадцати рублей*; а четвертая часть, *четыреста семьдесятъ девять тысячъ семьсотъ сорокъ рублей*, поступить въ распоряженіе Академіи Словесныхъ Наукъ на означенные въ девятой, десятой и одиннадцатой статьяхъ предметы.

14. Сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ временъ можетъ измѣниться по законамъ Правительства въ производствѣ процентовъ; но правило въ раздѣленіи накопившагося въ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности по сему моему положенію, то есть: три части изъ оного слѣдуютъ первостепенному сочинителю, а четвертая, по осямой статьѣ, Академіи.

15. Если, по шестому пункту сего моего заявительнаго распоряженія, въ назначаемое мною время не сдѣлано будетъ объявленія въ газетахъ, то узаконенный потомокъ мой, владѣющій Грузинскою отчиною, обязанъ о семъ гласно ходатайствовать у Правительства.

16. При окончательномъ одобреніи сочинителя Исторіи и назначаемой ему награды, прошу Россійскую Академію Наукъ почтить приглашеніемъ въ собраніе свое потомка моего, который въ то время будетъ владѣльцемъ Грузинской отчины.

17. Сіе подлинное утвержденное завіщательное распоряженіе, собственноручно мною писанное, хранить въ Россійской Академіи Наукъ; а копія съ онаго, также писанная моею рукою, остается навсегда въ потомствѣ у старшаго въ родѣ владѣльца Грузинскаго.»

Подписалъ: «Генералъ отъ Артиллеріи Графъ Алексѣй Аракчеевъ.»

«1833 года 2-го Апрѣля, въ Селѣ Грузинѣ, въ день Воскресенія Господа Бога нашего.»

На подлинномъ написано: «Его Императорское Величество поволіалъ изъять на сіе Высочайшее Свое согласіе 10 го Апрѣля 1833 года. «Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ *Сергій Уваровъ.*»

=

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Заемныя жены*, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленная 5 Мая.

Жена! Какое радостное для нѣкоторыхъ, и какое грустное слово для многихъ. Отсюда вижу, какъ при этомъ словѣ процвѣло улыбочкою лице однихъ, и какъ подернулось морщинами чело, какое длинное лице сдѣлалось у другихъ! Повторять слово жена значить доставлять удовольствіе одному, двоимъ, огорчая десятки, сотни мужей. И потому не услышите вы отъ меня сегодня болѣе о женахъ собственныхъ. Если позволите, я намѣренъ говорить съ вами о женахъ заемныхъ. Заемная жена, прелестное, милое, живое, дивное созданіе: иначе кто бы рѣшился занимать ее такъ, чтобъ она рѣшилась быть заемною?

Прежде нежели раскажу содержаніе Водевилья «Заемныя жены», не угодно ли вамъ отвѣчать на мой вопросъ: кому одолжены мы Русскими Заемными женами? Подумайте, погадайте и отгадайте. Вы молчите! Загадка слишкомъ трудна; признаюсь я и самъ не могъ бы отгадать ее, если бы не слухи. И такъ, слушайте: Заемными женами обязаны мы супружеской любви. И это для васъ загадка?.... Минуту терпѣнія. Одинъ изъ Петербургскихъ актеровъ не знаетъ ни одного иностраннаго языка, но пишетъ водевильные куплеты, разумѣется оригинальные, же — забылъ зарокъ, виновать! — супруга его, не пишетъ куплетовъ, а знаетъ Французскій языкъ. Она взяла Водевиль *Les femmes d'emprunt*, перевела прозу его на Русскій языкъ; мужъ придѣ-

далъ куплеты; нѣкоторые изъ нихъ заслужили повтореніе, — и вотъ «Заемныя жены», вотъ произведеніе супружеской любви.

Апполонъ Игнатьевичъ Ивановъ, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей у которыхъ деньгамъ неводъ, живетъ въ Петербургѣ и мотаетъ не въ свою голову. Для его, богатый старый холостякъ, Костромской помѣщикъ, Дармоѣдовъ, усталъ снабжать племянника деньгами. И день, и два, и мѣсяцъ сидитъ Апполонъ Игнатьевичъ безъ гроша. Голь на выдумки хитра: эту прадѣдовскую поговорку олицетворилъ Апполонъ Игнатьевичъ. Пишетъ оцъ къ дядюшкѣ, въ Кострому, что всгупаетъ въ законный бракъ; дядюшка шлетъ ему на свадьбу двѣ, три тысячи рублей. Деньги прогуляны: дождавшись законнаго срока, то есть, черезъ девять мѣсяцовъ послѣ свадьбы, Апполонъ Игнатьевичъ пишетъ къ дядѣ, что Богъ далъ ему сына. Дядя шлетъ на зубокъ двѣ тысячи. Черезъ девять мѣсяцевъ та же операція. Удача въ выдумкѣ избаловала племянника: ему уже наскучило получать деньги черезъ девять мѣсяцевъ, а не чаще. Не прошло и полугода послѣ рожденія втораго ребенка, Апполонъ Игнатьевичъ пишетъ къ дядѣ, что у него родился уже новый и здоровый сынъ. Дядя, смекнувъ, что его дурачатъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Племянникъ, узнавъ объ этомъ, поднимается на новую хитрость. Уговариваетъ магазинщицу, Луизу Карловну, отпустить къ нему на поддержаніе трехъ ея малютокъ, и убѣждаетъ швею ея, Настеньку, назваться его женою. Дѣло слажено. Является помѣщикъ Дармоѣдовъ. Онъ вѣтъ себя отъ радости, видя семейное счастье своего племянника, но не надолго. Открывается обманъ, Дармоѣдовъ бѣсится. Входитъ Луиза Карловна. Дармоѣдовъ узнаетъ въ ней прежнюю свою любовь. Старыя грѣхи дяди заставляютъ его простить молодую шалость племянника.

Въ этомъ забавномъ водевилѣ, Г. Дюръ игралъ племянника. Игра его, исполненная благороднаго комизма, принесла удовольствіе публикѣ, почтившей его по окончаніи пьесы, вызовомъ на сцѣну. Послѣ Г. Дюра, заслуживаетъ одобреніе Г-жа Шелихова ст. въ ролѣ Настеньки.

2. *Женихъ-Лунатикъ*, оригинальная Комедія-Водевиль, въ одномъ дѣйствіи, игранная 13 Мая.

Не угодно ли кому из писателей сделаться авторомъ Комедіи, классической, даже пяти-актной? Для этой сценической микстуры, у меня есть стародавній и кой-кому из нашихъ комиковъ извѣстный рецептъ. Вотъ онъ: возьмите благороднаго отца, или резонера дядю, или кропотуньюматушку; придайте имъ безгласную дочку или племянницу, Катеньку, Наденьку, Лизаньку, — назовите, какъ хотите, — которая влюблена въ молодаго гусарскаго, или по крайній мѣрѣ въ уланскаго, офицера. Кавалерійскій офицеръ необходимъ для этой микстуры. Онъ долженъ, съ помощію своего слуги и служанки своей возлюбленной, жениться на ней одурачивъ жениха, избраннаго ей родственниками, и обманувъ ихъ. Женихъ этотъ неуклюжій, съ лысиною и просьдью, имѣетъ быть или приказный, или отставной поручикъ, или майоръ, но никакъ не выше чиномъ. Смѣшайте все это вмѣстѣ, и давайте вашимъ слушателямъ, въ водницѣ пошлыхъ каламбуровъ, безмысленныхъ остротъ, чрезъ каждые полчаса по ложкѣ, и, повѣрьте, послѣ третьей, много, много, что четвертой ложки, слушатели заснутъ богатырскимъ сномъ. А сонъ, хотя не всегда, но большею частію, бываетъ признакомъ истощенія удовольствіемъ.

Этимъ рецептомъ воспользовался авторъ Комедіи-Водевилья «Женихъ-Лунатикъ». Онъ приготовилъ, — спасибо, что на одну только ложку, — этой микстуры.

У какой-то помѣщицы Ласточкиной есть дочь Наденька. Наденьку хочетъ матушка отдать за старика, отставнаго поручика Заржавина, а Наденька влюблена въ уланскаго офицера (имени его не имѣю чести знать) Волгина. Ласточкина боится лунатиковъ. Волгинъ заставилъ слугу своего, одѣшагося въ сертукъ и колпакъ Заржавина, бродить въ полночь по двору Ласточкиной и шумѣть, увѣривъ ее, что это женихъ, назначенный ею дочери. Ласточкина отказываетъ Заржавину, и выдаетъ Наденьку за Волгина.

Видите, что микстура, названная Комедіею — Водевильемъ, составлена со всею провизорскою строгостію, по рецепту мною приведенному. Но эту микстуру подсластила игра Г. Дюра, въ роли слуги Волгина.

М. Я.

І Ю Н Ъ , 1834.

=

Поэтъ, *Фантазія въ трехъ сценахъ*. Т-м-ф-ва. С.П.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ 8., стр. 64.

Т-м-ф-въ? Мы уже нѣсколько разъ примѣтили яркіе проблески обширнаго и сильнаго дарованія въ этомъ молодомъ Аравитянинѣ, который, какъ все Аравитяне, хорошо знающіе восточную орфографію, пишетъ фамилію свою безъ гласныхъ буквъ. Если мы учились Арабской Грамматикѣ не на мѣдныхъ деньги, то, кажется, безъ существенной ошибки въ произношеніи, можемъ имя Т-м-ф-въ прочитатъ — *Тимофеевъ*. Тѣ, которые не знаютъ по-Арабски, едва-ли не догадалисьбы, какъ слѣдуетъ читать эти буквы. И такъ, мы говоримъ, что *Сиди Тимофеевъ*, то есть, въ Русскомъ переводѣ, Г. Тимофеевъ, обнаруживаетъ много прекраснаго таланта: въ немъ видны поэтическій огонь, воображеніе, удачная иронія, острая сатира. Многія его фразы отлиты смысломъ, и онъ умѣетъ придавать имъ живописное положеніе: Мечта возвышенная, согрѣтая чувствомъ и въ существѣ своемъ весьма поэтическая, составляетъ предметъ этой фантазіи, изъ которой, по несчастью, нельзя отдѣлать ни одного отрывка для нашихъ читателей. Мы советуемъ прочитатъ ее всю. Нѣчто мрачное напечатлѣно на мысляхъ поэта, но, при хорошей погодѣ, онъ легко могутъ проясниться и представить ему свѣтъ въ пріятнѣйшемъ и болѣе блестящемъ видѣ, что иногда не худо и для самаго разнообразія.

Три дня на Ожиной недѣль, или *Продажа остатковъ*. Шуточное стихотвореніе. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ - 12., стр. 12.

Стихотворенія Графа Д. И. Хвостова. Томъ седьмой. С.П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ - 8., стр. IV и 278.

Объясненія къ сочиненію Державина, или самыя диктованныя родной его племянницѣ, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой, въ 1809 году. Изданныя О. П. Львовымъ, въ четырехъ частяхъ. С.П.-бургъ, въ тип. Смирдинъ, 1834, въ-8., стр. III и 72, 114, 50, 11.

Множество любопытных литературных и исторических подробностей дѣлають это сочиненіе необходимымъ для всѣхъ читателей незабвеннаго Державина. Оно тѣмъ драгоценнѣе, что всѣ эти объясненія происходятъ изъ вѣрнаго и законнаго источника: великій поэтъ самъ диктовалъ ихъ своей племянницѣ, Е. П. Львовой. Вотъ исторія «Фелицы» и нѣкоторые мысли пѣвца ея.

«Эта поэма сочинена въ Петербургѣ въ 1782 году, напечатана въ Собесѣдникѣ въ первый разъ въ 1783, а во второй разъ въ первой части Сочиненій 1798 году.

*Богородица Царевна
Киргизъ-Кайсацкія Орды!*

«Императрица названа Киргизскою Царевною потому, что Она сочинила сказку подъ именемъ Царевича Хлора, котораго Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, гдѣ роза безъ шиповъ растеть, и что Авторъ имѣлъ свои деревни въ Оренбургской Губерніи въ составѣ Киргизской Орды, которая числилась въ подданствѣ Россіи.

Читаешь, пишешь предъ надоемъ.

«Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ, какъ-то: Грамотою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими Учрежденіями, послѣ того вышедшими.

Коня Парнаска не спласнешь.

«Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не пасала; а когда стихи надобны были, то поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и проч.

Къ духамъ въ собранье не възвращаешь.

«Императрица не жаловала масоновъ, и въ ложу къ нимъ не являла, такъ какъ дѣлали многіе знатные.

Скачу къ портному по кафтанъ.

«Относится къ прихотливому нраву покойнаго Святѣйшаго Князя Таврическаго.

Лечу на рывомъ бѣзунъ.

«Относится къ Графу Алексію Григорьевичу Орлову, который до ристалищъ сего рода былъ охотникъ.

Или кулачными бойцами, и проч.

«Относится къ Графу же Орлову, какъ охотнику до всякаго молодчества Русскаго и до Русскихъ пьесъ.

Я тпшусь по ночамъ рогами.

И греблей удалыхъ гребцовъ.

«Относится къ Семену Кириловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ, который первый завелъ роговую музыку.

За Библией, эвал, сплю.

«Авторъ, служа въ повелѣніяхъ покойнаго Князя Вяземскаго, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ начальникъ его былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

Между львѣмъ и брызгой.

Выше сказано, что сказку о Царевичъ Хлоръ сочинила Императрица Екатерина. Вельможи Царевны Фелпцы названы тутъ львѣмъ и брызгой. Сколько известно, подъ этими именами разумѣла Она Князя Потемкина и Князя Вяземскаго, потому, что первый велъ жизнь роскошную, а второй часто брызгалъ, когда у него, какъ отъ управляющаго Казначействомъ, денегъ требовали.....»

Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Императрица Екатерина, въ часы отдохновенія Ея отъ дѣлъ, забавлялась упражненіями, свойственными просвѣщенному Ея вѣку. Она писала хотя не весьма удачныя, но шуточные комедіи, какъ то: *Бедуль съ дѣтьми*, *Недоумьіе*, и проч. Для Великихъ Князей, Александра и Константина, сочинила особую Азбуку съ разными приуоченіями и проч.....»

«Помянутая сказка о Царевичъ Хлоръ была поводомъ Сочинителю написать сію оду; а какъ Государыня Екатерина любила умныя шутки, то въ забавномъ слогѣ и написала: «если Авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ тогда приближенныхъ, то не по злоречію, а единственно въ общемъ видѣ человечества.»

«При всемъ томъ Авторъ опасался, чтобъ не оскорбить кого лично, и потому пригласилъ пріятелей своихъ: покойнаго Николая Александровича Львова и Василья Васильевича Капниста, прочелъ имъ сочиненіе свое, и они положили, чтобъ стиховъ сихъ въ свѣтъ не выдавать, почему піеса сія цѣлый годъ была въ неизвѣстности.

«Въ одно утро Автору понадобились нѣкоторыя бумаги, въ его бюро лежавшія, гдѣ сохранялась и сія піеса; онъ, разбрылъ ихъ, выложилъ оду сію на столъ. Г. Козодавлевъ, (бывшій потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) жилъ съ Авторомъ въ одномъ домѣ: вошедъ нечаянно въ комнату, увидѣвъ піесу, прочелъ нѣсколько строкъ, и просилъ Автора не отступно повѣрить ему стихи сіи на часъ, чтобы только прочитатъ ихъ теткѣ его, Г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворства и предпочтительно творенія Автора: такимъ образомъ получилъ ихъ Г. Козодавлевъ съ обѣщаніемъ никому не показывать, и часа черезъ два ихъ возвратилъ.

«Нѣсколько дней спустя, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, покровитель Автора (потому что сей былъ подъ его начальствомъ во время своего воспитанія въ Казанской Гимназіи), присылаетъ къ нему челоуѣка съ убѣдительною просьбою, чтобы Авторъ пришелъ къ нему. Авторъ, прѣхавъ къ Шувалову, находитъ почтеннѣйшаго сего челоуѣка въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ онъ Автора, что ему дѣлать? отсылать ли помянутые стихи его къ Князю Потемкину,

★

который былъ тогда въ великой силѣ у Двора, и ихъ требовать, или не отсылать? — «Какіе стихи?» возразилъ Авторъ. — «Мурзы къ Фенцъ,» отвечалъ Шуваловъ. — «Какъ вы ихъ знаете? какъ они могли быть у васъ?» — «Г. Козодавлевъ по дружескому далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же Князь Потемкинъ узналъ о томъ?» — «Вчера обѣдѣ у меня Графъ Безбородко, Графъ Зиндовскій, Стрекаловъ и другіе любилъ ли Литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а С. .... изъ подслуши Князю Потемкину, рассказывалъ ему все, что тамъ на счетъ его сказано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» Авторъ, подумавъ, сказалъ: — «Извольте отослать, какъ они есть: если мы что выкинемъ, покажемъ тогда умыселъ на личное оскорбленіе Князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а писаны стихи забавно на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего.» Потомъ Авторъ уѣхалъ домой, озабочиваясь крѣпче симъ происшествіемъ и, призвавъ къ себѣ искренняго своего пріятеля, Г. Львова, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Графа Безбородко, просилъ его развѣдать мнѣніе Графа по сему предмету, и предупредить его, на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ сихъ, что ни какого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а писаны стихи изъ одной шутки и для пріятелей, оставлены безъ огласки, но что вышли они въ свѣтъ по единой нескромности Г. Козодавлева.

Г. Львовъ исполнилъ просьбу Авторъ. Незвѣстно, посылали ли стихи Шуваловъ къ Князю Потемкину; по нѣкоторое время сочиненіе сіе оставалось безвѣстнымъ.

Въ 1785 году опредѣлена была Княгиня Дашкова Директоромъ Академіи Наукъ, а Г. Козодавлевъ Советникомъ. Для распространенія Россійской Словесности она издавала отъ Академіи Журналъ. Г. Козодавлевъ безъ авторскаго позволенія принесъ ей сіе сочиненіе для помѣщенія въ тотъ Журналъ, который назывался *Собесѣдникомъ*. Княгиня приказала въ немъ выпечатать оное, и въ первое Воскресеніе (день, въ который обыкновенно вѣжала она къ Императрицѣ съ докладомъ) поднесла ей тотъ Журналъ, на первой страницѣ котораго помѣщена была сія Ода. Въ Понедѣльникъ Императрица приказала Княгинѣ быть къ себѣ. Княгиня, вошедъ къ Государынѣ, встрѣтила Ее въ слезахъ и тотъ Журналъ въ рукахъ держащую; спрашиваетъ Государыня, откуда взяла она сіе сочиненіе и кто писалъ его? Княгиня, въ нерышности, что отвѣчать Государынѣ, нѣсколько замѣшлась; но Императрица сказала: «Не опасайтесь; я только васъ о томъ спрашиваю, кто былъ такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ меня описать, что, видишь, я плачу!» Тутъ Княгиня назвала ей Авторъ и говорила въ его пользу. Нѣсколько дней спустя, когда Авторъ обѣдалъ у начальника своего, Князя Вяземскаго, вскоре послѣ обѣда сказываютъ, что почтальонъ принесъ ему письмо; онъ читаетъ надпись: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ,» развертываетъ пакетъ и находитъ золотую табакерку, усыпанную брилліантами, и въ ней 500 черныиыхъ; приходитъ къ Князю, спрашиваетъ, при-

класть ли онъ присланный ему подарокъ принять? Князь, взглянувъ на него сурово, спросилъ: «какой?» Авторъ показываетъ подарокъ. — «Возьми, братецъ,» отвечалъ онъ, «когда жалуютъ.» Между тѣмъ Княгиня Дашкова уведомила Авторъ, что сочиненіе его поднесла она Государынѣ; чрезъ нѣсколько дней приказано было Сочинителя представить Ея Величеству; съ тѣхъ поръ онъ Ей сталъ извѣстенъ какъ *Сочинитель*.

«Вскорѣ за сямъ, какъ обыкновенно случается, Авторъ понесъ не благоволеніе своего начальника за то, что онъ не чрезъ него, а другимъ путемъ достигъ милостиваго возвращенія Императрицы, и что хотя нѣсколько выпутался изъ той зависимости, которая почти всегда способнаго человека держитъ, какъ будто за какой перегородкой.»

Ермакъ, *Историческій Романъ XVI столѣтія. Сочиненіе* Павла Свиньина. СПб.-бургъ. въ тип. Гилле и Края, 1834, въ-12. Четыре части, стр. XXV и 231 — 180 — 169 — 170.

Когда авторъ говоритъ въ заглавіи — Ермакъ, то надобно понимать — Гроза, потому герой повѣсти его Гроза, а не Ермакъ: искусство изобрѣтать для книгъ свойственныя и сообразныя съ дѣломъ названія имѣетъ тоже свои тайны, которыя не должно пренебрегать, тѣмъ болѣе, что заглавіе есть первая точка, откуда любопытство читателя смотритъ на предметъ сочиненія. Въ предисловіи къ Ермаку авторъ жалуется на скудность и сбивчивость летописей о покореніи Сибири, на недостатокъ вѣрныхъ и ясныхъ матеріаловъ къ Исторіи этого знаменитаго подвига, и говоритъ, что онъ принужденъ былъ дѣлать изысканія на мѣстѣ, собирать и соображать преданія, искать луча истины даже въ самыхъ сказкахъ, чтобъ исторгнуть изъ мрака великіе характеры завоевателей и представить удовлетворительное разрѣшеніе причинъ чуднаго, почти невѣроятнаго происшествія. И плодъ всѣхъ этихъ трудовъ, изысканій — есть вымыселъ! Въ такомъ случаѣ, ужъ слѣдовало написать Исторію или, по крайней мѣрѣ, диссертацию. Что можетъ разрѣшить Романъ? Какое средство имѣетъ читатель провести различительную черту между истинною или правдоподобнымъ результатомъ ученаго изслѣдованія, и чистою выдумкою романиста? Это удовлетворительное разрѣшеніе причинъ великаго событія, утверждаетъ авторъ, найдемъ мы въ его Романѣ «между прочимъ». Очень благодарны! Пока добьешься, что тутъ

прочее, а что не прочее, скорее самъ съѣдешь въ Сибирь и соберешь тѣ же самыя пособія къ рѣшенію вопроса, если только они тамъ паходятся. Авторъ, напримѣръ, «слышалъ преданіе,» что атаманъ Гроза былъ спасенный отъ казни, Князь Сицкій, и «читалъ въ лѣтописяхъ Сибирскаго Двора» о томъ, за кого вышли замужъ нѣкоторыя одадыки тамошнихъ Султановъ. Лѣтописи, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ болѣе довѣренности, нежели преданіе: такъ, что жъ тутъ прочее? — происхожденіе Грозы или замужество наложницъ Султана? Мы думаемъ, — то и другое, потому, что преданіе о Сицкомъ не заслуживаетъ ни какой вѣры, а «лѣтописи Сибирскаго Двора» существуютъ только въ воображеніи автора: между-тѣмъ большая часть читателей подумаетъ, что онъ дѣйствительно ими пользовался, и готова найти «удовлетворительное разрѣшеніе» причинъ событія въ тайнахъ Кучумова гарема, которыя играютъ такую важную роль въ Романѣ.

Отложимъ въ сторону притязанія автора на историческую важность его Историческаго Романа, происходящія вѣроятно отъ сбибчиваго понятія о существѣ этого рода твореній, и станемъ читать его книгу просто какъ изящное произведеніе, какъ плодъ воображенія: въ этомъ видѣ она конечно можетъ доставить удовольствіе, и заслуживаетъ вниманіе. Это одинъ изъ нашихъ хорошихъ Романовъ: мы еще будемъ имѣть случай говорить о его содержаніи.

КАРАБАХСКИЙ АСТРОЛОГЪ, или *Основаніе крѣпости Суши въ 1752 году, Историческій Закавказскій Романъ. Сочиненіе Платона Зубова. Москва, въ Университетской тип., 1834, въ 8. Дѣль части, стр. 133 — 114.*

Повѣсти П. Машкова. *СН.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ 8., стр. 200.*

Третья часть изданныхъ Г. Машковымъ Повѣстей, и конечно самая примѣчательная. Въ ней заключается одно только сочиненіе, «Ввроломство», и оно безспорно заслуживаетъ занять мѣсто между лучшими Повѣстями сего Писателя. Мы ничего не говоримъ о слоgъ, ни о стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги.

Дѣдушкины посады, *Повѣсти. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8, Двѣ части, стр. 123—107.*

Клятвопреступница. *Русскій современный Романъ. Сочиненіе В. У. Москва, въ Университетской тип., 1834, въ-12. Три части, стр. 191—152—138.*

Какъ бы мы ни желали ничего не говорить и объ этомъ Романѣ, а принуждены прервать молчаніе, но только, чтобъ сказать, что знаменитаго сочиненія Г-на В. У. не должно ни подъ какимъ видомъ приписывать Василию (Аполлоновичу) Ушакову.

Давидъ Игоревичъ, Князь Владимірскій, или 1097 годъ, Историческій Романъ XI вѣка. *Сочиненіе Рудневскаго, Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8. Четыре части, стр. 120—94—92—139.*

Четыре вымысла. *Сочиненіе Николая Лутковскаго, СП.-бургъ, въ тип. Бажена и Лыжина, 1834, въ-12, стр. 220.*

Жизнь и дѣянія Визнаева, со всеми достопамятными его происшествіями, или Горе безъ ума, Нравственно-сатирическій Романъ А. П. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. 26.*

Усердный свать, или Похвальныя рѣчи жениху и невестѣ. *Сочиненіе Федота Кузмичева. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-18., стр. 30.*

Мальвина, или Предчувствіе сердца. *Сочиненіе Княжны Изабеллы Чарторыжской, нынѣшней Герцогини Виртембергской. Съ Польскаго. Переводъ съ пятаго изданія. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12. Три части, стр. 166—148—137.*

Прелестный Романъ во вкусъ прошлаго вѣка, правда, переведенный не самымъ чистымъ и изящнымъ слогомъ, но занимательность подлинника прикрываетъ недостатки перевода, и мы рекомендуемъ эту книгу вниманію прескрас-

ных наших читательниц, въ полной увѣренности, что онѣ будутъ намъ благодарны за указаніе.

Доброй малой, Романъ въ трехъ частяхъ, сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степапова, 1834, въ-8., стр. 250—293—294.

Проплакавъ глаза надъ Мальвиною, тѣ же прекрасныя читательницы могутъ закрыть лице ручками и тихопоко читать Романъ «Доброй Малой», если хотятъ развеселиться. Мы никому о томъ не скажемъ, а слогъ перевода здѣсь гораздо лучше. Но если ужъ читать Поль-де-Кока, такъ и слѣдующее сочиненіе не выпадетъ вонъ изъ рукъ:

Картины нравовъ, или Смысль Критики и Литературы. Сочиненіе Поль-де-Кока. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 215—118.

Но языкъ! но слогъ!..... Мы хотѣли, для любопытства любителей Русскаго слова выписать здѣсь хоть одинъ періодъ, но книга свалилась подъ столъ. Поднимать не стоитъ!

Люди высшаго и низшаго круга, или картины нравовъ во время Наполеона. Сочиненіе Пикара, члена Института (Французской Академіи). Перевелъ съ Французскаго Семенъ Мухачевъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 273—280.

Одно изъ пріятнѣйшихъ сочиненій перваго комическаго писателя временъ Французской Имперіи, право, заслуживало быть переведеннымъ если не отлично, по крайней мѣрѣ такъ, чтобъ можно было его читать.

Кляють-юнга, или Молодой матросъ. Романъ Г-жи Кернокъ, переведенный С. Ш.....мъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12. Три части, стр. 65—79—71.

1. Супружество на часъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Перевелъ съ Французскаго С-нъ С. М. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8., стр. II и 92.

2. Артистъ, Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Вольный

переводъ съ Французскаго А. И. Булгакова. СП.-бургъ , въ тип. Гинце, 1834, въ 8., стр. 67.

Достоинство обоихъ этихъ переводовъ давно известно публикѣ, вмѣстѣ съ содержаніемъ самыхъ сочиненій.

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ, собранныя В. И. С. Харьковъ, въ Университетской тип., 1834, въ-8., стр. 34.

RÉSUMÉ de la troisième et dernière partie du Cours de Littérature Française, professé à l'Université Impériale de St.-Petersbourg par Charles St.-Julien, lecteur à l'Université. Année scolaire 1833 – 1834. St.-Petersbourg, chez Hintze, 1834, 8-ro., pp. 87.

Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польшы, преимущественно во время Самозванцевъ, собралъ и издалъ Гвардіи Полковникъ Павелъ Мухановъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8., стр. 9 и 274.

Нельзя не радоваться появленію подобныхъ книгъ въ нашей Литературѣ: изданіе это, чрезвычайно красное на-ружностью, на внутреннемъ своемъ исполненіи носить отпечатокъ руки ученой и искусной, и могло бѣ сдѣлать честь всякому Германскому издателю. Вкусъ, точность, разборчивость и умѣнье соединились подъ перомъ Г. Муханова. Во время послѣдней Польской кампаніи случай доставилъ ему нѣсколько рукописей, заключающихъ въ себѣ подлинные документы, инструкціи, рапорты, протоколы переговоровъ и переписки по дѣламъ Самозванцевъ, Сигизмунда III и сына его, Владислава, съ Россіею, и онъ спѣшилъ вѣрить ихъ свѣдѣнію публики, опасаясь, чтобъ они не были потеряны. Собранію историческихъ актовъ предшествуетъ критическое разсужденіе Г. Муханова, занимающее болѣе чѣмъ третью часть книги, о походѣ Владислава въ Россію въ 1617 и 1618 годахъ, почти неизвѣстномъ нашимъ историкамъ. Это разсужденіе авторъ составилъ по многочисленнымъ Польскимъ сочиненіямъ, болѣею частью современнымъ происшествію, весьма удачно сообразивъ ихъ данныя съ неясными указаніями нашихъ лѣтописей и под-

лишними документами. Кроме двадцати двух писем Сигизмунда за собственноручною его подписью, объемлющих промежуток времени отъ 1617 по 1622 годъ, здѣсь помѣщены еще — Описаніе вѣзда Марины въ Москву, переговоры Польскихъ пословъ съ боярами, протестъ Поляковъ, записка по донесенію шпионовъ о происшествіяхъ въ Москвѣ, показывающая въ настоящемъ видѣ тогдашнее состояніе умовъ въ Россіи, письма Марины и Тушинскаго Самозванца, наконецъ, чрезвычайно любопытная памятная Записка, вѣроятно изъ бумажника Жолтѣвскаго или Льва Сапѣги, не то кого-нибудь изъ ихъ секретарей, состоящая изъ былыхъ отмѣтокъ о разныхъ лицахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Къ этому собранію памятниковъ, напечатанныхъ по-Польски съ весьма хорошимъ Русскимъ переводомъ и съ сохраненіемъ правописанія подписниковъ съ дипломатическою точностью, приложены на семи таблицахъ превосходно сдѣланные снимки (fac-simile) подписей и цѣлыхъ частей документовъ, преданныхъ тисненію. Предѣлы этого отдѣленія не допускаютъ намъ входить въ дальнѣйшія подробности труда Г. Муханова, который, по его важности и отличному, истинно литературному изданію, всѣ любители Исторіи въ Россіи и Польшѣ съ радостью поставятъ въ избранныхъ своихъ библіотекахъ: скажемъ только, что въ числѣ множества обстоятельствъ, разрѣшаемыхъ свидетельствами, здѣсь содержащимися, одно изъ главнѣйшихъ и доселѣ самыхъ сомнительныхъ получаетъ неоспоримую ясность отъ снимка письма Лже-Димитріева, отысканнаго издателемъ. Многіе почитали Самозванца благовременно приготовленнымъ воспитанникомъ Іезуитовъ и даже не Русскимъ. Собственноручный его постскриптъ, находящійся на этомъ письмѣ, въ трехъ словахъ убѣдительно доказываетъ противное: онъ очень плохо зналъ по-Польски, и Польскія слова произносилъ съ Московскимъ акцентомъ. Нарѣчію и грамотъ своихъ покровителей онъ, по-видимому, выучился самоучкою, безъ всякихъ правилъ. Въ трехъ этихъ словахъ болѣе десяти ошибокъ противъ Польскаго языка, и всѣ онѣ заимствованы прямо изъ духа Великороссійскаго нарѣчія, въ которомъ сочинитель постскрипта очевидно былъ воспитанъ.

Г. Мухановъ, желая сдѣлать свою книгу доступною въ-сть и для Польскихъ читателей, приобщилъ къ ней не только хорошій переводъ своего превосходнаго разсужденія о походѣ Королевича Владислава, но и двойныя оглавленія, даже двойное заглавіе, по-Русски и по-Польски. Третье общее и самое короткое заглавіе изображено на оберткѣ также на двухъ языкахъ словами — «Памятники XVII вѣка.» Вся, и самыя мелкія формы ученаго изданія соблюдены съ такою строгостью, какой бы иные и ожидать не смѣли отъ военнаго чловека. Мы видимъ примѣръ, что «la robe et l'érée» могутъ и у насъ украшать одного и того же чловека.

Мы имѣемъ полную довѣренность къ вниманію, съ какимъ Г. Мухановъ, какъ самъ онъ говоритъ, старался соблюсти дипломатическую точность текста обнародованныхъ имъ актовъ, и полагаемъ, что не онъ, а его корректоръ виноватъ во многихъ явныхъ погрѣшностяхъ, искажающихъ смыслъ оригиналовъ иногда самымъ забавнымъ образомъ. Напримѣръ, на страницѣ 120, Король Сигизмундъ препоручаетъ безопасность своего сына *мычанію* Польскихъ комиссаровъ: вѣроятно вмѣсто *beszeniu* (мычаніе) должно быть въ текстѣ *baszeniu*, «вниманію».

Какъ Г. Мухановъ уже столь блистательно доказалъ любовь свою къ отечественной Исторіи и свое умѣнье обращаться съ ея пособіями, то мы считаемъ долгомъ подстрекнуть его дѣятельность указаніемъ на другой богатый кладъ актовъ, относящихся къ той же эпохѣ. Въ здѣшней Императорской Публичной Библіотекѣ хранится около двадцати томовъ рукописныхъ бумагъ Горскаго, секретаря Сигизмунда III, и мы не сомнѣваемся, что авторъ могъ бы почерпнуть изъ нихъ, для втораго изданія своихъ «Памятниковъ XVII вѣка,» многія весьма важныя дополненія.

1. Краткая Всеобщая Исторія *отъ потопа до нашихъ временъ, изложенная по новому плану Н. Кировымъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 8., стр. XVIII и 259.*

2. Овозрѣніе Исторіи Армянскаго народа, *отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области въ Россійской Имперіи. Сочиненіе Сергія Глинки. Москва,*

въ тип. Лазаревыхъ, 1832 и 1833 (1834), въ-8. Двѣ части, стр. LXXXI и 273 — 294.

5. ШЕСТЬ ПИСЕМЪ о Грузіи и Кавказѣ, писанныя въ 1833 году Платономъ Зубовымъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. 107. Съ 4 видами и вишеткою.

4. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ первыхъ Россійскихъ Адмираловъ, или Опытъ исторіи Россійскаго флота. Часть третія. СПб-бурга, въ морской тип., 1834, въ-8., стр. 291.

Къ содержанію этихъ четырехъ сочиненій возвратимся мы впоследствии.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ (т. е., Каталогъ) Московской Оружейной Палаты. По Высочайшему повелѣнію составлено Д. Е. И. В. Каммергеромъ, С. С. Павломъ Евреиновымъ, Часть первая. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. I и 209.

ЗАПИСКИ Г. Буріенна о Наполеонѣ, и проч., переводимыя Г. С. де Шаплетомъ. Томъ второй, часть III, стр. 358.

ДОСТОПАМЯТНОЕ на Земномъ Шарѣ, или Любопытное описаніе странныхъ приключеній, нѣкоторыхъ примѣчательныхъ народныхъ обычаевъ, необыкновенныхъ людей вразсужденій ихъ нравственныхъ и физическихъ способностей, вырожденъ разныхъ животныхъ, удивительныхъ ископаемыхъ вообще и необыкновенныхъ явленій, случившихся въ атмосферѣ и на поверхности Земнаго Шара. Собрано изъ иностранныхъ писателей. Москва, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. IV и 262 — 271.

1. ОРГАНОЛОГІЯ животныхъ. Сочиненіе Доктора Гр. Щуровскаго. Отдѣленіе I. Система органовъ питанія. Съ гравированною таблицею. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. XIII и 99.

2. ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія Психіатріи, въ общемъ и частномъ, теоретическомъ и практическомъ содержаніи, Док-

торомъ Медицины Петромъ Бутковскимъ. Двѣ части., С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-8., стр. III и 122 — 154.

3. ОПИСАНІЕ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, естественныхъ и искусственныхъ, составленное изъ сочиненій лучшихъ новѣйшихъ писателей Францомъ Бѣлявскимъ. Двѣ части. съ виньетомъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. IX и 270 — 504.

4. ОПИСАНІЕ Санктпетербурскаго Заведенія Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, и наставленіе къ внутреннему употребленію оныхъ, начертанныя Мартыномъ Мейеромъ, главнымъ врачомъ Заведенія. Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ 4 лит. видами. С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-12., стр. VI и III.

Мы предоставляемъ себѣ право познакомить нашихъ читателей съ примѣчательнѣйшими мѣстами четырехъ послѣднихъ сочиненій.

Опытъ Военно-Медицинской Полиціи, или Правила къ сохраненію здоровья Русскихъ солдатъ въ сухопутной службѣ. Сочиненіе Романа Четыркина, Н. С. Главнаго Медика дѣйствующей арміи, и проч. С.П.-бургъ, въ тип. Иверсена, 1834, въ-8., стр. IV и 194.

Полезный трудъ Г. Четыркина одобренъ Медицинскимъ Совѣтомъ, лучшимъ судьей по этой части.

Краткое Руководство къ выгоднѣйшему воздѣлыванію картофеля въ поляхъ. Д. Членъ Н. М. О. Сельскаго Хозяйства, Рѣшетникова. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12, стр. 26.

О пѣніи въ Россіи. С.П.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1834, въ-12., стр. 69.

Цѣнители народнаго Русскаго пѣнія, которые любятъ пѣть и разсуждать, или разсуждать и пѣть, что совсѣмъ не одно и то же, должны непременно прочесть эту занимательную брошюрку. Авторъ ея, какъ видно изъ содержанія — самъ почтенный Директоръ придворной пѣвческой капелли. Нѣтъ ничего основательнѣе и яснѣе того, что го-

ворить онъ о церковной музыкѣ; но что касается до народныхъ пѣсень и особенно до ихъ происхожденія, то многія изъ его мнѣній могутъ еще подать поводъ къ такому жаркому спору, что за шумомъ нельзя было бы услышать полнаго оркестра.

Алгебра. Сочиненіе Бурдона, принятое въ руководство для преподаванія въ Институтъ Корпуса Путей Сообщенія. Изданіе второе. О. Меца. Сп.-бургъ, 1834. въ-8., стр. 1111 и 376.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Н. А. Полевой, препровождая въ Б. для Ч. статью, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ, пишетъ къ намъ обширно о своихъ литературныхъ занятіяхъ, и мы не можемъ не удѣлить любопытству публики нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его письма. «.... Я продолжаю неусыпно труды свои; не «знаю однако жъ, успѣю ли въ нынѣшнемъ году издать ось-
«мой томъ моей «Исторіи Русскаго народа», хотя пятый «почти совсѣмъ отпечатанъ, шестой печатается, седьмой «приготовленъ къ печати. Чѣмъ далѣе иду по пути Исто-
«ринъ отечественной, тѣмъ безмѣрнѣе является мнѣ поприще «ея. Я давно извѣстилъ публику, и вы конечно читали мое «объявленіе, что, вмѣсто двѣнадцати обѣщанныхъ, трудъ «мой уже распространенъ на четырнадцать томовъ, а ме-
«жду-тѣмъ, благодаря содѣйствію многихъ почтенныхъ лю-
«бителей Русской Исторіи, объемъ матеріаловъ непрерыв-
«но у меня увеличивается..... Статья, нынѣ посылаемая «мною для Б. для Ч.» — о принятіи Михаиломъ Царскаго «Престола и коронованіи его въ Москвѣ, — есть отрывокъ «изъ VIII тома Исторіи Р. Н., и томъ этотъ начинается съ «освобожденія Москвы Мининимъ и Пожарскимъ, и заклю-
«чается 1645 годомъ, кончиною Царя Михайла Феодорови-
«ча. Здѣсь началось для меня поприще, еще ни кѣмъ до-
«нынѣ необработанное. Донынѣ не имѣли мы ни какого пол-
«наго описанія событій послѣ 1611 года, гдѣ остановился «Карамзинъ. Событія съ 1611 до 1645 года занимаютъ въ

«Дополненіяхъ» Голикова 221 страницу; въ сочиненіи В. Н. Берха 263 страницы; въ Исторіи С. Н. Глинки 108 «страницъ. Самый объемъ ихъ твореній показываетъ, что «все это *краткія повѣствованія*, а другихъ, кромѣ сихъ «трехъ, исключая учебныя книги, у насъ вовсе нѣтъ..... «Счастливымъ себя почту, если Провидѣніе позволитъ мнѣ «издать *первый опытъ* полной Исторіи благословеннаго Дома «Романовыхъ, и если изъ приложеннаго здѣсь отрывка читатели ваши заключать, что трудъ мой не совсѣмъ лишенъ достоинствъ историческаго повѣствованія.»

— При Московскихъ Вѣдомостяхъ получили мы любопытное объявленіе, подписанное Г. Андреемъ Закревскимъ, и которымъ «предлагаетъ онъ на судъ Русскихъ читателей сочиненіе, важное по предмету, но слабое по исполненію», подъ заглавіемъ — *Ученая Россія, или Духовная дѣятельность Россіи въ послѣднемъ десятилѣтіи*. Сочиненіе это должно состоять изъ четырехъ томовъ, и авторъ желаетъ оставить его будущему историку, съ тѣмъ, чтобы онъ изъ этихъ четырехъ томовъ сдѣлалъ себѣ одну страницу. Если все существо книги можетъ быть изложено на одной страницѣ, то, право, не стоитъ разжигать ее на четыре тома. Въ первомъ томѣ будетъ — Вступленіе; отношеніе науки къ жизни; національность духовной жизни, и проч. Въ четвертомъ — значеніе Россіи во всемірной жизни и наше будущее. Авторъ проситъ всѣхъ и каждого, сообщать ему замѣчанія на планъ его сочиненія, свои біографіи и свои сужденія объ избранныхъ имъ предметахъ.

Библіотека для Чтенія не можетъ съ своей стороны не удовлетворить этому вызову. На планъ книги, она имѣетъ честь представить одно только замѣчаніе, что она не понимаетъ въ немъ ни одного слова. Біографія ея очень коротка, и она охотно ее сообщаетъ: Б. для Ч. родилась 31 Декабря, 1853 года, въ осьмомъ часу вечера, и живетъ благополучно. Что касается до сужденій о предметахъ, избранныхъ авторомъ, то она того мнѣнія, что національность духовной жизни — въ самомъ дѣлѣ должна быть вещь удивительная! О всеобщей жизни и о нашемъ будущемъ она еще подумаетъ.

— Мы узнаемъ, что въ Москвѣ вышла уже первая часть сочиненія, которое будетъ столько же пріятно, какъ полезно всѣмъ нашимъ хозяевамъ, любящимъ пзяцность и удобство: это — *Теорія составленія ландшафтныхъ и другихъ разнаго рода садовъ, съ двѣнадцатю тетрадями чертежей, плановъ и фасадовъ сельскихъ и садовыхъ строеній и украшеній*, — по-Русски и по-Французски. Недостатокъ подобной книги былъ у насъ весьма ощутителенъ.

=

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Морской разбойникъ Цампи, или Мраморная невеста*, Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная 22 Мая.

Вамъ, безъ-сомнѣнія, известна ужасная война, свирѣпствовавшая за восемьдесятъ лѣтъ передъ симъ въ музыкальной Франціи. Одни превозносили до небесъ свою, родную музыку, и топтали въ грязь Италіанскую; другіе превозносили до небесъ музыку Италіанскую, и топтали въ грязь свою, родную. Нерѣдко рукопашный бой улаживалъ эту разногласицу. Король, щадя кровь своихъ вѣрноподданныхъ, приказалъ закрыть Италіанскій театръ: Парижъ утихъ, и два угла сошлись полюбовно. Надобно знать, что въ театрѣ того времени, ложа Короля находилась противъ ложи Королевы. Защитники Французской музыки сбегались всегда близъ ложи Короля, а покровители Италіанцевъ прятывались къ ложѣ Королевы, и поэтому прозвали ихъ «Королевскимъ угломъ» а послѣднихъ «Королевинимъ угломъ». Если споръ о гармоніи довелъ до драки миролюбивыхъ слушателей, — что тогда чувствовали, что тогда дѣлали враги композиторы? Вѣроятно закалывали другъ друга кинжалами? Ужаснѣе! Отравляли ядомъ? Ужаснѣе, — осыпали другъ друга! А композиторы нашего блаженного XIX вѣка, — какая разница! Они люди благовоспитанные, скромные, живутъ между собою дружелюбно, все вмѣстѣ обкрадываютъ варваровъ прошлаго столѣтія, и каждый порознь

щечится около друга. И прекрасно: круговая порука. Никто не въ претензіи. Это благопріобрѣтеніе нынче въ модѣ. Послушайте Россини, великаго, безсмертнаго, Россини! Онъ обкрадываетъ даже самъ себя. Слѣдственно о музыкѣ Цампы, то есть, о музыкѣ Герольда, говорить много нечего: *de mortuis aut bene aut nihil*. Скажемъ нѣсколько словъ о *libretto* этой Оперы. Не родился ни пригожъ, ни уменъ, а родился счастливъ: эта поговорка оправдалась и на «Цампъ». Эта фантастическая Опера явилась здѣсь въ самое время, въ разгулъ всевозможныхъ фантазій, когда Дирекція Императорскихъ Театровъ не щадитъ ни трудовъ ни издержекъ для обстановки піесъ, когда Г. Кавось снова вступилъ въ управленіе Русскимъ оркестромъ, когда Г. Петровъ (Цампа), привыкая болѣе и болѣе къ сценѣ, сталъ облагораживать болѣе и болѣе свою жестикуляцію, когда Г-жѣ Шелиховой ст. (Камилла) стало уже наскучивать завывное пѣніе, когда Опера наша красуется еще талантомъ Самойлова (Даніиль). Счастливецъ Цампа, счастливецъ! А умомъ, правду молвить, грѣхъ его упрекнуть.

Графъ Монца, молодой человѣкъ, жертвовавшій всемъ священнымъ для минутнаго наслажденія, обольстилъ благородную дѣвицу, Алисію. Она умерла съ отчаянія. Въ помѣсть Графа Лусано поставлена въ память ея статуя. Монца сдѣлался морскимъ разбойникомъ, по волѣ автора *libretto*, который хотѣлъ, вѣроятно, перещеголять творца Донъ-Жуана. Донъ-Жуанъ развратникъ, обольститель, даже убійца, но не патентованный разбойникъ: слѣдственно онъ степенно порока ниже Цампы (корсерское имя Монцы). Цампа съ приверженцами своими приплываетъ во владѣніе Графа Лусано, встрѣчаетъ его самого въ морѣ (кстати!), беретъ въ плѣнъ, и выкупомъ назначаетъ руку его дочери. Несмотря, что молодая Графиня Лусано готовится идти подъ вѣнецъ съ другимъ, Цампа на ней женится. Алисія, хотя мраморная, оскорбляется измѣною своего обольстителя. Мраморная Алисія, — изъ зависти, больше не изъ чего, потому что она мраморная, — не допускаетъ Цампу до брачной постели, обвиняетъ его сама — и проваливается съ нимъ сквозь землю.

Опера монтирована роскошною рукою, новыя декораціи, новыя костюмы, новое изверженіе Эты. Это изверженіе есть дѣло рукъ отличнѣйшаго нашего машиниста, Тибо. Публика почтила его два раза вызовомъ. Цампа, обративъ на себя особенное вниманіе нашихъ дилетанты, поселилъ между ими разные толки. Одни говорятъ, что эта Опера есть произведеніе Герольда, что и напечатано въ *звѣстѣ*; что музыка ея оригинальна. Другіе увѣряютъ, что Герольдъ въ этомъ произведеніи есть только *grôte-pom*, что музыка Цампы принадлежитъ особѣ, играющей значительную роль въ Исторіи нашего времени, что многія мѣста этой Оперы свѣжо напоминаютъ мотивы Фенеллы, напимѣръ, въ финалѣ перваго акта хоръ — *Станемъ пить и веселиться* и *Пустынника* (Карафы), въ дуэтѣ во втораго акта Данила и Ритты — *Ахъ, это онъ*.

2. Оцѣпленіе, Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Въ Одессу прибылъ изъ Морей корабль. Такъ какъ страна эта была зачумлена, то корабль подвергся карантину. Въ это время прѣзжаетъ въ Одессу изъ Петербурга Капитанъ 2 ранга, Реевъ, и останавливается въ домѣ прежняго своего сотоварища по Ришельевскому Лицею, хотя Титулярнаго Советника, но богатаго откупщика, Китова. Китовъ хочетъ жениться на молоденькой и пригоженькой вдовѣ, Шахматинной, въ которую былъ влюбленъ Реевъ, еще тогда, когда она была въ дѣвицахъ, и за которую тогда же онъ стрѣлялся съ покойнымъ ея мужемъ. Китовъ приглашаетъ Реева въ *шпѣеры*. Реевъ, согласясь на это, придумываетъ средство, какъ бы самому жениться на Шахматинной. Счастливая мысль мелькнула въ умѣ его. Онъ находитъ случай поговорить со вдовушкою на-единѣ. Гости Китова встрѣчаютъ ихъ въ этомъ уединеніи: Реевъ выдаетъ себя командиромъ зачумленнаго корабля. Всѣ разбѣгаются, запираютъ Реева съ Шахматинной въ одной комнатѣ, оцѣпляютъ домъ, наряжаютъ для освидѣтельствованія ихъ членовъ Врачебной Управы. Обманъ Реева открывается. Но кто же послѣ этого возьметъ за себя вдову зачумленную? Разумѣется, никто кромѣ зачумленнаго. Реевъ женится на Шахматинной.

Вотъ вкратцѣ содержаніе новой Комедіи — *Оцѣпленіе*, представленной 27 Мая. Это, если не ошибаемся, первый опытъ Г. Н. Пасынкова писать для сцены. Не худо было бы, если бъ Г. Н. Пасынковъ сдѣлалъ теперь другой опытъ — показывать откровенно на своихъ пьесахъ, что онъ передѣланы съ Французскаго, когда ему случится что-нибудь передѣлать съ этого языка: а то многіе подумали, что *Оцѣпленіе* — оригинальная Русская Комедія. Водевиль, изъ котораго оно родилось, называется, кажись, *La Quarantaine*?.... Во вторую репрезентацію, авторъ укоротилъ нѣкоторыя сцены, убавилъ нѣсколько лишнихъ стиховъ. Это послужило бы въ пользу Комедіи, если бы допустили до того участвовавшіе въ ней артисты. Если бы не игралъ въ ней Брянской, не придумаю, что было бы съ нею.

3. *Другъ и Любовникъ*, Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго, и представленная 14 Іюня.

Былъ купецъ дю-Бюссьеръ, у него были прикащикъ Данило и жена Аврелія. Дю-Бюссьеръ любилъ жену, жена не любила его, за то любилъ его Данило, да и какъ еще любилъ! Не только самъ не живилъся хозяйскимъ добромъ, даже не давалъ другимъ поживиться. Жена дю-Бюссьера, (который, замѣтимъ въ оправданіе ея, былъ ветхонекъ), поглядывала не равнодушно на какого-то де-Варада, Варадъ этотъ былъ человекъ, какъ бы вамъ сказать, не дурной собою, съ черными усиками, съ высокимъ хохломъ. Онъ нѣжничалъ передъ хозяйкою, и строилъ куры ея горничной. Словомъ, Варадъ, — о профессіи его, не спрашивайте меня, — принадлежалъ къ той молодежи, которую вы принимаете у себя въ домъ, кормите, поите и даже возите съ собою въ театръ. Варадъ, въ отсутствіе дю-Бюссьера, уговариваетъ Аврелію вѣхать съ нимъ на балъ. Аврелія соглашается. Данило успѣваетъ отклонить ее отъ этого намѣренія. Добрый прикащикъ! послушная хозяйка! Варадъ въ полночь случайно является въ загородномъ домѣ дю-Бюссьера, въ спальнѣ Авреліи; встрѣчаетъ ее тамъ. Данило! Данило! сюда! сюда! поскорѣе!... Ну, опоздалъ, пеняй самъ на себя. Аврелія открылась въ любви Вараду. Данило входитъ съ

объявленіемъ, что дю-Бюссьеръ прислалъ письмо, и¹ что вслѣдъ за нимъ самъ ѣдетъ. Аврелія рѣшается бѣжать съ Варадомъ. Не спасти бы и Данила своей хозяйки, если бы она не узнала, что Варадъ обманщикъ, что въ то время, когда клялся ей въ любви, онъ обещалъ жениться на ея горничной, которую успѣлъ прежде завлечь въ свои сѣти. Варадъ уходитъ, а Аврелія идетъ навстрѣчу къ мужу и, вѣроятно, живетъ съ нимъ согласно донынѣ, по - прежнему, то есть до перваго Варада.

Прикащикъ Данило не прикащикъ, а сокровище для многихъ людей неопытеннѣе.

Комедія имѣла успѣхъ весьма небольшой. Она въ двухъ актахъ. Но чтобъ дожидаться двухъ, трехъ сценъ эффектно-комическихкихъ, надобно высидѣть полтора часа вялыхъ, утомительныхъ діалоговъ. Переводъ Комедіи хорошъ. Въ ней играла служанку молодая артистка, Г-жа Волкова, и сыграла ее съ большимъ стараніемъ и отчетливостью. Говорить о Г. и Г-жѣ Каратыгиныхъ (Данило и Аврелія) не считаемъ необходимымъ. По окончаніи пьесы они были вызваны на сцену.

М. Я.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ЛУНА, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. Имѣтъ ли луна какое-нибудь ошутительное вліяніе на атмосферу нашей земли? — Такой вопросъ предложилъ себѣ Г. Араго въ послѣднемъ *Annuaire du Bureau de Longitudes*, и, сказавъ много противъ него и въ его пользу, оставилъ перыщеннымъ. Всѣ Ученые, по той причинѣ, что этого вліянія никакъ нельзя объяснить, отвергаютъ его возможность; всѣ неученые вѣрятъ и утверждаютъ, напротивъ, что дождь и хорошая погода большею частію записать отъ фазъ, или измѣненій луны, и въ сельскомъ хозяйствѣ это признано несомнѣнною истиной у всѣхъ народовъ и вѣковъ. Неужели люди, съ начала Исторіи по сіе время, ошибались на счетъ событія, которое, кажется, такъ легко повѣрить наблюденіемъ?.... Нынѣшніе физики отвѣчаютъ единогласно, что люди ошибались, тогда, какъ въ прошломъ столѣтіи многіе естествоиспытатели довольно соглашались съ мнѣніемъ людей, и даже приписывали лунѣ участіе въ разныхъ обстоятельствахъ нашей жизни. Тоальдо въ Падувѣ и Г. Пильграмъ въ Вѣнѣ принадлежатъ къ числу послѣднихъ; но ихъ выводы, основанные впрочемъ на долговременныхъ наблюденіяхъ, подвержены сомнѣнію по причинѣ извѣстнаго пристрастія ихъ къ лунѣ. Разысканія Тюбингенскаго профессора Шублера болѣе заслуживаютъ довѣрія: по несчастію, рядъ представленныхъ имъ наблюденій относится не къ одному опредѣленному мѣсту, но къ разнымъ городамъ, въ которыхъ онъ проживалъ, и климатъ этихъ городовъ не одинаковъ. За всѣмъ тѣмъ, результатъ его исчисленій, объемлющій періодъ двадцати восьми лѣтъ, проведенныхъ поочередно въ Мюнхенѣ, Стутгартѣ и Аугсбургѣ, представляетъ достойную вниманія выкладку: въ теченіе этого времени —

дождь шелъ въ день полнолуія.....	162	разъ.
въ день первой четверти.....	156.	
въ день новолуія.....	148.	
въ день последней четверти..	130.	

Разсужденіе Г. Араго побудило Женевскаго физика, Г. Марсета, рассмотреть съ этой точки весьма исправныя метеорологическія записки, веденныя въ его городѣ съ 1 Января 1850 по 31 Декабря 1853 года, и вотъ результатъ, который представили онѣ ему за цѣлые тридцать четыре года въ одномъ постоянномъ пунктѣ земной поверхности:

дождь шелъ въ день полнолуія	132	разъ.
въ день последней четверти..	128.	
въ день новолуія	123.	
въ день первой четверти.....	122.	

Уменьшеніе числа дождливыхъ дней, поэтому, неслѣдуетъ естественному порядку лунныхъ фазъ, какъ и у профессора Шублера, но въ то же время не вполне согласуется и съ порядкомъ, который опредѣлилъ онъ въ своихъ таблицахъ. Въ одномъ только его выводы согласны съ Марсетовыми, — что чаще всего дождь идетъ въ полнолуіе.

Примѣчательно однако жъ, что количество воды, испавшей въ фазные дни, въ постепенномъ своемъ уменьшеніи слѣдуетъ природному порядку фазъ:

воды упало въ день новолуія.....	43	линій
первой четверти.	42.	
полнолуія	41.	
последней четверти	36.	

Такъ, хотя день последней четверти, въ отношеніи къ числу дождливыхъ случаевъ, занимаетъ у Г. Марсета первое мѣсто по дню полнолуія, а у Г. Шублера последнее и показанъ у него днемъ самымъ сухимъ въ лунномъ періодѣ; однако изысканія обоихъ физиковъ равномерно обнаруживаютъ, что, какая бы ни была разность въ количествѣ дождливыхъ случаевъ, смотря по свойству мѣстностей, всегда въ этотъ день ниспадаетъ наименѣе воды.

Не всякой однако жъ фазный день бываетъ дурная погода: только сравненіе числа дождливыхъ дней съ бездожд-

ными может решить, въ какой степени лунныя измѣненія сопряжены съ нею. Въ тридцати четырехъ годахъ 12,419 дней; въ этомъ періодѣ времени дождь шелъ 3,657 дней: слѣдственно во 100 дняхъ круглыхъ числомъ было 29 дождливыхъ и 71 бездождныхъ. Взглянемъ теперь на фазныя дни.

На 100 дней новолунія приходится дождливыхъ дней тоже 29, — и нѣтъ ни какой разницы съ прочими днями мѣсяца. Воды въ нихъ упало 103 линій.

На 100 дней первой четверти дождливыхъ дней 29, — опять ни какой разницы. Воды упало 102 линій.

На 100 дней послѣдней четверти дождливыхъ дней бываетъ 30 $\frac{1}{2}$, хотя количество выпадающей въ нихъ воды гораздо меньше предыдущихъ, именно, 88 линій.

На 100 дней полнолунія дождливыхъ дней оказалось 31 $\frac{1}{2}$, и воды упало 99 линій, — то есть, гораздо болѣе послѣдней четверти, но меньше первой и меньше чѣмъ въ новолуніе.

Но должно ли уже заключить изъ этого, что два послѣдніе фазныя дни точно имѣютъ вліяніе на перемѣну погоды? Дождь можетъ идти въ день полнолунія, отнюдь не измѣняя общаго ея свойства. Чтобы назвать перемѣною, надо, чтобы хорошая погода простояла нѣсколько дней до полнолунія, и чтобы со времени полной луны дождь шелъ столько же, если не долѣе Г. Марсетъ подвергъ для этого Женевскія метеорологическія записки новому вычисленію. Если бѣ перемѣны погоды были равнымъ образомъ раздѣлены между всѣми днями года, то въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ на одинъ какой-нибудь день въ недѣлю причиталось бы по 48 перемѣнъ. Между-тѣмъ мы находимъ, что, изъ 1458 рѣшительныхъ перемѣнъ погоды, въ полнолуніе случилось ихъ 61, а въ новолуніе 54. Опъ еще чаще происходили въ слѣдующія за этими фазами сутки, — именно, на другой день полнолунія было ихъ 69, на другой день новолунія 61. Въ четвертные дни число ихъ не превышало 48, и слѣдовательно эти дни не имѣютъ ни какого преимущества передъ прочими днями года.

Достойно примѣчаніи, что изъ трехъ такихъ перемѣнъ всегда двѣ измѣняли время изъ дождя въ хорошую погоду, а только одна приносила дождь.

Опираясь на это вычисленіе, нельзя не признать двумя главными фазамъ нашего спутника, полной и новой луны. нѣкотораго вліянія на земную атмосферу, и въ особенности на перемѣны въ воздухѣ. Предположивъ, что повсемѣстное его дѣйствіе не много различествуется съ тѣмъ, какое подтверждается Женевскими метеорологическими книгами за тридцать четыре года сряду, не трудно даже опредѣлить числами ихъ вѣроятность. Вообще передъ всякою фазою можете вы держать пари 1 р. $11\frac{3}{4}$ коп. противъ 1 рубль. что погода перемѣнится; въ томъ, что перемѣна произойдетъ въ полнолуніе или въ новолуніе, противъ 1 рубль ставьте смѣло 1 р. $12\frac{1}{2}$ коп., а вразсужденіи слѣдующихъ за этими двумя фазами сутокъ рискуйте даже рубль и $15\frac{1}{2}$ копѣекъ: въ тридцать четыре года ничего не проиграете, а выиграть можете $39\frac{3}{4}$ копѣекъ. Это почти гривенникъ!

Какъ ни слабо участіе луны въ событіяхъ нашей атмосферы, за всѣмъ тѣмъ оно неоспоримо. И когда сообразимъ, сколько всякая перемѣна въ воздухѣ производитъ на землѣ простудъ, насморковъ и разстройствъ желудка, какъ мѣшаетъ нашимъ расчетамъ и надеждамъ, какое число удовольствій и наслажденій, не считая пріятныхъ прогулокъ и условленныхъ свиданій въ рощахъ и садахъ, уничтожается на землѣ однимъ неожиданнымъ дождемъ, какъ наконецъ часто дурная погода причиняетъ дурное расположеніе духа, капризы, ссоры, недоразумѣнія, — нельзя не согласиться съ Тоальдомъ, что луна все-таки имѣетъ большое вліяніе на счастье и несчастье людей. Положимъ, что въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ только десять дождливыхъ дней были прямымъ слѣдствіемъ полнолунія, что на всей землѣ произошло отъ этого десять капризовъ, что отъ всякаго каприза вышло по одной супружеской ссорѣ: эти десять домашнихъ бѣдствій очевидно зависѣли отъ устройства нашей солнечной системы. Астрологія не все-тѣмъ пустая Наука!

Однако жъ Природа устроила все такъ мудро, что одно другимъ вознаграждается, — и иногда съ избыткомъ: полнолунія и новолунія, какъ мы видимъ, гораздо чаще измѣняютъ воздухъ изъ дождя въ хорошую погоду, нежели обратно. За одинъ день непріятностей, порождаемыхъ дожд-

ливнымъ временемъ, луна даритъ насъ дважды счастьемъ и удовольствіемъ, проистекающими изъ чистаго, безоблачнаго, сухаго неба. Да здравствуетъ луна! Безъ нея благополучіе чловѣка уменьшилось бы весьма ощутительнымъ образомъ.

НАБЛЮДЕНІЕ ВЪ ЖЕЛУДКѢ ОДНОГО АМЕРИКАНЦА.

Г. Бьюмонту, штабъ-доктору при арміи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, представился странный случай изслѣдовать, какимъ образомъ желудокъ совершаетъ свои дѣйствія, объяснить многія физиологическія обстоятельства этого важнаго въ частной и политической жизни органа, и опредѣлить извѣстные правила пищеваренія: онъ описалъ свои наблюденія въ сочиненіи, изданномъ въ началѣ сего года въ Бостонѣ, подъ заглавіемъ — *Experiments and Observations on the gastric juice and the physiology of digestion, by William Beaumont, M. D., Boston, 1854.* Случай былъ слѣдующій.

Алексѣй Сенъ-Мартенъ, молодой чловѣкъ, изъ Канады, въ службѣ Американской Мѣховой Компаніи, неосторожно былъ раненъ 6 Іюня 18²² года ружейнымъ выстрѣломъ. Зарядъ, состоявшій изъ пороха и утиной дроби, вошелъ въ лѣвый бокъ Мартена, находившагося на разстояніи полутора аршина отъ дула: онъ проникъ въ него сзади по косвенному направленію, какъ снаружи, такъ и внутри; вырвалъ кожу съ мышцами величиною въ ладонь, раздробилъ и оторвалъ переднюю половину шестаго ребра, перешибъ пятое ребро, разорвалъ нижнюю часть легкихъ и грудобрюшную преграду, и насквозь прошибъ желудокъ.

Весь зарядъ, куски платья и отдѣлвшіяся отъ раздробленныхъ ребръ части, вошли въ мышцы и въ грудную полость.

«Я пришелъ къ раненому, говоритъ Докторъ Бьюмонтъ, не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ этого приключенія, и, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что часть легкаго, величиною въ лицо индѣйки, разорванная и обожженная, высунулась изъ наружной раны; непосредственно подъ этою частию выдавался другой кусокъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи, я удостовѣрился, что это была часть желудка, разорваннаго

со всѣхъ сторонъ и извергавшаго черезъ отверстіе, въ которое могъ пройти указательный палецъ, пищу, принятую за завтракомъ.

Отверстіе скоро расширилось черезъ нагноеніе окружающихъ частей, и въ продолженіе семнадцати дней все, что ни входило въ желудокъ, выходило опять сквозь его рану. По прошествіи этого времени были приложены компрессы и бандажи, которые попрепятствовали пище выходить, но невзирая на это, до Января 1823 года продолжали образоваться нарывы, и съ ними выходили частицы костей, хряща, одежды и ваты. Въ Апрѣлѣ больной былъ уже въ состояніи ходить, а въ Іюнь, 1823, ровно черезъ годъ послѣ происшествія, поврежденныя части совершенно зажили и покрылись кожей, за исключеніемъ отверстія въ желудкѣ и въ боку, которое оставалось почти въ томъ же видѣ, въ какомъ находилось шесть недѣль по нанесеніи раны. Оно имѣло до двухъ съ половиною вершковъ въ окружности; пища и питье продолжали выходить въ него, если не были удержаны компресомъ и бандажами.

«Но, противъ этого зла, сама Природа принскала средство. Въ теченіе слѣдующей зимы изъ желудка показалась небольшая желудочная плева, и, подаваясь мало-по-малу впередъ, наконецъ совершенно наполнила отверстіе, такъ, что для удержанія заключавшагося въ желудкѣ не было уже надобности ни въ компресъ, ни въ бандажъ. Образовавшаяся такимъ образомъ преграда приспособилась сама собою къ отверстию, и пресѣкла находившимся въ желудкѣ предметамъ путь выходить наружу; но ее легко можно было отодвигать, прижимая пальцемъ.»

Странное зрѣлище представлялъ человекъ совершенно здоровый, и имѣющій въ желудкѣ маленькую опускающую дверь, черезъ которую Г. Бьюмонтъ могъ удобно наблюдать все происходившее внутри, и извлекать по произволу и по частямъ то, что было пропущено въ тѣло сквозь горло. Какъ упустить такой случай, не сдѣлавъ какихъ-нибудь опытовъ? Докторъ Бьюмонтъ нанялъ желудокъ у бѣднаго Мартена въ услуженіе своему любопытству за приличную плату, и для перваго опыта пропустилъ въ него сквозь отверстіе слѣдующія вещества, укрѣпленные на шелковомъ шнуркѣ

и расположенныя такимъ образомъ, что они могли проходить, не причиняя боли: кусокъ хорошо приготовленной говядины, *boeuf à la mode*; кусокъ сырой, соленой, жирной свинины; кусокъ сыраго, соленого мяса, вовсе безъ жира; кусокъ варенаго, соленого мяса; кусокъ черстваго хлѣба, и наконецъ связочку сырой шинкованной капусты. То былъ первый обѣдъ Мартена у Г. Бьюмонта; и должно признаться, что докторъ угостилъ его презабавно, минуя законную инстанцію горла и обратясь прямо къ желудку съ нанизанными на шелковый снурокъ блюдами. Каждый изъ этихъ кусковъ вѣсилъ около двухъ драхмъ: во время пребыванія ихъ въ желудкѣ молодой человекъ продолжалъ заниматься своими дѣлами.

По прошествіи одного часа, Г. Бьюмонтъ вытащилъ изъ него шелковинку съ привязанными на ней кусками разнородной пищи, и нашелъ, что сырая капуста и хлѣбъ вполнѣ сварились, но ломтики мяса ни мало не измѣнились. Онъ опустилъ ихъ обратно въ желудокъ Мартена, какъ въ свой собственный горшокъ. Черезъ два часа капуста, хлѣбъ, свинина и вареное мясо совершенно сварились и отпали отъ снурка; но говядина, приготовленная въ видѣ *boeuf à la mode*, даже черезъ три часа, только отчасти переварилась, а сырая говядина едва тронулась. Тогда желудочные соки сдѣлались ѣдки, и Мартенъ сталъ жаловаться на боль и тяжесть въ желудкѣ: докторъ Бьюмонтъ, помышлявшій только о своихъ опытахъ, забывъ, что онъ производитъ ихъ надъ живымъ, раздражительнымъ человѣческимъ органомъ. Отяготивъ его разнородными вареными и сырыми веществами, онъ нарушилъ правильный ходъ пищеваренія. Но Науки должны благодарить доктора Бьюмонта и за эту ошибку: она поставила его въ возможность рассмотреть положеніе желудка въ разстроенномъ его состояніи, и изъ многократныхъ наблюденій вывести слѣдующее заключеніе:

«Во всѣхъ подобныхъ этому случаяхъ ворсоватая перепонка желудка бываетъ красна и раздражена; отдѣленіе гастрическаго сока почти вовсе прекращается; слизистая перепонка становится суха, лупится или покрывается афтичестными пятнами, не то множествомъ бѣлыхъ возвышеній или прыщиковъ, похожихъ на засохшую лимфу. Меди-

камъ весьма важно знать, что желудокъ можетъ быть легко приведенъ въ такое положеніе и легко выведенъ изъ него: оно узнается по обыкновеннымъ признакамъ, какъ-то, по сухости и нечистотѣ языка, по нѣкоторой тошнотѣ, головной боли или головокруженію, по сухости кожи, упадку пульса, и прочая. Но эти опускающіяся дверцы принесли еще другую пользу: онѣ дали Г. Бьюмонту возможность не только произвести болѣзнь и рассмотреть ея состояніе, но и противодействовать ей спасительными средствами, положить въ желудокъ черезъ отверстіе шесть пилюль сладкой ртути, или каломеля, изъ которыхъ каждая содержала въ себѣ отъ четырехъ до пяти грановъ. Средство это, по прошествіи трехъ часовъ, обнаружило чисто катартическое, то есть, сильно слабительное дѣйствіе: всѣ прежніе наружные признаки исчезли, а вмѣстѣ съ ними и болѣзненное состояніе внутренней оболочки желудка. Дѣйствіе лекарства было совершенно то же, какое производитъ оно, когда принимается обыкновеннымъ путемъ, черезъ пищепріимное горло, съ тою только разницею, что при настоящемъ случаѣ не было тошноты, обыкновенно ощущаемой по принятіи сладкой ртути въ такомъ количествѣ горломъ.

Послѣ этого опыта, докторъ Бьюмонтъ началъ поступать съ своею жертвою съ большею осторожностію: онъ уже клалъ въ него сразу только по одному кусочку, стараясь, чтобъ кусочки, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ-можно болѣе сходились между собою своимъ состояніемъ, объемомъ, вѣсомъ, и т. д. Что важнѣе, онъ извлекъ изъ желудка такъ называемый гастрическій сокъ: погрузивъ въ этотъ сокъ кусочки мяса, онъ всунулъ въ то же время другіе такіе же кусочки въ желудокъ Мартену, и наблюдалъ дѣйствіе пищеварительной жидкости внѣ и внутри человека. Добытый изъ тѣла сокъ переварилъ ихъ въ стеклянномъ сосудѣ, согрѣтомъ до температуры 100° по Фаренгейту (50° по Реомюру), производя то же тихое, мѣрное движеніе, какъ и въ желудкѣ. Изъ этого вывелъ онъ заключеніе, что гастрическій сокъ дѣйствуетъ точно какъ химическое разлагающее вещество, и что первая степень пищеваренія есть не что иное какъ раствореніе. Въ этомъ выводѣ нѣтъ ничего новаго, но онъ самымъ положительнымъ образомъ под-

тверждаетъ то, что уже извѣстно было въ Медицинѣ изъ другихъ источниковъ.

Сень-Мартенъ жилъ у Г. Бюмонта съ 1825 года до начала нынѣшняго, былъ во все это время здоровъ, женился, имѣлъ дѣтей и постоянно занимался своимъ дѣломъ, дозволяя почтенному штабъ-доктору располагать своимъ желудкомъ, какъ собственнымъ карманомъ, и дѣлать наблюденія надъ всякимъ блюдомъ, переходившимъ въ него съ докторской кухни. Какъ наблюденіямъ этимъ подверглись всѣ обыкновенные предметы живности, то авторъ составилъ таблицу, показывающую время, въ которое каждый родъ пищи переваривается въ желудкѣ. Изъ этой таблицы извлечемъ мы нѣкоторыя любопытныя подробности о степени варимости различныхъ съестныхъ припасовъ

Хлѣбная пища. Отваренный рисъ достигъ первой степени переваренія въ часъ; саго въ часъ и сорокъ пять минутъ; тапиока, ячмень и т. п., въ два часа; свѣжій хлѣбъ въ три часа, черствый въ два часа; легкое пирожное, бисквиты въ два часа тридцать минутъ.

Овощи. Сырая капуста переварилась въ два часа съ половиной, вареная въ четыре часа: уксусъ много способствовалъ ея варенію; жареный картофель въ два часа съ половиной, вареный въ три часа съ половиной; вареная морковь въ три часа съ четвертью; вареная свекла въ три часа три четверти; вареная рѣпа въ три часа съ половиной; вареные бобы въ два часа съ половиной; вареной пустарнакъ въ два часа и тридцать одну минуту.

Фрукты. Кислые и твердые яблоки въ два часа пятьдесятъ минутъ, сладкія и спѣлыя въ полтора часа; спѣлые персики въ полтора часа.

Рыба и раковины. Форель вареная и жареная въ полтора часа; лаберданъ соленый и вареный въ два часа; свѣжія устрицы въ два часа пятьдесятъ пять минутъ, жаренныя въ три часа пятнадцать минутъ; лососина соленая и вареная въ четыре часа.

Домашнія птицы и дичь. Индѣйка жареная въ два часа тридцать минутъ, вареная въ два часа тридцать пять минутъ; гусь дикій жареный въ два часа съ половиной; фрикассе изъ цыплятъ въ два часа три четверти; домашнія птицы

варенныя или жареныя въ четыре часа; домашнія утки жареныя въ четыре часа, дикія жареныя въ четыре часа съ половиною.

Мясная пища. Маринованные рубцы и поросятчи ножки жареныя или вареныя достигали первой степени переваренія въ часъ; оленье мясо жареное ломтями въ часъ тридцать пять минутъ; жареный телачій или бараній ливеръ въ два часа; молочный поросенокъ въ два часа съ половиною; баранина вареная въ три часа, жареная въ три часа пятнадцать минутъ; говядина свѣжая жареная въ три часа, жареная также, нѣсколько посоленная и вареная въ три часа съ половиною, старая, жесткая, соленая въ четыре часа съ четвертью; свинина, нарезанная ломтями, жареная въ три часа съ четвертью, послѣ уже посоленная и вареная въ четыре часа съ половиною, душенная въ три часа, жареная на вертелѣ въ пять часовъ съ четвертью; телятина жареная въ четыре часа, фрикассе изъ телятины въ четыре часа съ половиною.

Гастрономическая смѣсь. Сырыя яйца въ два часа, поджареныя въ два съ четвертью, вареныя всмятку въ три часа, вкрутую въ три часа съ половиною; трюфли въ три часа; блины въ два часа и сорокъ пять минутъ; молоко въ два часа; масло и сыръ въ три часа съ половиною; шпекъ въ четыре часа съ половиною; прованское масло нѣсколько долѣе; яблочный нуддингъ въ три часа, рыбій клей въ три часа и десять минутъ, а желе изъ телячьихъ пожекъ съ небольшимъ въ полчаса. Это самая легкая и здоровая пища.

Таковы главнѣйшіе факты, выведенные Г. Бьюмонтомъ изъ многочисленныхъ опытовъ. Они во многихъ отношеніяхъ подтверждаютъ таблицы, составленныя докторами Парисомъ, Праутомъ, Вильсономъ, Филиппомъ и другими, но въ нѣкоторыхъ весьма различествуютъ. Впрочемъ, всѣ этого рода наблюденія согласны въ томъ, что оленье мясо есть одинъ изъ самыхъ удобоваримыхъ предметовъ; что домашнія птицы легче перевариваются, нежели дикія, а вареная говядина легче, нежели приготовленная другимъ образомъ. Масляная пища въ особенности тяжела для желудка, и Г. Бьюмонтъ примѣтилъ, что только послѣ употребленія ма-

сла желчь входила въ желудокъ во время пищеваренія. Дальнѣйшіе опыты удостовѣрили, что масляная и жирная пища переваривается скорѣе, когда съ гастрическимъ сокомъ смѣшивается небольшое количество желчи. Следственно, отъ такой пищи должны, сколько возможно, воздерживаться люди, страдавшіе желчными болѣзнями.

Читая это сочиненіе, которое пламенно рекомендуемъ вниманію нашихъ врачей, подлинно не знаешь, чему болѣе удивляться, — прилежанію Г. Бьюмонта, наблюдавшаго такъ долго внутреннія дѣйствія не совсѣмъ благоуханнаго органа, или терпѣнію челоѣка, который девять лѣтъ сряду позволялъ ему пачкаться въ своемъ желудкѣ!.... Но случай этотъ предвѣщаетъ, что со-временемъ найдутся въ Европѣ спекулянты, которые за деньги станутъ продѣлывать себѣ окошки въ желудкѣ для фізіологическихъ наблюденій Медицинскихъ Академій, когда съ этими окошками можно быть столь здоровымъ, счастливымъ, и даже женатымъ.

СМЕРТНЫЕ ДОМЫ. Безчисленные примѣры возобновленія жизни послѣ прекращенія ея наружною смертію, примѣры утайки нѣкоторой части жизни уже охладѣвшими трупами, и возможность возвращенія ихъ къ живому быту, давно уже заставили Правительства предписать правиломъ, чтобы мертвецовъ хоронили не прежде, какъ спустя двое сутокъ послѣ кончины. Мѣра кроткая и благодѣтельная, — но недостигающая своей челоѣколюбивой цѣли. Оставленный опечаленнымъ семействомъ безъ надзора въ особой комнатѣ, или положенный въ гробъ въ церкви, трупъ можетъ обнаружить легкій признакъ жизни, котораго никто не замѣтитъ и не увидитъ, и эта жизнь вслѣдъ за тѣмъ погаснетъ въ немъ навѣки. Почтенный Докторъ Гуфеландъ всегда съ жаромъ возставалъ противъ небрежности, съ которою обыкновенно обходятся съ мертвыми, и по его настоянію построенъ въ 1791 году въ Веймарѣ первый въ Германіи Смертный Домъ. Веймаръ былъ тогда, какъ и нынѣ, средоточіемъ Наукъ и Искусствъ, и Великій Герцогъ Карлъ съ неутомимымъ рвеніемъ покровительствовалъ всему полезному для челоѣчества. Жаль, что похвальные учрежденія не быстѣе распространяются. Мы не излишнимъ счи-

таемъ описать внутреннее расположеніе этого дома. Ничего не можетъ быть простѣе: большая теплая зала, въ которую кладутъ трупы, а подлѣ комната для сторожа, съ большою стеклянною дверью, чтобы онъ могъ безпрестанно видѣть мертвецовъ, наконецъ лабораторія и баня, — вотъ все, что составляетъ Смертный Домъ. Чтобы увѣриться въ томъ, что въ тѣлахъ, положенныхъ въ залѣ, не осталось ни сколько жизни, сторожамъ роздано наставленіе о признакахъ, по которымъ можно открыть мнимо-умершаго; а чтобы сторожа были внимательнѣе и старательнѣе, назначаются награды тому изъ нихъ, кто первый замѣтитъ признаки жизни въ положенномъ тѣлѣ. Сверхъ того, сдѣланы всѣ самыя мельчайшія распоряженія, чтобы обмершій не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, котораго бы тотчасъ не замѣтили. Ноги и руки приводятся въ сообщеніе съ нитками, которыя при легчайшемъ движеніи дергаютъ колокольчикъ. Тѣла переносятся въ эту залу обыкновенно черезъ двѣнадцать часовъ послѣ смерти; ихъ кладутъ на соломенные тюфяки, покрываютъ холстомъ, на пальцы надеваютъ имъ наперстки съ нитками, соединяющимися падъ рукою и идущими къ колокольчику, устроенному такъ, что если малѣйше зашевелится хотя одинъ палецъ, вдругъ поднимается ужаснѣйшій звонъ. Врачъ, состоящій при Смертномъ Домѣ, осматриваетъ всѣ тѣла. Замѣтивъ въ одномъ изъ нихъ признаки гніенія, онъ тотчасъ свидѣтельствуетъ это въ книгѣ, нарочно для того назначенной, и только тогда родственники получаютъ позволеніе похоронить умершаго. Если напротивъ, въ тѣлѣ будутъ открыты признаки жизни, его тотчасъ переносятъ въ особую комнату, и тамъ употребляютъ всевозможныя средства, чтобы раздуть въ немъ слабую искру существованія.

Веймарскій Смертный Домъ назначенъ не для однихъ только бѣдныхъ людей. Чтобы истребить отвращеніе отъ этого дома, при самомъ устройствѣ его въ Веймарѣ составилось подъ предсѣдательствомъ Гуфланда Общество, члены котораго согласились завѣщать, чтобы тѣла ихъ, послѣ смерти, непременно были туда перенесены. Народъ, видя, что первѣйшія въ городѣ фамиліи не гнушаются этимъ

домомъ, послѣдовали ихъ примѣру, и теперь обычай уже укоренился.

Подобныя заведенія вскорѣ устроены были въ Берлинѣ и Майнцѣ; за ними послѣдовали Вирцбургъ, Бамбергъ и Аугсбургъ, и нынѣ Смертные Дома есть почти во всехъ Германскихъ городахъ. Новѣйшій, по случаю котораго мы рѣшились сообщить извѣстіе объ этого рода заведеніяхъ, построенъ въ Франкфуртѣ на - Майнѣ, и можетъ служить образцомъ: это пространная ротонда, освѣщенная стекляннѣмъ куполомъ съ подвижными рамами, и раздѣленная на множество каморокъ въ три фута шириною и шесть футовъ длиною: въ нихъ кладутся трупы. Зимой эта зала нагревается калориферомъ, и ночью освѣщается газомъ. Въ центрѣ ротонды находится комната сторожа, который отсюда наблюдаетъ за всеми трупами, вокругъ него лежащими. Здѣсь, какъ и въ Веймарѣ, устроены замысловатые приборы, возвышающіе о малѣйшихъ признакахъ жизни, и подлѣ ротонды находятся баня и комната, со всеми пособіями, нужными для приведенія въ чувства челоуѣка, въ которомъ осталась хотя малѣйшая частица жизни.

СЕКТА НАКАТЩИКОВЪ. Въ началѣ нынѣшняго года вышло въ Лондонѣ путешествіе неутомимаго странника, Г. Тудора, по Сѣверной Америкѣ, подъ заглавіемъ — *Narrative of a tour in North America, etc.*, заключающее въ себѣ множество любопытныхъ наблюденій надъ Соединенными Штатами, Мексикою, Канадою, и островомъ Кубою. Г. Тудоръ первый изъ Европейскихъ путешественниковъ собралъ подлинныя и подробныя свѣдѣнія о дивной сектѣ «Накатщиковъ», *Shakers*, и мы спѣшимъ удѣлить читателямъ описаніе ихъ обычаевъ и мнѣній, какъ достопримѣчательный образецъ совращенія ума челоуѣческаго у людей, просвѣщенныхъ истинной Вѣрою. — «По пріѣздѣ въ Нью-Либанонъ, или Ново-Ливанскіе Ключи, говоритъ онъ, я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, самаго любопытнаго изъ всехъ видѣнныхъ мною во время странствованій по разнымъ частямъ свѣта. То было общество такъ называемыхъ «Накатщиковъ», основавшее свое мѣстопробываніе за пять верстъ отъ Нью-Либанона. Я не замедлил воспользоваться первымъ случа-

емъ, чтобъ ознакомиться съ этою сектою: мое любопытство сильно подстрекалось тѣмъ, что мнѣ рассказывали о главномъ ея догматѣ, состоящемъ, «въ пляскахъ во славу и хваленіе Господа».

«Основательницею этой секты, безуміе которой возбуждаетъ въ Христіанскомъ сердцѣ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ гнѣвъ, была дѣвица, по имени Анна Ли, дочь Манчестерскаго кузнеца. Принужденная перенести множество гоненій въ домѣ родительскомъ за свои религіозныя мнѣнія, и слыша, по словамъ ея, призваніе небесное, повелѣвавшее ей отправиться въ Америку, она прибыла туда въ 1774 году, въ сопровожденіи восьми учениковъ, и поселилась въ Нью-Либанопъ. До 1787 года оставалась она въ совершенной тишинѣ и спокойствіи; но тутъ значительное приумноженіе послѣдователей ея ученія побудило ее учредить братское общество, подобное тѣмъ, которыя въ такомъ множествѣ безпрестанно возникаютъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и теперь число ея учениковъ простирается уже до шести тысячъ человѣкъ».

Одно изъ основныхъ и самыхъ странныхъ правилъ общества Анны Ли состоитъ въ мнѣніи, будто бракъ противенъ ученію и духу истиннаго Христіанства. Приверженцы ея утверждаютъ въ своихъ писаніяхъ, что воздержаніе отъ чувственныхъ наслажденій и строгая, дѣвственная жизнь, согласная съ духомъ Спасителя и съ совѣтомъ и жизнію Апостола Павла, составляютъ необходимое условіе спасенія. Поэтому возбраняется имъ вступать въ супружество, и это правило соблюдаютъ они въ такой строгости, что принятіе женатыхъ въ число членовъ общества сопряжено съ величайшими затрудненіями: мужъ и жена напередъ должны представить обязательства въ расторженіи своего сожительства навѣки.

Общность мнѣній существуетъ также въ этой сектѣ. Ничтожество всякаго, который въ нее вступаетъ, дѣлается собственностію цѣлаго общества, и если онъ вздумаетъ перемѣнить намѣреніе, то можетъ выйти изъ братства, но мнѣніе его должно остаться. Въ такихъ случаяхъ, встречающихся впрочемъ очель рѣдко, старшины имѣютъ обыкновеніе на-

значать отъ общества добровольное дальнѣе оставляющему ихъ брату.

Другое ихъ заблужденіе состоитъ въ вѣрованіи, будто бы второе пришествіе Христово совершилось въ лицѣ ихъ основательницы, и что это второе пришествіе подъ видомъ женщины было необходимо для спасенія женскаго пола, — потому что первое пришествіе имѣло силу только въ отношеніи къ мужчинамъ! Они приписываютъ исключительно себѣ наименованіе Тысящелѣтней Церкви, и утверждаютъ, что весь міръ, исключая ихъ, находится въ состояніи мрака и невѣдѣнія. Прародительскій грѣхъ заключался, по мнѣнію этихъ раскольниковъ, не во вкушеніи плода запрещеннаго, но въ нарушеніи цѣломудрія, почитаемаго у нихъ за первую добродѣтель въ жизни человека.

Таинства Крещенія и Евхаристіи вовсе неизвѣстны Накатщикамъ. Но, что всего непонятнѣе, они говорятъ, что воскресеніе мертвыхъ давно уже наступило, и что Богъ уже началъ судъ свой надъ народами, такъ давно совратившимися съ пути правды и добродѣтели. Внѣшняя форма и обряды богослуженія состоятъ особенно въ пляскѣ, которая, по мнѣнію ихъ, есть самое благочестивое упражненіе. Впрочемъ они утверждаютъ, что пляска эта не есть произвольное дѣйствіе, но что они повинуются внушеніямъ духа, который слодитъ на нихъ и ими движетъ. Свѣтъ небесной истины и дѣйствіе Божественной силы, говорятъ они, умножались между ними до того времени, какъ, по повелѣнію свыше, должны они были начать поклоняться ему *въ пляскахъ*, тогда, какъ прежде выражали набожность свою простымъ накатываніемъ тѣла.

Это священнодѣйствіе основываютъ они на нѣкоторыхъ изреченіяхъ Вѣтхаго Завѣта: въ особенности изъ того, что Давидъ скакалъ и игралъ съ Израилемъ передъ Кивотомъ Завѣта, заключаютъ, что подобный образъ поклоненія есть самый благоудобный Всевышнему. Они твердо убѣждены, что человекъ одаренъ способностію пѣнія и пляски единственно для прославленія имъ величія и могущества Бога, и что поэтому ни въ какомъ другомъ мѣстѣ онъ не долженъ пѣть, ни плясать, кромѣ какъ въ церкви. «Какой другой обрядъ,» говорятъ они съ жаромъ, свидѣтельствую-

щемъ если не объ ихъ умѣ, по крайней мѣрѣ объ ихъ чистосердечномъ убѣжденіи, «какой другой обрядъ со стороны человѣка достойнѣе вѣчнаго Существа? Во всѣхъ прочи въ образахъ почтенія Бога участвуютъ только умъ и уста, а въ пляскѣ дѣйствуютъ и хвалятъ Его вся душа и все тѣло.»

Ознакомившись съ духовными сочиненіями этихъ несчастныхъ сумасбродовъ, Г. Тудоръ нетерпѣливо желалъ увидѣть ихъ служеніе, и въ одно воскресенье отправился въ ихъ церковь. Онъ прибылъ туда въ то самое время, какъ члены общества собирались на молитву. Мужчины, одѣтые подобно Квакерамъ, шли первые по два въ рядъ; за ними слѣдовали женщины въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ закрытомъ чепцѣ, въ башмакахъ съ высокими каблуками, и съ бѣлымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ. Войдя въ церковь двумя различными дверьми, мужчины и женщины сѣли на скамьи, стоявшія вдоль стѣнъ, другъ противъ друга. Церковь была обширна, и хотя безъ всякихъ украшеній, отличалась однако жъ чистотою и опрятностію: полъ такъ бѣлъ, что по словамъ Г. Тудора, онъ сталъ бы на немъ обѣдать съ такимъ же удовольствіемъ, какъ на Дрезденскомъ фарфорѣ. Зрѣлище, когда всѣ присутствующіе сѣли по мѣстамъ, поразило его непріятнымъ образомъ: въ особенности женщины, всѣ чрезвычайно блѣдныя и въ бѣлыхъ однообразныхъ одеждахъ, придавали собранію видъ погребальный, котораго никто не снесъ бы равнодушно. Г. Тудору казалось, будто онъ видитъ предъ собою страшный судъ и толпу отшедшихъ тѣней, встающихъ изъ гробовъ. Но пусть самъ сочинитель расскажетъ свои впечатлѣнія.

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ смертельнаго молчанія, одинъ изъ старшихъ тихо всталъ, чтобы произнести рѣчь, и все собраніе поднялось съ мѣста. Наставленіе его, заключавшее въ себѣ нѣкоторыя нравственныя правила, продолжалось не болѣе пяти минутъ. За нимъ пропѣто было присутствовавшими нѣчто въ родѣ гимна, голосомъ вовсе непохожимъ на псалмонѣніе: въ продолженіе пѣнія, они безпрестанно подымали то ту, то другую ногу, какъ бы выдѣлывая танцевальныя пѣ, но оставаясь на одномъ мѣстѣ. Это сопровождалось столь страннымъ накатываніемъ всего тѣла

со стороны на сторону, и съ такою притомъ важною и степенностью, что невозможно было, даже и при самомъ невеселомъ расположеніи духа, воздержаться отъ смѣху. Послѣ второй краткой рѣчи, произнесенной съ примѣтною холодностію, они пропѣли еще одинъ гимнъ, съ точно такими же движеніями ногъ и всего тѣла, какъ и первый. Потомъ всѣ сѣли по мѣстамъ, и послѣ двухъ или трехъ минутнаго молчанія, одинъ изъ старшинъ воскликнулъ: «Станемъ трудиться!» Всѣ тотчасъ вскочили, и тутъ началась операція, требующая подробнѣйшаго описанія. Во-первыхъ, скамейки, на которыхъ мужчины сидѣли особо отъ женщинъ, были придвинуты къ стѣнамъ, какъ-можно одна къ другой плотнѣе, чтобъ пріобрѣсти болѣе простора. Затѣмъ мужчины подошли къ ряду вѣшалокъ для платья, вбитыхъ вдоль ближайшей къ нимъ стѣны, и, къ величайшему моему удивленію, могу сказать къ ужасу, прехладнокровно начали снимать съ себя платья, представая передъ почтенное собраніе въ однихъ рубашкахъ. Это меня такъ поразило, что я вообразилъ сначала, будто эти безумцы издѣваются надъ собственною своею религіею. Я обратился къ женщинамъ, и ожидалъ, что и онѣ, для симметріи, скинуть съ себя по крайней мѣрѣ юбки, но, къ счастью, примѣръ мужчинъ остался безъ подражанія. Тутъ я узналъ, что все это было не что иное, какъ приготовленія къ танцамъ, и что эти господа разоблачались только для того, чтобъ имъ было легче, въ тогдашнюю жаркую пору, продѣлывать всѣ свои штуки.»

Мужчины и женщины, выступивъ на прежнія мѣста по срединѣ залы и расположась параллельными шеренгами другъ противъ друга, начали топать ногами, а руками двигать точно такъ, какъ собаки, когда онѣ плаваютъ.

«Въ этомъ странномъ положеніи, они то подходили, то отступали отъ стѣны; потомъ оборачивались, и повторяли то же дѣйствіе по противоположному направленію, дѣлая руками и ногами самыя странныя движенія и сопровождая, все это несноснѣйшимъ, гнусливымъ принѣвомъ, — для того, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, чтобъ не потерять такты. Пошевелившись такимъ образомъ нѣкоторое время, они вдругъ составили два круга, женщины внутри, а мужчины

извнѣ, и начали прыгать, вертѣсь около комнаты. Потомъ фигура измѣнилась, и женскій кругъ занялъ мѣсто мужскаго, а мужской женскаго. Тутъ каждый мужчина подавъ руку одной изъ женщинъ, и такимъ образомъ изъ двухъ отдѣльныхъ круговъ составилъ одинъ общій. Вслѣдъ за тѣмъ мужчины сдѣлали искусный поворотъ направо кругомъ, и, разойдясь въ разныя стороны съ женщинами, сошлись съ ними въ противоположномъ концѣ комнаты. Продолжалъ такимъ образомъ вертѣться, расходиться и сходиться, они дѣлали всевозможныя движенія руками, ногами, головами и всѣмъ тѣломъ, прибивая то жужжащими, то пронзительными голосами, и все громче и громче по мѣрѣ того, какъ пляска становилась живѣе. Отъ времени до времени они приостанавливались на минуту, кланялись другъ другу, и, пропѣвъ одинъ или два стиха, возобновляли свои безтолковые обряды.

«Когда скамьи были поставлены на прежнія мѣста, собраніе вновь расположилось на нихъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вначалѣ. Вдругъ, нѣкоторые изъ постороннихъ зрителей, не въ силахъ будучи владѣть собою, — что, дѣйствительно, при всевозможномъ стараніи, было трудно, — громко засмѣялись. Одинъ изъ старшинъ общества подошелъ къ нимъ, и началъ строго выговаривать, какъ неприлично съ ихъ стороны приходить безъ приглашенія въ собраніе Христіанъ и оскорблять его своими разговорами и смѣхомъ. Потомъ, безъ всякой связи и опредѣлительности, сталъ онъ говорить о главныхъ догматахъ своей секты; упомянулъ о Христѣ, какъ о главѣ ихъ Церкви; утверждалъ, что одна она истинная, а прочія всѣ ложныя; что другіе Христіанскіе исповѣданія не исполняютъ того, чему учатъ; что ихъ, Накатшиковъ, ученіе то и дѣло подвергается отъ насъ, нехристей, злохуленію и клеветѣ, и т. д. Потомъ, они опять начали пѣть и плясать. Построясь, какъ и прежде, въ двѣ противоположныя линіи, и не трогаясь съ мѣста, они топали ногами и вертели руками. Въ заключеніе всѣхъ этихъ цѣлѣвыхъ дѣйствій и обрядовъ, они царапали себя и кланялись другъ другу; послѣ чего, мужчины надѣли скинутыя съ себя платья, и собраніе разошлось

по домамъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ и пришло на молитву.»

Служеніе это продолжалось около двухъ часовъ, и Г. Тудоръ не могъ не подивиться, съ какою легкостію и свободою даже дряхлыя старухи выполняли утомительные и скверные его обряды. Хотя, по словамъ нашего путешественника, хитрость и лицемерство ясно изображались въ глазахъ нѣкоторыхъ сектаторовъ, но вообще честность Накатщиковъ, надо отдать справедливость, признана въ томъ краю всѣми. Въ торговлѣ пользуются они особеннымъ довѣріемъ, и всѣ ихъ произведенія одерживаютъ явное предпочтеніе при продажѣ. Семена воздѣлываемыхъ ими растений славятся во всѣхъ Штатахъ, а поля, пашни и сады ихъ находятся всегда въ состояніи, свидѣтельствующемъ объ ихъ неуспянной дѣятельности, искусствѣ и познаніяхъ.

Вообще, Соединенные Штаты Северной Америки обитваемая земля пророковъ-самозванцевъ. Трудно представить себѣ въ полной мѣрѣ множество рождающихся тамъ сектъ, паглотъ ихъ основателей и подоумые тѣхъ, которые прилѣпляются къ ихъ ученіямъ. Г. Тудоръ посѣтилъ, между прочимъ, на берегу озера Каюга, мызу известной пророчицы Іемины Вилькинсонъ: та уже не ограничилась простымъ проповѣдываніемъ, но объявила, что будетъ творить чудеса, — и ни болѣе ни менѣе, какъ ходитъ по поверхности водъ при глазахъ всѣхъ своихъ послѣдователей. Довольно примѣчательно, что, несмотря на эту склонность къ мистицизму, франкмасонство каждый день теряетъ тамъ прежнюю свою силу. Духъ раздора возникъ между его приверженцами, и происшедшія въ народѣ двѣ партіи, франкмассоновъ и массоновъ будутъ существовать долго. Еще въ недавнемъ времени франкмассоны господствовали въ этой части свѣта, и важнѣйшія особы не чуждались вступать въ ихъ ложи. Но нѣкоторые скрытныя дѣйствія общества, бывшія въ связи съ однимъ тайнымъ убійствомъ, возбудили сильный противъ него ропотъ. Составились многочисленные товарищества, подъ названіемъ массоновъ, которыхъ цѣль — противудѣйствовать франкмассонскому союзу, громко обвиняемому здравомыслящею частію публики

въ намѣреніи истребить правила, ниспровергнуть Религію, правительства и общественный порядокъ.

Приведемъ еще два любопытныя наблюденія, сдѣланныя на этомъ полушаріи тѣмъ же путешественникомъ.

ОСТРОВЪ КУБА. Изъ Соединенныхъ Штатовъ Г. Тудоръ отправился въ Кубу, и пробылъ тамъ довольно долго. Порядокъ, по словамъ его, находится тамъ въ самомъ жалкомъ состояніи; число полицейскихъ стѣсненій можетъ сравниться только съ числомъ явныхъ и вопіющихъ злоупотребленій всякаго рода. Каждый пріѣзжій обязанъ доставить за себя поруку, одного изъ жителей острова, въ добропорядочности своего поведенія. Разбои и смертоубійства случаются безпрестанно. Самое судопроизводство поощряетъ преступленія, и можетъ-быть не всякой повѣрить, что преступника и свидѣтеля сажаютъ въ одну и ту же тюрьму, и что тотъ и другой остаются въ ней до дня рѣшенія приговора, какъ бы въ равной степени виновные! Цирюльникъ, брившій Г. Тудора, откровенно признавался ему, что, если бъ на порогъ дома увидѣлъ его подъ ножомъ разбойниковъ, онъ не только не поспѣшилъ бы къ нему на помощь, но еще захопнулъ бы двери, чтобъ не видѣть дѣла и не быть посаженнымъ въ тюрьму какъ свидѣтель.

Другое ужасное зло состоитъ въ томъ, что каждое законное дѣйствіе влечетъ за собою неимоверныя издержки: напримѣръ, возвращеніе покражи обходится владѣльцу такъ дорого, что онъ принужденъ бывать вовсе отказываться отъ похищенной у него собственности, чтобъ только не платить издержекъ, требуемыхъ по положенію за поискъ, почти всегда безуспѣшный. Судопроизводство гражданское ничѣмъ не лучше уголовного: тяжѣбное дѣло влечетъ обыкновенно за собою совершенное разореніе истца и его семейства. Внешнее состояніе Кубы соответствуетъ внутреннему ея устройству: въ городахъ улицы вѣчно завалены нечистотами всякаго рода, и Г. Гумбольтъ говорить, что, во время своего пребыванія на этомъ островѣ, онъ принужденъ былъ всегда ходить по колѣни въ грязи. Торговля черными невольниками, несмотря на трактаты съ Европейскими державами, производится здѣсь открытымъ образомъ,

и мѣстное начальство смотритъ сквозь пальцы на шайку ненетовыхъ пиратовъ, злодѣйствующихъ въ разныхъ частяхъ острова. Говорятъ даже, что суда ихъ снабжаются иногда припасами изъ казенныхъ магазиновъ.

Замѣтимъ по случаю этого отзыва Г. Тудора, что Куба въ послѣднее время очень занимала Европейскихъ публицистовъ. Г. Монверанъ посвятилъ ей обширную статью въ своемъ *Essai de statistique raisonnée sur les colonies*, которая подала поводъ къ жаркой защитѣ со стороны Гаванскаго Журнала *Noticioso y lucero* (22 Ноября, 1833), и извѣстный Баронъ Гумбольдтъ издалъ между прочими въ концѣ прошлаго года небольшое сочиненіе о томъ же предметѣ. Г. Монверанъ утверждаетъ, что образъ управленія этого плодороднаго острова есть явленіе, «безпримѣрное въ лѣтописяхъ безпорядка». Баронъ Гумбольдтъ, не говоря такъ положительно, старается подкрѣпить то же мнѣніе ариометическими выводами. Сославшись показанія обоихъ писателей съ тѣмъ, что излагаетъ Гаванскій Журналъ, можно заключить съ достовѣрностью слѣдующее: островъ Куба, изъ всей своей поверхности, простирающейся до 6,418,765 квадратныхъ гектаровъ, имѣетъ только 524,331 гектаръ, то есть одну-шестую, воздѣланной земли, а все остальное пространство занято лѣсами, горами, рѣками, и проч.; подъ сахарнымъ тростникомъ находится 74,000 квадратныхъ гектаровъ, или одна-седьмая часть; подъ кофейнымъ деревомъ 79,000, или одна-шестая; подъ табакомъ, 19,000, или одна-двадцать-вторая всей воздѣланной земли; доходы острова, въ 1805 году составлявшіе только 5,000,000 долларовъ, въ 1829 возвысились до 9,142,610, или *тридцати шести милліоновъ* рублей. Такимъ образомъ 5,800 квадратныхъ верстъ воздѣланной земли, что едва равняется пяти или шести нашимъ уѣздамъ, уплачиваетъ тамъ 36,000,000 податнаго сбора! Когда вспомнишь, что настоящее народонаселеніе Кубы не выше 730,000 душъ, двѣ трети которыхъ живутъ, по словамъ Г. Гумбольдта, въ ужаснѣйшей нищетѣ, нельзя не согласиться, что для собранія этого огромнаго дохода, для котораго въ Европѣ потребно было бы по крайней мѣрѣ трехъ милліоновъ зажиточной людности, должны употребляться на мѣстѣ средства, нѣсколько

оправдывающія строгій приговоръ Гг. Тудора и Монверана о колоніальномъ управленіи Испанцевъ, — что бы ни говорилъ Гаванскій Журналъ *Noticioso y lucero*.

ЯЗЫКЪ ПТИЦЪ. «Жилъ былъ некогда мудрецъ, который зналъ свойства всѣхъ растений и понималъ языкъ птицъ...» Не такъ ли, скажите, начинаются всѣ Арабскія сказки, всѣ прекрасныя Басни мудраго Пильпая, которыми восхищались вы въ дѣтскихъ лѣтахъ, въ которыя не вѣрили въ юности, и которымъ приходится теперь повѣрить въ зрѣломъ возрастѣ? Всѣ Басни такъ начинаются, и онѣ начинаются съ несомнѣнной истины. Птицы имѣютъ свой языкъ, — языкъ очень богатый, разнообразный, гибкій, правильный, выразительный, — языкъ, которому можно выучиться, принявшись за дѣло съ умнѣемъ. Если хотите понять теорію Грамматики, спряженій и склоненій птичьяго языка, спуститесь на минуту въ подземелья знаменитыхъ рудниковъ Реаль-дель-Монте, лежащихъ недалеко отъ столицы Мексиканской Республики. Но если вамъ въ тягость получить какое-нибудь понятіе объ этихъ рудникахъ прежде, чѣмъ о Грамматикѣ птичьяго языка, то Г. Тудоръ удовлетворитъ вашему любопытству.

Прибывъ туда въ сообществѣ многихъ другихъ путешественниковъ, онъ и спутники его были приняты очень вѣжливо капитаномъ Рулемъ, главнымъ начальникомъ этихъ горныхъ заводовъ. Чтобы спуститься въ рудники, они должны были одѣться въ особенное для этого платье. Оно состояло изъ толстой байковой рубахи, нижнихъ и верхнихъ панталонъ, куртки и шапки, изъ той же матеріи. Шляпа самой смѣшной формы, съ предлинными въ нѣсколько футовъ полями назадъ, довершала ихъ костюмъ. Одѣтые такимъ образомъ они точь-въ-точь походили на Лондонскихъ разношниковъ уголья.

Спускъ въ подземелье совершается посредствомъ лѣстницъ, почти вездѣ идущихъ отвѣсно, — что чрезвычайно опасно и бываетъ причиною многихъ несчастныхъ случаевъ. Посѣтителы, спустясь футовъ на восемьдесятъ, очутились въ галерей, идущей поперекъ рудокопнень. Опускаясь все болѣе и болѣе, они наконецъ достигли глубины болѣе тысячъ

футовъ отъ земной поверхности, и тутъ увидѣли главную серебряную жилу. Разработка здѣшнихъ рудъ требуетъ неимовернаго труда и огромныхъ издержекъ. Два отряда смѣняющихся рудокоповъ безпрестанно въ нихъ работаютъ. Они большею частію изъ Мексиканцевъ, но подъ надзоромъ Англичанъ. Подземелья состоятъ изъ безчисленныхъ залъ и корридоровъ, вырытыхъ ярусами въ пѣдрахъ горы, и простираются на нѣсколько верстъ во всѣхъ направленіяхъ. Работники обоюго пола трудятся небольшими кучами въ разныхъ сторонахъ этого гигантскаго чертога, въ которомъ эхо поглощаетъ голосъ въ то же мгновеніе, какъ онъ вылетаетъ изъ устъ.

Затрудненія, представлявшіяся при сходѣ въ рудокопни, показались путешественнику ничтожными въ сравненіи съ тѣми, которыя встрѣтились при обратномъ восхожденіи. «Никогда, говоритъ онъ, даже взбираясь на огромную Хеопсову пирамиду и проходя подъ Ніагарскимъ водопадомъ, не ощущалъ я такой усталости, какъ въ ту минуту, когда вышелъ на чистый воздухъ изъ этихъ бездонныхъ пещеръ.» Когда еще они были въ подземелья, капитанъ Руль объяснилъ Г. Тудору, какимъ образомъ передаются въ рудникахъ приказанія, и какъ работники сообщаются между собою. Все происходитъ посредствомъ свиста, на которомъ даже ведутся порой очень обстоятельные, умные и веселые разговоры. Начальникъ заводовъ, между прочимъ, разсказалъ слѣдующій анекдотъ.

Разъ, одна изъ женщинъ, принадлежащихъ рудникамъ, пришла въ величайшемъ разстройствѣ къ нему жаловаться на одного рудокопа, который будто-бы разговаривалъ объ ней съ своимъ товарищемъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, называя ее вслухъ такимъ словомъ, какое развѣ только въ Мексикѣ можно сказать о честной женщинѣ. Капитанъ Руль сталъ подробно ее спрашивать, и принужденъ былъ расхохотаться, узнавъ, что оскорбленіе въ разговорѣ нанесено не *словами*, а *свистомъ*! Онъ не хотѣлъ вѣрить показанію. Чтобъ убѣдить его, она свиснула особеннымъ образомъ. Онъ не нашелъ въ этомъ свистѣ ничего особеннаго, и не понималъ, за что она имъ обижается; но женщина отвѣчала, что это очень хорошо понимается, и что люди,

умѣющіе жить на свѣтѣ, такъ не свистятъ. Такъ, языкъ птицъ съ тахъ поръ перестаетъ быть тайною: соловьи, жаворонки и канарейки произносятъ длинныя рѣчи, когда намъ кажется, что они только свистать. Должно однако жъ надѣяться, что эти милые и невинные свистуны, при всей быстротѣ орудія своего слова, въ дружески разсвистываемой бесѣдѣ выражаются на счетъ своихъ самокъ гораздо учтивѣ Мексиканскихъ рудокоповъ.

ХИЛІЙСКІЙ КРОТЪ. Печичьяго, или Хилійскій кротъ, *chlamyphorus truncatus*, чрезвычайно любопытное животное по дивному устройству своего тѣла, и почти неизвѣстное самимъ естествоиспытателямъ, привлекло на себя особенное вниманіе Доктора Фарлана, профессора Сравнительной Анатоміи при Филадельфскомъ Музеумѣ, и онъ недавно издалъ первое его описаніе. Это животное, принадлежитъ къ роду *edenata*. Подобно кроту нашего материка, печичьяго предпочитаетъ почву жирную и сырую, и живетъ подъ землею въ совершенномъ заключеніи. Пища его, сколько можно судить по устройству его зубовъ и недостаточнымъ свѣдѣніямъ о немъ, состоитъ изъ наѣвкомыхъ, и онъ добываетъ ихъ, вѣроятно, ночью; днемъ рѣдко встрѣтишь печичьяго на поверхности земли: поэтому его даже и въ Хили почитаютъ рѣдкостью.

Нѣтъ въ свѣтѣ существа, которое было бы лучше, чѣмъ печичьяго, устроено для жизни подземной; нѣтъ ни одного, которое было бы снабжено столь превосходными орудіями къ тому, чтобы прорывать галереи, и быстро подвигаться подъ землю. Маковка его и вся верхняя часть тѣла покрыты чешуйчатою пленою, которая составляетъ нѣчто среднее между кожей и рогомъ. Эта броня состоитъ изъ четырнадцати или пятнадцати поперечныхъ пластинокъ съ парзанными на нихъ продольными линіями. Пластинка, покрывающая голову, состоитъ изъ одного куска, но походить на мозанку, испещренную разными неправильными фигурами. Но, что всего удивительнѣе, эта броня не прорастаетъ у него всею своею поверхностію къ тѣлу, какъ у «броненосца»: она движется, и придерживается только привязкою къ спинной кости и двумя костяными возвышеніями

ми; находящимися на лобовой кости, къ которымъ она крѣпко приколота, образуя какъ-будто родъ плаща, накину-
таго Природою на беззащитное созданіе. Эта броня дохо-
дитъ только до половины боковъ, покрываетъ часть лядвѣй
и продолжается до конца хвоста, представляющаго совер-
шенное подобіе весла, которымъ на заводахъ мѣшаютъ са-
харъ. Между броней и тѣломъ животнаго можно просу-
нуть руку до самой вершины спинной кости и свободно
гладить шелковистую соломеннаго цвѣта шерсть его, ко-
торая не такъ густа, но длиннѣе и тоньше, чѣмъ у нашихъ
Европейскихъ кротовъ.

Нижняя часть груди печичьяго широка, очень полна и
очень крѣпка; переднія лапки коротки и окапчиваются
пятью весьма крѣпкими пальцами съ когтями, которыми
животное весьма скоро скребетъ землю. Заднія ноги срав-
нительно слабы, и лапки, снабженныя плоскими ногтя-
ми, походятъ на человѣческія ноги. У печичьяго, точно
также какъ у крота, органъ зрѣнія весьма мало развитъ:
глаза скрываются въ нѣкотораго рода шелковистомъ футля-
рѣ, который прикрываетъ сверхъ того и окружность ушей.
Голова у него коническая, и походитъ на свиную: она весь-
ма хорошо устроена для того, чтобы готовить под-
земныя работы, которыя животное оканчиваетъ потомъ
лапками.

Въ зоологическихъ собраніяхъ есть только два экземпляра
этого животнаго: одинъ въ Филадельфійскомъ Музее, и
другой въ галереяхъ Лондонскаго Зоологическаго Общества.

ВАРСОВАЯ ОХОТА. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. мы
объяснили сообщить отрывокъ изъ «Маканны», новаго сочи-
ненія, чрезвычайно восхваляемаго Англійскими Журналами.
Вотъ опасныя охоты, — вотъ дикіе и богатые виды Южной
Африки, — ея оранжерейныя лѣса, ея поэтическія пропа-
сти и волшебныя заливы.

«Узкая, ущелистая тропинка погружается въ необъятномъ
океанѣ самой пышной, роскошной зелени подъ широкими,
зонтикообразными вершинами тѣсно сплетенныхъ акацій;
и вдругъ, вѣтвистый балдахинъ исчезаетъ, и является от-
крытая, веселая поляна, гдѣ лучи дневнаго свѣтила золо-

тыми струями играютъ, въ прихотливомъ безпорядкѣ, сквозь длинныя, гибкія вѣтви восточнаго вѣковаго дуба.

«Вдали разнообразная зелень, тихо воздымающаяся въ-стѣ съ возвышеніемъ почвы, составляетъ, при легко зыблющемъ ее вѣтеркѣ, живой, волнующійся амфитеатръ. Индѣ усиливается зелень темная, бронзоваго цвѣта, промежъ которой блистательныя перья великолѣпныхъ птицъ мелькомъ сіяютъ минутною красою, подобною огнямъ драгоценныхъ камней. Далѣе, плавающіе въ воздухѣ въ видѣ строусовыхъ перьевъ верхи Заййскихъ палмъ, вмѣстѣ съ радужными протейми, на большомъ пространствѣ и въ различныхъ отъ-тенкахъ разливаютъ веселую живость или гордое величіе.

«На ближайшемъ планѣ, картина еще обильнѣе въ своемъ разнообразіи, еще живописнѣе по своей отчетности. Какъ прекрасны эти алые цвѣты крассулы (*cassula*), разбросанные между мшистыми разсѣлинами темныхъ, впадинами изрытыхъ скалъ, надъ которыми ярко цвѣтушія вѣтви гордаго алая возносятся такъ величаво! Всѣ эти опустошенные стволы пестрой-мачты, *sresk-boom*, испещренные мхами и полузарытые подъ роскошными букетами плющевыхъ гераніевъ, между-тѣмъ, какъ изъ середины зеленѣющихъ и цвѣтушихъ сочныхъ растеній, обнаженный стволъ высокой умбоки, или желтаго дерева, столь странно похожаго на мясо краснымъ цвѣтомъ коры и синеватыми своими жилками, возникаетъ такъ быстро, и такъ грубо распространяетъ свои сухощавылъ, человѣческимъ рукамъ подобныя вѣтви въ густой, тяжелой тѣни пасмурныхъ листьевъ, составляющихъ ея вершины!

«Кругомъ, гдѣ дубъ, сумахъ, гдѣ дикая смоковница или пальмистая эвфорбія, оставляютъ довольно мѣста, вездѣ въ широкихъ фестонахъ живой зелени висятъ развѣвающиеся гирлянды стелющихся растеній; инныя, перемѣшанныя съ массами кактусовыхъ листьевъ, осыпанныхъ цвѣтами; другія, одинокія, косматыя, темноватаго цвѣта, фантастически извивающіяся въ родѣ канатныхъ трубокъ, по суковатымъ и мшистымъ стволамъ деревьевъ, — или переплетенныя, на ихъ вершинахъ, съ зелеными, полупрозрачными, длинными, молодыми отпрысками, въ видѣ безконечной сѣти.

«Знойный полдень наступаетъ въ тиши и безмолвіи, и когда благоуханіе цвѣтовъ, извлеченное жаромъ, носится въ воздухъ, соединяясь, въ образъ примѣтныхъ паровъ, съ сыростію, исходящею изъ низкихъ разсыпнъ, — въ то время стопы охотниковъ такъ бережно западаютъ въ рыхлый песокъ, что шорохъ каждаго листочка слышенъ какъ бы ходъ змѣи, скользящей въ испугъ къ норѣ своей, или движеніе тощаго мышелова, скачущаго среди густо-спутанной травы.

— Стойте! этотъ вой возвѣщаетъ бѣду!

— Да, по чести, бѣдная собака вся изойдетъ кровью! Задняя нога переломлена, и горло изорвано до плечной кости!

— Подайтесь назадъ! Готентоты припадаютъ къ землѣ: это не простой звѣрь! Каждый смотри на затравку своего ружья. — съ безтрепетнымъ сердцемъ! — твердымъ глазомъ! Чей выстрѣлъ будетъ смертный, тому кожа звѣря въ награду.

— Барсъ! Да еще какой! Огромный какъ тигръ! Этотъ скачекъ очистилъ мѣсто для сшибки! Смотрите! онъ кинулся между торчащихъ остатковъ громомъ разщеленнаго дуба, и, какъ дикая кошка, легъ на бокъ въ ожиданіи сраженія! — Ну, теперь!

— Нѣтъ, масса (такъ Африканскіе невольники называютъ своихъ господъ): не веля мнѣ стрѣлять, масса! Нѣтъ, нѣтъ: дай звѣрю поиграть кулакомъ и лапою съ собаками.

«Эти слова Гаспаля раздались еще во-время для дарованія отсрочки: три изъ собакъ неустрашимо бросились впередъ. Глаза барса засверкали, покраснѣвъ огненною свирѣпостію; несмотря на то, онъ остался недвижимъ на своемъ выгодномъ мѣстѣ, какъ бездушный трупъ. Величайшая изъ гончихъ, осторожно измѣривъ разстояніе, сдѣлала отчаянный приступъ; но, съ проворствомъ фиглера, дикій пардъ ударилъ ее вдругъ справа и слѣва страшно вооруженными лапами, и несчастное животное, ослѣпленное, окровавленное, съ воемъ упало на землю. Другая, уstraшенная участіемъ товарища, завизжала, и потащилась назадъ; но четвертая подоспѣла на помощь третьей, и обѣ кинулись прямо на звѣря, съ открытыми пастями. Барсъ, какъ-будто удивлен-

ный, немного приподнялся, чтобъ встрѣтить своихъ противниковъ; и, когда собаки достигли его, онъ сперва шибкимъ ударомъ запустивъ когти свои въ мозгъ той, которая была поменьше, схватилъ другую зубами за затылокъ, и, взвивъ ее по воздуху, перекинулъ за себя черезъ голову.

— Ну, клянусь, этотъ собачій палачъ истребитъ всю нашу свору! Посторонись, Гаспаль, я хочу выстрѣлить. Назадъ! — или берегись за себя.»

«Дракенштейнъ прицѣлился, наложилъ палецъ на спускъ курка, какъ вдругъ, съ самою нестерпимою безпечною, упрямый Гаспаль усялся на обломкѣ скалы, совершенно противъ намѣченной жертвы.

— Нѣтъ, масса, не стрѣлай! Я научу тебя такой штуцѣ, которую звѣрю придется видѣть въ послѣдній разъ!

«Какъ-будто внимая предостереженію, однако съ сомнительнымъ выраженіемъ благодарности, губы барса раздвинулись, такъ, что блистательная близна клыковатыхъ зубовъ его совершенно обнаружилась. Спина его начала выгибаться, какъ-бы приготавливаясь къ прыжку, и опущенный хвостъ пришелъ въ безпокойное движеніе, подобно разсерженной змѣѣ. Готентотъ почувствовалъ, что время было дорого. Съ ужасною свирѣпостію помахавъ сверкающею сѣкирою надъ своею головою, онъ метнулъ ее съ быстрою молніею, какъ полагалъ, въ самое темя своего противника. Какъ полагалъ! У Гасपालа было острое зрѣніе, но зрѣніе барса еще острѣе: только переменявъ свое положеніе, проворный звѣрь далъ летящей на него сѣкирѣ полную свободу погребсти ярость свою въ безвинномъ деревѣ. Смущенный неудачею, Гаспаль такъ забылся, что наклонился внизъ, съ намѣреніемъ достать свое оружіе. Барсъ воспользовался минутнымъ преимуществомъ, и, отъѣснвъ ужасный ударъ сзади, по головѣ несчастнаго Готентота, оторвалъ часть лѣваго уха и разтерзалъ большую половину кожи на черепѣ.

«Другой Готентотъ, Кутжи, закусилъ губу отъ ярости, — и выстрѣлилъ. Люди ничего не дѣлаютъ хорошо, когда ослаблены страстью: отвѣтный этотъ выстрѣлъ пропалъ нечестиво даромъ. Барсъ опять припалъ къ землѣ, какъ-бы готовясь вскочить на раненаго Готентота, который, воя отъ

боли, все-таки пагубался за скирою: въ то время, странная улыбка, которую мы и прежде замѣтили, заиграла минутнымъ блескомъ на чертахъ Креола, Ларуна; его маленькое ружьецо, какъ-бы безъ всякой мысли было приложено къ его глазу, и, въ одинъ мигъ, прострѣленный въ голову насквозь, барсъ распростерся безъ дыханія на зыбучемъ песку.»

Слѣдующая картина залива, черезъ который переплываютъ вождь Кафровъ, Маканна и его другъ, Ларунъ, удивительна.

«Выговоривъ эти слова, черный вождь тихо и ловко распростерся на воду, и, ударяя ее безъ малѣйшаго шума, съ силою и осторожностію мощнаго и опытнаго пловца, пролагалъ себѣ скорый путь. Этотъ рѣдкій даръ не былъ чуждъ и Ларуну. Упражненіе это было бы для нихъ восхитительно, если бы мысль о чешуистыхъ чудовищахъ, обитающихъ на днѣ морскомъ, нѣсколько ихъ не беспокоила.

«Чувство опасности острить всѣ способности ума: тогда какъ глаза его находились наравнѣ съ гладкою поверхностію хрустальнаго пространства, въ которомъ онъ висѣлъ, душа Ларуна не могла оставаться равнодушною къ красотѣ великолѣпнаго зрѣлища, отражавшагося со всѣхъ сторонъ. Самый мракъ, его окружавшій, производилъ гигантскими вѣтвями окрестныхъ лѣсовъ, навислыми надъ водою, — самый этотъ мракъ сообщалъ какую-то сладость его ощущеніямъ. Хотя черная какъ смоль отъ обильнаго растительнаго ила, устилающаго дно, вода залива была прозрачна, какъ стекло. Здѣсь, толпа молодыхъ рыбъ, нѣжно-тѣльныхъ какъ жемчужины, съ яркими малиновыми перьями, играла въ пѣнящихся кругахъ, на поверхности, или, погружаясь въ глубину, исчезала въ лабиринтѣ подводныхъ растений. Тамъ, шибко выглянувъ изъ хляби, въ сіяніи оранжеваго, голубаго или золотата цвѣта, какой-нибудь одинокій мучитель чешуистаго племени гнался за своею добычею. То, стадо красныхъ гусей, едва держащихся на легкихъ, изгибистыхъ тростинкахъ камыша, колеблющагося при малѣйшемъ ихъ движеніи, въ непрерывномъ своемъ трясеніи ослабляло взоръ пурпуровыми отбѣнками распущенныхъ крыльевъ. То, вдругъ, изъ срединны темпозеленой густоты

нависшаго лѣствія, отражаемаго въ пучинѣ, черныя призраки, обезьяны, высунувъ свои странныя, крючковатыя хвосты, чтобы схватить сосѣдній кустарникъ, и кривляясь одна передъ другою, казалось, насмѣхались надъ удивленными пловцами и надъ опасною ихъ переправою.» *Анна Ситникова.*

КОШКА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬНИЦА. Въ Англіи живетъ и до сихъ поръ кошка, которая усердно способствуетъ распространенію человѣческихъ познаній и хочетъ стяжать себѣ славу Бюффона или Блумменбаха. Въ вышедшемъ недавно сочиненіи — *The feathered tribes of British Islands, by Robert Mudie, 2 vols., 1834,* — описано странное обстоятельство открытія новаго рода птицъ въ Великобританіи, и заслуживаетъ особенное вниманіе: птичка, о которой здѣсь дѣло, — крапивникъ съ огненнымъ хохолкомъ.

«Открытіе ея между Великобританскими пернатыми, говоритъ авторъ, въ особенности любопытно тѣмъ, что честь его принадлежитъ кошкѣ одного натуралиста-любителя, живущаго въ Свафгамѣ. Киса и ея хозяинъ оба великіе охотники до птицъ, хотя каждый, разумѣется, любить ихъ по-своему; но киса также хорошо наблюдаетъ выгоды Орнитологін, какъ и свои собственныя, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что кошачья порода, при нѣкоторомъ образованіи ея ума и сердца, могла бы оказывать разныя услуги и кромѣ ловли мышей.

«И такъ, кошка, которой біографію мы предприняли, знаменитая мастерица ловить птицъ. Сперва, конечно, она это дѣлала только для удовлетворенія собственнаго своего аппетита; но теперь, кошка и ея хозяинъ такъ хорошо разумѣютъ другъ друга, что, когда она поймаетъ птичку, сейчасъ приносить ее къ нему. Если птица годится хозяину, кошку приласкаютъ или накормятъ; если нѣтъ, бѣдную жертву возвращаютъ кисинкѣ, и она уже поступаетъ съ нею, какъ ей вздумается. Такимъ-то образомъ принесла она и крапивника съ огненнымъ хохолкомъ своему господину. То была молоденькая птичка, пойманная ею именно въ такое время года, когда птенцы начинаютъ летать. Обстоятельство это послужило поводомъ къ новымъ открытіямъ:

стали искать, и нашли старыхъ птицъ той же породы, въ соседствѣ; скоро послѣ того примѣтили ихъ и около Брайтона; наконецъ, теперь вовсе не подлежитъ сомнѣнію, что птицы эти Великобританскіе жители и уроженцы.»

Кошка эта находится въ цвѣтѣ возраста и здоровья, и обѣщаетъ еще оказать многія важныя услуги Естественной Исторіи. *Анна Ситникова.*

СРАВНЕНИЕ ГЛАЗА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СЪ ПТИЧЬИМЪ.

Мы позволимъ себѣ заимствовать у того автора еще одно мѣсто, относящееся къ весьма любопытному предмету, — къ микроскопическому свойству глазъ нѣкоторыхъ мелкихъ птицъ, доставляющему имъ средства отыскивать себѣ пищу.

«Среднимъ числомъ, въ человѣческихъ глазахъ, хорошо устроенныхъ и находящихся въ здоровомъ состояніи, фокусное разстояніе для малыхъ предметовъ, какъ-то чтенія самой мелкой печати, простирается на семь дюймовъ съ половиною, а микроскопическое разстояніе, нужное, напримеръ, для разсмотрѣнія самой нѣжной гравировки, гдѣ все-таки требуется нѣсколько времени для удобнѣйшей приноровки глаза, требуетъ пяти дюймовъ, то есть, почти одною третью меньше перваго. Но птицы часто принуждены схватывать добычу, вовсе не имѣя времени для приноровки зрѣнія, и потому разстояніе между глазомъ птицы и кончикомъ ея носа должно быть принято за возможно-краткую фокусную дистанцію: назовите ее микроскопическою, и тогда, — основываясь на той истинѣ, что увеличительная сила глаза въ линѣйномъ отношеніи предмета слѣдуетъ обратному содержанію разстоянія глазнаго фокуса, — линѣйная величина самаго мѣшкаго предмета, видимого, напримеръ, длиннохвостой синицею, будетъ относиться къ человѣческому глазу, какъ 5 дюймовъ къ $\frac{1}{4}$ дюйма, или какъ 12 къ $1\frac{1}{4}$. Поверхность предмета будетъ, слѣдовательно, какъ квадратъ этой величины, или какъ $156\frac{1}{4}$ къ 1; а все тѣло, или толщина предмета, какъ кубъ его, или какъ $1953\frac{1}{4}$ къ 1. Такъ, афисъ (arhis) или какое другое крошечное насѣкомое, едва для насъ примѣтное, покажется долгохвостой синицѣ такъ же велико, какъ *два тысячи* насѣкомыхъ того же рода показались бы человѣческому глазу.

«Поэтому, микроскопическое свойство глаза тѣхъ маленькихъ птицъ, которыя обязаны искать самой мелкой добычи на корѣ деревь, столь же чудесно какъ и телескопное устройство глазъ орловъ и другихъ высоко парящихъ птицъ, обзѣрвающихъ горизонтъ на многія версты кругомъ; но не менѣе чудесна и та способность, которая позволяетъ переходить отъ телескопнаго употребленія взора къ микроскопическому. Глазъ орла, напримѣръ, который различаетъ движенія маленькаго четвероногаго почти за двѣ версты, можетъ укоротить фокусъ свой такъ сильно, что сохранить всю остроту и совершенство зрѣнія въ разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ, а синица, которой, сблизка, лица мушкеры должны казаться такъ велики, какъ намъ ружейныя пули, видитъ кустъ болѣе чѣмъ во стѣ шагахъ безъ малѣйшаго затрудненія.» *Анна Ситникова.*

КАРЛЪ БРЮЛЛОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Не угодно ли послушать отзыва Парижскихъ артискихъ артистовъ о нашемъ великомъ живописцѣ?.... «Картина *Послѣдній день Помпеи*, Г. Брюллова, Русскаго живописца», говоритъ наконецъ L'Artiste, нарочно замѣшавъ имя его и Г. Штейбена между именами послѣднихъ художниковъ, «прибыла въ Лувръ двадцатью годами послѣ срока, и, какъ авторъ ея упустилъ надлежащее время, то теперь долженъ почестъ себя за очень счастливаго, если не дарятъ его презрительнымъ равнодушіемъ и насмѣшками тамъ, гдѣ прежде онъ непременно былъ бы увѣнчанъ. Подумайте только — картина длиною въ три сажени на выставкѣ 1810 года! Да это привело бы всю публику въ изступленіе отъ сладостнаго восторга и удивленія! Г. Брюлловъ, затмивъ размахомъ своего творенія всѣ тогдашнія малеванныя полотна которыхъ все достоинство состояло въ огромности размаха, былъ бы провозглашенъ гениемъ отъ всего хора артистовъ и зрителей; онъ неизбѣжно получилъ бы орденъ Почетнаго Легіона, и Императоръ, соединяя свое восхищеніе съ удивленіемъ публики, бытъ-можетъ причислялъ бы иностраннаго художника къ лику Бароновъ Имперіи. Не то ли было съ нѣкоторыми того времени прославленными артистами, а Г. Брюлловъ, по роду своего таланта, имѣетъ съ ними боль-

шое сходство. Но Г. Брюлловъ самъ виноватъ въ томъ, что онъ былъ еще слишкомъ молодъ въ 1810 году, и долженъ теперь довольствоваться тѣми блистательными почестями, какія благоволили воздать ему Римъ и Италія. Уже конечно Парижъ не станетъ продолжать для него торжественнаго шествія, начатаго «вѣчнымъ градомъ», и намъ не нужно было долго разглядывать предметъ сего удивленія, чтобы вънець лучей, которымъ окружался Г. Брюлловъ, прѣзжая къ намъ изъ-за Альпъ, исчезъ въ нашихъ глазахъ. Въ Италіи, восторги въ стихахъ и прозѣ вознесли его на высочайшую степень знаменитости; Римъ и Миланъ, двѣ ея столицы, провозгласили плодъ его кисти верхомъ Художества, *chef-d'oeuvre*. Такъ, мы теперь видимъ, что такое Италіяны называютъ верхомъ Художества въ живописи, и, благодаря *Послѣднему дню Помпеи*, имѣемъ передъ глазами образчикъ того, чего на самомъ дѣлѣ стоятъ и другіе верхи Италіянскаго Художества, которыми эта страна гордится въ наше время! Теперь явно доказано, что въ Италіи можно быть великимъ человекомъ по части Художествъ, не соединяя въ себѣ высшихъ условій таланта, нежели тѣ, на которыхъ люди прославлялись у насъ первыми живописцами въ мірѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ.»

Каково?.... И послѣ этой наглости, послѣ доказательствъ такого безстыдства и такой злопамѣренности, читайте, прошу, съ восхищеніемъ сужденія и проповѣди Парижскихъ корифеевъ вкуса и разума! Но выслушайте статью до конца, потому что дѣло очень любопытное.

«Мы не отвергаемъ немногихъ, но примѣчательныхъ, качествъ картины Г. Брюллова: она задумана съ большою смѣлостью воображенія; въ композиціи есть движеніе; нѣкоторыя фигуры, а лучше сказать, извѣстныя части извѣстныхъ фигуръ нарисованы съ нѣкоторымъ умѣніемъ, и если большая часть эпизодовъ составлена въ духъ той ложной и театральнѣйшей манеры, которою блистала старая Французская школа, за то иные изобрѣтены просто и сильно. Поэтому, недостатки быть-можетъ и не заглушали бы совершенно истинныхъ достоинствъ произведенія, если бѣ живописецъ

не увлекся въ самое странное заблужденіе насчетъ умъстности красокъ и общаго тона своей картины. Она зелена, она сине-блѣдновата, она вопіетъ рѣзкостью и нестройностью, и отвращаетъ васъ свыше всякаго выраженія. Органъ зрѣнія больно поражается ею, и, для критика, заставить непослушные взоры свои только глядѣть на это несчастное полотно, уже отнюдь не самая легкая и пріятная обяванность (!!!). Г. Брюлловъ думаетъ, что къ оправданію странныхъ его эффектовъ свѣта можетъ послужить свидѣтельство Плинія-Младшаго, видѣвшаго эти «облака, черныя и ужасныя, который, прорываваясь быстрыми змѣящими-ся потоками огней, извергали длинныя струи пламени, «похожія на молніи, но сильнѣе и больше молній.» — Но въ самыхъ страшныхъ терзаніяхъ Природы всегда устанавливается какая-то гармонія (?!), сообщающая виду ужасную красоту, — и этой-то гармоніи Г. Брюлловъ вовсе не постигъ и не умѣлъ почувствовать. Его картина, зеленая, блѣлая и черная на первомъ планѣ, красная и горящая озерамъ лавы въ глубинѣ, занятой Везувіемъ, въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе, возбуждающее не ужасъ, а смѣхъ.»

По такомъ ученomъ и глубокомысленномъ приговорѣ самой умной части Парижскаго сословія Художниковъ, следовало ожидать, что картину бѣднаго Русскаго живописца возмуть и выкинуть въ окно изъ Лувра. Вышло совсѣмъ другое. Коммиссія Присяжныхъ, составленная изъ почтеннѣйшихъ и знаменитѣйшихъ Художниковъ, присудила Брюлову медаль перваго достоинства по части исторической живописи. Другую медаль получилъ Французскій живописецъ, Навѣ. Списокъ награжденныхъ медалями и похвальными листами былъ напечатанъ въ Монитерѣ, 9 Мая.

Какъ же приняли это рѣшеніе «министры Художества, первое и богатѣйшее умомъ сословіе въ обществѣ»? А вотъ какъ.

Последняя книжка Журнала l'Artiste начинается слѣдующими словами:

«Мы напшли въ Монитерѣ странный списокъ, который здѣсь сообщаемъ; мы его *подобрали*, единственно, какъ

обращикъ разсудка тѣхъ, которымъ *народъ* ввѣрилъ должность раздавать поощренія артистамъ. Что касается до насъ, то, читая это постыдное объявленіе, мы почти не въ силахъ сказать, что такое преодолеваетъ насъ, — негодованіе или жалость.»

Слѣдуетъ списокъ наградъ. Потомъ, утѣшеніе въ горести:

«Слава Богу, эти знаки отличія уже потеряли могущество свое въ глазахъ публики. Давно уже прошло то время, когда этого рода одобренія имѣли неоцѣненное достоинство въ глазахъ Художниковъ и увлекали за собою общественное мнѣніе. Теперь *приговоры самихъ же артистовъ*, способныхъ вмѣстѣ владѣть кистью и перомъ, рывають о знаменитости въ Художествахъ, и репутаціи, которыя опираются на этомъ сугубомъ основаніи, скорѣе будутъ утверждены, чѣмъ поколеблются отъ резолюцій, исходящихъ изъ Тюльери.»

Желаемъ наслаждаться отрадною мыслію! И выходитъ на повѣрку, что гораздо лучше тамъ, гдѣ артисты безграмотны: въ Италіи художники статей не пишутъ, и дарованіе находить просвѣщенныхъ, многочисленныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Сальвази*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Скриба и Ружмона. — Г. Скрибъ, какъ-будто подрядился всякой мѣсяцъ поставлять на театръ по крайней мѣрѣ по одной пьесѣ, и всякая пьеса, которую онъ напишетъ, или позволитъ написать подъ его именемъ, заслуживаетъ быть заранѣе извѣстною любителямъ театра. Мы познакоимъ читателей нашихъ съ послѣднимъ его Водевилемъ, заставившимъ плакать весь Парижъ.

Г-жа Кампанъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что въ Версальскихъ садахъ непрерывно являлся бѣднякъ, бывший нѣкогда въ Парламентѣ президентомъ, и котораго звали не иначе, какъ *Обожатель Королевы*. Этотъ человекъ былъ вездѣ, гдѣ только могъ онъ видѣть Королеву: у подъезда, въ галерей, въ церкви, въ садахъ. Нѣмой свидѣтель, онъ

•

присутствовалъ при всѣхъ злословіяхъ этой несчастной Французской Королевы, которая, черезъ сорокъ лѣтъ, кажутся намъ баснями! Лудовикъ XVIII, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, увидѣлъ человѣка, который прятался въ толпѣ придворныхъ. Этотъ человѣкъ былъ *Обожателъ Королевы*!

Вотъ все, что говоритъ Г-жа Кампанъ объ этомъ странномъ человѣкѣ, который, по великости своей любви и вѣрности, сдѣлался почти историческимъ человѣкомъ. Страсть, которую этотъ бѣднякъ питалъ къ самой знатной дамѣ во всемъ свѣтѣ, страсть упорная, постоянная, непоколебимая, всякому извѣстная, признанная и можно сказать офиціальная при Версальскомъ Дворѣ, была бы вещью довольно замѣчательною, если бы даже эта Французская Королева была только Французскою Королевою. Но то была Марія-Антуанетта. Занимательность этой страсти усиливается по мѣрѣ усиленія несчастій Королевы. Поэзія, облакающая этого человѣка, простосердечнаго и страстнаго, увеличивается, когда подумаешь объ удивленіи этого помѣшаннаго при видѣ злополучій, которыхъ ему не дано было постигнуть.

Г. Скрибъ сдѣлалъ изъ Обожателя Королевы Водевиля. Но какъ онъ былъ герой, для Г-на Скриба, слишкомъ поэтической, то Г. Скрибъ обработалъ его по-своему, и обработалъ, надобно сказать, съ большою осторожностію, съ умомъ, съ приличіемъ, и весьма счастливо. Эта драма состоитъ изъ двухъ дѣйствій. Первое дѣйствіе происходитъ при Версальскомъ Дворѣ. Одинъ молодой человѣкъ, котораго Г. Скрибъ называетъ Г-мъ Сальвуази, молодой человѣкъ наполненный философическими идеями, пріѣзжаетъ въ Версаль. Г. де Сальвуази запоздалый энциклопедистъ. Въ головѣ его роятся планы преобразованій, и онъ отъявленный врагъ Королевы, потому что, живя въ помѣстьяхъ своемъ, Сальвуази слышалъ о ней много дурнаго. И онъ пріѣхалъ въ Версаль. Однажды вечеромъ, когда на садовой терассѣ былъ концертъ, при звукѣ роговъ, скрытыхъ за большими деревьями, при шумѣ тысячи водометовъ, которые молчали весь день до самой ночи, если только не молчали всю ночь до самаго дня, Г. де Сальвуази былъ

растроганъ и внѣ себя отъ восторга. Онъ начиналъ думать; что воздухъ, которымъ дышать при Дворѣ, не столь глестворенъ. Чтобы лучше наслаждаться прелестію вечера, онъ сѣлъ на каменной скамьѣ подлѣ женщины, молодой и прекрасной, одѣтой въ простое бѣлое платье, и началъ разговаривать съ нею. Эта женщина показалась ему столь прекрасною, голосъ ея столь сладостнымъ, что онъ полюбилъ ее всей душею. Когда она встала, Сальвуази былъ пораженъ ея царскою осанкою, — и не мудрено: эта женщина была Марія-Антуанетта, Королева Французская.

Съ этого дня Сальвуази рѣшительно влюбился въ Королеву; онъ не покидаетъ ея, ни душой, ни взорами. Королева была единственная мысль, вся жизнь его. Однажды, въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ, Сальвуази слышитъ, что одинъ дворянинъ клеветаетъ на Королеву. Сальвуази оскорбляется его и вызываетъ на дуэль; они дерутся; Сальвуази раненъ, и прекрасный Лозенъ, — то былъ Лозенъ, — возвращается въ Версаль, тщеславнѣе чѣмъ когда-нибудь.

Сальвуази тоже прѣзжаетъ въ Версаль. Онъ непременно хочетъ еще разъ поговорить съ Королевою, во что бы то ни стало. Онъ пробирается во дворецъ. Вдругъ Сальвуази встрѣчается лицомъ къ лицу съ Лозеномъ. Лозенъ смущается. Сальвуази выходитъ впередъ и говоритъ Королеву: «Ваше Величество! этотъ человѣкъ подлецъ: онъ хвастался мною. благосклонностію вашею къ нему.» Королева говоритъ Лозену: «Не смѣйте сюда являться!» Признаюсь, что я очень былъ радъ, видя, какъ унижали на театрѣ этого бывшего Маркиза, котораго даже бѣдствія эмиграція не сдѣлали ни благоразумнѣе, ни воздержнѣе, и который, для забавы престарѣлыхъ лѣтъ своихъ, окружалъ клеветами и умолчаніемъ, еще опаснѣйшимъ самой клеветы, величество, самое священнѣйшее изъ всѣхъ величествъ, — величество несчастной и добродѣтельной женщины!

Оставшись наединѣ съ Королевою, Сальвуази предается всей пагубной своей страсти: онъ бросается на колѣни; онъ хочетъ схватить руку Королевы; но Королева кличетъ, придворные прибѣгаютъ, и она говоритъ имъ: «Выведите этого человѣка: онъ сошелъ съ ума!»

И точно. Сальвуази сощелъ съ ума; онъ помѣшался! Королева уходитъ. Прибѣгаетъ молодежькая дѣвушка, маленькая Луиза; она принимаетъ Сальвуази подъ свое покровительство; она любитъ его; она будетъ пещись о немъ. Вотъ и все первое дѣйствіе. Въ немъ мало происшествій; но много счастливыхъ рѣчей, много прекрасныхъ куплетовъ, и притомъ это первый актъ созданный и рассчитанный именно такъ, какъ нужно, чтобы породить второй актъ.

Во второмъ дѣйствіи является 89-й годъ; что я говорю 89-й годъ! 91-й уже тутъ, и готовится протянуть 93-му свою окровавленную руку. Все кончено: нѣтъ уже болѣе Короля, нѣтъ Дофина, нѣтъ Королевы; нѣтъ болѣе Версали, нѣтъ Трианона, нѣтъ празднествъ; но есть тюремщики у дверей дворца, есть возмущившійся народъ, есть революція.

А бѣдный Сальвуази остался сумасшедшимъ. Луиза отвезла его въ замокъ Сальвуази, и молодой человѣкъ принимаетъ Луизу за Королеву. Сальвуази счастливъ, но Луиза очень печальна. Напрасно призвала она на помощь къ своему господину Доктора Бурдилье: разсудокъ его невозвратимъ.

Вдругъ женщина въ дорожномъ платьѣ вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ сидитъ Луиза. Ребенокъ этой женщины боленъ; ему нужна помощь: гдѣ Докторъ? Докторъ Бурдилье является, и пока онъ осматриваетъ ребенка, Луиза узнаетъ Королеву. Да, это Королева, погибшая, задержанная въ своемъ бѣгствѣ болѣзнію ея ребенка. Луиза узнаетъ Королеву, и уходитъ, чтобы спасти ее. Какъ скоро она вышла, входитъ сумасшедшій; онъ запираетъ дверь ключемъ, и Королева остается наединѣ со своимъ обожателемъ Сальвуази.

Не бойтесь. При видѣ Королевы, этотъ человѣкъ вдругъ перестаетъ быть сумасшедшимъ, — такъ онъ понимаетъ, что разсудокъ въ эту минуту ему нуженъ. — *О! это вы, Ваше Величество!* Приходятъ Луиза и Докторъ Бурдилье. Докторъ Бурдилье — комиссаръ общины; онъ приноситъ страшныя вѣсти. Бѣгство Короля и Королевы уже извѣ-

стно; уже получено приказаніе задержать всю Королевскую фамилію; Королеву возьмутъ подъ стражу, если у ней нѣтъ паспорта! Что дѣлать! Сальвуази тотчасъ становится снова сумасшедшимъ; онъ хватаетъ Бурдилье за горло и кричить ему: — Я хочу ѣхать: дай мнѣ паспортъ, мнѣ и Луизѣ! Чтобы не сердить безумнаго, Бурдилье соглашается дать ему паспортъ. Сальвуази самъ диктуетъ примѣты; Бурдилье пишетъ примѣты, которыя диктуетъ ему Сальвуази, и подписываетъ этотъ паспортъ. Королева спасена, — увы! не на долго; она прощается съ Луизою, прощается съ Сальвуази, который цѣлуетъ ея руки! Это сцена прекрасная, истинно драматическая. Сальвуази только притворился сумасшедшимъ, и, благодаря своему притворному сумасшествію, досталъ Королевъ паспортъ. Едва только спасъ онъ Королеву, какъ приходятъ взять ее подъ стражу. Сальвуази, въ качествѣ сумасшедшаго, снова задерживаетъ всѣ преслѣдованія. Вотъ исторія Скрибова *Обожателя Королевы*. Эта исторія трогательна и занимательна. И могло ли быть иначе! Знаете ли вы на этомъ свѣтѣ героиню прекраснѣйшую, величіе болѣе злополучное, смерть болѣе ужасную? Можно ли не трогаться до слезъ при одномъ имени Марія - Антуанетты?

2. *Мальконтенты 1559 года*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Д'Эпанья. Блистательный успѣхъ этой пьесы въ Парижѣ, заставляетъ насъ изложить ея содержаніе. Дѣло идетъ о политической партіи Мальконтентовъ, или Недовольныхъ, существовавшей во время Лиги; партіи, почти неизвѣстной, заглушенной въ Исторіи громкими именами Генриховъ III и IV, и Принцевъ Конде и Гвиза; партіи, о которой даже нѣтъ почти рѣчи и въ самой Драмѣ. Предметъ ея — смерть Бюсси д'Амбуаза, прославившагося своею храбростію и жестокостію во времена жестокости и храбрости. Идея — почти та же, какъ въ Драмѣ Александра Дюма, «Генрихъ III и его Дворъ.»

Въ первомъ актѣ нѣсколько работниковъ строятъ небольшой театръ минстерій, на которомъ Король, окруженный своими придворными, будетъ смотрѣть весьма куріозное представленіе муки Французскаго святаго Діонисія. Нѣкоторыя слова этихъ работниковъ, оскорбительныя для Двора и Королевска-

го Величества, показываютъ намъ, что они принадлежатъ къ партіи Мальконтентовъ, и что эта партія не начинаетъ дѣйствовать только потому, что ждетъ начальника. Начальникъ этотъ скоро является: это Бюсси д'Амбуазъ. Двѣ важныя причины заставляютъ его вступить въ заговоръ противъ Генриха III: честолюбіе, потому что онъ полковникъ въ службѣ Королевскаго брата Герцога д'Анжу; и мщеніе, потому что онъ любилъ Г-жу де Монсоро; онъ долженъ былъ на ней жениться, но Король воспротивился этому, и заставилъ бѣдную дѣвушку выйти за стараго Монсоро. Между тѣмъ Бюсси не принимаетъ тотчасъ предложенія, которое дѣлаютъ ему два или три простолудина: онъ рѣшается только тогда, когда другъ его, Фаржи, объясняетъ ему силу и средства этой партіи. Тогда онъ надѣваетъ оранжевое перо — условленный знакъ партіи Мальконтентовъ.

Двѣ другія интриги занимаютъ бѣднаго Бюсси, когда ему нужны все его время и всѣ размышленія: во-первыхъ любовь, которую онъ все еще питаетъ къ Г-жѣ де Монсоро, потому что онъ снова нашелъ ее, если не совсѣмъ невинною, по крайней мѣрѣ еще достойною его; и страсть, которую онъ, противъ воли, зажегъ въ сердцѣ Маргариты Наварской. Г. д'Эпаньи изобразилъ намъ Маргариту Наварскую самыми гнусными красками. Конечно, жизнь ея не могла назваться примѣрною. Она сама, въ своихъ Запискахъ, не научаетъ насъ уважать себя. То, что она говорить о Бюсси, невольно заставляло бы насъ страшиться за Генриха IV, если бъ мы не знали, что Генрихъ IV былъ на этотъ счетъ большой философъ. Но она была только кокетка, а Г. д'Эпаньи сдѣлалъ ее женщиною совершенно распутною. Въ страсти ея къ Бюсси есть что-то яростное, физическое, если можно такъ сказать, — что даже во времена разврата возбуждало бы презрѣніе.

Является Генрихъ III, и, такъ же какъ въ Драмѣ Г. Дюма, является со своими любимцами; потомъ начинаются неблагородныя забавы бильбоке и сарбаканю, которыя такъ занимали умъ этого Государя, и болѣе или менѣе остроумныя насмѣшки игры, которая называлась *la gabe*. Эта игра состояла въ томъ, что всѣ, участвовавшіе въ ней, писали

другъ другу какія-нибудь, истины, или, лучше сказать, эпиграммы; но эпиграмма не должна была становиться оскорбительною. Между-тѣмъ Дюгасть оскорбляетъ въ этой игрѣ Бюсси д'Амбуаза и такъ ясно, что тотъ принужденъ требовать удовлетворенія. Дюгасту только этого и хотѣлось; и признаюсь, мнѣ кажется, придворному гораздо приличнѣе оскорбить своего непріятеля, написавъ на его счетъ колкую насмѣшку, чѣмъ бросивъ ему въ грудь конфеты, какъ въ драмѣ Г. Дюма.

Тутъ начинается представленіе мистеріи. Это целовкое подражаніе извѣстной сценѣ въ Шекспировой Трагедіи «Гамлетъ.» Въ этой мистеріи, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ о развратѣ язычниковъ и ихъ нечестіи, кромѣ рукоплесканій народа, зрителей, или, лучше сказать, кромѣ нѣсколькихъ намековъ, нѣтъ ничего касающагося до самой пьесы.

Во второмъ дѣйствіи — темная ночь. Актеры ищутъ другъ друга, нагнувшись впередъ и протягивая руки. Дюгасть первый явился на это свиданіе: онъ тутъ обѣщалъ драться съ Бюсси; но онъ, какъ Мольеровъ Сициліецъ, находитъ, что убить просто — гораздо вернѣе. Онъ проситъ своихъ пріятелей, при условленномъ знакѣ, напасть на Бюсси и умертвить его.

Въ то же мѣсто являются, съ намѣреніями не столь злобными, Маргарита Наварская и статсъ-дама ея, Г-жа де Монсоро. Королева Наварская назначила свиданіе Бюсси д'Амбуазу въ этомъ же саду и въ это же самое время. Присутствіе этихъ женщинъ производитъ сцену довольно занимательную, хотя сначала трудно понять ее.

Бюсси, раненаго Дюгастомъ или его пріятелями, приносятъ на сцену. Считаая себя уже при смерти, онъ нѣжно прощается съ Г-жею Монсоро, а Маргарита, ослѣпленная любовію, принимаетъ его слова на свой счетъ. Она знаетъ, что Бюсси носитъ на сердцѣ списокъ заговорщиковъ, и потому подходитъ къ нему, перевязываетъ его рану, и утѣшаетъ его. Такимъ образомъ, тайна заговорщиковъ не открылась бы, если бъ черезъ нѣсколько времени послѣ того Г. де Гермевиль не открылся по неосторожности Дю-

гасту, и, отведенный къ Королю, не объяснилъ ему заговора Малькоментовъ.

Третье дѣйствіе слабѣе прочихъ. Главная сцена произвела даже непріятное впечатлѣніе на зрителей. Бюсси перенесенъ во дворецъ Королевы Наварской; Маргарита и Г-жа Монсоро ухаживаютъ за нимъ; но вдругъ приходитъ Король. Г. де Гермевиль сказалъ ему, что Бюсси носитъ на сердцѣ списокъ заговорщиковъ, и Король приказываетъ Дюгасту, при себѣ, при всемъ Дворѣ, при сестрѣ своей, обыскать Бюсси.

Дюгастъ разрываетъ платье Бюсси, который, несмотря на свою рану, противится, и вынимаетъ у него записку. Эта борьба между двумя вельможами, изъ которыхъ одинъ дѣлается тюремщикомъ, а другой ослабленъ ранами, еще точащими кровь,—эта борьба безъ шпаги и безъ славы, производитъ весьма непріятное чувство.

Но отнятая у Бюсси бумага не списокъ заговорщиковъ, а нѣжное, очень ясное любовное письмо къ нему отъ прекрасной Г-жи Монсоро. Король, оставшись одинъ съ сестрою, сообщаетъ ей это письмо, и вотъ что придумываетъ въ четвертомъ дѣйствіи Маргарита, чтобы отмстить за себя.

Она призываетъ несчастную свою соперницу, и, заставивъ ее признаться въ любви своей къ Бюсси, принуждаетъ ее назначить въ тотъ же вечеръ свиданіе Дюгасту въ старой церкви Августиновъ. Она хочетъ присутствовать при этомъ свиданіи и слышать все своими ушами: иначе она обо всемъ расскажетъ Г-ну Монсоро: роковое письмо не позволить ему сомнѣваться въ своемъ безчестіи, а Г-жа Монсоро знаетъ, какая судьба ждетъ ея въ такомъ случаѣ.

Бѣдняжка сначала не рѣшается; но когда Маргарита удаляется, чтобы исполнить ужасную свою угрозу, знакомый голосъ, голосъ Бюсси, говоритъ ей: «Согласитесь, я тамъ буду.» Г-жа Монсоро повинуется волѣ Маргариты, и при ней назначаетъ Дюгасту свиданіе въ тотъ же вечеръ въ церкви Августиновъ. Но какая же цѣль Маргариты? Она хочетъ погубить вмѣстѣ и соперницу свою, и Дюгаста, ко-

торый покушался убить ея любезнаго. Она тотчасъ призываетъ Г-на Монсоро, и рассказываетъ ему о свиданіи, назначенномъ его женою Дюгасту. Бѣдная Маргарита! При жизни своей она не препятствовала, а помогала другимъ.

На сценѣ видна внутренность церкви Августиновъ. Только нечестіе автора и отсутствіе всякаго чувства приличія въ публикѣ могли изобрѣсти и терпѣть подобную декорацію; впрочемъ, на театрѣ *Porte-St.-Martin* она была превосходна и совершенно походила на древнюю католическую церковь. И кромѣ нея во всемъ этомъ дѣйствіи нѣтъ ничего похожаго на истину. Вѣроятно ли, напримѣръ, чтобы эта церковь была открыта для всѣхъ страстей, для всѣхъ преступленій? Является Маргарита Наварская: она приходитъ удостовѣриться въ дѣйствительности своего мщенія. Является Дюгасть, который спѣшитъ на свиданіе, назначенное ему Г-жею Монсоро. Потомъ является Бюсси, чтобы отмстить и за свою любовницу, и за честь свою, и за подлый поступокъ съ нимъ Дюгаста. Дюгасть безъ оружія; Бюсси даетъ ему шпагу; но когда Бюсси оборачивается, чтобы стать въ позицію, Дюгасть нападаетъ на него сзади. Раненый Бюсси въ ту же минуту убиваетъ Дюгаста, и тотъ идетъ умереть нальво.

Бюсси садится на гробницу: вдругъ онъ слышитъ легкіе шаги, и принимаетъ въ свои объятія Г-жу Монсоро. Они разговариваютъ — въ послѣдній разъ. Убійцы, присланные Г-мъ Монсоро для умерщвленія Дюгаста, котораго почитаетъ онъ любовникомъ жены своей, обманутые неблаго-разумнымъ отвѣтомъ, подсказаннымъ Г-жею Монсоро, убиваютъ Бюсси, который идетъ умереть направо.

Я избавлю васъ отъ нѣкоторыхъ подробностей, довольно длинныхъ; отъ сцены между Мальконтентами и Королевою Наварскою, которая, не зная, что Бюсси убить, даетъ имъ охранную грамоту; отъ сцены, въ которой Г. Монсоро отдаетъ Королю списокъ заговорщиковъ, взятый имъ у за-ломотой имъ самимъ жены его. Я спѣшу къ концу всѣхъ этихъ убійствъ. Король также приходитъ въ церковь, приведенный Г-мъ Монсоро. Онъ встрѣчаетъ тамъ сестру свою, которую ненавидитъ, и которая хочетъ свергнуть

его съ престола: онъ мститъ ей, показывая на трупу лежащій направо: «Вотъ твой Бюсси!» говоритъ онъ. «А вотъ твой Дюгастъ!» отвѣчаетъ она. Читатели, можетъ-быть, не поймутъ этой развѣдки, но въ этомъ виновать не авторъ пьесы. Я забылъ сказать, что Генрихъ III такъ же любилъ Дюгаста, какъ Маргарита любила Бюсси.

Неужели же все это есть благородное употребленіе Драматическаго Искусства? Исторія и здравый смыслъ страждутъ тутъ на всякомъ шагу; но это нечестіе и всѣ эти убійства понравились Парижской публикѣ, и Драма Г.-на д'Эпаньи имѣла успѣхъ блистательный.

3. *Une liaison, Любовная связь*, Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. Мазера и Анпи. На этотъ разъ сочинители прекрасной Комедіи «Мать и дочь» создали весьма посредственное твореніе. Первые три дѣйствія занимали публику; послѣднія два были очень слабы и почти освистаны. Между-тѣмъ когда провозгласили имена авторовъ, публика рукоплескала, потому что ГГ-мъ Мазеру и Анпи всегда апплодируютъ.

Сюжетъ пьесы составляетъ несчастное положеніе молодого человѣка хорошей фамиліи, благороднаго и воспитаннаго, который имѣлъ несчастіе завести тѣсную связь съ женщиною весьма нестрогихъ правилъ, дерзкою интриганткою, и не смѣетъ разойтись съ нею, боясь срама и даже разоренія, потому что, ослѣпленный любовью, онъ передалъ этой женщинѣ всѣ права надъ своимъ имѣніемъ. Сюжетъ богатъ, и могъ послужить основою прекрасной Комедіи. Но авторы, вмѣсто того, чтобы развить надлежащимъ образомъ этотъ предметъ, вздумали, противъ всѣхъ правилъ приличія и Драматическаго Искусства, вывести на сцену Князя Меттерниха. Если что-нибудь можетъ извинить подобный поступокъ, достойный времени и публики Аристофана, то развѣ одно только сльдующее обстоятельство: авторы вложили въ уста знаменитаго канцлера-дипломата нѣсколько острыхъ и ѣдкихъ насмѣшекъ надъ конституціоннымъ правленіемъ, и мѣткость этихъ эпиграмовъ была понята многими изъ зрителей.

4. M. Dupont, *Господинъ Дюпонъ*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. У Г. Дюпона есть дядя, а у этого дяди мерзавецъ племянникъ Дюпонъ; у племянника есть пріятель и платье; пріятель занимаетъ у него платье и ведетъ мамзель Беренису въ загородный трактиръ. Г. Дюпонъ приводитъ въ тотъ же трактиръ своего дядю, увѣряя, что это его загородный домъ. Этотъ дядя очень счастливъ. Тутъ являются одни за другими, игрокъ, солдатъ, чтецъ, мыщанинъ, продавецъ театральныхъ билетовъ, потомъ Г-жа Бриби, Г-жа Жераръ и мамзель Пелажи, которую не надобно смѣшивать съ тюрмою того же имени.

По окончаніи этихъ дѣйствій, въ которыхъ поется множество куплетовъ, мамзель Берениса выходитъ замужъ за Эдуарда.

Авторъ этой миленькой нравственной Комедіи, Г. Польде-Кокъ. Сначала онъ сдѣлалъ изъ Г. Дюпона Романъ; изъ этого Романа состряпалъ Водевиль для Театра Variétés; изъ Водевилья для Театра Variétés, Водевиль для Театра Ambigu comique. Не знаю право, зачѣмъ бы Г-ну Польде-Коку не послать своего пріятеля Дюпона на нынѣшнюю выставку произведеній промышленности въ Парижъ, въ ту залу, гдѣ показываются паровыя машины?

Теперь мы соберемъ въ кучу всѣ дурныя и предурныя Водевильи, Драмы и Мелодрамы, игранныя въ Парижъ въ теченіе прошлаго мѣсяца.

5. Le bal de Domestiques, *Лакейскій балъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, ГГ. Вильнёва и Шарля. Ужасъ, какая дрянь!

6. Une journée aux Charmettes, *День въ Шарметтахъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, ГГ. Баяра, Дефоржа и Вандербурга. Вспомните первую часть Исповѣди Руссо, и вы будете имѣть понятіе объ этой пьесѣ.

7. L'Aiguillette bleue, *Синяя Эгиллетта*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, ГГ. Женса и Массона.

8. Monsieur Pécherel l'empaillleur, *Господинъ Пешерель, набиватель чучель*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, ГГ. Дювера и Лозанна.

9. Le flagrant délit, *Улика во время преступленія*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, ГГ. Полена и Эдуарда.

10. La dernier de la famille, *Послѣдній въ родѣ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

11. Caravage, *Караваджіо*, Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Денъе.

12. Une chanson, *Пѣсня*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, ГГ. Коньяра и Монтиньи.

13. Camerani, ou le Diplomate de coulisses, *Камерани, или Закулисный дипломатъ*, Г. Шарля.

14. Le fils adoptif, *Пріемышъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, ГГ. Ружмона, Бразье и Вандербурга.

15. L'Apprenti, ou l'art de faire une mattresse, *Ученикъ, или Искусство добывать любовницу*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

16. Seize ans, ou la Sommation respectueuse, *Совершеннолѣтіе, или Почтительное требованіе чрезъ полицію согласія родителей на бракъ*: длинно, да нечего дѣлать!—въ законахъ этого нѣтъ. Мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, ГГ. Теодора Незеля и Буле.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Ничего важнаго, и почти ничего новаго въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Revue de Paris, — который, сказать мимоходомъ, перестанетъ существовать съ нынѣшнимъ годомъ къ крайнему нашему сожалѣнію, потому что это единственный Французскій Журналъ, по-времени достойный чтенія, — Revue de Paris все-еще толкуетъ о «Запискахъ Г. Шатобріана», и сообщаетъ ихъ отрывки. Г. Шатобріанъ поистинѣ дивный человѣкъ: ни одинъ писатель въ прозѣ не возбуждалъ въ наше время такого восхищенія, ни одинъ не былъ поставленъ своими современниками на высшемъ пьедесталѣ славы, и ни одинъ быть-можетъ не предназначенъ такъ скоро свалиться съ своего пьедестала въ Лету. Не будучи большими пророками, мы смѣемъ утверждать, что эта участь для него неизбежна, развѣ, при постепенномъ ходѣ времени, ложность идей и вычурность

слога въ Европѣ дойдетъ ужъ до того, что лѣтъ черезъ двѣсти Г. Шатобріанъ будетъ казаться еще образцомъ истины и естественности разсудительнѣйшему классу потомства. Журналъ, о которомъ мы упомянули, напечаталъ его «Плываніе изъ Гавра въ Америку». Въ этомъ отрывкѣ все такъ преувеличено, такъ далеко отъ дѣйствительности, колоритъ разсказа столь не похожъ на природный цвѣтъ предметовъ, что мы готовы держать пари, что Г. Шатобріанъ плавалъ въ Америку сухимъ путемъ, и что о морѣ говоритъ онъ только по наслышкѣ. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя его выраженія: «Люди, никогда не плававшіе, съ трудомъ составляютъ себѣ понятіе о чувствованіяхъ, которыя испытываешь, когда съ палубы корабля видишь только отъсюду лице пасмурное и грозное пропасти. Въ опасной жизни *морья* есть какая-то *независимость, сопряженная съ отсутствіемъ земли.*» Независимость въ морѣ для моряка!.... Если бъ не было морской дисциплины и необходимости думать поминутно о сохраненіи корабля, груза и своей жизни, конечно морская жизнь была бы самая независимая. Въ такомъ случаѣ можно сказать, что и солдатъ, движущійся машинально во фронтъ во время сраженія, пользуется независимостью, — всею независимостью сопряженою съ отсутствіемъ моря! Далѣе: «Языкъ даже матроза — *не простой языкъ: это языкъ, на которомъ бесѣдуютъ океанъ и небо, штиль и буря.*» Каково?.... Это одна изъ тѣхъ фразъ, по которымъ Г. Шатобріанъ училъ свой вѣкъ вкусу и чувству Прекраснаго: въ ней одной заключается вся школа. Далѣе: «Вы живете въ *миръ водъ*, между тварей, которыхъ одежда, привычки, обращеніе, лица, не похожи на землежительствоющіе чароды: онѣ имѣютъ *грубость* морскихъ волковъ и легкость птицъ. *На ихъ телахъ не увидишь заботъ общественныхъ; морщины, ихъ перестѣкающія, уподобляются складкамъ подобраннаго паруса* (Ого!), и выдолблены не столько лѣтами, сколько вѣтромъ и *волнами* (Ну, ну!). Кожа этихъ тварей, *упитанная солью, красна и сурова какъ поверхность скалы, разбиваемой валани.*» Уфъ!!.... Мы не въ силахъ списывать далѣе такую мощную картину. Хотя многіе въ состояніи не только не примѣтить этого ужаснаго донъ-кихотства въ мысляхъ и слогѣ, едва простибельнаго Гг. Сентъ-Бёву или Бальзаку,

по еще восхищаться имъ какъ необыкновенными красотами; однако мы рѣшительно предпочитаемъ плаванію великаго поэта-писателя плаваніе простаго и умнаго капитана, Базил Галля, и въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. сообщимъ нашимъ читателямъ отрывокъ изъ Записокъ послѣдняго, который вполне вознаградитъ ихъ за статью Г. Шатобріана, пропускаемую нами безъ всякаго сожалѣнія.

— Новый Романъ Г-жи Дюдеванъ, или Жоржъ Занъ, *Le secrétaire intime*, отличается, говорятъ Журналы, тѣмъ же волшебствомъ слога и тѣмъ же сумасбродствомъ предмета, какъ и «Лелія», хотя онъ гораздо благопристойнѣе своей предшественницы. Героиня его — женщина философа, нравственное чудовище безъ пола и безъ смысла. Три новыя Повѣсти Г-жи Дюдеванъ присоединены къ этому изданію.

— Изъ новыхъ Романовъ, *Fa dièze* Г. Карра, и *Le Chevalier de St.-Pons* Г-на Мюре приобрѣтають нѣкоторый успѣхъ. Послѣдній — Романъ въ хорошемъ тонѣ; второй, исполненъ «леной прелести и темнаго мечтанія». Г. Кабаионъ издаетъ «Романъ для кухарокъ».

— Вторая часть второго тома *L'Encyclopédie des gens du monde*, томы тринадцатый и четырнадцатый Записокъ Герцогини Абрантесъ, томы III и IV «Розовой книги», составляемой изъ дамскихъ Повѣстей, томы III и IV Записокъ капитана Базил Галля, и томы III и IV «Записокъ одного доктора» вышли изъ печати. Последнее сочиненіе, известное всѣмъ по отрывкамъ, уже два года помѣщаемымъ въ разныхъ Журналахъ, приписываютъ славному доктору Гаррисону.

— Дерзость творцевъ и издателей подложныхъ Записокъ рѣшилась на отчаянную мѣру: каждый шагъ Наполеона во время его пребыванія на островахъ Эльбъ и Св. Елены такъ извѣстенъ, что уже казалось невозможнымъ приписать ему каков-нибудь тайное литературное занятіе. Не тутъ то было! Онъ тамъ сочинялъ Записки, о которыхъ никто изъ свѣтъ не имѣлъ понятія, и книгопродавецъ Госселенъ издалъ ихъ уже двѣ части.

— Въ Парижѣ, правительство запретило дальѣйшее представленіе известной Драмы Александра Дюма, «Антонн».

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Изъ Лондона еще менѣе литературныхъ новостей, нежели какъ изъ Парижя. За недостаткомъ другого легкаго чтенія, Англійская публика бросилась въ прошломъ мѣсяцѣ на путешествія. The naval sketch book, и West India sketch book, Путешествія слѣпца Гольмана вокругъ свѣта и Описаніе посольства въ Персію Сиръ Гарфордъ-Джонсъ-Бриджеса, изъ котораго въ Смѣси слѣдующей книжки мы сообщимъ два любопытные отрывка, развлекали весь мѣсяцъ журналистовъ и читателей.

— Изъ новыхъ Романовъ, слышно только объ одномъ «Рухвудъ», твореніи; исполненномъ всякихъ ужасовъ. Славная Г-жа Гименсъ издала томъ своихъ пѣсней съ музыкою.

— Мы должны однако жъ упомянуть здѣсь о необыкновенномъ и весьма пріятномъ явленіи въ литературномъ мірѣ, — о сочиненіи Г-жи Сомервилль, On the connexion of the physical sciences, «О связи физическихъ Наукъ между собою.» Прекрасная (вѣроятно — прекрасная!) сочинительница могла бы получить званіе Доктора Философіи. Книга ея обнимаетъ всѣ физическія Науки, отъ Астрономіи до Естественной Исторіи, и написана съ такимъ знаніемъ разнообразныхъ и обширныхъ предметовъ, съ такимъ вкусомъ, ясностью и прелестью слога, что ее могутъ читать съ равнымъ удовольствіемъ и дама, и глубокомысленный Ученый.

— Разсужденіе объ университетскомъ ученіи, A Discourse on the studies of University, Г. Седжевика, удостоивается величайшихъ похвалъ въ Журналахъ: Атеней говоритъ объ немъ «съ высокимъ удивленіемъ».

— Извѣстный Г. Гоггъ, прославившійся своимъ умомъ подъ именемъ «Эттрикского пастуха», вздумалъ писать проповѣди. Но проповѣди Г. Гогга не духовныя: онъ разсуждаетъ о хорошихъ правилахъ и хорошемъ воспитаніи.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

Французскія.

COURS DE PHILOSOPHIE, par M. *Damiron*, professeur au Collège de Louis-le-Grand. 2 vol.

THÉORIE DE LA VIE SOCIALE, par M. *Hepp*, professeur de droit à Strasbourg. 1 vol.

DU MÉCANISME DE LA SOCIÉTÉ en France et en Angleterre, par M. *Rubichon*. 1 vol.

PAROLES D'UN CROYANT, par l'abbé *de la Menais*. 1 vol.

NOUVEAU SYSTEME DE L'UNIVERS, démontrant le vide de tout ce qu'on a écrit sur cette matière jusqu'à ce jour. 1 vol.

HISTOIRE de la révolution en France, par le vicomte *de Cogeny*. 6 vol.

ESSAI sur la révolution française, par M. *de Norvins*. 1 vol.

LA BOHEME, par A. C. *Thibaut*. 2 vol.

CORRESPONDANCE D'ORIENT. Par M. *Michaud*. Tomes III et IV.

IMPRESSIONS DE VOYAGES, par M. *Alexandre Dumas*. II vol.

VOYAGE EN SUISSE, en Lombardie et en Piémont, par le comte *Théobald Walsh*. 2 vol.

GRAMMAIRE théorique et pratique de langue Turke de Constantinople, par M. *Artin Hindoglu*. 1 vol.

NAPOLÉON, poème en dix chants, par *Joseph Napoléon*, ex-roi d'Espagne. 1 vol.

ADELE DE PONTHEU, poème héroïque en six chants, par M. *Mondelet*. 4 vol.

HISTORIETTES de Tallemant de Réaux. 3 vol.

PÉ-CHÉ-TUNG-KI, blanche et bleu, ou les deux coupleurs-fées, roman chinois, traduit par M. *Stanislas Julien*. 1 vol.

LA CŒUR DE JEUNE FILLE, roman par *Michel Raymond*. 1 vol.

ELIE TOBIAS, roman, par J. *Chabot de Bouin*. 2 vol.

LA RENAUDIE, par *Victor Boreau*. 2 vol.

LE CHEVALIER DE ST.-PONS, roman, par M. *Muret*. 2 vol.

FA DIÈZE, roman par M. *Karr*, auteur d'Une heure trop tard. 2 vol.

MARIAGE A FAIRE, roman par Mme *Adrienne D****. 2 vol.

PAUVRE FILLE, roman fataliste, par M. *Lefloch*. 1 vol.

CAGLIOSTRO, ou l'Ingrat et le cardinal, par l'auteur des Mémoires de Mme Dubarry. 2 vol.

ELIE MARIAKER, roman. 1 vol.

OUVRAGES PAR SOUSCRIPTION ET PAR LIVRAISONS.

Bibliothèque philosophique des tems modernes, ou collection de principaux philosophes depuis Bacon, Descartes etc. par MM. Bouillet et Garnier. 30 vol., par deux volumes tous les trois mois. 6 francs le volume.

Nova scriptorum latinorum bibliotheca, ad optimas editiones recensita, colligente J. P. Charpentier. 4 fr. le vol.

Trésor de numismatique et de glyptique, collection de médailles, bronzes, etc. 5 fr. la livraison.

Mémoires de Napoleon Bonaparte, préparés et terminés à l'île d'Elbe, rapportés aux Tuilleries et oubliés dans le cabinet de Louis XVIII; recueillis et mis en ordre par le rédacteur des Mémoires de Louis XVIII. 10 gros vol., par deux gros volumes tous les deux mois. 16 fr. la livraison.

Nouveau dictionnaire des origines, inventions et découvertes, etc. augmenté de 800 articles, par MM. Noël et Charpentier. 50 cent. la livraison.

Histoire parlementaire de la révolution française, ou journal des assemblées, etc. 20 vol.

L'Italie, la Sicile, les Iles Ioniennes, etc. avec 250 gravures sur l'acier, par Saint-Germain Leduc. 7 vol.

La mosaïque, livre de tout le monde et de tout les pays. 4 livraison par semaine, ornée de cinq gravures. 7 fr. pour 52 livraisons.

Illustration israélites, recueil des portraits et des biographies des Juifs les plus célèbres de tous les siècles, par M. Bréza. 12 livraisons, à 12 fr.

L'industrie, collection pittoresque de l'industrie française et étrangère, par une société, sous la direction de M. Flachet. 100 livraisons à 4 sous, avec 200 planches sur l'acier.

Collection de manuels, formant une Encyclopédie des sciences et arts. 50 cent. le vol. in-18.

Le littérateur universel, Recueil de ce qu'ont fait de plus remarquables les auteurs de toutes les époques et de toutes les nations; par une société. 6 fr. par an, 12 livraisons.

Le Magasin des Magasins, des musées, voyages, journaux et publications pittoresques, avec 300 vignettes. 6 fr. par an.

La brodeuse, journal mensuel de broderie, avec six planches par mois. 6 fr. par an; colorié 15 fr.

Англійскія.

A TREATISE on field fortifications and other subjects connected with the duties of field engineer. By J. S. Macauley. 4 vol. with plates.

ORIGIN AND PROGRESS OF ASTRONOMY. By J. Narrien. 1 vol.

A DISCOURSE on the studies of University. By *Adam Sedgwick*. 4 vol.

TAXATION of the British Empire. By *R. Montgomery Martin*. 1 vol.

THE HISTORY AND PRINCIPLES OF BANKING. By *James William Gilbart*. 1 vol.

THE PHILOSOPHY OF LEGISLATION. An essay. By *Alexander Mundell*. 1 vol.

MEDICA SACRA, or short expositions of the more important diseases mentioned in the Sacred Writtings. By *Thomas Shapter, M. D.* 4 vol.

HISTORY OF EGYPTIAN MUMMIES, with remarks on the funeral ceremonies of different nations, and observations on the mummies of Canaries Isles, of the ancient Peruvians, of the Burman priests, etc. By *T. J. Pettigrew*. 4 vol. 4-to with plates.

A DESCRIPTION OF THE BURMESE EMPIRE, by the R. Father Sangermano. Translated by *W. Tandy*. Printed for Oriental Translation Committee. 1 vol. 4-to.

EGYPT AND MOHAMMED ALI, or Travels in the valley of the Nile. By *James Augustus St.-John*. 2 vols.

AN ACCOUNT of His Majesty's mission to Persia in 1807. By *Sir Harford Jones Brydges*. 2 vols.

THE LIFE and correspondence of Henry Salt. By *J. J. Halls*. 2 vols.

THE RECOLLECTIONS OF A SOLDIER, a narrative of a twenty-seven years' service in various parts of the world. By a field-officer. 3 vols.

A SERIES OF LAY SERMONS on good principles and good breeding. By *Eurick Shepherd*. 1 vol.

NATIONAL LYRICS and songs for music. By *Felicia Hemans*. Dublin. 1 vol.

THE SPRINGS OF PLYMLIMON, a poem. By the Rev. *Luke Booker*. 4 vol.

A YEAR AT HARTLEBURY, or the Election. A novel. By *Cherry and Fair Staar*. 2 vols.

THE CONSPIRACY, a Venetian romance. 3 vols.

SPECULATION, a novel. By *Miss Pardoe*. 3 vols.

ROOKWOOD, a romance. 3 vols.

THE OLD MEN'S TALES. 2 vols.

М О Д Ы.

Парижъ. Май.

Что, нѣтъ ничего новаго? воскликнуть дамы. Ахъ!....

Что, нѣтъ ничего новаго? воскликнуть мужа. Слава Богу!

Ахъ,—или—слава Богу, по то вѣрно, что нѣтъ ничего новаго. На всѣхъ полученныхъ изъ Парижа рисункахъ платья совершенно гладкія, безъ всякихъ особенностей: рукава большею частію широкіе внизу и собранные складками у кисти, но прежніе рукава узкіе внизу еще не вышли изъ употребленія; платья изъ нарядныхъ тканей могутъ имѣть два сабѣ, такіе же, какъ въ прошлую зиму. Шляпки тѣ же. Вся сила въ выборѣ матеріи и рисунка на матеріи.

Должно признаться откровенно, что ситцы и холстинки считаются теперь ужъ слишкомъ простыми. Порядочныя дамы носятъ только шелковыя и шерстяныя ткани.

Утро и вечеръ, можно сказать, принадлежать двумъ отдаленнымъ вѣкамъ, двумъ враждующимъ вкусамъ, двумъ потерпавшимъ другъ друга народамъ. Поутру носятъ десени какъ-можно мельче, ввечеру какъ-можно огромнѣе.

Утренніе пенъуары дѣлаются изъ кисей съ самымъ мелкимъ узоромъ; вечернія платья изъ шелковой кисей съ короткими рукавами и открытымъ корсажемъ, *decollété*; изъ Шотландскихъ матерій, и особенно изъ фуляровъ съ большими разводами. Фуляръ — вещь необходимѣе солнца и счастья. Нынче дама неизбѣжно должна имѣть платье изъ фуляра, — изъ Ліонскаго, Англійскаго, Индійскаго, Китайскаго, но только непременно изъ фуляра.

— Рединготы изъ гроденапля съ открытымъ корсажемъ, отъ котораго отлагается внизъ пелеринка, оканчивающаяся угломъ спереди у кушака, составляютъ красивое пеглиже.

— Модные цвѣта—сѣрые; пепельно-сѣрые, пыльно-сѣрые, лилово-сѣрые, и просто сѣрые.

— Канзу видны во множествѣ, и съ фулярами носятъ кисейныя канзу, съ шитыми узорами и высокими кружевами.

Эшарпы изъ шелковой кисеи, и большею частью шиты шелкомъ. Есть также эшарпы фуляровые и органдивовые.

— Къ описанію шляпокъ, которое дали мы въ прошломъ мѣсяцѣ, можно прибавить одно только обстоятельство: вмѣсто блонды на лбу, нѣкоторые щеголихи стали употреблять тонкую плетенку изъ цвѣтовъ, и это очень мило. Модный цвѣтъ шляпокъ — розовый.

Какъ форма шляпокъ не измѣнилась, то весь секретъ состоитъ въ избраніи болѣе или менѣе благородной матеріи на шляпку. Бастовыя шляпки, *raile de riz*, хотя еще употребляются модными дамами, но уже гораздо рѣже: онѣ бывають скозыны, *à-jour*, и обшиваются гроденншлевой зубчатой уборкой. Тафтяныя ленты предпочитаютъ газовымъ, которыя видны только на газовыхъ шляпкахъ.

На розовыя шляпки берутъ ткани чрезвычайно свѣжія и блестящія. Для этого есть особая матерія, легкая, блестящая, лоснящаяся какъ атласъ, прелестная.

Шляпки-капоты лучшаго тона дѣлаются изъ Шотландскихъ лентъ, бывыхъ съ розовымъ, лиловыхъ съ розовымъ, голубыхъ съ розовымъ, и проч., на кулисахъ изъ китовыхъ усовъ и съ бантомъ съ боку.

Шляпки изъ Италіанской соломѣ всегда въ хорошемъ вкусѣ, и теперь въ большомъ употребленіи: ихъ убирають тафтяными лентами и цвѣтами. Болѣе нарядныя бывають украшены бѣлыми перьями, которыя никогда не унижаютъ прелестной головки, а напротивъ сообщаютъ ей что-то пышное, великолѣпное.

Но самая прелестная, эфирная, небесная шляпка, это шляпка-Тальони, названная по имени танцовщицы, которая пляшетъ какъ эфиръ, и наряжается какъ весеннее облако, разцвѣченное лучами заходящаго солнца. Шляпки-капоты *à-la-Taglionì* очень малы, и сдѣланы изъ шелковаго тюля съ свѣтло-голубыми лентами, съ вуалью также изъ тюля, вышитою шелкомъ того же цвѣта какъ и ленты. Милое, розовое личико, окруженное этою прозрачностью, кажется Сильфомъ, появляющемся въ мягкомъ, сребристомъ туманѣ. Выше этой шляпки вѣкъ нашъ ничего выдумать не въ состояніи: она будетъ жить вѣчно, — до самой осени.

Когда цвѣтеть сирень, въ Парижѣ всегда украшаютъ шляпки сиреневыми цвѣтами: это знакъ весны. Теперь уже стали убирать ихъ цвѣтами яблони, душистаго гороха, апельсиновыми, гвоздикою и разными другими, а особенно вѣтками акаціи. Маленькіе букеты цвѣтовъ въ такомъ употребленіи, что ихъ носятъ даже подъ самыми скромными блондовыми чепчиками.

Дѣтскія моды. Ткани шелковыя и кашемировыя, съ очень мелкимъ рисункомъ, и фуляры идутъ дѣтямъ отъ трехъ до десяти лѣтъ. Въ платьяхъ, нѣсколько парадныхъ, корсажъ долженъ быть съ зубчиками, собранный напередѣ и сзади, или со шнуромъ напередѣ и плоскій. Короткіе рукава должны быть очень пышны и украшены бантиками съ длинными концами. На черномъ фуляровомъ платьѣ съ мелкими розами, весьма красивы бантики изъ красныхъ лентъ, которыя втыкаются также въ свѣлорусые волосы и придерживаютъ на вискахъ пучки.

— Панталоны во всеобщемъ употребленіи; они должны быть внизу средней ширины и украшены кружевомъ или складками.

— Передники носятъ мало. Въмѣсто галстуховъ, cols, надеваютъ пелеринки.

— Шляпки дѣлаются изъ гроденапля, сборчатые или соломённые, подложенные гроденаплемъ.

— Обувь состоитъ изъ башмачковъ съ весьма тупыми носами, полусапожковъ или штиблетовъ.

— Мальчики носятъ курточки на Англійскій манеръ, круглыя и спереди открытыя; подъ жилетомъ надеваютъ шемизетку съ широкими складками и пуговками; она оканчивается отложнымъ воротничкомъ. Шейный платокъ черный шелковый или фуляровый, приподнимаетъ этотъ воротничекъ къ лицу. Мальчикамъ лѣтъ шести хорошо носить панталоны со складками; они не стѣсняютъ ихъ движеній и не стягиваютъ въ талии.

— Суконные штiblеты или черные кожаные сапожки составляютъ ихъ обувь.

— Отъ четырехъ до десяти лѣтъ мальчики носятъ фуражки. Фуражки весьма хорошенькія дѣлаются изъ белыхъ лошадиныхъ волосъ и казимира.

Мужскія моды. Мужской нарядъ ни сколько не подвигается къ изящности формъ или къ удобству: кажется, будто, мужчины дали себѣ слово быть столько же безвкусными въ платьѣ, сколько они скучны въ обращеніи.

Черный цвѣтъ въ хорошемъ тонѣ и въ нынѣшнее лѣто. Сюртуки очень короткіе, однобортные, застегнуты до самой шеи. Поутру молодые люди носятъ панталоны изъ толстой плоской матеріи, сврой или ореховаго цвѣта. Жилеты остались съ низкими воротниками, галстуки шелковые, шляпы съ малыми полями, носовые платки изъ фуляра, перчатки белые или свѣтло-желтыя, фраки того же покрою какъ и въ прошломъ мѣсяцѣ: только одна толстая трость поутру, необходимое вооруженіе «ешенебля» 1834 года, отличаетъ человека съ сильнымъ воображеніемъ и съ утонченнымъ вкусомъ отъ тѣхъ душъ безъ огня и поэзіи, которыя остались при тощихъ, холодныхъ прошлогоднихъ палочкахъ.

=

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Демидовскія преміи.* Засѣданіе 30 Мая было посвящено провозглашенію ученыхъ трудовъ, получающихъ въ нынѣшнемъ году премій, учрежденныя почтеннымъ любителемъ просвѣщенія, П. Н. Демидовымъ.

Изъ числа шестнадцати представленныхъ сочиненій, Академія не нашла ни одного, заслуживающаго полную награду. Слѣдующія семь книгъ удостоены половинныхъ премій:

I. Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей, 3 части, сочиненное Г. *Левшинымъ*, Градоначальникомъ Одесскимъ.

II. Сказанія Князя Курбскаго, 2 части, изданныя Г. *Устряловымъ*, профессоромъ при здѣшнемъ Университетѣ.

III. *Plantarum novarum seu minus cognitarum, quas in itinere Caspico-Caucasico observavit D. Edvard Eichwald, cum tabulis XX, fasciculus secundus.*

IV. Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи, составленное Г. Надворнымъ Совѣтникомъ *Григорьевымъ*.

V. Руководство къ виноградному садоводству и винодѣлію въ Южныхъ Губерніяхъ Россіи, сочиненное Г. Барономъ *Боде*.

VI. О системѣ Наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначеннымъ къ образованнѣйшему классу общества, соч. Д-ра *Ястребцова*.

VII. Полевая Фортификація съ атласомъ, сочиненіе Г. *Половцова*.

Академія, желая изъявить благодарность свою Ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ разсмотрѣніи сочиненій, поступившихъ къ соисканію, учредила для нихъ, съ согласія Г. *Демидова* и съ Высочайшаго соизволенія, раздачу золотыхъ медалей. Для издержекъ, положено употреблять проценты съ капитала, вносимаго Г. Демидовымъ каждый разъ впередъ.

Медаль, величиною около серебрянаго рубля, представляетъ съ одной стороны окруженную дубовымъ и лавровымъ вѣнкомъ надпись:

Т. IV. — Отд. VII.

8

Annua
XXV. milia. rub. ass.
Praemiis Literariis
dum vivit et XXV ann: ultra
de suis destinat
Die XVII Apr. MDCCCXXXI.

На оборотѣ: изображеніе совы съ распростертыми крыльями, и подъ нею надпись:

Evocatis
Praemii Demidoviani
Arbitris
Academia.

Въ пышнѣе годичное засѣданіе Академія почтила такими медалями Гг. Самсона фонъ-Гиммелстерна; бывшаго профессора въ Дерптѣ, Нейманна; Н. И. Греча; А. Х. Востокова и Доктора Медицины, Лихтенштедта.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Ботаническія и зоологическія открытія Г. д'Орбиньи.* Въ послѣднія восемнадцать лѣтъ, Французскій Музеумъ Естественной Исторіи отправилъ восьмерыхъ Ученыхъ странствовать по свѣту. Изъ нихъ пятеро погибли въ чужихъ краяхъ, двое умерли отъ понесенныхъ ими трудовъ по возвращеніи въ отечество; одинъ только Г. д'Орбиньи воротился благополучно, и притомъ съ самыми удовлетворительными результатами.

Ему поручено было изслѣдовать внутренность Юго-Американскаго материка, которая, въ сравненіи съ берсговыми его частями, еще очень малоизвѣстна. При всей ограниченности данныхъ ему денежныхъ способовъ, при всей трудности ученаго путешествія въ краю полудикомъ и малолюдномъ, Г. д'Орбиньи умѣлъ собрать и сберечь для Музеума «семнадцать ящиковъ сокровищъ».

Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ, Гг. Броньяръ и Бленвиль читали донесенія свои о ботаническихъ и зоологическихъ трудахъ ученаго путешественника.

Хотя Г. д'Орбиньи преимущественно посвятилъ себя Зоологіи, однако жъ привезъ 2000 породъ растений, изъ

которыхъ отъ 300 до 400 можно почесть совершенно новыми. Собранныя, большею частію, на Кордильеръ Андовъ, они тѣмъ болѣе важны, что составляютъ необходимыя дополнительныя звенья къ той цѣпи, которою теперь можно соединить растительность Хили съ Перувианскою и Коломбійскою. Путешественникъ обратилъ особенное вниманіе на пальмы, которыя такъ мало извѣстны въ Европѣ, что по-сю пору мы должны были руководствоваться рисунками старыхъ естествоиспытателей, Румфія, Реде и прочихъ. Только недавно появилось сочиненіе Марціуса о Бразильскихъ пальмахъ. Г. д'Орбиньи пополнилъ и этотъ недостатокъ, срисовавъ 48 пальмовыхъ породъ, со всеми подробностями и особенностями ихъ плодовъ, листьевъ и цвѣта.

По части зоологической, изслѣдованія Г. д'Орбиньи были еще многообъятнѣе. Онъ наблюдалъ и малорослый народецъ, Квишну, и огромныхъ Патагонцевъ: по его мнѣнію, человѣческая порода слѣдуетъ одинаковому закону съ растеніями, то есть, становится тѣмъ мельче, чѣмъ выше ея мѣстопробываніе. Г. д'Орбиньи привезъ съ собою два черепа древнихъ Перувианцевъ, у которыхъ лбы сплюснуты, какъ у Караивовъ.

Классъ млекопитающихъ пріобрѣлъ его трудами важныя дополненія. Онъ знакомитъ насъ съ разными новыми породами обезьянъ: одна изъ нихъ похожа на *aimiği*, синерылку, но отличается длиннымъ хвостомъ, черной головою и желтошерстными руками. Въ числѣ ихъ есть цѣлый рядъ *воющихъ обезьянъ*, *singes hurleurs*, и новый родъ *дурукули*, замѣченныхъ Гумбольдтомъ. Г. д'Орбиньи сообщаетъ множество новыхъ фактовъ, относящихся до естественной исторіи обезьянъ; таково, напримѣръ, свѣдѣніе о предѣлахъ ихъ обитанія. Путешественнику не случилось видѣть ни одной за 27° южной широты, и вообще ихъ гораздо больше на равнинахъ, чѣмъ въ горахъ. Въ числѣ млекопитающихъ, привезенныхъ цѣликомъ, есть красный волкъ, упоминаемый Гумбольдтомъ, и питающійся преимущественно куропатками; новаго рода лисица, которой боятся Патагонцы, и медвѣдь изъ той мелкой породы, которую Кювье называетъ *ursus ornatus*, нарядными медвѣдями.

Изъ плотоядныхъ животныхъ путешественникъ наблю-

★

далъ летучихъ мышей, и особенно кровососовъ: онъ подтверждаетъ, что они действительно сосутъ кровь другихъ животныхъ и даже человека. Часто выдавъ вонючекъ, онъ имѣлъ случай замѣтить преувеличеніе на счетъ числа ихъ породъ, и отличить ту, которая собственно принадлежитъ Южной Америкѣ, и издастъ такую вонь, что ея слышно за три версты въ морѣ.

Изъ семейства тюленей путешественникъ привезъ прекрасный костякъ ушастой породы, otaries.

Беззубыя, то есть, животныя, не имѣющія зубовъ перваго разряда, или рѣзцовъ, edentata, и особенно броненосцы, также были предметомъ его изслѣдованій. Онъ привезъ много образцовъ этого класса, и показалъ достоверно, что если нѣкоторые изъ нихъ питаются растеніями, за то другія до такой степени плотоядны, что отрываютъ погребенныя тѣла и пожираютъ ихъ. Онъ открылъ еще новаго рода китовъ: особенно замѣчательнъ одинъ изъ породы дельфиновъ, найденный за 800 миль отъ морскаго берега, въ рѣкѣ Паранѣ, въ Бразиліи.

Классъ грызущихъ, rodentia, наиболѣе обогатился новыми открытіями. Кромѣ разнаго рода Кордильерскихъ бѣлокъ, замѣчательно собраніе Бразильскихъ зайцевъ и вонючихъ вивверъ, множество крысъ; кроликъ, который не живетъ въ норахъ; новый родъ агути, три или четыре рода кобаевъ; свинка, которая водится въ возвышеннѣйшихъ частяхъ Патагоніи, и разныя другія породы изъ Хили. Съ другой стороны, Г. д'Орбиньи допускаетъ одну только породу коанду, которая доселѣ принималась за двѣ. Изъ копытчатыхъ, ungulata, онъ нашелъ одну только породу тапира, да четыре извѣстныхъ породы Американскаго верблюда ламы. Изъ семейства оленей, опредѣлилъ онъ пять породъ; въ томъ числѣ одну совершенно новую.

По вычисленію Г. Изидора Жоффуа, ученый путешественникъ открылъ 46 новыхъ породъ млекопитающихъ; а какъ число всѣхъ извѣстныхъ породъ можно полагать до 1200, то онъ увеличилъ его четырьмя процентами. Дополненіе, сдѣланное имъ къ каталогу птицъ, несравненно больше; оно такъ велико, что нельзя и говорить объ немъ въ краткомъ отчетѣ. Напримѣръ, въ собраніи Г. д'Орбиньи,

500 породъ одного воробья. Онъ замѣтилъ также множество утокъ. Менѣе открыто имъ пресмыкающихся, — только 119 новыхъ видовъ; земноводныхъ еще меньше; за то рыбъ безчисленное множество.

2. *Планиметръ*. Г. Пюиссанъ отдалъ Академіи подробный отчетъ объ инструментѣ, изобрѣтенномъ Гг. Оппикоферомъ и Эрнестомъ для графическаго измѣренія поверхности пахатной земли, означенной на планѣ, начерченномъ по какому бы то ни было масштабу. Этотъ инструментъ, называемый планиметромъ, весьма удобенъ для того, чтобы чрезвычайно скоро и съ достаточною вѣрностію опредѣлить площадь земли, означенной гектарами, или другою мѣрою на планѣ, сдѣланномъ по обыкновеннымъ геометрическимъ способамъ. Онъ можетъ съ успѣхомъ замѣнять нынѣшнія методы, всегда влекущія за собою продолжительныя вычисленія, и которыхъ результатъ не менѣе того только приближительный. Г. Пюиссанъ говоритъ, что изобрѣтенный планиметръ есть одинъ изъ самыхъ замысловатыхъ и самыхъ полезныхъ инструментовъ, какими практическая геометрія обогатилась въ новѣйшее время.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Новыя изслѣдованія о физиологій мозга. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Общества, Сиръ Чарльсъ Белль читалъ любопытную записку объ отправленіяхъ нѣкоторыхъ частей мозга, и о связи между нервами движенія и чувствованія. Изложивъ затрудненія, препятствующія успѣхамъ этой части Физиологій, авторъ объяснялъ, что лучший способъ изслѣдовать отправленія мозга и нервной системы состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать волокна нервовъ въ волокнистомъ и полосатомъ веществѣ мозга; по его мнѣнію, такое разсмотрѣніе показало бы, что нервы движенія и чувствованія нисходятъ двумя столбцами отъ обоихъ полушарій мозга, встрѣчаясь и пересѣкаясь потомъ въ продолговатомъ мозгу, *medulla oblongata*. Общія результаты собственныхъ изслѣдованій его по этой части заключаются въ слѣдующемъ: утрата движенія и чувствъ случается обыкновенно въ одно время потому, что нервы движенія и чувствованія идутъ изъ однихъ и тѣхъ же частей мозга. Повреж-

деніе въ мозгу чувствительно и для той стороны тѣла, которая противоположна поврежденной части, по причинѣ пересѣченія нервовъ. Такое пересѣченіе существуетъ по-видимому не для того, чтобъ поврежденіе распространялось отъ одной стороны тѣла на другую, что не всегда и бываетъ, а для взаимнаго сопряженія всѣхъ частей одной и той же системы. Спинной мозгъ болѣе нежели нервъ; онъ имѣетъ свое особенное назначеніе, и есть, по-видимому, та часть нашего тѣла, въ которой сосредоточиваются движеніе и чувствованіе, и та цѣпь, которою обѣ эти способности сопрягаются съ мозгомъ. Вразсужденіи мозжечка Г. Белль замѣчаетъ, что до сихъ поръ никто еще не опредѣлилъ назначенія его даже съ какою-нибудь точностью.

ГГ. ДАЛЬ, ЗЕЙДЛИЦЪ, И ОМЕОПАТІЯ. Животный магнитизмъ, чернокнижіе и Омеопатія имѣютъ то общее, что чудеса ихъ объявляются только тѣмъ, кто въ нихъ вѣруеть. Полемика, къ которой почтенный Докторъ Даль подалъ поводъ письмомъ своимъ къ Г. Зейдлицу, напечатанномъ въ Сѣверной Пчелѣ, сама по себѣ такъ забавна, и производитъ такое волненіе въ міръ прописывающемъ и глотающемъ порошки, что мы не можемъ лишить читателей нашихъ случая познакомиться съ предметомъ спора, тѣмъ болѣе, что его обстоятельства довольно важны для Науки.

Когда Турки подступали къ Константинополю, Греки брались за усы по поводу нѣсколькихъ богословскихъ толкостей, непостижимыхъ и для ихъ защитниковъ, и для тѣхъ, которые ихъ опровергали. Когда Папская власть угрожала порабоженіемъ всему Западу, Западъ отчаянно предавался схоластическимъ распрямъ подъ знаменемъ Аристотеля. Когда надъ Европою сбиралась кровавая туча Французской революціи, Европейцы жарко и шумно разсуждали о месмеризмѣ. Нашъ вѣкъ, умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ вѣковъ, смѣется надъ слабоуміемъ Византійцевъ, смѣется надъ сумасбродствомъ схоластическихъ диспутовъ, смѣется надъ месмеризмомъ и месмеристами, и спорить до слезъ объ Омеопатіи. Это самымъ торжественнымъ образомъ доказываетъ способность ума человеческого къ безпредѣльному совершенствованію.

Многіе считаютъ Омеопатію наукою, или теорією, а я думаю, что это эпиграмма на умъ XIX столѣтія; — и что эта эпиграмма ловка, что она очень мѣтко брошена, хотя и немножко жестока, что какъ-разъ попала въ цѣль, вы имѣете доказательство тому въ успѣхъ ея всюду, гдѣ есть люди съ умомъ XIX вѣка, даже въ Оренбургѣ.

Омеопатія совершенно покорила Оренбургъ дециліонными частицами одной крупинки лекарства, и уже грозитъ вторгнуться въ Киргизскую степь: если только успѣетъ она разжидить эту крупинку до центиліонной степени, то, нѣтъ сомнѣнія, всѣ три Орды будутъ въ ея власти. Докторы Даль, аллопаты грозный и непоколебимый, который никогда не вѣрилъ чудеснымъ свойствамъ дециліонной частицы чего бы то ни было, который насмѣхался надъ омеопатами, который называлъ ихъ теорію шарлатанствомъ и еще хуже этого, пріѣхавъ въ Оренбургъ, нашелъ все мѣстное здоровье въ ихъ рукахъ, весь городъ гремящимъ ихъ подвигами, всѣ пути къ кроватямъ пресѣченными рядомъ потенцированныхъ порошковъ, и долженъ былъ бороться съ ними за всякаго пациента. Возникла страшная медицинская война. Въ пылу спора, въ восторгъ аллопатическаго убѣжденія, Г. Даль предложилъ омеопатамъ *съѣсть за-разъ всю ихъ аптеку*, — такъ сильно былъ онъ увѣренъ, что ихъ до безконечности разжиженные лекарства не въ состояніи произвести ни какого дѣйствія надъ разсудительнымъ, твердымъ въ хорошихъ правилахъ желудкомъ! Разумѣется, что испуганные омеопаты не согласились на эту рѣшительную мѣру, тѣмъ болѣе, что, послѣ подобнаго испытанія, Г. Даль могъ, по всей справедливости, въ свою очередь заставить омеопатовъ съѣсть за-разъ всю Оренбургскую губернскую аптеку, чтобъ взаимно увидѣть на нихъ силу аллопатическаго образа врачеванія; но, улучивъ время, они дали ему шесть порошинокъ чистаго сахару, смоченныхъ дециліоннымъ разжиженіемъ древеснаго угля. Г. Даль улыбнулся съ презрѣніемъ, и храбро принялъ ничтожное количество лекарственнаго снабдѣнія. На третій день онъ почувствовалъ себя какъ-бы угореннымъ. Ничего не говоря омеопатамъ, онъ дважды повторилъ надъ собою тотъ же опытъ, и каждый разъ испыталъ тѣ же слѣдствія: всеобщую возвышенную раздражитель-

ность нервовъ , безпокойство , тоску , урчаніе въ животѣ , непріятный вкусъ , головокруженіе , давленіе въ вискахъ и подъ глазами полостями , головную боль , сильный шумъ въ ушахъ , наконецъ сухой кашель съ весьма тягостнымъ давленіемъ надъ грудною костью , и такое разстройство всего тѣла, что малѣйшій шумъ, говоръ, и въ особености табачный дымъ, сдѣлались для него нестерпимыми. Омеопаты запрыгали отъ радости, закричали вивать, дали великолѣпный обѣдъ въ честь дециліоннымъ частицамъ, а Г. Даль, невѣрный, дерзкій Даль, который вызывался проглотить всю ихъ аптеку, былъ сраженъ шестью ихъ порошинками, убѣдился «въ весьма пронзительномъ дѣйствіи этого безумнаго средства», и написалъ письмо о томъ въ Петербургъ, къ другу своему, Г. Доктору Зейдлицу.

Омеопатическое народонаселеніе столицы много узнало о чудѣ, свершившемся на Киргизской линіи: омеопаты все знаютъ. О восторгъ! о радость! Надобно было видѣть Петербургъ въ эту минуту. Незнакомые умильно пожимали себѣ руки, враги дружески цѣловались, всѣ приверженцы дециліонной жижицы издалека кричали другъ другу на улицѣ: «Даль обратился! Даль омеопатъ! Слышали вы о чудесномъ обращеніи Даля?... У Зейдлица письмо отъ него!» Они не довольствовались этимъ: они громко требовали, чтобы Г. Зейдлицъ напечаталъ это письмо и всенародно принесть свидѣтельство истинѣ. Другъ обращеннаго согласился на ихъ желаніе, но съ тѣмъ, чтобы напередъ повторенъ былъ здѣсь, въ Петербургъ, опытъ съ дециліонными частицами разжиженнаго древеснаго угля, отъ котораго Г. Даль угорѣлъ такъ жестоко, какъ отъ большой Русской печи.

Приготовили угольно-потенцированные порошки сахару, избрали десять человекъ здоровыхъ фельдшеровъ, и два доктора противоположныхъ медицинскихъ исповѣданій, Г. Гедекенъ, изъ омеопатовъ, и Г. Нечаевъ, природный аллопатъ, раздѣлили между собою пациентовъ, долженствовавшихъ испытывать силу таинственнаго препарата. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности этого любопытнаго опыта, и мы изложимъ только общіе его результаты. Г. Гедекенъ приступилъ къ раздачѣ приѣмовъ со всѣми омеопатическими церемоніями, которыя конечно по-

дѣйствовали заранѣе на нервы принимающихъ, приготовивъ ихъ умы къ ожиданію сильныхъ лекарственныхъ дѣйствій; Г. Нечаевъ, напротивъ, давалъ тѣ же порошинки своимъ пяти человѣкамъ какъ-можно проще, и ни чѣмъ не пугая ихъ воображенія. Пациенты перваго подверглись почти тѣмъ же болѣзненнымъ ощущеніямъ, какія описалъ Г. Даль; фельдшера втораго ровно ничего не почувствовали. Что примѣчательнѣе, — послѣ угольно-потенцированныхъ сахарныхъ порошинокъ, пациентамъ Г. Гедекена давали такое же количество порошинокъ чистаго сахару, и они впадали въ совершенно тѣ же болѣзненные припадки. Эти опыты, многократно повторенные въ теченіе Марта и Апрѣля мѣсяцевъ со всею офиціальною точностію и всегда съ одинаковымъ результатомъ, поставили Г. Зейдлица въ возможность объявить съ новою и еще большею увѣренностію въ отвѣтъ Г. Далю, что Омеопатія есть поп-епз и поп-сепз, — небылица и бессмыслица, — и удостовѣрить своего друга, что Оренбургское чудо было простое слѣдствіе раздраженія въ немъ первовъ споромъ его съ омеопатами. Онъ вѣроятно боялся ощутить дѣйствіе принятаго лекарства, и потому пмменно ощутилъ его: безпокойство души замѣнило въ этомъ случаѣ полную вѣру, которой Омеопатія, подобно магнитизму, преимущественно требуетъ отъ человѣка. Авторъ присовокупляетъ, что недавно были произведены въ Берлинѣ такіе же опыты надъ здоровыми лошадьми, кошками и собаками, которымъ давали сильные приемы омеопатическихъ препаратовъ, и въ которыхъ однако жъ не замѣтили ни какаго ихъ дѣйствія. И не удивительно: эти животныя имѣютъ счастье не вѣрить не только Омеопатіи, но и всей Медицины!

ЗМѢИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ЖЕЛУДКѢ. Всѣ Журналы повторяютъ, слѣдственно и мы должны повторить то, что пишутъ въ Нью-Йоркскихъ газетахъ. Впрочемъ, дѣло не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно происходило на томъ свѣтѣ, — въ Америкѣ.

«Мы только-что получили извѣстіе, говорятъ Нью-Йорскія Вѣдомости, о дивной операціи, которую докторъ Моттъ сдѣлалъ одному портному, живущему въ улицѣ Эссексъ-

Стричь. Этого человека зовутъ Фредерикомъ Вильямсомъ. Тому около полутора года, былъ онъ въ Ямайкѣ, и пилъ тамъ воду изъ ключа, на днѣ котораго, какъ самъ примѣтилъ, играли молодые змѣйки длиною не больше одного вершка. Черезъ полгода почувствовалъ онъ родъ ворчанія въ желудкѣ, и въ то же время эта часть тѣла начала ужасно раздуваться. Аппетитъ возрасталъ вмѣстѣ съ желудкомъ, и наконецъ сдѣлался столь сильнымъ, что бѣдный страдалецъ принужденъ былъ обѣдать по четыре и по пяти разъ въ сутки. Это продолжалось нѣсколько недѣль: тутъ онъ вспомнилъ о ключѣ, изъ котораго пилъ воду въ Ямайкѣ, и ужаснулся при мысли, что, можетъ-статься, проглотилъ одного изъ плававшихъ тамъ гадовъ. Между-тѣмъ выпуклость на желудкѣ увеличивалась, и онъ уже ощущалъ, какъ пресмыкающееся копышилось и прыгало внутри его. Боль отъ этихъ внезапныхъ движеній и отчаяніе повергали его въ судороги.

«Онъ послалъ за Г. Моттомъ. Почтенный докторъ предложилъ сдѣлать операцію, то есть, прорѣзать въ желудкѣ отверстіе, черезъ которое можно было бы вынуть змѣю, но Вильямсъ не рѣшался изъ опасенія новыхъ страданій. Тогда вздумали вытащить ее черезъ горло, и вотъ что положено было сдѣлать. Страдальцу запретили принимать пищу три дня, и все это время докторъ неотступно при немъ находился для наблюденій. Когда, по движеніямъ пресмыкающагося, примѣтили, что оно ищетъ себѣ выхода, Вильямса тотчасъ положили на постель павзничъ, и велѣли ему лежать съ разинутымъ ртомъ, у котораго была поставлена чашка горячаго молока. Вдругъ, лице поргнато посинѣло, и онъ какъ-будто задушился; но тутъ же и голова змѣи показалась изъ рта и стала хлебать молоко.

«Тогда чашку тихонько отодвинули: змѣя, чтобъ примкнуть къ ней, вылезла болѣе изъ горла. Тутъ одинъ изъ стоявшихъ подлѣ пациента схватилъ ее за шею и вытащилъ всю вонъ изъ тѣла. Ее убили, и докторъ Моттъ погрузилъ остатки ея въ спиртъ, чтобъ сохранить эту рѣдкость. Воспитанное въ желудкѣ Вильямса пресмыкающееся получило удивительное тѣлесное развитіе, потому что длина его не менѣе шести футовъ и пяти дюймовъ (почти сажень).»

Нью-Йоркскія Вѣдомости заключаютъ разсказъ примѣчаніемъ, что этотъ случай долженъ послужить урокомъ для тѣхъ, кто неосторожно утоляетъ жажду въ ключахъ. Мы не хотимъ спорить съ ученымъ Американскимъ редакторомъ, но, по крайнему нашему разумнію, въ этомъ случаѣ содержится совсѣмъ другое правоученіе: онъ, напротивъ, доказываетъ, что, попавшись въ Ямайку, должно помнить, гдѣ находишься, и пить ромъ, а не ключевую воду. Какъ бы то ни было, Вильямсъ можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что онъ носилъ въ желудкѣ только змѣю въ саженъ: чтѣ, если бѣ, по своей неосмотрительности, проглотилъ онъ молодого кита, и тотъ бы со-временемъ выросъ въ немъ саженъ въ десять? А это тоже легко могло случиться! И чѣмъ бы докторъ Моттъ выпросилъ изъ него такого урода?... Но наконецъ открыть настоящій способъ выбавлять змѣй изъ человѣка, и тѣ, которые способны вѣрить разсказу газетъ, могутъ быть за него благодарны доктору Мотту.

НОВЫЙ ОГРОМНЫЙ ТЕЛЕСКОПЪ. Знаменитый Фраунгоферовъ телескопъ, принадлежащій Дерптскому Университету, находитъ себѣ достойныхъ соперниковъ въ Англіи. Недавно всѣ Журналы и газеты извѣщали о большомъ экваторіальномъ телескопѣ въ двадцать футовъ, построенномъ въ Кемпденъ-Гиллѣ для Сиръ Джемсъ-Соута; но мы узнаемъ, что это могущественное астрономическое орудіе до сихъ-поръ не могло быть употреблено по своей цѣлостности. Нынѣ, по заказу одного любителя Астрономіи, Г. Эдварда Джошуа Купера, члена Англійскаго Парламента, сдѣланъ въ Дублинѣ, для его Меккри-Кастльской обсерваторіи, экваторіальный діоптрическій телескопъ въ двадцать три фута шесть дюймовъ длиною, слѣдственно около семи футовъ длиннѣе Фраунгоферова. Поперечникъ предметнаго стекла его въ тринадцать дюймовъ, три десятыхъ. Всѣ трубы со всѣмъ приборомъ простирается до трехъ тоннъ (175 пудъ). При этой необычайной величинѣ, онъ такъ остойчивъ, что посредствомъ его сдѣланы Г. Куперомъ весьма удовлетворительныя микрометрическія измѣренія труднѣйшихъ двойныхъ звѣздъ. Впрочемъ онъ устроенъ по тѣмъ же на-

чаламъ, какъ и Дерптскій; только, вмѣсто деревянныхъ подпоръ къ полярной оси, сдѣлана каменная пирамида въ двадцать одинъ футъ длины, и въ четыре фута, шесть дюймовъ ширины у основанія: это чуть-ли не лучше. Полярная ось слишкомъ въ семь футовъ длиною. Говорятъ, что онъ обошелся совсѣмъ въ 500 фунтовъ (12,500 рублей), но, разумѣется, безъ предметнаго стекла, которое отлито особо у Гинана, и вышлифовано у Кошуа.

УНИЧТОЖЕНІЕ ВРЕДНЫХЪ ИСПАРЕНІЙ НА МѢДНЫХЪ ЗАВОДАХЪ. Вышедшій въ Маѣ томъ LIII Ларднеровой Энциклопедіи, Cabinet Cyclopaedia, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытное, достойное вниманія нашихъ Ученыхъ, занимающихся этою частію, сочиненіе о Металлургіи, изъ котораго мы беремъ эту и три слѣдующія статьи, — о превращеніи желѣза въ мѣдь, о колоколахъ и о подземныхъ рудопоконьяхъ. — Въ 1821 году, хозяева одного изъ обширнѣйшихъ мѣдныхъ заводовъ въ Англіи, близъ города Сванси, Swansea, были призваны въ судъ по жалобѣ на губительныя дѣйствія дыма, поднимавшагося во время расплавки рудъ. Остановка работъ въ такомъ заведеніи, отъ котораго зависѣло существованіе 12,000 человѣкъ, была тяжкимъ бѣдствіемъ для цѣлаго края. Покойный Дэви старался придумать какое-нибудь средство къ уничтоженію вредныхъ испареній. Между-тѣмъ, хозяева завода, Гг. Вивьянъ и Комп., устроили для этого искусственные ливни, или дожди, и опыты, дѣланные Гг. Филлипсомъ и Фареде, доказали, что посредствомъ ихъ дѣйствительно уничтожаются всѣ плавиковыя и мышьяковистыя испаренія дыма, и что извѣстнымъ количествомъ воды можно освободить его совершенно и отъ сѣрнистоокислаго газа. По зрѣломъ соображеніи механическихъ и химическихъ причинъ, затрудняющихъ сгущеніе и разложеніе дыма въ большомъ размѣрѣ, Дэви совершенно одобрилъ ихъ предначертаніе, и совѣтовалъ, въ случаѣ нужды, распространить его объемъ. Чуть-ли это не самый тотъ способъ, на который Г. Диксонъ получилъ привилегію?

ПРЕВРАЩЕНІЕ ЖЕЛѢЗА ВЪ МѢДЬ. Теперь всякому извѣстно, какъ легко мѣдь, въ видѣ растворимой соли, осаж-

дается на кусокъ желѣза, опущенный въ растворъ; но во время оно, это было источникомъ постоянного удивленія, и многіе думали, что желѣзо въ самомъ дѣлѣ превращается въ мѣдь. Особенно Венгрія славилась водами, обладавшими чудеснымъ свойствомъ такого превращенія. Въ 1675 году, докторъ Броунъ посѣщалъ славный мѣдный рудникъ въ Геррнъ-Грундтѣ, и рассказываетъ, что видѣлъ тамъ два источника, Старый и Новый Циментъ, превращавшіе желѣзо въ мѣдь. Рудокопы показывали ему прекурьюзный кубокъ, сдѣланный изъ такого желѣза: онъ былъ золоченый, съ богатой вставкою изъ серебряной руды по серединѣ, и съ слѣдующей надписью на наружной сторонѣ:

Eisen war ich, Kupfer bin ich,
Silber trag' ich, Gold bedeckt mich.

«Желѣзомъ» родился, въ мѣдь превратился, серебро ношу, въ золото хожу.»

По словамъ Броуна, ужъ и въ то время были вольнодумцы, которые утверждали, что тутъ нѣтъ дѣйствительнаго превращенія желѣза въ мѣдь, а что Циментская вода содержитъ въ себѣ мѣдный купоросъ, и, въ соприкосновеніи съ желѣзомъ, осаждаетъ на него мѣдныя частицы. Почтенный докторъ можетъ-быть и самъ придерживался бы этого еретическаго мнѣнія, если бъ могъ добиться толку, куда въ такомъ случаѣ дѣвается желѣзо.

Драгоценное свойство мѣдныхъ водъ въ Графствѣ Викало, Wicklow, въ Ирландіи, открылось вотъ по какому случаю. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда обрѣтеніе богатыхъ Кронъ-Бонскихъ рудъ вознаградило утрату старинныхъ рудокопней въ Баллимуртагѣ, одинъ работникъ забылъ въ прежнемъ рудникѣ желѣзную лопатку на такомъ мѣстѣ, откуда билъ ключъ, сильно упитанный мѣдью; черезъ нѣсколько недѣль лопатка отыскалась, но была ужъ такъ вымѣднена, что думали, она совсѣмъ превратилась въ мѣдь. Этотъ случай надоумилъ класть въ тамошніе источники желѣзныя полосы: мѣдь, содержащаяся въ водѣ, осаждалась на желѣзо, которое тѣмъ же процессомъ растворялось и садилось на дно въ видѣ красноватой гущи, а высушенное превращалось въ пыль такого жъ цвѣта, и въ этомъ состояніи могло быть расплавляемо безъ всякихъ дальнѣй-

шихъ приготовленій. Около 500 тоннъ (30,000 пуд.) жегъ за вдругъ положено было въ эти воды, и въ теченіе года всѣ полосы растворились: каждая тонна желѣза давала по полторы, иногда почти по двѣ тонны металлоносной осадки, а изъ каждой тонны этой осадки выходило по шестнадцати центнеровъ чистой мѣди. Открытіе такого сродства между двумя металлами доставило рудокопамъ самый простой и вѣрный способъ узнавать, есть ли въ какой-нибудь рудѣ мѣдь: для этого, они нальютъ на нее немножко сѣрной кислоты, черезъ нѣсколько времени обмокнуть въ кислоту перо, и мазнуть имъ по шлифованному клинку какого-нибудь ножа, и если тутъ есть хоть малость мѣди, она непременно сядетъ на сталь.

ВОЛЬШІЕ КОЛОКОЛА. Величайшіе въ свѣтѣ колокола, по словамъ путешественниковъ, въ Китаѣ и въ Россіи. Въ Нанкинѣ висѣли прежде четыре такіе огромные колокола, что хотя вмѣсто языковъ звонили въ нихъ деревяннымъ молотомъ, однако жъ подъ ними рухнула колокольна, и они долго лежали забытые въ развалинахъ. Въ одномъ изъ нихъ двѣнадцать футовъ вышины, семь съ половиною поперечнику, и двадцать три фута въ окружности. Всѣ его вычислень, по измѣреніямъ, въ 50,000 фунтовъ; стало-быть онъ вдвое тяжеле Эрфуртскаго, который всевѣдущій патеръ Кирхеръ считалъ величайшимъ во вселенной. На Ивановской колокольной въ Москвѣ есть колоколъ въ 127,856 фунтовъ. Больше его и не было, пока Борисъ Годуновъ не повѣсилъ другаго въ 280,000 фунтовъ. Но и этотъ уступилъ первенство третьему колоколу, отлитому по заказу Императрицы Анны, и въсящему по крайней мѣрѣ 452,000 фунтовъ. Это, безъ всякаго спора, величайшій въ свѣтѣ колоколъ: вышина его слишкомъ 21 футъ, окружность по низу болѣе 67, наибольшая толщина 23 вершка. Этотъ колоколъ тоже наземн: есть мѣстное преданіе, что поперечина, на которой висѣлъ онъ въ башнѣ, случайнымъ образомъ сгорѣла въ 1737 году, однако жъ оно несправедливо. Въ паденіи, отшибся край колокола на столько, что въ отверстіе входятъ два человѣка рядомъ, не поклоняясь. Въ Англіи самые большіе колокола: при коллегіи Крайстчорчъ

въ Оксфордѣ, въ 17,000 ф.; при цѣркви Св. Павла въ Лондонѣ въ 11,474 ф. и Св. Ѳомы въ Линкольнѣ въ 10,854 фунта. Изъ нихъ самый тяжелый слишкомъ въ двадцать пять разъ легче Русскаго колокола.

«Безчисленные Московскіе колокола, говоритъ Кларкъ въ своихъ путешествіяхъ, звонятъ всю Святую Недѣлю безъ умолку, но самый большой слышится довольно рѣдко, и издаетъ прекраснѣйшій, торжественнѣйшій звукъ, какой я только слышалъ. Когда звенитъ этотъ колоколъ, гулъ стоитъ надъ Москвою, будто отъ самыхъ полныхъ звуковъ огромнѣйшихъ органовъ или отъ грозы, слышной издалика. На колокольномъ виситъ онъ ниже другихъ, которые хотъ и уступаютъ ему въ величинѣ, однако жъ громадны. Онъ 40 футъ 9 дюймовъ въ окружности, 16 $\frac{1}{2}$ дюймовъ въ толщину, и болѣе 57 тоннъ (5,400 пудъ) вѣсомъ. Но знаменитый Московскій колоколъ находится въ глубокой ямѣ посреди Кремля. Разсказъ о его паденіи — басня, которую писатели повторяютъ одинъ за другимъ безъ дальнихъ справокъ: онъ никогда не былъ повѣшенъ, и остается на томъ мѣстѣ, гдѣ его первоначально отлили. Въ Кремлѣ сдѣлался пожаръ, и достигъ сарая, построеннаго надъ ямою, въ которой и тогда стоялъ этотъ колоколъ; металлъ раскалился; на него попала вода, которою гасили огонь, и колоколъ лопнулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по-сю-пору видно отверстіе.»

ПОДВОДНЫЯ РУДОКОПНИ. Англія издревле славилась оловомъ, но добываніе его никогда не было такъ значительно, какъ въ наше время, потому что никогда смѣлая предпримчивость оловянщиковъ, *tinners*, не доходила до такой степени. Мало того, что они роются въ холмахъ, въ долинахъ, въ равнинахъ, — теперь есть нѣсколько рудокопенъ въ Корнвелсѣ, которыя далеко простираются подъ море. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рудокопы отдѣляются отъ воды только тремя саженьми каменистаго морскаго дна, такъ что ясно слышатъ движеніе и шумъ валовъ, который иногда ужасенъ: вообразите цѣлый океанъ у себя надъ головою! Скалы и камни катятся съ страшнымъ гуломъ, пучина реветъ, и все это такъ близко, что, того и гляди, на васъ обру-

шится. Въ известной Гьюль-Кокской рудоконь, которая оставлена по причинѣ ежедневно возрастающей опасности, было такое мѣсто, гдѣ всего четыре фута дна отдѣляло рабочихъ отъ океана. Часто, въ прибывшую воду, шумъ до того усиливался, что рудоконь, какъ ни привыкли къ этому явленію, невольнымъ образомъ бросались бѣжать, думая, что море прорывается сквозь тонкую ихъ крышу. Странно, что даже и въ этомъ мѣстѣ, воды пробивало сквозь камень очень мало. Какъ скоро работники замѣчали въ немъ какое-нибудь отверзтіе, они тотчасъ заделывали его паклей и глиною. Эта предосторожность наблюдается и въ свинцовыхъ рудникахъ Пава-Лабалонскихъ, которые также простираются подъ морское дно.

СМЕРТЬ РИЧАРДА ЛАНДЕРА. Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ Б. для Ч. были помѣщены любопытныя извѣстія, привезенныя въ Лондонъ въ Февраль мѣсяцъ товарищемъ Ландера, Г-мъ Мекъ-Грегоръ-Лердомъ, оставившимъ его экспедицію внутри Африки, гдѣ смертоносныя болѣзни такъ быстро поражали неустрашимыхъ путешественниковъ. Г. Лердъ, уже слишкомъ полгода до своего отъѣзда изъ Фернандо-По не имѣлъ ни какого свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своего пріятеля. По его отбытіи изъ этой колоніи, экспедиція, кажется, возвратилась туда благополучно, но смѣлый ея начальникъ скоро вознамѣрился пуститься опять во внутренность негостепріимныхъ земель. «За нѣсколько недѣль, пишутъ изъ Фернандо-По отъ 6 Февраля, Ландеръ отправился отсюда на куттеръ Крезнь, взявъ съ собою длинный ботъ. Прибывъ къ устью Нунна, онъ пересѣлъ въ этотъ ботъ, и поплылъ вверхъ по рѣкѣ съ товарами, фунтовъ на 400 (10,000 руб.) цѣною, для соединенія съ желѣзнымъ пароходомъ, который послалъ онъ впередъ къ купленному имъ у Короля маленькому острову, гдѣ была его контора. Путешественники поднимались уже верстъ на сто пятьдесятъ, держась берега, какъ вдругъ выстрѣлили по нимъ изъ кустарника: трое были убиты и четверо ранены, въ томъ числѣ Г. Ландеръ. Къ несчастію, ботъ стоялъ въ это время на мели: они должны были спрыгнуть въ лодку и искать спасенія въ бѣгствѣ. За ними

тотчасъ пустились пять или шесть военныхъ лодокъ, наполненныхъ неграми, которые преслѣдовали ихъ съ безпрестанною стрѣльбою часовъ пять, то есть, вплоть до ночи, когда наконецъ потеряли бѣгущихъ изъ виду. Путешественники прибыли сюда 27 Января, а нынче утромъ скончался Г. Ландеръ. Онъ сказывалъ, что напавшія на нихъ лодки были Боннійскія, Врасскія и Бенинскія; изъ этого обстоятельства можно заключить, что какія-нибудь закупщики невольниковъ или другіе Европейцы подстрекнули туземцевъ на это злодѣяніе. Полковникъ Никольсъ донесъ обо всемъ правительству, и, если взяты будутъ надлежащія мѣры, все должно открыться. Пожитки и бумаги Г. Ландера всѣ потеряны.» Ему было только тридцать три года отъ роду, и онъ совершалъ уже третью экспедицію во внутренность Африки, не считая множества отдаленныхъ путешествій, сдѣланныхъ имъ прежде въ разныя части свѣта. Онъ былъ родомъ изъ Валлиса.

МАДЕКАССКОЕ СРЕДСТВО ОТКРЫВАТЬ ИСТИНУ. Это средство—ядъ! Г. Оберъ-дю-Пети-Туаръ первый говорить въ своей книгѣ, *Genera Madagascariensia*, о деревѣ, которое называетъ онъ *тангиномъ ядохвотнымъ*, *tanghinia veneniflua*. Впослѣдствіи, пользуясь сношеніями своими съ Г. Бойе, жителемъ острова Св. Маврикія, Г. Гукеръ напечаталъ въ *Botanical Magazine* полное описаніе этого растенія, наименовавъ его *serbera tanghin*. Вотъ новѣйшее описаніе тангина, сдѣланное господами Бойе и Гильгенбергомъ. «Это дерево, говорятъ они, бываетъ иногда футовъ въ тридцать вышиною, и содержитъ въ себѣ студенистый, бѣловатый сокъ. Листья у него копьевидные, нераздѣльные, похожіе на листья пуховника, *laurier-rose*, *perium oleander*, и Мадагаскарскаго барвенка, *vinca arborea*. Цвѣтокъ бываетъ того же цвѣта и походить на цвѣтки этихъ двухъ растеній. Плодъ того вида, который ботанисты называютъ костянкою, то есть, онъ мясистъ и не раскрывается самъ собою при созрѣваніи: величиною и толщиною бываетъ онъ съ лимонъ; поверхность его гладкая, желтаго цвѣта съ красными полосками. Внутри находится косточка, въ родѣ персиковой, покрытая шероховатыми возвышеніями. Сгаряя, этотъ плодъ измѣ-

няется, дѣлается краснымъ и внутри ядовитымъ. Въ это время онъ падаетъ съ дерева и покрывается морщинами; тогда-то употребляютъ его на составленіе яда, который играетъ такую важную роль въ судебныхъ лѣтописяхъ Мадагаскара, особенно провинціи Эмеринской. Посредствомъ этого питья рѣшается большая часть уголовныхъ дѣлъ.

Въ некоторыхъ мѣстахъ судебное открытіе истины зависитъ отъ жизни или смерти того, кто пьетъ тангинъ. Если пріемъ причинилъ смерть, то покойникъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, виноватъ; если онъ остался въ живыхъ, невиновность его очевидна. Но въ Эмеринѣ тангинъ даютъ только въ весьма маломъ количествѣ, и онъ дѣйствуетъ какъ рвотное. Подсудимый, съѣвъ довольно большое количество варенаго сарачинскаго пшена, глотаетъ, не жуя, три кусочка птичьей кожи величиною въ ефимокъ. Тогда даютъ ему выпить «испытаніе», которое состоитъ изъ небольшого количества тангиновой косточки, истолченной въ порошокъ и смѣшанной съ банановымъ сокомъ. Паназонъ-дога (заклинатель) кладетъ руку на голову подсудимаго, и призываетъ на него всѣ несчастія, если онъ виновенъ. Черезъ нѣсколько времени страдальцу даютъ большое количество рисовой воды, и тогда начинается рвота. Если три кусочка извергнуты, обвиненный, по закону, оправданъ; въ противномъ случаѣ онъ считается преступникомъ. Но при весьма важныхъ обвиненіяхъ, питье бываетъ иногда такъ крѣпко, что причиняетъ смерть.

НАРОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ ПРУССІИ. Въ наше время, Пруссія есть классическая земля просвѣщенія, и даже государственнаго благоустройства, — что безъ-сомнѣнія надобно приписать приверженности Прусаковъ къ чистымъ монархическимъ правиламъ. Только самодержавіе, тѣсно соединенное съ благонамѣреннымъ просвѣщеніемъ, ведетъ народы къ благоденствію, получая одно отъ другаго непрерывное приращеніе своихъ силъ, прочности и блеска, и Пруссія, процвѣтающая въ покоѣ среди народовъ, обуреваемыхъ страстью нововведеній, есть лучший и торжественный отвѣтъ на всѣ нецѣлныя теоріи проповѣдниковъ такъ называемой политической свободы и конституціонныхъ правительствъ. Если

истинное благо человѣка — умъ, просвѣщенный наукою, которая доставляетъ ему отраду, вѣрный пропитаніе и средства быть всегда довольнымъ своимъ положеніемъ, то въ какой землѣ должна заключаться наибольшая масса этого блага, — тамъ-ли, гдѣ всѣ получаютъ науку, и науку истинную, утѣшительную, раздаваемую съ отеческою заботливостію, какъ въ самодержавной Пруссіи, или тамъ, гдѣ, какъ въ пресвободной Англіи, цѣлая треть народонаселенія доселѣ погружена въ невѣжество, и даже не знаетъ грамоты?

По исчисленію Г. Кузена, который имѣлъ всѣ нужные средства исчислить съ величайшею точностію, въ 1821 году существовало въ Пруссіи 2,462 городскихъ и 17,625 сельскихъ училищъ: всего, 20,085 учебныхъ заведеній.

По ревизіи 1825 года народонаселеніе Пруссіи простиралось до 12,256,725 душъ: въ этомъ числѣ, дѣтей, моложе четырнадцати лѣтъ, было 4,487,461, — что показываетъ пропорцію ихъ ко всей людности какъ 11 къ 50, или по 566 душъ дѣтей на 1000 душъ жителей.

Полагая для училищъ пріемный возрастъ отъ семи до четырнадцати лѣтъ, находимъ, что юношество, способное посѣщать учебныя заведенія, составляетъ $\frac{5}{7}$ всего малолѣтняго народонаселенія, то, есть, что въ Пруссіи считается 1,923,200 дѣтей возрастомъ отъ семи до четырнадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ, на каждыхъ 96 человѣкъ дѣтей есть одно училище.

По спискамъ 1825 года, обучалось тамъ:

въ высшихъ училищахъ: мальчиковъ.....	49,169.
дѣвочекъ.....	87,050.
и того.....	136,249.
въ низшихъ училищахъ: мальчиковъ.....	822,077.
дѣвочекъ.....	755,922.
и того:....	1,577,999.

Всего, учащихся обоего пола: 1,714,248.

Слѣдственно, изъ 54 душъ дѣтей, могущихъ посѣщать училища, обучается въ нихъ 31. Должно полагать, что и 3 остальныхъ получаютъ приличное образованіе, обучаясь

дома, подъ руководствомъ родителей: это тѣмъ вѣроятнѣе, что, судя по перевѣсу мужескаго пола въ низшихъ училищахъ, эти трое дѣтей, лишенныхъ народнаго воспитанія, состоятъ изъ 2 дѣвочекъ и только 1 мальчика.

Какъ, среднимъ числомъ, на каждый участокъ общества, заключающій въ себѣ 96 душъ дѣтей, есть 1 училище, а во всякомъ училищѣ находится 86 учащихся, то изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ округъ одного учебнаго заведенія только 10 дѣтей обоюго пола не пользуются благотвореніемъ науки, такъ щедро разливаемой твердымъ, умнымъ и человѣколюбивымъ правительствомъ.

Учителей въ Пруссіи считается:

въ высшихъ заведеніяхъ..... 3,745.

въ низшихъ..... 18,140.

всего: 21,885,—

то есть, по 1 учителю на 79 учащихся.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ АНГЛІИ. Посреди быстрого развитія въ послѣдніе годы всѣхъ отраслей промышленности, книгопечатаніе, безъ сомнѣнія, всего болѣе распространилось въ Англіи. Въ 1793 году было въ Лондонѣ не болѣе ста двадцати книгопродавцевъ, а теперь ихъ слишкомъ девять сотъ; въ то время количество книгъ, продаваемыхъ ежегодно, цѣнили въ два съ половиною милліона рублей; нынѣ ихъ продается на 1,520,000 ф. ст. или сорокъ милліоновъ рублей, не считая журналовъ. Вотъ движеніе книгопечатанія въ Англіи въ послѣдніе годы:

Издано новыхъ книгъ:

Годы.	Число книгъ.	Число томовъ.	Средняя цѣна одного тома.
1828.....	842	1,105	15 руб.
1829.....	1,064	1,413	15
1830.....	1,142	1,592	43 р. 75 к.
1831.....	1,105	1,619	13 р. 75 к.
1832.....	1,152	1,525	12 р. 50 к.
1833.....	1,180	1,567	12 р. 50 к.

Эта таблица относится только къ сочиненіямъ въ томахъ, и не включаетъ въ себѣ брошюры, отчетовъ, рѣчей и мелкихъ произведеній. Что касается до числа книгъ перепечатанныхъ, то трудно было бы опредѣлить его даже при-

близительно; но слѣдующая оцѣнка можетъ подать нѣкоторую идѣю о важности этого предмета. Скажемъ только, что въ Шотландіи ежегодно печатается 100,000, а въ Англіи 250,000 экземпляровъ Библіи; ежедневныхъ газетъ продается въ годъ, какъ полагаютъ, 40,000,000 листовъ.

Приблизительная оцѣнка произведеній Англійскаго книгопечатанія въ 1833 году.

1,180 новыхъ книгъ, которыхъ продано только по 500 экземпляровъ.....	10,382,500 рубл.
перепечатанныхъ книгъ продано на.....	5,000,000.
21 еженедѣльныхъ періодическихъ изданій, которыхъ продано 300,000 экземпляровъ.....	2,500,000.
21 ежемѣсячныхъ періодическихъ изданій, которыхъ продано 300,000 экз.....	2,500,000.
12 библіотекъ, картинныхъ галерей, и книгъ съ гравюрами, которыхъ продано около 600,000 экземпляровъ.....	3,750,000.
208 магазиновъ и другихъ этого рода періодическихъ изданій.....	3,750,000.
55 изданій трехъ-мѣсячныхъ.....	1,875,000.
15 годичныхъ изданій.....	750,000.
Альманаховъ на.....	1,250,000.
Гравированныхъ картинъ и нотъ на.....	2,500,000.
Изданій Ирландскихъ и Шотландскихъ.....	1,250,000.

И того 35,522,500 р. асс.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить продажу газетъ, которыхъ листъ, по причинѣ высокой пошлыны, должно полагать въ сорокъ копѣекъ, что еще составитъ сумму около 16,000,000 рублей.

Въ этотъ счетъ не входятъ книги, журналы ни газеты, издаваемые въ Индіи и многочисленныхъ колоніяхъ.

Американская печать произвела въ 1833 году 275 новыхъ книгъ и $1\frac{1}{3}$ перепечатанныхъ.

ПОТРЕБЛЕНІЕ КОФЕ И ЧАЮ ВЪ ЕВРОПѢ. Новое и весьма важное сочиненіе извѣстнаго статистика, Г. Монтгомери-Мартина, «О налогахъ Британской Имперіи», заключаетъ въ себѣ любопытныя показанія о привозѣ этихъ двухъ колоніальныхъ товаровъ. Потребленіе кофе, начавшееся около половины XVII столѣтія, въ главнѣйшихъ странахъ Европы, въ 1830 году, было слѣдующее:

Великобританія.....	9,700	тонновъ.
Нидерланды....	40,200	
Германскія и Балтійскія гавани.	32,000	
Франція, Испанія, Португалія,		
Италія и Адриатическія гавани.	28,500.	

всего: 110,400.

Сѣверная Америка потребляетъ въ годъ одна 12,500 тонновъ кофе. Это самая кофейная земля на Земномъ Шарѣ. Въ Сѣверныхъ Штатахъ Америки расходъ кофе круглымъ числомъ на одного человѣка составляетъ 58 унцій въ годъ, тогда какъ въ Англіи онъ не превышаетъ 14 унцій, то есть, менѣе 1 фунта. Полагая 1 тонну кофе, безъ пошлины, въ 1200 рублей, находимъ, что Европа платитъ Западнымъ Индіямъ ежегодно около 133 милліоновъ рублей за эту часть своего завтрака: въ эту сумму не входитъ Левантскій кофе, употребляемый въ Греціи, Турціи и гаваняхъ Чернаго и Адриатическаго морей.

Количество ежегодно потребляемаго чаю:

Великобританія....	32,000,000	Англ. фунтовъ.
Россія.....	5,000,000.	
Нидерланды.....	2,000,000.	
Франція.....	250,000.	
Данія.....	130,000.	
Германія.....	100,000.	
Италія.....	4,600	

всего: 39,484,600.

Такъ, Великобританія, имѣя ровно половину народонаселенія Россіи, то есть, 24 милліона душъ, выпиваетъ чаю въ годъ почти 6 1/2 разъ болѣе: тамъ причитается по полутору фунту на одного человѣка, тогда какъ у насъ едва по 1/10 фунта. Полагая среднюю цѣну чаю въ Кантонѣ и Кяхтѣ по 2 рубля за фунтъ, находимъ, что Китай получаетъ съ Европы ежегодно около 80 милліоновъ рублей за эти древесные листья. Соединенные Штаты Америки, не вошедшіе въ это исчисленіе, потребляютъ всякой годъ 8,000,000 фунтовъ чаю, — что при 12,500 тоннахъ выпиваемаго ими кофе, составляетъ непомерную пропорцію.

Примѣчательно, что вмѣстѣ съ необыкновеннымъ возвышеніемъ расхода на чай въ Англіи, потребленіе вина и

всѣхъ крѣпкихъ напитковъ удивительно уменьшается. По расчету Г. Монтгомери-Мартина количество выпитыхъ тамъ винъ въ 1832 году, противъ 1825 года, составляетъ почти половину: разниа 5,000,000 галлоновъ менѣе. Спиртовыхъ напитковъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ израсходовано только 20,000,000 галлоновъ, тогда какъ въ предшествовавшее двадцатилѣтіе эта статья доходила до 55,000,000 : разниа 15,000,000. Если возвышеніе пошлины имѣло сильное дѣйствіе на упадокъ этого потребленія, то съ другой стороны приращеніе Великобританской людности вознаградило бы эту разниа, предполагая въ современникахъ обонхъ двадцатилѣтій одинаковую степень склонности къ крѣпкимъ напиткамъ. Но, вмѣсто съ возвышеніемъ пошлины, увеличивалось и число потребителей, и, несмотря на то, потребленіе хмельнаго понизилось болѣе чѣмъ одною третью. Слѣдственно, эти успѣхи трезвости надобно приписать распространенію привычки къ чаю, и фактъ, давно уже подозрѣваемый наблюдателями нравовъ, нынѣ получаетъ ясность математическаго предложенія. И что скажутъ приверженцы утилитарной системы, которые выше ставятъ вещи, нежели людей, и все приводятъ въ деньги? Конечно трезвость — добродѣтель: но эту добродѣтель надо покупать у Китайцевъ на чистыя деньги, и вывозить для ней огромныя богатства изъ государства. Уменьшеніе нетрезвости одною третью въ народъ, составленномъ изъ 24 милліоновъ душъ, соответствуетъ 32,000,000 фунтовъ чаю, — слѣдственно, стѣить въ годъ около 64 милліоновъ рублей, которые должно уплатить другому народу почти безъ возврата. Полная трезвость этихъ 24 милліоновъ челоувѣкъ обходилась бы каждый годъ почти въ 200 милліоновъ рублей. Стѣить ли быть трезвымъ въ эту цѣну? Нѣтъ сомнѣнія, что нравственные философы согласятся на нее, не торгуясь; но политическіе экономисты, — не думаемъ!

КИТАЙСКИЙ ПЛУТОВСКОЙ УСТАВЪ. Кстати о чаѣ! Въ Китаѣ все опредѣлено положительными законами, — даже лучший образъ плутовать. Доказательство слѣдующій документъ. Любопытная эта инструкция отъ Пекинскаго правительства купцамъ, торгующимъ съ Россіею на Кяхтѣ, от-

нюдь ни выдумка, ни шутка: мы получая ее изъ вѣрнаго источника, и спѣшимъ удѣлить нашимъ читателямъ.

«1. Какъ общія правила коммерціи основаны болѣе на томъ, чтобы купецъ благовременно зналъ цѣну и требованіе тѣхъ товаровъ, которыми онъ производитъ, особливо въ сношеніяхъ съ иностранцами, то всякой изъ торгующихъ въ Кяхтѣ Китайцевъ долженъ развѣдывать у Россіянъ, какую имѣютъ они надобность въ нашихъ товарахъ, въ какихъ именно болѣе, и по чемъ эти товары у нихъ внутри продаются; равномерно, какой и когда будетъ у нихъ привозъ своихъ товаровъ. Обо всемъ этомъ тщательно любопытствовать. Для истиннаго знанія предмета долженъ каждый изъ торгующихъ всѣ собранныя свѣдѣнія открывать чистосердечно своимъ общественникамъ, и чтобы узнанное извѣстно было всѣмъ, ежедневно по вечерамъ дѣлать собранія: тамъ, сообразивъ всѣ полученныя свѣдѣнія, доставлять ихъ съ своимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе старшинъ. Старшина, составивъ общее заключеніе, имѣетъ раздать всѣмъ купцамъ билеты, отъ какихъ изъ Русскихъ товаровъ воздерживаться въ вымѣнѣ, или какіе изъ своихъ подкрѣпить, равно какъ поступать и въ другихъ случаяхъ.

«2. Общей привозной пропорціи нашихъ товаровъ въ Кяхту не только не умножать сверхъ обыкновеннаго, но еще стараться умаливать ее время-отъ-времени, понижая вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны на всѣ Русскіе товары, чтобы наши издѣлія всегда были у нихъ въ уваженіи. Черезъ это, и самый торгъ нашъ будетъ для нихъ необходимо нуженъ, и государственныя связи поставятся на лучшую степень. Посему и выписку товаровъ отъ своихъ конторъ изнутри государства производить не иначе, какъ съ общаго всѣхъ совѣта, каждому по своему мѣсту, сообразивъ сперва всѣ обстоятельства и будущіе виды по текущей торговлѣ.

«3. Чтобы побудить Русскихъ къ привозу излишней пропорціи нужныхъ намъ товаровъ, смотря по внутреннимъ нашимъ обстоятельствамъ, а особливо если случится замѣтить ихъ недостатокъ, то не только будто-бы по секрету объявлять имъ, что такіе-то товары нужны, но и показывать стремленіе къ ихъ покупкѣ съ передачею въ цѣнѣ противъ другаго. Какъ подобная передача, сдѣланная для бу-

дущихъ выгодныхъ видовъ, можетъ доставить убытокъ кому-нибудь изъ торгующихъ, то для этого имѣть общую сумму, какая по обстоятельствамъ потребуется, и удовлетворять изъ ней понесшаго для общей пользы потерю.

«4. Когда Русскіе, въ слѣдствіе такого перехвата, или увлекаясь возвышеніемъ цѣнъ, или только по словамъ нашихъ купцовъ, сдѣлають привозъ своихъ товаровъ больше обыкновенныхъ пропорцій, или когда сами они, — что также можетъ случиться, — по собственнымъ своимъ выпискамъ привезутъ иногда излишнее, тогда всѣ наши торгующіе должны, остановивъ вымѣнъ тѣхъ произведеній, объявлять Россіянамъ, что у насъ они вышли изъ употребленія, или что другіе иностранцы привезли къ намъ внутрь довольно подобныхъ вещей. Черезъ это, самый пужный для насъ Русскій товаръ приведется нѣкоторымъ образомъ въ неуваженіе, и слѣдственно понизятся цѣны для общей государственной пользы.

«5. Обходиться съ Россіянами учтиво, а не такъ, какъ было прежде: ходить къ нимъ въ компаніи и звать ихъ къ себѣ не запрещается, но за то поставляется въ обязанность стараться узнавать не только объ ихъ коммерческихъ дѣлахъ, но и о государственныхъ. Узнавшій и донесшій объ нихъ обществу и Дзургучею будетъ награжденъ, какъ чловѣкъ, отличившійся по торговлѣ.

«6. О торговыхъ дѣлахъ своихъ, производимыхъ во внутренности государства, особенно объ *этомъ постановленіи*, да и о самыхъ малыхъ предметахъ, подлежащихъ сокровенію, отнюдь Россіянъ не извѣщать, потому что подобныя извѣщенія чрезвычайно вредны, и могутъ способствовать къ возвышенію цѣнъ на Русскіе товары, и къ пониженію на наши, а отъ этого и коммерція, и государство терпятъ убытокъ. А чтобъ удовлетворить любопытству Русскихъ купцовъ и пользоваться взаимною ихъ откровенностію, можно говорить имъ, будто-бы предостерегая по дружбѣ, что въ государствѣ нашемъ существуетъ неурожай шелку, чаю, иногда бумаги, или есть привозъ пужныхъ товаровъ въ Кантонъ отъ другихъ иностранцевъ и тому подобное, разумно выдуманное, смотря по надобности. Для чего компанисты обще съ Дзургучемъ должны придумать пужные на любо-

пытство отвѣты, и Дзургучей сообщить ихъ не только каждому изъ торгующихъ, но и ихъ служителямъ, имѣющимъ входъ къ Русскимъ.

«7. Жадности къ покупкѣ Русскихъ товаровъ не только не имѣть, но и виду къ тому не показывать, хотя бы даже настояла крайняя въ чемъ нужда или себѣ предвидѣлись большія выгоды. Частная значительная выгода не должна мѣняться на общую : послѣдняя непременно наградить всѣхъ и въ особенности каждого, ведущаго свой торгъ основательно, а первая приносить только вредъ общей пользѣ, и сверхъ того разрушаетъ порядокъ торговли съ иностранцами, — что уже дознано изъ многихъ прежнихъ опытовъ.

«8. Кто утаитъ въ общемъ купцовъ собраніи, при совѣтѣ, слышанное имъ отъ Русскихъ, а послѣ о томъ откроется, того посадить подѣ стражу на три дня.

«9. Кто противъ билета Дзургучейскаго сдѣлаетъ упущеніе, того садить подѣ стражу на шесть дней, а послѣ запретить ему торговать съ Россіянами на полмѣсяца.

10. Если кто изъ нашихъ привезетъ излишнюю пропорцію товаровъ противъ определенной ему компаніею, то эти товары задержать до предбудущей его очереди, и до того времени ни подѣ какимъ видомъ не впускать ихъ въ Кяхту, чтобы тѣмъ не разстроить порядка всегдашней пропорціи и средствъ къ ея уменьшенію, какъ изображено выше.

«11. Кто изъ нашихъ учинить съ Русскимъ ссору, какого бы рода ни было, того, хотя бы онъ оказался по ходу дѣла и не виноватымъ, сажать подѣ стражу на десять дней. Всякаго рода претензіи между купцами своей націи должны разбирать компанисты, безъ малѣйшаго шума и благопристойно, чтобы изъ малыхъ неудовольствій не возродились иногда большія и государственныя.

«12. Кто откроетъ секретъ торговыхъ дѣлъ Русскимъ, какъ-то, о состояніи цѣнъ въ нашемъ государствѣ, о требованіи на ихъ товары, о количествахъ своихъ чаевъ или чего другаго, идущаго въ Кяхту, — того сажать подѣ стражу за первый разъ на шесть дней, и запретить торговать послѣ того мѣсяцъ; за второй, на двѣнадцать дней и запретить

торговать два мѣсяца; за третій разъ, какъ челоуѣка вреднаго для компаніи, лишать пребыванія въ Кяхтѣ, поручивъ дѣла его избраннымъ компанистамъ, куда онъ не поставитъ на мѣсто свое другаго правителя.

«13. Кто откроетъ это постановленіе или секретъ Дзургучейскаго билета, тому дать пятьдесятъ ударовъ палками и выгнать его изъ Кяхты, распорядившись его дѣлами, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«14. Кто откроетъ дѣла государственныя, тому отсѣчь голову, поступивъ съ дѣлами его, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«15. Кто окажетъ видомъ жадность къ покупкѣ товаровъ у Русскихъ, тому сдѣлать при обществѣ выговоръ, и запретить входъ къ Русскимъ на три дни.

«16. Кто окажетъ жадность дѣломъ, съ передачею противъ общаго положенія, того оштрафовать противъ передачнаго количества вдсятеро, въ пользу общей суммы, а самому запретить торговать съ Русскими полмѣсяца за первый разъ, за второй мѣсяць, а за третій выгнать изъ Кяхты, поступивъ съ дѣлами его, какъ сказано въ 12 пунктѣ.

«17. Вновь пріѣзжающему въ Кяхту для производства торговли запрещается своимъ лицомъ торговать съ Русскими одинъ годъ, хотя бы онъ и умѣлъ говорить на ихъ языкъ, — для того, чтобы онъ не сдѣлалъ ни какой разстройки въ общей связи.»

ВОСПИТАНІЕ ПЕРСИДСКИХЪ ПРИНЦЕВЪ. Сиръ Гарфордъ-Джонсъ-Бриджъ, бывшій въ 1806 году Англійскимъ посланникомъ въ Персію, издалъ въ Маѣ мѣсяцѣ описаніе пребыванія своего въ томъ краѣ. Сиръ Гарфордъ большой пріятель Шаху и немножко персоманъ: тѣмъ лучше для насъ, — по крайней мѣрѣ мы увѣрены, что онъ не клеветаетъ на знаменитаго властелина, описывая средства, какія тотъ придумалъ къ дешевому воспитанію безчисленнаго своего потомства. «Шахъ Фетъ-Али, говоритъ авторъ, бесѣдовалъ однажды запросто съ однимъ изъ своихъ мирзѣ-министровъ. Тотъ, думая угодить ему, разсыпался въ привѣтствіяхъ на счетъ многочисленности его потомства, и, на бѣду себѣ, взду-

малѣ потужить, что самъ совершенно бездѣтенъ. «Постой же! сказалъ Шахъ: если такъ, я тебя разодолжу какъ нельзя больше: одна изъ моихъ женъ родила въ эту ночь прекраснаго *шахъ-заде*, Царевича; только онъ станетъ шевелиться, я пришлою его къ тебѣ съ кормилицами, снухами, со всѣмъ приборомъ; ты его усыновишь, воспитаешь, и вотъ тебѣ дитя безъ хлопотъ.» Въ скоромъ времени, къ крайнему смущенію бѣднаго мирзы, Шахъ сдержалъ свое обещаніе. Когда я жилъ въ Персіи, этому свѣтлѣйшему ребенку было ужъ лѣтъ шесть: нельзя себѣ представить, какъ онъ надобѣдалъ старику, и чего онъ ему стоилъ! Шаху все это было извѣстно. Однажды утромъ, мнѣ случилась надобность видѣть мирзу до отъѣзда его ко двору. Было очень рано, и меня ввели въ комнату близъ гарема, весьма богато убранную: только, я нашелъ страннымъ, что дорогія парчевыя подушки, покрытыя кашемировыми шальями, были всѣ истыканы, точно какъ ножомъ. Скоро вышелъ ко мнѣ мирза, и едва мы сѣли, онъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: «Ну, посмотрите, что мой царственный сыночекъ напроказилъ здѣсь вчера вечеромъ, за то, что я не хотѣлъ купить вещей его матери, за которыя просилъ ужасной цѣны. Благодарите Бога, что у васъ никому не приходится воспитывать дѣтей, которыя не отъ него родятся.» — Ну, мирза, ручаться за это трудно! отвѣчалъ я: а то правда, что наши Шахи не отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе министрамъ.»

ДЕНЬ ШАХСКОЙ ЖИЗНИ. «Такъ какъ и всѣ магометане, говорить въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, Шахъ встаетъ съ постели въ урочный часъ утренней молитвы, и купается напередъ въ теплой ваннѣ. Скоро потомъ слодятся къ нему всѣ его жены и самыя меньшія дѣти. Это, какъ увѣрили меня знающіе люди, весьма плохое *raison-temps* для Его Шахскаго Величества: тутъ ему приходится выслушать столько жалобъ, потушить столько ревностей, насытить столько домогательствъ на дорогія вещи и другія милости, что у него голова пойдетъ кругомъ, и я думаю, онъ сказалъ мнѣ разъ отъ души: «Благодарите Бога, что законъ позволяетъ вамъ имѣть только одну жену!» Подобно всѣмъ Пер-

сіянамъ, Шахъ завтракаетъ очень легко, и кушаетъ то же самое, что и каждый богатый его подданный, только изъ великолѣпнѣйшей посуды. Лѣтомъ, въ восемь часовъ, а зимою въ девять, главные мирзы, или министры, допускаются къ Шаху на частную аудіенцію: тутъ рѣшается онъ всѣ дѣла по ихъ докладу, и принимаетъ донесенія о происшествіяхъ, случившихся въ городѣ прошедшей ночью. Потомъ онъ идетъ въ свою публичную залу. Въ здѣшнемъ правительствѣ все происходитъ въ двадцати или тридцати шагахъ отъ Шаха: тутъ дѣлаются всѣ представленія новыхъ лицъ, раздаются всѣ почести, объявляются всѣ повышенія, и, — что для насъ очень странно, — исполняются даже всѣ казни. Нынешній Шахъ — человѣкъ весьма сострадательный: при вступленіи своемъ на престолъ, онъ долженъ былъ отворачиваться, когда кого-нибудь казнили, и Персіянамъ казалось это непростительною изнѣженностью. По-моему, Мирза Бузургъ сдѣлалъ на этотъ счетъ очень справедливое замѣчаніе: онъ сказалъ: «Цари наши, говоря вообще, право не такіе охотники до кровопролитія, какъ слѣдовало бы ожидать отъ нихъ, при частомъ исполненіи казней въ ихъ присутствіи; потому что, будьте вы увѣрены, въ первый разъ, видъ человѣческой крови болѣе или менѣе возбуждаетъ въ каждомъ изъ насъ ужасъ и угрызенія совѣсти, но чѣмъ чаще мы ее видимъ, тѣмъ дешевле цѣнимъ.» Эти выходы рѣдко оканчиваются позже половины перваго. Прежде чѣмъ Шахъ удалится въ гаремъ, министры обыкновенно имѣютъ у него послѣ выхода коротенькую аудіенцію. За этимъ слѣдуетъ обѣдъ, потомъ вечерній выходъ въ томъ же родѣ какъ и поутру, потомъ смотръ войску, то есть, каждому солдату поодиначкѣ. Это еще не все. Послѣ вечерней молитвы, у него бываетъ *меджлиси - Шахъ*, «Шахское засѣданіе», или компанія: туда съѣзжаются только главные министры и тѣ, которые имѣютъ входъ, какъ напримѣръ придворный поэтъ и *Вака-невисъ*, или государственный исторіографъ. Это собраніе, въ которомъ одни импровизируютъ, другіе щеголяютъ вытверженными наизусть изреченіями знаменитѣйшихъ Персидскихъ поэтовъ и прозаиковъ, и всѣ поочередно обязаны восхищаться стихами самого Шаха, впрочемъ весьма недурнаго стихотворца, оканчи-

вается всегда около восьми или девяти часовъ, и онъ уходитъ во внутренніе покои. Въ чемъ проводитъ онъ время до того, какъ ложится спать, я никогда не могъ узнать въ точности; но нынѣшній Шахъ любитъ слушать чтеніе, любитъ вокальную и инструментальную музыку, любитъ беду тѣхъ женъ, у которыхъ пріятный голосъ, и которыя могутъ веселить его разсказами, а особенно тѣхъ, которыя умѣютъ произносить речитативомъ героическіе, лирическіе и любовные стихи, — и вѣроятно, послѣднюю часть мучительнаго дня проводитъ онъ въ одномъ изъ этихъ увеселеній.»

ИСПРАВЛЯЮЩІЙ ДОЛЖНОСТЬ НАПОЛЕОНА. Есть Геростратовы славы, которыя должны жить въ лѣтописяхъ, несмотря на свою низость и на омерзѣніе, какое возбуждаютъ въ современникахъ. Генералъ Моранъ не покоришь себя мѣста въ Исторіи важными воинскими подвигами, но, въ нашихъ сказаніяхъ о незабвенной войнѣ 1812 года, имя его заслуживаетъ быть сохранено, какъ ужаснѣйшаго грабителя, расхитившаго собственность многихъ тысячъ Россіянъ, большею частію безъ нужды и пользы для себя, а только изъ удовольствія разбойничать. Дивизія его, бывшая въ авангардѣ, и наполненная самыми искусными и опытными мародерами, славилась хищничествомъ даже между тогдашними Французами, и помѣщики наши, которыхъ имѣнія лежали на пути войскъ Наполеона, по сю пору хорошо помнятъ Морана, личнымъ примѣромъ преподававшаго подчиненнымъ урокъ въ грабительство.

Во время бѣгства Французовъ изъ сожженной Москвы, когда ихъ разстроенныя и безобразныя толпы быстро были вытѣсняемы изъ предѣловъ Россіи нашими побѣдоносными войсками, и холодомъ, и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, мародеры «великой арміи» напали ночью на домъ одного Смоленскаго помѣщика, и взяли у него все, что еще оставалось отъ прежняго разоренія, — лошадей, повозки и небольшой запасъ картофеля, единственное средство къ пропитанію его семейства и двора въ ту голодную и безпокойную пору. Помѣщикъ происходилъ изъ Французской фамиліи, давно уже тамъ поселившейся. Узнавъ, что на другой день самъ Наполеонъ долженъ протѣзжать этими мѣ-

стами, онъ рѣшился лично принести ему жалобу на безчинство его воиновъ, и даже употребить званіе свое Француза, чтобъ исходатайствовать себѣ возвратъ по крайней мѣрѣ картофеля. Онъ явился къ его штабу, и настоятельно требовалъ быть допущеннымъ къ Императору. Подобныя визиты были не безпримѣрны: бѣдные владѣльцы, разоряемые вконецъ голоднымъ и буйнымъ непріателемъ, перѣдка съ опасностью жизни вторгались въ главную квартиру, и Французскій Императоръ обыкновенно принималъ ихъ просьбы, чтобъ показать своимъ полководцамъ, что онъ еще печется о сохраненіи дисциплины, и не любитъ безпорядковъ. Въ этотъ разъ, когда ему сказали, что какой-то Русскій помѣщикъ изъ Французовъ желаетъ ему представиться, онъ вспылилъ и прогналъ отъ себя докладчика.

Въ плачевномъ положеніи дѣлъ и арміи строгій этикетъ Императорскаго присутствія пришелъ въ полное разстройство, и прежніе бивачные товарищи тогдашняго ихъ Государя часто позволяли себѣ дѣлать при немъ въ крестьянской избѣ такія замѣчанія, о какихъ вѣрно не смѣли бы и подумать въ пышныхъ прихожихъ Лувра. Моранъ находился одинъ въ комнатѣ съ Наполеономъ, погруженнымъ въ мрачныя думы.

— Ваше Величество, позвольте ему явиться! Вѣдь онъ васъ не знаетъ: я приму его вмѣсто васъ, и самъ съ нимъ раздѣляюсь. На этотъ разъ я буду Императоръ.

— Какъ тебѣ угодно, Моранъ!

Проситель былъ допущенъ. Онъ изложилъ свою жалобу почтительно, но съ твердостью: въ заключеніе изъяснилъ онъ, что, имѣя честь быть тоже Французомъ, онъ тѣмъ болѣе надѣется на правосудіе Императора.

— А! отрывисто воскликнулъ Моранъ. Что жъ я могу для тебя сдѣлать? Изволишь видѣть, мой другъ, — Французъ Французу рознь. Какой ты Французъ? Ты вовсе не Французъ, — а вѣдь я долженъ чѣмъ-нибудь потѣшить своихъ храбрыхъ ребятъ! Вотъ; примѣрно сказать, Моранъ! продолжалъ онъ, указывая на Наполеона, который расхаживалъ по комнатѣ, и въ это мгновеніе пріостановился, чтобъ слушать ихъ разговоръ: ну, я увѣренъ, что это онъ укралъ у тебя всѣ твои вещи! Онъ хватъ на эти дѣла, — сущій разбой-

никъ! Но что жъ прикажешь дѣлать, когда каждое утро онъ-то и приносить мнѣ картофелю, куръ, словомъ какую-нибудь поживу? Я не смѣю дать ему за то Почетнаго Легіона: съ моей стороны это очень неблагодарно, и, вмѣсто Почетнаго Легіона, я принужденъ уступить ему твоихъ лошадей и твой картофель. Но если желашь, я предлагаю тебѣ мѣсто въ моей службѣ: хочешь бери, — не хочешь, какъ угодно; дѣла идутъ дурно, — оно тѣмъ удобнѣе! Хорошій солдатъ хватаетъ опасности на лету, а куръ изъ курятника: для Императора отъ этого двойная польза.....

— Ваше Величество! сказалъ проситель; въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ разбить носъ и губы этому Морану.

— Хорошо! я подумаю на досугъ о твоёмъ предложеніи.

Наполеонъ подавилъ улыбку. Онъ разстегнулъ свой сюртукъ, и сказалъ громкимъ тономъ исправляющему его должность:

— Негодай! вотъ тебѣ мой крестъ. Возьми его, но отдай этому человѣку; что ты у него похитилъ, и впредь не смѣй дѣлать этого. Съ крестомъ на шеѣ грабить не прилично.

— Слушаю, Ваше Величество! вскричалъ вослищенный Моранъ, принимая со слезами на глазахъ знакъ отличія, котораго такъ давно онъ добивался. Только, извольте сдѣлать изъятіе изъ этого правила въ пользу вашего стола, и благоволите приглашать меня къ обѣдамъ, которые я припасу для Вашего Величества.

Наполеонъ не отнялъ пожалованнаго креста у буйнаго солдата, а Моранъ грабилъ по-прежнему съ Легіономъ на шеѣ. Этотъ анекдотъ нашли мы въ Журналъ L'Entr'acte.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ Г. ГИЗО. Какъ ни странное дѣло — придирается къ одной изъ самыхъ громкихъ знаменитостей нашего времени со стороны нѣжныхъ ея воспоминаній, но мы не можемъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, во-первыхъ, потому что первая любовь прославленнаго историка и государственнаго мужа тѣсно связана съ лѣтописями Литературы, во-вторыхъ, потому что Журналъ *Revue des deux mondes* вздумалъ себѣ блистать статьями въ родѣ умныхъ, живописныхъ, превосходныхъ характеристикъ, какими от-

личается *Revue Britannique*, извлекающая ихъ изъ Англійскихъ поврежденныхъ изданій: въ одной изъ послѣднихъ книжекъ помѣстилъ онъ предлинную характеристику Г-на Гизо, въ которой нѣтъ ни мысли, ни толку, какъ во всякомъ подражаніи, — и мы, прочитавши эту длинную характеристику, не нашли въ ней ничего достойнаго быть удержаннымъ въ памяти, кромѣ того, какъ ученый Французскій министръ влюбился, когда еще не былъ ни ученымъ, ни министромъ.

Г. Гизо родился въ Нимѣ; первые годы его протекли въ Женевѣ; тамъ приобрѣлъ онъ тѣ глубокія познанія въ Философіи и Историческихъ Наукахъ, которыми впоследствии съ такимъ успѣхомъ воспользовался. Тамъ научился онъ искусству оцѣнять и связывать факты, которымъ въ особенности отличается школа Женевская.

Юность Г. Гизо протекла, какъ протекаетъ юность большой части литераторовъ: онъ былъ бѣденъ, дѣтеленъ и трудолюбивъ. При выходѣ его изъ школы, ему сказали, что весь свѣтъ открытъ теперь передъ нимъ, что Французская революція расчистила для честолюбивыхъ всѣ дороги, что Императорское правленіе, котораго заря уже занималась, имѣетъ нужду во всѣхъ сильныхъ душахъ, во всѣхъ просвѣщенныхъ людяхъ, способныхъ слѣдовать по указанному пути. Но познанія въ Философіи и ученость молодого Женевского студента не повели его ни къ чему. Дороги были наполнены толпами жадныхъ и проворныхъ искателей, и мечты его о будущемъ окончились печальнымъ пробужденіемъ. Онъ принужденъ былъ, не говоря приять, выпросить себѣ скромное мѣсто наставника въ одномъ Швейцарскомъ семействѣ, жившемъ въ Парижѣ, и которое навсегда поселило въ немъ преданность и глубокое уваженіе къ почти патріархальнымъ добродѣтелямъ этого дома.

Занятія Литературою скоро познакомили Г. Гизо съ Сюартомъ, у котораго собирались всѣ люди, втайнѣ старавшіеся дать противоположное направленіе тогдашнимъ идеямъ. Тамъ бывали и циники Директоріи, и проповѣдники республики, и послѣднія развалины Энциклопедіи, и обломки эмиграціи. Съ этого уже времени начались связи Гизо съ старою роялистскою партіею, давшою ему потомъ важ-

ное мѣсто въ первые дни возвращенія Бурбоновъ во Францію. У Сюарта бывала также и дѣвица Полина де-Мѣланъ, одна изъ отличнѣйшихъ и ученѣйшихъ женщинъ того времени, съ умомъ столь основательнымъ и живымъ, что ея не могла истощить всепожирающая дѣятельность обязанностей журналиста. Дѣвица де-Мѣланъ участвовала въ изданіи нѣсколькихъ повременныхъ изданій, и особенно Журнала *Le Publiciste*, который ей обязанъ частію своихъ успѣховъ. Она занималась въ немъ труднымъ ремесломъ критика, и исполняла его съ силою и строгостію, которыхъ и не подозрѣвали въ ней знавшіе ея доброту и кротость. Она писала чрезвычайно чисто и пріятно; но въ тогдашнихъ ея сочиненіяхъ замѣтна какая-то педантская строгость, проявлявшаяся, какъ утверждаютъ, и въ ея разговорахъ, въ которыхъ важный характеръ журналиста вредилъ иногда тону милой и любезной женщины. Ежедневнымъ и безпрестаннымъ литературнымъ занятіямъ дѣвицы де-Мѣланъ разстроили наконецъ ея здоровье, и она принуждена была взять отдохновеніе, необходимое для ея силъ, но пагубное для ограниченнаго ея состоянія. Семейство ея, которое она содержала, оставалось почти безъ пособія, какъ однажды эта писательница получила письмо отъ неизвѣстнаго, который предлагалъ ей писать за нея въ «Публицистѣ», пока она сама въ состояніи будетъ снова приняться за перо. Это письмо было безъ подписи, но дышало умомъ и чистосердечіемъ, и къ нему приложена была статья, хорошо обдуманная, хорошо написанная, въ которой большая часть мыслей казалась заимствованною изъ разговоровъ Г-жи де-Мѣланъ. Статья была напечатана въ Публицистѣ, и дѣвица де-Мѣланъ, тронутая этимъ поступкомъ, не обинуясь, подписала подъ нею букву Р., выставляемую обыкновенно подъ ея сочиненіями. Съ тѣхъ поръ дѣвица де-Мѣланъ, во все время своей болѣзни, почти каждый день получала подобныя статьи. Само собою разумѣется, что она производила множество разысканій; но въ домъ Г. Сюарта не могли угадать, кто этотъ неизвѣстный писатель, и даже не подозрѣвали молодого человѣка, который, не улыбаясь, слушалъ всѣ ихъ догадки. Наконецъ дѣвица де-Мѣланъ рѣшилась написать къ неизвѣстному, не знаю какимъ образомъ, можетъ-быть и въ Публицистѣ. Она

умоляла безыменнаго писателя открыться. Онъ повиновался, и наконецъ явился, чтобы принять должную благодарность. То былъ двадцатилѣтній Г. Гизо. Благородная дружба связала съ тѣхъ поръ двухъ отличныхъ особъ, и чрезъ пять лѣтъ послѣ того дѣвица де-Мѣланъ сдѣлалась Г-жею Гизо. Пятнадцать лѣтъ нѣжнаго и святаго союза были послѣдствіемъ этого благороднаго и романческаго знакомства. Разлука была столь же трогательна, какъ и сближеніе. Посреди страданій томительной болѣзни, не препятствовавшей однако съ твердостью заниматься литературными трудами, Г-жа Гизо замѣтила наконецъ, что вся надежда исчезла. Она простилась съ сыномъ и мужемъ, и просила послѣдняго похоронить ее по обрядамъ протестантской церкви. Г-жа Гизо была католичка, но мужъ ея протестантъ, и она желала, закрывая навѣки глаза, унести съ собою утѣшительную мысль, что нѣкогда съ нимъ свидится. Потомъ, успокоенная, осчастливленная этимъ пожертвованіемъ, величайшимъ, какое могла сдѣлать своему мужу, она просила его прочесть ей что-нибудь. Онъ началъ Надгробное Слово Боскуэта Принцессы Генриетты; но едва прочелъ нѣсколько страницъ, какъ жена умерла. Это происходило въ 1827 году. Г. Гизо, отрѣшенный отъ должности, лишенный даже своей исторической кафедры, ратоборствовалъ тогда противъ Г. Виллеля. То было блистательнѣйшее его время, — время злполучій и славы.

Семейственное счастье Г. Гизо, неразъ было возмущаемо большими непріятностями. Въ эти пятнадцать лѣтъ онъ получалъ разныя должности, потомъ снова ихъ лишился, и старался очистить себѣ дорогу связями, своими мнѣніями и своими сочиненіями. Въ правленіе аббата Монтеスキу, Гг. Барбе-Марбуа и Деказа, онъ попеременно то занималъ довольно важныя должности секретаря министерства, то возвращался, вмѣстѣ съ женою, въ первобытное состояніе, въ которомъ они принуждены были, для прокормленія себя, работать всеми силами ума своего. Послѣ паденія Деказа, Г. Гизо, оставивъ бѣднякомъ мѣсто директора департамента, принялся, по-прежнему, писать книги, политическія брошюры и журнальныя статьи. Домъ Г. Гизо представлялъ тогда зрѣлище самое любопытное. Шуринъ его,

Г. Девенъ, префектъ Нievрскаго департамента, былъ также отрѣшенъ отъ должности. Онъ возвратился въ Парижъ съ женою и двумя племянницами, изъ которыхъ одна, впоследствии, вышла за Г. Гизо. Съ одной стороны Г-жа Гизо и ея племянницы исправляли Летуриеровъ переводъ Шекспира, и писали къ нему примѣчанія; съ другой Г. Гизо приготавливалъ изысканія свои во Французской Исторіи; далѣе, нѣсколько молодыхъ людей, покорныхъ учениковъ знаменитаго наставника, одни разбирали при помощи лексиконовъ варварскую латынь Ордерика Витала, другіе переводили сочиненія Кларандона, *Иконъ Василики*, Короля Карла I. и съ большими трудами, камень по камню, воздвигали огромное зданіе Записокъ объ Англійской революціи, украшенное на заглавномъ листѣ именемъ Г. Гизо. Эта общая работа была всегда руководима свѣтлою мыслію Г. Гизо, который въ то же время писалъ одинъ замѣчательный свой твореніи объ Исторіи и состояніи дѣлъ во Франціи. Все это произвело благоприятное вліяніе на направленіе Литературы, и доставило Г. Гизо знаменитость и возможность проводить въ довольствѣ жизнь, достойную уваженія.

ГЕРЦОГИНЯ АВРАНТЕСЪ И ЛЕДИ ВЛЕССИНГТОНЪ. Кому-то пришло въ голову, въ Англійскомъ Журналѣ *Tait's Magazine*, сравнить двухъ женщинъ, которыя, пока были помоложе и покрасивѣе, вѣрно объ считали себя несравненными, и каждая въ особенности выцарапала бы глаза наглцу, дерзающему пріискивать ей соперницу. Мы, право, не видимъ большаго сходства между Французскою и Англійскою писательницами, — развѣ то, что объ онѣ женщины; да и въ этомъ отношеніи одна изъ нихъ, — ужъ не скажемъ которая! — готова вправду обидѣться сравненіемъ себя съ другою. За всѣмъ тѣмъ мы перескажемъ сужденія объ нихъ Англійскаго Журнала: усматриваемыя нмъ точки сходства относятся болѣе къ одинаковости многихъ обстоятельствъ ихъ жизни и занятій, нежели къ тождеству ихъ дарованій, которыхъ сравнивать никакъ не возможно.

«На литературномъ горизонтѣ Франціи и Англіи блистаютъ два женскія имени; два имени писательницъ, которыя теперь держатъ тамъ въ рукахъ своихъ скипетръ литератур-

ной моды, и владычествуютъ своимъ умомъ надъ мнѣніями въ Литературѣ, а прежде владычествовали красотою надъ сердцами; двѣ дамы, которыхъ гостинныя сдѣлались центромъ печатной сферы, которыхъ книги всѣми читаются, и которыхъ жизнь раздѣляется на двѣ части, равно славныя: одну, посвященную кокетству, изяществу, нарядамъ, легкимъ эпиграмамъ, ѣдкимъ насмѣшкамъ, счастію блистать, ослаблять паружностью и насыщаться пріятностями уборныхъ; и другую, преданную сочиненію, печатанію, просматриванію корректуръ, дѣланію и отдѣлыванію литературныхъ репутацій, обвороженію посредствомъ ума, обольщенію потомства, а въ крайнемъ случаѣ хоть и современниковъ.

Въ судьбѣ этихъ двухъ женщинъ замѣтна разительная аналогія. И та, и другая, одарены удивительнѣйшею памятью, какой только лѣтописецъ можетъ просить отъ Бога. И та, и другая, были очень хороши собою; обѣ вдовы; у обѣихъ мужья были сумасшедшіе и, въ припадкѣ бѣшенства, бросились изъ окна и разбили голову о мостовую; обѣ сдѣлались писательницами тогда уже, когда прелести ихъ поблекли. Обѣ мастерицы разговаривать, и принялись разсуждать съ публикою, которая слушаетъ ихъ съ удовольствіемъ. Одна избрала въ патроны Лорда Байрона, другая Бонапарта, — просто двухъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Подъ крыломъ этихъ двухъ геніевъ, представленныя свѣту ими, онѣ придали болѣе смѣлости пріятной своей болтливости. Онѣ успѣли занять читателей множествомъ мелкихъ подробностей частной жизни, которыя не имѣли бы для насъ ни какого достоинства, если бы мы не надѣялись найти въ нихъ разрѣшеніе загадки, ключъ къ этимъ сложнымъ характерамъ, объясненіе этихъ двухъ непостижимыхъ лицъ. Обѣ удивительно хорошо понимаютъ и превосходно излагаютъ нравственность свѣтскихъ приличій и теорію обязанностей, въ томъ видѣ, въ какомъ учатся имъ въ уборныхъ и гостинныхъ. Та и другая возстаютъ противъ новѣйшихъ нравовъ, противъ паденія старинной вѣжливости, противъ нашествія демократіи; обѣ любезны, кротки, чистосердечны; и даже самыя ѣдкія ихъ сатиры прикрываются, облакаются, такъ сказать, утонченною учтивостію.

Этимъ сходствамъ противоположимъ нѣкоторыя важныя различія. Герцогиня Абрантесъ гордится происхожденіемъ своимъ отъ какихъ-то Комненовъ; у Леди Блессингтонъ нѣтъ родословнаго древа: Жюно, храбрый воинъ, затмилъ имя своей фамиліи личною знаменитостію, которая никогда не будетъ принадлежать ни Г. Фермеру, первому мужу Г-жи Блессингтонъ, ни Лорду, который женился на ней по его смерти. Англійская писательница, сколько извѣстно, сочиняетъ сама; Г-жа Жюно быть-можетъ сама сочиняетъ, но общее мнѣніе или общая сплетня придаетъ ей дѣятельныхъ сотрудниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ прославленныхъ литераторовъ «юной Словесности», побуждаемыхъ обломками прежнихъ ея прелестей. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшій разборъ различій.

Надобно признаться, что случай оказалъ этимъ двумъ сочинительницамъ великое благодѣяніе, коротко познакомивъ ихъ съ двумя людьми, столь любопытными, какъ Байронъ и Бонапарте. Онѣ умѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Герцогиня Абрантесъ не только разобрала Бонапарта, показала намъ его въ сюртукѣ, въ спальномъ костюмѣ, въ минуты когда онъ бывалъ не въ духѣ или капризничалъ, въ тайныхъ его аудіенціяхъ, въ свиданіяхъ наединѣ съ хорошенькою женщиною, во всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни; но сверхъ-того сдѣлала она изъ своихъ Записокъ волшебный фонарь частныхъ нравовъ времени Имперіи, живую картину, въ которой мелькаютъ всѣ идеи и обычаи, даже костюмы и мимолетныя моды той эпохи. Мы не жалуемся на то, что въ нихъ много пустаго, много кокетства, слишкомъ много любовныхъ интригъ и мелкихъ анекдотовъ: польза такого сочиненія состоитъ именно въ подробностяхъ; оно не принимаетъ на себя важнаго и строгаго вида Исторіи; Исторія сама проглядываетъ въ немъ сквозь тысячи подробностей.

«Каждый день моей жизни есть страница моей книги», говоритъ Г-жа Абрантесъ. Она повторяетъ то, что она одна слышала и притомъ какъ вещи, до нея самой касающіяся, а это придаетъ разсказу извѣстную прелесть. Но она напрасно не ограничила своего литературнаго поприща этими Записками: талантъ, которымъ онѣ отличаются и кото-

рый, по нашему мнѣнію, ставитъ сочинительницу между лучшими производителями Записокъ, происходитъ отъ рода ея жизни, отъ ея воспоминаній, отъ живости и силы, съ которыми всѣ эти легкіе образы запечатлѣлись въ умъ ея, отъ важности, съ которою они ей представляются, отъ драматическаго интереса, какой имѣютъ они для нея самой. Другія ея произведенія, будучи лишены этого источника занимательности, показываютъ въ ней только весьма посредственное литературное дарованіе.

Леди Блессингтонъ разсказала Лорда Байрона, точно такъ какъ Герцогиня Абрантесъ разсказала Наполеона. Она, конечно, остроумнѣе и насмѣшливѣе Герцогини, но также привыкла къ легкой болтовнѣ гостиныхъ, — и надобно только послушать, какъ, окруженная отличнѣйшими въ Англіи людьми, толкуетъ она обо всемъ и ни объ чемъ, какъ описываетъ Римскіе *conversazioni*, Сентъ-Джемсъ-Скверскія гостиныя или небольшія ученые и поэтическія собранія, бывающія въ ея отечествѣ, Ирландіи. Съ какимъ вкусомъ, съ какою живостию, разительностию, схватываетъ и выставляетъ она все смѣшное!

Она не падаетъ Лорда Байрона; она совсѣмъ не придала портрету этого знаменитаго чловѣка лестныхъ красокъ, какими Герцогиня разцвѣчиваетъ изображеніе Наполеона. Леди Блессингтонъ не достаетъ того женскаго энтузіазма Г-жи Абрантесъ, и часто, при чтеніи ея «Разговоровъ» съ великимъ поэтомъ, такъ хорошо написанныхъ, такъ нѣжно, такъ пріятно очерченныхъ, приходитъ въ голову, что она хотѣла открыть вамъ всѣ тайныя дурныя качества образца своего, разобрать его слабости, изобразить мелкіе пороки, а не объяснить его недостатки и характеръ. И эта строгость, въ которой никогда нѣтъ ничего крутаго или пошлаго, съ другой стороны внушаетъ намъ болѣе довѣренности къ ея мнѣніямъ: мы охотно вѣримъ ей, когда она оправдываетъ Байрона, и наводитъ его слабости и недостатками красками, подъ которыми они кажутся извинительными. Едва ли есть въ Англійской Литературѣ что-нибудь прелестнѣе нѣкоторыхъ страницъ «Разговоровъ Леди Блессингтонъ». Видно, что сердце чловѣческое открылось передъ ея глазами; она усматриваетъ въ немъ тысячи тайнъ тщ-

славія, странности, порочности, ребячества, которыя часто ускользають отъ взоровъ философа и драматическаго писателя; она обнажаетъ самыя мелкія его фибры. Никто лучше ея не живописалъ высшаго Лондонскаго общества въ началъ нынѣшняго вѣка, его чопорности, его изысканности, его хвастливости, его глупостей. Но ей, какъ и Г-жѣ Абрантесъ, не слѣдовало бы писать ничего болѣе, кромѣ этого прелестнаго произведенія. Романы, изданные Леди Блессингтонъ, послѣ успѣха ея «Разговоровъ», подверглись многочисленнымъ критикамъ, которыя не кажутся намъ несправедливыми. Это уже не та блестящая, живая говорунья, обильная экспромтами и тонкими разборами сердца и общества; но свѣтская нравоучительница, проповѣдница, которая сама не вѣритъ тому, что говоритъ, — и потому насъ не убѣждаетъ.»

НОВАЯ КОМЕДІЯ ДИДРО. Ея слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, но она еще совсѣмъ новая. Она была играна только одинъ разъ въ 1771 году, и потомъ спрятана, забыта, утрачена. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли ее въ Готѣ, и Журналъ *Revue Rétrospective* теперь въ первый разъ ее напечаталъ. Кому не любопытно узнать по крайней мѣрѣ содержаніе такой новости, кому не захочется хоть пробѣжать твореніе такого писателя, каковъ былъ Дидро? Мы пособоямъ отчасти любопытству нашихъ читателей. Какъ бы то ни было, а въ нынѣшней Французской Литературѣ нѣтъ ни одного ума, равнаго покойному Дидро.

Комедія называется — *Добръ ли онъ? золь ли онъ?* — или *Услужливый докучатель*, или *Вспомъ услуживаетъ, никому не угождаетъ*: три заглавія, четыре дѣйствія.

Вы давно знаете Дидро, — философа, насмѣшника, чловѣка своенравнаго, удивительнаго, пошлаго? Этотъ чловѣкъ, одаренный качествами столь превосходными, столь рѣдко вмѣстѣ встрѣчающимися, чловѣкъ столь глубоко уважающій добродѣтель, и столь безнравственный въ своихъ твореніяхъ, столь ученый и столь поверхностный, такъ много надѣлавшій зла чловѣчеству и никого съ умысломъ не обидѣвшій, однимъ словомъ Дидро, самъ себя вывелъ на сцену, самъ сдѣлался своимъ Аристофаномъ, и показываетъ намъ

себя не такимъ, какимъ мы его видимъ, а такимъ, какимъ онъ самъ себя казался. Предпріятіе довольно странное: человекъ самъ себя выставляетъ передъ публикой, и не въ книгѣ, а на театрѣ! Это новый способъ писать свою Историю или свои Записки. Дидро не хотѣлъ отстать отъ Ж. Ж. Руссо, изъ котораго онъ своими совѣтами сдѣлалъ писателя безнравственнаго и безстыднаго. Онъ изобразилъ себя подъ именемъ Гардуэна. Гардуэнъ человекъ, который любитъ уединеніе, не по ненависти къ людямъ, а отъ того, что боится свѣта, гдѣ ему какъ-то неловко; лишенный затворничествомъ уваженія, которымъ онъ, конечно, пользовался бы въ свѣтѣ; милый друзьямъ своимъ, для которыхъ готовъ онъ сдѣлать все на свѣтѣ; ненавидимый всѣми, кто его не знаетъ: таковъ былъ и Дидро.

Въ первомъ дѣйствіи вы въ домѣ Г-жи Шепи, которая разговариваетъ съ своимъ слугою, Пикаромъ, и запрещаетъ ему на цѣлую недѣлю ходить къ женѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что любовь — наслажденіе людей богатыхъ и благородныхъ, а бѣдняки, разночинцы, не должны объ ней и думать. По одной этой чертѣ вы уже узнаете умъ Дидро. Теперь хотите ли знать, отъ чего Г-жѣ Шепи такъ нуженъ слуга ея? Отъ того, что наступаетъ день ея именинъ, а къ тому дню ей непременно нужна драматическая Пословица: онъ посылаетъ Пикара къ литератору Гардуэну, чтобы заказать ему Пословицу. — Теперь двѣнадцать часовъ, говорить она: бѣги къ нему; онъ еще не вставалъ. — Г-жа Шепи очень хорошо знаетъ образъ жизни Г-на Гардуэна, или Дидро!

Пикарь бѣжитъ, и скоро приходитъ назадъ. Онъ былъ у Г. Гардуэна, который живетъ высоко, чертовски высоко, въ какомъ-то длинномъ и узкомъ домѣ. Пикарь долго лѣзъ по крутой и темной лѣстницѣ, познакомился съ сосѣдками Гардуэна, которыя показали ему его квартиру. Эти сосѣдки женщины миленькія и хорошенькія, потому что, по особенному счастью, у Г-на Гардуэна всегда миленькія и хорошенькія сосѣдки, которыя любятъ его во всей чистотѣ и невинности сердца, принимаютъ оставляемые ему визитныя карточки, когда его нѣтъ дома, сбиваютъ съ толку е кре-го

диторовъ, и просить приходящихъ, чтобы они не шумѣли, когда Г. Гардуэнъ спитъ.

Г-жа Шепи угадала: Гардуэнъ еще не вставалъ, когда Пикаръ пришелъ къ нему, и тотъ долженъ былъ разбудить его. Пикаръ хотѣлъ-было постучаться, но пошатнулся, толкнулъ въ дверь головою, дверь растворилась настежь, и онъ растянулся на полу. Гардуэнъ въ бышенствѣ вскочилъ съ постели, кричалъ, клялся, ругался, — но все это одну только минуту: онъ добрый малый, онъ бросился къ Пикару и поднялъ его: «Не ушибся ли ты, любезный другъ? Дай посмотреть твою голову!»

Черезъ нѣсколько минутъ, Г. Гардуэнъ самъ, собственной своей особой, является къ Г-жѣ Шепи. Онъ совершенно спокоенъ и хладнокровенъ, ничѣмъ не встревоженъ, ни даже тѣмъ, что Пикаръ такъ неосторожно разбудилъ его въ полдень. — Что вамъ угодно, сударыня? — Бездѣлку, Г. Гардуэнъ: какую-нибудь Пословицу; напишите мнѣ поскорѣ маленькую Комедию. — Вы видите, что Г-жа Шепи обходится и съ литераторомъ точно такъ же неперемонно, какъ и съ своимъ лакеемъ. Дидро ни въ чемъ не прощаетъ своему вѣку!

Его Гардуэнъ гордъ со знатію, упрямъ, капризенъ и страстный охотникъ похвастаться: онъ не хочетъ писать Комедіи. Г-жа Шепи удивляется, не можетъ постичь, какъ смѣетъ литераторъ не слушаться ея, знатной дамы! Она сердится, уходитъ; и оставляетъ Гардуэна одного со своею компаньонкою, съ мамзель Больё.

Но Гардуэнъ человекъ странный во всѣхъ отношеніяхъ: для него хороша всякая хорошенькая женщина, какого бы роду и званія ни была она.

Оставшись одинъ съ мамзель Больё, онъ снова дѣлается самымъ кроткимъ, самымъ добрымъ и снисходительнымъ. Съ госножею онъ былъ надмененъ, съ компаньонкою онъ покоренъ и услужливъ; Г-жѣ Шепи онъ отказалъ на отръзъ, мамзель Больё онъ охотно повинуется, и, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, берется написать Комедию. Тутъ конецъ перваго дѣйствія.

Во второмъ дѣйствіи, авторъ переноситъ васъ къ себѣ, въ квартиру Г. Гардуэна. Онъ толкуетъ со своимъ лакеемъ.

Оно, конечно, немножко странно, что у Г-на Гардуэна есть лакей, но если вы уже допустите эту невероятность, то очень естественно, что онъ съ нимъ толкуетъ. Вдругъ лакей докладываетъ, что пріѣхала Г-жа Бертранъ, женщина, закутанная въ двадцати аршинахъ чернаго крепу; вдова, которую не худо утѣшить, говорить лакей. — Проси вдову! кричить Г. Гардуень: проси ее сюда! — Вдова является: здѣсь происходитъ сцена, исполненная ума и занимательности. Г-жа Бертранъ — молоденькая женщина и очень нравится Г-ну Гардуэну. Она вдова знаменитаго капитана Бертрана, который, для чести Французскаго флота, потопилъ весь экипажъ свой, и самъ утонулъ съ нимъ. У Г-жи Бертранъ остался послѣ мужа крошечный ребеночекъ, и она находится въ величайшей бѣдности, потому что не можетъ добиться пенсіона. Она уже просила объ этомъ черезъ князей, черезъ герцоговъ, прелатовъ, женщинъ, — ничто не помогло! Наконецъ, не будучи знакомою съ Г. Гардуэномъ, но зная, что онъ *очень добръ*, что пріятель съ Г. Пультье, который управляетъ Морскимъ Департаментомъ, она рѣшилась обратиться къ нему и просить помочь ей. Послѣ множества остроумныхъ шутокъ, Гардуэнь, побѣжденный милою вдовою храбраго капитана, соглашается хлопотать за нее, если только она позволитъ ему, въ случаѣ нужды, выдать это дѣло за свое собственное. — Нынче, изволите видѣть, сударыня, самый короткій пріятель не станетъ васъ слушать, если вы просите не за себя. — Всѣ говорятъ, что вы такой добрый, такой благородный! отвѣчаетъ Г-жа Бертранъ: дѣлайте какъ вамъ угодно.

Она уходитъ. Гардуэну надобно написать Комедію для мамзель Больё, и выхлопотать пенсіонъ для Г-жи Бертранъ.

Онъ размышляетъ о Комедіи и о пенсіи, какъ вдругъ входитъ Жизорскій адвокатъ, Г. Деренардо.

Г. Деренардо тоже пришелъ воспользоваться услужливостію Гардуэна. У него тяжба съ одною изъ родственницъ Г-на Гардуэна; эта тяжба тянется уже десять лѣтъ. Чтобы окончить ее, Г. Деренардо вздумалъ выбрать Гардуэна въ посредники, и принесть ему довѣренность. Гардуэнь и на это соглашается, и вотъ уже за нимъ цѣлыхъ три дѣла:

написать Комедию, выхлопотать пенсію и уладить тяжбу. Бѣдный Г. Гардуэнъ!

Жизорскій адвокат только-что вышелъ, какъ является Г. Крансе. Это человѣкъ влюбленный, влюбленный какъ нынче уже не влюбляются; онъ любитъ двизицу Вертильякъ, но мать ея не соглашается на бракъ ихъ. Крансе влюбленъ до безумія, двизица Вертильякъ влюблена до безпамятства; но до-сихъ-поръ любовь ихъ выражалась только вздохами и страстными взглядами. Онъ знаетъ, что старушка Вертильякъ пріятельница Дидро, и проситъ Гардуэна уговорить ее.

Но между-тѣмъ какъ Крансе толкуетъ о любви своей, является сама Г-жа Вертильякъ! Вы можете вообразить, какъ это смущаетъ Г. Крансе, и какъ вѣзвисялась старуха Вертильякъ, увидѣвъ его здѣсь! Крансе убѣгаетъ, а Гардуэну нужно теперь, во-первыхъ, написать Комедию; во-вторыхъ, выхлопотать пенсію; въ-третьихъ, уладить процессъ; въ-четвертыхъ, смастерить свадьбу. Какъ же онъ все это сдѣлаетъ? О томъ уже въ третьемъ дѣйствіи.

Гардуэнъ не такой празднолюбецъ и разсѣянный, чтобы у него уже ни сколько не было порядка въ безпорядкѣ. Ему надобно совершить четыре трудныя дѣла. Съ чего начать? Онъ началъ съ перваго. Онъ посылаетъ за молодымъ писателемъ, Г. Сюрмономъ, и говоритъ ему, что Г-жа Шепи поручила ему, Гардуэну, написать для нея Комедию, но какъ онъ, Гардуэнъ, знаетъ, что онъ, Сюрмонъ, влюбленъ въ нее, Г-жу Шепи, то и не хочетъ отнять у него случая услужить ей. Сюрмонъ сначала не соглашается, онъ боится осрамиться; но Гардуэнъ убѣждаетъ его тѣмъ, что обязывается приписать ему всю славу, если пьеса будетъ имѣть успѣхъ, и принять грѣхъ на себя, если она пойдетъ дурно. Торгъ сложенъ, и однимъ дѣломъ меньше.

Теперь за другое. Добрый Гардуэнъ думаетъ о бѣдной вдовушкѣ, которая только на него и надѣется; онъ открываетъ окно, и видитъ, что Пультье идетъ мимо его дома. — Эй, Пультье! — Пультье приходитъ. Пультье занимаетъ важное мѣсто, но онъ любитъ своихъ пріятелей; онъ уменъ и добръ; онъ прибѣгаетъ въ радости, что его зоветъ Гардуэнъ, котораго онъ давно не видалъ. — Скажи мнѣ, Пультье,

любишь ли ты меня? — Люблю! Несмотря на все твои причуды, тебя нельзя не любить. — Если бы я сталъ передъ тобою на колѣни и умолялъ тебя пособить мнѣ въ самомъ важномъ для меня дѣлѣ, исполнилъ ли бы ты мою просьбу? — Гардуэнъ говоритъ о Г-жѣ Бертранъ. Пультье отвѣчаетъ, что по законамъ ей не возможно назначить пенсіона. — По законамъ, такъ! отвѣчаетъ Гардуэнъ: но по дружбѣ ко мнѣ? — И тутъ онъ принимается рассказывать небывальщину и доходить до того, что въ жару ходатайства утврждаетъ, будто онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Г-жею Бертранъ при жизни мужа и что ребенокъ ея — его сынъ. — Я въ отчаяніи! говоритъ онъ: ты не выйдешь отсюда, покуда не исполнишь моей просьбы! — Убѣжденный такими уважительными причинами, Пультье обѣщаетъ назначить сыну Г-жи Бертранъ пенсію. Дидро мастеръ изображать доброе сердце своихъ друзей! Чего, по законамъ, нельзя было сдѣлать для честной вдовы храбраго воина, то будетъ сдѣлано для легкомысленной жены и для побочнаго сына дорогаго пріятеля.

И вотъ уже два дѣла съ рукъ долой. Остается еще тяжба Г. Дерепардо и женитьба Г. де Крансе. Вы видѣли, что старушка Вертильякъ не хочетъ и слышать о томъ, чтобы выдать дочь за де Крансе; бѣдные любовники разлучены, они очень печальны, а Г-жа Вертильякъ такъ упряма! Какъ же Гардуэну выпутаться изъ этой бѣды. Такъ, какъ бы выпутался самъ Г. Дидро, если бъ былъ на его мѣстѣ.

Вы уже примѣтили, что онъ ничѣмъ не затрудняется и не очень дорожить ни истиною, ни честию порядочной женщины. Послѣ минутнаго разговора, бѣдная старушка начинаетъ кричать и ужасаться. — Какъ? что? возможно ли?... Ахъ, Боже мой!... Кто бы это подумалъ? Моя Лиза, такая скромная! такая невинная!.... И вы говорите, что она....? Прошу покорно послѣ этого уберечь дочь отъ обольстителей. — Г-жа Вертильякъ, испуганная рассказомъ Гардуэна, сама торопитъ свадьбу. — Скорѣе, скорѣе ведите ихъ въ церковь, чтобы онъ только какъ-нибудь не вздумалъ отказаться! Мнѣ ужъ, видно, суждено быть въ родствѣ съ этими нищими Крансе!....

Вы видите отсюда, въ какомъ восторгѣ любовники, какъ

удивляется Г. Крансе непостижимой переменѣ въ расположеніи будущей его тещи. Съ другой стороны Г. Деренардо радуется окончанію своего процесса, который Гардуэнъ также уладилъ по-своему, а мамзель Больё восхищается тѣмъ, что пьеса написана по просьбѣ ея, а не гордой ея госпожи. Гардуэнъ побѣдитель на всѣхъ пунктахъ; его осыпаютъ благословеніями; его провозглашаютъ умнѣйшимъ, честнѣйшимъ, добрѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Онъ, оставшись одинъ, складываетъ руки на груди и говоритъ самъ себѣ: — Я добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ! Я? О, нѣтъ! Я чувствую, что родился злымъ, жестокимъ, порочнымъ. Меня почти до слезъ трогаетъ нѣжность этой бѣдной матери къ ея ребенку, ея чувствительность, ея признательность; она мнѣ даже нравится, и между-тѣмъ я черню ее, лишаю ея добраго имени.... Гардуэнъ! ты всѣмъ забавляешься, для тебя нѣтъ ничего священнаго. Ты просто негодай!.... Это не хорошо, очень не хорошо!.... Ты непременно долженъ исправиться. Неужели же мнѣ признаться въ моемъ обманѣ? О, нѣтъ, нѣтъ! Еще это дурное дѣло, и потомъ поздно, впередъ не буду. — Мы думаемъ, что если Диогенъ понималъ самъ себя, то онъ понималъ себя точно такъ, какъ Дидро представилъ свой характеръ въ этой пьесѣ.

Несмотря на этотъ цинизмъ, послѣднее дѣйствіе такъ же занимательно, какъ и три первыхъ. Въ минуту величайшаго торжества Гардуэна, всѣ хитрости его открываются. Молодой поэтъ, Сюрмонъ, узнаетъ что пьеса, которую онъ писалъ для Г-жи Шени, написана для ея компаньонки, мамзель Больё. Г-жа Бертранъ узнаетъ, что Гардуэнъ ее обезславилъ. Г-жа Вертильякъ узнаетъ, что дочь ея совершенно невинна и всегда была добродѣтельна, а Г. Деренардо находитъ, что Гардуэнъ пожертвовалъ имъ противной сторонѣ. Тутъ начинаются шумъ и толки, гнѣвъ и упреки. Сюрмонъ хочетъ изорвать свою Комедію; мамзель Больё отказывается играть въ ней; Г-жа Бертранъ отрекается отъ пенсіона; Г-жа Вертильякъ намѣревается разстроить бракъ дочери своей съ Г-мъ Крансе; Г. Деренардо собирается снова завести тяжбу. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Гардуэна всѣ любили, обожали, обнимали; теперь всѣ его ненавидятъ, упрекаютъ и ругаютъ. Всѣ шумятъ, кричатъ, другъ на дру-

га сердятся, другъ друга не понимаютъ. Это четвертое дѣйствіе одно уже составляетъ прекрасную Комедію. Наконецъ все улаживается, всѣ умирятся и примиряются. Сюрмонъ не рветъ пьесы, мамзель Больё будетъ играть, вдова, изъ любви къ сыну, соглашается принять пенсіонъ, Г-жа Вертильякъ не противится болѣе счастью своей дочери, Г. Деренардо не думаетъ уже о тяжбѣ, а виновникъ всего, Гардуэнъ, который держалъ въ рукѣ своей всѣ нити этой интриги, является съ толпою дѣтей. Тутъ начинаются пляски и куплеты въ честь Г-жи Шепи, и она вскрикиваетъ: — Скажите же послѣ этого: добръ онъ, или золь? — Одно за другимъ, отвѣчаетъ мамзель Больё.

Это сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ достойно своего автора.

ДАТСКИЙ ТЕАТРЪ. Тогда какъ вся Европа издастъ общій, раздирающій стонъ печали о упадкѣ Драматическаго Искусства, нынѣшнее цвѣтущее состояніе Датскаго Театра по-истинѣ достойно примѣчанія. Новыя Комедіи, Трагедіи, Оперы и Водевильи слѣдуютъ на немъ другъ за другомъ съ удивительной быстротою, и многія изъ нихъ могутъ выдержать сравненіе съ лучшими этого рода произведеніями какой вамъ угодно страны. Къ этому надо прибавить, что и актеры въ Копенгагенѣ отличные: напримѣръ, Риге, Винслёвъ и Нильсенъ въ Трагедіи; Фридендаль, Стаге, Розекильде, Форсомъ и Фистеръ въ Комедіи; а изъ женщинъ, Г-жи Векшаль, Юргенсонъ и Гейбергъ. Последняя — супруга профессора Гейберга, отличнаго драматическаго писателя, и актриса съ обширнымъ дарованіемъ, равно блистающимъ въ веселыхъ, юмористическихъ, и какъ и въ страстныхъ сценахъ. Меньше привлекательнаго на Датскомъ Театрѣ по оперной части, хотя его prima donna, дѣвица Зрза, не безъ толпы обожателей, превозносящихъ ее до небесъ; но что касается до Балета, то онъ въ самомъ жалкомъ положеніи. За то оркестръ превосходный. Съ Копенгагенскимъ театромъ соединены музыкальная консерваторія, управляемая профессоромъ Сибони, и декламационное училище для образованія молодыхъ людей, готовящихся на сцену. Никому не дозволяется играть безъ предварительнаго обуче-

нія, которое бываетъ продолжительнѣе или короче, смотря по способностямъ и успѣхамъ учащагося. Актеръ, съ самаго вступленія его въ это званіе, числится въ коронной службѣ, получаетъ определенное жалованье, а при отставкѣ, за старостью или по другимъ причинамъ, пенсіонъ, соразмѣрный его заслугамъ. Бенефисы тамъ вовсе неизвѣстны, а иногда дозволяются такъ называемые «Вечера», что почти одно и то же. Плата пишущимъ для театра определена по числу дѣйствій пьесъ, принимаемыхъ Дирекціею. Сверхъ-того, одно удачное произведеніе въ пяти дѣйствіяхъ и два или три въ одномъ даютъ автору пожизненное право бывать въ театрѣ даромъ. Замѣчательнѣе еще своей новостью способъ отдачи ложъ. Въмѣсто того, чтобъ предоставлять разборъ билетовъ случаю или привлекательности аффиши, логи въ Копенгагенѣ отдаются въ наемъ съ аукціона, и первые наемщики передаютъ ихъ потомъ другимъ хоть разъ въ недѣлю. Такимъ образомъ логи всегда бываютъ заняты: да и прочія мѣста отъ этого выигрываютъ, а актеры избавляются отъ нспріятности декламировать передъ пустыми креслами. Благопріиличіе и порядокъ, наблюдаемые въ Датскомъ театрѣ, также достойны подражанія. Не только не бываетъ тамъ тѣхъ безчинствъ, которыхъ насмотритесь въ Лондонскихъ и Парижскихъ театрахъ, но зрители, съ весьма рѣдкими исключеніями, удерживаются даже отъ рукоплесканій до окончанія пьесы, или, по крайней мѣрѣ, акта.

Недавно давали новую Трагедію знаменитаго Эленшлегера, «Королева Маргарита», заслужившую самый благосклонный пріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, это произведеніе, если и не увеличиваетъ славы автора, по крайней мѣрѣ поддерживаетъ его на той высотѣ, которой онъ достигъ своими прежними твореніями, и на которой стихотворецъ Тегнеръ провозгласилъ его достойнымъ преемникомъ безсмертнаго Гёте. Словомъ, драматическій геній, по которому плачетъ вся Европа, котораго тщетно ищетъ она повсюду, который, какъ утверждали многіе, уже безвозвратно улетѣлъ на небо, — этотъ милый, забавный, чувствительный, злой, свирѣпый геній нашелъ себѣ убежище въ Датской Словесности. Qu'est-il allé faire dans cette galère?....

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Екатерина Говардъ, Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и восьми картинахъ; Александра Дюма.

Екатерина Говардъ не исторія, не сказка, не трагедія, и не комедія и не мелодрама; она меньше чѣмъ все это; она, можетъ-быть, больше чѣмъ все это: она сновидѣніе, сонъ челоѣка бдящаго, ума отважнаго, который дошелъ до того, что на все уже осмѣливается; воображенія, утомленнаго, заблужденнаго, по еще могущественнаго, которое часто нападаетъ снова на настоящую дорогу. Не думаю, чтобы новѣйшая Драма могла итти дальше въ насиліяхъ, въ убійствахъ, въ неистовствахъ всякаго рода, въ забвеніи всѣхъ приличій историческихъ, драматическихъ, общественныхъ и литературныхъ! Боже мой! что скажетъ теперь Эдинбургское Обозрѣніе, увидѣвъ, что осемнадцатилѣтняя женщина любитъ пятидесятилѣтняго Короля Генриха VIII, покидая для него прекраснѣйшаго, благороднѣйшаго изъ Англійскихъ вельможъ? когда оно узнаетъ, что изъ Екатерины Говардъ, жепщины столь знатной, что бракъ ея съ Королемъ една былъ для Генриха VIII пероннымъ бракомъ, и родной племянницы Герцога Норфолькскаго, Г. Дюма сдѣлалъ дѣвочку безъ имени, безъ состоянія, безъ семейства; дѣвочку, которую врагъ Короля находитъ или, лучше сказать, открываетъ, собирая цѣлебныя травы, и въ которую Генрихъ VIII влюбляется по его разскаамъ?

Изложеніе въ этой Драмѣ чистая Исторія. Это изложеніе собственно не что иное какъ глава изъ Юма или Робертсона, довольно дурно расположенная въ разговорахъ: это изложеніе большая ошибка автора; чѣмъ болѣе въ немъ историческаго, тѣмъ противоположѣе оно съ остальными частями пьесы, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего историческаго. Притомъ, такъ, какъ во всемъ этомъ *твореніи безъ имени*, нѣтъ и рѣчи объ историческомъ Генрихѣ VIII, то автору лучше было бы не выказывать всего, что ему извѣстно о политикѣ этого грознаго и всемогншаго Государя. Намъ надобно только знать, что Англійскій Король вдовъ, — вещь для него страшная! Генрихъ уже лишился четырехъ женъ: одна умерла своею смертію; другую свели на эшафотъ; за Анною Боленъ, послѣдовала Іоанна Сеймуръ, юная и

прекрасная, которая была такъ счастлива, что умерла, такъ же какъ и Екатерина Аррагонская, на своей постели. Затѣмъ явилась Анна Клевская, въ которую Король влюбился, увидѣвъ портретъ ея, работы Гольбейна; эта, простая и добрая Нѣмка очень рада была, что ее просто прогнали. Тутъ пришла очередь Екатерины Говардъ; она сдѣлалась Королевою, какъ и всѣ прочія, по прихоти Генриха VIII. Странное тщеславіе, страшная неустрашимость женщины, и странное могущество вѣнца. Вотъ человекъ, покрытый кровію, заваленный дѣлами, то католикъ, то еретикъ, то протестантъ, то воинъ, то богословъ, тиранъ, папачъ, папачъ собственныхъ своихъ женъ; человекъ умный, отъ котораго ничто не укрывается, человекъ съ сердцемъ измятымъ, ревнивый, злой, жестокій, старый, больной, прихотливый! И чтожь! этотъ человекъ нашелъ столько же юныхъ и прекрасныхъ женщинъ, которыя согласились выйти за него, чтобы послѣ онъ ихъ казнилъ или съ безчестіемъ прогналъ отъ себя, сколько нашелъ ихъ самъ Францискъ I, который любилъ женъ своихъ, служилъ имъ, былъ ихъ рыцаремъ, ихъ поэтомъ, рабомъ ихъ. Но не станемъ припоминать Исторіи: мы говоримъ объ исторической Трагедіи, а это дѣло совсѣмъ другое!

Какъ бы то ни было, Генрихъ VIII увидѣлъ Екатерину Говардъ въ хижинѣ, въ которой живетъ она, — и старое его сердце забилося сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Онъ непремѣнно хочетъ обладать Екатериною, и притомъ не иначе какъ другими: онъ хочетъ на ней жениться. Но всего удивительнѣе въ этой Драмѣ то, какъ Генрихъ VIII тоскуетъ о нѣжной и невинной любви своей со своимъ другомъ и наперсникомъ Герцогомъ Этельвудомъ. О Боже мой, да бѣдный Генрихъ VIII такъ робокъ и застѣнчивъ! Правда, что онъ уморилъ Екатерину Аррагонскую съ горя, что онъ казнилъ Анну Боленъ, что онъ съ безчестіемъ прогналъ отъ себя Анну Клевскую; но Екатерину Говардъ, дѣвушку безвѣстную и безъ имени, какою представлена она въ Драмѣ, онъ любитъ и уважаетъ; онъ бѣсится только отъ одного, — что она его не любитъ! И бѣдняжка Генрихъ VIII повѣряетъ свое горе вѣрному своему Герцогу Этельвуду.

Услышавъ это признаніе, Этельвудъ смущается. Дѣвушка, которую Король такъ нѣжно, такъ страстно любить, не кто иная, какъ любовница, жена молодаго Лорда: вотъ что значить дурной примѣръ! Всѣ эти господа, при Англійскомъ Дворѣ, привыкли жениться, какъ скоро увидятъ хорошенькую дѣвушку, и выходитъ что уже не встрѣчаешь въ полѣ ни одной дѣвушки, которая бы не была замужемъ за какимъ нибудь благороднымъ Лордомъ.

Этельвудъ, внявъ себя отъ страха, бѣжитъ къ Екатеринѣ въ бѣдный домикъ, въ которомъ живетъ она на берегу Темзы. Тамъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, онъ даетъ ей питье. Екатерина, едва опорожнивъ поданный ей бокалъ, падаетъ. Питье это вы, конечно, уже узнали: одинъ только старый Шекспировъ аптекаръ умѣетъ составлять его. Г. Дюма, вспомнилъ объ этомъ аптекарѣ, и купилъ у него *жидкость, разливающую въ жилы усыпленіе*. Великій поэтъ Шекспиръ медленно, искусно, торжественно приготовляетъ мнимую смерть Юліи. Какъ страшны эти приготовленія къ смерти! какъ ужасны послѣдствія! Послѣднее дѣйствіе Ромео и Юліи сама жестокая катастрофа, какая когда-либо приходила въ голову трагическаго поэта! Что же производитъ этотъ пузырекъ съ Шекспировскимъ ядомъ въ рукахъ Г-на Дюма? То же, что произвело бы самое простое усыпительное лекарство. Екатерина пьетъ этотъ напитокъ, не зная его силы. Она падаетъ, потому что Г-ну Дюма нужно, чтобы она упала. Какое оскверненіе святыни! Прекраснѣйшая, или по крайней мѣрѣ возвышеннѣйшая изъ Шекспировыхъ Трагедій употребляется на то, чтобы доставить одному изъ новомодныхъ поэтовъ полу-сцену, необходимый обморокъ, — и только!

Драма Г-на Дюма собственно и начинается съ обморока Екатерины Говардъ.

Во второмъ актѣ вы видите Екатерину въ могильномъ склепѣ, въ деревнѣ, гдѣ живетъ она. Она лежитъ на постели Юліи, одѣта въ бывшее платье Юліи. Подруги ея прощаются съ нею, окропляя ее священною водою. Въ передней части сцены Этельвудъ ждетъ пробужденія жены своей.

Но гдѣ драматическій поэтъ, лежащій на Шекспировской постели, опьяненный Шекспировскимъ ядомъ, нѣсколь-

*

ко пробуждается. Г. Дюма праводитъ въ этотъ могильный склепъ, — кого вы думаете? — Генриха VIII, Короля Англійскаго. Онъ тоже приходитъ плакать на могилъ Екатерины Говардъ. Не станемъ говорить объ этомъ поступкѣ его. Генрихъ VIII, палачъ, казнившій въ свою жизнь около семидесяти двухъ тысячъ челоуѣкъ, не считая женъ своихъ, плачетъ какъ ребенокъ надъ тѣломъ бѣдной дѣвушки, стоитъ передъ нею на колѣняхъ, и надѣваетъ на оледенѣлый ея палецъ обручальное кольцо! Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ чрезвычайно драматическомъ положеніи челоуѣка, который выдалъ жену свою за покойницу, чтобы спасти ее отъ любви Короля, и видитъ этого Короля у могилы жены своей, и знаетъ, что жена его сейчасъ должна очнуться. Въ эту минуту по театру пробѣжалъ трепеть, котораго одного достаточно для успѣха цѣлаго дѣйствія. И эта сцена сдѣлалась бы несравненно прекраснѣе, если бы Екатерина вдругъ проснулась въ объятіяхъ Короля. Какъ велика была бы радость Генриха! какъ глубоко отчаяніе Этельвуда! какъ извинительна была бы любовь Екатерины къ Королю! Но для составленія Драмы, Г-ну Дюма нужна была куча другихъ преступленій и невѣроятностей. И потому онъ отступилъ отъ сцены, которая была уже у него въ рукахъ. Король уходитъ. Екатерина пробуждается, и Этельвудъ уводитъ ее просто въ другую часть своего замка.

Въ третьемъ дѣйствіи, или въ третьей картинѣ, мы дѣйствительно въ замкѣ Этельвудовомъ. Этельвудъ, по-прежнему, влюбленный въ жену свою, спряталъ ее въ своемъ замкѣ какъ Лейстеръ прячетъ жену въ замкѣ Кенильвортскомъ. Но тутъ есть та разница, что честолюбивая Екатерина Говардъ только и мечтаетъ о вѣнцѣ и скипетрѣ. Мужъ ея имѣлъ неосторожность, или просто глупость, рассказать ей о любви къ ней Генриха VIII, оботчаяніи Короля, когда онъ увидѣлъ ее мертвою, и о томъ, какъ надѣлъ онъ ей на палецъ обручальное кольцо свое. *Въ слѣдствіе сего* Екатерина Говардъ очень скучаетъ въ своемъ Этельвудскомъ замкѣ.

Вдругъ, такъ же какъ и въ Кенильвортѣ, пріѣзжаетъ Король! А знаете ли вы, для чего пріѣзжаетъ онъ въ гости къ своему подданному? Генрихъ VIII отправляется въ Шотландію, и хочетъ назначить Этельвуда Лондонскимъ Губер-

наторомъ. Король намѣревается выдать сестру свою замужъ, и предлагать руку ея Этельвуду. Ни одинъ Англіійскій или Французскій Король не любилъ такъ своего подданнаго и не дѣлалъ для него столько. Вотъ что предлагаетъ Генрихъ VIII вѣрному своему Этельвуду!—но, о чудо! тотъ отъ всего отказывается: отказывается отъ званія Вице-Короля Англіійскаго, отказывается отъ руки Королевской сестры! И все это для Екатерины! Король предается ужаснѣйшему гнѣву. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы Этельвудъ былъ его затемъ и первымъ министромъ. Онъ грозитъ Этельвуду лишеніемъ званія, лишеніемъ имуществъ, лишеніемъ головы. Какъ онъ былъ добръ до этого, такъ золъ теперь! Онъ самъ уже не помнитъ, что говорить и что дѣлаетъ.

Король уходитъ. Этельвудъ провожаетъ его, и держитъ ему стремя, къ великому негодованію Екатерины, которая должна была бы знать, что таковъ обычай. Екатерина Говардъ любитъ Короля Генриха VIII.

И когда слишкомъ доверчивый Этельвудъ объявляетъ жень, что и онъ выпилъ усыпительное зелье, чтобы и его, какъ прежде ее, сочли мертвымъ и не сдѣлали министромъ или не женили на Королевской сестрѣ; когда онъ отдаетъ ей ключъ отъ могильнаго склепа (замѣьте этотъ ключъ), чтобы она пришла за нимъ, какъ онъ приходилъ за нею, у Екатерины Говардъ нѣтъ для мужа ни нежнаго взгляда, ни поцѣлуя, ни ласковаго слова! Эта сцена ужасна, но она прекрасна. Между-тѣмъ питье производитъ свое обыкновенное дѣйствіе. Этельвудъ засыпаетъ, онъ недвижимъ, холоденъ, мертвъ; вассалы его хоронятъ и кладутъ въ могильномъ склепѣ, отъ котораго ключъ у Екатерины: другой ключъ (замѣьте этотъ другой ключъ) торжественно относятся къ Королю, законному наслѣднику Этельвуда, который умираетъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей.

И такъ вотъ два дѣйствія, приправленные опиумомъ! Трудно объяснить себѣ, для чего Г. Дюма два раза употребилъ это средство, заимствованное у Шекспира: развѣ станемъ предполагать, что онъ этимъ хотѣлъ сдѣлаться вдвое больше Шекспира?

Но вотъ начинается дѣйствіе прекрасное, непредвидѣнное и исполненное занимательности.

Въ третьемъ дѣйствіи Генрихъ VIII у сестры своей, Принцессы Маргериты. И онъ, и она, оплакивають Этельвуда. Неутѣшная Маргерита проситъ у брата ключа отъ могильнаго склепа, въ которомъ поконится прахъ милаго ей Этельвуда. (Обратите вниманіе и на этотъ ключъ.) Потомъ она уходитъ. Когда Генрихъ VIII остается одинъ, въ комнатѣ является тѣнь, женщина, покрытая бѣлымъ покрываломъ, — Екатерина Говардъ! Это она! Вы можете вообразить восторгъ Короля. Онъ говоритъ ей: Ты жена моя! — и идетъ за своимъ канцлеромъ. Она между-тѣмъ вынимаетъ изъ-за пояса ключъ (опять ключъ!) отъ могильнаго склепа, въ которомъ Этельвудъ можетъ умереть за нее. Она не думаетъ о томъ, что онъ скоро проснется и долженъ будетъ скончаться въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ! Она бросаетъ ключъ въ Темзу. Поступокъ ужасный! Поступокъ женщины гнусной! Она вскрикиваетъ: — Я Королева! И дѣйствительно она Королева. Оставаясь одна на сценѣ, она всходитъ на тронъ и садится. Она царствуетъ, и говоритъ: О, зачѣмъ никто меня не видитъ! Тутъ изъ глубины тронной залы является другое привидѣніе. Но въ этотъ разъ оно ужасно. Это молодой человѣкъ блѣдный, въ бѣломъ саванѣ: онъ первый идетъ поздравить Екатерину Говардъ. Вотъ онъ! Онъ приближается къ трону, всходитъ по ступенямъ; онъ уже подлѣ Екатерины. Это Лордъ Этельвудъ!

Дѣйствіе, производимое этою сценою на зрителей, такъ сильно, что въ эту минуту забываешь, какими неувѣроятностями, какимъ оскорбленіемъ Исторіи, какими насильственными средствами она куплена. Подумайте, только, что для этого нужны были двойныя похороны и два воскресенія. Размысливъ объ этой сценѣ, вы находите, что и она тоже ошибка. Екатерина Говардъ гнуснѣйшая изъ женщинъ. Чтобы выйти за Короля, она пожертвовала мужемъ, она подвергла его самой ужасной смерти! Какъ же вы хотите, Г. Дюма, чтобы участіе наше влеклось къ этой женщинѣ жестокой, пошло-честолюбивой, къ этой Екатеринѣ Говардъ, которой никогда не знала Исторія. Неужели же это назначеніе драматическаго поэта? Неужели, клевета на бѣдную женщину, достойную жалости и участія, вы не нарушаете священнѣйшей своей обязанности? Да скажите намъ

еще, какъ эти мертвецы бродятъ днемъ въ Королевскомъ замкѣ, что ихъ никто изъ камеръ-лакеевъ не поймаетъ за савапъ? Но не мѣшайте Г-ну Дюма: ему все это нужно для Драмы и для эффекта.

Занавѣсъ снова подымается, и мы видимъ Екатерину въ одеждѣ Королевы. Она покоится на диванѣ, и во снѣ говорить. Ужасный супругъ ея прислушивается, стараясь угадать ея сновидѣнія. Но она произноситъ слова безъ связи, безъ смысла. Генрихъ VIII уходитъ въ Совѣтъ.

Оставшись одна, она оборачивается, — и кого же видитъ она? — другаго своего мужа, привидѣніе, Лорда Этельвуда. И этотъ, такъ же какъ и новый мужъ, ея не покидаетъ; и ночью и днемъ, онъ всегда съ нею. Если она не видитъ его, то чувствуетъ его дыханіе. Онъ становится передъ нею на колѣни, такъ же какъ прежде, въ счастливые дни любви ихъ; онъ поетъ ей романсы, рассказываетъ ей исторіи. Эта сцена чрезвычайно драматическая, хотя и невѣроятная. Вдругъ Король возвращается изъ Совѣта; онъ стучится въ дверь спальни: дверь не отворяется. Онъ кличетъ: никто не отвѣчаетъ! Онъ прислушивается, и слышитъ мужской голосъ. Этотъ мужчина, запертый съ его женою, смѣется надъ нимъ! До-сихъ-поръ сцена прекрасна. Но тутъ Король выламываетъ двери, и Этельвудъ убѣгаетъ въ потаенную дверь, ему одному известную. Это бѣгство Этельвуда просто подлость. Если онъ хотѣлъ навлечь на Екатерину подозрѣніе, чтобы умереть вмѣстѣ съ нею, такъ онъ упускаетъ весьма хорошій случай. Оставшись одна со своимъ супругомъ и Государемъ, Екатерина не знаетъ, что отвѣчать. Но Генрихъ VIII долго не думаетъ. — Зовите судей Анны Боленъ!

Слѣдующее дѣйствіе написано слишкомъ давно, мы его слишкомъ часто видѣли, чтобы на немъ останавливаться. Королева, обвиняемая своимъ супругомъ, является предъ Парламентомъ, который, по обыкновенію, приговариваетъ ее къ смертной казни. Эти сцены суда и приговора уже всемъ надоели; ихъ вездѣ встрѣчаешь. Но въ ту минуту, когда Королевѣ читаютъ приговоръ, одинъ изъ рыцарей становится на колѣни, и совѣтуетъ ей требовать Суда Божія, предлагая себя въ защитники. Королева соглашается; рыцарь

бросаетъ перчатку, и ее поднимаетъ другой рыцарь въ черномъ оружіи. Наличникъ его опущенъ, но Екатерина узнаетъ его, и вы конечно его узнали: это все тотъ же Этельвудъ.

Пятое дѣйствіе происходитъ въ тюрьмѣ, и этого уже довольно. Мы уже привыкли видѣть мужчинъ и женщинъ, которые въ цѣпяхъ ждутъ казни. И Екатерина Говардъ также ждетъ послѣдняго часа своего. Защитникъ ея, Графъ Суссексъ, побѣжденъ чернымъ рыцаремъ. Она должна умереть. Затѣмъ приходитъ палачъ. При видѣ этого краснаго человека, отъ котораго, право, пора бы уже избавить литературу, надежда снова заражается въ сердца Екатерины. Она проситъ палача бѣжать, уѣхать на нѣсколько дней въ деревню. Палачъ не рѣшается. Екатерина предлагаетъ ему перстень, который стоитъ тысячу гиней, перстень Генриха VIII. Палачъ съ наглостію отвѣчаетъ Англіійской Королевы, что этотъ перстень и безъ того принадлежитъ ему. Онъ даже грозитъ отнять у нея этотъ перстень. Сцена непостижимая! Никогда еще до-сихъ-поръ палачъ не осмѣливался говорить на театрѣ. Палачъ Маріи Тудоръ безмолвенъ; а этотъ разсыпается въ дерзкихъ рѣчахъ и бѣсится. Надобно, впрочемъ, сказать правду, что драматическій палачъ въ первый разъ не является кроткимъ, пѣжнымъ, человѣколюбивымъ, чувствительнымъ, сентиментальнымъ, добродѣтельнымъ изъ смертныхъ.

Наконецъ, види, что Королева скорѣе рѣшится проглотить перстень, чѣмъ отдать ему, палачъ рѣшается взять его, но прежде заставляетъ Королеву поклясться передъ Богомъ, что перстень дѣйствительно стоитъ тысячи гиней. Екатерина, со своей стороны, заставляетъ палача поклясться, не Богомъ, а *младшимъ изъ сыновей его* (о сентиментальность, куда забралась ты!), что онъ уѣдетъ на нѣсколько дней въ деревню. Палачъ уходитъ съ перстнемъ, и уѣзжаетъ. Королева надеется, что такимъ образомъ казнь ея на нѣсколько дней отсрочена. Тщетная надежда: за навѣсомъ, который Г. Дюма повѣсилъ въ тюрьмѣ, и за которымъ стоитъ эшафотъ, вы слышите голосъ герольда, обещающаго тысячу гиней тому, кто, за отсутствіемъ палача, согласится исполнить его должность, съ тѣмъ, что онъ можетъ, если угодно, надѣть маску. Объявленіе герольда раз-

дастся въ несмѣтной толпѣ народа, собравшагося за занавѣсою, чтобы видѣть казнь, — и никто не отвѣчаетъ!

Надежда въ сердцѣ Королевы усиливается. Но вдругъ входитъ челоуѣкъ въ маскѣ. Онъ вызвался заступить мѣсто палача. Вы узнаете его: это все онъ же! Онъ уводитъ Королеву за занавѣсъ: Г. Дюма очевидно родился быть слесаремъ и обойщикомъ, потому что безъ ключей и безъ занавѣсовъ онъ не въ силахъ выдумать ни какого происшествія. Топоръ упадаетъ. Добровольный палачъ, Этельвудъ, отрубаетъ голову Екатерину Говардъ. И потомъ, чтобы благополучно окончить пьесу, Этельвудъ закалывается.

При видѣ подобнаго творенія, умъ впадаетъ въ удивленіе, въ трепетъ, въ нерѣшимость. Вы сами стыдитесь своихъ глазъ, своего вниманія, своей чувствительности. Я говорилъ вамъ, что это сонъ, тяжкія, странныя ночныя грѣзы, фантастическое видѣніе. Надобно бы напасть на это созданіе, разрушить его до основанія; пока не останется убійства на убійствѣ, неправды на неправдѣ, страсти на страсти. Между-тѣмъ въ этомъ чудовищномъ хаосѣ столько удачныхъ мыслей; въ этомъ беспорядочномъ наборѣ словъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, столько счастливыхъ изреченій, противугодно вырываемыхъ у автора положеніями дѣйствующихъ лицъ, что вы никакъ не рѣшитесь поднять руку: сожальте же по крайней мѣрѣ о разстройствѣ ума Александра Дюма!

2. *Turial le rendu*, *Тюріафъ повѣшенный*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюмануара и Мальяра.

Герой этой исторіи Карлъ II. Однажды потѣхалъ онъ на охоту, и заблудился: входитъ въ какую то хижину и видитъ — хорошенькую жену Тюріафа. Тюріафъ, старый солдатъ, страстно любитъ жену свою, и ревнивъ до крайности. Его нѣтъ дома, но, для всякой безопасности, онъ спряталъ въ шкафъ своего пріятеля, который присматриваетъ за его женою. Карлъ II тотчасъ находитъ средство выгнать этого досаднаго шпіона, и остается одинъ съ прекрасною Катериною. Тщетная надежда! Ревнивый Тюріафъ возвращается внезапно, и такъ внезапно, что Карлъ едва успѣваетъ спрягаться, подобно Гернани, въ шкафъ. Догадливый

мужъ беретъ ружье, идетъ къ шкафу, прикладывается, и заставляетъ Карла II наименовать его графомъ Корнуальскимъ, почти также какъ нищій въ Жилбазъ принуждаетъ прохожихъ подавать ему милостыню. Но едва только Тюріафъ пожалованъ въ графы Корнуальскіе, какъ шерифъ объявляетъ ему, что онъ *неукоснительно имѣетъ быть* повѣшенъ за оскорбленіе величества. И дѣйствительно, ему завязываютъ глаза и ведутъ его на казнь; но вдругъ роковая повязка спадаетъ съ глазъ его, и жена подаетъ ему дипломъ на званіе графа Корнуальскаго. И Тюріафъ повѣшенный не повѣшенъ.

5. *Le ménage des ouvriers, Хозяйство Мастеровыхъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи; Гг. Баяра и Варнера.

Бертранъ ремесленникъ бѣдный и чрезвычайно распутный: онъ пьетъ, играетъ, не работаетъ и мучитъ бѣдную жену свою, Маріанну, добродѣтельную изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Бертранъ гуляетъ, а Маріанна работаетъ; Бертранъ дѣлаетъ долги, Маріанна ихъ платитъ; Бертранъ дерется въ хозяйскомъ домѣ, Маріанна умиряетъ хозяина; она избавляетъ Бертрана отъ взятій жандармами; наконецъ Бертранъ, надѣлавъ множество шалостей, принужденъ выѣхать изъ отечества; Маріанна тоже собирается въ дорогу, чтобы слѣдовать за Бертраномъ. Все-тѣ же Маріанна и Бертранъ, Бертранъ и Маріанна. Счастливый путь Бертрану! Счастливый путь Маріаннѣ!

4. *L'Interprète, Переводчикъ*, Комедія въ одномъ дѣйствіи, Гг. Фурнье и Арну (авторовъ Романа «Струэнзе»).

То было во времена Республики, когда Республика воевала со всею Европою. Одинъ молодой Нѣмецъ, чтобы спасти отца своего, отлучается безъ позволенія изъ лагеря; его ловятъ, и онъ долженъ быть приговоренъ къ смерти. Его приводятъ предъ Французскій Военный Судъ. Но этому Суду весьма затруднительно допрашивать подсудимаго Нѣмца. Является одинъ старый сержантъ, и предлагаетъ себя въ переводчики, надѣясь спасти какъ-нибудь несчастнаго рекрута. Тутъ пѣса связывается, развязывается, опять завязывается и все опять развязывается: это написано умно и мило.

5. *La Marchesa*, Мелодрама во многихъ дѣйствіяхъ, сочиненія многихъ авторовъ.

La Marchesa, Маркиза! Это по-Италянски. Писатели новой школы большіе язычники! И если бъ еще они знали правописаніе.... Но возвратимся къ Маркизѣ. Маркиза просто прелестница, которая влюблена въ одного молодого человѣка. По этотъ молодой человѣкъ любить не прелестницу, а одну милую, невинную дѣвушку. Маркиза, въ припадкѣ ревности, убиваетъ эту дѣвушку; а на повѣрку выходитъ, что она убиваетъ собственную свою дочь. «Дочь моя! это дочь моя! милая дочь моя! дитя мое! милое дитя мое!» и прочая, и прочая.

6. *Une Aventure sous Charles IX*, *Приключеніе въ царствованіе Карла IX*, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, и въ прозѣ, ГГ. Фредерика Сулье и Эдмона Бадона.

Г. Сулье, какъ извѣстно, авторъ *Клотильды* и *Ромео*; Дуэль при Кардиналѣ Ришельѣ и Утро въ царствованіе Карла IX доставили Г-ну Бадону нѣкоторую извѣстность въ драматической Литературѣ; но общая ихъ пьеса не исполнила надеждъ и ожиданій, возбужденныхъ ихъ именами. Они хотѣли сдѣлать Комедію свою вмѣстѣ веселою и трогательною: веселость и чувствительность истребили другъ друга въ этомъ длинномъ разглагольствіи въ трехъ дѣйствіяхъ. Составъ пьесы запутанъ, нравы невѣрные, характеры не выдержаны, слогъ дуренъ, — и конецъ разбору.

Въ теченіе минувшаго года семнадцать Парижскихъ театровъ уплатили въ пользу госпиталей 625,222 фр. пошлины; а какъ эта пошлина составляетъ одиннадцатую часть всего сбора, то изъ этого слѣдуетъ, что Парижскіе театры взыскали въ годъ съ публички 6,877,442 франковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Лѣто и выборы занимаютъ Парижанъ болѣе, нежели Словесность, которая тоже испытываетъ на себѣ усыпительное дѣйствіе лѣта и выборовъ. — Нѣсколько новыхъ Романовъ объявлено въ Журналахъ съ тѣмъ равнодушіемъ или съ тѣми умѣренными похвалами, которыя вѣжливость употребляетъ для при-

крытія посредственности. Только Elie Tobias Г-на Шабо-де-Буанш и Clotilde Г-жи Телюсонъ составляютъ нѣкоторое изысканіе: нынѣ, когда Критика жаждетъ превознести до небесъ чей-нибудь Романъ или чью-нибудь Драму, то говорить, что они отличаются «благопристойностью и умеренностью злодѣяній». Г-жа Мортонваль издала Романъ подъ заглавіемъ Monami Norbert: этотъ Норбертъ—Г-нъ Лафиттъ, котораго сочинительница старается представить въ самомъ романическомъ и занимательномъ видѣ.

— Новый Романъ Мишель Рёмона, *Le coeur d'une jeune fille* вовсе не соответствуетъ славѣ и дарованіямъ Гг. Массона, Брюкера и Гозлана: это безвкусная и нелѣпная повѣсть, которую одна дѣвушка (дѣвушка новой школы?) рассказываетъ авторамъ о томъ, какимъ образомъ дважды спасла она свою добродѣтель. Разъ спасла она ее, падвъ на себя грязное бѣлье, которое авторы называютъ эгидою; другой разъ, позволивъ любовнику поцѣловать себя въ самыя уста. Въ первый разъ, эгида оттолкнула отъ нея обожателя; во второй разъ сама дѣвушка нашла, что поцѣлуй былъ холоденъ, хотя длиненъ. Вотъ сердце молодой дѣвушки! Вотъ воображеніе модныхъ авторовъ! Эта эгида безнудна.

— Множество книгъ переводятъ съ Англійскаго. Много выходятъ также брошюры политическихъ и филантропическихъ: между послѣдними примѣчательны своимъ сумасбродствомъ всѣ тѣ, которыя относятся къ преобразованію рода человѣческаго и возрожденію женщинъ. Въ одной изъ книжекъ Журнала *La tribune des femmes* находится статья: «О разводѣ, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи брака».

— Журналъ *Revue de Paris* проданъ съ публичнаго торга за 40,000 франковъ: онъ перемѣнилъ издателей и редакторовъ, но ни мало не улучшился: только, рѣшительнѣе пристаетъ къ оппозиціи и клонится къ республиканской партіи.

— Томы III и IV «Исторіи Реформаціи, Лиги и царствованія Генриха IV», Г-на Капфига, вышли изъ печати. Это сочиненіе получаетъ величайшія похвалы почти отъ всѣхъ Парижскихъ Журналовъ.

— Г. Жюль-Жаненъ накликалъ на себя процессъ необыкновенною плодовитостью своего пера. Прославленный писатель далъ въ «Дѣтскій Журналъ» статейку съ подписью своего имени, подъ заглавіемъ — *Гаспаръ Гаузеръ*. Издателя «Британскаго Эха» потащили его въ Судъ за контрафакцію. По сличенію оказалось, что Г. Жюль-Жаненъ отъ слова до слова списалъ статью свою съ этого Журнала, придѣлавъ къ ней только другое начало: даже опечатки «Британскаго Эха» были въ ней повторены. Согласно заключенію Прокурорскаго стола, Судъ приговорилъ Гг. Жюль-Жанена и директора «Дѣтскаго Журнала» къ уплатѣ 125 франковъ пени, 500 франковъ вознагражденія за убытки, и сверхъ того судебныхъ издержекъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Еще менѣе литературныхъ извѣстій принесли намъ Лондонскіе Журналы за послѣдній мѣсяцъ. Одно твореніе, которое можетъ возбудить общее любопытство, это новый Романъ Г. Моріера, автора Хаджи-Бабы и Зограба, подъ заглавіемъ «Аише, Карская дѣвица» *Ayesha, the Maid of Kars*. Мы удѣлимъ нашимъ читателямъ отрывокъ изъ этого занимательнаго и умнаго творенія въ слѣдующихъ книжкахъ Б. для Ч.

— Съ большею похвалою Журналы отзываються о слѣдующихъ четырехъ произведеніяхъ изящной прозы: *Two Old Men's Tales, Speculation*, Романъ автора «Чертъ и преданія Португаліи», — *The Captives of India*, и *A Widow and a Will*, Г-жи Гофлендъ, извѣстной прелестными повѣстями своими для юношества.

— Начало Іюня въ Лондонѣ — время литературныхъ обѣдовъ. Разныя ученые общества празднуютъ годовичныя свои засѣданія, которыя всегда оканчиваются шумнымъ пиршествомъ и попойкою. Изъ всѣхъ Наукъ Химія отличилась въ нынѣшнемъ году обѣдомъ и винами, но не могла перепить Естественной Исторіи: по части Зоологіи выпито въ одинъ вечеръ 6¼ бутылки вина, и члены Зоологическаго общества большею частью воротились домой, подражая походкѣ любимѣйшихъ четвероногихъ. Литература пила очень посредственно.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Французскія.

GUIDE AUX EAUX MINÉRALES de la France et de l'Allemagne, par M. Isidore Bourdon, docteur en médecine. 1 vol.

MANUEL pratique d'Ophthalmologie, ou traité des maladies d'yeux, par M. Staëber, docteur en médecine 1 vol.

LE VAL D'AMOUR, par Jules de St.-Aure. 4 vol.

TIMON-ALCESTE, ou Le Misanthrope moderne, roman philosophique, par M. Charlemagne; publié par J. Janin, avec sa préface. 2 vol.

QUAND ON A VINGT ANS, Histoire de la rue de Saint-Jaques, par M. Stuart 1 vol.

LA PUCELLE DE BELLEVILLE, roman, par M. Paul de Kok. 2 vol.

LES FEMMES VENGEES, roman, par Ernest Desprez. 2 vol.

LE ROMAN D'ARABELLE, par Jules Saint-Félix. 1 vol.

MON AMI NORBERT, roman, par M. Mortonval. 1 vol.

LE LIVRE DES CONTEURS, etc. Tome Vme.

Англійскія.

ORIGINES BIBLICAE, or Researches into primeval history. By C. F. Beke. 1 vol.

DIVINE PROVIDENCE, or the three cycles of Revelation. By G. Croly. 1 vol.

HISTORY OF SCOTLAND. By Patrick Fraser Tytler. Vol. V.

LETTERS on Political Economy, delivered in the University of Dublin. By M. Longfield. 1 vol.

A HISTORICAL AND STATISTICAL ACCOUNT of New South Wales, both as a penal settlement and as a British colony. By John Dunmore Lang. 2 vols.

NORWAY, Views of wild scenery, and Journal. By Edward Price. 1 vol. 4ts.

EXCURSIONS in the north of Europe. By John Barrow. 4 vol.

LIVES OF NECROMANCERS. An account of the most eminent persons, who have claimed for themselves or to whom has been imputed the exercise of magical powers. By William Godwin. 1 vol.

JEPHTA'S DAUGHTER, a dramatical poem. By J. M. Chapman. 1 vol.

THE BOW IN THE CLOUD, or Negro's memorial A poem. 1 vol.

AYESHA, the Maid of Kars, a novel. By the Author of Hadgi Baba, Zohrab, etc. 4 vol.

THE CAPTIVES OF INDIA, a Tale; a Widow and a Will, a Tale. By Mrs. Holland. 1 vol.

SPECULATION, a novel. By the Author of Traits and traditions of Portugal. 3 vols.

Нѣмецкія.

MEMOIRES des expatriirten Barons von Vegesack, zum Verständniß des gegen ihn im Jahre 1832 vor dem Criminalgerichte zu Stockholm geführten Processes, wegen angeblichen Hochverraths. Von ihm selbst herausgegeben. Leipzig.

ERINNERUNGEN an ausgezeichnete Frauen Italiens, ihr Leben und ihre Schriften. Von C. Münch. Aachen.

DER MENSCH und die Sterne. Fragmente zur Geschichte der Weltseele, von Dr. W. Pfaff. Nürnberg.

BELGIEN und was daran hängt, von E. M. Arndt. Leipzig.

NEUER NEKROLOG der Deutschen. Zehnter Jahrgang. 1832. 2 Theile mit 4 Portraits. Ilmenau.

RATHGEBER für wissbegierige Jünglinge, oder Anleitung zum Studiren für Gymnasialschüler, für solche, die sich selbst unterrichten, oder versäumte Schulstunden nachholen; auch für Eltern, welche die Studien ihrer Söhne leiten wollen. Von J. P. E. Greverus. VIII und 234 S. 8, Bremen.

REINHART FUCHS. Von J. Grimm. Berlin.

JACOBI und die Philosophie seiner Zeit. Ein Versuch, das wissenschaftliche Fundament der Philosophie historisch zu erörtern. Von J. Kuhn. Mainz.

DER GEIST unserer Zeit und das Christenthum, oder Beweis, dass das wahre Bedürfniss der Kirche Christi auch Bedürfniss der Zeit sey. Für Denkende von jeder religiösen, philosophischen und politischen Confession. Von J. F. Petrick. 3 Bände. Stuttgart.

DORFBILDER, mitgetheilt aus dem Nachlasse eines erfahrenen Landpfarrers von H. C. Teleke. Berlin.

LEBENS BESCHREIBUNGEN und Bildnisse Napoleon's, seiner Familie, Verwandten, vertrautesten Marschälle und Generale. Von L. G. Förster. Ronneburg.

JACOB GLATZ, eine biographische Skizze von *J. G. Wenrich*. Mit den Bildnisse des Verewigten. Wien.

DIE HOMÖOPATISCHEN ARZNEIEN in Hauptsymptomengruppen, oder die charakteristischen Eigenthümlichkeiten der homöopathischen Heilmittel, übersichtlich dargestellt von Dr. *Wrelen*. Leipzig.

ANWEISUNG zum heilsamen Wassergebrauche für Menschen und Vieh in den gunstbarsten Krankheiten und Leibesgebrechen von A-Z. Von *Oertel, Kolb und Kirchmayer*. Nürnberg.

DER WEG zum Grabe der Homöopathie. Dem Volke und den Regierern gewidmet von einem practicirenden Arzte. Quedlinburg.

UEBER DEN URSPRUNG und den Werth der Homöopathie. Eine Skizze von Dr. *S. Hahn*. Hamburg.

ANWEISUNG zur sichern Heilung der Knochenbrüche des Ober- und Unterschenkels, durch eine einfache und wohlfeile Maschine. Von *J. H. Schürmayer*. Mit 1 Steindruckt. Freiburg.

DER SCHMIED von Jüterbogk. Chronikensage in Romanzen, von *Friedrich Krug von Nidda*. Leipzig.

DIE BRUEDER, oder das blutige Gespenst von Majolica Eine Räubergeschichte von *L. Scoper*. 2 Theile. Nordhausen.

ARNOLD UND KUNO von Heimburg, die Geächteten, oder die Vernichtung der Vehmme durch die Harzritter. Rittergeschichte von *A. F. A. Leibrock*. Nordhausen.

DER SCHÖNEN XANTALI SCHICKSALE, Thaten und Liebschaften in Amerika. Von *C. F. Fröhlich*. Nordhausen.

LEO, der Kosak, oder Constanze und Cesara, die Liebenden auf der Todtenbahre. Novelle. Von *W. Bronikowski*. Nordhausen.

KASPAR HAUSER, oder die eingemauerte Nonne Wahrheit und Dichtung. Von *L. Scoper*. Nordhausen.

DIE TRUGBILDER der Leidenschaft. Episode aus der Verschwörungsgeschichte im Februar 1832. Von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DER SELBSTMORD auf der Brühl'schen Terrasse. Novelle von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DAS LEBEN im Leichentuche. Enthüllung eines argen Geheimnisses. In Briefen. Berlin.

1717

1718

1719

1720

1721

1722

1723

1724

1725

1726

1727

1728

1729

1730

1731

1732

1733

1734

1735

1736

1737

1738

1739

1740

1741

1742

1743

1744

1745

1746

1747

1748

1749

JACOB GLATZ, eine biographische Skizze von *J. G. Wenrich*. Mit dem Bildnisse des Verewigten. Wien.

DIE HOMÖOPATISCHEN ARZNEIEN in Hauptsymptomengruppen, oder die charakteristischen Eigenthümlichkeiten der homöopathischen Heilmittel, übersichtlich dargestellt von Dr. *Wrelen*. Leipzig.

ANWEISUNG zum heilsamen Wassergebrauche für Menschen und Vieh in den gunstbarsten Krankheiten und Leibesgebrechen von A-Z. Von *Oertel, Kolb und Kirchmayer*. Nürnberg.

DER WEG zum Grabe der Homöopathie. Dem Volke und den Regierungen gewidmet von einem practicirenden Arzte. Quedlinburg.

UEBER DEN URSPRUNG und den Werth der Homöopathie. Eine Skizze von Dr. *S. Hahn*. Hamburg.

ANWEISUNG zur sichern Heilung der Knochenbrüche des Ober- und Unterschenkels, durch eine einfache und wohlfeile Maschine. Von *J. H. Schürmayer*. Mit 1 Steindruckt. u. f. l. Freiburg.

DER SCHMIED von Jüterbogk. Chronikensage in Romanzen, von *Friedrich Krug von Nidda*. Leipzig.

DIE BRUEDER, oder das blutige Gespenst von Majolica. Eine Räubergeschichte von *L. Scoper*. 2 Theile. Nordhausen.

ARNOLD UND KUNO von Heimburg, die Geächteten, oder die Vernichtung der Vehmde durch die Harzritter. Rittergeschichte von *A. F. A. Leibrock*. Nordhausen.

DER SCHÖNEN XANTALI SCHICKSALE, Thaten und Liebschaften in Amerika. Von *C. F. Fröhlich*. Nordhausen.

LEO, der Kosak, oder Constanze und Cesara, die Liebenden auf der Todtenbahre. Novelle. Von *W. Bronikowski*. Nordhausen.

KASPAR HAUSER, oder die eingemauerte Nonne. Wahrheit und Dichtung. Von *L. Scoper*. Nordhausen.

DIE TRUGBILDER der Leidenschaft. Episode aus der Verschwörungsgeschichte im Februar 1832. Von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DER SELBSTMORD auf der Brühl'schen Terrasse. Novelle von *Fr. Laun*. Neuhaldensleben.

DAS LEBEN im Leichentuche. Enthüllung eines argen Geheimnisses. In Briefen. Berlin.

APR 7 - 1939

